3 1761 07035200 0

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/obzornoviesherus01dovn

Профессоръ
М. В. Довнаръ-Запольскій.

ОБЗОРЪ
НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ТОМЪ I.

Имѣются въ продажѣ книги того же автора:

Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. К. 1901 г.

Очерки по исторіи организаціи западно-русскаго крестьянства в XVI в. К. 1905.

Идеалы декабристовъ. К. 1907 г.

Мемуары декабристовъ (Записки, письма, показанія, проэкты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей). К. 1907.

Тайное общество декабристовъ М. 1907 г.

Украинскія староства въ первой половинѣ XVI в. К. 1908 г.

Веревныя и разрубныя книги Сѣвернаго края. С.-П.-Б. 1905 г.

Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. К. 1891 г.

Акты Литовско-русскаго государства. В. I. (1340—1524 г.) М. 1890 г.

Баркулабовская лѣтопись. К. 1909 г.

Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Т. I. М. 1897 г.

Изслѣдованія и статьи. Т. I. Этнографія и соціологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. К. 1909.

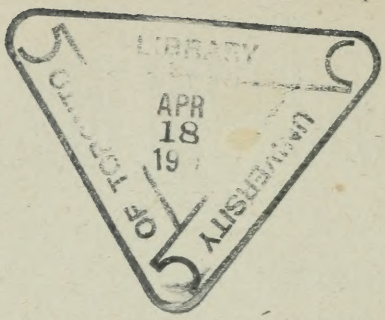
(Статьи: Очерки семейственнаго обычнаго права крестьянъ Минской губ. Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ. Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ. Женская доля въ пѣсняхъ Пинчуковъ. „Гапонъ“, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ. В. Дунинъ-Марцинкевичъ и его поэма „Тарасъ въ Парнасѣ“. Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVI—XVIII в. в. В. В. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе. Бѣлоруссы, этногр. очеркъ. Бѣлорусское прошлое. Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи. Свадебныя пѣсни Пинчуковъ. Первобытныя формы брака.

(См. 3 стр. обл).

Профессоръ
М. В. Довнаръ-Запольскій.

ОБЗОРЪ
НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ТОМЪ I.



DK
189
D6
t.1.

КІЕВЪ — 1912.
Типографія И. И. Чоколова, Б.-Житомірская № 20, с. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА. I. **Наканунѣ XIX вѣка** 1
Мощный ростъ государства въ XIX вѣкѣ. Петровское государство. Ростъ сословныхъ началъ въ XVIII в. Императрица Екатерина II, князь М. М. Щербатовъ, Радищевъ и другіе публицисты эпохи. Ростъ политическаго самосознанія въ обществѣ.

ГЛАВА II. **Императоръ Павелъ** 14
Ужасъ эпохи. Тысячи указовъ. Придворный этикетъ и высота императорскаго достоинства. Романтизмъ и романы императора. Переворотъ.

ГЛАВА III. **Императоръ Александръ I** 24
Какъ восхищались императоромъ и какъ его осуждали современники. Императоръ продолжаетъ быть сфинксомъ для исторической науки. Чѣмъ былъ и казался наслѣдникъ престола? Сомнительный либерализмъ императора. Какъ умѣлъ императоръ представляться окружающимъ людямъ? Самолюбіе и подозрительность государя. Кому онъ вѣрилъ и кто его обманывалъ? Сходство характеровъ императоровъ Александра I и Павла.

ГЛАВА IV. **Первые шаги новаго правленія** 49
Восторги общества. „Старики“ и „молодые“ сотрудники. Вопросъ о правахъ Сената и работы Негласнаго Комитета. Результаты.

ГЛАВА V. **М. М. Сперанскій** 62
Біографическая справка. Кругъ работъ въ періодъ возвышенія. За что былъ удаленъ Сперанскій. Въ ссылкѣ. Значеніе государственной дѣятельности Сперанскаго, неизмѣняемость его убѣжденій. Современная наука о Сперанскомъ. Ученіе Сперанскаго о существѣ верховной власти и о законѣ. Характеръ его конституціи. Другія стороны дѣятельности Сперанскаго. Враги и друзья Сперанскаго.

ГЛАВА VI. **Логика войны двѣнадцатаго года** 98
Требованія политики и требованія личнаго чувства. Мечты и дѣйствительность—Аустерлицкое пораже-

ніе. Отъ Тильзита до Эрфурта. Генералы и дамы дѣлаютъ политику. Взаимное недовѣріе двухъ друзей. Восточный вопросъ, или разсказъ о томъ, какъ дѣлили шкуру неубитаго медвѣдя. Въ Эрфуртѣ. Польскій вопросъ. Воздѣйствіе реальныхъ интересовъ.

ГЛАВА VII. **Отечественная война** 119

Балъ въ Вильнѣ. Русское общество и его отношеніе къ французамъ. Силы обѣихъ армій. Былъ ли Наполеонъ прежнимъ полководцемъ? Отступательный планъ русскихъ. Что знали русскіе генералы о планѣ нѣмецкаго генерала Фуля? Логика отступленія.

ГЛАВА VIII. **Императоръ Александръ и война** 132

Съ точки зрѣнія императора Александра война приняла характеръ личной борьбы. Старшіе генералы и приставленные къ нимъ императоромъ младшіе генералы. Переписка съ тѣми и другими императора. Распоряженія изъ центра—императоръ руководитъ войной. Кутузовъ и помощь св. Николая Чудотворца. Заботы барона Штейна и другихъ иностранцевъ о направленіи русской арміи въ пользу Пруссіи. Какъ въ умахъ общества отражалось отступленіе русской арміи. Потеря Москвы, національное воодушевленіе. Политика Священнаго Союза.

ГЛАВА IX. **Эпоха реакціи. Публицистика** 163

Подражательность всему западно-европейскому смѣняется обращеніемъ ко всему русскому. „Русскій Вѣстникъ“ С. М. Глинки. Поиски „русскаго духа“. „Сынъ Отечества“ Греча, его филиппики противъ Наполеона. Журналы противъ просвѣщенія. Служебныя неудачи адмирала Шишкова и его политическія идеи, основанныя на археологіи. Развязный патріотизмъ графа Растопчина, его чиновно-дворянская идеологія. Поиски Карамзиномъ надлежащаго политическаго тона. Сущность его политической мудрости. Записка о старой и новой Россіи—политика, основанная на археологіи. Апоѳеозъ россійскаго самодержавія.

ГЛАВА X. **Исканіе религіи** 195

Смѣна вольнодумства поисками Бога. Проповѣдь Жозефа Де-Местра. Дѣятельность іезуитовъ. Латинскіе патеры и великосвѣтскія дамы. Реакціонное направленіе русскаго масонства. А. Ѳ. Лабзинъ, его христіанская философія и „Сіонскій Вѣстникъ“.

Скопческая ересь въ Петербургѣ и радѣнія Татариновой. Бароннесса Крюднеръ, переходъ отъ поклонниковъ къ богоисканію. Ученіе и вліяніе Крюднеръ. Безпочвенность русскаго мистицизма.

ГЛАВА XI. **Князь А. Н. Голицынъ и торжество правовѣрія** 218

Молодой атеистъ превращается волею царя въ синодальнаго оберъ-прокурора. Обращеніе князя Голицына, его борьба со своими страстями, Богъ и сатана. Библейское Общество и усердіе провинціальнаго чиновничества. Общество борется противъ сатаны и выдвинутаго послѣднимъ просвѣщенія. Какъ православные русскіе люди молились и вѣрили. Біографія архимандрита Фотія, его борьба съ дьяволомъ въ образѣ женщинъ. Фотій вооружается противъ мистиковъ и яда германской философіи. Старецъ и его духовная дщерь графиня Орлова. Проповѣдь Фотія открываетъ походъ противъ князя Голицына. Вмѣшательство Провидѣнія Божія, паденіе князя Голицына.

ГЛАВА XII. **Правительственная политика и народное образованіе.** 251

Нѣсколько словъ о государственномъ характерѣ образованія въ XVIII вѣкѣ. Высокія задачи Екатерининской школы. Зависимость первыхъ постановленій о школѣ Александровскаго періода отъ предшествующаго. Новые Александровскіе университеты. Недостатки средней школы и новыхъ университетовъ. Походъ противъ университетовъ. Министерство духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія. Ученый Комитетъ министерства начинаетъ борьбу противъ растлѣвающаго духа Западной Европы. Попытки обосновать просвѣщеніе на началахъ Священнаго союза.

ГЛАВА XIII. **Л. М. Магницкій и университеты** 251

Нѣсколько словъ изъ его біографіи, страсть къ доносамъ. Ревизія Казанскаго университета. Магницкій-казанскій попечитель. Обученіе покорности. Характеръ обновленнаго университета. Судъ надъ профессоромъ Солнцевымъ. Изгнаніе Руничемъ профессоровъ Германа, Арсеньева, Галича, Раупаха.

ГЛАВА XIV. **Цензура** 299

Циркулярные наросты на либеральномъ уставѣ 1804 г. Цензурные курьезы. Цензурный проэктъ Магницкаго, его извѣты; одна строка русскаго профессора потрясаетъ троны. Министерство Шишкова—ворчливая нянька.

ГЛАВА XV. **Нѣсколько замѣчаній о положеніи военнаго дѣла и о внѣшней политикѣ** 301
Личные интересы государя. Солдатское и ученіе и солдатскій туалетъ. Недовольство общества внѣшней политикой.

ГЛАВА XVI. **Графъ А. А. Аракчеевъ и военныя поселенія** 307
Біографическія справки объ Аракчеевѣ, отзывы современниковъ о немъ. Грузинскій вотчинникъ. Что объединяло императора и временщика? Благоустройство военныхъ поселеній. Ихъ отрицательная сторона.

ГЛАВА XVII. **Господство бюрократіи. Центральное управленіе** . . 326
Первыя министерства. Первыя проявленія министерскаго произвола. Комитетъ министровъ. Поглощеніе Комитетамъ Министровъ компетенціи Государственнаго Совѣта. Паденіе власти и престижа Сената. Министры постепенно освобождаютъ себя отъ надзора высшихъ учрежденій и отъ представленія имъ отчетовъ. Факты изъ исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ министерствъ, вѣдомство Синодальное.

ГЛАВА XVIII. **Характеръ бюрократическяго режима. Мѣстная администрація** 350
Отзывы современниковъ о характерѣ водворившагося бюрократическаго режима. Усиленіе произвола мѣстной администраціи. Отдѣльные факты. Причины.

ГЛАВА XIX. **Бюрократія и сословное самоуправленіе. Нѣсколько замѣчаній о положеніи крѣпостного крестьянства** . . 364
Дворянская Грамота Екатерины II. Отрицательное отношеніе государя къ дворянству. Дворянскія выборныя должности постепенно подчиняются власти губернаторовъ. Бѣгство дворянъ отъ выборной службы. Отношеніе правительства къ дворянскимъ депутаціямъ. Столкновенія между дворянствомъ и администраціей. Правительство и городское самоуправленіе. Бюрократія захватываетъ управленіе въ городахъ. Паденіе городского самоуправленія. Крестьяне. Неуспѣхъ закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Ухудшіе положенія крестьянъ.

ГЛАВА XX. **Итого предыдущаго изученія и экономическая политика правительства** 383
Моменты политическаго роста дворянства въ связи съ моментами его экономическаго окрѣпленія. Значеніе Екатерининскаго періода въ исторіи нашей промышленности и торговли. Характеръ оживленія торговаго обмѣна въ началѣ XIX вѣка. Политиче-

скія требованія дворянства. Сдвигъ въ области крѣпостного права. Конкуренты дворянской фабрикѣ. Русскій вывозъ. Колебанія въ положеніи государственныхъ финансовъ. Тарифная политика и дворянскій вопросъ. Значеніе эпохи въ дѣлѣ установленія полицейско-бюрократическаго режима.

ГЛАВА XXI. **Декабристы** 407

Источники либеральнаго настроенія въ обществѣ. Краткая исторія тайныхъ обществъ. Пестель, Рылѣевъ и другіе руководители изъ. Конституціи Муравьева и Пестеля.

Перечень важнѣйшихъ литературныхъ пособій . . . 421

Оглавленіе.

ГЛАВА I.

Наканунѣ девятнадцатаго вѣка.

Мнѣ хотѣлось бы въ первомъ моемъ чтеніи дать самую сжатую и общую характеристику того положенія, въ которомъ находилась Россія наканунѣ XIX вѣка. Въ эту характеристику хотѣлось бы ввести, какъ свѣдѣнія о матеріальномъ могуществѣ государства, такъ и представить идейное настроеніе общественныхъ элементовъ.

Матеріальный ростъ русскаго государства поражаетъ своимъ крупнымъ масштабомъ. При Петрѣ Великомъ Россія занимала 280 т. кв. миль съ населеніемъ нѣсколько болѣе 10,000,000. Въ теченіе послѣдующаго столѣтія территорія ея выросла на 70 т. кв. миль (352½ т. кв. миль), населеніе выросло въ 3½ раза (36,000,000), въ настоящее время территорія Россіи занимаетъ 394½ т. кв. миль съ населеніемъ въ 135 милліоновъ. Такимъ образомъ, территорія за два вѣка увеличилась почти на 40%, а населеніе въ 13 разъ, а съ 1801 года—въ 3½ раза. За то же послѣднее столѣтіе населеніе Австро-Венгріи увеличилось только въ 2½ раза, Англіи въ 2⅓ и Франціи всего въ 1½ раза. Правда, населеніе за это время увеличивалось частью въ силу естественнаго прироста, частью за счетъ присоединяемыхъ областей. Но тѣмъ не менѣе на государственный организмъ этотъ матеріальный ростъ долженъ былъ оказывать и оказывалъ мощное вліяніе. При этомъ, населеніе сто лѣтъ тому назадъ было крайне неравномѣрно распредѣлено по обширной территоріи. Многія изъ нынѣ густо населенныхъ мѣстностей тогда едва начинали подлежать колонизаціи, напр. вся южная Россія. По росту городовъ можно учесть тѣ глубокія перемѣны, которыя произошли и въ распредѣленіи населенія по территоріямъ и въ распредѣленіи его занятій. Если городскіе центры Великороссіи въ общемъ росли не особенно быстро (населеніе ихъ выросло въ 2—3—4

раза), то населеніе окраинныхъ городовъ даетъ поразительныя цифры въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые города выросли въ 36 разъ (Одесса, Динабургъ), превратившись изъ мелкихъ поселеній въ крупные центры, другіе города выростали въ 14—20 разъ (напр. Харьковъ—въ 16 разъ, Самара, Николаевъ—20—23 раза, Кіевъ, Ростовъ, Либава и Бѣлостокъ—въ 11 разъ). Этотъ ростъ городовъ совершался значительно быстрѣе нежели ростъ городовъ въ старыхъ западно-европейскихъ странахъ, гдѣ даже ростъ англійскихъ промышленныхъ городовъ не превосходитъ увеличенія населенія въ 6—9 разъ, и гдѣ города Франціи и Испаніи, наприм., успѣли вырости всего въ $1^1/_4$—3 раза. Ростъ столицъ представляется также довольно сильнымъ. Въ началѣ XIX вѣка Петербургъ имѣлъ не болѣе 220 т. жителей (безъ войска), а Москва до 240 т. Это значитъ, что населеніе Петербурга за этотъ періодъ увеличилось въ $8^1/_2$ разъ, а Москвы въ 6 разъ. За тотъ же періодъ, т. е. за сто лѣтъ, обороты русской внѣшней и внутренней торговли увеличились въ 10—12 разъ, а фабрично-заводское производство увеличилось въ 100 разъ по размѣру производства, а по числу рабочихъ—почти въ 18 разъ. Соразмѣрно росту государства выразились и его расходы. Государственный бюджетъ выросъ въ 19 разъ, а государственные долги въ 24 раза.

Я далъ небольшую справку о томъ, что представляла собою матеріальная мощь государства 100 лѣтъ тому назадъ. Но насъ въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ интересовать не эта сторона дѣла. Мы поставимъ на первый планъ изученіе идейнаго содержанія общества. Поэтому намъ необходимо съ бо́льшей подробностью уяснить себѣ соотношеніе общественныхъ силъ того періода, отъ котораго отправляется наше дальнѣйшее изученіе.

Прежде всего два слова о значеніи XVIII вѣка въ русской исторіи. Этотъ періодъ суммируетъ и нивеллируетъ тѣ соотношенія, которыя намѣтились къ концу XVII столѣтія въ области политической и соціальной.

Въ области политической предшествующій періодъ, до XVIII вѣка, выработалъ традицію власти неограниченнаго монарха. Но эта неограниченная монархія опиралась на одновременно выросшіе учрежденія и обычаи, по существу умѣрявшіе проявленіе личнаго деспотизма монарха. Такими учрежденіями были боярская дума и земскій соборъ. Власть монарха проявлялась черезъ нихъ, и традиціонная обязанность монарха совѣщаться не давала

мѣста личнымъ порывамъ, проявленію личныхъ тенденцій. Это имѣло и плохія и хорошія стороны, но больше — хорошія. Съ другой стороны, въ Москвѣ были тверды старинные демократическіе устои: возможность обратиться съ челобитьемъ къ самому монарху была первымъ такимъ обычаемъ, вторымъ условіемъ— былъ оригинальный московскій демократизмъ, въ силу котораго спина и голова, какъ высшаго боярина, такъ и послѣдняго мужика всецѣло принадлежали монарху. На мѣсто этихъ традицій Петровское государство ставитъ высокія задачи. Но эти задачи, чисто теоретическаго свойства, не могли привиться къ русскому государственному строю. Эти задачи заключались въ признаніи того, что государь есть первый слуга государства, пекущійся о благѣ его, и всѣ подданные должны служить благу государства; но государь самъ опредѣляетъ, что́ есть благо для государства и что́ есть вредъ. Послѣдняя теорія не противорѣчила московскому порядку и легко держалась на практикѣ въ XVIII вѣкѣ, но первая оказалась слишкомъ отвлеченной и на практикѣ неприложимой. Цѣпь случайныхъ обстоятельствъ сдѣлала такъ, что преемники Петра Великаго оказались людьми, менѣе всего подготовленными къ власти, да еще понимаемой такъ высоко, какъ ее понималъ Великій Преобразователь. До Екатерины II—это случайные люди на престолѣ, люди безъ традицій, безъ образованія, безъ государственной программы,—тѣни, которыя смѣнялись въ Петербургскомъ дворцѣ. Государственный корабль направлялся случайными людьми, фаворитами, которые побуждали власть творить добро и зло по произволу, которые личную волю представителя власти поставили на мѣсто закона, обычая и традиціи.

Въ области соціальнаго строя уже московскій періодъ выработалъ идею всеобщаго тягла, которое обязаны нести всѣ подданные. Въ демократическомъ московскомъ строѣ стали наростать сословныя подраздѣленія. Петръ Великій придалъ этимъ явленіямъ отчетливость и ясную юридическую конструкцію. Признавъ принципъ, что всѣ должны служить государству, онъ, во-первыхъ, обратилъ на службу государству всѣ такіе общественные элементы, которые службой не были обязаны до того времени. Затѣмъ онъ каждой общественной группѣ, сословію, далъ опредѣленную службу. Шляхетство было обязано военной и гражданской службой, духовенство было обязано молиться, городской классъ — давать подати на питаніе государственныхъ нуждъ, а

крѣпостное крестьянство, сверхъ податей, — давать кормъ шляхетству, плохо оплачиваемому государевымъ жалованьемъ. Юридическое положеніе сословій было строго опредѣлено, но это опредѣленіе выражалось только въ фиксированіи ихъ обязанностей, государственнаго тягла.

XVIII вѣкъ вырабатываетъ въ этомъ направленіи новыя струи. Шляхетство, оформленное указами для службы, начинаетъ проявлять стремленія къ сословному единству. Но уже вскорѣ послѣ Петра Великаго тяжесть обязанностей шляхетства ослабѣваетъ и взамѣнъ ихъ вырисовываются льготы, присваиваемыя высшему сословію. Шляхетство въ службѣ находитъ свою выгоду, да и служба становится болѣе легкой и короткой. Положеніе шляхетства, какъ господствующаго класса, превращается въ привилегированное. Быть шляхтичемъ—дѣлается уже правомъ. Сословныя тенденціи проникаютъ въ общество. Интересно, какъ постепенно онѣ наростаютъ. Петръ Великій кнутомъ и висѣлицею загонялъ шляхтичей въ службу, съ помощью царской дубинки обучалъ ихъ математикѣ и другимъ потребнымъ для государственной службы науками. Въ XVIII вѣкѣ уже создается циклъ особыхъ „шляхетскихъ“ наукъ. Уже коллежскіе юнкера при Аннѣ Іоанновнѣ должны были отличаться отъ „подлыхъ“ людей тѣмъ, чтобы пудрились каждый день и пріобрѣтали бы особыя шляхетскія манеры. Позже появляется шляхетскій Сухопутный корпусъ. Тутъ уже учатся рыцарскимъ наукамъ: шпажному дѣйству, лошадиной ѣздѣ, чужестраннымъ языкамъ, морали, геральдикѣ, танцамъ, музыкѣ, на ряду съ грамматикой, юриспруденціей, артиллеріей и фортификаціей. Общество развивается. И если раньше оно подражало западу только во внѣшнемъ отношеніи, то подъ напудренные парики къ концу вѣка проникаютъ западно-европейскія идеи: теоретическая мысль закрѣпляетъ то, что выработалось практикой жизни.

Екатерининская эпоха уже представляетъ собою пышный расцвѣтъ съ одной стороны сословныхъ тенденцій, а съ другой стороны пробужденія политической мысли.

Сама императрица Екатерина II великолѣпно отражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ и частью въ законодательствѣ наросшее общественное настроеніе. Екатерининская эпоха является разрѣзомъ въ новой русской исторіи. Она довершила начала, заложенныя Петромъ Великимъ, и въ то же время закрѣпила, по крайней мѣрѣ отчасти, ростъ общественныхъ идей въ томъ видѣ, какъ

онѣ развились къ этому времени. Въ лицѣ императрицы является государь, отчетливо понимающій требованія общества и въ то же время лично дорожащій и высоко держащій прерогативы неограниченнаго монарха. Она по своему стремилась удовлетворить общество и примѣнить его требованія къ неограниченнѣйшей власти. „Двѣ есть оссы (оси)“,—писала она,—„на которыхъ должна вертѣться вся громада законовъ: первая—юстіицкая голова съ ея отраслями, а просто сказать правило о безопасности особъ всякаго жителя имперіи; другая ось есть о владѣніи имѣніемъ всякой особы съ наслѣдствы, или безопасность въ владѣніи имѣніемъ всякой особы въ имперіи. Если около сихъ двухъ безпрепятственно будутъ колеса вертѣться, т. е. безпрепятственно правосудіе будетъ имѣть теченіе, то можно почесть, что государство приведено въ твердое состояніе, понеже всякій живущій въ имперіи будетъ тогда почитать, что его благополучіе зависитъ отъ непремѣнныхъ оныхъ узаконеній“. Это — элементарное опредѣленіе примитивныхъ правъ личности. Но императрица-публицистъ понимала, что общество можетъ не остановиться на признаніи элементарныхъ его правъ. Въ ея сочиненіяхъ можно найти много красивыхъ словъ, посвященныхъ свободѣ личности. Она развивала ту мысль, что гражданскія права личности достаточно обезпечены въ монархіи: „свобода—душа всего на свѣтѣ... Безъ нея все мертво“, заявляетъ императрица. Но на государство она смотритъ съ точки зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма. Государственная власть основана на высокихъ качествахъ монарха и на довѣріи къ нему народа: „власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ“; граждане и при самодержавіи не должны быть лишаемы „естественной ихъ вольности“, а самыя дѣйствія монарха должны быть направлены „къ полученію самаго большого отъ всѣхъ добра“. Но Екатерина съ осторожностью нигдѣ не объясняла, кто будетъ оберегателемъ правъ и законнаго порядка въ государствѣ. Въ сущности получался заколдованный кругъ: Екатерина хотѣла видѣть въ своихъ подданныхъ „не рабовъ, а людей, повинующихся законамъ“; при этомъ власть должна основываться на довѣріи народа. Но народъ этотъ безпрекословно долженъ повиноваться власти.

Екатерина высказывалась и по соціальнымъ вопросамъ. Она сама очень чтила „древніе роды“. Съ ея точки зрѣнія каждое сословіе въ государствѣ имѣетъ „свой жребій“, опредѣляемый рожденіемъ. Жребій земледѣльца, объясняетъ Екатерина въ Наказѣ, обрабатывать землю, горожанина—упражняться въ ремеслахъ и

художествахъ, а „дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кто онымъ украшенъ“; каждое сословіе имѣетъ и опредѣленное занятіе.

Екатерина въ своихъ сочиненіяхъ отразила тенденціи общества. Въ законодательствѣ она въ извѣстной мѣрѣ пошла въ направленіи этихъ тенденцій. Въ самомъ дѣлѣ, изданіе Жалованной Грамоты дворянству имѣло своей цѣлью удовлетворить стремленіямъ этого класса населенія. Ту же цѣль преслѣдовало Городовое положеніе. Но всѣмъ этимъ наросшія потребности удовлетворялись въ весьма скромномъ масштабѣ. Въ Жалованной Грамотѣ дворянству хотя и отличены „древніе роды“, но все же дворянство могло получаться чинами и простымъ пожалованіемъ, самоуправленіе дворянское не было поставлено на прочную почву и т. п. Для крестьянъ во всякомъ случаѣ ничего не было сдѣлано и положеніе этого обширнаго класса безспорно ухудшилось.

Но надо замѣтить, что сама императрица Екатерина II крѣпко задумывалась надъ вопросомъ о приданіи болѣе раціональнаго характера выработкѣ новыхъ законовъ для обширной имперіи. Сравнительно недавно были открыты выписки, сдѣланныя императрицей изъ трудовъ англійскаго юриста Блэкстона. Среди этихъ выписокъ имѣется набросокъ проэкта особой Расправной Палаты при Сенатѣ, въ составъ которой входитъ по три депутата отъ каждой губерніи, одинъ отъ дворянъ, другой отъ горожанъ и третій отъ поселянъ. Въ одномъ изъ департаментовъ этой палаты должны составляться законы, одинъ изъ департаментовъ вѣдаетъ „Верховный Уголовный Судъ“. Правда, эти наброски нисколько не имѣли въ виду измѣненій въ существѣ самодержавной власти, слѣдовательно, это былъ только Совѣтъ при императрицѣ, но такой, члены котораго долженствовавали бы пользоваться „всякою безопасностью въ отправленіи ихъ должности“, они пользовались бы по существу законодательной иниціативой и т. п. Мало того, въ 1787 году императрицей былъ даже заготовленъ проектъ Манифеста, расширяющій права Сената, хотя и въ меньшей степени, нежели предполагали это указанные нами наброски. Вообще Екатерина II нѣсколько разъ возвращалась къ мысли о реформѣ Сената и о приданіи ему извѣстнаго участія въ законодательной дѣятельности.

Это обстоятельство, именно связь проэктовъ Екатерины съ расширеніемъ правъ Сената, придавало этому учрежденію въ глазахъ Екатерининскихъ дѣльцовъ, ставшихъ впослѣдствіи совѣт-

никами императора Александра I, особое значеніе, окружало Сенатъ извѣстнаго рода ореоломъ, и люди, выросшіе въ школѣ великой государыни вернулись въ извѣстной мѣрѣ къ ея проэктамъ въ первые годы царствованія ея внука.

Но мы разсматривали позицію, занятую самодержавнымъ монархомъ, правда, умнымъ и чуткимъ. Для насъ важнѣе вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ въ самомъ обществѣ проявлялись тенденціи, за которыми мы слѣдимъ.

Знаменитая Екатерининская коммиссія 1767 года является лучшимъ отраженіемъ сословныхъ притязаній, наросшихъ къ тому времени. И, можетъ быть, наиболѣе чуткимъ представителемъ этихъ направленій является знаменитый публицистъ и историкъ эпохи кн. М. М. Щербатовъ. Онъ въ своихъ рѣчахъ въ Екатерининской Коммиссіи, въ своихъ публицистическихъ сочиненіяхъ нерѣдко возмущается „подлымъ“ происхожденіемъ нѣкоторыхъ родовъ россійскаго дворянства. Въ одной изъ рѣчей въ Коммиссіи онъ вспоминаетъ древность дворянскихъ родовъ, „проліянную“ ими кровь за отечество, и патетически обращается къ старымъ стѣнамъ Московскаго кремля: „Вы будьте свидѣтели мнѣ, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы по волѣ монархини нашей, матери отечества, для нашего благополучія собраны. Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? вы, Божественные храмы, не были ли вы посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, тебѣ руку помощи подалъ? То вѣрные твои чада—древніе россійскіе дворяне. Они тебѣ прежнюю вольность пріобрѣли. Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей, напоминающую ихъ потомкамъ то же исполнять и также жертвовать своей жизнью отечеству, какъ они учинили. Вотъ первое право требованій древнихъ родовъ дворянъ, дабы никто безъ высочайшей власти съ ними сравненъ не былъ“.

Щербатовъ—типичный преставитель эпохи. Въ своемъ разсужденіи о законодательствѣ онъ съ подробностью трактуетъ вопросъ о правахъ россійскаго дворянства. Права дворянина основаны на историческихъ заслугахъ. За эти заслуги дворянство заслуживаетъ изданія „изящныхъ для него правъ“: „а сословіе сіе тако уважить (надлежитъ), чтобы имя дворянина несло съ собою нѣчто толь важное, которое бы къ благородному честолюбію и къ службѣ отечеству каждаго побуждало; учинить входъ въ сіе сословіе толь труденъ, чтобы за вышнее счастіе почитали сію честь получить“. Разумѣется, онъ не доволенъ Жалованной Грамотой дворянству, потому что и въ прошломъ и въ его время

„пронырство и шпильничество“ награждаются столь высокимъ званіемъ: „конфетурщики, шляпники, портные и самыхъ знатныхъ людей сводники, никогда не служа государству, а токмо бывъ ему въ тягость, оное (т. е. дворянское званіе) получили“. Требованія Щербатова идутъ такъ далеко, что онъ рекомендуетъ прекращеніе доступа въ дворянское сословіе и отнятіе нѣкоторыхъ прерогативъ у купцовъ для того, чтобы отдалить ихъ отъ дворянскаго класса.

Для нашей цѣли этого показателя довольно. Но надо не забывать, что и другія сословія не отставали въ требованіи себѣ сословныхъ привилегій. Купечество, напр., тяготилось своимъ положеніемъ тяглецовъ: „чувствительное купцамъ сравненіе ихъ съ крестьянами положеніемъ подушнаго оклада“ — какъ заявляли ихъ представители въ Коммиссіи, приводило все сословіе „въ такую косность, что они сами бытіемъ своимъ стыдились“.

Нѣтъ нужды перебирать всѣ сословныя заявленія, которыя длинной чередой прошли предъ Коммиссіей 1767 года и въ депутатскихъ Наказахъ,—вездѣ одно и то же: каждому сословію тягостливо современное положеніе, ему нужны права и привилегіи. Здѣсь только нѣтъ, или лучше сказать, въ этихъ просьбахъ и наказахъ тщательно укрытъ вопросъ о правахъ политическихъ. Но и онъ трактовался въ Екатерининское время и трактовался въ широкой мѣрѣ.

Къ этой эпохѣ политическое сознаніе общества сдѣлало большіе успѣхи. Если Сумароковскій петиметръ жаловался на то, что онъ родился русскимъ, такъ какъ онъ усвоилъ себѣ изъ обихода западно-европейской жизни только французскую внѣшность, то Екатерининская эпоха богата людьми, усвоившими себѣ и образованіе и идеи расцвѣта французской эпохи. Беря оттуда все лучшее въ идейномъ смыслѣ, они отмѣчаютъ и недостатки просвѣщеннаго запада: тамъ „генерально все хуже нашего“,—писалъ о западѣ извѣстный фонъ-Визинъ: „весьма много свинства“. Однако, отбрасывая западно-европейское свинство, представители тогдашняго общества черпали отсюда идеи религіозныя, политическія и этическія. Кромѣ дисциплины служебной или дворцовой, эти люди стали проникаться „правилами жизни“: „помни, — говорилъ Радищеву умирающій лейпцигскій студентъ Ушаковъ,—что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, чтобы умирать безтрепетно“. И мы знаемъ, съ какими правилами выступилъ въ жизнь другъ

Ушакова, Радищевъ, и къ рѣшенію какихъ насущныхъ вопросовъ жизни онъ подошелъ. Такъ начинала работу политическая мысль, мысль еще не ясная, но она уже пробуждавшаяся.

Политическая мысль принимаетъ двоякое направленіе: съ одной стороны зарождается крестьянскій вопросъ, съ другой стороны подвергается обсужденію объемъ неограниченной власти монарха. „Если бы верховная власть,—говорила Дидро знаменитая Е. Р. Дашкова,—сломавъ нѣсколько колецъ той цѣпи, которая связывала крестьянъ съ помѣщиками, одновременно сдѣлала бы то же и съ цѣпью, держащею дворянъ въ зависимости отъ воли неограниченныхъ монарховъ, я съ восторгомъ подписалась бы подъ такимъ постановленіемъ не чернилами, а кровью“.

И этотъ отзывъ не случайность. Настроеніе русскаго культурнаго общества въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II дѣйствительно отличалось весьма значительнымъ увлеченіемъ и французской просвѣтительной философіей и политическими идеями, провозглашенными французской революціей. Сочиненія Вольтера и Монтескье, Руссо, Мабли и др. внимательно перечитывались и изучались русскими образованными людьми. Первыя же извѣстія о происшедшихъ въ Парижѣ событіяхъ были встрѣчены въ Россіи съ нескрываемой радостью. Появились, повидимому, и зачатки рукописной революціонной литературы (свидѣтельство Болотова). Наставникъ великаго князя Александра Павловича въ религіи и англійскомъ языкѣ, священникъ Самборскій, въ письмѣ къ графу Н. Салтыкову въ весьма тревожномъ тонѣ передаетъ о настроеніи современнаго общества (начало 1790 года): „Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству найужаснѣйшее кровопролитіе“. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что волненія на политической почвѣ охватывали небольшой кругъ придворной и служилой аристократіи: для многихъ изъ нихъ положеніе польскаго вельможи казалось верхомъ политическаго благополучія (заявленіе молодого графа А. Р. Воронцова), но вскорѣ движеніе стало отражаться и въ среднихъ кругахъ дворянства, частью даже въ купечествѣ. Литература того времени весьма богата политической мыслью. Эта мысль представляетъ и крайнія и умѣренныя направленія.

Конечно, лучшимъ представителемъ, наиболѣе яркой широты политической мысли является знаменитый Радищевъ. Онъ ставитъ, подобно княгинѣ, Дашковой тѣ самые два проклятые вопроса, которые волновали Русь въ теченіе всего XIX вѣка—вопросъ о политической свободѣ и вопросъ о раскрѣпощеніи крестьянъ. Въ его знаменитой книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, въ его переводѣ и примѣчаніяхъ къ греческой исторіи аббата Мабли, въ другихъ сочиненіяхъ—вездѣ работаетъ политическая мысль. Вездѣ онъ выступаетъ убѣжденнымъ сторонникомъ народнаго суверенитета: „Самодержавство (онъ этимъ словомъ переводилъ despotisme) есть наипротивнѣйшее человѣческому существу состояніе,—говоритъ онъ въ одномъ изъ примѣчаній къ книгѣ знаменитаго аббата.—Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ права наказывать преступника, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властью закона, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды... Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступникомъ. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества“. Съ точки зрѣнія Радищева самодержавство неудобно даже въ томъ случаѣ, если государь отличается большими достоинствами: подъ сѣнью рабскаго покоя не возрастутъ золотые плоды, ибо царь видитъ въ народѣ лишь „подлую тварь“. И если царь узурпируетъ власть народа, то Радищевъ угрожаетъ ему тѣмъ, что явится мститель. Но Радищевъ касается и другихъ вопросовъ. Трескучій блескъ Екатерининскаго царствованія онъ сравниваетъ съ бѣдностью народа. Съ точки зрѣнія соціальной—для него нѣтъ сословныхъ различій: всѣ люди равны по рожденію. Это подводитъ Радищева къ крестьянскому вопросу. Сочными штрихами онъ рисуетъ ужасное положеніе крѣпостного, тяжелую зависимость его отъ помѣщика; а между тѣмъ крѣпостной такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

Безспорно, по крайности воззрѣній Радищевъ представляетъ собою исключеніе въ тогдашней публицистической литературѣ. Большинство такъ далеко не заходило, довольствуясь болѣе элементарными требованіями, предъявляемыми верховной властью. Ближе къ жизни другой современникъ Радищева, профессоръ Десницкій. Онъ представилъ едва ли не самый ранній проэктъ рос-

сійской конституціи (1768 года). Его проэктъ проникнутъ англофильскими тенденціями. Здѣсь мы встрѣчаемъ предположеніе о выборномъ сенатѣ, съ предоставленіемъ однако полноты законодательной власти государю. Но интересно, что этотъ сенатъ долженъ состоять изъ представителей дворянства, купцовъ, ремесленниковъ и наконецъ „отъ училищъ". Онъ не такъ демократиченъ, какъ взгляды Радищева. Затѣмъ Десницкій предлагаетъ устроить судъ присяжныхъ и пр.

На Радищевѣ и Десницкомъ чувствуется сильный налетъ непосредственнаго вліянія западныхъ идей. Напротивъ, у болѣе умѣренныхъ публицистовъ того же направленія сказывается больше практической сметки, и въ то же время чувствуется большая непосредственость въ сознаніи русской дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи хорошимъ показателемъ настроеній является знаменитый писатель фонъ-Визинъ. Онъ былъ близокъ къ графу Панину, который въ свое время сдѣлалъ попытку предложить Екатеринѣ II подписать проектъ учрежденія Верховнаго Совѣта. Хотя весьма осторожно, но въ этомъ своемъ проектѣ Панинъ подходилъ къ нѣкоторымъ ограниченіямъ верховной власти. Это было замѣчено Екатериной, и уже подписанный ею законъ не былъ обнародованъ. Записка фонъ-Визина, которая является отраженіемъ взглядовъ всего того круга литераторовъ и государственныхъ дѣятелей, въ которомъ вращался писатель, съ большою рѣзкостью обсуждаетъ положеніе государства, находящагося подъ властью монарха. „Верховная власть ввѣряется государю до единой главы его подданнаго, говоритъ онъ въ своей запискѣ". Поэтому „просвѣщенный" монархъ, одаренный высокими качествами самъ пойметъ, „что власть дѣлать зло есть несовершенство и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное свое величество, когда само у себя отъемлетъ возможность къ содѣянію какого либо зла". Фонъ-Визинъ не говоритъ о томъ, какое должно быть государственное устройство, онъ главнымъ образомъ доказываетъ, что власть, ввѣренная одному лицу, даже при вполнѣ просвѣщенныхъ качествахъ монарха, все же будетъ зломъ для подданныхъ. Никакіе самые благіе законы не будутъ имѣть силы, ибо преемникъ можетъ ихъ уничтожить. Самодержецъ окруженъ людьми, „затмевающими передъ нимъ истину". „Гдѣ же произволъ одного есть законъ верховный, тамъ прочная общая связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ то-

го политическаго тѣла, котораго члены соединились бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей: одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не нравъ государя приравнивается къ законамъ, но законы къ его нраву". Но подданные не уважаютъ такого закона, и такимъ образомъ изданные законы не управляютъ обществомъ. „Тутъ подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу". Въ такомъ государствѣ „собственность и безопасность каждаго колеблется, души унываютъ, сердца развращаются, образъ мыслей становится низокъ и презрителенъ". Правосудіе превращается въ одно торжище. Въ такихъ мрачныхъ чертахъ современникъ характеризовалъ строй неограниченной монархіи, несмотря на то, что во главѣ ея тогда стоялъ просвѣщенный монархъ, самъ стремившійся къ изданію прочныхъ законовъ. И такъ говорилъ человѣкъ, судя по сотрудничеству его въ проектѣ Панина, вовсе не мечтавшій о весьма широкихъ ограниченіяхъ верховной власти. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ послѣдній проэктъ на первый планъ выдвигалъ собственно только дворянское сословіе. Верховный Сенатъ долженъ былъ состоятъ частью изъ избираемыхъ членовъ отъ дворянства, частью изъ назначаемыхъ отъ короны; Синодъ входитъ въ составъ Сената. Дворянство въ губерніяхъ имѣетъ совѣщаніе о нуждахъ и представляетъ о нихъ Сенату. Сенатъ обсуждаетъ законы, утверждаемые государемъ.

Къ тому же сравнительно умѣренному лагерю принадлежитъ и князь М. М. Щербатовъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ касается, какъ теоретическихъ вопросовъ о существѣ государственнаго правленія, такъ и выдвигаетъ планъ по его мнѣнію необходимой реформы. По его мнѣнію, наилучшій способъ правленія — „монаршическій", подъ которымъ тогда разумѣли ограниченную монархію: „необходимо нужно государю имѣть совѣтъ, сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ людей его народа". Совѣтъ нуженъ потому, что мало бываетъ такихъ монарховъ, которые удержались бы отъ проявленія самовластія, вслѣдствіе честолюбія, страстей и „ацкаго чудовища" —лести. Самовластное правленіе есть „мучительство, въ коемъ нѣтъ иныхъ законовъ, окромѣ безумныхъ своенравій деспота... Подъ симъ правленіемъ народъ стонетъ въ неволѣ, воинъ болѣе старается угодить, нежель дѣлать свою должность, судія продаетъ правосудіе". Народу не приходится радоваться, если даже издается хорошій законъ, потому что онъ всегда можетъ быть отмѣненъ.

Вообще Щербатову кажется ужаснымъ, что милліоны людей могутъ быть сравнены со скотами. Далѣе онъ доказываетъ, что самовластный государь не можетъ знать всѣхъ нуждъ народа, во все вникнуть, ему препятствуютъ законодательствовать льстецы, ибо никто не рѣшится противорѣчить сочиненнымъ государемъ законамъ, но всѣ будутъ говоритъ: „божественно“, „премудро“, „преполезно“, а народъ будетъ стонать. Поэтому должны законы сочиняться „какимъ либо обществомъ“. Это „общество“ и должно составить законодательное собраніе, въ которомъ и разсматриваются законы. Щербатовъ не опредѣляетъ точнѣе, какъ это собраніе составляется. Онъ только поясняетъ, что это собраніе должно издать прежде всего такіе законы, въ которыхъ постановлялось бы, что монархъ не есть вотчинникъ своей страны и затѣмъ должны быть изданы такія правила, которыя касались бы престолонаслѣдія, господствующей религіи, опредѣленія налоговъ и пр.

Такимъ образомъ богатая литература Екатерининской эпохи выставляла болѣе или менѣе широкія требованія ограниченія самодержавной власти. Такъ, на порогѣ XIX вѣка зарождается политическая мысль, выставляющая опредѣленный тезисъ. Этотъ тезисъ и перешелъ въ XIX столѣтіе. Зародившаяся наканунѣ XIX вѣка интеллигенція восприняла этотъ тезисъ вмѣстѣ съ другимъ, выдвинутымъ тогда же,—вмѣстѣ съ мыслью о необходимости раскрѣпощенія крестьянъ. И эти два мотива красной нитью проходили черезъ исторію всего послѣдняго столѣтія, пока не получили своего разрѣшенія. Такимъ образомъ, общественное сознаніе XIX столѣтія, воспринявъ идеи, зародившіяся въ Екатерининскую эпоху, разрабатывало ихъ, боролось за нихъ, страдало за нихъ, пока, наконецъ, не достигло ихъ осуществленія.

ГЛАВА II.

Императоръ Павелъ.

Кратковременное царствованіе императора Павла имѣло глубокія послѣдствія въ исторіи нашей общественности. Оно показало обществу, насколько ничтожны всѣ его пріобрѣтенія, санкціонированныя Екатерининскимъ законодательствомъ.

Цѣлый рядъ условій дѣтства и ранней юности подготовлялъ въ императорѣ Павлѣ тотъ типъ самодержца, который въ немъ отлился. Воспитывали его плохо, обучали также немного. Главный воспитатель будущаго наслѣдника, графъ П. Панинъ, лично обладалъ многими хорошими качествами. Но онъ въ то же время внушалъ умственно-слабому организму многія такія мысли, которыя, претворившись въ головѣ Павла Петровича, получили совсѣмъ иной характеръ. Безспорно, увлеченіе Пруссіей и прусской системой было одной изъ такихъ мыслей. Идею „фундаментальныхъ“ законовъ надо отнести сюда же. Но Панинъ же внушалъ великому князю и мысль о высотѣ императорскаго сана, при томъ о такой высотѣ, которая легко можетъ перейти въ деспотизмъ. Въ наслѣдникѣ престола Панинъ воспитывалъ, въ противоположность Екатеринѣ II, „прирожденнаго государя мужского пола, который могъ бы заниматься обороной государства“. Безспорно, также и то, что юноша выказывалъ раннюю любовь и интересъ къ государственнымъ занятіямъ, порывался вмѣшиваться въ дѣла и особенно стремился къ фактическому веденію военнаго дѣла. Но, можетъ быть, какъ разъ эта склонность, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій, содѣйствовали той нелюбви, которую питала Екатерина къ своему сыну. Она систематически удаляла наслѣдника престола отъ дѣлъ, окружила его шпіонами. Отношенія между „большимъ дворомъ“ и „малымъ“ сдѣлались весьма натянутыми. Павелъ ушелъ въ личную жизнь, разрабатывалъ проекты, о проведеніи которыхъ въ жизнь могъ мечтать только въ томъ случаѣ, если власть перейдетъ въ его руки, и особенно

занялся техникой военной муштры. Екатерина разрѣшила ему имѣть небольшой гарнизонъ въ Гатчинѣ. Такъ какъ людямъ съ положеніемъ служить при опальномъ дворѣ было невыгодно, то въ этотъ маленькій Гатчинскій гарнизонъ попадало все, что не было пригодно для настоящей арміи. Павелъ одѣлъ этотъ гарнизонъ на прусскій образецъ, завелъ въ своихъ войскахъ прусскую дисциплину и съ увлеченіемъ занимался внѣшней выправкой своихъ солдатъ и офицеровъ. Многіе изъ будущихъ дѣятелей его царствованія вышли изъ среды Гатчинскаго гарнизона.

Сдѣлавшись государемъ, Павелъ немедленно сталъ приводить въ дѣйствіе свои взгляды и желанія. Это былъ человѣкъ, много лѣтъ жаждавшій власти, человѣкъ, чувствовавшій тягость униженія, и теперь онъ какъ бы стремился наверстать потерянное. Началось торопливое и суетливое царствованіе, началась такая быстрая смѣна людей, предписаній, законовъ, какая рѣдко замѣчалась даже въ нашей исторіи. Личная воля государя замѣнила законъ: „Одно понятіе: самодержавіе, одно желаніе: самодержавіе неограниченное—были двигатели всѣхъ дѣйствій Павла“,—такъ характеризуетъ эту эпоху баронъ Корфъ. Если кто нибудь имѣлъ неосторожность сослаться на существующій законъ, императоръ приходилъ въ негодованіе: „Здѣсь вашъ законъ“, —ударяя себя въ грудь, говорилъ въ такихъ случаяхъ Павелъ. Кипучая дѣятельность императора обратилась на мелочи повседневной жизни. Появились въ Петербургѣ Гатчинскія войска, которыя теперь заняли доминирующее положеніе въ нашей гвардіи. Старая Екатерининская гвардія, вынесшая столько походовъ, одержавшая столько побѣдъ, была переодѣта въ неудобный прусскій мундиръ, появились косы, букли, пудра. Военное ученіе было поставлено на первомъ планѣ среди всѣхъ государственныхъ заботъ. Императоръ самъ ежедневно являлся на вахтъ-парадъ. Многіе старые генералы, давно уже фактически служившіе по гражданскому вѣдомству, должны были ежедневно маршировать, строго соблюдая высоту поднятаго носка и другія детали. Сотни и тысячи офицеровъ были прогнаны со службы, сосланы въ Сибирь прямо съ вахтъ-парада за малѣйшее упущеніе въ поворотѣ головы; ногъ и т. д. Когда офицеры шли на вахтъ-парадъ, они запасались деньгами, ибо не знали, придется ли имъ вернуться домой. Однажды императоръ сослалъ въ Сибирь весь Измайловскій полкъ, который былъ возвращенъ назадъ, уже въ недалекомъ разстояніи отъ Н. Новгоро-

да. Строгость службы, при томъ службы явно ненужной для военнаго дѣла, приняла небывалые размѣры.

На ряду съ этимъ вниманіе императора было обращено на цѣлый рядъ мелкихъ полицейскихъ предписаній. Вся жизнь обывателя была связана предписаніями, издававшимися ежечасно по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Каждый день могъ принести какую нибудь неожиданность.

Первою мыслью Павла со вступленіемъ на престолъ было покрыть позоромъ память своей матери. Блестящій дворъ измѣнилъ свою физіономію. Въ немъ появилась толпа какихъ то вульгарныхъ личностей, одѣтыхъ въ никому невѣдомые мундиры; „это были люди безъ имени, безъ манеръ, съ дерзко вызывающей поступью и взглядомъ; на вопросъ, кто это такіе, получался отвѣтъ: это Гатчинцы“. Затѣмъ при дворѣ появилась толпа глубокихъ стариковъ „которые съ особымъ подобострастіемъ цѣловали императору руку. Это были личные друзья императора Петра III: новый императоръ вызвалъ ихъ къ жизни, и старательно собиралъ отъ нихъ всякаго рода реликвіи—память о своемъ отцѣ. Первымъ дѣломъ императора было совершить нѣчто небывалое—вторичные похороны своего отца вмѣстѣ съ прахомъ Екатерины. Останки Петра III были перенесены во дворецъ, поставлены рядомъ съ гробомъ Екатерины II и затѣмъ торжественно преданы погребенію. Оригинально, что во главѣ погребальной процессіи, по желанію императора, шелъ вызванный изъ Москвы графъ Алексѣй Орловъ,—тотъ самый приверженецъ Екатерины II, послѣ бесѣды съ которымъ внезапно скончался въ Ропшѣ Петръ III.

Тысячи указовъ проявляли волю императора. Внѣшній видъ столицы совсѣмъ измѣнился. Жители не были въ состояніи выполнять новыхъ распоряженій, улицы пустѣли, такъ какъ не всякій могъ быстро достать себѣ законное платье. Начались гоненія на круглыя шляпы, фраки, установлены были размѣры и покрой платья. Разрѣшалось носить только нѣмецкое платье, при чемъ закономъ устанавливалась форма его, цвѣта и пр.; жилеты запретили, но дозволялось употреблять камзолы; башмаки съ лентами запрещены, но разрѣшено носить башмаки съ пряжками; строжайше запрещалось „увертывать шею безмѣрно платками“, но внушалось „повязывать ее безъ излишней толстоты“. Всѣ эти указы вступали въ силу немедленно, при чемъ домовладѣльцы должны были объявлять всѣ эти указы пріѣзжающимъ для жи-

тельства въ столицу и отвѣчали за неисполненіе этого требованія. Установленіе новыхъ костюмовъ было проявленіемъ борьбы императора съ французскими модами и французскимъ духомъ. Даже дамскія моды не были изъяты изъ наблюденія. „Усмотрѣно здѣсь въ городѣ,—говорится въ одномъ указѣ,—что многія дамы носятъ черезъ плечо разноцвѣтныя ленты на подобіе кавалерскихъ, а какъ сіе не мало имъ не свойственно“, то полиціи приказывается „обвѣстить съ подписками, что таковое ношеніе лентъ воспрещается“; объ ослушницахъ приказано немедленно доносить императору. Много было издано и другихъ разнаго рода предписаній. По всему Петербургу было объявлено: „дабы всѣ безъ изъятія младшій передъ старшимъ, повстрѣчаясь гдѣ бы то ни было, снималъ шляпу, подтвердя строго сіе наблюдать полицейскимъ чинамъ“, а въ противномъ случаѣ брать подъ караулъ. Былъ изданъ рядъ предписаній о встрѣчѣ съ особами императорской фамиліи: всѣ, напримѣръ, должны были выходить при встрѣчѣ изъ экипажей и отвѣшивать установленнаго вида поклонъ. Разумѣется, полиція усердствовала, гоняясь за тѣми, кто замѣченъ былъ въ неисполненіи указа, а нерѣдко въ угоду императору усердствовала и на свой страхъ. Императрица Марія Ѳеодоровна въ одномъ письмѣ разсказываетъ о томъ, что петербургскій полицмейстеръ Архаровъ принуждаетъ всѣхъ окрасить двери своихъ домовъ ромбами въ черный и желтый цвѣтъ, и что хозяинъ одного изъ лучшихъ домовъ, гдѣ двери украшены рѣзною работой, также принужденъ обезобразить ихъ такимъ образомъ: „Архаровъ простираетъ свою подлость такъ далеко, что приказалъ объявить хозяевамъ, которые отказываются исполнить его требованія, что онъ пришлетъ къ нимъ маляровъ, и они разрисуютъ имъ двери на ихъ счетъ“. Борьба съ революціонными идеями выражалась самымъ разнообразнымъ способомъ: запрещенъ въѣздъ иностранцамъ въ Россію и выѣздъ русскихъ за границу. Употребленіе однихъ словъ запрещено, другія приказано было замѣнять. Такъ слово „стража“ замѣнено словомъ „караулъ“, „граждане“ — словомъ „жители“ или „обыватели“; слово „общество“ было совсѣмъ запрещено. Указы коснулись книгъ и типографій. Частныя типографіи совсѣмъ были запрешены, цензура книгъ усилена: „Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги (указъ 1800 г. 18 апрѣля) наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ на какомъ бы языкѣ

оныя не были, безъ изъятія въ государство наше, равномѣрно и музыку".

Необходимость наблюденія за исполненіями царскихъ указовъ давала работу тайной экспедиціи, гдѣ сидѣлъ знаменитый Обольяниновъ. Не даромъ даже консервативный Карамзинъ назвалъ этотъ періодъ „вакханаліей деспотизма". Лубяновскій въ своихъ запискахъ, передавая тотъ страхъ и трепетъ, которые испытывали современники, говоритъ, что тогда „новую эпоху" называли „торжественно и громогласно" — „возрожденіемъ", въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно—„царствомъ власти, силы и страха"; втайнѣ между 4-хъ глазъ—„затменіемъ свыше". Въ самомъ дѣлѣ, подозрительность императора выражалась въ очень рѣзкой формѣ. Еще будучи великимъ княземъ Павелъ, по словамъ современниковъ, дѣлалъ все, чтобы „внушить къ себѣ ненависть и отвращеніе своихъ будущихъ подданныхъ... Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ; исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбору". Растопчинъ въ письмѣ къ графу Воронцову еще отъ 2 ноября 1798 г. характеризуетъ положеніе императора въ такихъ словахъ: „Его (государя) ненавидятъ даже собственныя его дѣти; великій князь Александръ ненавидитъ своего отца, великій князь Константинъ боится его. Дочери, руководимыя, какъ и все прочее, матерью, съ отвращеніемъ смотрятъ на отца; между тѣмъ, всѣ ему улыбаются, будучи рады видѣть его погибель".

Недовѣріе и презрѣніе къ людямъ составляли отличительную черту характера императора. При полученіи какихъ нибудь новыхъ извѣстій о революціонныхъ движеніяхъ, Павелъ нерѣдко наставительно говорилъ своимъ дѣтямъ: „Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками",—и Павелъ рѣзко обращался съ людьми, не взирая на положеніе человѣка. Однажды, когда князь Рѣпнинъ на парадѣ высказалъ по какому то поводу свое мнѣніе, императоръ рѣзко сказалъ ему: „господинъ фельдмаршалъ, видите ли вы этотъ караулъ? Въ немъ четыреста человѣкъ. Мнѣ достаточно сказать слово и всѣ они будутъ фельдмаршалами".—Въ другой разъ тотъ же князь Рѣпнинъ, стоя въ кругу придворныхъ, слишкомъ выдвинулся, по мнѣнію императора впередъ. Павелъ сказалъ во всеуслышаніе: „знайте, что въ Россіи дворянинъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и пока я дѣлаю ему эту честь". Можно прибавить, что обычный компли-

ментъ, который не рѣдко посылалъ императоръ тому или другому лицу, былъ приказъ передать ему, что онъ „дуракъ“.

Дорожа властью, ища безпрекословныхъ исполнителей своихъ приказаній, императоръ опирался на людей ничтожныхъ. Такіе люди какъ Обольяниновъ, Архаровъ, Аракчеевъ, Линденеръ, Кутайсовъ и др. во многомъ способствовали тому, что царствованіе Павла было царствомъ ужаса и страха. Въ то же время ничтожество ихъ вызывало справедливое негодованіе. Всѣ эти мѣры Павла какъ то странно переплетались съ его стремленіями придать власти монарха недосягаемое величіе. И въ то же время Павелъ какъ будто иногда сомнѣвался въ томъ, насколько окружающіе признаютъ высоту его власти. Его занимало это испытаніе. Во время коронаціи въ Москвѣ императоръ и императрица по нѣсколько часовъ въ день принимали поздравленія отъ своихъ подданныхъ. Императору казалось, что слишкомъ мало людей приходитъ представляться. Императрица Марія Ѳедоровна, вполнѣ раздѣлявшая воззрѣнія своего супруга, выражала неудовольствіе, что рука ея не пухнетъ отъ поцѣлуевъ, какъ распухала рука императрицы Екатерины въ дни коронаціонныхъ представленій. Оберъ-полицмейстеръ Валуевъ сдѣлалъ просто, приказывая однимъ и тѣмъ же лицамъ являться въ день по нѣсколько разъ. Самое поздравленіе отличалось сложной церемоніей. „Можно было сказать иногда,—замѣчаетъ одинъ современникъ,—что Павелъ похожъ былъ на тщеславное частное лицо, которому разрѣшили играть роль государя, такъ что онъ и спѣшилъ насладиться удовольствіемъ, пока у него его не отняли“. Такъ, напримѣръ, императоръ охотно дѣлалъ частые переѣзды для того, чтобы имѣть поводъ къ торжественной встрѣчѣ и проводамъ.

Онъ былъ особенно ревнивъ въ поддержаніи придворнаго этикета, соблюдая его даже тогда, когда ему приходилось бить палкой своего брадобрѣя, произведеннаго имъ въ графы и тайные совѣтники, Кутайсова: при этой операціи одинъ изъ придворныхъ снималъ съ графа орденскую ленту. Желая поднять на небывалую высоту власть, императоръ задумалъ нѣчто такое, что многихъ заставило призадуматься: онъ рѣшилъ, какъ глава церкви, отслужить обѣдню и, не рѣшаясь это сдѣлать въ столицѣ, предполагалъ отслужить ее въ Казани. Императоръ расчитывалъ быть духовникомъ императорской фамиліи и министровъ, но Сунодъ съ удивительной находчивостью спасъ его отъ этого смѣлаго шага. Какъ только императоръ заикнулся о своемъ намѣреніи, члены

Сѵнода, не высказавъ ни малѣйшаго удивленія, хотя оно было очень велико, довели до его свѣдѣнія, что по уставу православной церкви священникъ, вступившій во второй бракъ, лишается права совершать таинства. Такъ какъ Павелъ не подумалъ объ этомъ и не рѣшился, или не хотѣлъ, измѣнять церковнаго устава, то ему пришлось отказаться отъ своей мысли. Онъ утѣшился тѣмъ, что сталъ надѣвать на себя во время причастія коротенькій далматикъ изъ малиноваго бархата, расшитый жемчугомъ, что при мундирѣ, ботфортахъ, длинной косѣ, большой треуголкѣ и всей его непредставительной фигурѣ представляло прелюбопытнѣйшее зрѣлище.

Придворный этикетъ былъ доведенъ до такихъ формальностей, что обязательное пребываніе при дворѣ сдѣлалось тягостнымъ. Придворные вечера были похожи на тѣ же вахтъ-парады. Блескъ Екатерининскихъ временъ смѣнился скукой и опасеніемъ присутствующихъ за свое существованіе. „Забавы наши въ Павловскѣ были единообразны и скучны“,—пишетъ Шишковъ:—„Послѣ обѣда обыкновенно степенными и мѣрными шагами ходили мы прогуливаться по саду. Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бесѣду, весьма утомительную. Такъ, государь и государыня, съ великими князьями и великими княжнами, садились рядомъ и проводили время въ разговорахъ, а мы сидѣли вокругъ комнаты, на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли. Достопримѣчательно тутъ было только то, что на простиравшемся на полу шлейфѣ платья императрицы лежала всегда дворовая паршивая собака, которая нигдѣ иначе не ложилась и которую императрица никогда не сгоняла“.

При всемъ томъ Павелъ обладалъ сильно развитымъ воображеніемъ. Это былъ мечтатель, то витавшій своимъ воображеніемъ въ отдаленномъ средневѣковьи, то мечтавшій о коренныхъ улучшеніяхъ государственнаго строя. Мечтательность эта иногда превращалась въ галлюцинаціи. Онъ серьезно увлекался средневѣковымъ рыцарствомъ и при его дворѣ даже давали турниры по всѣмъ правиламъ феодальнаго времени. Онъ принялъ подъ свое покровительство Мальтійскій орденъ, отдался его дѣламъ съ обычнымъ увлеченіемъ, превратилъ себя, свою семью и придворныхъ въ мальтійскихъ рыцарей. Мечты о рыцарствѣ сливались въ его воображеніи съ преклоненіемъ предъ всѣмъ прусскимъ. Фридрихъ

Великій былъ для него предметомъ самаго усиленнаго подражанія. При посѣщеніи Павломъ Берлина прусская дисциплина, кивера, мундиры—однимъ словомъ, все, что напоминало о Фридрихѣ Великомъ, произвело на него сильнѣйшее впечатлѣніе. По словамъ Саблукова, Павелъ „подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ, преслѣдовали его, какъ кошмаръ". Еще будучи наслѣдникомъ престола, Павелъ Петровичъ выражалъ непоколебимое намѣреніе быть въ союзѣ съ прусскимъ королемъ и „отъ всего сердца согласоваться съ его намѣреніями". И онъ не затрудняся въ передачѣ дипломатическихъ тайнъ прусскому двору.

Дипломатическія и международныя отношенія Россіи въ его представленіи иногда отливались въ очень странныя формы: онъ серьезно черезъ газеты предложилъ Наполеону разрѣшить споръ между Франціей и Россіей посредствомъ поединка и уже назначилъ со своей стороны секунданта. Тутъ надо подчеркнуть еще, что Павелъ мечталъ о какомъ то союзѣ князей, т. е. правителей государствъ; въ частности онъ не одобрялъ раздѣловъ Польши и мечталъ о ея возстановленіи. Задумавъ воевать съ Англіей, Павелъ рѣшилъ просто: приказалъ послать казаковъ въ Индію, и тѣ отправились безъ картъ, безъ яснаго представленія о той странѣ, куда ихъ направила воля неограниченнаго монарха.

Въ дѣлахъ внутренней политики мечтательность не оставляла императора. Изданіе „фундаментальныхъ законовъ", стремленіе навести порядокъ во всемъ государствѣ—были основнымъ мотивомъ, въ силу котораго Павелъ иногда прибѣгалъ къ тѣмъ страннымъ мѣрамъ, которыя характеризуютъ все это время. Желая все знать, что дѣлается несправедливаго, онъ приказалъ выставить особый ящикъ у дворца, въ который каждый могъ опустить свою жалобу. Этотъ ящикъ, правда, далъ возможность вскрыть много злоупотребленій, но въ ящикъ стали попадать пасквили на императора и каррикатуры. Ящикъ пришлось снять. Безспорно, къ низшимъ классамъ населенія императоръ хорошо относился. Солдаты его любили, законъ о трехдневной барщинѣ, несомнѣнно, исходилъ изъ хорошихъ побужденій, и вообще императоръ охотно вникалъ въ положеніе крестьянъ. Мало того, въ мечтахъ и начинаніяхъ императора можно даже найти одинъ любопытный штрихъ: проглядываетъ мысль объ устройствѣ военныхъ поселеній.

Такъ въ этомъ человѣкѣ сплетались разнообразныя черты характера. Но все же болѣзненные, неровные порывы брали верхъ и заставляли сильно призадумываться всѣхъ тѣхъ, кто окружалъ императора. Элементарное чувство самосохраненія диктовало окружающимъ то, что должно было произойти. Когда около императора появился графъ Паленъ, человѣкъ настойчивый, умный, обладавшій замѣчательной твердостью характера, то онъ вскорѣ сдѣлался главою заговора. Надо сказать правду, что къ началу 1801 года странности императора стали принимать весьма острый характеръ. Но надо отдать справедливость, что дѣятельность Палена не мало способствовала къ усиленію ихъ: въ интересахъ послѣдняго было довести жестокость императора до высшей степени. Паленъ сошелся съ Кутайсовымъ, которому императоръ безконечно довѣрялъ. Быстрая смѣна и назначеніе людей, опала и милости, стали раздаваться по наущенію ихъ обоихъ. Паленъ достигъ того, что многіе близкіе и преданные императору люди были удалены отъ двора, высланы. Имъ обоимъ принадлежитъ устроеніе личныхъ отношеній императора, повліявшихъ на разладъ въ его семьѣ. Правда, имъ тутъ помогла подозрительность государя. Извѣстно, что на императора имѣла большое вліяніе фрейлина Нелидова. Отношеніе императора къ ней—это были отношенія рыцаря къ его дамѣ сердца. Рыцарскій романтизмъ императора сказался и тутъ. Но Кутайсовъ и Паленъ указали въ Москвѣ государю молодую Лопухину. Тутъ дѣло устроилось проще. Лопухина была выдана замужъ за князя Гагарина и съ мужемъ поселена во дворцѣ. Въ Михайловскомъ дворцѣ изъ кабинета императора шла въ стѣнѣ лѣстница въ квартиру молодыхъ супруговъ. Все это повело къ разладамъ въ семьѣ императора. Мало того, подозрительность государя стала обращаться на его супругу и сыновей. Въ его умѣ стали мелькать предположенія о назначеніи наслѣдникомъ престола младшаго изъ сыновей, Михаила, или даже родственника императора молодого принца Виртембергскаго. Говорили о томъ, что императрицѣ и старшимъ сыновьямъ уже приготовлено мѣсто заключенія. Наканунѣ катастрофы великіе князья Александръ и Константинъ были подъ домашнимъ арестомъ. Все указывало на близость развязки. Паленъ заблаговременно добился того, что императоромъ были прощены всѣ исключенные имъ со службы и сосланные, но при непремѣнномъ условіи представленія всѣхъ ихъ ко двору. Сотни и тысячи людей, нерѣдко очень маленькихъ и бѣдныхъ, потянулись

изъ мѣстъ своей ссылки, изъ глухихъ провинціальныхъ угловъ, изъ далекой Сибири въ Петербургъ. Возвращались они не безъ страха, ибо въ Петербугѣ ничего хорошаго не предвидѣли, другіе возвращались съ надеждами, которымъ не суждено было осуществиться. Императору докладывали о прибытіи этихъ опальныхъ людей на заставу, затѣмъ представляли ему. Сначала императоръ милостиво принялъ первыхъ пріѣхавшихъ, затѣмъ это ему надоѣло, начались рѣзкости. Опальные ничего не получили въ Петербургѣ и со страхомъ должны были здѣсь проживать. Но среди опальныхъ были три брата Зубовыхъ и много другихъ друзей и единомышленниковъ Палена. Былъ выработанъ планъ, при помощи котораго предполагалось потребовать у императора отреченія. О ходѣ заговора зналъ великій князь Александръ Павловичъ. Но мирное настроеніе императора и повидимому нѣкоторые дошедшіе до него неопредѣленные слухи ускорили на нѣсколько дней развязку. Вечеромъ 11-го марта заговорщики собрались въ квартирѣ Палена. Послѣдній предупредительно приказалъ арестовать нѣкоторыхъ изъ близкихъ лицъ къ императору, какъ генералъ-прокурора Обольянинова и нѣкоторыхъ другихъ, приказалъ задержать на заставѣ вызваннаго императоромъ въ Петербургъ Аракчеева и проч. Прямо изъ квартиры графа Палена заговорщики отправились въ Михайловскій дворецъ. Въ этотъ вечеръ императоръ былъ особенно нервно настроенъ. Въ разговорѣ съ двумя лицами онъ высказалъ свои подозрѣнія. Саблукову онъ рѣзко заявилъ, что этотъ дежурный полковникъ и его полкъ „якобинцы“ и отправилъ караульныхъ солдатъ отъ караула своей опочивальни. Это была ошибка, весьма помогшая заговорщикамъ, потому что Саблуковъ не былъ въ числѣ заговорщиковъ. Охранять опочивальню были поставлены два лакея. Замѣчателенъ послѣдній разговоръ съ графомъ Паленомъ. Императоръ высказалъ свои подозрѣнія. Паленъ твердо заявилъ, что заговоръ существуетъ и что онъ самъ среди заговорщиковъ, поэтому императору нечего бояться. Но возвратившись съ послѣдняго вечерняго доклада императору въ свою квартиру, гдѣ Палена уже ждали около 60-ти офицеровъ, графъ повелъ всѣхъ ихъ въ Михайловскій дворецъ. Раздѣлившись на двѣ партіи заговорщики проникли въ опочивальню императора. Сначала у Павла потребовали отреченія отъ престола, но въ происшедшей суматохѣ дѣло окончилось совершенно иначе.

Началось новое царствованіе.

ГЛАВА III.

Императоръ Александръ I-й.

При обзорѣ царствованія императора Александра I взглядъ историка прежде всего останавливается на самой личности императора, личный характеръ котораго въ весьма сильной степени вліялъ на многія стороны государственной жизни того времени. По своему активному вмѣшательству въ дѣла государственнаго правленія, императоръ Александръ можетъ быть смѣло сопоставленъ съ такими великими людьми, какъ Петръ I и Екатерина II. Но съ другой стороны это вмѣшательство, за исключеніемъ вопросовъ внѣшней политики, носило мелочный характеръ, стремленіе обнять всѣ детали сложной жизни обширнаго государства. Эта мелочность напоминаетъ по своимъ пріемамъ Павловскую эпоху. Но мало того, съ чисто психологической точки зрѣнія личность императора Александра I представляетъ собою выдающійся интересъ. Это—сфинксъ, истинный характеръ котораго тщетно стараются выяснить историки.

Императоръ Александръ I привлекалъ живѣйшее вниманіе своихъ современниковъ, но трудно отыскать другого историческаго дѣятеля, который вызвалъ бы о себѣ столь противорѣчивыя сужденія: Александромъ восхищались, Александра ненавидѣли—столь противоположное впечатлѣніе производилъ онъ на окружающихъ.

Знаменитый Штейнъ, которому нельзя отказать въ искренности, былъ очарованъ Александромъ; онъ съ увѣренностью говорилъ о высокихъ качествахъ его характера, его неуклонномъ стремленіи къ благу человѣчества, безкорыстіи и проч. Госпожа Сталь находила въ немъ замѣчательный умъ и свѣдѣнія. По ея мнѣнію, въ Россіи нѣтъ министра, который былъ бы сильнѣе Александра во всемъ томъ, что нужно для обсужденія и направленія дѣлъ. Нужно только вспомнить, какое неотразимое впечатлѣніе производилъ Александръ I на людей, съ которыми онъ имѣлъ случай сталкиваться. Имъ восхищались такіе впечатли-

тельные люди, какъ Парротъ и Каразинъ. Даже младшее поколѣніе современниковъ, знавшее императора только въ эпоху суроваго режима, вынесло о немъ такое же чарующее впечатлѣніе. По словамъ барона Корфа, Александръ не принадлежалъ къ числу натуръ обыкновенныхъ. Онъ восхищается его умомъ, блестящимъ даромъ рѣчи, его сходствомъ съ Екатериной II, его памятью.

Но хоръ хвалебныхъ отзывовъ смѣняется столь же рѣзкими и язвительными. Сперанскій характеризовалъ Александра „сущимъ прельстителемъ". Наполеонъ называлъ Александра византійскимъ грекомъ. Этотъ великій знатокъ людей оставилъ объ Александрѣ I слѣдующее сужденіе: „Русскій императоръ, человѣкъ несомнѣнно выдающійся; онъ обладаетъ умомъ, граціей, образованіемъ. Онъ легко вкрадывается въ душу, но довѣрять ему нельзя: у него нѣтъ искренности. Это настоящій грекъ древней Византіи. При всемъ томъ, онъ не лишенъ идеологіи дѣйствительной или поддѣльной. Быть можетъ, онъ меня лишь мистифицировалъ, ибо онъ тонокъ, фальшивъ и ловокъ".

Шатобріанъ считалъ его полугрекомъ въ политикѣ и искреннимъ во всемъ томъ, что относилось до человѣчества. Фарнгагенъ приводитъ отзывъ въ своихъ запискахъ, говоря, что „у Александра никогда не было сильнаго ума: это умъ совершенно посредственный и любитъ только посредственность. Настоящій геній, умъ и талантъ, пугаютъ его....У него никогда не бываетъ ни минуты искренности и простоты, всегда онъ на сторожѣ".

Отсутствіе искренности въ Александрѣ, дѣйствительно многихъ, хорошо его знавшихъ, поражало. Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ отзывъ полковника Михайловскаго-Данилевскаго, много лѣтъ проведшаго въ путешествіяхъ съ императоромъ. „Я безпрестанно наблюдалъ императора,—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 1816 годомъ,—и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною. По обыкновенію своему, онъ былъ веселъ и разговорчивъ и обхожденіемъ своимъ хотѣлъ заставить, чтобы забыли санъ его"; но, не взирая на это, „иногда блистало во взорахъ его нѣчто такое, которое ясно говорило, что онъ помнитъ въ эту минуту, что онъ рожденъ самодержцемъ". Иные современники отмѣчаютъ необыкновенную подозрительность въ Александрѣ и происходящую отсюда нерѣшительность въ его дѣйствіяхъ: „Онъ все дѣлаетъ на половину"—, говоритъ Спе-

ранскій объ Александрѣ: „Онъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять и слишкомъ силенъ, чтобы быть управляемымъ“.

Вотъ нѣсколько отзывовъ изъ массы оставленныхъ намъ современниками; но уже и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, сколь противоположныя мнѣнія вызывалъ о себѣ Александръ I. Наблюдатели не умѣли разгадать его. Дѣйствительно, мысли Александра I, поступки, отношеніе къ окружающимъ, столь разнорѣчивы, иногда таинственны, что онъ оставался непонятымъ современниками. Даже смерть его казалась многимъ современникамъ столь странной, что самый фактъ ея сталъ вызывать сомнѣнія и когда въ Сибири появился таинственный отшельникъ подъ именемъ Федора Кузьмича, напоминавшій внѣшностью и мистическимъ настроеніемъ Александра, то слухъ о томъ, что въ лицѣ отшельника скрывается императоръ, быстро проникъ въ самые разнообразные слои общества.

Загадочнымъ остался характеръ Александра I и для потомства. Въ наличной литературѣ преобладаетъ взглядъ, по которому Александръ I является человѣкомъ, способнымъ подвергаться тому или другому сильному вліянію. Такимъ образомъ, это характеръ слабый, поддающійся болѣе сильному. Юноша Александръ искренно стремится принести благо всему человѣчеству, пока находится подъ вліяніемъ столь же настроенныхъ людей; но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ неудачно слагающихся обстоятельствъ, изъ него вырабатывается мрачный владыка восточной Европы (профессоръ Щегловъ, Пыпинъ и др). Выработавшійся въ наукѣ взглядъ далъ поводъ профессору Буличу въ его „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ началѣ XIX вѣка“ представить Александра I въ весьма идеализированныхъ очертаніяхъ. Измѣнчивость и двусмысленность его характера, историкъ объясняетъ недовѣріемъ императора къ тѣмъ людямъ, которые обманули его идеальныя ожиданія; императоръ никогда не измѣнялъ своимъ либеральнымъ убѣжденіямъ, которыя составляли „святыню его сердца“, но только не имѣлъ достаточно силы воли и характера. Иногда тѣ же мысли повторяютъ въ болѣе неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Такъ историкъ этой эпохи В. И. Семевскій, хотя иногда и говоритъ о „двойственности“ политической мысли императора Александра I, проходящей чрезъ все его царствованіе, все же повторяетъ мнѣніе о томъ, что императоръ былъ проникнутъ въ первую половину своего правленія либеральными намѣреніями; онъ увѣряетъ даже въ томъ, что около 1820 года

произошла въ императорѣ какая то перемѣна въ политическихъ стремленіяхъ, которая и стала проявляться въ его заявленіяхъ и въ политикѣ (ср. послѣднюю его работу „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“). Наконецъ, для иныхъ изслѣдователей Александръ остается „неразгаданной натурой“ (Шильдеръ).

Безспорно, обстановка воспитанія, окружавшая юнаго наслѣдника не могла не отразиться на его характерѣ. Въ этой обстановкѣ было много деморализирующихъ элементовъ. Наукамъ Александръ учился мало и слегка. Ученіе рано было заброшено. Швейцарецъ Лагарпъ сообщилъ Александру поверхностныя свѣдѣнія изъ области политической мысли того времени. Изъ этого знакомства Александръ I вынесъ высокое уваженіе къ Западу, но, быть можетъ, здѣсь же надо искать источника его презрительнаго отношенія къ Россіи. Ближе къ повседневной жизни были тѣ идеалы, которые Александръ могъ усвоить отъ главнаго своего воспитателя Салтыкова. Послѣдній былъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ придворныхъ Екатерининской эпохи, удачно маневрировавшій между „большимъ“ и „малымъ“ дворами. Салтыковъ отличался всѣми качествами опытнаго придворнаго конца XVIII вѣка. Этотъ человѣкъ, занимавшій виднѣйшіе посты въ государствѣ, по свидѣтельству хорошо его знавшихъ современниковъ, никогда ни въ чемъ не высказывалъ своего мнѣнія; онъ раболѣпствовалъ передъ случайными людьми при дворѣ и чуждался упадавшихъ. Будучи предсѣдателемъ военной коллегіи, т. е. заправляя всѣмъ военнымъ дѣломъ въ государствѣ, онъ умудрился въ Екатерининскую эпоху не отличиться ни въ одномъ дѣлѣ съ непріятелемъ. Въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ онъ молчалъ, въ дѣлахъ, ему спеціально порученныхъ, возлагалъ все на письмоводителей, а въ домашнихъ дѣлахъ самъ былъ управляемъ графиней. Образованіе его было совершенно ничтожно, онъ даже съ трудомъ писалъ. Таковъ былъ главный воспитатель будущаго императора. И вся обстановка была такова же—это обстановка придворной жизни. Придворныя интриги, необходимость маневрировать между бабкой и отцомъ—вотъ та житейская среда, подъ вліяніемъ которой складывался и крѣпъ характеръ Александра I-го.

Юноша очень рано начинаетъ разбираться въ окружающей дѣйствительности, въ окружавшей его придворной атмосферѣ. „Кровь портится во мнѣ,—писалъ онъ Кочубею въ 1796 году,—при видѣ совершаемыхъ другими на каждомъ шагу низостей для полученія отличій, не стóющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша.

Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями".

Обстановка, въ которой выросталъ Александръ I, была вовсе не такова, чтобы способствовать созданію характера неопредѣленнаго и несамостоятельнаго. Напротивъ, она требовала осмотрительности и самостоятельности въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, она показывала жизнь съ самой неприглядной стороны. Такая обстановка воспитываетъ сильные характеры, рано складывающіеся и способные неуклонно преслѣдовать разъ намѣченную цѣль. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Но та же придворная обстановка способствовала развитію чувства самосохраненія. Это достигалось выработкой умѣнія скрывать свои настоящія мысли и чувства. Послѣдняя черта очень рано развивается въ Александрѣ I. Вотъ почему было бы весьма ошибочно думать, что въ лицѣ будущаго наслѣдника престола подросталъ человѣкъ, способный безотчетно подвергаться тому или другому вліянію. Напротивъ, постепенно складывался весьма опредѣленный, тонкій и сильный характеръ. Не можетъ быть и рѣчи объ искреннемъ, восторженномъ, воодушевленномъ горячей любовью къ общественному благу Александрѣ—юношѣ и о такомъ же мечтательномъ молодомъ императорѣ и, наконецъ, о мрачномъ владыкѣ Аракчеевскихъ временъ. Эти метаморфозы болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя. Александръ прочно сложился съ ранней юности. Его міровоззрѣніе, вообще всегда нѣсколько туманное, пріобрѣло свою характерную окраску въ очень раннемъ возрастѣ.

Гдѣ же искать основныхъ вліяній, подъ которыми отлился характеръ Александра I-го?—Въ этомъ красивомъ, изящномъ человѣкѣ, умѣвшемъ, когда нужно, говорить искренне, увлекательно, съ неподражаемой задушевностью распространявшемся о вредѣ деспотизма „нашего правленія", въ этомъ человѣкѣ внѣдренъ былъ характеръ и идеалы его отца. Сходство наблюдается иногда въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Правда, отъ Павла Александръ I отличался гораздо большимъ и болѣе свѣтлымъ и гибкимъ умомъ; своей блестящей внѣшностью, очаровательностью обращенія онъ импонировалъ на окружающихъ. Умъ и глубокая наблюдательность создали въ Александрѣ качества, которыя такъ выгодно отличали его отъ отца,—разсчетливую осторожность. Есть натуры, которыя обладаютъ удивительнымъ умѣніемъ приспособляться къ обстоятельствамъ. Это качество Александръ развилъ въ себѣ въ высокой

мѣрѣ. Это и есть та „личина“, которой окруженъ былъ императоръ, которая мѣшала его современникамъ, да мѣшаетъ и позднѣйшимъ ученымъ, заглянуть въ его душу. Однимъ словомъ, Александръ I преподносилъ каждому его любимое кушанье, какъ характеризуетъ его одинъ современникъ.

Передъ нами отрокъ. Можно подивиться его умѣнію обращаться со всѣми такъ, чтобы имъ нравиться. Екатерина умерла въ твердомъ убѣжденіи, что Александръ—воскъ, изъ котораго можно вылѣпить, что угодно. Онъ оказывалъ своей бабкѣ трогательную преданность и любовь. Съ Лагарпомъ онъ мечталъ о благѣ человѣчества. Въ разговорахъ со своимъ сверстникомъ княземъ Чарторыйскимъ онъ раскрывалъ свою душу. Это замѣчательные разговоры, которые способны были расположить къ будущему наслѣднику престола его подданныхъ, желавшихъ улучшенія государственнаго управленія. Въ этихъ бесѣдахъ, казалось, Александръ изливалъ свою душу. „Онъ сознавался мнѣ,—пишетъ Чарторыйскій,—что ненавидитъ деспотизмъ повсюду во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдитъ за французской революціей, что желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ“. Великій князь считалъ наслѣдственность престола несправедливостью и полагалъ, что достойнѣйшаго избранника можетъ указать только приговоръ всей націи. Всѣ эти мысли онъ высказывалъ съ такой искренностью, которая поражала собесѣдника. Въ его словахъ, говоритъ Чарторыйскій,—„было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности, повидимому несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія“, что царственный юноша казался своему собесѣднику какимъ то высшимъ существомъ.

Но тутъ же Александръ сообщаетъ своему другу, что онъ не одобряетъ политики и дѣйствій своей бабки. Около того же времени онъ пишетъ письмо Кочубею, въ которомъ высказываетъ свое намѣреніе впослѣдствіи отречься отъ престола.

Но внимательный наблюдатель замѣчалъ въ то же время и темныя точки. Тотъ же Чарторыйскій, несмотря на все свое увлеченіе великимъ княземъ, съ недоумѣніемъ отмѣчаетъ одну особенность въ характерѣ своего царственнаго друга: „Это былъ мистицизмъ во вкусѣ его отца великаго князя Павла“, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ. Александръ въ разговорѣ иногда какъ бы прорывался и съ особеннымъ одобреніемъ говорилъ: „по на-

шему, по гатчински". Немного позже, въ царствованіе Павла, великій князь называлъ Аракчеева при гвардейскихъ офицерахъ не иначе, какъ мерзавцемъ. Въ то же самое время, онъ ему писалъ самыя дружественныя письма и оба они въ присутствіи Павла поклялись быть вѣчно друзьями.

Одинъ изъ его воспитателей Протасовъ, отмѣчаетъ въ немъ лѣнь и нерадѣніе „узнать о вещахъ". Онъ же съ прискорбіемъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ самолюбіе и упрямство Александра и особенно склонность ко лжи „въ затемненіи искренности и въ желаніи быть всегда правымъ".

Такимъ образомъ, разнымъ наблюдателямъ Александръ въ одно и то же время давалъ поводъ выводить весьма сомнительныя заключенія о своемъ характерѣ. „Личина", увлеченіе гатчинскими порядками своего отца въ немъ уже и теперь намѣчаются. Въ самомъ дѣлѣ, преданность Екатеринѣ, разговоры съ Чарторыйскимъ и друг. не мѣшали Александру прекрасно выполнять роль любящаго сына.

Для характеристики Александра въ этомъ періодѣ его возраста любопытенъ и еще одинъ фактъ. Когда Екатериной былъ поднятъ въ 1796 году вопросъ о лишеніи Павла правъ на престолъ и объ объявленіи наслѣдникомъ Александра, то послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшено было предварительно переговорить съ самимъ Александромъ. Нужно замѣтить, что вопросъ объ отстраненіи Павла отъ престола много разъ занималъ Екатерину. Въ дѣтствѣ предполагалось замѣнить его даже гр. Бобринскимъ, а затѣмъ мысль Екатерины не разъ обращалась къ Александру.

Въ 1794 году Екатерина рѣшилась прибѣгнуть къ содѣйствію Лагарпа для переговоровъ съ Александромъ, но женевецъ отклонилъ отъ себя эту честь, которая могла дорого ему стоить, въ случаѣ неудачи, разсказалъ обо всемъ Павлу и уѣхалъ. Въ 1796 году Екатерина сама повела переговоры съ Александромъ. Сохранилось письмо Александра отъ 24 сентября 1796 года къ Екатеринѣ, въ которомъ онъ благодаритъ бабку за ея заботы о немъ: „Даже своею кровью, писалъ онъ,—я не въ состояніи отплатить за все то, что вы соблаговолили уже и еще желаете мнѣ сдѣлать".

Это было писано 24 сентября, а за нѣсколько дней передъ тѣмъ Александръ разсказалъ о планѣ Екатерины своему отцу, принесъ ему въ присутствіи Аракчеева присягу, какъ императору, и въ письмѣ къ Аракчееву отъ 23 сентября называлъ Павла

императоромъ. Есть основаніе думать, что и письмо къ бабкѣ Александръ писалъ по указаніямъ Павла.

Не менѣе трудное положеніе создалось для Александра, когда его друзья, знавшіе либеральный образъ мыслей наслѣдника, поставили во всей наготѣ вопросъ о низложеніи съ престола императора Павла. Правда, Панинъ, какъ свидѣтельствуетъ генералъ Беннигсенъ, обѣщалъ Александру, что императора арестуютъ, жизнь его будетъ сохранена и наслѣднику отъ имени націи будутъ предложены бразды правленія. Не безъ колебаній принялъ Александръ участіе въ заговорѣ, но для принятія подобнаго рѣшенія требовался зрѣлый характеръ, во всякомъ случаѣ—твердая воля. Какъ же вышелъ Александръ изъ этого труднаго положенія? Отвѣтимъ словами одного изъ историковъ, г. Военскаго: „лишать жизни отца Александръ не приказывалъ, а потому въ буквальномъ смыслѣ его нельзя назвать отцеубійцей. Но, соглашаясь на заговоръ, онъ исподволь и вполнѣ обдуманно подготовилъ обстановку, изъ которой одинъ былъ выходъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ существовало намѣреніе императору Павлу сохранить жизнь и посадить его подъ стражу—въ этомъ смыслѣ были бы сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія. Тутъ Александру надлежало показаться самому, либо поручить довѣренному лицу наблюсти, чтобы при составленіи и подписаніи акта отреченія императору не было причинено насилія. Вмѣсто того, ужасному дѣянію онъ далъ совершиться безпрепятственно, а затѣмъ, когда ему доложили, что все кончено, изъ внутреннихъ апартаментовъ онъ вышелъ уже, какъ императоръ, въ мундирѣ и при шпагѣ. Событіе исполнилось, но пріять за него отвѣтственность значило бы перейти въ исторію съ печатью Каина на челѣ. Поэтому, вину кровавой развязки императоръ переноситъ на сообщниковъ, которые, какъ онъ увѣряетъ, его обманули“.

Но легко могутъ возразить:—трудное положеніе.

Обратимся къ болѣе позднему періоду его жизни.

Императоръ Александръ Павловичъ вступилъ на престолъ въ такомъ возрастѣ, когда сто лѣтъ тому назадъ, характеръ человѣка и его взгляды уже можно считать оформившимися. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ періодъ 25-лѣтніе генералы водили войска и нерѣдко занимали крупныя должности. Но съ другой стороны все же это такой возрастъ, въ который человѣкъ не очерствѣвалъ и въ тотъ практическій вѣкъ, когда люди такъ рано складывались; все же не прошелъ еще періодъ, когда ду-

шевная и умственная гибкость способна направить волю человѣка къ достиженію самыхъ благихъ начертаній; это періодъ, когда житейская паутина окончательно еще не охватила человѣка. Дѣйствительно, трудно было въ молодомъ императорѣ предполагать большую житейскую и правительственную опытность; окружавшіе Александра сообщники по 11 марта въ немъ не предполагали этого. Мало того, Александръ вступилъ на престолъ, давъ слишкомъ много завѣреній въ своихъ либеральныхъ взглядахъ. Мечты и заявленія о конституціи въ царствованіе отца доставляли популярность наслѣднику, отношенія котораго къ отцу не отличались прочностью. Тогда же Панинъ, будущій вдохновитель Александра въ дѣлѣ 11 марта, получилъ порученіе составить проэктъ конституціи. Наслѣдникъ самъ по ночамъ приходилъ помогать ему въ этой работѣ. Теперь вообще выясняется съ достаточной полнотой, что 11 марта было направлено не только противъ деспотизма Павла, но и въ цѣляхъ ограниченія деспотизма на будущее время. Но нельзя не поразиться тѣмъ удивительнымъ тактомъ и твердостью характера, съ которыми Александръ вышелъ изъ создавшагося для него затруднительнаго положенія. Вотъ нѣсколько бѣглыхъ указаній.

Извѣстный литераторъ того времени Коцебу, вращавшійся въ придворныхъ кругахъ, передаетъ, что Александръ 12 марта сказалъ заговорщикамъ: „Ну, господа, такъ какъ вы позволили себѣ зайти такъ далеко, довершите дѣло—опредѣлите права и обязанности государя; безъ этого престолъ не будетъ имѣть для меня привлекательности“. Такое заявленіе было естественнымъ при тогдашнемъ положеніи вещей. У графовъ Палена и Зубова былъ готовый проэктъ ограниченія самодержавія. Графъ Панинъ имѣлъ неосторожность напомнить своему царственному другу объ ихъ общихъ прежнихъ предположеніяхъ, но получилъ предложеніе подать въ отставку; Александръ устоялъ и не подписалъ конституціоннаго акта, исходившаго отъ заговорщиковъ. Но отвѣтить на стремленія той группы общества, представителями которой были заговорщики, было необходимо. Этого требовалъ элементарный тактъ правителя, такъ какъ всѣ разговоры велись слишкомъ громко. Начинаются попытки составить конституцію, уяснить и изучить существующія конституціи. Государь допускаетъ довольно неопредѣленнаго характера разговоры на совѣщаніяхъ неоффиціальнаго комитета. Въ туманныхъ очертаніяхъ эти разговоры становятся извѣстными въ обществѣ; оно находится

въ ожиданіи и чувствуетъ себя болѣе или менѣе удовлетвореннымъ. Рядъ лицъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ направленій получаетъ порученіе составить проэктъ конституціи. Такое положеніе вещей тянется нѣсколько лѣтъ. Такъ, поэтъ Державинъ, никогда не бывшій юристомъ, получаетъ подобнаго рода порученіе, издается извѣстный указъ Сенату о выясненіи его правъ, какой то проектъ о правахъ гражданъ составляетъ Новосильцевъ, въ 1803 году порученіе составить проэктъ органическихъ законовъ получаетъ черезъ Кочубея малоизвѣстный тогда еще Сперанскій, въ 1804 году министръ юстиціи Лопухинъ именемъ государя приказываетъ нѣмцу барону Розенкампфу, не знавшему еще ни русскихъ учрежденій, ни русскаго языка, составить опять таки проектъ конституціи и проч. По исходу всѣхъ этихъ проэктовъ не трудно видѣть, насколько искренни были желанія поручавшаго ихъ составлять. Но цѣль этихъ порученій совершенно очевидна: вопросъ усиленно муссируется въ нѣдрахъ общества, всѣ находятся въ ожиданіи великаго событія, одни радуются, довѣряя добрымъ намѣреніямъ молодого государя, другіе—люди консервативнаго направленія, негодуютъ. Наблюдатель могъ взвѣсить силу представителей направленій, а пока, подъ рукой, императоръ безъ шума удаляетъ всѣхъ, съ помощью которыхъ онъ преждевременно получилъ престолъ. Мало того, всматриваясь пристально во всѣ эти переговоры о составленіи проэкта конституціи, нельзя не замѣтить, что государь обращается къ лицамъ, за которыми нѣтъ партій, нѣтъ опредѣленнаго теченія, къ лицамъ безъ связей въ обществѣ, но за то тщательно избѣгаетъ обращенія къ такимъ лицамъ, которые не только могли бы составить проектъ конституціи, но и повліять на ея принятіе, помочь, вслѣдствіе своего вліянія въ государствѣ и опытности въ дѣлахъ, переходу къ новымъ формамъ правленія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря объ устраненіи основной группы заговорщиковъ, государь избѣгаетъ говорить о конституціи съ братьями Воронцовыми, съ графомъ Мордвиновымъ, съ графомъ Завадовскимъ и другими.

Во всемъ этомъ, въ высшей степени тонко проведенномъ эпизодѣ, нельзя не видѣть замѣчательнаго такта, поразительной житейской опытности и знанія людей, выказанныхъ молодымъ государемъ.

Мы видимъ передъ собой человѣка, который предпочитаетъ путь извилистый, дипломатически тонкій, открытому дѣйствію или

открыто выраженному убѣжденію,—человѣка, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ величайшимъ тактомъ и величайшей настойчивостью ведетъ дѣло въ опредѣленномъ направленіи. Но если въ данномъ случаѣ положеніе самаго дѣла требовало такого тонкаго образа дѣйствій, то можно указать рядъ такихъ фактовъ, когда никакія условія не вызывали необходимость скрывать, когда самодержавный императоръ могъ открыто высказать свою мысль. Но Александръ любилъ и умѣлъ говорить каждому то, что нравится собесѣднику, и охотно скрывалъ свои истинныя намѣренія. Извѣстна, напримѣръ, та „продѣлка“ (выраженіе графа Кочубея), которую продѣлалъ императоръ, когда собирался въ первый разъ на свиданіе въ Мемель къ королю и королевѣ прусскимъ: онъ тщательно скрылъ отъ своихъ министровъ тотъ фактъ, что это свиданіе долженствовало имѣть политическое значеніе, далъ даже Кочубею обѣщаніе не говорить въ Мемелѣ о политикѣ и тѣмъ не менѣе Мемельское свиданіе—важнѣйшій моментъ въ Александровской политикѣ, ибо оно послужило началомъ ея тяготѣнія къ Пруссіи.

Вообще надо замѣтить, что Александръ обладалъ замѣчательной способностью скрывать свои истинныя намѣренія, свои чувства и желанія. Прежде всего отмѣчу, что его умѣнье обращаться съ людьми, представляться имъ въ противоположномъ свѣтѣ, покрывать свою дѣятельность и свои задушевныя желанія „личиною“—эта особенность не только съ теченіемъ времени не исчезла, но, наоборотъ, окрѣпла, разцвѣла. Въ этомъ смыслѣ Александръ сдѣлался просто виртуозомъ. Но пока онъ пускалъ въ ходъ свою личину въ качествѣ частнаго человѣка, наслѣдника престола, это, конечно, была безвредная особенность. Но теперь въ государственное управленіе проникаетъ та же личина, а это приводитъ къ печальнымъ результатамъ. Кромѣ того, теперь эта личина не имѣетъ никакого оправданія: если, по словамъ біографовъ, Александру необходимо была прикрываться ею, лавируя между дворами бабки и отца, или избѣгая подводныхъ камней при Павлѣ, то теперь это была уже безполезная способность. Обратите только вниманіе на одинъ-другой фактъ.

Въ отношеніяхъ съ людьми и даже въ государственныхъ отношеніяхъ, Александръ умѣлъ всегда пріятно и убѣдительно говорить то, что нравится его собесѣднику. И это ему отлично удавалось. Въ Брестѣ въ 1813 г. онъ обворожилъ встрѣтившія его депутаціи поляковъ; по словамъ Новосильцева, „рѣчь“ импе-

ратора „была такъ убѣдительна, такъ разумна, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сдержана и ловка, что я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Онъ не обѣщалъ ничего, не принялъ на себя никакихъ обязательствъ, а все требовалъ. Несмотря на то, всѣ..... восторгались имъ послѣ пріема и въ высшей степени удивлялись ясности и вѣрности его мыслей“. Въ самомъ дѣлѣ, въ бытность свою въ Англіи Александръ наговорилъ массу любезностей вигамъ, стараясь увѣрить ихъ въ своемъ искреннемъ намѣреніи создать оппозицію въ Россіи, потому что она помогаетъ правительству правильнѣе отнестись къ дѣлу. Въ бесѣдахъ съ горячей поклонницей новыхъ идей, извѣстной Сталь Александръ не скупился на выраженія желанія улучшить государственное управленіе, освободить крѣпостныхъ; онъ такъ хорошо говоритъ о вредѣ деспотическаго управленія, что его восторженная собесѣдница записала въ своихъ мемуарахъ: „Сколько нужно нравственныхъ достоинствъ, чтобы судить о деспотизмѣ, будучи деспотомъ, и для того, чтобы никогда не злоупотреблять неограниченной властью“. Вообще въ Парижѣ Александръ произвелъ прекрасное впечатлѣніе.

Вотъ еще любопытный фактъ, иллюстрирующій указанную черту характера императора, разсказанный въ запискахъ Данилевскаго.

Проѣзжая черезъ одинъ изъ городовъ, Александръ Павловичъ разговорился съ хозяиномъ дома, въ которомъ ему была отведена квартира. Распрашивая о лицахъ, собравшихся передъ домомъ, онъ обратилъ вниманіе на одну старушку и пожелалъ узнать, кто она. Ему пояснили, что это небогатая вдова полковника Костомарова, имѣвшая единственнаго сына, убитаго въ Бородинскомъ сраженіи; она пріѣхала изъ деревни только для того, чтобы посмотрѣть на императора. Александръ вышелъ, сталъ обходить собравшихся и обратился также къ заинтересовавшей его старушкѣ: „Кто вы?“—спросилъ онъ.—„Полковница Костомарова“.—„Гдѣ живете?“ — „Въ деревнѣ, пріѣхала, чтобы посмотрѣть васъ“.—„Благодарю“. Затѣмъ императоръ сдѣлалъ видъ, что припоминаетъ что то: „А позвольте“,—снова спросилъ онъ,— „не было ли у васъ сына въ артиллеріи?“. — „Былъ“.—„Онъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи?“. — „Да“,— отвѣчала старушка. —„Это заставляетъ меня вдвое уважать васъ, какъ мать героя. Позвольте поцѣловать вашу руку“. Восторженное ура собравшейся толпы послужило лучшимъ доказательствомъ впечатлѣнія,

произведеннаго словами государя на присутствовавшихъ при этой сценѣ.

Вообще надо замѣтить, что Александръ тщательно обдумывалъ всякій свой шагъ прежде, нежели выступить публично, репетировалъ его такъ, какъ это дѣлаютъ актеры. С. Г. Волконскій (декабристъ) въ своихъ запискахъ разсказываетъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ, который мы приведемъ для иллюстраціи сказаннаго. Онъ замѣчаетъ, что царь любилъ дѣлать даже изъ религіознаго обряда, „какъ бы сказать, театральное, вахтъ-парадное представленіе. Къ извѣстному часу передъ полночью, въ день Пасхи, всѣ чины царской свиты, многіе чины военные и гражданскіе, имѣющіе право на дворцовый этого дня входъ и многіе мѣстные поляки и польки, допущенные на эту церковную службу, собрались во дворцѣ. Я и товарищъ мой Лопухинъ опоздали къ назначенному часу, а какъ мы обязаны были находиться въ той комнатѣ, гдѣ свита государева его ждала, то, боясь встрѣтить государя, для избѣжанія онаго, хотѣли пробраться черезъ церковь домашнюю, удобную для входа, чтобы добраться до нашего мѣста. Но едва подошли къ церквѣ по заднему ходу, какъ у дверей видимъ: придворный лакей воспрещаетъ намъ войти въ церковь. На вопросъ нашъ, почему, онъ намъ отвѣчалъ: „Нельзя, тамъ государь“.—Да что же онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?—На это онъ отвѣчалъ намъ: „Дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія“. Мы,—дай Богъ ноги“.

Зато тамъ, гдѣ онъ не видѣлъ необходимости нравиться, совершенно пропадала обычная кротость и мягкость императора. Такъ, Александръ вообще довольно презрительно относился къ своимъ подданнымъ, что особенно стало сказываться во вторую половину его царствованія. Рѣзкость въ обращеніи съ русскими и мягкость по отношенію къ иностранцамъ не разъ озадачивали Михайловскаго-Данилевскаго. Когда у Александра бывали иностранцы, разсказываетъ онъ о пребываніи императора въ Линдау, то онъ былъ веселъ и привѣтливъ; когда же всѣ расходились „и никого не оставалось въ домѣ, кромѣ насъ русскихъ, то онъ опять начиналъ сердиться“. По замѣчанію этого наблюдателя, Александръ держался по отношенію къ окружающимъ его русскимъ пословицы „что всякая вина виновата“.

Такое отношеніе императора къ своимъ подданнымъ объясняется не только его личнымъ требовательнымъ характеромъ, но и тѣмъ, что вообще онъ къ русскимъ относился съ крайнимъ

презрѣніемъ. Онъ не зналъ Россіи и не любилъ ея. Въ началѣ онъ тщательно скрывалъ это отношеніе къ своимъ подданнымъ, но съ теченіемъ времени не считалъ нужнымъ это дѣлать. Для современниковъ такое отношеніе императора не было секретомъ. Декабристъ Якушкинъ говоритъ о томъ, что до слуха всѣхъ безпрестанно доходили изреченія императора, въ которыхъ онъ выражалъ явное презрѣніе къ русскимъ. Во время смотра русской арміи при Вертю, знаменитый Веллингтонъ съ большими похвалами отозвался объ устройствѣ русской арміи, на что Александръ во всеуслышаніе заявилъ, что этимъ онъ обязанъ служившимъ у него иностранцамъ. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій передавалъ характерную фразу императора о всѣхъ русскихъ вообще: „каждый изъ нихъ,—сказалъ русскій государь—или плутъ, или дуракъ". Въ 1820 году онъ увѣрялъ своего союзника прусскаго короля, что оба они окружены „негодяями", но прогнать нельзя ихъ, потому что на мѣсто однихъ явятся другіе. Нужно вспомнить при этомъ, какъ жестоко отнесся Александръ I къ той самой арміи, которая побѣдила Наполеона и привела самого императора въ Парижъ: вмѣсто естественнаго отдыха и признательности со стороны верховнаго вождя, русскіе солдаты все время въ Парижѣ должны были заниматься экзерциціями и даже офицеры подвергались жестокимъ наказаніямъ за малѣйшія упущенія на плацъ-парадѣ.

Вообще же Александръ великолѣпно понималъ, что нужно для того, чтобы господствовать надъ людьми. Именно, Александръ всегда стремился къ господству, къ власти; онъ дѣлалъ все, чтобы очаровывать народы и государства, мужчинъ и женщинъ, хотя послѣднія ему, впрочемъ, были не нужны. И это была самая яркая черта его характера. Только онъ не довольствовался обычной властью русскаго императора: онъ слишкомъ хорошо присмотрѣлся къ послѣднимъ годамъ правленія своей бабки и понималъ, что въ ея власти за эти годы было не мало мишуры. Недаромъ, этъ людей близкихъ онъ требовалъ не только подчиненія себѣ, какъ государю, но и какъ человѣку.

Изъ стремленія къ господству вытекала подозрительность, напоминающая Павла, и непомѣрно развитое самолюбіе. Правда, Александръ искусно скрывалъ эти свойства и по крайней мѣрѣ умѣлъ личнымъ обаяніемъ подсластить пилюлю, которую онъ преподносилъ своей жертвѣ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, подозрительность стала выступать весьма рѣзко. Императоръ,

замѣтивъ какой нибудь знакъ, движеніе своихъ собесѣдниковъ, услышавъ смѣхъ, причины котораго онъ не зналъ, уже воображалъ, что надъ нимъ подсмѣиваются. Это вызывало сдержанность придворныхъ, а къ ней онъ тоже относился недовѣрчиво. Нечего и говорить, что въ послѣднія годы царствованія Александръ вездѣ видѣлъ проявленіе радикальнаго духа и, желая предотвратить развитіе его въ Россіи, думалъ истребить вольномысліе въ самомъ очагѣ его—во Франціи. Это была мечта бо́льшей половины его царствованія.

Подозрительность императора проявлялась не въ однихъ придворныхъ отношеніяхъ. Она перенесена была въ государственныя дѣла и здѣсь достигла замѣчательнаго развитія. Полицейскій сыскъ, „негласное“ наблюденіе за настроеніемъ общества, именно съ этого момента отлились въ сложную систему, характеризующую весь послѣдующій строй государства. Въ этотъ періодъ зарождавшаяся система отличалась отъ послѣдующихъ особенно тѣмъ, что дѣло сыска было однимъ изъ важнѣйшихъ личныхъ занятій монарха. Вообще у Александра была удивительная склонность къ сыску и въ этомъ отношеніи онъ, повидимому, достигалъ замѣчательнѣйшихъ результатовъ. Сыскъ надъ сыскомъ, вотъ система, которой онъ держался. Когда государь былъ въ Вильнѣ передъ войной, при немъ былъ министръ полиціи Балашовъ, который, конечно, былъ занятъ своимъ полицейскимъ дѣломъ. Но одновременно государь вызываетъ въ Вильно извѣстнаго великосвѣтскаго сыщика Де-Санглена и сепаратно поручаетъ ему политическій сыскъ. Но когда Балашовъ и Де-Сангленъ стали между собою видѣться, ихъ прослѣдилъ, очевидно, какой то третій сыскной агентъ, и Де-Санглену немедленно было объявлено неблаговоленіе императора по поводу посѣщенія имъ министра полиціи.

Подозрительность и самолюбіе не позволяли Александру держать около себя совѣтниковъ, которые или имѣли большое вліяніе въ государствѣ, или пожелали бы уменьшить его власть. Императоръ Павелъ очень просто поступилъ бы съ такими людьми. Но это не всѣмъ могло нравиться, отъ этого могла бы пострадать популярность. Да и примѣръ Павловскаго отношенія къ людямъ, въ силу той же подозрительности, наводилъ на нѣкоторыя размышленія. Въ такомъ случаѣ на помощь Александру являлось его замѣчательное пониманіе людей. Натравить совѣтниковъ одинъ на другого, или выбрать бездарную раболѣпную

посредственность было у Александра въ этихъ случаяхъ обычнымъ пріемомъ. Онъ самъ говорилъ Де-Санглену: „интриганы также нужны въ общемъ государственномъ дѣлѣ, какъ люди честные, иногда даже болѣе“. Пристрастіе Александра къ посредственностямъ замѣчали и современники. Такъ, въ запискахъ Фарнгагена встрѣчаемъ такой о немъ отзывъ: „существенныя свойства Александра—тщеславіе, хитрость или притворство; онъ любитъ только посредственность и только противъ воли пользуется людьми талантливыми“.

Всякое превосходство надъ собой, въ комъ бы оно не проявлялось со стороны его подданнаго, задѣвало въ Александрѣ чувство самолюбія. Онъ неохотно допускалъ такихъ людей къ участію въ дѣлахъ, и если приходилось это дѣлать, то даже за гробомъ не прощалъ своему сопернику. По этому случаю нельзя не вспомнить отношенія Александра къ Кутузову. Когда выяснилась полная непопулярность Барклая-де-Толли, окружающіе настоятельно совѣтовали императору назначить главнокомандующимъ Кутузова, который въ то время былъ несомнѣнно наиболѣе испытаннымъ боевымъ генераломъ. Александръ долго противился и весьма неохотно назначилъ. Но онъ всегда относился къ Кутузову, хотя съ внѣшней стороны очень внимательно, но по существу крайне недружелюбно. Послѣ смерти Кутузова, Александръ явно пренебрегалъ его памятью и даже не пожелалъ посмотрѣть воздвигнутый въ Германіи ему памятникъ, чего не сдѣлалъ ни одинъ нѣмецкій государь.

Правда, съ внѣшней стороны можетъ показаться, что рядъ лицъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора. Съ внѣшней стороны казалось, что императоръ легко поддается вліяніямъ. Но это была лишь внѣшняя показная сторона, способствовшая лишь популярности императора, и общественное мнѣніе Петербурга охотно приписывало всѣ неудачныя мѣры совѣтникамъ императора. Тутъ, прежде всего, надо вспомнить, что никому изъ совѣтниковъ императора не удалось провести въ жизнь ни одной сколько-нибудь крупной мѣры. Кромѣ того, подборъ вліятельныхъ совѣтниковъ имѣлъ еще и своеобразныя цѣли. Въ первую половину царствованія Александръ опирался на совѣтниковъ противоположныхъ направленій. Въ первые мѣсяцы царствованія онъ окружаетъ себя старыми дѣльцами Екатерининской эпохи и съ удивительно тактичной осторожностью постепенно отдаляетъ отъ себя графовъ Палена, бр. Зубовыхъ и другихъ, доставившихъ

ему преждевременную возможность вступить на престолъ. Одновременно онъ собираетъ около себя кружокъ такъ называемыхъ молодыхъ совѣтниковъ, представлявшихъ собой совершенную противоположность остатку Екатерининскихъ министровъ. Лаская то однихъ, то другихъ, онъ постепенно отстранилъ представителей и той и другой партіи, какъ только сталъ замѣчать настойчивость екатерининскихъ министровъ и стремленіе къ опекѣ со стороны своихъ молодыхъ совѣтниковъ. Образовалась на время пустота, которая заполнилась „выскочкой", человѣкомъ безъ связей въ аристократическихъ салонахъ. Сперанскій былъ твердъ характеромъ и настойчивъ. Когда это понадобилось, онъ былъ удаленъ такъ, что популярность императора только выросла.

Что недовѣріе играло роль въ удаленіи совѣтниковъ, весьма хорошо показываетъ слѣдующій фактъ. Въ зенитѣ своего возвышенія, Сперанскій былъ окруженъ шпіонами: за нимъ обязанъ былъ слѣдить министръ полиціи Балашовъ, а за министромъ полиціи—особый агентъ Де-Сангленъ, имѣвшій докладъ у императора. Самъ Аракчеевъ, преданнѣйшій слуга государя, былъ подъ надзоромъ его шпіоновъ.

Вообще въ силу указанныхъ особенностей характера Александръ предпочиталъ окружать себя людьми или безъ связей въ обществѣ (Сперанскій, Аракчеевъ, иностранцы), или людьми, ничтожество которыхъ было ясно для всѣхъ, и прежде всего для самого государя. Окруженный личностями вродѣ Балашова, Армфельда, Де-Санглена, онъ говорилъ однажды послѣднему: „Я рѣшительно никому не вѣрю", а когда де-Сангленъ, по поводу жалобъ на корыстолюбіе Балашова, замѣтилъ: „Я бы смѣнилъ его",— Александръ отвѣчалъ: „Развѣ новые лучше будутъ? Эти ужъ сыты, а новые затѣмъ же все пойдутъ". Въ другомъ случаѣ, въ разговорѣ съ тѣмъ же де-Сангленомъ, Александръ такъ отзывался о своихъ приближенныхъ: „хорошо я окруженъ: Козодавлевъ плутуетъ, жена его собираетъ дань, Балашовъ мнѣ 80 тысячъ не даетъ. Я приступаю, онъ утверждаетъ, что пакетъ найденъ безъ денегъ. Все ложь! Графъ Т. твердитъ уроки Армфельда и Вернега, который живетъ съ его женой. Волконскій безпрестанно проситъ взаймы 50 тысячъ на 50 лѣтъ безъ процентовъ. Насилу я съ нимъ сошелся на 15 тысячъ безъ возврата. Вотъ все какіе у меня помощники". Правда, тутъ императоръ подобралъ коллекцію своихъ сотрудниковъ, о которыхъ ничего хорошаго и сказать было нельзя. Но это былъ его выборъ. Если около него

появлялись сотрудники, которыхъ нельзя было упрекнуть во взяточничествѣ, или въ чемъ либо подобномъ, то государь имъ мало довѣрялъ, третировалъ ихъ и старался поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ. Въ началѣ царствованія нельзя было обойти назначеніями извѣстныхъ Екатерининскихъ дѣльцовъ, братьевъ графовъ Воронцовыхъ. Въ 1802 году Александръ назначилъ графа Семена Романовича канцлеромъ. Но императоръ не довѣрялъ своему министру и питалъ къ нему, по словамъ Чарторыйскаго, „непреодолимое отвращеніе“: „все было ему антипатично въ старикѣ: устарѣлые его пріемы, звукъ голоса—протяжный и гнусливый, привычныя тѣлодвиженія“. Наединѣ съ княземъ Чарторыйскимъ Александръ насмѣхался надъ своимъ министромъ, передразнивалъ его. Тогда же нельзя было обойти и такого дѣятеля, какъ графъ Завадовскій. Александръ сдѣлалъ его министромъ народнаго просвѣщенія „только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ“. Но новый министръ, несмотря на свое стремленіе развить дѣятельность, не получаетъ никакого вліянія. По словамъ самаго императора, „онъ—нуль“, „настоящая овца“, за спиной которой дѣйствуютъ другіе, которымъ довѣряетъ государь. Дмитріевъ и Шишковъ были безусловно честными людьми, но это были министры безъ доклада у государя: такъ вышло на практикѣ.

Итакъ, къ дѣльнымъ и честнымъ министрамъ государь относится подозрительно и ихъ устраняетъ, нечестныхъ и неспособныхъ—онъ презираетъ. Очевидно, ни съ тѣми, ни съ другими работать ему непріятно. Александръ ищетъ себѣ помощниковъ среди иностранцевъ съ самымъ разнообразнымъ прошлымъ. Извѣстный историкъ Татищевъ отмѣчаетъ появленіе иностранныхъ именъ въ нашей дипломатіи Александровскаго времени взамѣнъ чисто русскихъ фамилій эпохи Екатерины II: полякъ Чарторыйскій, французъ Убри, эльзасецъ Анштетъ, венеціанецъ Мочениго, корсиканецъ Поццо-ди-Борго, корфіотъ Каподистріа, къ этому можно прибавить Будберга, Стакельберга, Нессельроде, Ипсиланти и др. Даже русскій языкъ, обработанный для дипломатическихъ цѣлей въ эпоху Панина, Безбородко, теперь замѣняется условной и напыщенной французской фразой. Таковъ былъ способъ подбора сотрудниковъ, таково было отношеніе къ нимъ государя; легко убѣдиться, что едва ли Александръ могъ поддаваться чужому вліянію.

Вообще представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ слабомъ, способномъ быть постоянно подъ чьимъ либо вліяніемъ, создалось

по недоразумѣнію. Желая всѣмъ нравиться, Александръ охотно давалъ понять своему собесѣднику, что онъ ему вполнѣ подчиняется. Но, въ дѣйствительности, это бывала только личина. Если исключить Талейрана, и Меттерниха, которымъ императоръ вѣрилъ, какъ людямъ, и которые его обманывали, какъ дипломаты, то весьма на немногихъ можно указать, какъ на довѣренныхъ лицъ. Штейну Александръ довѣрялъ, но прусскіе идеалы Штейна сходились съ идеалами самого Александра. Изъ русскихъ одинъ только Аракчеевъ можетъ быть признанъ въ числѣ лицъ, вліявшихъ на государя, или по крайней мѣрѣ, пользовавшихся его довѣріемъ. Сюда же надо отнести и князя А. Н. Голицына. Но послѣдній былъ человѣкомъ, къ которому можно было бы примѣнить наименованіе блаженнаго, а Аракчеевъ, дѣйствительно давалъ Александру то, чѣмъ онъ больше всего дорожилъ въ людяхъ—„собачью преданность“, по опредѣленію одного современника. Дружба съ Аракчеевымъ—это дружба, зародившаяся въ ранней юности, когда складывается умъ и характеръ человѣка. Несмотря на любовь къ Аракчееву и довѣріе, Александръ болѣе 10 лѣтъ не выдвигалъ его на отвѣтственный постъ, избѣгая непопулярнаго шага. Впрочемъ, въ періодъ вліянія на дѣла, Аракчеевъ не столько руководилъ императоромъ, сколько въ точности исполнялъ его предначертанія, принимая все недовольство общества внутренней политикой на себя.

Въ характерѣ Александра Павловича не трудно указать рѣдкое умѣніе его упорно стремиться къ разъ намѣченной цѣли. Этого не дѣлаютъ люди съ слабымъ характеромъ. Весьма рельефнымъ примѣромъ настойчивости императора могутъ служить дипломатическія сношенія: разъ усвоивъ опредѣленныя политическія задачи, или установивъ личныя отношенія, Александръ I преслѣдуетъ намѣченную цѣль, несмотря ни на какія препятствія, часто подвергая даже опасности все государство. Вообще дипломатическіе принципы Александра I свидѣтельствуютъ намъ о государѣ, дѣйствующемъ подъ вліяніемъ совершенно личныхъ впечатлѣній, ставящимъ интересы государства на задній планъ въ сравненіи съ интересами личнаго характера. Такая черта была совершенно непонятна для Наполеона.

Всѣ собранныя до сихъ поръ черты характера императора Александра далеко не даютъ повода видѣть въ немъ человѣка, способнаго поддаваться тому или другому вліянію. Не имъ руководили совѣтники, но онъ самъ направлялъ ихъ дѣятельность.

Человѣкъ съ столь сильнымъ чувствомъ властолюбія по существу своего характера не могъ примириться съ уменьшеніемъ своей власти. „Ты все хочешь учить“,—крикнулъ Александръ однажды министру юстиціи Державину,—„а я—самодержавный царь и хочу, чтобы было такъ, а не иначе“. Отсюда и всѣ мечты о конституціи—только мечты, нужныя для популярности, для захвата власти—не болѣе. Конечно, это не значитъ, что Александръ не стремился къ лучшему устроенію государства.

Александръ всегда былъ склоненъ къ мечтательности и въ этомъ онъ весьма напоминаетъ своего отца императора Павла. Эта черта сказывалась въ немъ и въ области государственнаго правленія. Многое, что онъ говорилъ о благѣ крестьянства, о тяготахъ крѣпостного ига, дышетъ правдивостью. Въ его мечтахъ объ устроеніи государственнаго порядка, есть много искренняго желанія ввести порядокъ, и эти его желанія основаны на отчетливомъ пониманіи недостатковъ въ управленіи. Но конечныя цѣли этихъ стремленій сводятся къ установленію дисциплины въ государствѣ, къ стремленію руководить всѣмъ механизмомъ государственнаго управленія изъ императорскаго кабинета. Къ тому же стремился и императоръ Павелъ, только въ болѣе рѣзкой формѣ, въ формѣ полицейскаго государства. Императоръ Александръ мечталъ объ установленіи фундаментальныхъ законовъ, но это туманныя мечты, весьма напоминающія стремленія его отца къ такимъ предписаніямъ, которыя должны опутывать все общество сѣтью предписаній нравственно-полицейскаго характера. Онъ хорошо понималъ злоупотребленія подчиненныхъ органовъ, весьма неодобрительно относился къ администраціи Екатерининскаго періода и путемъ мелочнаго контроля, полицейскихъ мѣръ, полагалъ возможнымъ достигнуть исправленія.

Такъ, кажется, можно суммировать туманныя мечты императора объ устроеніи лучшихъ порядковъ въ Россіи: но эти мечты, во всякомъ случаѣ не связывались съ мыслью объ уменьшеніи власти государя, почему заявленія о вредѣ „деспотизма нашего правленія“ надо признать красивыми фразами, разсчитанными на популярность. Тутъ получался заколдованный кругъ. При такихъ условіяхъ государь не отдѣлялся отъ государства. Александръ I не былъ склоненъ поступиться въ какой бы то ни было мѣрѣ обширной властью неограниченнаго монарха, почему онъ и не могъ согласиться ни на одну изъ предложенныхъ ему конституцій. Недаромъ Де-Сангленъ передаетъ слѣдующія слова императора,

высказанныя имъ по поводу, составленнаго Сперанскимъ устава Государственнаго Совѣта: „Сперанскій вовлекъ меня въ глупость. Зачѣмъ я согласился на Государственный Совѣтъ и на титулъ Государственнаго Секретаря? Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства. Это глупо и въ планѣ Лагарповомъ того не было“.

При такихъ взглядахъ Александра не могли удовлетворить предлагавшіеся ему проекты. Уберечь власть на той высотѣ, какой она достигла въ XVIII вѣкѣ, и дать права обществу—неразрѣшимая дилемма. Это вскорѣ замѣтилъ и другъ юности Александра—князь Адамъ Чарторыйскій, охарактеризовавшій мечты императора о свободѣ слѣдующимъ образомъ: онъ готовъ былъ дать свободу всему міру, лишь бы этотъ міръ поклялся исполнить всѣ его желанія.

Такимъ образомъ, мечты императора о лучшемъ устроеніи государства, правда, мечты очень туманныя и неопредѣленныя въ итогѣ напоминаютъ намъ бурное стремленіе Павла ввести полицейскую дисциплину.

Мы уже раньше замѣтили о сходствѣ многихъ воззрѣній и чертъ характера обоихъ императоровъ. Не вдаваясь въ подробности, ограничимся напоминаніемъ основныхъ чертъ сходства. Обоихъ императоровъ объединяетъ отрицательное отношеніе, какъ къ личности Екатерины II, такъ и ко всему ея царствованію. Политическія симпатіи обоихъ склонялись къ Пруссіи и къ прусской политикѣ. Императоръ Павелъ еще будучи наслѣдникомъ престола открыто заявлялъ прусскому послу о своемъ желаніи въ будущемъ согласовать русскую политику съ намѣреніями Прусскаго короля. Онъ выполнилъ это обѣщаніе, а его сынъ ставилъ на карту огромныя русскія арміи, поддерживая прусскую политику. Вообще для Павла иностранная политика была совершенно личнымъ дѣломъ, такъ же личнымъ дѣломъ она была и для Александра I, и его борьба съ Наполеономъ, его прусскія симпатіи имѣютъ мало общаго съ истинными интересами государства. Въ этомъ скрывается огромная разница между политикой Александра I и его бабки. Увлеченіе средневѣковымъ рыцарствомъ—общеизвѣстная черта характера императора Павла. Она приложима и къ Александру Павловичу, конечно безъ тѣхъ комическихъ штриховъ, къ которымъ былъ такъ склоненъ его отецъ. Для сравненія напомнимъ хотя бы отношенія Павла къ фрейлинѣ Нелидовой и отношенія Александра I къ прусской королевѣ Луизѣ.

Черты средневѣковаго романтизма характеризуютъ взгляды обоихъ императоровъ на международныя отношенія.

Императоръ Павелъ мечталъ о союзѣ государей и въ конечномъ итогѣ политическая система его сына покоилась на союзѣ государей, основанномъ на Евангеліи, но мысль основателя союза была проникнута мистическимъ, туманнымъ воззрѣніемъ. Иногда сказывается сходство даже въ отдѣльныхъ фактахъ; Александръ стремился провести въ жизни то, о чемъ мечталъ его отецъ: таково, напримѣръ, упорное стремленіе Александра проводить идею военныхъ поселеній, которая высказана была Павломъ еще въ запискѣ 1774 года.

Вообще это сопоставленіе идейнаго вліянія отца на сына можно бы продолжить параллельнымъ указаніемъ длиннаго ряда фактовъ, но и сказаннаго можно считать, кажется, достаточнымъ. Дополнимъ только, что это сходство выражалось не только въ общности идей, но и другихъ чертъ характера. Оба государя отличались способностью къ весьма энергичной личной дѣятельности, каждый изъ нихъ стремился во все вникать, слѣдить за мелочами. У Александра это послѣднее качество выражалось въ менѣе рѣзкой формѣ; онъ умѣлъ скрывать свою мелочность. Но все же лица, его хорошо знавшія, знали и то вниманіе, которое государь удѣлялъ мелочамъ: онъ сердился, если ему давали бумагу на $^1/_8$ дюйма больше или меньше обыкновеннаго, онъ стремился все выравнивать, все сглаживать, и извѣстный Ермоловъ даже утверждаетъ, что императоръ страдалъ наслѣдственной хронической болѣзнью, которую онъ называетъ симметріей. Извѣстна вспыльчивость Павла. Александръ выработалъ въ себѣ по наружности спокойное отношеніе къ людямъ. Но это спокойствіе было слѣдствіемъ работы надъ самимъ собой, это—слѣдствіе житейской школы, пройденной императоромъ въ молодости. Въ дѣйствительности онъ былъ очень раздражителенъ, настойчиво мстителенъ, хотя всѣ эти качества въ немъ проявлялись не рѣзко. Мы уже видѣли, какъ онъ былъ не сдержанъ и ворчливъ, такъ сказать въ домашней средѣ, гдѣ не было нужды стѣсняться, но иногда въ немъ можно было наблюдать вспышки гнѣва, напоминавшія отца. Декабристъ Якушкинъ разсказываетъ любопытную сцену, происшедшую въ 1814 году въ Петербургѣ. Императоръ во главѣ гвардейской дивизіи съ обнаженной саблей приближался къ каретѣ, въ которой сидѣла императрица Марія Ѳеодоровна, для того, чтобы отдать ей честь. Въ это время черезъ улицу

передъ лошадью государя пробѣжалъ мужикъ. Императоръ съ обнаженной саблей бросился на мужика, котораго, впрочемъ, въ этотъ моментъ полиція приняла въ палки. Когда это было незамѣтно для глазъ наблюдающихъ, Александръ проявлялъ удивительную жестокость. Извѣстна, напр., та жестокость, которую проявилъ государь по отношенію къ разжалованному офицеру Шишкину. Не менѣе замѣчательно и то упорное преслѣдованіе, которому подвергались офицеры Семеновскаго полка, разосланные по разнымъ частямъ арміи послѣ бунта этого полка въ 1820 году.

Любовь къ военному дѣлу, вѣрнѣе—любовь къ мелочамъ военнаго дѣла, сближаетъ характеръ обоихъ императоровъ. По словамъ Тучкова, дворъ императора Александра сдѣлался почти совсѣмъ похожимъ на солдатскую казарму. Императоръ былъ постоянно окруженъ ординарцами, посыльными, ефрейторами, солдатами, одѣтыми для образца въ мундиры различныхъ частей. Цѣлые часы онъ проводилъ въ изученіи особенностей солдатской формы, дѣлая замѣтки мѣломъ своею рукою на мундирахъ и исподнихъ платьяхъ; въ его кабинетѣ былъ всевозможный подборъ разныхъ мелочей солдатской аммуниціи: щетки для усовъ, сапоговъ, дощечки для чищенія пуговицъ и т. п. Нечего и говорить, что Александръ подобно своему отцу съ жаромъ отдавался обученію солдатъ. Тучковъ разсказываетъ содержаніе одного разговора, которымъ удостоилъ его государь; во время смотра гвардіи государь сталъ распространяться о томъ, что его первымъ правиломъ было всегда внушить солдату, что оружіе дается солдату для нападенія и обороны, а не для того чтобы дѣлать ружьемъ на караулъ. И вдругъ во время рѣчи императоръ замѣтилъ, что солдаты не по формѣ опускаютъ внизъ носки сапоговъ. „Носки внизъ“,—закричалъ онъ, потомъ: „не затягивай ногу“ и далѣе весь отдался исправленію мелочей маршировки. Императоръ цѣлые часы проводилъ въ экзерциргаузѣ, лично обучая маршировкѣ солдатъ, качаясь безпрестанно съ ноги на ногу, какъ маятникъ, въ тактъ. Императоръ находилъ время, въ своемъ увлеченіи военной муштрой для того, чтобы собственноручно писать приказы по гвардіи, въ которыхъ онъ выражалъ свое неудовольствіе, напр. тѣмъ, что во время марша „много колѣнъ было согнутыхъ“, или что „носки были не вытянуты“.

Такъ, слѣдовательно, кажется, есть достаточно основаній, для того, чтобы въ обрисовкѣ характера Александра I видѣть

многія черты, напоминающія его отца, и при томъ такія черты, которыя имѣютъ кардинальное значеніе въ дѣлѣ направленія внутренней и внѣшней политики государства. Правда, мы обошли еще одинъ пунктъ, который, хотя и не имѣетъ для насъ особо важнаго значенія, все же является такимъ, который опустить не слѣдовало бы. Императоръ Александръ въ періодъ разцвѣта своей жизни отличался мистической религіозностью. Правда, вопросъ о развитіи религіозныхъ убѣжденій въ немъ можно считать совершенно невыясненнымъ. Но представляется, что и здѣсь существенныхъ различій между отцомъ и сыномъ не было. Императоръ Павелъ несомнѣнно отличался глубокой религіозностью и для его времени она отличалась оригинальными чертами: онъ по природѣ своей былъ склоненъ къ вѣрѣ въ таинственное, къ мистицизму, онъ иногда страдалъ даже галлюцинаціями. Александръ, какъ это иногда бываетъ со многими людьми, въ болѣе молодые годы не слѣдовалъ тому религіозному влеченію, которое таилось въ немъ, какъ слѣдствіе дѣтскихъ раннихъ влеченій.

Правда, можно предвидѣть очень не мало возраженій, которыя могутъ быть высказаны противъ предложеннаго нами пониманія и объясненія личности императора. Возраженія будутъ исходить изъ тѣхъ предположеній, что воспитанникъ Екатерины II, согласившійся на заговоръ противъ отца, не можетъ быть идейно связанъ съ личностью послѣдняго. Но, во-первыхъ, мы имѣемъ въ виду и физіологическія причины, опредѣляющія характеръ человѣка. Съ другой стороны только что указанныя возраженія могутъ служить и лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго взгляда. Воспитаніе бабки состояло прежде всего въ утвержденіи внука въ добродѣтельныхъ мысляхъ и поступкахъ и въ отдѣленіи сына отъ отца. Но, какъ всегда бываетъ, слишкомъ усиленные поиски за образцами добродѣтелей побуждаютъ воспитываемаго съ особенной чуткостью относиться къ тѣмъ случайнымъ, иногда мало замѣтнымъ вліяніямъ, которыя прорываются, получаютъ доступъ извнѣ. Въ Гатчинѣ все было проще, доступнѣе для мальчика и юноши, не было назойливаго воспитательнаго взора, и въ то же время интересно, потому что связывалось съ игрой въ военное дѣло. Такая обстановка наилучшимъ образомъ воздѣйствовала на будущаго наслѣдника. Мимолетные, лишенные наставительнаго характера разговоры съ отцомъ производили на юношу сильное впечатлѣніе. Въ этихъ условіяхъ и формировались взгляды будущаго императора. Быть можетъ, событіе

одиннадцатаго марта въ еще большей степени содѣйствовало духовному сближенію обоихъ. Прошло время, тягота положенія наслѣдника при Павлѣ забылась, сгладилась, а образъ отца въ болѣе свѣтлыхъ очертаніяхъ стоялъ передъ сыномъ съ извѣстнаго рода укоризной. Императоръ Павелъ воспиталъ въ себѣ культъ своего безвременно погибшаго отца. И императоръ Александръ I также проникнутъ почтительной памятью о своемъ отцѣ.

ГЛАВА IV.

Первые шаги новаго правленія.

Ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года освободила Россію отъ тяжелаго Павловскаго режима. Когда эта вѣсть разнеслась по городу, восторгъ населенія не зналъ предѣловъ. Даже внѣшній колоритъ публики немедленно измѣнился: на улицѣ появились круглыя шляпы, жилеты и др. запрещенныя части одежды. По словамъ одного современника, всѣ ощутили, „что словно какимъ то волшебствомъ съ рукъ свалились цѣпи и что нація, вызванная изъ гроба, пробуждалась къ новой жизни“.

Восторгъ выражался однако не въ однѣхъ круглыхъ шляпахъ. Въ любимомъ внукѣ Екатерины II одни видѣли преемника ея политики; другіе, зная либеральное настроеніе юнаго монарха, простирали свои виды нѣсколько далѣе. Имъ казалось, что обновленіе должно коснуться основныхъ сторонъ политическаго строя государства. Молодой дипломатъ Татищевъ, членъ иностранной коллегіи, писалъ по-французски дядѣ своему, графу С. Р. Воронцову, въ Англію: „Всѣ мы какъ будто возрождаемся къ новой жизни. Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ разсѣялись, какъ зловѣщіе призраки, порождаемые мимолетнымъ сномъ. Ихъ замѣнила надежда на народное благополучіе и на безопасность отдѣльныхъ лицъ, счастіе, на которое нельзя было разсчитывать въ злополучную эпоху, повергшую наше отечество въ скорбь и подточившую источники нашего богатства. Будемъ надѣяться, что благодѣянія начинающагося царствованія въ скорости излѣчатъ безчисленныя бѣды, насъ обременявшія“. Но особенно рельефно эту мысль выразилъ Каразинъ въ письмѣ, которое онъ успѣлъ передать при посредствѣ придворныхъ императору. Письмо очень любопытно, потому что отражаетъ настроеніе значительной части общества. Каразинъ восторженно излагаетъ свои мысли, которыя онъ ощутилъ, проходя мимо дворца въ безмолвіи ночи: „Неужели онъ, созданному для душъ обыкновенныхъ удовольствію самовластія, хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною

славою и тою наградою, которая ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства? Нѣтъ... Онъ дастъ намъ непреложные законы... Онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ нерушимый во вѣки. И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ и желѣзный своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижали ея завѣта. Государь воспроситъ совѣта мужей мудрыхъ, счастливою для нихъ судьбою поставленныхъ близъ его, и другихъ, которыхъ гласъ отъ отдаленнѣйшихъ краевъ его государства истину повѣдать ему станетъ".

Въ этомъ письмѣ излагается цѣлая программа.

Въ любимомъ внукѣ Екатерины II одни видѣли преемника ея славной политики, другіе полагали возможнымъ склонить государя къ обновленію всего политическаго строя страны. Въ обществѣ можно было уловить различные оттѣнки, партійныя мнѣнія, но общее настроеніе его громко требовало коренныхъ реформъ. Уже самый переворотъ 11-го марта имѣлъ не только личныя цѣли избавленія отъ деспотическаго режима, но не былъ лишенъ и политическихъ стремленій. Въ силу сложившихся условій Александръ долженъ былъ удовлетворить настроенію общества, и надо замѣтить, что онъ сдѣлалъ это въ высшей степени искусно, успѣвъ на долгое время удержать симпатіи общества и даже укрѣпить неограниченную власть монарха. На основаніи первыхъ же указовъ едва ли не каждое изъ общественныхъ теченій могло надѣяться, что государь пойдетъ навстрѣчу стремленіямъ именно этого теченія. Государь обѣщалъ управлять „по закону и по сердцу бабки", по частямъ возстановилъ Екатерининское законодательство, чѣмъ удовлетворилъ стремленія „катеринствовавшихъ" вельможъ. Отмѣнены указы, напоминающіе безпорядочную требовательность Павловскаго режима. Бѣглецы, укрывшіеся за границей за исключеніемъ уголовныхъ, получили амнистію. Отмѣнено распоряженіе о воспрещеніи привоза книгъ и разрѣшены частныя типографіи. По частямъ возстановлены Жалованныя Грамоты дворянству и городамъ. Уничтожена тайная экспедиція: всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона, — говорилъ объ этомъ указъ. Возвращены изъ тюремъ и ссылки исключенные въ предшествовавшее царствованіе изъ службы и даже составлена особая комиссія для ихъ разбора. Рядъ указовъ долженъ былъ воздѣйствовать на болѣе радикальную часть общества. Въ правительственныхъ актахъ стали мелькать

выраженія съ намеками на болѣе крупныя перемѣны. Сенатъ названъ правительственнымъ; въ актахъ появились слова или запрещенныя въ предшествовавшее царствованіе, или во всякомъ случаѣ необычныя для оффиціальнаго языка: отечество, русскіе подданные, благо народа, незыблемые законы. Казалось, сдѣланъ былъ приступъ къ крупнымъ реформамъ указами 30 марта объ учрежденіи Непремѣннаго Совѣта и 5-го Іюля 1801 года о правахъ Сената.

Въ указѣ Сенату высказывалось желаніе „возстановить оной на прежнюю степень, ему приличную“ и намѣреніе „права сіи... поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ... и содѣлать во вѣки непоколебимымъ“. Непремѣнному Совѣту данъ особый наказъ, по которому Совѣтъ долженъ былъ пересмотрѣть всѣ законы и составить проектъ улучшеній въ управленіи государствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; при немъ даже учреждается особая комиссія составленія законовъ. Главная цѣль Совѣта „постановить силу и блаженство Имперіи Всероссійской на незыблемомъ основаніи закона“.

Этотъ потокъ указовъ—парадная сторона новаго правительства. Общество принимало всѣ эти мѣры съ восторгомъ. Но спрашивается: какъ же новое правительство выполняло свои обѣщанія?

Съ первыхъ дней своего царствованія императоръ Александръ былъ окруженъ заговорщиками. Трудно опредѣлить политическіе идеалы, которымъ служили графы Паленъ, Панинъ и бр. Зубовы. Время ими было упущено, и вскорѣ положеніе ихъ при дворѣ сдѣлалось шаткимъ; безъ шума они были удалены изъ столицы. Тогда при императорѣ образуется нѣсколько группъ лицъ, связанныхъ между собою единствомъ воззрѣній и представлявшихъ отраженіе либеральныхъ стремленій различныхъ слоевъ дворянства. Наиболѣе крупныя мѣста въ государственномъ механизмѣ занимаютъ нѣкоторые изъ екатерининскихъ вельможъ, какъ гр. Завадовскій, Трощинскій, бр. Воронцовы, Державинъ, Беклешовъ и др. Всѣ они явились представителями умѣренно либеральныхъ теченій, иногда съ сильной окраской московскаго боярства. Мы сейчасъ увидимъ, что и эти лица различествовали въ направленіи своихъ стремленій. Съ другой стороны, весьма близкими къ государю являются его личные друзья, какъ Новосильцевъ, кн. Адамъ Чарторыйскій, Кочубей, гр. Строгановъ, Лагарпъ. Обѣ группы лицъ—люди не одинаковаго направленія, но каждая представляла изъ себя кружокъ болѣе или менѣе единомысленныхъ людей. Вторая

пользовалась довѣріемъ императора, къ первой императоръ относился съ учтивою осторожностью, и всѣ они были далеки отъ единства во взглядахъ личныхъ и государственныхъ. Обѣ группы лицъ отражали въ себѣ политическія теченія тогдашняго общества и потому по ихъ дѣятельности и на основаніи ихъ взглядовъ можно себѣ составить наиболѣе отчетливое представленіе о тѣхъ общественныхъ теченіяхъ, которыя выдвинулись въ эту эпоху. Уже современники назвали группу друзей императора—партіею „молодыхъ“ совѣтниковъ (молодость ихъ весьма сомнительна, потому что Кочубею было 33 года, а Новосильцеву 39). Другую партію называютъ партіею „стариковъ“, хотя правильнѣе ее назвать сенатской партіей. Обѣ партіи имѣли случай высказать свои взгляды при обсужденіи проекта о правахъ Сената.

Обѣ партіи сразу стали во враждебныя другъ къ другу отношенія. Это отразилось на отзывахъ современниковъ. Державинъ называлъ „молодыхъ“ якобинской шайкой. Карамзинъ, Дмитріевъ и другіе приписываютъ имъ широкія либеральныя идеи. Отзвукъ этой партійной борьбы отразился и въ текущей научной литературѣ. Въ послѣдней преобладаетъ взглядъ, выставляющій партію „молодыхъ“ либералами, даже съ демократическимъ оттѣнкомъ, стремившимися, но не успѣвшими ввести конституцію въ Россіи. Напротивъ, „старики“ выставляются рутинерами, не пошедшими далѣе основъ Екатерининской политики. Въ сущности такіе взгляды далеко не подтверждаются тѣмъ, что сохранили до насъ документальныя данныя.

Что касается „молодыхъ“ совѣтниковъ, то если въ области административныхъ начинаній ихъ дѣйствительно связывала нѣкоторая общность взглядовъ, то того же нельзя сказать о вопросахъ политическихъ и соціальныхъ. Республиканецъ Лагарпъ явился усерднымъ защитникомъ личныхъ интересовъ своего воспитанника; онъ, очевидно, полагалъ, что идеи свободы существуютъ не для русскихъ, а ограниченная власть монарха не для его царственнаго воспитанника. Кн. Ад. Чарторыйскій, какъ полякъ, чувствовалъ себя иностранцемъ, хотя въ его либерализмѣ не можетъ быть сомнѣнія. Гр. Строгановъ несомнѣнно выдѣляется изъ этого кружка и своими взглядами и своимъ искреннимъ, но черезчуръ туманнымъ либерализмомъ. Онъ дѣйствительно стремился къ установленію конституціонныхъ формъ правленія, но полагалъ необходимымъ сначала реорганизовать всю администрацію и судъ, подготовить общество и затѣмъ уже ввести кон-

ституцію, подготовляя все это грандіозное дѣло въ небольшомъ кружкѣ лицъ и при чрезвычайно таинственной обстановкѣ. Это указываетъ на недостатокъ его опытности въ серьезной государственной работѣ, на его теоретичность, которая, впрочемъ, была свойственна многимъ представителямъ тогдашняго общества. Что касается Кочубея и Новосильцева, то либерализмъ ихъ былъ весьма относительнаго свойства; Новосильцевъ былъ образованный англоманъ, но человѣкъ съ черезчуръ гибкой политической совѣстью. Кочубей—осторожный придворный конца XVIII вѣка. Впослѣдствіи Новосильцевъ показалъ себя очень способнымъ по полицейской части, особенно въ періодъ дѣятельности своей въ Варшавѣ и даже запятналъ себя продажностью, ибо не стѣснялся передачею секретныхъ бумагъ прусскому правительству. Это были люди, стремившіеся къ вліянію и власти, готовые даже сдерживать либеральные порывы осторожнаго монарха. Несмотря на отмѣченныя особенности личныхъ свойствъ членовъ негласнаго комитета, они, однако, не могутъ быть разсматриваемы какъ лица, стоящія внѣ общественныхъ теченій того времени: они представляли собою то направленіе, которое потомъ получило видное значеніе и которое можно охарактеризовать либерально-бюрократическимъ. Они были увѣрены въ томъ, что, исправивъ законодательство, опредѣливъ въ точности дѣятельность административныхъ органовъ, подчинивъ ихъ волѣ одного лица въ качествѣ министра, что всѣми такими мѣрами можно достигнуть значительнаго благоденствія государства; при этомъ вопросъ о переходѣ къ конституціонному правленію отодвигался на долгое время. Такое теченіе въ тогдашнемъ обществѣ имѣло значительное число представителей; они сходились съ либералами въ томъ отношеніи, что признавали необходимость политическихъ реформъ, но, подобно гр. Строганову, полагали необходимымъ отодвинуть этотъ переходъ и подготовить общество посредствомъ предварительной дѣятельности просвѣщенной бюрократіи.

Хотя противники, какъ мы только что видѣли, приписывали молодымъ сотрудникамъ императора якобинскія мысли, но въ дѣйствительности нѣкоторые изъ нихъ понимали дѣйствительное значеніе этой группы лицъ въ дѣлѣ укрѣпленія самодержавной власти Александра I. Шишковъ, снабдившій всѣми отрицательными эпитетами сотрудниковъ императора, тѣмъ не менѣе признаетъ, что только среди нихъ Александръ почувствовалъ себя

самодержцемъ и явился настоящимъ повелителемъ. Между тѣмъ противная партія, упоенная успѣхомъ и, очевидно, надѣявшаяся на полученіе уступокъ со стороны самодержавія, прославляла „гласно и громко низверженіе тиранства“ на пирахъ; конечно, эти пиршества были продолженіемъ политической агитаціи.

Названные сотрудники императора составили такъ называемый негласный комитетъ (или неоффиціальный), въ которомъ разсматривались всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Александръ охотно вносилъ на разсмотрѣніе комитета всѣ проекты и предположенія, ему представляемые, и даже вопросы, касавшіеся тѣхъ или другихъ назначеній на государственныи должности. Протоколы этихъ засѣданій сохранились въ запискахъ графа Строганова, но изъ нихъ не видно, чтобы негласный комитетъ ставилъ своею цѣлью введеніе конституціи. Этотъ вопросъ обсуждался только Строгановымъ съ императоромъ.

Екатерининскіе „старики“, или, вѣрнѣе, сенатская партія, представляютъ собою болѣе рельефное отраженіе общественной мысли. Они несклонны были къ широкимъ либеральнымъ реформамъ, готовы были поддерживать аристократическія тенденціи, но, съ другой стороны, они не вѣрили въ просвѣщенный абсолютизмъ и его министровъ. Они являются представителями весьма широкаго общественнаго теченія того времени. Взгляды обоихъ направленій особенно ярко высказались въ борьбѣ, начавшейся по вопросу о первыхъ же реформахъ новаго царствованія, по вопросу о правахъ Сената, выдвинутому манифестомъ государя.

„Старики“ ухватились за указъ 30 іюля, въ силу котораго Сенатъ долженъ былъ сдѣлать представленіе о своихъ „древнихъ“ правахъ, и попытались осторожно провести свои взгляды на самодержавіе. Наиболѣе дѣятельная роль выпала на долю графа Завадовскаго. Онъ составилъ записку о правахъ Сената, представленную государю отъ имени этого учрежденія. Въ Сенатѣ онъ произнесъ горячую рѣчь въ защиту попранныхъ древнихъ правъ Сената. Но права Сената Завадовскій понималъ значительно шире, чѣмъ таковыя были ему представлены Петровскимъ закономъ. Поэтому, отстаивая древнія права „порабощеннаго“ при Екатеринѣ II Сената, Завадовскій съ одной стороны стремился къ сохраненію за Сенатомъ правъ, фактически пріобрѣтенныхъ имъ при Елизаветѣ, съ другой стороны стремился закрѣпить закономъ это положеніе Сената и придать такимъ образомъ ему политическое значеніе. Разумѣется, въ проэктѣ о правахъ Се-

ната сенатская партія далеко не успѣла высказать своихъ конечныхъ взглядовъ, но она пыталась, хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ использовать благопріятный моментъ. Очевидно, ей казалось, что Сенатъ, хотя и назначаемый государемъ, но получившій право ходатайствовать предъ государемъ о народныхъ нуждахъ и пользахъ (по существу, право законодательной иниціативы), право дѣлать представленія государю о неудобствахъ изданныхъ законовъ, право обсуждать новые налоги и вообще право контроля надъ администраціей,—все-таки такой Сенатъ могъ бы быть нѣкоторымъ оплотомъ противъ крайностей деспотизма. Указъ императора Александра I не приглашалъ сенаторовъ высказать свои политическія взгляды и если они рѣшились использовать этотъ моментъ, то это лишь указываетъ на ихъ убѣжденіе въ необходимости перехода Россіи къ началамъ „истинной“ монархіи, какъ тогда выражались. Впрочемъ, нѣкоторые изъ членовъ сенатской партіи пошли дальше сводной записки, представлявшей собою общее мнѣніе Сената. Графъ Мордвиновъ въ Непремѣнномъ Совѣтѣ выступилъ съ своимъ проектомъ. Онъ отрицалъ за русскимъ Сенатомъ значеніе „политическаго тѣла“, пока этотъ Сенатъ не будетъ „избраннымъ“, и предложилъ свой проэктъ избираемаго отъ дворянства Сената съ законодательными функціями. Державинъ также представилъ проэктъ о Сенатѣ, придававшій ему нѣкоторую степень представительства отъ высшихъ классовъ населенія. Графъ Воронцовъ въ запискѣ, поданной Александру I, осторожно старается подойти къ своей основной мысли, говоря, что приданіемъ Сенату правъ, которыя сдѣлаютъ его посредникомъ между государемъ и народомъ, государь исподволь уготовитъ путь „къ устроенію правительства, болѣе сходственнаго съ человѣческимъ“.

Необходимо сдѣлать поясненіе, что партія „стариковъ“ видѣла въ Сенатѣ совокупность нѣсколькихъ коллегій (департаментовъ)—коллегіи исполнительной власти (совѣтъ министровъ), судной и законодательной съ „охранительною“ (т.-е. право контроля и толкованія законовъ). При такихъ условіяхъ, вся дѣятельность правительства проходила бы черезъ Сенатъ. Сравнительно съ Петровскими регламентами новостью было приданіе Сенату законодательной власти и болѣе точное разъясненіе его исполнительныхъ функцій.

Всѣ эти данныя хорошо разъясняютъ намъ настроеніе сенатской партіи. Тутъ мы видимъ людей дѣла, которые имѣли

достаточно мужества представить самодержавному государю проэкты такихъ измѣненій въ государственномъ строѣ, которые если и не пролагали пути къ народному представительству, то во всякомъ случаѣ создали бы политическій органъ, долженствующій положить нѣкоторые предѣлы самовластію. Повторяемъ, проэкты эти далеко не составляютъ собой конечныхъ воззрѣній сенатской партіи. Послѣдняя наиболѣе полно высказалась въ проэктѣ „всемилостивѣйшей грамоты русскому народу жалуемой“, но постепенно тонъ былъ пониженъ, такъ какъ были очевидны и нерѣшительность государя и второстепенное положеніе его министровъ изъ среды екатерининскихъ дѣятелей. Въ составленіи проэкта принимали участіе: Воронцовъ, Трощинскій и нѣкоторые другіе. Названныя лица предлагали государю издать его въ день коронаціи, но государь отклонилъ утвержденіе грамоты, главнымъ образомъ благодаря настояніямъ Новосильцева. Проэктъ грамоты въ высшей степени любопытенъ. Ею государь торжественно даруетъ населенію гражданскія и личныя права: свободу слова, печати и личности, наказуемость только по суду, даже за оскорбленіе величества. Политическихъ правъ населенія грамота не опредѣляетъ, но, вѣроятно, въ проэктѣ грамоты тогда видѣли только первый приступъ въ дѣлѣ правового развитія государства.

Параллельно съ обсужденіемъ проэкта о правахъ Сената, въ самомъ Сенатѣ и въ кругу заинтересованныхъ дѣятелей шли работы въ негласномъ комитетѣ. Эту работу нельзя назвать планомѣрной. Разговоровъ о всякихъ дѣлахъ подымалось очень много, но результатъ ихъ, большею частью, былъ неопредѣленнаго свойства. Графъ Строгановъ въ своихъ запискахъ объясняетъ отсутствіе результатовъ дѣятельности комитета характеромъ самого императора, уклонявшагося отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Это справедливо, но справедливо также и то, что члены комитета не имѣли опредѣленнаго плана. Зато они съ особенной рѣзкостью критиковали проэкты, представляемые на усмотрѣніе императора членами сенатской партіи. Даже не всѣ проэкты, касавшіеся улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, находили поддержку въ комитетѣ, и только представленный Румянцевымъ проэктъ закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, по обсужденіи въ комитетѣ, былъ одобренъ Совѣтомъ и получилъ форму закона. Рѣзкой критикѣ въ комитетѣ подвергся и представленный Сенатомъ указъ о его правахъ. Сотрудники государя старались отклонить его отъ мысли утвердить наиболѣе важныя положенія сенатскаго мнѣнія.

Кочубей полагалъ достаточнымъ обнародовать указъ съ изложеніемъ порядка занятій въ Сенатѣ, не упоминая о его правахъ и преимуществахъ. Новосильцевъ разбивалъ докладъ по частямъ, стараясь провести ту мысль, что Сенатъ никогда не былъ законодательнымъ собраніемъ и таковымъ не можетъ быть въ будущемъ: государю даже и неудобно было бы даровать значительныя права Сенату, такъ какъ этимъ онъ „связалъ бы себѣ руки и не могъ бы сдѣлать всего задуманнаго на общую пользу и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху". Права Сената могли быть небезопасны въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями. Новосильцевъ предлагалъ ограничить компетенцію Сената исключительно судебною властью. Лагарпъ боялся, что предоставленіе Сенату правъ исполнительной власти, которою онъ пользовался въ теченіе XVIII столѣтія, уменьшитъ права государя. Вообще, въ комитетѣ пренія приняли весьма оригинальный характеръ. Вначалѣ выборный составъ Сената, повидимому, нравился государю. Онъ готовъ былъ предоставить Сенату власть исполнительную и охранительную, т.-е. контролирующую, полагая что такое учрежденіе явится „необходимымъ противовѣсомъ абсолютизму". Но, вслѣдствіе критическихъ замѣчаній своихъ сотрудниковъ, Александръ отклонился отъ введенія выборнаго начала въ Сенатъ. Сотрудники успѣли настоять на сохраненіи за правительствомъ „свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ".

Одновременно сотрудники государя разрабатывали уставъ министерствъ. Началось „согласованіе" этого проэкта съ проэктомъ о правахъ Сената. Согласованіе окончилось тѣмъ, что исполнительная и почти во всемъ объемѣ контролирующая власть были отняты отъ Сената. Въ результатѣ Сенатъ дѣйствительно получилъ почти исключительно характеръ высшаго судебнаго учрежденія. За Сенатомъ осталось лишь право контролировать отчеты министровъ, представляемые государю, и право дѣлать представленія государю по поводу изданныхъ высочайшихъ указовъ. Но надо здѣсь же сдѣлать оговорку, что оба эти права не имѣли реальнаго значенія. Контролировать отчетъ министра Сенатъ могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы имѣлъ право требовать свѣдѣнія отъ губернаторовъ, а также и отъ министровъ. Поэтому въ Сенатъ только въ первое время попало нѣсколько отчетовъ министровъ, и затѣмъ испарился самый обычай представленія ихъ. Иначе и не могло быть, такъ какъ министры во

всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются указаніями верховной власти, отъ нея получаютъ указы и наставленія, ей представляютъ и отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Точно также не имѣла послѣдствій и статья, предоставлявшая Сенату право дѣлать представленія на высочайшіе указы: уже въ 1803 году Сенатъ получилъ жестокій выговоръ отъ государя за сдѣланное имъ на законномъ основаніи представленіе.

Указъ о правахъ Сената, профильтрованный, какъ мы видѣли, въ негласномъ комитетѣ, вышелъ 8 сентября 1802 года, въ одинъ день съ указомъ объ учрежденіи министерствъ. Проэктъ учрежденія министерствъ является главнымъ плодомъ дѣятельности негласнаго комитета. Сначала трактовался вопросъ о министерскомъ Совѣтѣ, что предлагалось въ одной запискѣ государю Воронцовымъ. Но Воронцовъ предлагалъ проэктъ Совѣта министровъ на подобіе англійскаго. Лагарпъ и тутъ увидѣлъ опасность для власти государя, если министерскій Совѣтъ будетъ согласенъ во взглядахъ. Тогда началъ разрабатываться проэктъ отдѣльныхъ министерствъ. Толчкомъ къ этой работѣ послужила записка князя Чарторыйскаго. Первоначально была мысль: важнѣйшія дѣла, превышающія власть отдѣльнаго министра передавать въ Совѣтъ, членами котораго также были бы всѣ министры. Но противъ этого возстали члены негласнаго комитета, особенно Кочубей. Такъ какъ государь настаивалъ на перенесеніи дѣлъ въ Совѣтъ, то въ средѣ членовъ негласнаго комитета начинаетъ появляться неясная еще мысль о Комитетѣ министровъ. Такъ зарождалось учрежденіе, которое имѣло впослѣдствіи въ теченіе цѣлаго столѣтія столь важное значеніе въ русскомъ государственномъ механизмѣ. При образованіи министерствъ весьма важнымъ вопросомъ являлся вопросъ объ отношеніи министровъ въ коллегіямъ. Петровскія коллегіи просуществовали въ теченіе XVIII столѣтія, были уничтожены при Екатеринѣ и воскресли при Павлѣ. Теперь являлся вопросъ, оставить ли коллегіи въ качествѣ совѣщательнаго органа при министрѣ, или же сдѣлать министерскую власть вполнѣ единоличною? Кочубей стоялъ на послѣдней точкѣ зрѣнія, но ей противился государь, и коллегіи остались въ первомъ учрежденіи министерствъ. Впрочемъ, уже съ 1803 года онѣ постепенно уничтожаются.

Однимъ словомъ, очень нетрудно подмѣтить, что члены негласнаго комитета стремились сдѣлать изъ министровъ абсолютныхъ хозяевъ въ отмежованной имъ области. Первое учрежденіе мини-

стерствъ, съ точки зрѣнія удобнаго раздѣленія частей государственнаго механизма, оказалось весьма неудовлетворительнымъ. „Вообще первое учрежденіе министерствъ, — скажемъ словами Градовскаго,—носитъ на себѣ характеръ поспѣшной работы (о немъ трактовали въ Комитетѣ въ теченіе полутора года)[1]), торопливаго желанія доставить своимъ идеямъ торжество въ принципѣ, хотя въ самой несовершенной формѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи дать ей болѣе совершенную организацію. Оно было временнымъ перемиріемъ новыхъ французско-канцелярскихъ порядковъ съ прежними Петровскими учрежденіями,—перемиріемъ, послѣ котораго должно было послѣдовать окончательное паденіе этихъ послѣднихъ". Сперанскій, прекрасный знатокъ всего механизма правительственныхъ учрежденій, тоже былъ очень недоволенъ первыми министерствами. Таковы были первыя министерства по указу 8 сентября 1802 года (ихъ было восемь: военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, коммерціи, народнаго просвѣщенія, юстиціи, финансовъ и государственнаго казначейства).

Итакъ, пышный указъ о правахъ Сената, обезправившій это учрежденіе, и указъ о введеніи министерствъ являются двумя наиболѣе видными актами первыхъ годовъ царствованія Александра I. Они имѣютъ значеніе не только техническое, въ смыслѣ перестройки государственнаго механизма, но и значеніе политическое. Во-первыхъ, пока шла работа по подготовкѣ этихъ актовъ, представители различныхъ слоевъ дворянства успѣли высказать свои желанія. Во-вторыхъ, акты были не безразличны и въ смыслѣ усиленія верховной власти. Сенатъ XVIII вѣка обладалъ властью исполнительной, контролирующей и судебной. Такимъ образомъ, дѣйствія верховной власти главнымъ образомъ выражались въ законодательныхъ функціяхъ. Правда, между Сенатомъ и государемъ иногда появлялись другія учрежденія, ограничивавшія власть Сената (Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ Министровъ). Но русское общество видѣло въ этихъ учрежденіяхъ узурпацію сенатской власти. Во всякомъ случаѣ, Сенатъ управлялъ коллегіями и черезъ нихъ даже непосредственно направлялъ всю мѣстную администрацію. Въ коллежскомъ обрядѣ Сената было не мало тормазовъ для быстраго рѣшенія дѣлъ; но зато тотъ же обрядъ спасалъ управляемыхъ отъ деспотизма единичныхъ управителей. Съ появленіемъ министерствъ положеніе

---

[1]) Замѣчаніе наше. М. Д.—З.

дѣлъ мѣняется: единоличное управленіе замѣняетъ собою коллегіальное. Министръ исключительно зависитъ отъ государя и отвѣтственъ только передъ нимъ, если государь имѣетъ способы провѣрить дѣятельность своего избранника. Министръ же имѣетъ возможность испросить для всякаго новаго дѣла государевъ указъ, т-е. законъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ министровъ фактически сосредоточивается исполнительная власть и законодательная инициатива. Въ лицѣ министровъ абсолютная верховная власть получила щупальцы, при посредствѣ которыхъ она могла съ высоты престола проникнуть въ самые отдаленные края обширнаго государства. Государственный механизмъ упрощался, но весьма легко могло получиться то, чего такъ боялся Воронцовъ: вмѣсто одного деспота появилось нѣсколько. Съ этой именно точки зрѣнія многіе современники оцѣнивали значеніе министерствъ. Одинъ изъ нихъ, Вигель, задается вопросомъ о томъ, что означаетъ по русскимъ законамъ отвѣтственность министровъ. Передъ кѣмъ министры будутъ отвѣчать? „Передъ государемъ, который долженъ уважать въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ только передъ своею совѣстью, когда невзначай есть она въ которомъ-нибудь изъ нихъ. Можетъ быть, когда-нибудь случится, что разсѣянный государь ввѣрится небрежнымъ министрамъ, которые ввѣрятся лѣнивымъ директорамъ, которые ввѣрятся неблагоразумнымъ и неопытнымъ начальникамъ отдѣленій, а они ввѣрятся умнымъ и дѣятельнымъ, но не всегда благонамѣреннымъ и добросовѣстнымъ столоначальникамъ; тогда сіи послѣдніе, безъ общей связи и цѣли, будутъ одни управлять дѣлами государства“.

Но весь этотъ первый періодъ работъ интересенъ еще съ другой стороны—со стороны общественной. Мы видѣли, что общество встрѣтило новое царствованіе съ радужными ожиданіями. Начальная дѣятельность правительства какъ будто шла навстрѣчу этимъ ожиданіямъ. Указъ Сенату представить записку о своихъ правахъ могъ удовлетворить требованіямъ умѣренной части общества. Но результатъ совершенно не отвѣчалъ и этимъ ожиданіямъ. Мало того, молодой императоръ постепенно устраняетъ, съ одной стороны, своихъ друзей, членовъ Негласнаго Комитета, съ другой стороны и „стариковъ“. Потерявъ довѣріе государя, Стро-

гановъ выходитъ въ армію, Чарторыйскій подаетъ въ отставку, за ними уходитъ Новосильцевъ и другіе. Взамѣнъ конституціи общество получило возстановленіе страшной тайной экспедиціи, въ секретныхъ указахъ 12 сент. 1805 г. 13 января 1807 г. Въ правительственной дѣятельности въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проходитъ безцвѣтный періодъ, пока, наконецъ, при государѣ не появляется Сперанскій. Дѣятельностью Сперанскаго отмѣчается новая эпоха правительственныхъ проэктовъ.

ГЛАВА V.

М. М. Сперанскій.

Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій—сынъ священника села Черкутина Владимірской губерніи. Какъ и всѣ поповичи, онъ первоначально обучался въ мѣстной семинаріи и, вѣроятно, окончилъ бы свою жизнь сельскимъ священникомъ, если бы случайныя обстоятельства не дали ему возможности перейти въ Петербургъ. Въ 1790 году указомъ Синода были потребованы лучшіе изъ провинціальныхъ семинаристовъ въ новоучрежденную тогда главную семинарію при Александро-Невской Лаврѣ (духовную академію). Владимірская семинарія послала учиться въ Петербургъ Сперанскаго. Тутъ въ семинаріи молодой Сперанскій выказалъ весьма большіе успѣхи въ наукахъ, особенно въ математикѣ и философіи. Но кромѣ школьнихъ наукъ семинаристы знакомились съ ученіемъ французскихъ энциклопедистовъ. Источникомъ этого знакомства были семинарскіе учителя: „Мы попали къ учителю,—разсказывалъ впослѣдствіи Сперанскій,—который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдывалъ намъ Вольтера и Дидерота“. Въ школьной проповѣди, сказанной Сперанскимъ въ 1791 году и по счастливой случайности сохранившейся до насъ, уже сквозитъ политическая струя въ молодомъ семинаристѣ. Проповѣдь сказана была на текстъ „не бойся, отселѣ будеши человѣци ловя“. Тутъ юный проповѣдникъ касается вопроса о происхожденіи человѣческихъ обществъ: взаимная выгода соединяетъ людей, но необходимо и довѣріе. Разумъ можетъ написать наилучшіе законы и „ограничить силу властей“, но власть безъ довѣрія, безъ любви къ подданнымъ дѣлаетъ земного владыку „только счастливымъ злодѣемъ“: премудрому государю удивляется весь міръ, но если ты не будешь на тронѣ человѣкъ, если въ сердцѣ твоемъ не познаешь обязательствъ человѣчества... если не низойдешь съ престола для отренія слезъ послѣдняго изъ своихъ подданныхъ... если употребишь свои знанія, чтобы позлатить цѣпи

рабства... чтобы изгладить совершенно понятіе свободы... то тогда... со всѣмъ симъ блескомъ ты будешь только счастливый злодѣй". Въ этой проповѣди интересна не только рѣзко выраженная политическая мысль, но уже чувствуется и блестящій слогъ будущаго творца проэктовъ. Необходимо подчеркнуть политическое значеніе этой проповѣди, такъ какъ она является блестящимъ отвѣтомъ тѣмъ современникамъ и позднѣйшимъ біографамъ Сперанскаго, которые готовы видѣть въ немъ государственнаго дѣятеля, приспособлявшаго свои взгляды къ наиболѣе популярному теченію.

По окончаніи семинаріи мы видимъ Сперанскаго въ качествѣ учителя той же Александро-Невской семинаріи, сначала физики и краснорѣчія, а потомъ и философіи, наконецъ, въ качествѣ префекта той же семинаріи. Онъ усердно продолжаетъ свои занятія и, повидимому, болѣе всего увлекается изученіемъ философіи Лейбница, Декарта, Локка. Составленный имъ тогда же курсъ „правилъ высшаго краснорѣчія" обличаетъ новатора въ области языка.

Но матеріальное положеніе семинарскаго учителя было скудно. Сперанскій ищетъ побочныхъ занятій и попадаетъ къ извѣстному генералъ-прокурору Павловскаго времени князю Куракину въ домашніе писцы. Положеніе его тутъ было сначала незавидное: приходилось обѣдать съ княжеской прислугой и т. п. Однако князь не могъ не отличить молодого писца, и Сперанскій скоро поступилъ въ генералъ-прокурорскую канцелярію. Тутъ ему приходилось не легко, такъ какъ при Павлѣ генералъ-прокуроры часто мѣнялись. Самъ Сперанскій впослѣдствіи такъ описывалъ свою тогдашнюю службу: при всѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ, различныхъ характеровъ, нрава, способностей, „ему приходилось быть на самой вещи" правителемъ канцеляріи: „Одному надо было угождать такъ, другому иначе; для одного достаточна была исправность въ дѣлахъ, для другихъ болѣе того требовалось... и я былъ всячески и во всемъ". Сперанскій удержался даже при свирѣпомъ Обольяниновѣ, хотя и былъ моментъ, когда этотъ генералъ-прокуроръ обѣщалъ посадить Сперанскаго въ казематъ на 7 саж. подъ землей. Что служить было нелегко, въ видѣ иллюстраціи можно сослаться на слѣдующее. Императоръ Павелъ приказалъ однажды сочинить проэктъ торговаго устава. Въ исполненіе приказа, захватили на петербургской биржѣ 40 купцовъ и заперли ихъ вмѣстѣ со Сперанскимъ въ отдаленныхъ

покояхъ Гатчинскаго дворца. Поговоривъ съ болѣе толковыми изъ этихъ невольныхъ законодателей, молодой философъ составилъ уставъ и купцовъ благополучно выпустили.

Новое царствованіе принесло Сперанскому быстрое возвышеніе. Императоръ Александръ могъ замѣтить Сперанскаго еще въ бытность свою наслѣдникомъ, такъ какъ Сперанскій между прочимъ былъ правителемъ дѣлъ въ Комиссіи по снабженію императорской резиденціи продовольствіемъ, а наслѣдникъ былъ ея предсѣдателемъ. Послѣ короткой службы въ канцеляріи Трощинскаго, Сперанскій, уже съ согласія государя, перешелъ въ канцелярію перваго министра внутреннихъ дѣлъ—князя Кочубея. Многіе акты этого перваго министерства принадлежатъ перу Сперанскаго. Въ 1803 году онъ уже составляетъ первый проэктъ государственнаго преобразованія. Служба въ Министерствѣ давала Сперанскому возможность личнаго доклада государю. Отсюда начинается сближеніе обоихъ. Ко времени Эрфутскаго свиданія государь приближаетъ къ себѣ молодого чиновника. Онъ беретъ его съ собою въ Эрфуртъ. Сперанскій получаетъ порученіе составить органическій проэктъ, который заключалъ бы въ себѣ преобразованіе всего механизма управленія имперіею.

Въ періодъ возвышенія дѣятельность Сперанскаго поражаетъ разнообразіемъ дѣлъ, которыя ему были вручены, и обличаетъ въ немъ замѣчательную энергію и рѣдкое умѣніе оріентироваться въ разнообразныхъ и сложныхъ вопросахъ государственнаго управленія.

Въ своемъ органическомъ проэктѣ Сперанскій долженъ былъ обдумать планъ измѣненія всѣхъ частей управленія, для чего ему пришлось уяснить недостатки существующаго механизма и доказать цѣлесообразность проэктируемыхъ имъ измѣненій. Для этого надо было знать механизмъ существующихъ учрежденій, взвѣсить выработанныя тогда наукой права на Западѣ конституціонныя теоріи и предложить схему ихъ для Россіи. Одновременно ему поручено составить планъ преобразованія финансовъ. Къ 1810 году растройство русскихъ финансовъ достигло крайней степени. Несмотря на всѣ трудности вопроса, такъ какъ вообще эта отрасль управленія всегда требуетъ спеціальныхъ познаній, Сперанскій оказался на высотѣ своего положенія: „предпринятая въ 1810 году реформа въ области государственнаго кредита составляетъ и до настоящаго времени одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскихъ финансовъ“,—замѣчаетъ по этому

поводу профессоръ Мигулинъ. Если съ точки зрѣнія тогдашней финансовой науки планъ Сперанскаго не можетъ быть названъ вполнѣ самостоятельнымъ, то во всякомъ случаѣ примѣненіе теоріи, выработанной западно-европейской наукой, примѣненіе того изъ этой теоріи, что являлось естественно необходимымъ въ данный моментъ, должно быть признано безспорной заслугой Сперанскаго.

На Сперанскомъ, далѣе, лежалъ трудъ по комиссіи законовъ. Это было старое дѣло, сто лѣтъ занимавшее русскую администрацію и законодательство. Комиссіи по составленію новаго свода законовъ начались съ Петра Великаго, появлялись и исчезали безслѣдно. Сперанскому пришлось руководить дѣятельностью уже десятой по счету коммиссіи. Времени у него было немного, подготовки въ немъ ожидать нельзя было, потому что сводъ законовъ требовалъ и теоретическихъ познаній и познаній въ исторіи русскаго права. Интересъ къ этому послѣднему рано сказывался въ Сперанскомъ, но по тогдашнимъ условіямъ фактическое ознакомленіе было дѣломъ почти невыполнимымъ. Впрочемъ, и на этомъ поприщѣ Сперанскій выказалъ свое умѣніе дать направленіе дѣлу. Въ комиссіи правителемъ дѣлъ былъ ученый нѣмецъ Розенкампфъ, очень ученый въ наукѣ права, но по незнанію русскаго языка онъ былъ не свѣдущъ въ русскомъ правѣ. До назначенія Сперанскаго, члены комиссіи Лопухинъ и Новосильцевъ мало вникали въ дѣла, и Розенкампфъ занимался чисто научными справками изъ иностраннаго законодательства, или заставлялъ чиновниковъ переводить для себя русскіе законы на французскій языкъ. Сперанскій измѣнилъ планъ работъ и сталъ фактически руководить комиссіей. За это онъ пріобрѣлъ въ Розенкампфѣ злѣйшаго изъ своихъ враговъ. Сперанскій приступилъ къ своей работѣ съ сильнѣйшимъ желаніемъ какъ можно скорѣе дать Россіи новое уложеніе. Но свода законовъ и полнаго собранія законовъ въ то время не было. Поэтому основать новое уложеніе на основахъ русскаго законодательства въ то время было дѣломъ невозможнымъ. Повидимому, и самъ Сперанскій тогда еще не придавалъ особеннаго значенія историческому изученію права. Поэтому составленный подъ его руководствомъ проэктъ гражданскаго уложенія отличается теоретическимъ построеніемъ. Этотъ кодексъ враги Сперанскаго считали простымъ подражаніемъ знаменитому Наполеоновскому кодексу. Извѣстно,

что Карамзинъ съ особой ядовитостью развивалъ эту мысль. По мнѣнію спеціалистовъ, этотъ упрекъ не безоснователенъ, но самъ Сперанскій объяснялъ совпаденіе своего проэкта съ кодексомъ тѣмъ, что оба уложенія сходятся въ одномъ общемъ своемъ источникѣ,—въ римскомъ правѣ. Насъ этотъ вопросъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ не можетъ интересовать. Для насъ эта часть работы Сперанскаго интересна, какъ одна изъ біографическихъ подробностей. Можемъ одно только сказать, что на этомъ проэктѣ Сперанскаго сказалась и спѣшность работы и недостатокъ умѣлыхъ помощниковъ и отсутствіе собранія русскихъ законодательныхъ актовъ.

Какъ ни многосложны были задачи государственнаго управленія, возложенныя на Сперанскаго, все же по всѣмъ отраслямъ ихъ онъ успѣлъ проявить неутомимую дѣятельность и наложить печать своего необыкновеннаго ума. Такъ, кромѣ указанныхъ, на него были возложены финляндскія дѣла. Для устроенія Финляндіи Сперанскій сдѣлалъ весьма много. Подъ его вліяніемъ Финляндіи было предоставлено то государственное устройство, которымъ она пользуется до настоящаго времени. Въ дѣлахъ Боргоскаго сейма Сперанскій принималъ самое живое участіе. Всѣ главные акты, придавшіе значеніе этому сейму, составлены Сперанскимъ. Онъ выработалъ церемоніалъ сейма, онъ сочинилъ французскую рѣчь государя, наконецъ, онъ долженъ былъ улаживать тренія, немедленно возникшія на сеймѣ. Такъ, зная своего монарха, онъ, путемъ личныхъ сношеній и переписки съ финляндскими дѣятелями, устраняетъ щекотливый вопросъ о присягѣ новаго государя старой конституціи. Онъ охранялъ эту Финляндскую конституцію всѣми способами, старался оберечь самый сеймъ для того, чтобы сохранить сущность дѣла и избѣжать всего того, что могло бы принести финляндцамъ нежелательныя послѣдствія. Когда новый финляндскій генералъ-губернаторъ извѣстный Спренгпортенъ вздумалъ было произвести давленіе на сеймъ и говорить съ нимъ тономъ представителя сильной власти, Сперанскій выступилъ заступникомъ сейма и преподалъ генералъ-губернатору совѣтъ избѣгать по отношенію къ сейму формъ опеки или контроля. Сперанскій вступаетъ въ дружественныя сношенія съ наиболѣе видными и либеральными дѣятелями Финляндіи, Карломъ Маннергеймомъ, съ пасторомъ Яковомъ Тенгстремомъ, съ профессоромъ Калоніусомъ, привлекаетъ ихъ на службу,

успѣваетъ добиться отъ нихъ примиренія съ нѣсколько неполной конституціей. Не безъ вліянія Сперанскаго оказался на русской службѣ въ Финляндской комиссіи и извѣстный Армфельдъ, такъ способствовавшій впослѣдствіи низверженію Сперанскаго.

Наконецъ, для полноты прибавимъ, что на Сперанскомъ лежалъ цѣлый рядъ другихъ дѣлъ: дѣла лифляндскія, рядъ отдѣльныхъ дипломатическихъ порученій и т. д.

Въ періодъ своего возвышенія Сперанскій много работалъ, но въ петербургскомъ обществѣ онъ держался исключительно личнымъ довѣріемъ государя. Для петербургскаго общества этотъ поповичъ-выскочка оставался человѣкомъ чужимъ, болѣе того, человѣкомъ опаснымъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ носились какіе то темные слуги о проэктахъ, составляемыхъ Сперанскимъ. Такъ какъ въ обществѣ были убѣждены въ либеральномъ настроеніи государя, то реакціонеры и крѣпостники видѣли въ Сперанскомъ проводника либеральныхъ идей. Хотя русская аристократія XVIII вѣка знала въ своей средѣ графа Кутайсова и мн. др. столь же невысокаго происхожденія титулованныхъ и нетитулованныхъ вельможъ, но все же Сперанскому она не могла простить его невысокаго происхожденія. Это понятно. Въ личной жизни Сперанскій былъ человѣкомъ замкнутымъ, ни у кого ничего не искалъ, почему его считали человѣкомъ гордымъ. Такъ, противъ Сперанскаго слагалось крайне враждебное отношеніе въ самомъ обществѣ. Многіе изъ его противниковъ, вродѣ Растопчина, старались въ широкихъ кругахъ общества распространять о Сперанскомъ самые нелѣпые слухи.

Финансовый проэктъ Сперанскаго вызвалъ увеличеніе налоговъ. Въ народъ былъ пущенъ слухъ, который потомъ отлился во враждебной для Сперанскаго формѣ: „деретъ этотъ поповичъ кожу съ народа... сгубитъ государство“,—говорили въ чайныхъ обѣихъ столицъ. Указъ объ экзаменахъ на чинъ, изданный государемъ по настоянію Сперанскаго, вызвалъ сильнѣйшій ропотъ среди мелкаго и средняго дворянства. Въ своей запискѣ Карамзинъ былъ отголоскомъ этого ропота, когда выражалъ удивленіе по поводу того, какую связь имѣютъ знанія наукъ съ производствомъ въ тотъ или иной чинъ.

Такъ создавалось для Сперанскаго весьма неблагопріятное положеніе. Онъ держался довѣріемъ государя, но и это довѣріе

стало колебаться. Въ 1809 году органическій проэктъ Сперанскаго лежалъ на столѣ у государя, но государь откладывалъ его утвержденіе. Изъ представленныхъ Сперанскимъ проэктовъ получили утвержденіе законы о государственномъ совѣтѣ и о министерствахъ; это были отдѣльныя части цѣлаго плана; гражданскій кодексъ, о которомъ мы говорили, внесенъ былъ государемъ на разсмотрѣніе во вновь образованный государственный совѣтъ. Но проэктъ конституціи откладывался утвержденіемъ. Сперанскій настаивалъ, что, видимо, начинало тяготить государя. Между тѣмъ неблагопріятные слухи о Сперанскомъ все болѣе и болѣе росли въ обществѣ. Дипломатическія осложненія съ французами еще болѣе давали поводъ къ этимъ слухамъ, потому что тогда готовы были считать измѣнникомъ всякаго, кто подозрѣвался въ пристрастіи къ французамъ.

Все это кончилось объясненіемъ 17 марта 1812 года, происшедшимъ между государемъ и Сперанскимъ. По возвращеніи домой послѣ этой бесѣды, Сперанскій былъ арестованъ поджидавшимъ его въ квартирѣ министромъ полиціи и немедленно отправленъ въ ссылку.

За что былъ удаленъ Сперанскій? Въ чемъ заключалось его послѣднее объясненіе съ государемъ?

На эти вопросы историкъ не можетъ дать отвѣта. Впослѣдствіи ни Сперанскій, ни Александръ никогда и никому не передавали о томъ, что говорилось въ послѣдній разъ. Изъ извѣстнаго Пермскаго письма Сперанскаго къ государю можно заключить, что при этомъ свиданіи государь упрекалъ Сперанскаго въ разстройствѣ финансовъ, въ приведеніи правительства „въ ненависть“ и, наконецъ, въ рѣзкихъ отзывахъ Сперанскаго о правительствѣ, т. е., вѣроятно, о самомъ государѣ. Наконецъ, ему ставилось въ вину, что онъ хочетъ проникнуть въ дипломатическія тайны. Въ этомъ письмѣ Сперанскій съ благородной рѣзкостью отвергалъ взведенныя на него обвиненія и давалъ еще разъ объясненіе всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты государемъ, согласно его проэкту.

Императоръ Александръ I-й давалъ самыя разнорѣчивыя объясненія о причинахъ удаленія имъ Сперанскаго. Князю А. Н. Голицину онъ сказалъ: „У меня отняли Сперанскаго“. Госпожѣ Крюднеръ: „Принужденъ былъ удалить“. Въ разговорѣ съ Дми-

тріевымъ государь порицалъ Сперанскаго, въ разговорѣ съ Новосильцевымъ—завѣрялъ своего собесѣдника, что Сперанскій не былъ измѣнникомъ; Васильчикову онъ объяснилъ удаленіе „силой обстоятельствъ“. Можетъ быть, государь былъ болѣе откровененъ съ сыскнымъ агентомъ де-Сангленомъ, которому онъ сказалъ: „Сперанскій совѣтовалъ создать боярскую думу, но что же я такое? Развѣ я нуль?“. Здѣсь и кроется причина загадки. Пока вопросъ о конституціи былъ отдаленнымъ проэктомъ, создававшимъ государю популярность въ нѣкоторыхъ кругахъ, Сперанскій пользовался вліяніемъ. Но онъ слишкомъ поторопился составить проэктъ, онъ слишкомъ рѣзко настаивалъ на необходимости его утвержденія. Между тѣмъ Александръ I не былъ склоненъ поступаться властью самодержавнаго монарха.

Во всякомъ случаѣ удаленіе Сперанскаго вызвало въ столицѣ много всевозможныхъ разговоровъ и сплетенъ.

Паденіе Сперанскаго является загадкой, далеко еще не распутанной историками и тщательно скрытой отъ современниковъ. Недавно въ одной изъ своихъ статей В. И. Семевскій занялся детальнымъ распутываніемъ сложныхъ нитей заговора, направленнаго противъ Сперанскаго. Кое-что выяснено теперь съ большей достовѣрностью, опредѣленъ тотъ обширный кругъ царедворцевъ, который работалъ противъ Сперанскаго. Безспорно, многимъ обязанный Сперанскому шведскій выходецъ графъ Армфельдъ и министръ полиціи Балашовъ предлагали Сперанскому какой то союзъ, заключеніе тріумвирата для направленія всѣхъ дѣлъ государства. Сперанскій отвергъ это предложеніе, но не донесъ о немъ государю. Тогда доносъ сдѣлалъ Балашовъ, но уже въ нежелательномъ для Сперанскаго освѣщеніи. За Сперанскимъ стали усиленно слѣдить. Армфельдъ рѣшилъ во что бы то ни стало удалить его. Посыпались доносы. Даже за границу переданы были слухи о томъ, что противъ государя составленъ заговоръ, и во главѣ стоитъ Сперанскій; объ этомъ упоминаетъ наслѣдный шведскій принцъ Бернадотъ. Армфельдъ цинично говорилъ сыщику де-Санглену: виновенъ Сперанскій, или нѣтъ, но онъ долженъ быть принесенъ въ жертву, это необходимо, „чтобы привязать народъ къ главѣ государства“. Такъ найденъ былъ предлогъ. Министръ полиціи увѣрялъ Александра, что Сперанскій состоитъ „регентомъ иллюминатовъ“. Графъ Растопчинъ, глава консерваторовъ, увѣрялъ великую княгиню Елену Павловну въ

томъ, что Сперанскому преданы всѣ мартинисты и иллюминаты. Розенкампфъ, постоянный врагъ Сперанскаго, пишетъ записку, въ которой обвиняетъ его въ намѣреніи разрушить существующій порядокъ. Начались враждебные доносы по поводу наложенія новыхъ податей, пускались неблагопріятные слухи въ низы обѣихъ столицъ. Всѣ эти доносы, направляющіеся отъ разныхъ лицъ къ государю, источникомъ своимъ имѣли Армфельда. Судя по письму Паррота, Сперанскому угрожало гораздо худшее, чѣмъ ссылка—разстрѣляніе. Но весь вопросъ въ томъ, былъ ли государь простымъ воспринимателемъ доносовъ, утверждавшимся постепенно въ виновности Сперанскаго, или лицомъ, направлявшимъ эту сложную интригу. Трудно высказаться положительно въ томъ или другомъ смыслѣ. Но несомнѣнно, невинность Сперанскаго была всегда очевидна для Александра, онъ не считалъ его измѣнникомъ, преступникомъ. Сперанскій затронулъ въ немъ такую сторону, которую онъ особенно тщательно оберегалъ—самодержавіе. Но онъ самъ далъ для этого Сперанскому поводъ: человѣку желательно было удалить Сперанскаго, государю—нужна была вина. Поэтому, можетъ быть, правъ де-Сангленъ, хорошо посвященный въ дѣло сыска, въ томъ, что государь былъ центромъ интриги, направленный противъ его статсъ-секретаря.

Первоначально Сперанскій былъ сосланъ въ Нижній, оттуда скоро былъ переведенъ въ Пермь. Жизнь въ ссылкѣ для него была тяжелая. Въ Нижнемъ съ нимъ обращались почтительно, но въ Перми положеніе сдѣлалось особенно труднымъ. Мѣстная администрація не знала, какъ считать высокопоставленнаго ссыльнаго, и рѣшила обращаться съ нимъ самымъ строгимъ образомъ. Фактически тогда управлялъ губерніей не губернаторъ Гермель, а его жена Анна Ивановна. Всѣ распоряженія о мѣрахъ надзора давались непосредственно губернаторшей. Она посадила въ квартиру Сперанскаго двухъ будочниковъ и распорядилась, чтобы полицмейстеръ и надзиратели днемъ и ночью его навѣщали. Сперанскій сдѣлалъ пермскимъ властямъ визиты. По распоряженію губернатора, ему не отвѣтили. „Квартальные приставы, вся полицейская сволочь являются поминутно, стерегутъ самое мое дыханіе“,—жаловался Сперанскій въ одномъ письмѣ изъ Перми. Впрочемъ, въ Перми администрація испытала большой конфузъ. Сперанскій не былъ оффиціально сосланъ, т. е. указа объ этомъ никогда не было опубликовано, онъ не былъ лишенъ чиновъ и

орденовъ. Вдругъ въ Перми получается разъясненіе министра полиціи о томъ, что Сперанскаго надо разумѣть, какъ государственнаго секретаря и тайнаго совѣтника. Немедленно чины администраціи начали дѣлать ему визиты, но были холодно приняты изгнанникомъ.

Мечты о возвращеніи къ прежней дѣятельности не покидали Сперанскаго въ Перми. Онъ пишетъ свое знаменитое письмо къ государю, стараясь разъяснить свое поведеніе, пишетъ къ своимъ петербургскимъ знакомымъ, у кого надѣялся встрѣтить поддержку, наконецъ, обращается къ всесильному Аракчееву. Въ 1814 году Сперанскому разрѣшено было поселиться въ его имѣніи въ Новгородской губерніи. Черезъ два года его назначаютъ губернаторомъ въ Пензу и еще черезъ два года даютъ очень важный постъ генералъ-губернатора въ Сибири. Краткій періодъ управленія Сибирью является очень важнымъ моментомъ въ біографіи Сперанскаго. На этомъ поприщѣ онъ опять проявляетъ свою необыкновенную энергію. До него Сибирью изъ Петербурга управлялъ Пестель. При немъ, какъ и при его предшественникахъ, Сибирь была страной, гдѣ злоупотребленія администраціи доходили до небывалыхъ размѣровъ. Пестель держался только потому, что онъ и Аракчеевъ имѣли одну общую пріятельницу. Но злоупотребленія дошли до того, что и эта протекція оказалась безсильной. Взяточничество губернаторовъ и исправниковъ дошло до небывалыхъ размѣровъ. У супруги Иркутскаго губернатора Трескина буряты ежегодно покупали одинъ и тотъ же мѣхъ за 10000 рублей. Енисейскій городничій Куколевскій разъѣзжалъ по городу въ экипажѣ, запряженномъ его чиновниками. Неистовства исправника Лоскутова дошли до небывалыхъ размѣровъ. Когда Сперанскій объявилъ его при толпѣ жалобщиковъ отрѣшеннымъ отъ должности, одинъ сѣдой старикъ бросился къ ногамъ генералъ-губернатора и крикнулъ: „батюшка, что же ты дѣлаешь? Вѣдь ты не знаешь, что это Лоскутовъ“.

Съ неимовѣрными усиліями Сперанскому прежде всего пришлось расчищать мѣстную администрацію. Это былъ оригинальный администраторъ, постоянно переѣзжавшій изъ города въ городъ, не имѣвшій опредѣленной резиденціи для того, чтобы на мѣстѣ разсматривать дѣла и приходить на помощь угнетаемымъ. Въ дѣлѣ водворенія законнаго порядка въ Сибири Сперанскій много сдѣлалъ. Мало того, онъ составилъ обширный планъ преобразованія

Сибири, который и представилъ государю, когда, наконецъ, въ 1821 году ему разрѣшено было возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь при Александрѣ онъ уже не имѣлъ прежняго значенія, и только впослѣдствіи, когда обширныя юридическія познанія Сперанскаго понадобились новому государю, онъ отдалъ всѣ свои силы, весь свой громадный опытъ, неистощимую энергію для того, чтобы созданіемъ Свода Законовъ способствовать утвержденію въ Россіи законнаго порядка.

Личная судьба Сперанскаго для потомства имѣетъ не малый интересъ. Государственная дѣятельность его и политическіе идеалы еще въ настоящее время нуждаются въ защитѣ. Неудивительно, что современники Сперанскаго изъ числа противниковъ его политическихъ идей искали и въ немъ лично, и въ его дѣятельности отрицательныхъ чертъ, выставили противъ него цѣлый рядъ обвиненій. Для Карамзина, Растопчина и мн. др. онъ—якобинецъ. Но даже и нѣкоторые изъ младшихъ современниковъ, неразнствовавшіе значительно съ нимъ во взглядахъ, тѣмъ не менѣе выставили противъ него немало обвиненій. По мнѣнію одного изъ нихъ (Н. И. Тургенева), повторенному много разъ позднѣйшими біографами, Сперанскій слишкомъ вѣрилъ въ силу уставовъ и предписаній. Другой изъ младшихъ его современниковъ и его біографъ, баронъ Корфъ, проникнутый уваженіемъ къ юридическимъ познаніямъ Сперанскаго, къ личности дѣятеля относится довольно отрицательно, отказывая ему въ искренности (онъ ищетъ искренности въ полуопальномъ сановникѣ Николаевскаго времени, между тѣмъ какъ дѣятельность барона Корфа въ проницательномъ человѣкѣ должна бы была возбуждать такое сомнѣніе, которое не располагало бы къ искреннимъ къ нему отношеніямъ); онъ даже ставитъ въ вину Сперанскому его слишкомъ большую любезность, равно очаровывавшую всѣхъ окружающихъ. Отзывы современниковъ перешли къ потомкамъ. Для покойнаго профессора Романовичъ-Словатинскаго проэкты Сперанскаго—собраніе всѣхъ ходячихъ теорій; отрицательно къ его раннимъ кодификаціоннымъ трудамъ отнесся проф. Пахманъ, а съ точки зрѣнія проф. Филиппова, Сперанскій выказалъ непониманіе значенія русскаго законодательства. И сейчасъ современные изслѣдователи готовы въ личности и дѣятельности Сперанскаго находить весьма отрицательныя черты. Проф. Середонинъ видитъ въ Сперанскомъ шаблоннаго искателя новыхъ мѣстъ назначенія. Онъ приписываетъ

Сперанскому желаніе служить подъ начальствомъ Кочубея, хотя извѣстно, что отъ Тарощинскаго къ Кочубею перевелъ Сперанскаго самъ государь. Онъ готовъ приписать Сперанскому искательство и въ другихъ случаяхъ, хотя, какъ и въ данномъ фактѣ, не можетъ привести никакихъ основаній для своихъ заключеній. Почтенный ученый и сейчасъ такъ горячо полемизируетъ со Сперанскимъ, какъ это обычно дѣлаютъ рѣзкіе политическіе противники. Съ его точки зрѣнія, Сперанскій не оправдалъ довѣрія государя, не обнаружилъ искусства проводить въ жизнь идеи, принятыя государемъ, онъ не умѣлъ составить уложенія, переустроить финансы, онъ даже плохо редактировалъ манифесты, потому что, напр., въ манифестѣ объ образованіи Совѣта „выражалъ на словахъ больше, чѣмъ слѣдовало". Оригинальный упрекъ: Сперанскій спѣшитъ вложить въ уста государя, столь неустойчиваго въ своихъ мнѣніяхъ и обѣщаніяхъ, слова, которыя обязывали бы монарха продолжать преобразованіе, а изслѣдователь посылаетъ упрекъ Сперанскому, очевидно, лишь расходясь съ нимъ въ политическихъ воззрѣніяхъ.

Но въ общемъ эти отрицательные отзывы, какъ о личности, такъ и о дѣятельности Сперанскаго, весьма далеки отъ истины.

Въ лицѣ Сперанскаго нельзя не видѣть государственнаго дѣятеля съ прочно установившимися взглядами, такого дѣятеля, который подготовленъ наукой и жизнью къ проведенію практическихъ мѣръ, и такого дѣятеля, который всѣми силами стремится къ ихъ осуществленію, неспособный кореннымъ образомъ измѣнить своимъ идеаламъ. Жизнь и служебная карьера Сперанскаго сложились такимъ образомъ, что онъ имѣлъ полную возможность изучить русскую дѣйствительность, матеріальную и духовную обстановку разныхъ классовъ народа—отъ хижины и до престола. Его записки и проэкты обличаютъ въ немъ глубокое знаніе русской дѣйствительности и русскаго прошлаго. Въ противоположность многимъ своимъ современникамъ онъ именно не былъ теоретикомъ. Онъ былъ человѣкомъ практической жизни, онъ вышелъ изъ круговъ, гдѣ деспотизмъ сказывался съ особенной силой, и никогда не порывалъ связи съ этими кругами, даже въ періодъ своего возвышенія. Онъ выставилъ вполнѣ практическій принципъ: съ его точки зрѣнія прежде всего надо „пробить толщу", надо получить безопасность и право думать надъ государственнымъ устройствомъ, а затѣмъ уже заняться деталями.

На этомъ именно онъ и настаивалъ въ періодъ своего возвышенія, указывая государю на необходимость утвердить конституціонный планъ. Практическими соображеніями, сознаніемъ силы тогдашняго дворянства объясняются уступки Сперанскаго въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, что было противно его искреннему убѣжденію. Еще менѣе справедливы тѣ навѣты, которые представляютъ Сперанскаго человѣкомъ, измѣнившимъ своимъ убѣжденіямъ на время ссылки. Конечно, ссылка хорошій опытъ, сдѣлавшій Сперанскаго болѣе осторожнымъ. Но къ чести Сперанскаго слѣдуетъ сказать, что если онъ и падалъ духомъ, то въ немъ всегда таилась искра вѣры и надежды въ свои политическія убѣжденія. Онъ не переставалъ мечтать, даже дѣлалъ попытки возвратиться къ прежнимъ своимъ планамъ. Только что отправленный въ болѣе почетную ссылку, губернаторомъ въ Пензу, онъ узнаетъ о какихъ то предположеніяхъ въ Петербургѣ и спѣшитъ дать наставленіе своему другу Столыпину развить незамѣтно планъ постепеннаго приглашенія въ Петербургъ на совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ представителей мѣстной администраціи. Этимъ путемъ многое будетъ подготовлено: „потомъ введите установительные законы, т. е. свободу политическую, и затѣмъ постепенно приступите къ вопросу о свободѣ гражданской, т. е. къ свободѣ крестьянъ“. Если Сперанскій и ошибался въ своей вѣрѣ въ великую силу человѣческаго духа, то онъ ошибался вмѣстѣ со всѣми мыслителями конца XVIII и начала XIX вѣка.

Но Сперанскому и его идеаламъ ставятъ и другіе упреки. Сравнительно недавно найденъ былъ черновой набросокъ проф. Балугьянскаго, который относится къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1808 года и который имѣетъ связь съ подготовляемымъ тогда Сперанскимъ органическимъ проэктомъ. Проф. Середонинъ готовъ и это обстоятельство, т. е. сотрудничество Балугьянскаго поставить въ вину Сперанскому. Но, во-первыхъ, совпаденіе проэкта Сперанскаго съ наброскомъ Балугьянскаго чрезвычайно незначительно. Во-вторыхъ, мы не знаемъ мотивовъ, въ силу которыхъ Балугьянскій представилъ свой проэктъ: былъ ли онъ въ данномъ случаѣ добровольцемъ, какихъ всегда въ Петербургѣ было много, предлагающимъ свои мысли сильнымъ людямъ, или же предложеніе шло отъ Сперанскаго. Но и въ послѣднемъ случаѣ странно было бы ставить Сперанскому въ укоръ сотрудничество Балугьянскаго. Сперанскій, какъ и всякій государственный человѣкъ, конечно,

изучалъ предметъ и по книгамъ и совѣщался со свѣдущими людьми. Работа государственнаго дѣятеля, должна быть оцѣниваема не по источникамъ и черновымъ матеріаламъ, бывшимъ въ его рукахъ, но по тѣмъ конечнымъ выводамъ, къ которымъ онъ пришелъ. Но вообще можно настаивать на томъ, что, какъ проэктъ Балугьянскаго, такъ и каждый въ отдѣльности политическій мыслитель того времени, не имѣли опредѣляющаго значенія въ проэктахъ Сперанскаго. Кромѣ того, въ мысли Сперанскаго вошли не только схемы учрежденій, которыя онъ проэктировалъ, но тѣ соображенія, которыми онъ руководствовался, настаивая на введеніи конституціонной формы правленія въ Россіи, и тѣ идеи, которыя онъ вкладывалъ въ эти учрежденія. Въ этихъ мысляхъ, еще недостаточно оцѣненныхъ, есть много самостоятельнаго, представляющаго драгоцѣнное наслѣдіе и до настоящаго времени. Политическая мысль Сперанскаго была творческой мыслью и этого отъ него нельзя отнять никакими извѣтами.

Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. историкъ Финляндіи г-нъ Бородкинъ и за нимъ проф. Середонинъ, ставятъ даже вопросъ о томъ, могъ ли такой умный человѣкъ, какъ Сперанскій искренне вѣрить въ возможность перехода тогдашней Россіи къ конституціоннымъ формамъ правленія—Россіи безграмотной, безъ періодической печати, можно прибавить — крѣпостнической. Поэтому въ ихъ предположеніи Сперанскій „поддѣлывался подъ модный тонъ“ (выраженіе г. Бородкина). Проф. Середонинъ, ссылаясь на пермское письмо Сперанскаго, неожиданно обвиняетъ его въ томъ, что самъ Сперанскій, понимая невозможность ввести конституціонный планъ, отклонилъ государя отъ этого рѣшенія, предложивъ ввести нѣкоторыя части плана. Дальше такихъ обвиненій государственнаго дѣятеля идти нельзя. Но, во-первыхъ, въ пермскомъ письмѣ Сперанскій опредѣленно говоритъ, что „полезнѣе было бы открыть одновременно, приготовивъ вдругъ всѣ установленія плана“; тогда не произошло бы „въ дѣлахъ смѣшенія“, на что, дѣйствительно, государь многимъ жаловался, и эти жалобы, очевидно, дошли до Сперанскаго въ Пермь. Въ этихъ словахъ выражена мысль Сперанскаго; онъ и въ изгнаніи споритъ съ монархомъ, чего никто не дѣлалъ изъ его современниковъ. А мысль государя была иная—ввести планъ по частямъ, о чемъ категорически говоритъ Сперанскій въ томъ же письмѣ; конечно, Александръ I не былъ способенъ отказаться отъ самодержавія.

Мало того, мы уже привели позднѣйшія осторожныя мысли Сперанскаго о томъ, что необходимо подъ какимъ бы то ни было предлогомъ ввести въ Петербургскія учрежденія представителей хотя бы отъ губернскаго дворянства; эту мысль онъ высказывалъ будучи въ опалѣ, потерявъ надежды на осуществленіе своего плана. Наконецъ, уже проф. Щегловымъ было опредѣленно доказано словами рѣчи государя, сказанной при открытіи Совѣта и написанной рукой Сперанскаго, и словами манифеста объ открытіи Совѣта, тоже написаннаго Сперанскимъ, словами, записки Сперанскаго 1809 года—было доказано, что Сперанскій предпочиталъ введеніе всѣхъ учрежденій сразу, и въ упомянутыхъ оффиціальныхъ актахъ съ высоты престола были даны обѣщанія ввести твердыя „государственныя установленія“, безъ которыхъ не могутъ быть прочны законы гражданскіе; обѣщаніе монарха не было выполнено. Такъ мысль Сперанскаго ясна, настоянія его тверды и опредѣлены, онѣ отличаются смѣлостью, достойной великаго государственнаго мужа, а не искателя мѣстъ и государевой милости. Но можетъ быть въ самомъ дѣлѣ поставленъ вопросъ, который ставили почти всѣ изучавшіе дѣятельность Сперанскаго,—о своевременности или несвоевременности введенія въ тогдашней Россіи конституціонной формы правленія, т. е. о томъ, насколько общество и государство къ этому были подготовлены. Указываютъ на то, что сначала надо было измѣнить, реформировать мѣстное самоуправленіе, суды и ссылаются въ этомъ случаѣ на записку самого же Сперанскаго 1803 года (Бородкинъ). Но, во-первыхъ, записка этого года имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ: она даетъ отвѣтъ Сперанскаго (черновой) на чье то заданіе (Кочубея или государя), которое требовало отъ составителя проэкта создать истинно монархическія учрежденія при условіи сохраненія самодержавной власти монарха. Сперанскій въ ней отвѣчаетъ, что этимъ путемъ можно создать лишь палліативныя мѣры, настоящую и истинную монархію ввести нельзя, безъ ограниченія власти монарха. Съ другой стороны Сперанскій вѣрилъ въ то, что Россія, какъ государство, уже созрѣла для воспріятія конституціонныхъ формъ правленія. Но тогда намъ могутъ возразить, что Сперанскій ошибался и что дѣйствительной подготовки не было. Но тутъ мы подходимъ къ безконечному и ни къ чему не ведущему спору о томъ, когда бываетъ готово государство къ переходу къ конституціи,—вѣрнѣе къ вопросу о томъ, что болѣе

свойственно человѣку—быть рабомъ, или свободнымъ гражданиномъ. Не такъ давно наши современники утверждали, а нѣкоторые и сейчасъ утверждаютъ, что и теперь Россія совсѣмъ не подготовлена къ конституціи. Это—дѣло взгляда. Исторія едва ли можетъ привести хоть одинъ примѣръ, кромѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ развитіе конституціонной жизни шло совсѣмъ особыми путями, чтобы государство было „подготовлено“ къ воспріятію конституціонной формы правленія. Болгары и сербы изъ рабовъ сразу превратились въ свободныхъ гражданъ, населеніе было безграмотно, а органы суда и мѣстнаго управленія вводились уже послѣ введенія конституціи; крѣпостное право въ Россіи было отмѣнено до реформы мѣстнаго управленія и суда и т. д. Проф. Середонинъ полагаетъ, что такой умный человѣкъ, какъ Сперанскій не могъ не видѣть непріемлемости собственнаго плана. Но, безспорно, такіе умные люди, какъ Мордвиновъ или Пестель, не фанатики, настаивали на томъ же, каждый по своему и т. д. Вотъ нѣсколько возраженій по вопросу, который тѣсно связанъ съ реформаторской дѣятельностью Сперанскаго. Именно къ его реформамъ почему то усиленно прилагаютъ полемическіе пріемы политическаго характера. Но вотъ еще одно замѣчаніе: Россія была на половину крѣпостнической и поэтому въ вину Сперанскому ставятъ то, что онъ на первомъ планѣ не выдвинулъ освобожденія крестьянъ. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ Сперанскій выходилъ изъ своего затрудненія и какъ онъ относился къ крестьянскому вопросу. Теперь только замѣтимъ, что исторіи не безъизвѣстны такіе конституціонныя государства, которыя удерживаютъ крѣпостное иго крестьянъ при полной политической свободѣ другихъ слоевъ общества (Польша и Литва, рабовладѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ). Такимъ образомъ, весь вопросъ въ конечномъ итогѣ сводится къ тому, съ чего начинается переходъ къ конституціоннымъ формамъ правленія: съ длительной ли подготовки, на чемъ всегда настаиваютъ защитники неограниченной власти всѣхъ временъ, или съ установленія свободы сверху. Сперанскій отвѣчалъ, что „лѣстницу метутъ сверху“, и былъ совершенно правъ, ибо почти никогда ни одинъ народъ иначе не получалъ конституціи. Онъ и совѣтовалъ монарху избѣгнуть „потоковъ крови“.

Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ политическихъ идеаловъ Сперанскаго. Въ дѣятельности Сперанскаго инте-

ресны три стороны ея. Во-первыхъ, интересна чисто теоретическая обосновка вопроса. Сперанскій является строгимъ критикомъ современнаго ему государственнаго строя и въ защиту проэктируемаго имъ плана переустройства государства предлагаетъ теоретическое обоснованіе его. Во-вторыхъ, интересенъ самый органическій проэктъ и, наконецъ, въ-третьихъ,—тѣ законоположенія, которыя были введены по проэктамъ Сперанскаго.

Въ лицѣ Сперанскаго мы прежде всего видимъ вѣрнаго и ѣдкаго,—насколько позволяла форма оффиціальныхъ записокъ,—критика неограниченной власти монарха. Власть самодержавная часто проявляется ко вреду самой власти и управленія. Самодержавный государь, разсуждаетъ онъ, соединяетъ въ себѣ всѣ власти: законодательную, исполнительную и судебную, и только „умственныя границы", полагаютъ предѣлы этой власти. Въ виду многосложности дѣлъ, представитель власти обремененъ ихъ количествомъ. Отсюда проволочка въ дѣлахъ. Это невыгодно и для подданныхъ, особенно въ области суда. Иногда неудобно для самой власти. Такъ, въ дѣлѣ собиранія налоговъ монархъ не долженъ былъ бы „принимать на свою отвѣтственность" всю тягость податей, являясь предъ населеніемъ „въ видѣ непрерывной нужды". Въ вопросахъ административныхъ всеобъемлемость власти монарха невыгодно отражается на всемъ механизмѣ управленія, потому что ни одно учрежденіе, ни государственный совѣтъ, ни Сенатъ, ни Министерства не имѣютъ положительныхъ законовъ. Но всѣ эти учрежденія являются въ то же время такими, которыя способствуютъ изданію новыхъ законовъ, предлагая ихъ на усмотрѣніе государя. Отсюда великое множество законовъ, но нѣтъ постоянства въ законахъ, которые мѣняются „по личнымъ случаямъ и удобностямъ". Отсюда всѣ мѣры имѣютъ „видъ произвола и личнаго довѣрія", измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ. Отсюда происходитъ и то, что законы не такъ плохи, какъ ихъ исполнители. Судьѣ трудно быть честнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ „общаго мнѣнія" и т. д. Всѣхъ этихъ недостатковъ нельзя исправить безъ изданія общихъ положительныхъ законовъ. Такъ современное положеніе вещей подводитъ Сперанскаго къ утвержденію въ необходимости введенія въ Россіи основъ „истинной" монархіи.

Съ другой стороны, онъ пытается обосновать свой взглядъ на фактахъ историческихъ. Правители государствъ могли бы

„много сберечь крови“, если бы своевременно издали законы, соотвѣтственно духу общества. По мнѣнію Сперанскаго, русское общество уже созрѣло и имѣетъ „прямое направленіе къ свободѣ“. Моральная сила власти въ русскомъ обществѣ несомнѣнно ослабѣла и въ немъ замѣтно „глухое, но сильное желаніе другого вещей порядка“. Итакъ, съ точки зрѣнія Сперанскаго, Россія подготовлена къ воспріятію конституціи. „Россія скоро пожелаетъ знать,—говоритъ онъ,—что дѣлаетъ правительство и, познавая его труды, научится почитать его, любить свои законы, свой образъ правленія: ибо тогда они дѣйствительно будутъ для нихъ свои, когда они ихъ познаютъ“. Такое правительство будетъ опираться въ управленіи на „народное мнѣніе“; по его мнѣнію, всякіе законы останутся мертвыми, если для ихъ исполненія отсутствуетъ свободная народная воля.

Нѣтъ нужды спорить о томъ, идеализировалъ ли Сперанскій тогдашнее общественное настроеніе, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ важно отмѣтить то убѣжденіе, изъ котораго онъ исходитъ.

Установивъ необходимость введенія конституціи, Сперанскій пытается установить сущность ея; для этой цѣли; онъ развиваетъ ученіе о власти, ученіе о правахъ подданныхъ и ученіе о законѣ. Правда, въ различныхъ запискахъ эти вопросы трактуются съ неодинаковой полнотой. Вкратцѣ можно отвѣтить на эти вопросы, согласно идеямъ Сперанскаго, слѣдующимъ образомъ. Государственный союзъ на основаніи естественнаго права въ самомъ себѣ носитъ источникъ власти. Изъ принятыхъ тогда теорій естественнаго права Сперанскій выводитъ и доказательство раздѣленія властей. Государствомъ движутъ три „силы“—законодательная, исполнительная и судебная. Если эти „силы“ соединены въ лицѣ монарха, въ государствѣ устанавливается деспотизмъ. Вообще Сперанскій является строгимъ ревнителемъ раздѣленія властей въ государствѣ. Отсюда понятно то вниманіе, которое удѣляетъ Сперанскій понятію о законѣ. Онъ пытается разобраться въ хаосѣ множества тѣхъ постановленій, которымъ по русскимъ порядкамъ придавалась сила закона. Онъ пытается прежде всего выдѣлить понятіе о законахъ органическихъ, т. е. такихъ, которые удерживаютъ въ равновѣсіи „силы государственныя“. Органическіе, или коренные законы охватываютъ основную форму правленія, законодательства и суда [1]); они основываются на народной

[1]) Сила и именованіе закона присвояется, говоритъ Сперанскій, слѣдующимъ постановленіямъ: 1) Уложенію государственному и законамъ

волѣ, они, наконецъ, какъ онъ говоритъ въ запискѣ 1803 года, являются „оплотомъ политической свободы“. Вообще надо замѣтить, что Сперанскій относилъ къ законамъ, требующимъ народнаго волеизволенія, наиболѣе важныя основныя нормы права, ибо въ его представленіи исполнительная власть должна пользоваться весьма значительной широтой, но она долженствуетъ находиться подъ строгимъ контролемъ власти законодательной и вся дѣятельность ея должна опираться на законы. Наконецъ, власть судебная долженствуетъ быть совершенно независима отъ другихъ властей.

Познакомившись вкратцѣ съ сущностью ученія Сперанскаго о законѣ, мы напомнимъ, что это ученіе и практическая дѣятельность Сперанскаго по опредѣленію законовъ, уставовъ и учрежденій, имѣли большое вліяніе на нашу юридическую мысль.

Сперанскій съ точки зрѣнія теоретической трактуетъ вопросъ о раздѣленіи государства на сословія въ связи съ правами подданныхъ. Онъ различаетъ въ Россіи три класса. Къ первому классу причисляются имъ помѣщичьи крестьяне, которые не имѣютъ ни политической, ни гражданской свободы; ко второму классу относятся мѣщане, купцы и государственные крестьяне, обладающіе гражданскими правами, но неимѣющіе правъ политическихъ. Дворянство составляетъ третій классъ, не имѣя также политическихъ правъ, но оно отличается отъ второго класса тѣмъ, что обладаетъ правомъ владѣть крестьянами. Таковъ его взглядъ на

органическимъ, къ нему принадлежащимъ, 2) уложенію гражданскому, 3) уголовному, 4) коммерческому, 5) сельскому, 6) всѣмъ вообще дополненіямъ и изъясненіямъ предметовъ, въ уложенія сіи входящихъ. Сверхъ сего, вносятся въ законодательное сословіе и подчиняются порядку закона слѣдующіе уставы и учрежденія: 7) уставъ судебный, 8) всѣ уставы, опредѣляющіе положеніе какой либо части въ связи ея съ другими, 9) общія и судебныя правительственныя учрежденія, какъ то учрежденіе судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, 10) всѣ постановленія о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ, 11) продажа и залогъ государственныхъ имуществъ и исключительныхъ на нихъ привиллегій, 12) вознагражденія частныхъ людей за имущества, для общей пользы необходимыя. Сюда принадлежатъ: 1) постановленія о войнѣ и мирѣ, 2) всѣ великія мѣры, пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ либо бѣдствій, 3) всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостовѣряющія, разъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія.

распредѣленіе сословій и ихъ права. Но далѣе онъ переходитъ къ вопросу о томъ, какое сословіе и какими правами должно пользоваться. Съ его точки зрѣнія, гражданскія права, къ которымъ онъ относитъ безопасность лица и имущества, составляютъ неотъемлемое достояніе всякаго человѣка. Отсюда рабство немыслимо въ правильно устроенномъ государствѣ и оно должно быть искоренено въ Россіи. Сперанскій полагаетъ, что для обезпеченія личной свободы должны быть установлены слѣдующія правила: никто не можетъ быть безъ суда наказываемъ и никто не обязанъ отправлять службу иначе, какъ по закону. На ряду съ этимъ онъ предполагаетъ гарантировать наравнѣ съ законами и права имущественныя, въ число коихъ входитъ свободное владѣніе и распоряженіе собственностью и обязанность уплачивать подати и нести повинности не иначе, какъ по закону. Разсуждая далѣе о томъ, всѣмъ ли классамъ населенія должны принадлежать гражданскія права въ полномъ ихъ объемѣ, Сперанскій полагаетъ, что названныя выше общія гражданскія права должны принадлежать всѣмъ гражданамъ. Но сверхъ того дворянству принадлежатъ особенныя права, состоящія въ правѣ владѣнія населенными имѣніями и въ правѣ занятія высшихъ административныхъ должностей государства.

Признавъ фактъ расчлененія сословій, Сперанскій предполагалъ и различіе по сословіямъ въ правахъ политическихъ. Съ его точки зрѣнія, политическими правами должны быть надѣлены только граждане, обладающіе недвижимой собственностью, или капиталомъ въ извѣстномъ размѣрѣ. Такъ, онъ полагаетъ, исходя изъ того представленія, что элементы, заинтересованные въ правѣ собственности, будутъ съ большимъ интересомъ относиться къ „добротѣ“ закона и что нѣкоторыя категоріи населенія, какъ домашніе слуги, ремесленники, поденщики и „народъ рабочій“ не обладаютъ достаточной подготовкой для участія въ законодательствѣ. Отсюда въ проэктѣ Сперанскаго дворянство обладаетъ всѣми правами гражданскими, политическими и указанными выше „особенными“ правами. Второе сословіе, состоящее изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и поселянъ—собственниковъ, обладаетъ политическими правами „по ихъ собственности“, во всей полнотѣ гражданскими правами, за исключеніемъ правъ „особенныхъ“. Третій классъ, состоящій изъ помѣстныхъ крестьянъ, мастеровыхъ и ихъ работниковъ и домашнихъ слугъ, пользуясь гражданскими правами, не обладаетъ, однако, правами политическими. Такимъ образомъ, Сперанскій устанавливаетъ систему

ценза, но, однако, нигдѣ не опредѣляетъ размѣровъ его. Впрочемъ, переходъ изъ низшаго состоянія въ высшее совершенно свободенъ на основаніи пріобрѣтенія правъ собственности и личныхъ заслугъ.

Нѣтъ нужды критиковать соціальные взгляды Сперанскаго. Они не отличаются широкимъ демократизмомъ, но надо замѣтить, что это не теоретическій трактатъ, а объяснительная записка къ законопроэкту. Составитель законопроэкта долженъ имѣть, разумѣется, въ виду тѣ условія, въ которыхъ вырабатывается законопроэктъ, и тѣ соотношенія, при которыхъ онъ можетъ пройти къ жизни. Во-первыхъ, несомнѣнно, Сперанскій считался съ указаніями или мыслями императора, во-вторыхъ, сдвинуть крѣпостные устои по тому времени было бы такимъ шагомъ, который могъ вызвать рѣзкій отпоръ со стороны крѣпостническаго дворянства. Сперанскій, очевидно, разсчитывалъ найти въ средѣ дворянства поддержку его планамъ при условіи сохраненія крѣпостного права. Онъ не связывалъ реформу государственную съ крѣпостной реформой—и это можно поставить ему въ заслугу. Но онъ предполагалъ провести опредѣленіе крестьянскихъ повинностей путемъ закона, держась того твердаго убѣжденія, что при этомъ послѣднемъ условіи и при введеніи политической свободы для остальныхъ сословій, крѣпостное право само собой падетъ. Знакомство съ воззрѣніями Сперанскаго на соціальный строй подводитъ насъ къ кардинальному вопросу законопроэкта Сперанскаго—къ его конституціонному плану. Въ своихъ запискахъ онъ не успѣлъ полностью обосновать свой взглядъ, или же дошедшія до насъ записки представляютъ собою черновики. Болѣе или менѣе полно проэктированъ имъ законодательный порядокъ.

Первой ступенью, на которой долженствовала выражаться политическая дѣятельность общества, была волостная дума, собирающаяся каждые три года и состоящая изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности волостного раіона, и изъ представителей каждаго 500-таго участка казенныхъ крестьянъ. Волостная дума вѣдаетъ: выборъ членовъ волостного правленія, выборъ депутатовъ въ окружную думу, представленіе окружной думѣ объ общественныхъ нуждахъ волости, составленіе списка двадцати „отличнѣйшихъ обывателей“, контролируетъ волостные финансы, находящіеся въ распоряженіи волостного правленія. Такимъ образомъ, волостная дума—съ одной стороны органъ мѣстнаго самоуправленія, — съ другой стороны — избирательная курія. Она представляетъ собой нѣчто вродѣ вѣча всѣхъ

владѣльцевъ, такъ какъ такая дума могла бы быть многочисленной въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладало мелкопомѣстное дворянство. Слѣдующими ступенями являются окружная дума и губернская дума; компетенція ихъ буквально такая же по отношенію къ округу и губерніи, какъ и компетенція волостной думы по отношенію къ волости. Губернская дума избираетъ депутатовъ государственной думы и дѣлаетъ представленія о нуждахъ губерніи, посылая избирательные списки и представленія на имя канцлера государственной думы.

Разумѣется, въ этой схемѣ можно найти нѣкоторые недостатки. Трехлѣтній срокъ для совѣщательныхъ собраній, вѣдающихъ мѣстное самоуправленіе, очевидно слишкомъ продолжителенъ. Можно оспаривать также систему косвенныхъ трехстепенныхъ выборовъ. Система письменныхъ представленій о нуждахъ края, имѣя свои выгодныя стороны, можетъ съ другой стороны стѣснить личную дѣятельность и иниціативу депутатовъ, какъ всякій наказъ. Можно указать на нѣкоторыя неясности въ самой формулировкѣ проэкта закона. Но, разумѣется, практика жизни несомнѣнно дала бы извѣстнаго рода указанія для улучшенія технической стороны дѣла; что же касается выборнаго начала, то и до сего времени принципы его являются спорными.

Завершеніемъ законодательнаго порядка является законодательное сословіе подъ именемъ государственной думы. Она созывается ежегодно безъ всякаго призыва со стороны исполнительной власти, по коренному закону. Дѣятельность ея можетъ быть прервана объявленіемъ отсрочки засѣданія до слѣдующаго года, или же увольненіемъ всѣхъ членовъ, но при условіи одновременнаго объявленія списка новыхъ членовъ, выбранныхъ губернскими думами. Удаленіе членовъ думы можетъ быть только по рѣшенію верховнаго суда. Въ думѣ предсѣдательствуетъ канцлеръ. Дума раздѣляется на нѣсколько комиссій.

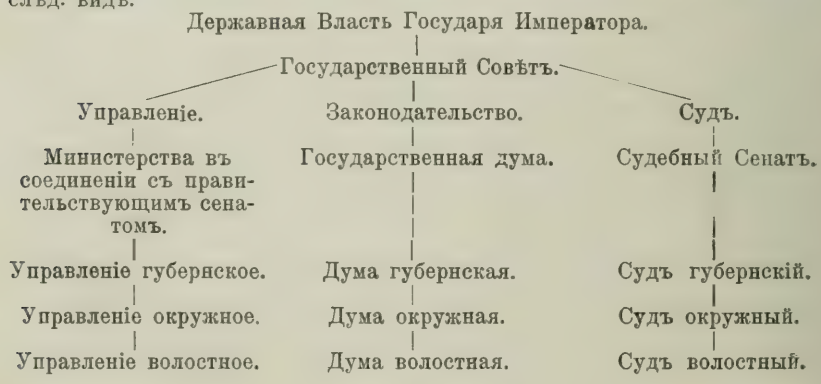
Нѣкоторыя стороны дѣятельности думы не вполнѣ разработаны, но мысль Сперанскаго уясняется изъ другихъ его записокъ. Такъ, закономъ признается только такой законъ, который „составленъ“ законодательнымъ собраніемъ. Дума разсматриваетъ представленія о государственныхъ нуждахъ, результатомъ чего, очевидно, является законодательная иниціатива ея. Дума, наконецъ, разсматриваетъ представленія объ уклоненіи отъ отвѣтственности правительственныхъ органовъ и представленія о мѣрахъ, нарушающихъ государственные коренные законы. По мысли Спе-

ранскаго „предложеніе закона“, т. е. проэкты являются преимущественно актомъ дѣятельности правительства; „уваженіе“ закона, т. е. обсужденіе и принятіе его,—дѣло думы, а утвержденіе принадлежитъ верховной власти. Вообще думѣ принадлежитъ такимъ образомъ власть законодательная и контролирующая [1]).

Наряду съ законодательнымъ учрежденіемъ стоитъ исполнительная власть. Сперанскій былъ сторонникомъ охраны высокаго достоинства власти. Поэтому въ дѣлѣ исполненія законовъ онъ представляетъ державной власти необходимую широту. Въ распоряженіи правительства и на его отвѣтственности въ общей формулировкѣ находятся слѣдующіе важные предметы: 1) вопросы о войнѣ и мирѣ, 2) всѣ „великія мѣры“, принимаемыя къ спасенію государства въ годины бѣдствій, 3) всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостовѣряющія, изъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія, въ 4-хъ, разумѣется, и вся широкая область исполненія закона и надзора за исполненіемъ. При этомъ принимается правило, свойственное англійскому государственному праву о томъ, что державная власть не отвѣтственна въ принятіи мѣръ, нарушающихъ законъ; отвѣтствуютъ министры, контрасигнующіе акты. Вообще Сперанскій является сторонникомъ систематическаго проведенія въ законѣ отвѣтственности министровъ. Сперанскій понималъ также, что гарантіей строгаго исполненія законовъ является не только представленіе министерствами отчетовъ въ законодательное собраніе, но и общественное мнѣніе, свобода печати, каковую мысль онъ подробно развиваетъ въ запискѣ 1803 года.

---

[1]) Схема управленія по проэкту можетъ быть представлена въ слѣд. видѣ:



Устанавливая отвѣтственность министерствъ и безотвѣтственность носителей державной власти, Сперанскій все же старался такъ обставить примѣненіе закона и составленіе проэктовъ закона, чтобы законодательныя учрежденія и исполнительная власть имѣли наименѣе поводовъ для коллизіи. Для этой цѣли верховная власть въ проэктѣ Сперанскаго „окружена“ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ. Въ проэктѣ Сперанскаго всѣ дѣла законодательныя, судебныя и исполнительныя восходятъ черезъ государственный совѣтъ, въ немъ разсматриваются проэкты законовъ, уставовъ и учрежденій и отсюда уже по одобреніи ихъ государемъ направляются на уваженіе законодательнаго сословія; въ совѣтъ вносятся всѣ дѣла, превышающія власть министра. Такимъ образомъ, государственный совѣтъ соучаствуетъ въ управленіи государствомъ, объединяя всѣ мѣры правительства, какъ въ смыслѣ проэктовъ закона, такъ и въ примѣненіи законовъ, уже изданныхъ, на практикѣ. Правда, онъ состоитъ изъ назначаемыхъ верховной властью членовъ, но высокое положеніе этого учрежденія и, повидимому, предполагавшаяся несмѣняемость его членовъ могли бы служить извѣстной гарантіей безпристрастія и свободы этого учрежденія.

Наконецъ, по мысли Сперанскаго, рядомъ съ государственнымъ совѣтомъ долженъ былъ дѣйствовать и правительствующій сенатъ. Сенатъ, во-первыхъ, представляетъ изъ себя исполнительное отдѣленіе, состоя изъ управляющихъ министерствами и изъ нѣкотораго числа министровъ безъ портфелей, подъ предсѣдательствомъ императора или государственнаго канцлера. Это и есть совѣтъ министровъ въ собственномъ смыслѣ слова. Наконецъ, особый судный сенатъ представляетъ собою органъ высшаго суда въ имперіи и состоитъ частью изъ тѣхъ „отличнѣйшихъ“ гражданъ, которые избираются губернскими думами.

Такъ по проэкту Сперанскаго долженствовалъ быть устроеннымъ механизмъ высшаго государственнаго управленія.

По нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ намъ уже довелось сдѣлать замѣчаніе относительно тѣхъ или другихъ сторонъ закопроэкта Сперанскаго. Повторимъ, что полемика, которая иногда допускается и въ настоящее время въ научныхъ сочиненіяхъ, въ данномъ случаѣ неумѣстна, такъ какъ многіе изъ вопросовъ, поднятыхъ Сперанскимъ въ то время, остаются спорными и теперь. Скажемъ только, что онъ осторожно подходилъ къ вопросу государственнаго переустройства, выбирая такія условія перехода

къ новымъ формамъ правленія, которыя, отличаясь достаточнымъ демократизмомъ, (во всякомъ случаѣ значительно болѣе широкимъ, нежели дворянскія конституціи его современниковъ), —все же оказались бы пріемлемы для болѣе или менѣе значительной части общества и могли бы утвердиться въ русскомъ государственномъ строѣ. Трудно, конечно, сказать, насколько Сперанскій точно опредѣлялъ современное ему настроеніе общества и учитывалъ соотношеніе общественныхъ силъ. Думается, что и въ этомъ отношеніи онъ, опершись на болѣе демократическіе элементы страны,—мелкое дворянство, купечество и казенное крестьянство,—нашелъ бы такую среду, которая поддержала бы его планы. Онъ, быть можетъ, какъ бы предчувствовалъ нарожденіе интеллигенціи изъ разночинцевъ, которая уже спустя два десятилѣтія послѣ проэкта Сперанскаго явилась колыбелью зарожденія общественной мысли.

Здѣсь намъ нѣтъ нужды останавливаться подробно на тѣхъ источникахъ, которые послужили Сперанскому матеріаломъ для его законопроэктовъ. Разумѣется, образованный юристъ всякаго времени въ своемъ практическомъ творчествѣ опирается на тѣ или иныя идеи, господствующія въ данное время. Неудивительно поэтому, что Сперанскій опирается на Монтескье, Блэкстона, на догмы естественнаго права, неудивительно также и то, что французская конституція восьмого года оказала на его проэктъ нѣкоторое вліяніе, ибо послѣдняя была новѣйшимъ созданіемъ юридической мысли Франціи. Но главное заимствованіе отсюда, сдѣланное Сперанскимъ,—это государственный совѣтъ, который является лучшимъ созданіемъ Французской имперіи. Однако, опираясь на юридическую мысль своего времени, Сперанскій вкладывалъ въ свой конституціонный проэктъ такого рода идеи, которыя дѣлаютъ общіе контуры его своеобразными. Безспорно, такого рода организація привела бы къ широкому развитію мѣстнаго самоуправленія. Съ другой стороны она сохраняла для верховнаго правительства необходимую силу и вліяніе въ странѣ при условіи реальнаго контроля со стороны народныхъ избранниковъ. Мало того, окружая верховную власть государственнымъ совѣтомъ, она вносила совсѣмъ новую струю въ конституціонный планъ. Широкая исполнительная власть въ государствѣ и преимущественно лежащая на министерствахъ обязанность иниціативы закона, является безъ сомнѣнія положительной стороной конституціоннаго строя. Но съ другой стороны при такихъ условіяхъ возможенъ

захватъ власти министерствами, отсюда возможны рѣзкія коллизіи между министерствами и народными представителями. При несмѣняемомъ министерствѣ конфликтъ затрагиваетъ главу государства. Стремясь провести всю главнѣйшую дѣятельность министерствъ черезъ государственный совѣтъ, который по своему положенію могъ бы получить вліяніе въ странѣ, Сперанскій тѣмъ самымъ стремился предотвратить возможные конфликты, и есть много основаній считать такого рода идею весьма основательной. Государственный совѣтъ Сперанскаго нельзя назвать ни верхней, ни нижней палатой, такъ какъ организація его не соотвѣтствуетъ нашимъ обычнымъ представленіямъ о двухпалатной системѣ; въ немъ чувствуется новая форма государственнаго строя и при томъ форма совершенно здоровая.

Таковы проэкты Сперанскаго. Теперь остается познакомиться съ тѣмъ, что фактически ему удалось осуществить въ дѣлѣ переустройства высшихъ учрежденій.

Въ 1809 году планъ Сперанскаго лежалъ на столѣ у государя, но Сперанскій тщетно ждалъ его утвержденія и сталъ замѣчать, что положеніе его самого колеблется. Тогда Сперанскій нѣсколько разъ въ особыхъ запискахъ убѣждаетъ государя привести планъ въ дѣйствіе, если не полностью, то по крайней мѣрѣ, по частямъ. Онъ достигъ того, что 1 января 1810 года была введена одна часть плана—при торжественной обстановкѣ открытъ рѣчью государя Государственный Совѣтъ. Рѣчь государя, написанная Сперанскимъ, намекала на проведеніе въ жизнь дальнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, но пока Совѣтъ учрежденъ какъ отдѣльное самостоятельное учрежденіе. Разумѣется, въ „Образованіи“ Совѣта при такомъ условіи были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ проэктомъ, но въ общемъ „Образованіе“ соотвѣтствуетъ проэкту. Главное измѣненіе заключалось въ томъ, что въ „Образованіи“ на Государственный Совѣтъ возлагается „соображеніе“ законовъ и отсюда законы восходятъ на утвержденіе верховной власти. Слѣдовательно, Совѣту приданъ характеръ законосовѣщательнаго учрежденія. Совѣтъ названъ „сословіемъ“. Кромѣ проэктовъ закона въ немъ разсматриваются уставы и учрежденія. Проэкты поступаютъ въ Совѣтъ съ одобренія верховной власти. Такимъ образомъ, компетенція Совѣта состояла въ слѣдующемъ: онъ разсматривалъ проэкты новыхъ законовъ, уставовъ и учрежденій; въ немъ вообще разсматривались всѣ пред-

меты управленія, требующіе дополнительнаго закона или измѣненія въ немъ.

Статьи 2 и 3 образованія Совѣта совершенно ясно устанавливаютъ мысль, новую для русской жизни и, къ сожалѣнію, не вошедшую впослѣдствіи въ русскую практику,—о томъ, что закономъ въ русской жизни должны были стать только тѣ утвержденныя государемъ постановленія, которыя прошли черезъ Государственный Совѣтъ и получили его одобреніе.

Затѣмъ въ Совѣтѣ разсматриваются мѣры и распоряженія общія, необходимыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, чрезвычайныя общія внутреннія мѣры, объявленіе войны и заключеніе мира, государственный бюджетъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры, вопросы объ отчужденіи частнаго владѣнія государственныхъ доходовъ и имуществъ и вопросы о вознагражденіи частныхъ лицъ, имущество коихъ отчуждается на государственныя нужды, наконецъ, въ немъ разсматриваются отчеты министровъ. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ государь, или особо назначенное имъ лицо. Совѣтъ дѣлится на департаменты: департаментъ законовъ, военныхъ дѣлъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи; сверхъ того при Совѣтѣ состоятъ: комиссія законовъ, комиссія прошеній и государственная канцелярія съ государственнымъ статсъ-секретаремъ во главѣ, которымъ и былъ назначенъ Сперанскій. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ и одобренный совѣтомъ законъ представляется на утвержденіе государя; всѣ законы, уставы и учрежденія утверждаются государемъ въ формѣ торжественнаго манифеста, въ который включается знаменательная формула: „внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта“.

Государственный Совѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ введенъ по „Образованію“ Сперанскаго, явился законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Тѣмъ не менѣе современники вѣрно оцѣнили его значеніе, указавъ на то, что Совѣтъ является учрежденіемъ, ограничивающимъ власть государя. Большинство компетентныхъ юристовъ и въ настоящее время держатся того же мнѣнія, напр. проф. Сергѣевичъ, Градовскій, Романовичъ-Словатинскій, при чемъ эта мысль объ ограниченіи съ особенной рельефностью развита профессоромъ Щегловымъ. Правда, противъ такой мысли возражалъ проф. Коркуновъ, но едва ли его возраженія могутъ быть приняты. Въ терминологіи Сперанскаго наименованіе „сословія“ имѣло совершенно опредѣленный характеръ и служило для опре-

дѣленія высшихъ конституціонныхъ учрежденій; формула: „внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта“, заимствованная изъ французскаго законодательства, имѣла такое же назначеніе, наконецъ, обѣщаніе верховной власти предоставлять на предварительное разсмотрѣніе всѣ мѣры, подлежащія вѣдѣнію Совѣта, и принимать тѣ изъ нихъ, которыя приняты большинствомъ совѣта,—все это несомнѣнно придаетъ характеръ самоограниченія представителя верховной власти, тѣмъ болѣе, что законъ о Совѣтѣ объявленъ былъ кореннымъ закономъ, что по терминологіи Сперанскаго означало конституціонный.

Кромѣ закона о Государственномъ Совѣтѣ, Сперанскому удалось провести и законъ о новомъ учрежденіи министерствъ. Даже противники Сперанскаго признаютъ, что этотъ законъ дѣйствительно способствовалъ упорядоченію высшаго управленія. Онъ ясно и точно распредѣляетъ дѣла между отдѣльными министерствами, чего достигнуть было въ общемъ не такъ легко; наконецъ, онъ проводитъ строгую отвѣтственность министровъ и другихъ подчиненныхъ имъ органовъ. Правда, вопросъ объ отвѣтственности отпалъ самъ собою, такъ какъ при отсутствіи государственной думы не оказалось органа, который при самодержавной власти, за исключеніемъ ея самой, могъ бы привлекать министровъ къ отвѣтственности. Самъ Сперанскій имѣлъ право сказать, что изданное по его проекту въ 1811 году „Общее учрежденіе министерствъ“ положило „самые точные и ясные предѣлы власти министровъ“. Основныя мысли, вложенныя въ этотъ законопроэктъ Сперанскимъ, заключаются въ слѣдующемъ: министерство является органомъ, который имѣетъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное ихъ исполненіе. Министръ—только исполнитель закона, и никакой новый законъ или учрежденіе не могутъ быть введены его властью. Министерства дѣйствуютъ въ общихъ видахъ государственной пользы, стремясь къ одной общей цѣли. Они наблюдаютъ за общимъ исполненіемъ законовъ въ имперіи, но подчиненныя начальства могутъ не приводить въ исполненіе такихъ предписаній министровъ, которыя противорѣчатъ закону, представляя ихъ на разрѣшеніе Сената. Однако, министры могутъ представлять въ Государственный Совѣтъ о необходимости новаго закона, или объ отмѣнѣ прежняго. Министры отвѣчаютъ въ случаѣ превышенія ихъ власти, бездѣйствія или небреженія.

Наконецъ, Сперанскому удалось провести законъ, согласно

своему проэкту о правительствующемъ и судебномъ сенатѣ. Этотъ законъ прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ, былъ утвержденъ государемъ, но отложенъ примѣненіемъ и совсѣмъ не вошелъ въ жизнь. Такимъ образомъ, не получило осуществленія одно изъ учрежденій, которое могло бы явиться наиболѣе существеннымъ, контролирующимъ органомъ надъ дѣятельностью министерствъ. Вмѣсто исполнительнаго сената постепенно образуется комитетъ министровъ, противъ котораго въ самомъ его зарожденіи такъ сильно протестовалъ Сперанскій, предвидя, что министерскій комитетъ всю отвѣтственность за дѣятельность министровъ перенесетъ съ министровъ на лицо государя, въ силу чего установится полная безотвѣтственность министровъ.

Сперанскій былъ вполнѣ правъ, когда въ своемъ общемъ отчетѣ за 1810 годъ съ благородной откровенностью писалъ государю: „Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной, разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ, отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ“. Этотъ великій шагъ въ народной жизни, этотъ переходъ отъ самовластія къ формамъ истинной монархіи, по мнѣнію Сперанскаго, совершенъ потому, что, учредивъ Государственный Совѣтъ, „придавъ ему форму публичнаго учрежденія, ввѣривъ ему обсужденія законовъ, верховная власть тѣмъ самимъ опредѣлила свое направленіе“.

И, дѣйствительно, Сперанскій былъ правъ въ своей характеристикѣ того значенія, которое долженъ былъ получить Государственный Совѣтъ въ государственномъ управленіи: несмотря на колебанія въ направленіи политики, Государственный Совѣтъ занялъ въ теченіе XIX вѣка почетное мѣсто среди правительственныхъ учрежденій: общество навыкло съ довѣріемъ относиться къ мнѣнію большинства въ Совѣтѣ.

Таковы практическіе результаты преобразовательной дѣятельности Сперанскаго. Остальныя части его плана не получили осуществленія. Но мнѣ бы хотѣлось еще обратить вниманіе на тотъ фактъ, что планъ Сперанскаго предоставлялъ мѣстному обществу широкую долю участія въ самоуправленіи. Это его губернская, окружная и волостная думы и выборный судъ. Эти учрежденія не получили осуществленія при Сперанскомъ, но послѣ воскресли въ эпоху незабвенныхъ реформъ императора Але-

ксандра II и сдѣлались дороги всему русскому обществу, вошли въ его плоть и кровь. Это значитъ, что Сперанскій тогда уже предвидѣлъ наиболѣе удачную, наиболѣе подходящую форму мѣстнаго самоуправленія.

Таковы были политическіе идеалы Сперанскаго и размѣры практическаго ихъ осуществленія. Какъ извѣстно, на этомъ не окончилась государственная дѣятельность Сперанскаго. Возвращенный изъ ссылки, онъ былъ поставленъ впослѣдствіи императоромъ Николаемъ I во главѣ комиссіи законовъ. Конечно, теперь онъ уже не имѣлъ прежняго вліянія и время для широкихъ преобразованій прошло. Но и въ качествѣ руководителя комиссіей по составленію Свода Законовъ Сперанскій продолжалъ дѣлать то, что могъ въ прежнемъ направленіи своихъ идеаловъ: путемъ изданія Свода Законовъ Сперанскій стремился къ установленію въ государствѣ законности.

Мнѣ остается въ заключеніе напомнить въ общихъ чертахъ обликъ Сперанскаго, какъ политическаго мыслителя и какъ государственнаго дѣятеля. Выросши въ такой средѣ, которая наиболѣе непосредственнымъ образомъ, на собственной спинѣ, ощущала проявленія произвола, Сперанскій, занявъ первенствующее положеніе въ государствѣ, стремился къ тому, чтобы провести въ государственный механизмъ такіе законы, которые обезпечивали бы гражданскіе и политическія права личности. Онъ прекрасно понималъ причину тѣхъ недуговъ, которые испытывало государство. Онъ понималъ, что для развитія правильной государственной жизни необходима свобода личности и устраненіе произвола. По его мнѣнію, никакіе законы не будутъ хороши до тѣхъ поръ, пока личность гражданина, какъ исполняющаго предписанія закона, такъ и та, которая слѣдитъ за исполненіемъ ихъ, не будетъ свободна. Сперанскій, далѣе, сознавалъ, какое громадное значеніе имѣетъ для правильной государственной жизни общественное мнѣніе, свободно высказываемое, и на этомъ основаніи онъ въ своемъ планѣ преобразованія отводилъ широкое участіе общественнымъ элементамъ въ управленіи. Конечно, многія изъ истинъ, высказанныхъ въ свое время Сперанскимъ, для насъ являются общепризнанными. Но это нисколько не уменьшаетъ значенія Сперанскаго, какъ государственнаго дѣятеля и какъ политическаго мыслителя. Надо вѣдь сопоставить его съ той средой, съ тѣмъ уровнемъ общественныхъ понятій, которыя господствовали въ его вре-

мя. И тогда на фонѣ раболѣпнаго общества передъ нами выдвигается съ особенной яркостью величавая фигура Сперанскаго; это не царедворецъ, снискивающій себѣ благо сильныхъ, не трепещущій обыватель, забитый и загнанный, не столько умомъ, сколько инстинктивно сознающій тѣ или иные недостатки режима. Передъ нами гражданинъ въ лучшемъ значеніи этого понятія, неуклонно идущій къ цѣли.

Безспорно, лучшіе люди Александровской эпохи исповѣдывали тѣ же идеи, которыя стремился водворить Сперанскій. Но была громадная разница между отчетливостью и ясностью его политическаго міровоззрѣнія и сентиментальною туманностью воззрѣній его современниковъ.

Какъ государственный дѣятель, Сперанскій успѣлъ провести сравнительно немного изъ того, что онъ предполагалъ сдѣлать; но въ томъ не его вина. Впрочемъ, и то, что сдѣлалъ Сперанскій, имѣетъ важное государственное значеніе. Потомство всегда будетъ съ благодарностью цѣнить то, что сдѣлано Сперанскимъ, а историкъ и русское общество со вниманіемъ отнесется къ тѣмъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ Сперанскій.

Но теперь отъ личности перейдемъ къ обществу, сопоставимъ настроеніе общества съ тѣмъ, что предлагалось ему въ разнообразныхъ проэктахъ.

Въ паденіи Сперанскаго есть стороны, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены одной только интригой, или возникшимъ къ нему недовѣріемъ императора. Уходъ императорскихъ совѣтниковъ—дѣло обычное: до Сперанскаго многіе ушли изъ числа такихъ людей, которые были связаны съ Александромъ болѣе интимными узами. Уходили они безъ шума и для ухода ихъ не требовалась тонкая, сложная интрига. Ясно, что Сперанскаго больше боялись. И боялись какъ тѣ, которые опасались, что Сперанскій останется при своемъ вліяніи, такъ и тѣ, которые желали отдѣлаться отъ Сперанскаго. Недаромъ Вигель, вообще весьма вѣрно и характерно передающій толки общества, говоритъ о паденіи Сперанскаго: „Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвесть такую всеобщую радость“, какъ паденіе Сперанскаго. Очевидно, тутъ были заинтересованы болѣе или менѣе широкіе круги общества, и даже тѣ среднедворянскіе слои его, частью провинціальные, частью столичные, среди которыхъ вращался Вигель. Но, спрашивается, за что такъ ненавидѣли Сперанскаго?

За его „измѣну“, которую такъ рекламировали и въ которую мало кто вѣрилъ? Да и вообще измѣна подобнаго рода не была опасна, такъ какъ настроеніе общества было весьма враждебно всему французскому. Не могли ненавидѣть Сперанскаго и за его проэктъ конституціи: тогдашнее общество не было еще въ столь сильной мѣрѣ проникнуто реакціоннымъ направленіемъ, чтобы проэктъ конституціи могъ вызвать такое сильное возбужденіе; не такъ давно многіе составляли проэкты, и эти попытки не вызывали неудовольствія въ обществѣ. Сперанскій былъ „выскочкой“, но и къ такимъ выскочкамъ русскія высшія сферы и аристократія привыкли, и съ ними мирились. Очевидно, тутъ были болѣе серьезные мотивы. Дворянскія конституціи Мордвинова, Воронцовыхъ и проч. не затрагивали положенія дворянства въ государствѣ, не затрагивали его правъ на крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ все то, что проникло тогда въ общество о Сперанскомъ, сильно затрагивало дворянскіе интересы, било его по карману. Къ числу этихъ мѣръ относится указъ о чинахъ. Французскія симпатіи Сперанскаго связывались съ поддержаніемъ континентальной системы. Финансовый планъ, состоящій въ поднятіи налоговъ также билъ по карману дворянство: увеличеніе налоговъ означало для дворянъ сокращеніе ихъ аппетитовъ въ поднятіи оброковъ. Между тѣмъ, усиленный выпускъ ассигнацій давалъ поводъ дворянству увеличивать оброкъ, такъ сказать, на законномъ основаніи. Увеличивая налоги, Сперанскій самъ забирался въ крестьянскую мошну. Далѣе, конституція Сперанскаго была во всякомъ случаѣ демократичнѣе другихъ проэктовъ, она предполагала опредѣленіе закономъ повинностей крестьянъ, а самъ Сперанскій съ очевидностью доказывалъ, что крѣпостное право падетъ, разъ дворянство получитъ политическую свободу. Дѣйствительно, Сперанскій первый поставилъ вопросъ о тѣсномъ взаимномъ отношеніи политической свободы дворянства и раскрѣпощенія крестьянства. Отсюда понятно и то, что противъ Сперанскаго выступаютъ столпы крѣпостничества,—Растопчинъ, Карамзинъ и др. Какими бы патріотическими соображеніями и чувствами они ни прикрывались, все же корень вражды къ Сперанскому заключается въ ихъ боязни, что проэкты Сперанскаго сдвинутъ крѣпостные устои. Связь между рабствомъ дворянства и рабствомъ крестьянства усвоена была нашимъ дворянствомъ на долгое время и, какъ разъ, именно съ 10-хъ годовъ XIX вѣка. Дворянство конца

XVIII и дворянство перваго десятилѣтія XIX вѣка смѣло ставитъ вопросъ о политической свободѣ для дворянства, съ сохраненіемъ крѣпостного права. Въ послѣдующее время подобнаго рода проэкты исчезаютъ, и только демократически настроенная часть дворянства выставляетъ оба наболѣвшіе вопроса. Дворянство прозрѣло, и Сперанскій въ этомъ прозрѣніи сыгралъ крупную роль. Что Сперанскаго боялись, можно догадаться и изъ того, что онъ, повидимому, пользовался поддержкой нѣкоторой вліятельной группы верховъ администраціи, хотя, конечно, тутъ ничего не было похожаго на какое бы то ни было сообщество. Такъ, представленный Сперанскимъ планъ финансовъ былъ произведеніемъ кружка лицъ, почти всѣ члены котораго прошли въ Совѣтъ или въ министры. Очень возможно, что Александръ I замѣтилъ это обстоятельство, и оно могло показаться подозрительнымъ. Проф. Середонинъ обратилъ вниманіе на то, что по удаленіи Сперанскаго немедленно были произведены довольно значительныя перемѣны въ составѣ и строѣ государственнаго Совѣта. Вліятельнѣйшій членъ его генералъ Мордвиновъ подалъ въ отставку. Противникъ Сперанскаго, князь Лопухинъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ соединенныхъ департаментовъ и ему повелѣно было предсѣдательствовать во всѣхъ департаментахъ; за назначеніемъ Лопухина, Кочубей, Мордвиновъ и Аракчеевъ, какъ предсѣдатели департаментовъ, остались безъ дѣла. Третьяго апрѣля повелѣно было соединеннымъ департаментамъ законовъ и экономіи пересмотрѣть всѣ мѣры по части финансовъ, принятыя въ 1810 году, т. е. проведенныя Сперанскимъ. Наконецъ, предсѣдателемъ Совѣта былъ назначенъ противникъ Сперанскаго Н. И. Салтыковъ, новымъ членомъ Совѣта былъ назначенъ злѣйшій врагъ Сперанскаго Армфельдъ, а помощникомъ статсъ-секретаря — Розенкампфъ, враждебность котораго къ Сперанскому намъ уже извѣстна.

Лопухинъ, какъ и другіе, теперь занявшіе первенствующее мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, — принципіальный врагъ Сперанскаго. На все западно-европейское онъ смотрѣлъ, какъ на „заразительную гнилость“, главнымъ образомъ потому, что оттуда можетъ пойти „ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ“.

Что проэкты Сперанскаго тогдашнимъ верхамъ дворянства казались слишкомъ либеральными и что дворянскіе круги мечта-

ли о такой конституціи, которая не затрагивала бы крѣпостного права, доказываетъ одинъ весьма любопытный фактъ. Недавно найденъ въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта французскій проэктъ, помѣченный августомъ 1811 года и подписанный иниціалами М. В. (по вѣроятному предположенію проф. Середонина это проэктъ М. Балугьянскаго). Это, повидимому, контръ-проэктъ, предложенный взамѣнъ плана Сперанскаго. Онъ проникнутъ исключительно дворянской тенденціей. Видимо, была мысль замѣнить этимъ контръ-проэктомъ Государственную Думу Сперанскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы не оцѣнивали идеологію Сперанскаго, все же среди тогдашняго общественнаго настроенія его взгляды отличались наибольшимъ радикализмомъ, онъ дальше видѣлъ, нежели громадное большинство либераловъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ присмотрѣться къ направленію тогдашней журналистики для того, чтобы взвѣсить теченія, сказавшіяся въ тогдашнемъ обществѣ.

Несмотря на всѣ цензурныя затрудненія, тогдашняя журналистика все же отражала на себѣ и конституціонныя теченія, такъ какъ издатели журналовъ успѣвали время отъ времени провести въ журналѣ ту или другую статью. Тогдашняя журналистика въ своихъ отношеніяхъ къ конституціи имѣетъ собственно два направленія: консервативное и либерально-аристократическое. Демократическаго направленія, т. е. такого, которое отводило бы хотя нѣкоторое значеніе въ конституціонномъ устройствѣ низшимъ элементамъ общества, почти нельзя выдѣлить. Правда, нѣкоторые авторы высказывались по крестьянскому вопросу въ аболюціонистскомъ смыслѣ, стоя или на почвѣ моральной, или на почвѣ экономической; но трудно указать, какую роль они отвели бы крестьянству, въ случаѣ перехода къ конституціоннымъ формамъ правленія. Такъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ авторовъ этого направленія, извѣстный Пнинъ, пытается установить нѣкоторую связь между соціальнымъ строемъ и государственнымъ организмомъ, но трудно сказать, къ чему въ конечномъ итогѣ склонялась его мысль. Иногда указываютъ на радикализмъ „Духа Журналовъ“ (1815 – 1820 гг.). Но это недоразумѣніе, такъ какъ несмотря на измѣнчивость взглядовъ этого журнала, все же несомнѣнно онъ держался аристократическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, основнымъ отраженіемъ общественныхъ направленій, проявлявшихся

въ журналистикѣ было то, которое допускало конституцію съ аристократическимъ оттѣнкомъ и, разумѣется, съ сохраненіемъ крѣпостного права. Самые радикальные публицисты становились консерваторами, какъ только рѣчь заходила о связи конституціи съ раскрѣпощеніемъ крестьянъ.

Изъ самыхъ раннихъ журналовъ, наиболѣе рельефнымъ отразителемъ подобнаго рода тенденціи является „Сѣверный Вѣстникъ“, издававшійся Мартыновымъ (1804—1805 гг.). Въ одномъ изъ номеровъ этого журнала 1805 года помѣщена, напр., очень любопытная статья „Опытъ о Великобританіи“. Авторъ съ восторгомъ говоритъ объ англійскихъ конституціяхъ, о „священныхъ, твердыхъ постановленіяхъ для народоуправленія и производства правосудія“. Въ Великобританіи нѣтъ вреднаго неудобства власти цезарей. Здѣсь управляетъ аристократія, не угнетающая, однако, низшіе классы. Автору представляется палата лордовъ такимъ учрежденіемъ, къ которому особенно привязанъ англичанинъ. Обращаясь къ Россіи, авторъ заявляетъ, что она никогда не достигнетъ величія безъ преимуществъ народоуправленія и безъ живительнаго дворянскаго патріотизма. Болѣе полнымъ представителемъ того же направленія является уже упомянутый нами „Духъ Журналовъ“. Правда, онъ считаетъ конституцію „драгоцѣннѣйшимъ залогомъ отечественной попечительности правительства“ (1817 годъ). Въ статьѣ „Письмо одного нѣмца изъ Филадельфіи“ (1815 г.) журналъ приводитъ восторженный отзывъ объ американскихъ порядкахъ. Въ одной статьѣ, помѣщенной въ 1819 году, неизвѣстный авторъ патетически заявляетъ, что „духъ времени, народы требуютъ коренныхъ, неизмѣнныхъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго, равно обязательныхъ и для властей и для подвластныхъ“, законовъ и при томъ такихъ, „при которыхъ самовластіе мѣста имѣть не можетъ“. Но всѣ эти требованія и намеки не отличаются особенно радикальнымъ направленіемъ. Въ той же статьѣ говорится о „природныхъ блюстителяхъ „закона“, которыя и явятся совѣтниками государей и соучастниками ихъ власти; очевидно, рѣчь идетъ о дворянской только конституціи. Либерализмъ „Духа Журналовъ“ нисколько не мѣшалъ ему высказываться въ томъ смыслѣ, что „вольность“ крестьянъ вредна для нихъ самихъ. Впрочемъ, „Духъ Журналовъ“ иногда высказывался отрицательно и о самой конституціи (напр. статья „Не въ конституціяхъ благо народа“, 1815 г.).

Мнѣніе журналистовъ, просачивавшееся въ журналахъ, было отраженіемъ дворянскихъ тенденцій. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстный Каразинъ, потерпѣвшій сильную аварію въ молодости, невольный житель своихъ помѣстій, въ одной изъ своихъ записокъ 1820 года совѣтуетъ возвратиться къ временамъ старой думы; онъ противъ „репрезентаціи“ народа, но тѣмъ не менѣе рекомендуетъ обратиться къ дворянству, призвать изъ его среды такихъ людей, которые явились бы отраженіемъ общественнаго мнѣнія. Лифляндскій дворянинъ Бокъ въ запискѣ 1818 года, отправленной императору, составляетъ проэктъ созванія общаго сейма всего русскаго дворянства и т. п.

ГЛАВА VI.

Логика войны 12-го года.

Императоръ Александръ I принялъ дипломатическое наслѣдіе, заключавшееся въ томъ, что его предшественникъ велъ уже войну съ Франціей въ защиту неприкосновенности европейскихъ монарховъ. Первое же дипломатическое заявленіе русскаго императора, преподанное имъ своимъ представителямъ въ Европѣ, говорило о нежеланіи императора вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ; но въ то же время въ этомъ сообщеніи заключалась и нѣкотораго рода угроза по отношенію къ французскому правительству: русское правительство обѣщало не принимать отъ другихъ правительствъ предложеній вступить въ союзъ противъ Франціи, если французское правительство будетъ уважать права и независимость русскихъ союзниковъ. Въ этомъ „если" была цѣлая программа, которой впослѣдствіи держался русскій императоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскій посолъ въ Парижѣ Колычевъ сильно протестовалъ противъ французскихъ распоряженій въ Италіи, настаивая на исполненіи обѣщаній, данныхъ императору Павлу. Талейранъ жаловался на рѣзкій тонъ Колычева, что побудило русское правительство отозвать своего посла и замѣнить его графомъ Морковымъ. Новый посланникъ былъ изъ числа опальныхъ сановниковъ прошлаго царствованія. Онъ представлялъ собою типичнаго дипломата XVIII вѣка, воспитаннаго въ Екатерининской школѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ, онъ принадлежалъ къ такимъ дипломатамъ, которые, по тогдашнему выраженію, катеринствовали, рѣзко выставляя требованія правительства и давая чувствовать, что эти требованія будутъ поддержаны славнымъ екатерининскимъ войскомъ. Съ внѣшней стороны, графъ Морковъ отличался самыми изысканными придворными манерами, утонченной вѣжливостью, входилъ и рас-

кланивался по правиламъ танцевальнаго искусства, ступалъ на ципочкахъ и говорилъ остроты.

Между тѣмъ отношенія между Франціей и Англіей грозили разрывомъ. Франція ищетъ союза съ Россіей, но рѣзкость графа Моркова не открывала возможности войти въ какія либо соглашенія. Послѣдовали новыя жалобы со стороны французскаго правительства, и русскій посолъ былъ отозванъ, будучи замѣненъ Убри.

Во всякомъ случаѣ настроеніе въ русскомъ правительствѣ постепенно складывалось противъ Франціи. Довольно трудно опредѣлить причины такого направленія. Но, безспорно, личная антипатія русскаго императора къ первому консулу играла въ этомъ немалую роль. Съ другой стороны, личныя симпатіи Александра I къ Пруссіи, дружба съ прусскимъ королемъ и рыцарское преклоненіе передъ красотой прусской королевы Луизы сыграли важнѣйшую роль въ разрывѣ Россіи и Франціи. Извѣстно, что Наполеонъ передъ войной съ Англіей отдалъ Ганноверъ прусскому правительству. Затѣмъ, чтобы помириться съ Англіей, передалъ его обратно англичанамъ. Нанесенное Пруссіи оскорбленіе глубоко задѣло русскаго императора. Къ этому присоединилось одно обстоятельство, которое окончательно поставило русскую дипломатію во враждебное отношеніе къ Франціи. Наполеонъ приказалъ схватить на нѣмецкой территоріи одного изъ бурбонскихъ принцевъ, герцога Энгіенскаго, и приказалъ его разстрѣлять. Русскій дворъ и даже часть русскаго общества приняли это событіе, какъ личную обиду. Когда жена французскаго посла г-жа Гедувиль явилась въ тотъ день, когда вѣсть о казни герцога достигла столицы, на вечеръ къ князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, то она вмѣстѣ со своей родственницей встрѣтила въ домѣ стараго дипломата самый холодный пріемъ. Все общество отъ нихъ отшатнулось и ушло въ другую комнату. Француженки поспѣшили уѣхать. Событіе это при дворѣ отразилось столь же сильно. Государь былъ болѣзненно пораженъ извѣстіемъ. Созванный по этому поводу Государственный Совѣтъ въ большинствѣ высказался за самыя энергичныя мѣры, первая изъ которыхъ была—наложеніе траура. Только графъ Н. П. Румянцевъ позволилъ себѣ замѣтить, что опасно увлекаться въ войну по этому поводу и что въ вопросахъ государственныхъ чувства должны оставаться въ сторонѣ. Онъ совѣтовалъ ограничиться однимъ трауромъ. Его мнѣ-

ніе поддерживалъ одинъ только князь Черторыйскій. Государь рѣшилъ съ большинствомъ.

Немедленно были посланы депеши къ союзнымъ государямъ съ выраженіемъ крайняго негодованія, которое испытывалъ русскій императоръ. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ русская нота въ сильныхъ выраженіяхъ требовала протеста. Русское представленіе было направлено и къ имперскому сейму, засѣдавшему тогда въ Регенсбургѣ. На сеймѣ постарались это дѣло замять, въ Вѣнѣ погорячились, но скоро успокоились. Такъ со стороны Россіи былъ сдѣланъ первый шагъ.

Надежды при русскомъ дворѣ, на случай войны съ Франціей, носили самую розовую окраску. Австрія и Пруссія, въ виду русскихъ настояній, оказались въ затруднительномъ положеніи. Въ Лондонъ отправляется съ особой миссіей Новосильцевъ. Хотя лондонскій посолъ графъ Семенъ Воронцовъ былъ сторонникомъ тѣснаго сближенія Англіи и Россіи, но тѣмъ не менѣе Новосильцеву дано было порученіе втайнѣ отъ русскаго посла вести переговоры съ англійскимъ министерствомъ. Новосильцевъ привезъ уже разработанный въ Петербургѣ планъ не только союза, но и того раздѣла французскаго наслѣдія, относительно судьбы котораго обѣ стороны должны были напередъ условиться. Между прочимъ предполагалось, что во всѣхъ странахъ, которыя будутъ отняты отъ Бонапарта, будетъ установлена свобода „на своихъ настоящихъ основаніяхъ“. Такъ представитель самодержавной власти напередъ заботился объ установленіи свободы и конституціи въ странахъ, завоеванныхъ Франціей. Уже шли переговоры между англійскимъ и русскимъ правительствами о выборѣ будущаго французскаго короля. Конечно, русскія предложенія, именно предложеніе русскихъ войскъ было весьма пріятно лондонскому кабинету. Но послѣдній менѣе всего интересовался вопросами будущаго устройства тѣхъ государствъ, которыя будутъ освобождены. Англія только отстаивала неприкосновенность Турціи, предоставляя Россіи мечтать о благѣ Европы. Россія получаетъ отъ Англіи денежную субсидію и въ качествѣ англійскаго наемника готова броситься на Францію для „блага Европы“. Оставалось дѣло за Пруссіей и Австріей, которыя колебались приступить къ коалиціи. „Господа въ Вѣнѣ всегда отстаютъ на годъ, на войско и на идею“,—иронизировалъ по поводу колебаній Австріи знаменитый Питтъ. Больше всего задерживала медлительность Австріи, такъ какъ предполагали слабую Пруссію втиснуть въ коалицію

волею или неволею. Наполеонъ потребовалъ срытія лагерей въ Тиролѣ и Штеермаркѣ. Въ Вѣнѣ нашлись полководцы (генералъ Макъ) и дипломаты (Кобенцель), доказавшіе австрійскому правительству, что быстротой и натискомъ, т. е. Наполеоновской тактикой, можно разбить императора французовъ. Немедленно войска были переброшены въ Баварію и началась давно жданная для русскаго двора война. Тогда русскій императоръ самъ лично отправляется въ Берлинъ и здѣсь заключаетъ съ Пруссіей договоръ. Русскіе должны были быстро подвигаться для того, чтобы соединиться съ австрійской арміей. Хотя союзники два года вели дипломатическіе переговоры и готовились къ войнѣ, но они оказались недостаточно подготовлены. Сраженіе при Аустерлицѣ, въ которомъ принималъ лично участіе императоръ Александръ I, кончилось страшнымъ пораженіемъ русскихъ и австрійскихъ войскъ.

Такъ кончилась первая компанія противъ Наполеона. Она стоила Австріи территоріи въ 1114 кв. миль съ населеніемъ почти въ три милліона (Пресбургскій миръ 1805 года). Начались переговоры между Россіей и Франціей относительно мирнаго договора, но въ то же время положеніе Пруссіи ведетъ ее къ открытому союзу съ Россіей. Александръ не нашелъ возможнымъ ратификовать договоръ, проектъ котораго былъ выработанъ его посломъ Убри съ французскимъ правительствомъ. Англія не заключила мира съ Франціей. Новая война началась быстро. Въ двѣ недѣли Наполеонъ былъ въ Берлинѣ. Прусская монархія распалась, какъ карточный домикъ. Старые прусскіе генералы были поражены исходомъ войны: французскіе „портные и сапожники“, дослужившіеся до генеральскихъ чиновъ, разбили прусскую армію, армію еще пропитанную духомъ Фридриха Великаго. Наполеонъ торжествовалъ и заявилъ явившимся къ нему на поклонъ прусскимъ сановникамъ, что королева Луиза погубила Пруссію, какъ Марія Антуанетта—Францію. На помощь Пруссіи быстро двинулись русскіе войска. Начальникомъ ихъ былъ назначенъ графъ Каменскій. Но старый фельдмаршалъ, подъѣхавъ къ арміи, неожиданно далъ приказаніе начинать „ретираду“ къ русскимъ границамъ, при чемъ такъ, чтобы каждый отдѣльный начальникъ отступалъ, какъ умѣетъ, и только въ предѣлахъ Россіи явился бы къ старшему начальнику отряда. Самъ Каменскій быстро уѣхалъ изъ арміи, сообщивъ императору, что вслѣдствіе дряхлости и слѣпоты онъ считаетъ себя неспособнымъ руководить войскомъ. Положеніе создалось весьма странное. Старшій

послѣ Каменскаго генералъ Беннигсенъ просто не исполнилъ предписанія фельдмаршала, встрѣтилъ и отбилъ французовъ у Пултуска. Главное начальство надъ арміей перешло къ побѣдителю. Кровопролитная бойня подъ Прейсишъ-Эйлау (1807 года) показала Наполеону, что онъ отъ русскихъ можетъ ожидать сильнаго сопротивленія. Но одержанная имъ же 2-го іюня побѣда подъ Фридландомъ сыграла большую роль, такъ какъ доказала русскому императору, что иногда необходима уступчивость.

Дѣйствительно, для Александра I создался цѣлый рядъ весьма оригинальныхъ условій. Въ силу случайныхъ обстоятельствъ, онъ долженъ былъ ввѣрить командованіе арміей генералу Беннигсену, которому однако совершенно не довѣрялъ, котораго готовъ былъ заподозрить въ нарочитомъ бездѣйствіи. Прусская королевская чета влачила печальное существованіе въ Мемелѣ. Сюда явился русскій императоръ. Прусскіе министры, особенно Гарденбергъ, представили императору рядъ проэктовъ. Въ числѣ ихъ былъ и проэктъ возстановленія Польши. Вообще, какъ то ни странно, тутъ больше занимались тѣмъ, что дѣлили шкуру того медвѣдя, котораго не убили. Продовольственная часть въ русскомъ войскѣ была поставлена плохо. Грабежи русскихъ солдатъ вызывали нареканіе со стороны союзныхъ пруссаковъ. Среди русскихъ, окружавшихъ императора, составилась довольно значительная партія, требовавшая немедленнаго мира. Пріѣхавшій въ армію великій князь Константинъ Павловичъ немедленно сталъ на сторону тѣхъ, которые требовали заключенія мира. Какъ смотрѣли тѣ изъ русскихъ, которые настаивали на необходимости окончить войну, можно видѣть изъ письма князя Куракина къ императрицѣ Маріи: потери русскихъ были очень велики, война до сихъ поръ не дала никакихъ выгодъ, недостатокъ продовольствія дѣлается угрожающимъ. Наконецъ, среди прусскихъ министровъ и дипломатовъ раздавались настойчивыя требованія заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ.

Такъ создалось чрезвычайно затруднительное положеніе.

Надо замѣтить, что война 1806 года отразилась на государствѣ сильнымъ напряженіемъ. Манифестъ 1806 года требовалъ сбора временнаго земскаго ополченія численностью въ 612000 ратниковъ; по словамъ манифеста, эта мѣра являлась спасительною и необходимою. Но правительство, видимо, съ большой осторожностью къ ней обратилось. Правительство имѣло основаніе проявлять крайнюю осторожность. Искренній и честный Лопу-

хинъ въ письмѣ къ государю называетъ „обманщикомъ“ того, кто скажетъ, что милиція не тягостна для населенія, не разрушаетъ хозяйства. Лопухинъ былъ свидѣтелемъ громаднаго приношенія на алтарь отечества, сдѣланнаго московскимъ купечествомъ, но этотъ патріотизмъ сопровождался глухимъ „ропотомъ“ и „слезами отчаянія“. Губерніи были раздѣлены на особыя области, въ которыя были посланы особые уполномоченные съ правомъ объявлять высочайшіе указы, непокорныхъ и непослушныхъ предавать военному суду и даже осуждать на смертную казнь. Губернаторамъ предписано было „дѣйствовать на общее мнѣніе и воспламенять духъ народный любовію къ отечеству“, а между тѣмъ подъ рукой объяснять необходимость мѣръ правительства. По губерніямъ были разосланы особые сенаторы, которые должны были разузнавать общественное настроеніе и благоразумными объясненіями и „внушеніями“ стараться отвращать „сомнительныя предубѣжденія“, возбуждать соревнованіе въ дворянствѣ и внушать въ немъ довѣренность къ правительству. Впрочемъ, для „внушенія“ сенаторы имѣли и другія болѣе дѣйствительныя средства. Къ числу крайнихъ средствъ надо причислить и знаменитое воззваніе къ чадамъ православной церкви, изданное Синодомъ по желанію государя. Чего только Синодъ не взваливалъ на Бонапарте! Послѣ каждой литургіи православные христіане слышали съ амвона изъ устъ служителя алтаря о томъ, что „Буанапарте“ угрожаетъ потрясеніемъ православной церкви, что онъ отложился отъ Христовой вѣры и сталъ воздавать поклоненіе, одному Богу подобающее, истуканамъ, человѣческимъ тварямъ, блудницамъ и идольскимъ изображеніямъ; въ Египтѣ онъ проповѣдывалъ алкоранъ Магомета и, къ посрамленію церкви Христовой, создалъ во Франціи іудейскія синагоги, возстановилъ великій еврейскій сангедринъ (синедріонъ) — тотъ самый богопротивный соборъ, который нѣкогда осудилъ на распятіе Спасителя; теперь Бонапарте помышляетъ соединить іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсѣянныхъ по землѣ, и самъ себя провозгласить Мессіей; Бонапарте—„тварь, совѣстію сожженная и достойная презрѣнія“.

Такъ, войну, предпринятую ради спасенія погибавшей Пруссіи, войну, на которую прекрасные глаза королевы Луизы повели десятки тысячъ русскихъ солдатъ, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православія, противъ похитителя священнаго имени Мессіи, связывали имя французскаго монарха съ еврейской націей, тогда еще мало извѣстной русскому народу.

Александръ прекрасно зналъ положеніе вещей, зналъ напряженіе, испытанное государствомъ, взвѣшивалъ, наконецъ, и тѣ условія, въ которыхъ онъ лично находился. Ко всему этому присоединилось и то, что Англія въ лицѣ своего представителя начала вести себя довольно неопредѣленно, и предлагаемая ею на наступающій годъ субсидія въ 2200000 фунтовъ на содержаніе войскъ всѣхъ трехъ континентальныхъ державъ явно оказывалось недостаточной. Александръ вступаетъ въ переговоры съ Наполеономъ относительно мира. Когда переговоры уже начались, между императоромъ и княземъ Куракинымъ 10-го іюня въ Шавляхъ произошелъ достопамятный разговоръ, въ которомъ Александръ I исчислилъ всѣ соображенія, заставлявшія его желать мира и въ заключеніе прибавилъ историческую фразу: „Наконецъ, бываютъ обстоятельства, среди которыхъ надобно думать преимущественно о самомъ себѣ и руководствоваться однимъ побужденіемъ: благомъ государства“.

При такихъ условіяхъ подготовлялось знаменитое Тильзитское свиданіе. Но цѣлью Наполеона былъ не миръ, а союзъ съ Россіей. Наполеонъ понималъ, что онъ можетъ достигнуть союза съ континентальными державами, разрознить ихъ интересы, но сломить упорство Англіи было не легко. Россія для этой цѣли, для борьбы съ Англіей, представляла наиболѣе выгоднаго союзника. Торговые интересы англичанъ сильнѣйшимъ образомъ были связаны съ русской торговлей, и разрывъ Россіи и Англіи способенъ былъ нанести тяжелый ударъ послѣдней. Въ Тильзитѣ Наполеонъ достигъ исполненія своихъ желаній. Россія и Франція заключили союзъ. Одной изъ труднѣйшихъ задачъ переговоровъ для Александра было сохраненіе въ цѣлости прусскихъ владѣній. Только благодаря настойчивости русскаго императора, Пруссія сохранила свое владѣніе, но текстъ союзнаго договора редактированъ такъ, что ясно было, что Пруссія сохранена изъ милости. Мало того, несмотря на убѣжденія Наполеона, Александръ отказался присоединить какую либо часть прусской территоріи къ Россіи; ни одинъ прусскій министръ не могъ бы лучше защитить интересы распадавшейся Пруссіи, какъ это сдѣлалъ императоръ Александръ.

Впрочемъ, заступничество Александра за прусскіе интересы не удовлетворило его союзника. Какъ это ни странно, но Тильзитскій миръ вызвалъ особенное неудовольствіе какъ разъ больше всего среди прусскихъ сановниковъ. Гарденбергъ, которому такъ

довѣрялъ Александръ, первый началъ доказывать что Александръ бросилъ въ Тильзитѣ своихъ союзниковъ, что русскій императоръ— это такой человѣкъ, на котораго нельзя полагаться, что онъ въ Тильзитѣ былъ совершенно порабощенъ Наполеономъ. Что Гарденбергу и его сторонникамъ не нравилось все, что произошло въ Тильзитѣ,—вполнѣ понятно. Прусскіе министры, въ то самое время, когда Наполеонъ владѣлъ Берлиномъ, придумали проэктъ такого мирнаго трактата, что когда читаешь его, можно думать, что пруссаки занимали въ это время Парижъ. Въ самомъ дѣлѣ, проэктъ Гарденберга предполагалъ прежде всего приращеніе земельныхъ владѣній Пруссіи. Возстановленная Польша, по этому проэкту, отдается Саксонскому королю, а Саксонія съ Лузаціей—отходятъ къ Пруссіи. Кромѣ того къ Пруссіи отходятъ Любекъ, Гамбургъ, вообще Пруссія округляется и усиливается. Франціи предоставляется незначительное усиленіе въ Германіи, но вообще компенсацію за войну Франція, Россія и Австрія должны были получить изъ турецкихъ владѣній, которыя еще надо было каждому государству завоевать. Александръ не провелъ въ Тильзитѣ этого оригинальнаго проэкта—и вотъ причина крайняго раздраженія противъ него среди прусскихъ дипломатовъ и при прусскомъ дворѣ.

Для Россіи Тильзитскій миръ начиналъ новую эру въ ея внѣшней политикѣ. Борьба съ Франціей заканчивалась, но наступалъ періодъ войны съ Англіей. Въ Тильзитѣ были установлены принципы такъ называемой континентальной системы, по которой всѣ порты союзныхъ государствъ должны быть закрыты для англійскихъ товаровъ.

Дружественный союзъ обоихъ монарховъ начался съ того, что обѣ стороны усердно подчеркивали самый фактъ своей дружбы и считали нужнымъ обмѣниваться тысячами любезностей. Черезчуръ большая любезность какъ бы подчеркивала непрочность союза. Съ другой стороны новые друзья иногда обмѣнивались легкими колкостями. Сейчасъ по заключеніи мира, Наполеонъ присылаетъ въ Петербургъ своего представителя, генерала Савари. Это тотъ самый генералъ, который по приказанію Наполеона разстрѣлялъ герцога Энгіенскаго. Превращеніе генерала съ такимъ прошлымъ въ дипломата не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія въ Петербургскихъ салонахъ. Впрочемъ, когда Савари появился въ Петербургѣ, онъ былъ принятъ императоромъ съ отмѣнной любезностью. Но зато общественное мнѣніе явно

было неблагопріятно для представителя Франціи. Представителю императора французовъ это давали чувствовать. Императрица Марія Ѳеодоровна, всегда бывшая противъ союза съ Франціей, холодно приняла Савари: онъ у нея пробылъ „безъ малаго одну минуту“. Савари сразу замѣтилъ, что въ Россіи Орловы, Кочубеи, Лопухины, Строгановы и т. п. больше значатъ, чѣмъ всѣ министры.

Однако, холодность пріема разбивалась о настойчивость французскаго генерала. Онъ чувствовалъ себя свободно въ Петербургскихъ гостиныхъ и постепенно прокладывалъ себѣ въ нихъ дорогу. Савари скоро сообразилъ, что въ петербургскомъ обществѣ надо дѣйствовать черезъ женщинъ. Для того, чтобы расположить петербургскихъ дамъ къ Франціи, надо было доставить имъ возможность блистать на балахъ въ парижскихъ костюмахъ. Савари немедленно обратился къ Наполеону и императоръ, какъ отличный знатокъ дамскихъ туалетовъ, самъ занялся подборомъ дамскихъ нарядовъ для русскихъ красавицъ, начиная съ Маріи Нарышкиной. Такъ постепенно французскій генералъ устраивалъ свое положеніе въ петербургскихъ гостиныхъ. Но главное — ему пришлось бороться противъ англійскаго вліянія. Вездѣ онъ встрѣчалъ поклонниковъ тѣснаго союза съ Англіей. Между тѣмъ инструкціи его повелителя требовали, чтобы онъ настаивалъ передъ русскимъ императоромъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ Англіи. Тутъ Савари помогло одно случайное обстоятельсто. Ему удалось доказать государю, что среди близкихъ къ нему лицъ есть сторонники англійскаго вліянія, среди которыхъ онъ могъ указать на Кочубея, Новосильцева, Орлова и нѣкоторыхъ другихъ. Въ руки этихъ сторонниковъ Англіи попала брошюра, направленная противъ русско-французскаго соглашенія и весьма не лестно отзывавшаяся о самомъ императорѣ. Раскрытія этого обстоятельста было достаточно для того, чтобы императоръ посовѣтовалъ неугоднымъ ему сановникамъ отправиться путешествовать, а противъ Англіи была выпущена грозная декларація, объявлявшая о прекращеніи сношеній и о началѣ континентальной блокады. Такимъ образомъ, Александръ объявилъ себя врагомъ Англіи и насиліемъ, совершеннымъ надъ чувствами и матеріальными интересами своего народа, далъ союзнику неопровержимое доказательство своей искренности. „Это событіе, — писалъ именитый французскій коммерсантъ въ Петербургѣ Лессепсъ французскому министру Шампаньи, — произвело здѣсь сильное впечатлѣніе;

уже около пятидесяти лѣтъ, какъ этотъ народъ (англичане) завладѣлъ почти всей торговлей этой страны и, несомнѣнно, что разстройство, которое произойдетъ, надѣлаетъ много хлопотъ русскому правительству". Генералъ Савари былъ обезпокоенъ, и въ своихъ донесеніяхъ изъ Петербурга замѣчаетъ, что вліяніе Англіи въ Россіи основывается главнымъ образомъ на томъ, что она захватила торговлю. Англичане доставляютъ русскому дворянству аккуратно доходъ, скупая лѣса и другой матеріалъ. Дѣйствительно, этотъ разрывъ означалъ пріостановку давно налаженныхъ и обширныхъ торговыхъ сношеній. Парижская дипломатія сразу оцѣнила уязвимую сторону русско-французскаго союза и занялась вопросомъ о замѣнѣ торговли съ Англіей французской торговлей.

Представители немногочисленнаго французскаго купечества въ Петербургѣ сообщаютъ въ Парижъ о быстромъ повышеніи цѣнъ на колоніальные продукты и съ тревогой обращаютъ вниманіе своего правительства на рѣзкое паденіе курса. „Русскіе купцы видятъ только зло, не предвидя средствъ для его исправленія. Сдѣлки на желѣзо, коноплю, лѣсъ, ленъ, смолу, сало, хлѣбъ, поташъ, кожу и проч. стали, что вызываетъ общую тревогу". Эти торговцы совѣтуютъ немедленно завязать торговыя сношенія съ Россіей. Парижская дипломатія собираетъ справки, изучаетъ рынокъ; дѣлаются предположенія о закупкѣ товаровъ даже съ разсчетомъ на то, что эти товары придется бросить, такъ какъ перевести ихъ во Францію за отсутствіемъ флота трудно. Вообще во Франціи скоро поняли, что русскому дворянству надо заплатить за его разрывъ съ Англіей.

Но всѣ эти вопросы вскорѣ отступили на второй планъ. На мѣсто ихъ выдвинулись вопросы чистой политики.

Если выборъ посломъ въ Петербургъ генерала Савари былъ сдѣланъ съ извѣстнаго рода намекомъ, то выборъ русскаго посла къ Наполеону въ лицѣ графа Толстого имѣлъ по существу дѣла такое же значеніе. Толстой нѣсколько разъ употреблялся императоромъ Александромъ для дипломатическихъ посылокъ, при чемъ воспоминаніе о немъ у Наполеона не могло быть пріятнымъ. Вообще, выборъ Толстого посломъ къ Наполеону однихъ удивилъ, другихъ огорчилъ. Толстой былъ храбрый воинъ, человѣкъ совершенно военной выправки, никогда до этого не имѣвшій отношенія къ дипломатіи. Онъ плохо разбирался въ инструкціяхъ, которыя ему давались изъ Петербуга. Кромѣ того, это былъ чело-

вѣкъ предрасположенный враждебно смотрѣть на Наполеона и ни въ чемъ ему не вѣрить. Въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, онъ усвоилъ себѣ два правила: во-первыхъ, ни въ чемъ не вѣрить императору французовъ, во-вторыхъ, настойчиво требовать эвакуаціи прусскихъ владѣній французскими войсками, а это требованіе только раздражало Наполеона. Оригинально и то, что самъ Толстой приходилъ не разъ въ отчаяніе, признавая собственную неспособность въ дипломатическихъ переговорахъ.

Толстой принесъ съ собой во Францію всю ненависть, все злопамятство русской аристократіи; онъ не считалъ нужнымъ скрывать свое отношеніе къ Франціи и французамъ, и его способъ слѣдить за дѣлами былъ проникнутъ враждой къ Франціи. Толстой посѣщалъ въ Парижѣ враждебные императорскому двору аристократическіе салоны: тамъ онъ и члены посольства чувствовали себя очень хорошо. Это, конечно, казалось страннымъ Наполеону.

Въ оффиціальныхъ своихъ переговорахъ Толстой рѣзко приступалъ къ Шампаньи и къ самому императору, настаивая на немедленномъ исполненіи своихъ представленій. На первомъ же представленіи императору, онъ потребовалъ эвакуаціи Пруссіи, при чемъ заявилъ, что Россія не можетъ считать себя въ мирѣ съ Франціей до тѣхъ поръ, пока она не выполнитъ этого условія. Наполеонъ уклонился отъ прямого отвѣта о Пруссіи, неожиданно заговорилъ о Дунайскихъ княжествахъ и о самомъ Константинополѣ. Но Толстой вынесъ изъ этой бесѣды только то предположеніе, что Наполеонъ рѣшилъ окончательно расчленить Пруссію, и немедленно забилъ тревогу въ своихъ депешахъ къ русскому двору. Вообще, Толстой подхватывалъ непровѣренные слухи и немедленно сообщалъ о предположеніяхъ раздѣла Пруссіи и передачѣ Берлина брату Наполеона Жерому. Его донесенія приняли глубоко тревожный и патетическій тонъ.

Нѣсколько крупныхъ дипломатическихъ вопросовъ занимали обоихъ государей въ періодъ между Тильзитомъ и Эрфуртомъ. По условіямъ Тильзитскаго мира Россія должна была заставить Швецію примкнуть къ континентальной системѣ, отъ участія въ которой та отказывалась. Еще тогда Наполеонъ говорилъ русскому императору, что ему слѣдуетъ застраховать цѣлость своей столицы занятіемъ Финляндіи, замѣтивъ, что пора положить предѣлъ страху петербургскихъ красавицъ, которыя въ своихъ богатыхъ дворцахъ могутъ услышать пушечные выстрѣлы. Для от-

влеченія вниманія Россіи отъ Пруссіи, Наполеонъ настоятельно напоминалъ Петербургскому двору объ исполненіи обѣщанія. Но въ то же время Наполеонъ пишетъ своему посланнику въ Петербургѣ: „Я ничего не выиграю отъ появленія русскихъ въ Стокгольмѣ“. Дѣйствительно, Наполеонъ не оказалъ серьезной поддержки русскимъ операціямъ въ Швеціи. Отношеніе Россіи къ шведскому вопросу въ началѣ оказалось довольно неопредѣленнымъ. Русскій императоръ оттягивалъ экспедицію въ Финляндію. Когда къ концу 1807 года корпуса, назначенные для вторженія въ эту страну, уже сгруппировались вокругъ Петербурга, Румянцевъ съ неистощимой плодовитостью изобрѣталъ предлоги къ отстрочкѣ движенія ихъ: то этому мѣшала оттепель, то недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, то паденіе съ лошади генерала Буксгевдена, то, наконецъ, Крещенскій парадъ. Финляндія была, наконецъ, занята, но тревожный прусскій вопросъ все еще продолжалъ фигурировать въ дипломатическихъ переговорахъ.

Кромѣ вопроса о возстановленіи полностью прусскихъ владѣній въ связи съ французскими гарнизонами въ прусскихъ крѣпостяхъ, неожиданно возникъ восточный вопросъ. Русскія войска заняли оба дунайскія княжества, Молдавію и Валахію. Русская дипломатія добивалась согласія Наполеона на удержаніе Россіей обоихъ княжествъ. Но затѣмъ переговоры пошли дальше. Наполеону очень не хотѣлось дать свое согласіе на раздѣлъ Турціи, не хотѣлось даже уступить той части ея, которую уже фактически заняли русскія войска, т. е. Молдавію и Валахію. Скрѣпя сердце, онъ соглашался на присоединеніе къ Россіи княжествъ, но тогда поднимался вопросъ о компенсаціи Франціи за эту уступку. Въ положеніи Наполеона было вполнѣ естественно стремиться получить такую компенсацію въ Пруссіи, которую онъ разбилъ и въ которой еще стояли французскія войска. Но императоръ Александръ I считалъ для себя оскорбительной самую мысль Наполеона о присоединеніи къ Франціи какихъ либо прусскихъ провинцій. Наполеону пришлось уступить. Тогда Наполеонъ въ своихъ планахъ идетъ дальше; онъ соглашается на раздѣлъ Турціи и для того, чтобы окончательно уничтожить Англію, мечтаетъ о русско-французскомъ походѣ на Индію. Но поставивши для обсужденія восточный вопросъ, Наполеонъ началъ, однако, оттягивать облеченіе этихъ переговоровъ въ окончательную форму. Между тѣмъ Александръ горѣлъ нетерпѣніемъ. Коленкуръ мѣсяцами не получалъ инструкцій. Наполеонъ понималъ нетерпѣніе своего со-

юзника и старался уступки въ вопросахъ политическихъ замѣнить знаками вниманія: любезными письмами и подарками, выбранными со вкусомъ и особымъ вниманіемъ. Александръ горячо благодарилъ за нихъ, но предпочелъ бы нѣсколько строкъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе въ восточномъ вопросѣ.

Наконецъ, 2-го марта 1808 года, удовлетворяя нетерпѣливому желанію Александра I, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцевъ и французскій посланникъ Коленкуръ принялись обсуждать въ деталяхъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи. Каждый изъ нихъ приступилъ къ дѣлу съ нѣкоторой сдержанностью. Румянцеву хотѣлось сначала выпытать рѣшительное мнѣніе Наполеона, Коленкуръ держался такой же тактики по отношенію къ русскому двору. Среди утонченной болтовни двухъ опытныхъ дипломатовъ, среди остротъ и замѣчаній постепенно сталъ вырисовываться этотъ оригинальный проэктъ. Подобно торжественно собранному конгрессу, оба приступили къ раздѣлу городовъ и провинцій той державы, съ которой оба народа были въ мирѣ, и съ которой Наполеонъ не собирался воевать. Стараясь на словахъ перещеголять другъ друга въ любезности, оба дипломата оказались крайне неуступчивыми, когда дѣло касалось той или другой провинціи или города. Русскій министръ оказался обладающимъ значительно большимъ аппетитомъ. Коленкуръ долженъ былъ скоро придти къ заключенію, что сговориться будетъ трудно. Румянцевъ сталъ предлагать изъ турецкаго тѣла всѣ тѣ части, которыя по его мнѣнію были пригодны для императора Наполеона, и въ дѣйствительности предлагалъ то, что менѣе всего могло укрѣпить Францію на востокѣ: державѣ безъ флота особенно усердно предлагались Морея и Архипелагъ, въ крайности гористая Албанія. Уже при началѣ второго совѣщанія Коленкуръ заявилъ Румянцеву: „съ прошлаго раза вы очень сильно увеличили вашу долю, графъ. Если пойдетъ такъ дальше, вы скушаете все“. Цѣлыми часами продолжался споръ обоихъ министровъ. Параллельно шла дипломатическая переписка.

Александръ наиторжественнѣйшимъ образомъ старался завѣрить Наполеона, что онъ не будетъ предъявлять никакихъ претензій къ Франціи, если она сдѣлаетъ завоеванія въ Индіи, предлагалъ Франціи устраивать свои дѣла въ Сиріи и Левантѣ, въ крайнемъ случаѣ соглашался на обѣщаніе не завоевывать Азіатскаго берега Чернаго моря, предлагалъ французамъ Смирну, Салоники, но отстаивалъ за Россіей право удержать Босфоръ и

Дарданелы. „Ключъ отъ Чернаго моря и ключъ отъ Мраморнаго моря—это много для одной двери“, возражалъ французскій дипломатъ на настоянія графа Румянцева. Не даромъ Коленкуръ въ заключеніе одной изъ бесѣдъ прямо сказалъ графу Румянцеву: „Вы забираетесь въ нашъ карманъ, впередъ предупреждая, что не желаете допустить насъ до вашего“.

Вообще обѣ стороны были въ оригинальномъ мечтательномъ настроеніи: ими овладѣла жадность къ добычѣ. Но замѣчательно вотъ что. Наполеонъ былъ побѣдитель, Александръ былъ побѣжденъ. Но побѣжденный требовалъ себѣ болѣе лакомые кусочки будущей добычи, въ то же время защищая Пруссію и настаивая на томъ, чтобы Наполеонъ не дѣлалъ никакихъ шаговъ къ укрѣпленію и упрочненію Варшавскаго герцогства.

При величайшей любезности, которою осыпали другъ друга союзники, оба они не вѣрили другъ другу, оба подозрѣвали другъ друга въ коварствѣ и, надо сказать правду, союзники не были откровенны.

Дѣйствительно, Коленкуръ, докладывая своему государю о результатахъ переговоровъ по Восточному вопросу, или лучше сказать о безрезультатности ихъ, вслѣдствіе неуступчивости Румянцева, не преминулъ высказать и свои наблюденія. Онъ замѣтилъ, что русскій дворъ проявилъ безграничную радость, получивъ предложеніе Наполеона, но въ то же время къ Франціи продолжаетъ относиться недовѣрчиво. Императоръ Александръ и его министръ держатся на сторожѣ, такъ какъ они замѣтили связь Наполеоновской политики относительно Силезіи съ Польскимъ вопросомъ: они замѣтили, что упорное требованіе Наполеономъ гарантіи по поводу Силезіи имѣетъ связь съ вѣроломной мыслью возсоздать Польшу.

Между тѣмъ въ Петербургѣ Восточному вопросу придавали огромное значеніе. Не добившись согласія Наполеона высказаться по этому поводу, Александръ ставитъ вопросъ о личномъ свиданіи императоровъ. Для Наполеона было въ то время весьма важно поддержать дружбу съ Россіей въ духѣ Тильзита. Начатая Наполеономъ Испанская война, дала неожиданный оборотъ, вызвавъ народную войну. Отношеніе Франціи и Австріи приняли также нежелательный для Наполеона оборотъ. Австрія открыто вооружалась, стягивая къ границѣ огромныя силы. При такихъ обстоятельствахъ подкрѣпленіе союза съ Россіей было дѣломъ необходимости. Оба государя уславливаются относительно новаго свида-

нія въ Эрфуртѣ. Наполеонъ свой отъѣздъ и пребываніе въ этомъ маленькомъ городкѣ обставляетъ необыкновенной пышностью. Его окружаетъ блестящій дворъ, и толпы коронованныхъ лакеевъ изъ числа германскихъ владѣтелей потянулись въ Эрфуртъ на поклоненіе императору французовъ. У всякаго изъ нихъ была просьба, всѣ заискивали: одному нуженъ былъ новый пышный титулъ, другому прибавка того или иного города и проч. Прибылъ Прусскій король. Австрійскіе дипломаты хотѣли, чтобы императоръ Францъ тоже появился въ Эрфуртѣ, но его не пригласили. Тогда дипломаты обсуждали вопросъ, не слѣдуетъ ли австрійскому императору, какъ бомба, неожиданно явиться среди двухъ императоровъ въ Эрфуртѣ. Но появленіе императора австрійцевъ совсѣмъ не напомнило бы своевременной бомбы: безвольный императоръ Францъ былъ похожъ на резиновый мячикъ, который никого бы не испугалъ. Даже Меттерниху Наполеонъ не позволилъ явиться въ Эрфуртъ.

Александръ отправлялся въ Эрфуртъ съ новымъ для него настроеніемъ. Онъ ѣхалъ, выработавъ строгій планъ требованій, которыя намѣренъ былъ предложить союзнику. Онъ теперь былъ увѣренъ, что Наполеону не удастся обворожить его. Когда Императрица Марія Федоровна обратилась къ сыну съ пространнымъ письмомъ, въ которомъ она заклинала отказаться отъ личнаго свиданія съ Наполеономъ, боясь, чтобы лукавый Бонапарте окончательно не опуталъ его своими сѣтями, Александръ I отвѣчалъ ей съ сознаніемъ своего достоинства и съ сознаніемъ того, что онъ не можетъ быть обойденъ своимъ союзникомъ. Въ письмѣ къ своей сестрѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, писанномъ по тому же поводу, императоръ заявлялъ: „Бонапартъ думаетъ, что я больше ничего, какъ дуракъ. Смѣется хорошо тотъ, кто смѣется послѣдній“.

Дѣйствительно, въ Эрфуртъ оба императора явились съ неодинаковыми намѣреніями. Наполеонъ выѣзжалъ изъ Парижа съ грандіозными планами, мыслью о рѣшеніи судьбы всей Европы. Александръ начиналъ понимать политику Наполеона, повидимому, охладѣлъ къ грандіознымъ планамъ и ему хотѣлось только раскрыть замыслы своего союзника.

Въ Эрфуртѣ Наполеонъ дѣлалъ все, чтобы личнымъ вниманіемъ обворожить своего союзника. Въ этомъ отношеніи Наполеонъ обнаружилъ поразительное искусство. Онъ старался то ослѣпить своего друга блестящими идеями, то развлечь игривыми

или пикантными разговорами. Александръ не любилъ церемоніаловъ. Наполеонъ съумѣлъ изолировать его отъ окружавшей пышности и среди придворной суеты устроить для него уютный и уединенный уголокъ. Каждый вечеръ отличался разнообразными и блестящими празднествами. Наполеонъ самъ лично выбралъ актрисъ изъ французской комедіи и находилъ время заниматься раздачей имъ ролей. Конечно, главное вниманіе было обращено на красоту актрисъ, такъ какъ Наполеона ничуть не интересовалъ ихъ талантъ.

Но въ вопросахъ дипломатическихъ Наполеону пришлось уступить и не на словахъ, а на дѣлѣ. Онъ согласился на присоединеніе къ Россіи Финляндіи, Валахіи и Молдавіи. Восточный вопросъ принялъ новый оборотъ, такъ какъ оба императора обязались поддерживать цѣлость другихъ турецкихъ областей. Наполеонъ, наконецъ, обѣщалъ вывести значительную часть своихъ войскъ изъ Пруссіи и уступилъ 20,000,000 изъ той контрибуціи, которую онъ требовалъ отъ Пруссіи.

Съ внѣшней стороны въ Эрфуртѣ между обоими союзниками существовали видимое согласіе и сердечность личныхъ отношеній. Но недовѣріе проявлялось и здѣсь. Наполеонъ очень рѣзко встрѣтилъ австрійскаго представителя, упрекая его въ приготовленіи чрезвычайныхъ вооруженій и въ томъ, что Австрія не желаетъ признать французскихъ королей въ Италіи и Испаніи. Меттернихъ при личномъ свиданіи съ Александромъ I ожидалъ услышать отъ него тѣ же властныя требованія. Онъ былъ крайне пораженъ, когда Александръ заявилъ ему, что вооруженія—внутреннія дѣла государства, въ которыя никто не имѣетъ права вмѣшиваться, и что у Австріи нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ онъ, императоръ Александръ.

Оба союзника съ неодинаковымъ чувствомъ оставили Эрфуртъ. Наполеонъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе результатами Эрфуртскаго свиданія, которое совершенно не оправдало его розовыхъ надеждъ, ибо въ Эрфуртѣ дѣло, начатое въ Тильзитѣ, не было ни развито, ни окончено. Напротивъ, Александръ I имѣлъ основаніе покинуть Эрфуртъ съ чувствомъ удовлетворенія. Онъ добился признанія за Россіей самыхъ нужныхъ и важныхъ по своему положенію для восточнаго вопроса двухъ провинцій. Съ присоединеніемъ ихъ Россія твердо становилась на Дунаѣ и получала этапный пунктъ къ Константинополю. Но съ другой стороны, онъ стремился въ Эрфуртъ въ надеждѣ на окон-

чательное разрѣшеніе всего вопроса о раздѣлѣ Турціи, на горизонтѣ уже былъ виденъ Константинополь. Но, понявъ политику Наполеона, онъ отрезвился отъ мечтанія и снова обратился къ реальной дѣйствительности.

Такъ во всякомъ случаѣ Эрфуртъ не далъ обоимъ союзникамъ, каждому въ отдѣльности, того, о чемъ каждый изъ нихъ мечталъ. Переговоры продолжаются. Назрѣваетъ возможность разрыва Франціи и Австріи и возможность новаго ослабленія Австріи, что вовсе не входило въ интересы русскихъ дипломатовъ. Виднѣется обостреніе въ польскомъ вопросѣ. Императоръ Александръ отправляетъ въ Парижъ своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева для личнаго веденія переговоровъ съ Наполеономъ. Графъ Толстой, которымъ не былъ доволенъ императоръ французовъ, былъ, наконецъ, къ величайшему его удовольствію, отозванъ, а на его мѣсто переведенъ изъ Вѣны въ Парижъ князь Куракинъ. Наполеонъ не торопился и на этотъ разъ исполнять своихъ обѣщаній по отношеніи къ Пруссіи. Война его съ Австріей дѣлалась неизбѣжной. Наполеонъ выражался относительно Австріи все рѣзче и рѣзче. Онъ собирался дать Австріи „пощечину по обѣимъ щекамъ“, собирался „отдуть Австрію палкой“. Румянцевъ очень осторожно относился ко всѣмъ этимъ эксцессамъ со стороны императора французовъ.

Несмотря на старанія Россіи, война между Австріей и Франціей началась. Наполеонъ исполнилъ обѣщаніе быть въ Вѣнѣ въ 40 дней. Россіи пришлось, согласно договору, выставить армію противъ австрійцевъ. Русская армія подъ начальствомъ князя Голицына вступила въ австрійскую Галицію. Это была очень оригинальная русско-австрійская война, въ которой обѣ арміи тщательно избѣгали встрѣчи другъ съ другомъ. Наполеонъ одинъ разбилъ Австрію, но поведеніе Россіи для него стало ясно. Союза не было. Правда, Наполеонъ продолжалъ въ письмахъ разсыпать комплименты императору Александру I, который въ свою очередь восхищался блестящей побѣдой французовъ надъ австрійцами и заявлялъ, что они получили „страшный и заслуженный урокъ“. Такое поведеніе русскихъ Наполеонъ называлъ предательскимъ: „Комплименты и фразы—не арміи“, съ негодованіемъ воскликнулъ Наполеонъ, прочитавъ донесеніе своего посла Коленкура о томъ, какъ императоръ Александръ I восхищается военнымъ геніемъ Наполеона. Зато, когда Наполеонъ выдѣлилъ русскимъ за ихъ безкровную войну изъ австрійскихъ владѣній область съ полмилліон-

нымъ населеніемъ, Александръ I призналъ такое вознагражденіе слишкомъ мизернымъ.

Неудивительно, что послѣ всего происшедшаго Наполеонъ сталъ принимать дѣятельныя мѣры къ ослабленію Россіи.

Наполеонъ началъ интересоваться вопросомъ о возстановленіи Польши. Александръ немедленно сталъ напоминать своему союзнику о его торжественнѣйшихъ обѣщаніяхъ не возстановлять Польшу. Министръ Наполеона Шампаньи еще въ 1809 году старался увѣрить русское правительство, что Наполеонъ совершенно согласенъ, чтобы даже слова „Польша и поляки“ исчезли изъ дипломатическихъ актовъ, даже изъ исторіи. Тогда же самъ Наполеонъ старался въ этомъ увѣрить князя Куракина. Но тѣмъ не менѣе въ рукахъ графа Румянцева въ томъ же году были всѣ данныя для того, чтобы не вѣрить Наполеону. Графъ Румянцевъ подаетъ мысль о необходимости заключить съ Наполеономъ особую конвенцію относительно Польши. Настоянія русскаго двора очень не нравились Наполеону. Впрочемъ, ему пришлось согласиться на веденіе переговоровъ относительно заключенія этой конвенціи. Французскій посолъ Коленкуръ поторопился даже заключить съ русскимъ правительствомъ 23-го декабря 1809 года такого рода конвенцію. Но не въ интересахъ Наполеона было утверждать ее. Переговоры о поправкахъ затянулись. Наполеонъ въ бесѣдахъ съ русскими представителями начиналъ выражать свое неудовольствіе. Начались мелкія недоразумѣнія. Въ 1809 году Наполеонъ рѣшилъ просить руки великой княжны Анны Павловны. Ему было отказано довольно неучтиво. Императоръ французовъ нашелъ себѣ жену среди австрійскихъ принцессъ, но Наполеонъ живо почувствовалъ нанесенную ему обиду. Въ польской конвенціи сразу нашлись мѣста, которыхъ Наполеонъ не могъ скрѣпить своимъ обѣщаніемъ. Въ январѣ 1810 года Александръ еще думалъ, что Наполеонъ утвердитъ польскую конвенцію. Однако, вскорѣ сдѣлалось ясно, что ратификаціи не послѣдуетъ. Изъ устъ того же Шампаньи уже вылилась фраза: „Только отъ самого Божества“, патетически сказалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, (зависитъ) „не возстановлять польскаго королевства“ и прибавилъ: „императоръ Наполеонъ находитъ, что не въ его власти подписать подобное обязательство, и что онъ не можетъ обязаться не участвовать ни посредственно, ни непосредственно, во всемъ томъ, что можетъ содѣйствовать такому событію“. Между тѣмъ русское правительство настаивало на га-

рантіи въ польскомъ вопросѣ со стороны Франціи, оно требовало публичнаго, торжественнаго отреченія Франціи отъ Польши. Куракинъ получилъ отказъ.

Конецъ 1810 года привнесъ новую остроту въ отношенія обѣихъ сторонъ. Прежде всего вопросъ о континентальной системѣ получилъ новую и неожиданную постановку. Система эта была явно разорительна для Россіи, по крайней мѣрѣ для крупнаго дворянства. Наполеонъ настаивалъ на строгомъ ея примѣненіи. Въ октябрѣ 1810 г. Наполеонъ въ письмѣ къ царю сообщаетъ, что Англія совсѣмъ разоряется, и въ то же время требуетъ строжайшаго примѣненія конфискованія судовъ; онъ настаивалъ, чтобы конфисковались суда подъ нейтральными флагами, если на нихъ предполагаются англійскіе товары. Графъ Румянцевъ, по порученію государя, писалъ князю Куракину вторично, для доклада французскому правительству, что примѣненіе такихъ требованій поведетъ къ тому, что правительство должно обращать слишкомъ мало вниманія на благосостояніе своихъ подданныхъ, что, вводя такого рода постановленія, государь ослабилъ бы любовь къ себѣ подданныхъ. Въ разговорѣ съ Коленкуромъ, императоръ доказывалъ невозможность выполненія новыхъ французскихъ требованій. Императоръ говорилъ, что онъ не можетъ принимать каждый день новыя мѣры. Русское правительство несомнѣнно приноситъ вредъ Англіи, съ англійскими кораблями поступаетъ безпощадно, „но я не могу закрыть своихъ портовъ для американцевъ, потому что я не обязывался это дѣлать, и потому что я не намѣренъ ссориться съ людьми, которые мнѣ ничего не сдѣлали и являются наиболѣе естественными врагами англичанъ“. Въ то же время императоръ жаловался на паденіе курса и на тѣ лишенія, которымъ онъ подвергъ свой народъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти стремленія Наполеона усилить континентальную блокаду, обоими союзниками были изданы тарифныя постановленія, въ сильной мѣрѣ облегчающія доступъ англійскихъ товаровъ и во Францію и въ Россію. Это не помѣшало обѣимъ сторонамъ категорически утверждать, что ни одна изъ нихъ не нарушала тильзитскаго договора, и что каждая изъ нихъ ревностно поддерживаетъ систему блокады. Въ самомъ дѣлѣ, Тріанонскій эдиктъ Наполеона съ послѣдующими декретами разрѣшалъ ввозъ во Францію колоніальныхъ товаровъ, правда, съ уплатою большой таможенной пошлины. Система исключительныхъ дозволеній, даваемыхъ отдѣльнымъ лицамъ французскимъ

правительствомъ на ввозъ колоніальныхъ продуктовъ, взамѣнъ вывозимыхъ произведеній Франціи, открыла доступъ къ наживѣ отдѣльныхъ лицъ и доступъ товарамъ, имѣвшимъ англійское происхожденіе. Какъ бы въ отвѣтъ на эти декреты въ декабрѣ 1810 года русское правительство издаетъ новый тарифъ, который повышалъ пошлину на французскіе товары и давалъ доступъ колоніальнымъ товарамъ на нейтральныхъ судахъ. Наполеонъ рѣзко выразилъ неудовольствіе по поводу новаго тарифа.

Ко всему этому присоединилось обстоятельство, лично задѣвшее императора Александра и имѣвшее по существу огромное значеніе въ томъ раздраженіи, которое накоплялось у обоихъ союзниковъ. Въ декабрѣ 1810 г. Наполеонъ сдѣлалъ распоряженіе о присоединеніи къ Франціи Ганзейскихъ городовъ и герцогства Ольденбургскаго. Герцогъ былъ родственникомъ русскаго императора и русское правительство категорически вступилось за права герцога. Румянцевъ отправляетъ въ Парижъ декларацію, представлявшую собою формальный протестъ Россіи. Князь Куракинъ имѣлъ неосторожность сообщить министру иностранныхъ дѣлъ о томъ, что онъ пришлетъ ему эту декларацію. Французскій министръ, получивъ пакетъ, отправилъ его обратно, не вскрывая. Тогда Куракинъ вторично посылаетъ тотъ же пакетъ—и опять получаетъ обратно. Русскій посолъ догадался: отправился лично къ министру вручить пакетъ—и когда тотъ отказался, положилъ ему на столъ и быстро исчезъ. Шампаньи перехитрилъ: въ свою очередь онъ явился къ русскому послу, положилъ пакетъ на столѣ и быстро убѣжалъ. Куракину, наконецъ, надоѣла эта передача пакетовъ и онъ долженъ былъ признаться, что не въ силахъ исполнить высочайшаго повелѣнія.

Послѣ этого неизбѣжность войны была совершенно очевидной. Вопросъ былъ только о времени, когда она вспыхнетъ. Обѣ стороны подготовляются усиленно въ войнѣ, производятъ новые наборы солдатъ, ищутъ союзниковъ и въ то же время цѣлыхъ полтора года проводятъ въ переговорахъ, имѣющихъ единственной цѣлью выиграть время для военныхъ приготовленій. Въ поискахъ союзниковъ Наполеонъ былъ въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Онъ заставилъ Пруссію заключить съ нимъ союзъ, и королю Фридриху Вильгельму оставалось только въ письмѣ къ императору Александру ссылаться на тяжелую необходимость, заставившую его подписать союзный договоръ съ Франціей; Австрія не находилась тогда въ такой крайности, и могла оставаться нейтральной.

Но австрійскіе политики прельстились возможностью поживиться на счетъ Россіи и предпочли союзъ съ сильнымъ. Положеніе Россіи было болѣе затруднительнымъ. У нея была неоконченная война съ Турціей и оказался единственный союзникъ въ лицѣ недавно разбитой Россіею Швеціи. Дипломатическіе переговоры между Россіею и Франціей за этотъ періодъ не представляютъ интереса. Наполеонъ попробовалъ было перемѣнить посла при русскомъ дворѣ, пославъ туда вмѣсто Коленкура, слишкомъ обрусѣвшаго, по мнѣнію Наполеона, генерала Лористона. Александръ въ помощь Куракину посылаетъ для переговоровъ полковника Чернышева. Упреки, посылаемые союзниками другъ другу, большею частью касаются вопроса объ усиленныхъ вооруженіяхъ обѣихъ сторонъ и о передвиженіи войскъ къ границамъ. Конечно, не обошлось и безъ того, что обычно въ такихъ случаяхъ предпринимаютъ. Молодой полковникъ Чернышевъ, сверхъ усерднаго изученія будуаровъ парижскихъ дамъ, занялся выкрадываніемъ военныхъ плановъ; ему это не удалось, и онъ долженъ былъ бѣжать. Лористонъ въ Петербургѣ былъ менѣе удачливъ на счетъ будуаровъ, но зато безъ большихъ расходовъ онъ купилъ все, что ему было нужно. Пока шли всѣ эти перипетіи, войска Наполеона были на Вислѣ и самъ онъ двинулся съ своимъ штабомъ туда же. Александръ изъ Петербурга отправился въ Вильно.

ГЛАВА VII.

Отечественная война.

Война началась блестящимъ баломъ въ только что купленномъ императоромъ Александромъ I подгороднемъ замкѣ Закретѣ, подъ Вильной. Неизвѣстно, было ли всѣмъ тамъ весело, — замѣчаетъ одна современница,—но хозяинъ былъ очень любезенъ и всѣ показывали видъ веселящихся и довольныхъ людей. На томъ же балу ночью Александръ получилъ извѣстіе о переходѣ французовъ черезъ Нѣманъ. Важное занятіе танцами не было нарушено до утра. Это было 16 іюня 1812 года. А черезъ два дня французы были уже въ Вильнѣ и обозрѣвали еще не убранный залъ въ Закретѣ. На переходъ французовъ черезъ Нѣманъ Александръ отвѣтилъ литературнымъ произведеніемъ, издавъ свой знаменитый манифестъ съ призывомъ къ борьбѣ съ Наполеономъ, приглашая всѣхъ подданныхъ подражать Минину и Пожарскому, и, ставъ во главѣ арміи, началъ быстро отступать къ Свѣнцянамъ.

Надо признать, что русское общество рѣдко реагировало въ столь сильной степени на вопросы политики, какъ это было въ періодъ русско-французской дружбы. Идя вразрѣзъ съ русской дипломатіей, русское общество относилось весьма недружелюбно къ союзу съ Франціей. По крайней мѣрѣ это относится къ дворянству и купечеству—двумъ классамъ, которые являлись представителями общественнаго настроенія. Но отголоски этого настроенія стали отдаваться и въ народной средѣ. Вопросы кармана, какъ мы отчасти видимъ, тутъ играли весьма важную роль. Но были и другія условія. Въ 1806 г. само правительство разжигало ненависть въ обществѣ къ Франціи и Наполеону. Если желателенъ былъ миръ, то дорого стоющій союзъ во всякомъ случаѣ казался актомъ унизительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всеобщій ропотъ встрѣтилъ извѣстіе о Тильзитскомъ мирѣ. „Я работаю надъ тѣмъ, чтобы все перемѣнить, но могу произвести все это лишь медленно; я намѣренъ все поставить на другую ногу. Я очень люблю моихъ родныхъ,

но я царствую и требую, чтобы мнѣ оказывали должное вниманіе“ Такъ говорилъ императоръ Александръ I генералу Савари, выясняя ему трудность своего положенія: всѣ были противъ него, и въ средѣ своей семьи онъ прежде всего встрѣчалъ самую рѣзкую оппозицію. Императрица Марія стояла во главѣ этой оппозиціи: всѣ недовольные, по словамъ императрицы Елизаветы, число которыхъ было очень велико, сплотились вокругъ матери императора, и ея мѣстопребываніе; Павловскъ, сдѣлался столь посѣщаемымъ, какъ никогда раньше. Даже на простой народъ миръ производилъ непріятное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ вынести изъ простого сопоставленія? Представитель того самого—покровителя іудеевъ, представитель самого антихриста, недавно проклятаго Синодомъ, французскій посланникъ Коленкуръ, во время Крещенскаго парада появляется на водосвятіи вмѣстѣ съ царской семьей въ процессіи на рѣкѣ Невѣ—честь, которой не удостаивались до сихъ поръ представители другихъ государей. Православный царь цѣловался въ Тильзитѣ съ антихристомъ. По этому поводу среди мужиковъ создались цѣлыя легенды, и Александръ находилъ въ этихъ легендахъ только одно оправданіе: свиданіе происходило на рѣкѣ для того, „чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя царскія очи“. Все раздражало русское общество. Армію переодѣли, обрѣзали косы, уничтожили пудру, помаду, дали болѣе просторную одежду. Но эти новые мундиры казались русскимъ офицерамъ французскими ливреями и они были недовольны. Императору пришлось перемѣнить министра иностранныхъ дѣлъ. Графъ Будбергъ былъ противникомъ союза и, что рѣдко бываетъ у русскихъ чиновниковъ, не перемѣнилъ своихъ убѣжденій, когда на то послѣдовала высочайшая воля. Новый министръ графъ Румянцевъ, умный и осторожный политикъ, вышедшій изъ Екатерининской школы и проникнутый ея традиціями, человѣкъ высокой честности и твердости убѣжденій, былъ встрѣченъ презрѣніемъ и насмѣшками. „Придворное бревно“, „безхарактеренъ“, „тщеславный“, „неспособный и французъ въ душѣ“, „болтаетъ вздоръ“, не подкупленъ Франціею „изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности“, „подлый льстецъ“, всѣ радовались, когда у него сдѣлался ударъ,—вотъ тотъ рядъ эпитетовъ, который оставленъ намъ современниками о человѣкѣ, взявшемся править министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ это время.

Паденіе курса и застой торговли, чего, конечно, надо было ожидать, вызывали злобное настроеніе. „Объявленъ разрывъ съ Англіей, и сахаръ въ Петербургѣ 40 рублей“—записалъ въ своемъ дневникѣ молодой Н. И. Тургеневъ. „Налоги ежедневно увеличивались, торговля страдала отъ запретительной системы, введенной въ угожденіе Франціи; капиталисты разорились отъ безпрестаннаго пониженія курса на ассигнаціи“,—записываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель, и въ другомъ мѣстѣ продолжаетъ: „въ это время внезапный упадокъ государственнаго кредита производилъ чрезвычайное уныніе и какъ будто оправдывалъ жалобы людей, болѣе другихъ вопіявшихъ противъ союза съ Наполеономъ“. Такой крупный авторитетъ въ области финансовъ, какъ графъ Мордвиновъ, выступилъ съ серьезной оцѣнкой невыгодъ континентальной системы. Въ статьѣ „Оцѣнка континентальной системы“ Мордвиновъ сильно возстаетъ противъ торговой войны съ Англіей. По его мнѣнію, конфискація англійскихъ судовъ указываетъ на нашу слабость. Примѣненіе этой мѣры подвергаетъ Россію „всеобщему негодованію“. Онъ пытается привести аргументы въ доказательство того, что политическое положеніе Россіи и ея отношеніе къ Англіи вовсе не требовало бы борьбы. Онъ полагаетъ, что если Россіи и нужно было дать согласіе на поддержаніе континентальной системы, то это согласіе должно было бы носить условный характеръ. Но когда опытъ доказалъ, что вредъ вмѣсто Англіи обратился на Россію, то естественно слѣдовало бы, чтобы и данныя Россіею обязательства были уничтожены. Мордвиновъ старался доказать, что съ введеніемъ этой системы англійская торговля расширилась и принятыми мѣрами нельзя разстроить англійскаго народнаго хозяйства. Теперь англичане сами стали производить тѣ предметы, которые ранѣе они покупали въ Россіи: они увеличили количество желѣзныхъ заводовъ, на пустопорожней землѣ воздѣлываютъ пеньку. Онъ пугаетъ государя тѣмъ, что Наполеонъ не столько Англію имѣетъ въ виду, сколько стремится разорить Россію. Россія должна внять „воплю народа“ и оставить эту пагубную систему. Нужно открыть порты и уничтожить всѣ стѣсненія, чинимыя при ввозѣ товаровъ.

Не даромъ Вигель, подводя итоги тогдашнему настроенію общества и указывая на тотъ восторгъ, съ которымъ оно потомъ встрѣчало побѣдителя, язвительно говоритъ: „народы бываютъ иногда также подлы, какъ люди“.

Неудивительно, поэтому, что, когда, наконецъ, наступленіе войны сдѣлалось очевиднымъ, общество воспряло духомъ. „Пораженіе Аустерлицкое,—говоритъ въ своихъ запискахъ декабристъ С. Г. Волконскій, пораженіе Фридландское, Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ императора Александра передъ политикой Наполеона I-го — были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого—и весьма мало ихъ было—почитался отверженнымъ, презирался... Дружное желаніе отомстить объяло всѣ сердца, и хотя были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе. Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывался при каждомъ случаѣ. Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась пріобрѣтать чтеніемъ военныхъ книгъ болѣе познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ“.

Такъ общественное настроеніе встрѣтило войну.

Теперь мы перейдемъ къ нѣкоторымъ сторонамъ знаменитой войны. Для правильной оцѣнки тогдашняго положенія Россіи надо прежде всего познакомиться съ тѣмъ, что представляла собою великая армія Наполеона.

Наполеонъ ввелъ въ предѣлы Россіи почти полмилліонную армію (по подсчету военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго 477,000 человѣкъ). Но эта армія была обременена сотнею тысячъ нестроевыхъ, ремесленниковъ, маркитантовъ и т. п. При ней было 1372 орудія, изъ коихъ 130 осадныхъ, и 180,111 лошадей. Масса обозныхъ воловъ была съѣдена французами частью въ Пруссіи, частью сейчасъ за Нѣманомъ. Основную часть этой арміи составляли французы. Но въ общемъ это была молодая армія. Какъ она составлялась Наполеономъ, видно изъ слѣдующихъ подсчетовъ. Въ февралѣ 1811 года вся армія Наполеона состояла по спискамъ изъ 675,761 человѣка. Но половина этой арміи тогда уже находилась въ Испаніи (305,245), часть ея стояла въ Италіи. Изъ этой арміи, которую можно признать обученной къ началу военныхъ дѣйствій, Наполеонъ могъ двинуть въ Россію только ту часть, которая находилась во Франціи (136,000), Германіи и Голландіи (70,000), т. е. всего 200,000 достаточно под-

готовленныхъ солдатъ. Вся остальная армія, пришедшая въ Россію, была совсѣмъ молодой—конскрипты, поступившіе въ армію вслѣдствіе усиленныхъ наборовъ въ 1811 и частью въ 1812 г. г.; тутъ были и тѣ 60,000 человѣкъ, которые скрывались въ горахъ и лѣсахъ Франціи и которыхъ Наполеонъ съ помощью особыхъ подвижныхъ колоннъ заставилъ вернуться въ ряды арміи. Такіе элементы, какъ бѣглецы или какъ восемнадцатилѣтніе конскрипты ослабляли армію. Къ Нѣману въ началѣ войны вмѣстѣ съ Наполеономъ подошла сравнительно небольшая часть арміи: подъ Ковно Наполеонъ могъ переправить всего 260,000 человѣкъ. Такимъ образомъ, его армія, первоначально двинутая въ предѣлы Россіи, почти не превосходила по численности тѣхъ трехъ русскихъ армій, которыя въ этотъ моментъ стояли на границѣ. Только вслѣдъ за этимъ мощнымъ авангардомъ въ предѣлы Россіи вторглись остальныя арміи Наполеона. Но при всемъ томъ эту огромную армію въ сильной мѣрѣ ослабляли союзники, австрійцы, пруссаки, баварцы, съ тяжелымъ чувствомъ слѣдовавшіе за Наполеономъ, южане итальянцы, на которыхъ скоро стала сказываться разница климатическыхъ условій. Наконецъ, необходимость выдѣленія изъ арміи особыхъ обсерваціонныхъ корпусовъ ослабила головную ея часть. 30,000-ая австрійская армія подъ начальствомъ Шварценберга имѣла назначеніемъ своимъ лишь занимать вниманіе арміи генерала Тормасова, превосходившей въ полтора раза австрійскую, но тѣмъ не менѣе не давшей ей ни одного серьезнаго сраженія. Такой же корпусъ подъ начальствомъ генерала Макдональда имѣлъ порученіе занимать русскія войска подъ Ригой. Двѣ арміи, каждая въ 80,000 человѣкъ, направились противъ арміи Багратіона для того, чтобы не дать ей возможности соединиться съ первой арміей. Такимъ образомъ, противъ Барклая двигался Наполеонъ съ головной арміей въ 250.000 человѣкъ.

Конечно, эта армія была сильна; численностью она превосходила находившіяся въ дѣйствіи русскія арміи. Но армія Наполеона была ослабляема необходимостью оставлять гарнизоны и резервы. Молодой составъ французскихъ солдатъ и союзники дѣлали эту армію значительно ослабленной. Сразу же сказался недостатокъ провіанта. Уже передъ Вильно,—такъ разсказываетъ современникъ французъ графъ Боволье,—войска нѣсколько дней буквально голодали. Проливные дожди сдѣлали дороги непроходимыми. Люди ослабѣли, лошади падали. На главной дорогѣ къ Вильно валя-

лось до 10,000 конскихъ труповъ, заражавшихъ воздухъ. Въ самомъ началѣ похода уже чувствовался недостатокъ во всемъ, даже въ боевыхъ припасахъ. Мародерство и уходъ солдатъ изъ строевыхъ частей дѣлались обычными явленіями и вскорѣ приняли ужасающій размѣръ. Солдаты грабили деревни, населеніе разбѣгалось по лѣсамъ, унося съ собою провіантъ. И это не единственное свидѣтельство. Оно буквально повторяется всѣми французами. Оно немедленно было замѣчено и многими изъ русскихъ. Уже въ іюлѣ въ арміи Сенъ-Сира, когда она расположилась на Двинѣ, развилось сильное мародерство и болѣзни. По словамъ самаго Сенъ-Сира, занятый имъ Полоцкъ превратился въ госпиталь, а между тѣмъ больные чувствовали во всемъ недостатокъ. Русскій офицеръ Бенкендорфъ свидѣтельствуетъ, что уже во время отступленія русской арміи изъ подъ Витебска „дезорганизація и упадокъ дисциплины сдѣлали успѣхи въ разнородныхъ войскахъ, составлявшихъ гигантскую армію Наполеона, и какъ бы являлись предвѣстниками бѣдствій, которыя ее ожидали“. Это между прочимъ ясно сказывалось на томъ, что французскія войска цѣлыми сотнями сдавались въ плѣнъ безъ всякаго сопротивленія. Подъ Витебскомъ Понятовскій уже съ жаромъ доказывалъ Наполеону, что безъ фуража быстрое дѣйствіе кавалеріи немыслимо. Къ удивленію Наполеона запасы всего нужнаго для войны оказались ничтожными и т. д.

Правда, великая армія вѣрила въ счастливую звѣзду Наполеона. Но наблюдатели французы замѣтили въ Наполеонѣ большую перемѣну. Онъ теперь слишкомъ дорожилъ своей особой и уклонялся отъ появленія въ центрѣ сраженія. Онъ слишкомъ часто сердился, раздражался и своею рѣзкостью вооружалъ противъ себя подчиненныхъ. Въ немъ замѣчалась необычная для него черта—медлительность, нерѣшительность. „Померкла его звѣзда,—говоритъ о немъ русскій военный историкъ Поповъ,—въ которую онъ слѣпо вѣрилъ, или, лучше сказать, въ самого себя, не имѣя истинной, ясновидящей вѣры. Рѣшеніе, принятое въ Витебскѣ овладѣть Смоленскомъ было послѣднею побѣдой генія надъ силой обстоятельствъ. Съ тѣхъ поръ всѣ его дѣйствія отличались неопредѣленностью и нерѣшительностью, какъ подъ Смоленскомъ, такъ и потомъ, по замѣчанію его сотрудниковъ, въ сраженіи при Бородинѣ и во время пребыванія въ Москвѣ“. Дѣйствительно, адъютантъ Наполеона графъ Сегюръ, внимательно отмѣчавшій въ Наполеонѣ новыя черты, между прочимъ опи-

сывалъ то грустное и тяжелое настроеніе, въ которомъ находился императоръ Наполеонъ въ день Бородинской битвы. Императоръ страдалъ физически. Онъ съ усиліемъ садился на лошадь, онъ передвигался вялой походкой, распоряжался ослабѣвшимъ голосомъ. „Тѣ, которые находились при немъ неотлучно, увидѣли, что этотъ побѣдитель столькихъ народовъ былъ самъ побѣжденъ жгучей лихорадкой“. Наконецъ, русскій генералъ Беннигсенъ, бывавшій въ бояхъ противъ Наполеона и единственный генералъ, одержавшій надъ нимъ побѣду ранѣе Кутузова, между прочимъ также свидѣтельствуетъ, что при началѣ отступленія русской арміи, Наполеонъ совершенно не препятствовалъ движенію русскихъ войскъ и далъ время опередить себя: „образъ дѣйствій Наполеона и медлительность, съ какою онъ оперировалъ до сихъ поръ, совершенно не объяснимы; если бы онъ сразу сталъ преслѣдовать насъ съ тѣми значительными силами, какія онъ успѣлъ сосредоточить, то мы либо вовсе не могли бы выступить изъ Дриссы и прибыть въ Полоцкъ, либо это движеніе было бы для насъ весьма затруднительно и стоило бы намъ много людей“. Это свидѣтельство русскаго наблюдателя, такимъ образомъ, совершенно совпадаетъ съ свидѣтельствами французскихъ генераловъ о многочисленныхъ ошибкахъ Наполеона, непонятныхъ для тѣхъ, кто зналъ этого полководца.

Такъ, былъ рядъ обстоятельствъ, который въ сильнѣйшей мѣрѣ уменьшалъ силу великой арміи. Но неустройство русской арміи и величіе генія Наполеона поставили русскую армію въ такое положеніе, что она въ конечномъ итогѣ оставила Москву.

Въ самомъ дѣлѣ, къ 1-му января 1811 года регулярная русская армія состояла изъ 537,856 человѣкъ, кромѣ иррегулярныхъ казачьихъ войскъ, инвалидныхъ командъ и морскихъ полковъ. Все это была уже армія обученная и въ большинствѣ своего состава видавшая сраженія. Правда, часть арміи находилась на Турецкомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Но все же ясно, что по численному составу русская подготовленная армія, которая могла быть двинута противъ французовъ, значительно превосходила соотвѣтственную часть французской арміи, особенно если исключить изъ нея нѣмцевъ.

Съ начала 1811 года послѣдовалъ въ арміи рядъ реформъ. Гарнизонные батальоны были расформированы и усилили линейную пѣхоту. Произведены рекрутскіе наборы, были приняты нѣкоторыя другія мѣры. Все это увеличило къ началу 1812 года

русскія арміи до 590,973 человѣкъ при 1556 орудіяхъ (за исключеніемъ крѣпостныхъ). Усиленіе арміи, казалось бы, было сдѣлано не большое, но это объясняется тѣмъ, что слабыя части арміи были замѣнены свѣжимъ наборомъ и въ счетъ не вошло около 100,000 наготовленныхъ резервовъ. Наконецъ, надо помнить, что во всѣхъ этихъ подсчетахъ отсутствуетъ иррегулярная казачья кавалерія, принесшая въ 1812 году огромную пользу арміи. Правда, къ границѣ къ іюню 1812 года была придвинута только часть арміи.

Стоявшая на границѣ русская армія дѣлилась тогда на три части. Первая армія подъ начальствомъ Барклая-де-Толли состояла изъ 127,000 человѣкъ при 558 орудіяхъ. Вторая армія князя Багратіона состояла изъ 48,000 человѣкъ при 216 орудіяхъ и третья армія генерала Тормасова состояла изъ 43,000 человѣкъ при 168 орудіяхъ. Такимъ образомъ, подъ ружьемъ стояло всего на границѣ 218, 000 человѣкъ при 942 орудіяхъ. Въ тылу этой арміи усиленно готовились резервы, формировались казачьи полки, обучались рекруты. Вмѣстѣ съ быстро подоспѣвшими частями войскъ русская армія въ моментъ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ состояла изъ 340,000. Къ ней вскорѣ направилась на помощь привыкшая къ боямъ Дунайская армія въ составѣ 53,000 человѣкъ, при 216 орудіяхъ. Кромѣ того, въ распоряженіи арміи были не входившіе въ счетъ казачьи полки, въ тылу арміи находились запасные артиллерійскіе парки, расположенные въ три линіи.

Итакъ, количественно русская армія не столь сильно отличалась отъ Наполеоновской арміи. Но послѣдняя армія быстро таяла, тогда какъ русская армія, отодвинувшись нѣсколько отъ границъ, могла разсчитывать на подкрѣпленіе изъ резервовъ. Кромѣ того, и впослѣдствіи, когда Наполеонъ уже значительно далеко подвинулся въ глубь Россіи, количественное превосходство его арміи не было велико. Въ половинѣ августа подъ начальствомъ Кутузова находилось 113,000 регулярнаго войска и довольно значительное количество иррегулярнаго. Между тѣмъ французская армія въ этотъ моментъ по весьма преувеличенному счету, что признавалъ самъ Кутузовъ, едва ли доходила до 165,000 человѣкъ. Но русская армія и въ этотъ моментъ имѣла сильныя крылья въ видѣ армій Тормасова или Витгенштейна, тогда какъ Наполеонъ, растерявъ свою армію на огромномъ пространствѣ, лишившись значительной части ея, вслѣдствіе страш-

ной убыли отъ болѣзней и бѣгства, не имѣлъ за собой подкрѣпленія. Итакъ, неуспѣхи русскихъ войскъ заключались не въ численномъ превосходствѣ французской арміи: гдѣ сражаются массами, тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ лишнихъ человѣкъ большого значенія не имѣютъ, потому что многое зависитъ отъ быстроты движеній и удачнаго расположенія корпусовъ. Россія долго готовилась къ этой войнѣ, но она оказалась неподготовленной. Можно доказать безспорными фактами, что съ самаго начала непріязненныхъ дипломатическихъ отношеній война ожидалась оборонительная. Но именно подготовки къ такой войнѣ сдѣлано не было. Русскія границы оказались безъ крѣпостей, и даже еще хуже: крѣпости, какъ разъ были поставлены тамъ, гдѣ онѣ не были нужны. Укрѣпленія Риги были ничтожны. Динабургская крѣпость стоила огромныхъ средствъ, но въ ней были сдѣланы незначительныя постройки, а самой крѣпости не выстроили. Новыя укрѣпленія Кіевской крѣпости не соотвѣтствовали своему назначенію. Бобруйскъ и Кіевъ были построены въ предположеніи нападенія французской арміи. Но сила крѣпостей этихъ заключалась собственно въ томъ, что онѣ были поставлены какъ разъ не по пути непріятеля, а въ сторонѣ отъ Московской дороги, тамъ, куда движеніе французовъ не могло имѣть какой либо цѣли, затѣмъ обѣ онѣ были поставлены слишкомъ далеко въ глубинѣ государства. Война предполагалась оборонительной. Предполагалось отступленіе, но и не военные люди того времени замѣтили, что главные склады провіанта собраны не въ многихъ пунктахъ въ большомъ количествѣ; эти пункты были слишкомъ придвинуты къ границѣ, такъ что по плану войны ихъ не приходилось бы защищать. Такъ, главные провіантскіе магазины были сосредоточены въ Вильнѣ, въ Ровно, въ Свѣнцянахъ, Слуцкѣ, Слонимѣ и др. пунктахъ, какъ разъ находящихся впереди того знаменитаго укрѣпленнаго лагеря, Дриссы, гдѣ предполагалось остановить нашествіе Наполеона; за лагеремъ же, кромѣ Новгорода, складовъ не было. Конечно, всѣ эти склады мало принесли пользы русскому войску, къ счастью не помогли и французамъ, потому что были истребляемы при отступленіи. Но истребленіе складовъ не обошлось и безъ истребленія фиктивныхъ бумажныхъ складовъ, чѣмъ воспользовались интенданты.

Планъ войны былъ обдуманъ императоромъ заранѣе. Но никто изъ русскихъ генераловъ не принималъ участія въ выработкѣ этого плана. Имъ онъ былъ впослѣдствіи сообщенъ къ

исполненію. Судя по запискамъ Бенкендорфа, даже старшіе штабные офицеры уже въ Вильнѣ, т. е. въ моментъ нашествія Наполеона, не знали содержанія плана военныхъ дѣйствій. Замѣчательно напр., что даже генералъ Беннигсенъ полностью этого плана не зналъ: „императоръ,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, не показывалъ мнѣ этого операціоннаго плана, и я не знаю ни одного человѣка, который бы его видѣлъ“. Между тѣмъ интересно, что съ Беннигсеномъ императоръ совѣщался о нѣкоторыхъ частностяхъ плана, даже заставилъ его диспутировать съ генераломъ Фулемъ, убѣдить котораго въ чемъ нибудь было дѣломъ безнадежнымъ.

Этотъ планъ былъ подсказанъ императору случайнымъ при немъ человѣкомъ генер. Фулемъ. Это былъ довольно оригинальный генералъ, никогда не бывавшій въ сраженіи и теоретически занимавшійся военнымъ дѣломъ. Генералъ Фуль былъ хорошимъ классикомъ, внимательно изучалъ классическую древность и, можетъ быть, изъ него вышелъ бы незаурядный профессоръ римской филологіи. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что и въ XIX вѣкѣ слѣдуетъ воевать такъ, какъ воевалъ Юлій Цезарь, и буквально въ подражаніе великому римлянину составилъ планъ для обороны русскаго государства. Даже по нѣкоторымъ другимъ чертамъ своего характера Фуль удивительно напоминаетъ нѣмецкаго профессора стараго добраго времени: это былъ человѣкъ незлобивый, неряшливый по внѣшности и очень добродушный. Когда его впослѣдствіи ругали измѣнникомъ прямо въ лицо, онъ, по своему благодушію, совсѣмъ не обижался. Знаменитый планъ Фуля состоялъ въ томъ, что русская армія должна быть, во-первыхъ, раздѣлена. Одна часть ея, именно вторая армія генерала Багратіона, предназначалась бездѣйствіемъ угрожать во флангъ Наполеону. Третья армія должна была тоже бездѣйствовать—угрожать арміи Шварценберга. А первая армія долженствовала, уходя отъ второй на сѣверо-востокъ, завлечь Наполеона къ укрѣпленному лагерю подъ небольшимъ городкомъ на Двинѣ, подъ Дриссой. Если бы Наполеонъ самъ выбиралъ западню для русской арміи, онъ лучшаго бы мѣста не нашелъ. Лагерь подъ Дриссой представлялъ собою, какъ характеризуетъ его Бенкендорфъ, цѣлый рядъ опасностей для арміи, которая въ немъ сосредоточилась бы. Три моста черезъ Двину могли бы привести къ гибели, въ случаѣ ея отступленія и обхода французовъ. Мѣстность была со всѣхъ сторонъ не защищена. Лагерь не защищалъ ни одного

изъ важнѣйшихъ путей внутрь государства, почему непріятель могъ бы ограничиться его блокированіемъ. Знаменитый Ермоловъ разсчиталъ, что этотъ лагерь былъ сдѣланъ на большее число войскъ, чѣмъ то, какимъ располагалъ Барклай. А между тѣмъ лагерь состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ укрѣпленій, не связанныхъ между собою. Мало того, благодаря особенностямъ мѣстности, непріятель могъ скрывать свои силы за близъ-лежащими возвышеніями, а съ другой стороны могъ наблюдать съ тѣхъ же возвышеній за движеніемъ каждаго солдата въ лагерѣ.

При всемъ томъ русская армія по совершенно непонятнымъ соображеніямъ была растянута по границѣ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, между тѣмъ, какъ предполагалось ее сосредоточить далеко въ тылу, подъ Дриссой. Непонятно это еще и потому, что современные генералы прекрасно знали тактику Наполеона, состоявшую въ сосредоточеніи большой массы войска и въ дѣйствіяхъ массами. Наполеонъ быстрыми движеніями старался разбить отдѣльные вражескіе корпуса, раздѣлить непріятельскую армію и т. п. Знали объ этомъ и въ русскомъ штабѣ, зналъ объ этомъ и Беннигсенъ, разбитый Наполеономъ, и разбившій Наполеона путемъ примѣненія тактическихъ пріемовъ французскаго императора.

Первыя дѣйствія, которыя были приведены въ исполненіе императоромъ Александромъ I-мъ для того, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить Наполеона, были—назначеніе главнокомандующимъ первою арміей военнаго министра Барклая-де-Толли и принятіе операціоннаго плана генерала Фуля. Назначеніе Барклая главнокомандующимъ вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Очевиднымъ неудобствомъ и дѣломъ трудно выполнимымъ было сосредоточеніе власти военнаго министра и начальника дѣйствующей арміи въ одномъ лицѣ, которое долженствовало и дѣйствовать противъ непріятеля и заботиться обо всемъ томъ, что во время войны должно происходить внутри государства для подкрѣпленія дѣйствующей арміи. Можно оспаривать и самый выборъ этого генерала: онъ не принималъ участія въ предыдущихъ войнахъ съ Наполеономъ, не пользовался расположеніемъ старшихъ офицеровъ, его не знали и ему не вѣрили солдаты. Генералъ, выдающійся храбростью, князь Багратіонъ, былъ обойденъ, побѣдитель Наполеона при Пултускѣ, генералъ Беннигсенъ, находился при главномъ штабѣ безъ всякаго опредѣленнаго дѣла. Какъ видно уже изъ предыдущаго, операціонный планъ былъ принятъ

императоромъ по совѣщанію съ иностранными офицерами, почти втайнѣ отъ главнокомандующаго.

Между тѣмъ Барклай при многихъ почтенныхъ качествахъ, далеко не былъ подходящимъ полководцемъ для такой войны. Правда, онъ не былъ царедворцемъ, но это самое обстоятельство лишало его расположенія лицъ, близкихъ къ государю. Холодный въ обращеніи, онъ не снискалъ себѣ любви равныхъ ему или подчиненныхъ. Онъ былъ недовѣрчивъ до крайности, почему старался все самъ дѣлать, отсюда происходила необыкновенная запутанность въ дѣлахъ. Онъ обладалъ скрытнымъ характеромъ, не былъ настойчивъ въ своихъ сужденіяхъ и постоянно боялся потерять милость государя. За то съ другой стороны Барклай отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и личной храбростью. Онъ былъ удобенъ только для того, чтобы исполнять волю государя. Трудно даже сказать, какого мнѣнія держался главнокомандующій Барклай-де-Толли относительно плана военныхъ операцій. Извѣстный историкъ этой эпохи Шильдеръ утверждаетъ, что Барклай-де-Толли былъ въ числѣ противниковъ плана Фуля и защитникомъ мнѣнія, указывавшаго на необходимость не отступать безъ боя. Между тѣмъ Богдановичъ въ своей исторіи войны 12-го года готовъ самую мысль объ отступленіи приписать именно Барклаю-де-Толли. Но, конечно, можно предпочесть свидѣтельство начальника штаба арміи Барклая, извѣстнаго генерала Ермолова, который категорически заявляетъ, что Барклай былъ сторонникомъ наступательной войны. Повидимому, вообще руководящіе офицеры стояли на той же точкѣ зрѣнія. Различіе было только въ планахъ нападенія: такъ, одни предпочитали немедленное занятіе герцогства Варшавскаго, другіе — наступленіе на Данцигъ и Торнъ.

Во всякомъ случаѣ Барклай сразу занялъ довольно оригинальное положеніе. Шишкова весьма удивляло то обстоятельство, что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ о главномъ распорядителѣ войскъ, а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель повелѣній государя.

Война началась съ разсчетомъ выполнить планъ Фуля. Войска Барклая, незадолго передъ тѣмъ, выдвинутыя въ Вильно, почти бѣжали къ завѣтному лагерю, удаляясь отъ арміи Багратіона на разстояніе болѣе 200 верстъ. Ропотъ среди русскихъ офицеровъ остановилъ выполненіе плана. Государю открыто заявляли, что такой лагерь могъ быть устроенъ только измѣнникомъ. Планъ военныхъ дѣйствій былъ измѣненъ, и изъ подъ Ви-

тебска русская армія, отступая передъ натискомъ Наполеона, уже бѣжала на соединеніе со второй арміей. Трудно сказать, былъ ли въ дальнѣйшемъ движеніи русской арміи къ Москвѣ соблюдаемъ какой либо опредѣленный планъ военныхъ дѣйствій. Кажется, можно согласиться съ Липранди, однимъ изъ очень наблюдательныхъ современниковъ, что такого плана совсѣмъ не было. Все происходило по обстоятельствамъ. Когда непріятель былъ далеко, у генераловъ являлась рѣшимость дать генеральное сраженіе; когда непріятель приближался — появлялось рѣшеніе отступать.

Отступленіе совершалось иногда такъ быстро, что русская армія теряла Наполеона изъ виду. Это было, напримѣръ, по словамъ Жиркевича, въ свою очередь ссылающагося на Ермолова, когда наша армія, оставивъ Витебскъ, дѣлала безполезные марши нѣсколько разъ впередъ и назадъ подъ Рудней.

Такъ русская армія сначала отступала передъ Наполеономъ для выполненія принятаго плана военныхъ дѣйствій, потомъ отступала для исправленія неудачнаго плана, а потомъ, наконецъ, отступала безъ всякаго плана.

Когда обѣ арміи, наконецъ, соединились, никто не зналъ, кому принадлежитъ главное командованіе соединенной арміей, такъ какъ по прежнему каждая изъ нихъ имѣла особаго начальника: Багратіонъ былъ старше по службѣ, а Барклай былъ старше, какъ военный министръ. Между тѣмъ оба главнокомандующіе были въ крайне враждебныхъ личныхъ отношеніяхъ. Ермоловъ, не любившій и не довѣрявшій Барклаю, старался всячески помирить обоихъ генераловъ. Однако, Жиркевичъ, со словъ Ермолова, передаетъ отрывки любопытнаго разговора, которымъ обмѣнялись оба главнокомандующіе, сидя на бревнахъ въ с. Гаврикахъ подъ Смоленскомъ. Это былъ довольно любопытный военный совѣтъ. „Ты—нѣмецъ. Тебѣ все русское ни почемъ“,—ругалъ князь Багратіонъ Барклая; „ты дуракъ и самъ не знаешь, почему себя ты называешь кореннымъ русскимъ“, отругивался Барклай. Такими крѣпкими словами характеризовали другъ друга наши генералы, обвиняя одинъ другого въ томъ, что каждый изъ нихъ потерялъ французовъ; армія въ это время безцѣльно бродила подъ Рудней въ поискахъ за французами для того, чтобы дать имъ генеральную баталію, а когда, находка объявилась, французы были открыты, Барклай приказалъ отступать.

Для того, чтобы понять многія особенности войны, необходимо выяснить въ ней роль, которую занялъ императоръ.

ГЛАВА III.

Императоръ Александръ и война.

Въ половинѣ сентября 1812 года, Александръ написалъ длинное письмо своему другу, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, пространное письмо, въ которомъ имѣлъ цѣлью оправдать въ ея глазахъ свое отношеніе къ войнѣ. Онъ съ болью говорилъ о томъ, что онъ долженъ былъ въ угоду общественному мнѣнію, отказаться отъ личнаго участія въ войнѣ, между тѣмъ себя онъ не можетъ упрекнуть въ отсутствіи личной храбрости и въ желаніи быть въ дѣйствующей арміи. Обстоятельства заставили его покинуть армію, но для этого пришлось пожертвовать своимъ самолюбіемъ, пишетъ далѣе императоръ. Безспорно, императоръ Александръ I душевно страдалъ въ тотъ короткій періодъ, когда ему пришлось оставить дѣйствующую армію, предоставивъ командованіе своимъ генераламъ. Когда Кутузовъ прислалъ къ императору полковника Мишо съ извѣстіемъ о побѣдѣ подъ Тарутинымъ и когда посланный доложилъ государю о желаніи арміи, чтобы государь лично принялъ командованіе войсками, послѣдній отвѣчалъ: „Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менѣе другихъ честолюбивъ; внявъ теперь одному этому чувству, я сѣлъ бы съ вами въ коляску и отправился бы въ армію“. Но въ томъ же разговорѣ Александръ призналъ свою малоопытность въ военномъ дѣлѣ и заявилъ, что онъ предоставляетъ Кутузову дальнѣйшее веденіе дѣлъ.

Итакъ Александръ, сознался въ томъ, что самолюбіе и честолюбіе побуждаютъ его къ личному веденію войны, но въ то же время опытъ Аустерлица далъ ему достаточную силу воли для того, чтобы побороть въ себѣ эти чувства и воздержаться отъ участія въ непосредственномъ руководствѣ военными операціями, пока это было очень рискованно. Передавъ командованіе арміями генераламъ, удалившись съ театра военныхъ дѣйствій, Александръ тѣмъ не менѣе проявлялъ во все время войны кипучую дѣятельность и не только въ сферѣ административной, но

особенно въ періодъ командованія арміей Барклаемъ-де-Толли, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ распоряжаться военными дѣйствіями.

Прежде всего, надо помнить, что для Александра война съ Наполеономъ была актомъ борьбы его личнаго самолюбія, независимо отъ тѣхъ политическихъ причинъ, которыя ее вызывали. Несмотря на внѣшность дружественныхъ отношеній, „византійскій грекъ“, какъ характеризовалъ Наполеонъ своего Тильзитскаго друга, никогда не могъ перенести испытаннаго имъ униженія. Александръ никогда ничего не забывалъ и никогда ничего не прощалъ, хотя замѣчательно умѣлъ скрывать свои истинныя чувства. Мало того, Александръ, подобно своему противнику, любилъ предаваться мечтамъ о такой дѣятельности, которая преслѣдовала бы міровые интересы. Неудивительно, что война получила въ глазахъ Александра двоякаго рода значеніе: во первыхъ, чувство самолюбія побуждало его отомстить своему сопернику, а честолюбивыя мечты выводили Александра далеко за предѣлы Россіи, и благо Европы занимало въ нихъ первое мѣсто. Несмотря на неудачи—и даже болѣе того,—по мѣрѣ роста неудачъ, въ Александрѣ крѣпла твердость продолжать войну до полнаго уничтоженія противника. Первыя же значительныя неудачи обострили въ Александрѣ чувства мести. Уже въ извѣстной рѣчи московскому дворянству Александръ высказывалъ намѣреніе истощить всѣ усилія обширной имперіи, прежде чѣмъ покориться непріятелю. По мѣрѣ роста неудачъ и заявленія Александра становятся еще болѣе категоричными: месть по отношенію къ сопернику и благо Европы занимали въ этихъ заявленіяхъ первое мѣсто. Весьма замѣчательна та твердость духа, которую выказалъ Александръ при вѣсти о гибели Москвы: онъ поручилъ полковнику Мишо, привезшему ему эту вѣсть, говорить всюду, что онъ готовъ истощить всѣ средства для борьбы съ врагомъ. „Я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. Наполеонъ, или я,—я, или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“. Но и въ этотъ тяжелый моментъ Александръ не забывалъ, что онъ борется съ Наполеономъ ради освобожденія Европы. Подъ вліяніемъ тѣхъ же печальныхъ извѣстій, онъ пишетъ шведскому наслѣдному принцу, что онъ и народъ, готовы

скорѣе погрести себя подъ развалинами имперіи, нежели согласиться на миръ, и что это даетъ ему возможность доставить новое доказательство того, что онъ борется противъ угнетателя всей Европы. Послѣдняя мысль была развиваема Александромъ весьма разнообразными способами. Такъ, генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, по волѣ государя, въ отзывѣ къ прусскому государственному канцлеру барону Гарденбергу, исчисливъ всѣ силы, собранныя нами для дѣйствій противъ непріятеля, писалъ, что, оставивъ Москву, мы принесли тяжкую жертву, но что эта мѣра послужила къ ослабленію Наполеоновой арміи. „Настаетъ время для Пруссіи—вооружиться противъ общаго врага и склонить къ тому же Австрію: императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того, чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ". Также лица, наблюдавшія императора въ это время, отмѣтили непреклонное желаніе его продолжать войну. „Императоръ твердъ и слышать не хочетъ о мирѣ", отмѣтилъ въ своей перепискѣ Жозефъ де-Местръ. И это не были фразы, вызванныя моментомъ сильнаго огорченія. Извѣстно, что когда Наполеонъ съ ослабѣвшею арміей началъ отступленіе, императоръ Александръ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы окончательно уничтожить врага, между тѣмъ какъ болѣе дальновидные русскіе дипломаты и военно-начальники, полагали болѣе полезнымъ сохранить въ противовѣсъ Пруссіи и Австріи остатки Наполеоновской арміи и его величія. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ то время когда война была вынесена за предѣлы Россіи, когда Наполеонъ для русскихъ интересовъ былъ совсѣмъ не страшенъ, все же Александръ I оставался болѣе непреклоннымъ въ желаніи окончательно уничтожить соперника, нежели его союзники, интересы которыхъ защищалъ русскій императоръ. Такъ, когда при неудачахъ, а они не могли быть рѣдки въ борьбѣ съ Наполеономъ, Меттернихъ и Касльри начали толковать о мирѣ, императоръ Александръ объявилъ: „Положеніе дѣла необходимо требуетъ, чтобъ мы продолжали войну: всякіе переговоры, неизбѣжно связанные съ потерею времени, дадутъ непріятелю возможность усилиться. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, если союзники будутъ единодушны". Когда союзники въ конференціяхъ настаивали на мирѣ, Александръ говорилъ: „Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое вамъ позволитъ разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый разъ

поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 лье. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ".

Если въ лицѣ Александра, правитель государства выработалъ себѣ твердую мысль о необходимости окончательной борьбы съ противникомъ, то въ его же лицѣ дипломатъ и военно-начальникъ имѣлъ склонность съ широкимъ политическимъ замысламъ, такъ что по размаху ихъ онъ могъ сравняться съ своимъ геніальнымъ противникомъ. Эта черта характера Александра несомнѣнно имѣла могущественное вліяніе на выработку тѣхъ военныхъ плановъ, которые предполагалось примѣнить и которые частью были выполняемы. Въ самомъ дѣлѣ, не будучи полководцемъ, уже успѣвъ потерпѣть нѣсколько пораженій, Александръ, однакожъ, всегда мечталъ о военной славѣ и военныхъ успѣхахъ. Этой склонностью къ широкимъ замысламъ объясняется и дружба и довѣріе, которыя питалъ Александръ къ адмиралу Чичагову,—тоже весьма смѣлому мечтателю. Недаромъ онъ такъ заинтересовался планомъ Чичагова занять Константинополь, доставленнымъ Александру уже вскорѣ послѣ первыхъ отступленій русской арміи. Мало-того, онъ предлагалъ Чичагову на выборъ—или предпринять съ его небольшой арміей движеніе черезъ Тироль къ Адріатическому морю, походъ въ Швейцарію и даже Германію, или же дѣйствія въ тылъ Наполеона въ герцогствѣ Варшавскомъ. Недаромъ Александръ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ совѣтамъ такого смѣлаго генерала, какимъ былъ Чернышевъ, планъ котораго въ значительной мѣрѣ выполненъ былъ во вторую половину войны.

Если взвѣсить все сказанное, то станетъ понятно первоначальное рѣшеніе Александра руководить лично военными дѣйствіями. Получивъ въ началѣ апрѣля извѣстіе о приближеніи французскаго войска къ западнымъ границамъ Россіи, императоръ 9-го апрѣля отправляется изъ Петербурга въ Вильно. Прежде всего начало давно ожидаемой войны укрѣпило Александра въ мысли, что ея слѣдствіемъ не можетъ быть постыдный миръ. Въ разговорѣ съ графомъ Норбонномъ, посломъ Наполеона, присланнымъ послѣднимъ для переговоровъ уже въ Вильно, Александръ сказалъ ему, показывая на карту: „Я не ослѣпляюсь мачтами; я знаю въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступалъ, нѣтъ такого пункта, который я не сталъ

бы защищать прежде, чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи". Тоже самое говорилъ государь барону Штейну, какъ только тотъ прибылъ въ Вильно. Все это говорилось наканунѣ перехода французовъ черезъ Нѣманъ. Повидимому, въ то время былъ уже окончательно Александромъ принятъ извѣстный планъ Фуля и его идея борьбы при помощи укрѣпленнаго лагеря.

Присутствіе государя въ арміи создавало рядъ неустройствъ. Многіе изъ близкихъ людей замѣчали это неудобство и въ числѣ ихъ былъ адмиралъ Шишковъ. Какъ разъ въ то самое время, когда послѣдній обдумывалъ планъ о томъ, чтобы предложить государю удалиться изъ дѣйствующей арміи, къ нему принесъ флигель-адъютантъ Чернышевъ проэктъ приказа государя по арміи, въ которомъ, между прочимъ говорилось: „Я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь". Эта фраза, соотвѣтствовавшая настроенію государя, привела Шишкова въ отчаяніе и побудила его рѣшиться на довольно смѣлое предпріятіе. Извѣстно, что, благодаря убѣжденіямъ Шишкова, Аркачеевъ и Балашевъ подписали записку къ государю, въ которой всѣ трое убѣждали государя оставить дѣйствующую армію. Александръ подчинился настроенію друзей и передалъ фактическое руководство дѣлами Барклаю-де-Толли, удалившись въ столицу.

Но удалившись изъ арміи, передавъ командованіе войскомъ генераламъ, императоръ, однако, прибѣгаетъ къ очень сложной системѣ руководства военными дѣйствіями и освѣдомленія о томъ, что дѣлается въ арміи. Въ этой системѣ прежде всего нельзя не отмѣтить особой системы назначенія начальствующихъ лицъ и частныхъ сношеній государя съ подчиненными начальнику арміи генералами. Во всемъ этомъ сказалось обычная черта характера Александра I. Такъ, напримѣръ, извѣстный генералъ Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба при Барклай-де-Толли и облеченъ былъ особымъ правомъ писать лично государю, когда онъ это сочтетъ нужнымъ между тѣмъ; Барклай считалъ Ермолова въ числѣ своихъ враговъ и не довѣрялъ ему. Въ угоду общественному мнѣнію, жертвуя собственнымъ убѣжденіемъ, государь назначаетъ главнокомандующимъ Кутузова, но, не довѣряя старику, онъ при немъ назначаетъ начальникомъ штаба генерала Беннигсена, къ которому отношенія Кутузова были въ высшей степени непріязненными. Впослѣдствіи дѣло дошло до того, что уклончивый

Кутузовъ долженъ былъ поставить вопросъ въ томъ видѣ, что онъ или генералъ Беннигсенъ, но кто-нибудь одинъ долженъ начальствовать. Мало того, при Беннигсенѣ въ арміи появляется англійскій агентъ Робертъ Вильсонъ, который пытается руководить арміей. Вильсонъ былъ злымъ геніемъ Кутузова, постоянно критикуя его дѣйствія и слѣдя шагъ за шагомъ за тѣмъ, что дѣлалъ Кутузовъ. Вообще Вильсонъ, благодаря занимаемому имъ положенію, надменно относился къ главнокомандующему и о всякомъ шагѣ его доводилъ до свѣдѣнія императора въ интимной перепискѣ. Такъ, Вильсонъ въ письмѣ 23-го сентября сообщаетъ о предположеніи Кутузова имѣть свиданіе съ генералъ-адъютантомъ Наполеона и высказывается по этому поводу весьма отрицательно. Въ письмѣ отъ 27-го сентября Вильсонъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Кутузова, касающихся партизанскихъ дѣйствій и тутъ же высказываетъ предположеніе о томъ, что адмиралъ Чичаговъ будетъ ему время отъ времени сообщать „свои желанія". Въ письмѣ отъ 13 октября онъ очень неодобрительно отзывается о бездѣйствіи и медлительности фельдмаршала, вслѣдствіе которыхъ онъ не воспользовался должнымъ образомъ результатомъ побѣды надъ Мюратомъ. Тутъ же онъ передаетъ, что Кутузовъ не имѣетъ иного желанія, какъ только чтобы непріятель оставилъ Россію, между тѣмъ какъ отъ него зависитъ избавленіе цѣлаго свѣта. Поэтому онъ считаетъ престарѣлаго фельдмаршала неспособнымъ къ занимаемому имъ мѣсту. Вообще, Вильсонъ во всякомъ письмѣ къ императору, подчеркивая медлительность и нераспорядительность фельдмаршала, настойчиво проповѣдуетъ мысль о необходимости полнаго уничтоженія Наполеона. Онъ даже вмѣшивается въ назначеніе генераловъ. Такъ, напримѣръ, онъ очень настойчиво поддерживаетъ генерала Платова и добивается того, что послѣднему данъ былъ самостоятельный отрядъ. Впрочемъ, и цѣлый рядъ другихъ лицъ получаетъ возможность писать государю интимныя письма. При начальникѣ 2-й арміи генералѣ Багратіонѣ состоялъ начальникомъ штаба Сенъ-При. Онъ находился съ государемъ въ интимной перепискѣ, давая государю рядъ частныхъ указаній о направленіи дѣятельности отдѣльныхъ корпусовъ. Багратіонъ не разъ выражалъ досаду на этого „дядьку". „Онъ,—говорилъ Багратіонъ о Сенъ-При,—переписывается съ государемъ; когда я пишу, то и онъ пишетъ, только на французскомъ языкѣ". Въ арміи къ Сенъ-При относились съ подозрѣніемъ, и, дѣйствительно одинъ изъ его приближенныхъ французъ Де-Лезеръ

былъ сосланъ впослѣдствіи въ Сибирь. Выходило такъ, что Сенъ-При наблюдалъ за Багратіономъ, а послѣдній распорядился имѣть надзоръ за своимъ начальникомъ штаба. Багратіонъ даже сдѣлалъ однажды распоряженіе начальнику авангарда, чтобы онъ не довѣрялъ запискамъ и приказаніямъ Сенъ-При, но въ сомнительныхъ случаяхъ обращался бы къ дежурному генералу Марину. Цѣлый рядъ другихъ генераловъ имѣютъ непосредственную переписку съ государемъ. Уже выше было упомянуто о разрѣшеніи Ермолову писать лично государю и этимъ разрѣшеніемъ Ермоловъ воспользовался для того, чтобы обратить вниманіе императора на непорядки въ распоряженіяхъ по арміи, въ управленіи ею и т. п. Каковы были отношенія Ермолова къ своему непосредственному начальнику, Барклай-де-Толли, легко видѣть изъ интимной переписки между Ермоловымъ и Багратіономъ: съ точки зрѣнія обоихъ генераловъ, Барклай—человѣкъ подозрительный, котораго слѣдуетъ „повѣсить". Вообще въ сообщеніяхъ о положеніи дѣлъ въ арміяхъ императоръ не имѣлъ недостатка. Въ письмѣ отъ 31-го іюля, графъ Шуваловъ настойчиво совѣтуетъ Александру дать одного главнокомандующаго обѣимъ арміямъ, заявляя, что солдаты ропщутъ и не имѣютъ довѣрія къ своему главному начальнику. Онъ описываетъ всякаго рода недостатки существующей организаціи арміи: провіантская часть плохо организована, солдатамъ часто недостаетъ хлѣба, Барклай и Багратіонъ враждуютъ между собою и т. п.

Само собою разумѣется, что подобная частная переписка деморализующимъ образомъ вліяла на начальниковъ отдѣльныхъ армій. Когда одинъ изъ такихъ довѣренныхъ у государя генераловъ, Чернышевъ, явился въ армію адмирала Чичагова, то послѣдній откровенно писалъ императору: „Если г. Чернышевъ останется здѣсь, то онъ долженъ воздержаться писать къ вашему величеству. Мнѣ это ничего, но это вредитъ дисциплинѣ, это даетъ орудіе или надежду интриганамъ, которыхъ вездѣ вдоволь; это, наконецъ, разсѣеваетъ вниманіе и разслабляетъ повиновеніе. Умоляю, ваше величество, дать ему понять это". Но не всякій генералъ, подобно Чичагову, рѣшался своевременно сдѣлать такого рода указаніе государю. Барклай-де-Толли только послѣ оставленія арміи, доставилъ государю записку, въ которой говорилъ о недостаткахъ устройства ея управленія, происходившихъ отъ нежеланія государя предоставить всю полноту власти главнокомандующему. Въ этой запискѣ Барклай отмѣчаетъ то странное

положеніе, въ которомъ онъ оказался, когда соединились обѣ арміи: каждый изъ двухъ главнокомандующихъ, онъ самъ и князь Багратіонъ, имѣли право отдѣльно располагать своими войсками и непосредственно сноситься съ государемъ; путемъ личныхъ уступокъ Барклай старался ладить съ Багратіономъ; штабъ былъ переполненъ людьми, стремившимися „узнать предполагаемыя предпріятія“ изъ канцеляріи главнокомандующаго; всякаго рода предположенія узнавали и дѣлали предметомъ обсужденія на улицѣ; нѣкоторыхъ государевыхъ адъютантовъ низшаго ранга Барклай принужденъ былъ отправить изъ арміи, но другихъ не могъ.

Мало того, нельзя не отмѣтить еще одной любопытной черты. Какъ разъ главные начальники арміи, за исключеніемъ адмирала Чичагова, пользуются сравнительно меньшей довѣренностью государя, чѣмъ многіе изъ подчиненныхъ имъ генераловъ. Объ этомъ можно заключить изъ дошедшей до насъ переписки. Правда, переписка императора съ Барклаемъ иногда носитъ простой, интимный характеръ и оба корреспондента изливаются въ добрыхъ чувствахъ другъ къ другу, но все же уступчивый Барклай добровольно превратился въ исполнителя приказаній изъ Петербурга, совершенно одобряя явно невыполнимыя диспозиціи войскъ. Князь Багратіонъ поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе: его переписка съ государемъ носитъ совершенно оффиціальный характеръ, и только въ письмахъ къ Аракчееву изливаетъ онъ свою душу. Усиленно переписываясь съ генераломъ Сенъ-При, Александръ какъ бы забываетъ временами о начальникѣ второй арміи, совершенно не посвящая его въ свои планы. Багратіонъ нерѣдко жалуется на это въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. „Отъ государя ни слова не имѣю, насъ совсѣмъ бросилъ“,—жалуется онъ Растопчину. Сношенія съ Кутузовымъ носятъ еще болѣе оригинальный характеръ: старикъ получалъ отъ государя или парадные рескрипты, назначенные дѣйствовать на общественное мнѣніе, или собственноручные строгіе выговоры, а самъ отправлялъ къ государю краткія и строго оффиціальныя реляціи о происшедшемъ, совершенно не посвящая его въ свои дальнѣйшіе планы.

Таковы были способы, примѣненные императоромъ для того, чтобы наблюдать по своему за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ арміи, и таково было его отношеніе къ лицамъ, которымъ ввѣрена была ея судьба.

Разумѣется, стремленіе къ освѣдомленности, пріобрѣтаемой подобнаго рода путями, происходило изъ недовѣрія къ начальствующимъ лицамъ и изъ отсутствія мужества предоставить веденіе дѣла какому либо одному довѣренному лицу; съ другой стороны, подъ этимъ скрывалось обычное стремленіе императора знать все, что дѣлается и руководить самостоятельно въ имъ же разрозненныхъ и имъ же назначаемыхъ начальникахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на отдаленность своего пребыванія отъ арміи, несмотря на тогдашнее неудобство сношеній, весь ходъ военныхъ операцій былъ налаженъ такимъ образомъ, что фактически ими руководилъ императоръ. Мы уже знаемъ, что имъ былъ принятъ пагубный планъ Фуля и что этотъ планъ должны были выполнять генералы, его не ободрявшіе. Мало того, противъ единой арміи непріятеля дѣйствуетъ съ русской стороны рядъ отдѣльныхъ армій, каждая изъ которыхъ, безъ связи другъ съ другомъ, руководствуется распоряженіями, идущими отъ императора. Кромѣ отдѣльныхъ первой и второй армій, на Волыни дѣйствуетъ армія генерала Тормасова, впослѣдствіи соединившаяся съ арміей адмирала Чичагова; отдѣльные корпуса графа Витгенштейна, генерала Эссена и Боггоута, защищавшіе петербургскую дорогу и Ригу, получаютъ также непосредственныя распоряженія отъ Александра по всѣмъ вопросамъ, касающимся движенія войскъ, равно какъ и нѣкоторые другіе начальники корпусовъ. Младшіе генералы забрасываютъ государя совѣтами о планѣ военныхъ дѣйствій. Такъ, генералъ Чернышевъ сдѣлалъ представленіе государю о непригодности укрѣпленнаго лагеря подъ Дриссой, развиваетъ идею укрѣпленныхъ лагерей въ тылу арміи и немедленно получаетъ распоряженіе избрать въ окрестностяхъ Москвы мѣстность для такого типа укрѣпленій. И всѣ эти приготовленія дѣлаются безъ сношенія съ начальниками армій. Генералъ Винценгероде въ письмѣ отъ 16 сентября совѣтуетъ отправить одинъ или два корпуса изъ числа находившихся на Волыни въ тылъ арміи къ Могилеву или къ Смоленску, очевидно совершенно не подозрѣвая, что подобнаго рода тактическія движенія уже были предрѣшены государемъ.

Но такое положеніе вещей вело еще къ болѣе оригинальнымъ послѣдствіямъ: главные начальники не всегда знали основной планъ военныхъ дѣйствій и должны были ждать предписанія государя относительно того или другого движенія. Въ концѣ іюля Багратіонъ въ письмѣ къ Растопчину сообщаетъ, что „госу-

дарь по отъѣздѣ своемъ не оставилъ никакого указа на случай соединенія, кому командовать отдѣльными арміями.“ Но этого мало. Багратіонъ вообще, начальствуя надъ обширной арміей, не зналъ плана ея дѣйствій и при установившихся условіяхъ, при вполнѣ понятной необходимости сочетать дѣйствія различныхъ отдѣльныхъ армій, не имѣлъ возможности выработать самостоятельный планъ. Еще въ началѣ іюня, т. е. задолго до соединенія обѣихъ армій, Багратіонъ оказался вынужденнымъ писать государю о томъ, что онъ весьма сокрушается, не имѣя къ себѣ довѣрія государя, ибо ему не открытъ планъ операціонныхъ дѣйствій, а потому онъ и не можетъ удобно распоряжаться командуемою имъ арміею. Александръ немедленно удостоилъ князя собственноручнаго рескрипта, исполненнаго весьма лестныхъ выраженій, но тѣмъ не менѣе безъ отвѣта на кардинальный вопросъ о планѣ военныхъ операцій. Багратіону приказано было соединиться съ первой арміей, онъ это сдѣлалъ, но все же ему не былъ открытъ планъ дѣйствій; Барклай де-Толли въ это его тоже не посвятилъ. Багратіонъ, стремившійся къ наступательныхъ дѣйствіямъ, не понималъ движеній Барклая: „Богъ его вѣдаетъ, —пишетъ онъ о Барклаѣ Растопчину,— что онъ изъ насъ хочетъ сдѣлать; милліонъ перемѣнъ въ минуту, и мы, назадъ и въ бокъ шатаясь, кромѣ мозоли на ногахъ и усталости ничего хорошаго не пріобрѣли; истинно не вѣдаю таинства его и судить иначе не могу, какъ видно не велѣно ему ввязываться въ дѣла серьезныя... Отъ государя давно ничего не имѣю“. Всѣ эти соображенія и неизвѣстность о планѣ дѣйствій приводятъ Багратіона къ заключенію относительно Барклая: „Вождь нашъ,— по всему его поступку съ нами видно—не имѣетъ вожделѣннаго разсудка, или же лисица.“ Только значительно позже Багратіонъ, наконецъ, удостовѣрился, что бѣгство русской арміи является исполненіемъ воли государя: „Барклай говоритъ,—пишетъ онъ въ болѣе позднемъ письмѣ къ Растопчину, — что государь запретилъ ему давать рѣшительное сраженіе. По моему видно, что государю угодно, чтобы вся Россія была занята непріятелемъ“.

Положеніе Барклая, командовавшаго основной арміей, по отношенію къ которой дѣйствія другихъ имѣли дополнительный характеръ, было тоже не изъ легкихъ, такъ какъ онъ самъ не всегда зналъ назначеніе тѣхъ или другихъ военныхъ предпріятій. Въ письмѣ отъ 25 іюля, Барклай, получивъ предписаніе государя отправиться къ Милахову, и заявляя, что онъ точно исполнитъ

приказанія императора, задаетъ послѣднему нѣсколько любопытныхъ вопросовъ: для главнокомандующаго непонятна цѣль столь быстраго отступленія арміи, ибо такое отступленіе производитъ недовольство среди солдатъ; для главнокомандующаго остается неяснымъ, что будетъ предпринимать вся русская армія въ лагеряхъ подъ Дриссой, онъ даже боится, что при столь быстромъ отступленіи армія можетъ потерятъ изъ виду непріятеля; для главнокомандующаго, наконецъ, совершенно непонятно назначеніе корпуса графа Витгенштейна, расположеннаго на правомъ берегу Двины. Таково „мнѣніе солдата“, которое позволяетъ себѣ высказать Барклай, завѣряя впрочемъ своего государя въ томъ, что имъ въ точности будутъ выполнены предписанныя диспозиціи. Изъ этого письма совершенно ясно, въ какое ложное положеніе былъ поставленъ главнокомандующій арміей и военный министръ: онъ обязанъ былъ выполнять военный планъ и военныя движенія, составленныя далеко въ тылу иностранцами или государевыми адъютантами. Неудивительно, что Барклай смотрѣлъ на себя исключительно, какъ на исполнителя предписаній государя.

Сначала обѣ арміи, Барклая и Багратіона, отступаютъ безъ опредѣленнаго плана, т. е. по крайней мѣрѣ безъ плана, сознательно усвоеннаго самими начальствующими. Иногда государь посвящаетъ того или иного начальника въ планы дѣйствій, но это дѣлается не всегда отчетливо. „На дняхъ ожидаемъ мы происшествій важнѣйшихъ“,—сообщаетъ Александръ въ одномъ письмѣ Багратіону, скрывая, однако, отъ главнокомандующаго, въ чемъ могутъ заключаться эти „важнѣйшія происшествія“. И далѣе, въ томъ же письмѣ государь рекомендуетъ начальнику осторожность: „вся цѣль наша должна клониться къ тому, чтобы выиграть время“. Это были столь неопредѣленныя предписанія, что въ результатѣ ихъ Багратіонъ, несомнѣнно отличавшійся личной храбростью и стремившійся къ рѣшительному сраженію, сдѣлалъ рядъ тактическихъ ошибокъ при соединеніи обѣихъ армій. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія стратегической, соединеніе обѣихъ армій было вполнѣ естественно, но оно было подсказано младшими свитскими генералами и по ихъ же совѣту Александромъ были даны войскамъ диспозиціи. Въ своихъ запискахъ Чернышевъ, вообще весьма цѣнившій свой военный талантъ, приписываетъ эти соединительныя движенія своему военному генію. Онъ разсказываетъ, что исходя изъ вѣроятнаго предположенія о томъ, что Багратіонъ находится въ данное время въ Бобруйскѣ, онъ

составилъ диспозицію движенія арміи на Могилевъ, что и было принято государемъ. Дѣйствительно, диспозиціи нерѣдко дѣлались по предположеніямъ о мѣстонахожденіи въ данный моментъ армій, но въ данномъ случаѣ произошло еще слѣдующее. Оказывается, что независимо отъ предложеній, появившихся въ императорской квартирѣ, Барклай де-Толли предложилъ Багратіону, въ цѣляхъ объединенія дѣйствій обѣихъ армій и ихъ соединенія, двинуться съ своей арміей на Минскъ. Это распоряженіе было получено Багратіономъ 15 іюля; войска немедленно двинулись, а между тѣмъ 18 іюля къ Багратіону прибылъ императорскій адъютантъ полковникъ Бенкендорфъ съ приказаніемъ отъ государя отступать черезъ Новогрудокъ на Вилейку.

Раевскій очень характерно описываетъ неопредѣленность въ направленіи военныхъ дѣйствій, которая затрудняла генераловъ. Князь Багратіонъ получилъ приказаніе идти на Минскъ для соединенія съ первой арміей. Сдѣлавъ нѣсколько маршей, генералы узнали, что они должны двинуться на корпусъ Даву. Только что успѣли придвинуться къ французамъ, приказано было отступать. Багратіонъ повернулъ на Минскъ, т. е. на прежній путь, какъ сдѣлалось извѣстно, что уже этотъ путь занятъ французами. Наконецъ, къ величайшему удовольствію всѣхъ генераловъ, Багратіонъ получилъ предписаніе итти на соединеніе арміи тѣми путями, какими онъ найдетъ возможнымъ. Дорогое время, впослѣдствіи стоившее столь значительной потери, было упущено, такъ какъ армія должна была двинуться по диспозиціи, присланной императоромъ, и дала себя опередить французскимъ войскамъ. Мало того, присылаемыя отъ государя диспозиціи заключали въ себѣ требованіе, чтобы отдѣльные корпуса прибыли на назначенныя имъ мѣста въ опредѣленные дни, что на практикѣ оказывалось не всегда выполнимымъ. Бывало и такъ, что главнокомандующій получалъ приказаніе о частичномъ движеніи безъ опредѣленія конечной его цѣли, и такимъ образомъ, выполнивъ назначенныя движенія, начальникъ уже не зналъ, что дальше предпринять. 26 іюня Барклай доноситъ государю, что „желая въ точности выполнить волю“ государя, онъ, несмотря на усталость войскъ, прибылъ въ срокъ въ назначенный пунктъ и „дерзаетъ испросить“ повеленія о дальнѣйшемъ слѣдованіи корпусовъ.

Но любопытна вотъ еще какая черта. Распоряженія о движеніи дѣлались не только черезъ главнокомандующаго, но и давались отдѣльнымъ корпусамъ, ему подчиненнымъ. Такъ, наприм.,

во время описываемаго движенія армій, корпусъ генерала Дохтурова руководствуется въ своихъ движеніяхъ непосредственно распоряженіями государя. Иногда младшіе генералы въ своихъ распоряженіяхъ до мелочей зависѣли отъ непосредственныхъ указаній государя. Генералъ Римскій-Корсаковъ получаетъ предписаніе императора перевести провіантскій магазинъ изъ Динабурга въ Дриссу, но у него возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній относительно того, какую часть провіанта отправлять водой и какую — сухимъ путемъ, наконецъ, онъ не знаетъ, нужно ли оставить въ Динабургѣ часть провіанта и фуража, на случай, если тамъ будутъ войска, или весь оттуда увезти. Такимъ образомъ, частные начальники или даже начальники отдѣльныхъ частей большой арміи получаютъ распоряженія непосредственно отъ государя, между тѣмъ, какъ ихъ дѣятельность является дополнительной по отношенію къ операціямъ основной арміи. Однимъ словомъ, всѣ, и старшіе и младшіе, поставлены были въ необходимость ждать предписаній отъ государя, отсюда нерѣшительность въ дѣйствіяхъ. Генералъ Репнинъ получаетъ свѣдѣнія о томъ, что передовые разъѣзды его арьергарда имѣли перестрѣлку съ непріятелемъ и спрашиваетъ распоряженія государя о томъ: „какимъ образомъ поступать мнѣ, ежели непріятель здѣсь усилится“.

Дѣло иногда доходитъ до того, что государь частнымъ образомъ разрѣшалъ подчиненному не исполнятъ предписаній своего начальника. Отправляя кн. С. Г. Волконскаго обратно въ отрядъ генерала Винценгероде, государь говоритъ ему: „Вотъ тебѣ письмо къ Винценгероде; онъ пойметъ меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженіе и довѣріе къ нему, но въ ходѣ дѣлъ административныхъ надо имъ давать общій ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впередъ могутъ быть не по мыслямъ и сердцу, пусть его не тревожатъ и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я, мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу. Черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ; ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ и что ты получилъ отъ меня конвертъ для врученія Винценгероде“. Такимъ образомъ младшіе начальники получаютъ право не исполнять распоряженій старшаго, класть предписанія подъ сукно, сносясь во всемъ съ государемъ.

Такъ, слѣдовательно, и общій планъ военныхъ дѣйствій и отдѣльныя распоряженія исходятъ отъ государя. Въ началѣ войны государь принялъ планъ отступленія въ надеждѣ опереться на лагерь при Дриссѣ. Начальники выполнили этотъ планъ, не сочувствуя ему. Послѣ соединенія армій подъ Смоленскомъ, Александръ требуетъ отъ Барклая наступательныхъ дѣйствій, но это теперь уже было трудно и армія продолжала отступать. Императоръ былъ вынужденъ назначить главнокомандующимъ всѣхъ армій Кутузова и предоставить, наконецъ, этому генералу власть, необходимую для веденія дѣла. Императоръ впослѣдствіи много разъ подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ былъ вынужденъ назначить Кутузова. И это совершенно справедливо. Пятаго августа государь созвалъ совѣтъ изъ виднѣйшихъ генераловъ для уясненія положенія дѣлъ. Совѣтъ выслушалъ рапорты главнокомандующихъ и, обсуждая вопросъ, призналъ, „необходимо нужнымъ назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго“. Этимъ приговоромъ онъ подвелъ итоги распоряженіямъ по арміи самаго императора, вынеся такое заключеніе: недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила оттого, что не было надъ всѣми дѣйствующими арміями положительной, единогласной власти“. Наконецъ, наученный опытомъ императоръ на этотъ разъ избѣгаетъ давать подробныя указанія Кутузову, или во всякомъ случаѣ требуетъ „аппробаціи“ стараго генерала планамъ, присылаемымъ изъ Петербурга.

Дѣятельность Александра переносится на нѣкоторое время въ тылъ арміи. Онъ усиленно занятъ сборомъ ополченій, подготовкой провіанта и фуража и, наконецъ, направленіемъ общественнаго мнѣнія. Въ послѣднемъ отношеніи дѣятельность Александра представляетъ собою замѣчательное явленіе. Онъ всегда отличался умѣньемъ вліять на людей; пораженіе, понесенное русской арміей, и особенно потеря Москвы побуждаютъ его къ необыкновенно интенсивной дѣятельности. За этотъ періодъ его перу принадлежитъ много писемъ, въ которыхъ онъ старается пріободрить своихъ корреспондентовъ и внушить имъ мысль, что Наполеонъ „будетъ отомщенъ“; малѣйшій успѣхъ русской арміи даетъ поводъ Александру къ изложенію событій въ перепискѣ. Такимъ же характеромъ пропаганды борьбы съ Наполеономъ, призыва къ подъему упадающаго духа, стремленія вселить надежду на счастливое будущее отличаются и личныя

бесѣды Александра. Онъ всегда былъ обворожителенъ, но теперь эта черта достигаетъ высшихъ предѣловъ. Свои мысли и свои надежды онъ старался передать не только своимъ приближеннымъ и своимъ роднымъ, своему союзнику наслѣдному принцу шведскому, но онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе военныхъ неудачъ, чтобы поднять бодрость духа. Такъ, встрѣтившись въ Гельсингфорсѣ съ здѣшнимъ предсѣдателемъ комиссіи по распланировкѣ города Эренстремомъ, государь вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду и съ величайшей откровенностью высказалъ этому случайно встрѣченному имъ человѣку свои взгляды. Это замѣчательный разговоръ, который является полемикой противъ тѣхъ взглядовъ, которые считали положеніе Россіи печальнымъ, наконецъ противъ недовольства общества, вызваннаго войной. Тутъ онъ, между прочимъ, высказывалъ мысль, что необходимо убѣдить народъ въ томъ, что правительство не ищетъ войны, что оно вооружилось только на защиту государства, что необходимо, наконецъ, заинтересовать народъ въ войнѣ. Тутъ же государь высказывалъ твердую мысль, что онъ не заключитъ мира даже на берегахъ Волги.

Со вступленіемъ Кутузова въ управленіе арміей было немыслимо сразу остановить отступленіе и привести армію въ порядокъ. Отступленіе продолжалось, но оно съ каждымъ шагомъ становилось все болѣе и болѣе грознымъ. Наполеонъ могъ чувствовать теперь въ отступленіи не случайность, но опредѣленный планъ, систему. Правда, Кутузову пришлось сдать Москву. Столица была оставлена жителями и сожжена. Правда, москвичи, оставляя городъ, всѣ старались хорошенько пограбить: купцы, извощики, мужики, легко раненные солдаты, полиція, бѣглецы изъ арміи, казаки—тащили, кто что могъ, усердно прося Господа Бога о помилованіи. Потомъ пришли французы доканчивать грабежъ.

Если первыя побѣды, одержанныя Кутузовымъ подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ, были дѣломъ искусства, то дальнѣйшій разгромъ и избіеніе великой арміи, по словамъ героя Раевскаго, принадлежитъ великому генералу—Николаю Чудотворцу, съ помощью котораго мужики болѣе, чѣмъ регулярныя войска, нанесли урона французамъ. Дѣйствительно, можно согласиться съ однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ очевидцевъ, французскимъ офицеромъ герцогомъ Фазанзакомъ, что съ первыхъ дней это отступленіе походило на бѣгство. Въ безпорядочномъ войскѣ, утратив-

шемъ дисциплину, не могло и быть правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія продовольствія, тѣмъ болѣе, что самыя распоряженія Наполеона способствовали къ тому. Трупы французовъ покрыли поля и дороги такъ, что „никакое перо историка,—говоритъ знаменитый атаманъ Платовъ,—не въ состояніи изобразить картину ужаса, который онъ (непріятель) оставляетъ по большой дорогѣ“.

Когда французская армія попала въ Москву, какъ въ западню, исходъ войны уже можно было предвидѣть. Повидимому, какъ разъ къ тому времени созрѣлъ замѣчательный планъ движенія Волынской арміи, подкрѣпленной арміей Чичагова, въ тылъ Наполеоновой арміи. Очень можетъ быть, что этотъ планъ принадлежитъ лично императору.

По крайней мѣрѣ генералъ Чернышевъ, несомнѣно близко стоявшій къ выработкѣ этого плана, съ своихъ запискахъ разсказываетъ о томъ, что Александръ лично занялся выработкою общаго операціоннаго плана всѣхъ армій и при этомъ лишь „употреблялъ“ Чернышева; такъ какъ Чернышевъ въ своихъ запискахъ не отличается скромностью и охотно выставляетъ свои заслуги передъ отечествомъ, то, несомнѣнно, что и идея плана, а можетъ быть и многія частности принадлежатъ государю.

31 августа, когда армія была въ Красной Пахрѣ, оставивъ непріятелю Москву, къ Кутузову является Чернышевъ съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій. Чернышевъ имѣлъ при себѣ инструкціи, но главнымъ образомъ долженъ былъ лично выяснить дѣло. Въ особомъ рескриптѣ на имя Кутузова государь предлагаетъ главнокомандующему высказать свое мнѣніе и, въ случаѣ одобренія плана, принявъ его къ свѣдѣнію, отправить Чернышева далѣе въ армію Чичагова, которой отводилась столь важная роль въ общемъ планѣ. Интересно, что и въ данномъ случаѣ Александръ не обошелся безъ предписаній о различнаго рода деталяхъ, которыя невозможно было предвидѣть въ Петербургѣ, и безъ нѣкотораго рода неопредѣленностей, которыя нерѣшительнаго военачальника могли поставить въ затруднительное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, Чичаговъ, получивъ извѣстный планъ дѣйствій чрезъ генерала Чернышева, въ своемъ письмѣ къ государю отъ 22 сентября высказываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Все, что касается вопроса о командываніи арміей, изложено, по его мнѣнію, въ инструкціи очень неопредѣленно. Начальникамъ корпу-

совъ не сказано, что они должны находиться подъ командою адмирала, а только, что Чичаговъ требуетъ величайшей точности въ исполненіи плана: всякій долженъ прибыть на извѣстный пунктъ въ назначенный день, тогда какъ первый пунктъ, изъ котораго выступаютъ, невѣренъ: „Полагаютъ, что я въ Острогѣ, тогда какъ я уже въ Любомлѣ". Инструкція предполагаетъ препятствовать движенію Шварценберга по направленію къ главной арміи, а онъ фактически уже прогнанъ Чичаговымъ. Вообще, корпуса получаютъ „инструкціи гадательныя изъ Петербурга". Такъ писалъ адмиралъ, получивъ оффиціальныя инструкціи, привезенныя Чернышевымъ. Но оказывается, что вслѣдъ за оффиціальными инструкціями и уже не черезъ довѣреннаго у государя Чернышева, Чичаговъ получаетъ частное письмо государя, которое разъясняетъ ему суть дѣла и совершенно устраняетъ всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя вытекали изъ оффиціальнаго документа и вызвали протестъ адмирала. Сохранилось отвѣтное письмо Чичагова Александру, выражающее сожалѣніе, что оба документа получены не одновременно, потому что письмо проливаетъ свѣтъ на все то, что „инструкціи заключали въ себѣ темнаго": „Въ дѣлахъ у насъ существуетъ нѣкотораго рода обратный и весьма несчастный характеръ",—замѣчаетъ по этому поводу Чичаговъ своему высокому корреспонденту.

Продиктованный изъ Петербурга планъ окончательнаго разгрома французской арміи въ дѣйствительности приводился въ исполненіе. Правда, осторожный Кутузовъ, щадя русскихъ солдатъ, дѣйствовалъ съ большой осторожностью, постепенно ослабляя непріятеля. Знаменитая переправа Наполеона на Березинѣ испортила, однако, этотъ планъ, по крайней мѣрѣ она испортила въ томъ смыслѣ, какъ этого хотѣлъ достигнуть императоръ Александръ: самого Наполеона не удалось захватить и съ остаткомъ войскъ онъ направился къ Вильнѣ.

Когда войска добивали послѣднихъ французовъ въ предѣлахъ Россіи, настала необходимость рѣшить вопросъ о томъ, продолжать ли войну за Нѣманомъ, или нѣтъ. Государь, повидимому, рѣшилъ этотъ вопросъ заранѣе въ положительномъ смыслѣ, но все же охотно прислушивался къ мнѣнію военныхъ людей и дипломатовъ. Кутузовъ рѣшительно высказывался противъ продолженія войны, штабъ главнокомандующаго былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Напротивъ, дипломаты одобряли мысль государя. Даже канцлеръ графъ Румянцевъ высказывался за продолженіе

войны, но только настаивалъ, чтобы она была ведена единолично Россіей, безъ союза съ Австріей и Пруссіей. Старый дипломатъ Екатерининскаго времени графъ С. Р. Воронцовъ ставилъ вопросъ нѣсколько своеобразно. Онъ полагалъ, что намъ не слѣдовало подвигаться за Одеръ прежде, нежели Австрія не выступила бы противъ Наполеона. Напротивъ, дипломаты новой школы пытались связать продолженіе войны съ интересами Россіи. Графъ Нессельроде увѣрялъ императора въ томъ, что Франція будетъ безопасна только въ своихъ прежнихъ предѣлахъ. Этотъ дипломатъ возставалъ точно также, противъ соединенія царства Польскаго съ Россіей. Однимъ словомъ, этотъ дипломатъ явился вѣрнымъ защитникомъ интересовъ Австріи: „Нессельроде въ карманѣ у Меттерниха“, писалъ Чарторыйскій Новосильцеву.

Руководимый личной ненавистью къ Наполеону и стремленіемъ поправить прусскія дѣла, императоръ Александръ нашелъ единомышленниковъ въ средѣ окружавшихъ его иностранцевъ и тѣхъ русскихъ, которые считали полезнымъ для себя поддерживать то, что нравилось государю. Злой геній Кутузова, Робертъ Вильсонъ дѣятельно побуждалъ императора къ преслѣдованію Наполеона за предѣлами Россіи. Но наиболѣе энергичная роль въ этомъ направленіи выпала на долю знаменитаго прусскаго министра барона Штейна. Этотъ умный пруссакъ, со свойственными его націи грубостью и цинизмомъ, поставилъ своей главной задачей обратить торжество русскаго оружія на пользу нѣмецкаго дѣла. Современная Германія всѣмъ обязана этому многознаменательному моменту въ ея исторіи и въ частности прусскому министру и русскому императору. Штейнъ представляетъ Александру I рядъ записокъ въ которыхъ старается предрѣшить перенесеніе войны въ Германію по изгнаніи французовъ изъ Россіи. Онъ знаетъ, какъ надо дѣйствовать на императора: въ своихъ обращеніяхъ Штейнъ старается воздѣйствовать на честолюбіе своего высокаго читателя: только „ложная и лукавая политика“, или „невѣдѣніе“ могутъ дать совѣтъ при настоящихъ обстоятельствахъ вести оборонительную войну. „Благородный и великодушный“ характеръ императора долженъ отвергнуть подобнаго рода совѣты. Императоръ „захочетъ стать благодѣтелемъ и умиротворителемъ Европы“. Лесть, оправленная въ благородныя формы, проникаетъ всю записку прусскаго патріота. Въ красивыхъ выраженіяхъ онъ рисуетъ предъ императоромъ его будущую роль Агамемнона среди европейскихъ монарховъ: „Вамъ

предстоитъ разыграть возвышенную роль благодѣтеля и возстановителя".

Льстя императору съ одной стороны, съ другой стороны онъ развивалъ предъ нимъ широкіе и смѣлые планы. Еще въ Петербургѣ не были освѣдомлены объ исходѣ Бородинской битвы, какъ Штейнъ уже составляетъ проектъ временнаго управленія Германскими землями по занятіи ихъ русскими войсками, онъ уже обдумываетъ способы веденія войны въ предѣлахъ самой Германіи. Эти проэкты находили сочувственное отношеніе къ нимъ императора. Штейнъ старается предвидѣть напередъ всѣ детали будущей войны. Онъ даже уже заботится о томъ, чтобы русскіе „варвары" не причинили слишкомъ большого вреда той самой Германіи, которую они должны освободить, и предупреждаетъ императора, что русскія войска должны будутъ соблюдать строгую дисциплину въ Германіи. Но Штейнъ боится встрѣтить оппозицію въ средѣ русскихъ сановниковъ и напередъ старается очернить ихъ передъ государемъ и указать ему на замѣстителей. Штейнъ очень недоволенъ графомъ Румянцевымъ, не расположеннымъ жертвовать русскими интересами для блага Германіи. Тогда Штейнъ обращается къ англійскому правительству съ просьбой настоять черезъ своего посланника на удаленіи графа Румянцева—„фантастической головы", „ограниченной души", которой недостаетъ умѣнія устроить новый политическій порядокъ „на твердыхъ и мудрыхъ основаніяхъ". Мало того, знаменитый прусскій государственный мужъ настаивалъ нередъ англійскимъ правительствомъ, чтобы выборъ новаго канцлера не могъ пасть на человѣка „неспособнаго на своекорыстную и лукавую политику" (т. е. на національную политику); онъ настаивалъ на томъ, чтобы Англія взяла на себя устройство нѣмецкихъ дѣлъ, „дабы направить борьбу къ исключительной выгодѣ Германіи и Европы".

О русскихъ людяхъ Штейнъ былъ невысокаго мнѣнія, потому что онъ не ожидалъ отъ нихъ „безкорыстныхъ плановъ", т. е. такихъ плановъ, которые на первомъ мѣстѣ поставили бы благо Германіи. Но съ другой стороны Штейнъ боялся и другого,— чтобы Россія не вздумала расширить свои тогдашнія границы въ случаѣ побѣды надъ французами. Еще не успѣли русскія войска вступить въ Германію, а баронъ Штейнъ уже высказываетъ заботы о томъ, чтобы удалить Кутузова и назначить ему преемникомъ генерала русской службы графа Витгенштейна, человѣка „нѣмецкаго происхожденія" и „доброжелательнаго" къ интересамъ

Германіи. Штейнъ дѣлитъ карту Западной Европы, при чемъ разбитой Австріи и Пруссіи удѣляетъ жирный кусокъ; доставалось и другимъ державамъ, что же касается Россіи, которая долженствуетъ освободить Европу отъ Наполеона, то она, разсуждалъ Штейнъ, „слишкомъ велика и справедлива, чтобы желать расширенія своихъ предѣловъ и возбужденія противъ царя общаго недовѣрія". Это все писалось 20-го октября 1812 года, т. е. послѣ первыхъ успѣховъ русскаго оружія. Штейну было извѣстно, что нѣкоторые изъ русскихъ желали расширенія предѣловъ Россіи за счетъ Польши; нѣкоторые изъ поляковъ благосклонно относились къ этому проэкту, при условіи дарованія Польшѣ особой конституціи. Прусскій государственнный мужъ всячески борется противъ подобнаго рода мыслей: онъ боится, чтобы устье рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море, съ ихъ гаванями не вошли въ предѣлы Россіи. Онъ настаиваетъ, чтобы Англія въ союзѣ съ Австріей положила конецъ этимъ „дикимъ" планамъ, такъ какъ они угрожаютъ величайшей опасностью Пруссіи и Австріи. Ища себѣ союзниковъ среди русскихъ дипломатовъ, Штейнъ обращается къ состоящему на русской службѣ Поццо-ди-Борго и старается внушить ему мысль о вредѣ самой идеи расширить предѣлы Россіи.

Въ то время какъ близкіе къ императору совѣтники-иностранцы хлопотали объ устроеніи своихъ національныхъ дѣлъ при помощи русскаго оружія, русское общество далеко не было расположено служить устройству чужихъ государствъ. Тотъ же баронъ Штейнъ съ боязливостью не могъ этого не замѣтить. „Успѣхи русскаго оружія естественно возбудили общественное мнѣніе. Оно высказывается различно. Одни надѣются, что по изгнаніи непріятеля будетъ заключенъ миръ, а Европа предоставлена собственнымъ своимъ движеніямъ, другіе хотятъ расширенія территоріи имперіи, по меньшей мѣрѣ до Вислы, и преобладанія въ дѣлахъ материка; еще другіе желаютъ возстановить въ Европѣ общественный порядокъ, основанный на справедливости и истинныхъ пользахъ народовъ. Само собою разумѣется, что эта третья партія есть слабѣйшая, хотя мнѣніе ея одно только можетъ обезпечить всеобщее спокойствіе и поправиться на материкѣ, какъ и въ Англіи. А потому Англія должна де взять починъ и принять мѣры для обезпеченія перевѣса мудрѣйшей партіи. Она можетъ разсчитывать на благородный и свободолюбивый образъ мыслей императора".

Кутузовъ и его штабъ какъ разъ были въ числѣ тѣхъ для которыхъ интересы Германіи не стояли на первомъ планѣ. Кутузовъ щадилъ свою армію и Наполеона. Чернышевъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что когда позиція фельдмаршала опредѣлилась, письма и настоянія государя становятся чаще и рѣзче. Такъ въ письмѣ отъ 30-го октября, повидимому подъ вліяніемъ письма Вильсона о медлительности фельдмаршала послѣ сраженія подъ Тарутинымъ, Александръ пишетъ Кутузову собственноручно рѣзкое и холодное письмо. Здѣсь онъ укоряетъ Кутузова, что имъ упущены выгоды, такъ какъ главнокомандующій имѣлъ бы возможность „отрѣзать по крайней мѣрѣ путь тремъ корпусамъ". Вообще со времени отступленія французовъ, императоръ начинаетъ постоянно снабжать Кутузова различнаго рода наставленіями и указаніями. То онъ требуетъ уничтоженія французскихъ мародеровъ въ тылу арміи, то онъ совѣтуетъ организовать изъ плѣнныхъ особый германскій легіонъ и т. п. Особенно настойчиво побуждаетъ онъ фельдмаршала къ преслѣдованію непріятеля. Въ письмѣ отъ 2 декабря онъ требуетъ немедленнаго продолженія преслѣдованія непріятеля „несмотря ни на какія препятствія". Поэтому онъ не находитъ возможнымъ разрѣшить войску отдыхъ въ Вильнѣ, требуя настойчиваго движенія.

Кутузовъ щадилъ войско и частью Наполеона, учитывая русскую будущность. Самолюбіе императора требовало рѣшительныхъ дѣйствій. Мнѣнія раздѣлились, когда войска подошли къ границѣ. „Многіе генералы,—пишетъ въ своихъ запискахъ Чернышевъ,—были согласны съ Кутузовымъ не выходить изъ предѣловъ Россіи, но императоръ велѣлъ немедленно привести армію въ движеніе и, не взирая на изнуреніе войскъ и зиму, идти впередъ". Его поддерживали свитскіе генералы.

Такъ сдѣланъ былъ шагъ, на который при тогдашнихъ обстоятельствахъ далеко не всякій могъ рѣшиться. Извѣстный нашъ историкъ Соловьевъ, говоря о побужденіяхъ, заставившихъ императора продолжать войну за предѣлами Россіи послѣ изгнанія французовъ, говоритъ, что такое рѣшеніе „представляло великій подвигъ, большій, чѣмъ рѣшеніе не прекращать борьбы внутри Россіи, ибо надобно было не усумниться потребовать отъ народа новаго напряженія силъ вмѣсто отдыха послѣ страшнаго погрома, ибо вокругъ, начиная отъ главнокомандующаго, шли толки о необходимости остановиться передъ своею границею. Можно было

разсчитывать на успѣхъ: но его надобно было купить большими жертвами и необыкновенной устойчивостью".

Уже въ Вильнѣ государь взялъ на себя фактическое руководство войною. Фельдмаршалъ продолжалъ именоваться главнокомандующимъ, но, не довѣряя ему, Александръ передъ переходомъ границы назначаетъ начальникомъ штаба всѣхъ армій при генералѣ Кутузовѣ свитскаго генерала, ничѣмъ не выдѣлившаго во время войны, князя М. Волконскаго. А. П. Ермоловъ, хорошо знавшій положеніе вещей, въ своихъ запискахъ пишетъ по этому поводу: „Государю надобенъ былъ человѣкъ, давно къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно, и не легко было замѣнить его другимъ. Съ этого времени отъ самого государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ".

Едва ли нужно подводить итоги сказанному. Александръ I проявилъ энергичную дѣятельность во весь періодъ войны. Это вполнѣ свойственно его характеру. И пріемы этой дѣятельности обрисовываютъ во весь ростъ тотъ своеобразный, не лишенный впрочемъ ума—„византинизмъ", который примѣнялъ императоръ во всѣхъ дѣлахъ. Безспорно, уже только административная и дипломатическая дѣятельность, которую за это время вынесъ императоръ, представляетъ собою весьма не малый трудъ. Но еще болѣе примѣчательно напряженное стремленіе къ руководительству войной, даже отдѣльными мелкими операціями. Не можетъ быть двухъ отвѣтовъ по вопросу о томъ, было ли полезно такое вмѣшательство въ дѣйствія арміи. Неуклонное выполненіе теоретическаго плана на войнѣ не можетъ служить съ пользой для дѣла. Такъ и въ данномъ случаѣ, быстрое отступленіе русскихъ войскъ передъ разрозненнымъ и ослабленнымъ непріятелемъ едва ли вызывалось серьезными соображеніями. Пришлось потомъ дѣло поправлять, соединять обѣ арміи на виду у сильнѣйшаго непріятеля, уже къ тому времени объединившаго свои части. Отступленіе, дѣйствительно необходимое по ходу дѣла, но совершенное внѣ соображеній теоретическаго характера, конечно, имѣло бы меньше печальныхъ послѣдствій. При Кутузовѣ армія освободилась отъ мелочной опеки государя. Ея отступленіе и ея первыя побѣды, всѣ ея движенія приняли теперь болѣе практическій, вызываемый потребностью дѣла характеръ, пока, наконецъ, она снова не поступила въ непосредственное вѣдѣніе государя.

Мы прослѣдили рядъ условій, въ которыхъ велась война, мы слѣдили за тѣмъ неустаннымъ вниманіемъ, съ которымъ императоръ относился къ направленію хода войны. Но для того, чтобы окончательно освѣтить вопросъ, надо еще разсмотрѣть одну сторону его — то, какъ реагировало общественное мнѣніе, что дѣлалось въ тылу арміи среди тѣхъ, которые въ войнѣ теряли своихъ родныхъ.

И въ этомъ случаѣ личная дѣятельность императора отличается замѣчательной энергіей. Когда Александръ удалился изъ дѣйствующей арміи, онъ весь отдался текущей литературной дѣятельности. Надо было воздѣйствовать на общественное мнѣніе, надо было изыскивать средства подкрѣпить армію. Начинается рядъ блестящихъ манифестовъ, написанныхъ услужливымъ перомъ знаменитаго адмирала Шишкова и тщательно, какъ всегда, проредактированныхъ государемъ. Растопчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, въ которомъ государь нашелъ удивительно сознательнаго въ этомъ отношеніи сотрудника, по-своему успокаиваетъ населеніе первопрестольной столицы, то своими знаменитыми „афишками“, написанными получиновничьимъ, полутрактирнымъ языкомъ, то арестами, ссылкой и другими средствами.

Александръ проявляетъ необыкновенно энергичную дѣятельность. Призывы съ высоты престола, оскорбленіе національнаго чувства, нанесенное вторженіемъ непріятеля, возбудили взрывъ національныхъ чувствъ и приливъ пожертвованій. Правда, для новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ, для возбужденія ихъ ревности о спасеніи отечества, иногда требовалось административное воздѣйствіе. Когда московскіе дворяне шли въ Кремль для того, чтобы выслушать манифестъ и принести на алтарь отечества свои доброхотныя даянія, имъ показывали у входа во дворецъ запряженныя кибитки съ приготовленными къ далекой дорогѣ полицейскими офицерами и имъ поясняли, что кибитки приготовлены для „болтуновъ“. Собравшись на призывъ царя, Московское дворянство проявило ревностный патріотизмъ. Впрочемъ, Растопчинъ, который инсценировалъ дворянское рвеніе, въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что дворянинъ, предложившій отъ имени Московскаго дворянства принести крупное пожертвованіе, самъ не имѣлъ въ Московской губерніи помѣстья и потому предлагалъ такую мѣру, которая ему ничего не стоила. Другой горланъ предложилъ Растопчину свой голосъ, намѣреваясь перекричать

другихъ на собраніи, за честь быть приглашеннымъ къ высочайшему столу.

На то самое общество, которое призывалось къ борьбѣ съ врагомъ, первыя же извѣстія объ отступленіи, первые же манифесты государя произвели недоумѣнное, ошеломляющее впечатлѣніе.

Всѣ первыя правительственныя литературныя произведенія съ театра войны старались увѣрить общество въ томъ, что оборонительная война гораздо выгоднѣе войны наступательной— „вообще увѣряли насъ, — пишетъ въ своихъ запискахъ Бакунина,—что планъ постановленный премудръ и Наполеона заведутъ и обманутъ; въ пустынѣ проповѣдывали оптимисты сіи, никого не убѣждали; горесть, негодованіе были во всѣхъ устахъ и на всѣхъ лицахъ“. Въ бюллетеняхъ изъ арміи говорили объ успѣхахъ русскаго оружія, о томъ, что Наполеонъ подвигается медленно, и русское общество было въ совершенномъ недоумѣніи: побиваемый непріятель завоевывалъ страну, забиралъ цѣлыя губерніи, а побѣдители отступали.

Читала публика замысловатыя реляціи Барклая и недоумѣвала: въ реляціяхъ говорилось, напр., что генералъ Коновницынъ и графъ Остерманъ оказали замѣчательное искусство, Коновницынъ отразилъ непріятеля, а ночью отступилъ. Барклай въ реляціяхъ говоритъ о смѣлости движенія Багратіона, отступающаго къ Смоленску: „доселе никому не приходило въ голову отступленіе и стараніе избѣгать непріятеля называть смѣлостью,—говоритъ одна современница,—которая въ иныхъ случаяхъ можетъ называться только благоразуміемъ и во всѣхъ—осторожностью“.

Правительство публиковало, что армія отступаетъ въ поискахъ за крѣпкою позиціею. „Сіи и подобныя предположенія нѣсколько времени насъ тѣшили, сперва онымъ вѣрили, надѣялись, потомъ начали сомнѣваться и, наконецъ, извѣрились совершенно“. Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ князь Вяземскій Тургеневу: „взятіе Смоленска обмануло не одну надежду и самый разсудокъ оставило въ дуракахъ“. Общество уже съ недовѣріемъ и недоумѣніемъ читало витіеватые приказы Барклая, въ которыхъ онъ призывалъ войска храбро сражаться и поражать врага, „а самъ отъ него велитъ бѣжать“. Въ знаменитый день Полтавской побѣды, 27-го іюня, не упустили случая издать приказъ, въ которомъ солдатамъ рекомендовалось слѣдовать примѣру своихъ праотцевъ, тогда какъ въ это самое время потомки славныхъ во-

иновъ усердно отступали. Обѣщанія Барклая отразить непріятеля выводили общество „изъ терпѣнія“. „Горесть, страхъ и отчаяніе овладѣли всѣми; со всѣхъ сторонъ получаемы были страхъ наносящія извѣстія“. Когда раздавалось чтеніе знаменитыхъ манифестовъ съ призывомъ на защиту отечества, то ихъ слушали „съ сокрушеннымъ сердцемъ“, разсказываетъ одинъ современникъ. Даже когда государь былъ въ Москвѣ и когда состоялось знаменитое и много разъ описанное патріотическое собраніе дворянства, „сердца наши, стѣсненныя горестью, озлобленныя, неудобны были чувствовать радости, ни чувствовать восторга. Обычное унылое молчаніе вездѣ царствовало и день сей былъ для всѣхъ мраченъ, подобно и предыдущимъ; по повелѣнію, городъ былъ иллюминованъ“.

Потеря Москвы болѣзненно отозвалась въ различныхъ слояхъ общества. „О Москвѣ и говорить нечего,—писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу. Сердце кровью обливается, и клянусь тебѣ честью, что я еще не привыкаю къ этой мысли. Каждое утро мнѣ кажется, что я впервой еще узнаю объ горестной ея участи“. Правда, онъ готовъ преклонить „голову подъ ударами судьбы“, старается забыть потерю Москвы—„какъ жестокую любовницу, удаляю отъ мысли своей, потому что, ежели она когда на умъ мнѣ придетъ, то уже не скоро отъ нея отдѣлываюсь, и часто съ воспоминаніями о ней провелъ я цѣлыя ночи“. Онъ даже завидуетъ своимъ роднымъ, мирно лежащимъ въ гробахъ, потому что они не чувствуютъ поруганія. Правда, съ другой стороны наблюдательные современники готовы были видѣть въ пожарѣ Москвы источникъ будущей славы и величія: „Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія,—утѣшаетъ Тургеневъ своего корреспондента и продолжаетъ: „Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отомщеніемъ за безполезныя дѣйствія и преступленія южныхъ варваровъ... Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій

отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ". Такое настроеніе съ тѣми или другими варіаціями было довольно обычнымъ. Разбѣжавшееся изъ Москвы населеніе разсказало въ самыхъ отдаленныхъ медвѣжьихъ углахъ объ ужасахъ французскаго нашествія. Все это показалось, какъ „нѣчто страшное, давно небывалое; въ нихъ (дворянахъ) загорѣлась неутолимая, казалось, жажда мести", разсказываетъ Вигель [1]). По его словамъ, всѣ опа-

---

[1]) Вотъ нѣсколько штриховъ той народной ненависти, которая охватила всѣ слои населенія, по описанію Михайловскаго - Данилевскаго, участника и историка этой войны.

Всѣхъ Смольнянъ постигло одинаковое разореніе и одушевила одинаковая любовь къ отечеству: всѣ бѣжали отъ срама непріятельскаго нашествія, или бросились къ оружію на погибель враговъ. Изъ 12-ти уѣздовъ, составляющихъ Смоленскую губернію, 8 были совершенно заняты непріятелемъ, но четыре города уцѣлѣли отъ нашествія: Рославль, Юхновъ, Сычевка и Бѣлой. Въ нихъ дворянскіе предводители, исправники, городничіе, волостные начальники устраивали вооруженную силу, явно и скрытно нападали на непріятеля, убивали мародеровъ и фуражировъ, отстаивали города и селенія. Къ симъ добровольнымъ ополченіямъ присоединились разбѣжавшіеся жители другихъ уѣздовъ, бывшихъ во власти непріятеля, и подвизались вмѣстѣ съ ними. Вооруженіе сдѣлалось общимъ, единодушнымъ. Смоленская губернія, покрытая пепломъ городовъ и селъ, три мѣсяца напоялась кровію непріятельскою и ежедневно оглашалась выстрѣлами.

„Въ Рославлѣ купцы и мѣщане вооружили и содержали на свой счетъ 400 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, избранныхъ изъ своей среды. Въ Бѣломъ и Сычевкѣ составилось добровольное ополченіе. Въ Юхновѣ уѣздный предводитель Храповицкій, имѣвшій трехъ сыновей въ арміи, собралъ вокругъ себя до 2,000 человѣкъ, и изъ числа ихъ сформировалъ нѣсколько десятковъ конныхъ для разъѣздовъ. Подъ его начальство поступили 22 отставные дворянина, бывшіе прежде въ военной службѣ. Храповицкій перешелъ черезъ Угру, сталъ на ея берегу и заслонилъ дорогу изъ Вязьмы въ Калугу. Нѣсколько разъ показывались французы, въ намѣреніи захватить неразоренный еще край, но всегда были отбиваемы... Никто не думалъ повиноваться управленію, учрежденному французами въ Смоленскѣ; предписанія его оставались безъ исполненій и оно было крайне стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣя возможность распоряжаться только въ городахъ и селахъ, гдѣ находились непріятельскія войска. Народное возстаніе разлилось, какъ пламя, по всей губерніи и содѣлало невозможнымъ наполненіе магазиновъ, которые Наполеонъ ве-

сались одного мира съ Наполеономъ и продолженіе войны успокоило общество. Канцеляріи начали пустѣть, всѣ потянулись въ опол-

---

лѣлъ закладывать въ Смоленскѣ. Провіантскіе коммиссары, посылаемые для закупки хлѣба, и команды, отряжаемыя на фуражировки, или гибли подъ ударами православныхъ, или возвращались израненные, избитые, не исполнивъ данныхъ имъ порученій. Наконецъ непріятели вознамѣрились устрашить жителей, употребя кровавыя мѣры. Съ сею цѣлью старались они захватить кого либо изъ помѣщиковъ, начальствовавшихъ вооруженными поселянами и дворовыми людьми. Двое пали ихъ жертвою.

„Московская губ. не уступала Смоленской въ самопожертвованіи. Сначала разметанные въ разныя стороны нахлынувшими на нихъ арміями, крестьяне Московской губ. начали потомъ мало по малу собираться, вооружались вилами, рогатинами, топорами, косами, а впослѣдствіи запаслись ружьями, отбитыми у непріятеля, и не выпускали ихъ изъ рукъ до изгнанія французовъ, бились съ непріятелемъ, или одни, или соединенно съ партизанами... Дьячки и пономари ополчились вмѣстѣ съ крестьянами. Рѣдкій приходъ не ознаменовался какимъ либо подвигомъ. Въ одномъ селѣ нѣсколько крестьянъ отъ испуга, поднесли непріятелю хлѣбъ и соль. Вскорѣ французы были выгнаны. Духовенство отслужило благодарственный молебенъ, и когда встрѣчавшіе непріятеля стали подходить къ кресту, священникъ не допустилъ ихъ къ Распятію, сказавъ имъ: „Вы не Русскіе, вы не наши; вамъ не принадлежитъ торжество наше; поднеся хлѣбъ и соль, вы хотѣли, чтобы французы восторжествовали надъ нами: удалитесь изъ нашего общества“... И въ Смоленской и въ Московской губерніяхъ народная война была ведена одинаковымъ образомъ. Въ селеніяхъ запирали ворота и ставили къ нимъ караулы; у околицъ устраивали шалаши, въ видѣ будокъ, а подлѣ нихъ сошки для пикъ Никому изъ постороннихъ не дозволялось приближаться къ селеніямъ Однажды православные истребили 60 человѣкъ Тептярскаго казачьяго полка, принявъ ихъ за непріятеля, по нечистому произношенію русскаго языка... Военную добычу, мундиры, каски, кивера и ремни жгли, чтобы новыя приходившія шайки мародеровъ не видѣли слѣдовъ погибшихъ товарищей. Иногда крестьяне зарывали плѣнныхъ живыми въ землю и убивали. „Всякое мщеніе противъ нихъ почитали не только позволительнымъ, но законнымъ, угоднымъ небу. Вѣсть о бѣдствіяхъ Москвы дала новую силу, новое ожесточеніе народному движенію“. „Французы жгутъ и грабятъ Москву“, пролетало изъ устъ въ уста, было общимъ кликомъ, и никакія истязанія не казались достаточными противъ злодѣевъ. Зарево Москвы, видѣнное на 130 верстъ, и поруганіе церквей довели ненависть къ французамъ до изступленія. Французы ли жгли Москву, или нѣтъ, разувѣрять было не время: лишь только бы рѣзали французовъ.

„Перевозы запасовъ, снарядовъ, аммуниціи, рекрутовъ, казны, сопровожденіе раненыхъ и плѣнныхъ требовали безпрестано новыхъ усилій, разъѣздовъ, подводъ, отъ чего селенія пустѣли мужчинами. Обязанности ихъ принимали на себя женщины, которыя употреблялись вмѣсто сотскихъ, сторожей, провожатыхъ и для почтовой гоньбы“.

ченіе. Провинціальныя дамы отказались отъ французскаго языка, и русскій языкъ сталъ употребляться въ гостиной. Были и такія, которыя одѣлись въ сарафанъ, надѣли кокошники, повязки; приглядѣвшись, вскорѣ нашли, что нарядъ этотъ не дуренъ, и по окончаніи войны не охотно съ нимъ разставались.

Современный „Вѣстникъ Европы“ въ красивыхъ и искреннихъ словахъ говоритъ о тѣхъ чувствахъ, которыя охватили журналистовъ при видѣ оставляемой Москвы: „Приближеніе непріятеля къ столицѣ показало общее негодованіе—и тогда представилось зрѣлище, котораго нельзя вспомнить безъ слезъ и умиленія. За стѣнами города покрылись поля бѣгущимъ народомъ и скачущими экипажами; дряхлые и бѣдные старцы уносили на рукахъ скудное свое имущество; богатые оставляли сокровища, спасаясь только съ народною честью; отчаянныя матери теряли на пути безпомощныхъ младенецъ“. Но это печальное зрѣлище произвело сильное возбужденіе въ цѣлой націи. Наполеонъ на высотахъ, окружавшихъ Москву, не былъ встрѣченъ депутаціей отъ испуганныхъ жителей; пробудилось горячее чувство любви къ родинѣ и чувство національнаго самолюбія: „Сія великая эпоха была торжествомъ русскихъ добродѣтелей, и если заблужденіе легкомысленнаго мнѣнія измѣнило на часъ подлинный характеръ націи, то усыпленная любовь къ народной чести пробудились съ новымъ блескомъ и новою славою“. Нація ощутила великую горечь отъ потери Москвы; но въ то же время „глубокая ненависть народа призывала проклятія небеснаго мщенія на главу губителя“, въ церквахъ народъ умиленно молился. И вотъ: „Добычею безвинныхъ жертвъ насыщается солдатская ярость; цѣною человѣческой крови оплачивается служба достойныхъ товарищей кровожаждующаго героя. Здѣсь безродныя сироты, безчадные старцы, безутѣшныя семейства скитаются по міру, не имѣя ни крова, ни пропитанія. Тамъ добродѣтельныя дѣвы оплакиваютъ честь и невинность, у нихъ отнятыя. Далѣе вижу мудраго, который въ пристани укрываясь отъ бурь свѣта и превратностей фортуны, спокойно наслаждался благами наукъ, природы и добродѣтели; но и тотъ не устоялъ на мѣстѣ: рука варварская разрушила мирную его хижину и похитила послѣдній плодъ его трудовъ, сей драгоцѣнный залогъ, обезпечивающій независимость мудраго. Чего стоитъ народамъ одинъ шагъ завоевателя!“

Но первые же успѣхи охладили пылъ. Обитатели сожженной Москвы возращались на свое пепелище и съ ненавистью

вспоминали распоряженія Растопчина сжечь городъ. Другіе понимали, что съ удаленіемъ Наполеона, не все можетъ быть исправлено въ государствѣ: „пусть истребимъ мы Наполеона, — писалъ Суворовъ Мордвинову,—но у насъ были и пребудутъ еще злѣйшіе два Наполеона—роскошь и своекорыстіе; наше воспитаніе поверхностное, и никто не мыслитъ вперить намъ римскій духъ и римскую любовь къ отечеству“. Стали подсчитывать убытки, принесенные войной. Разореніе, дѣйствительно, было громадное, размѣры его трудно учесть. Послѣ ухода французовъ въ посѣщенныхъ имъ губерніяхъ сотни тысячъ населенія остались безъ средствъ къ пропитанію и безъ запасовъ для посѣва. Графъ Панинъ въ одной изъ своихъ записокъ считаетъ для Смоленской губерніи число въ 200,000 душъ крестьянъ, оказавшихся безъ хлѣба, чрезвычайно преуменьшеннымъ. Надо помнить, что сверхъ разоренія отъ непріятелей все населеніе понесло большія жертвы поставкой ратниковъ, пожертвованіями деньгами и хлѣбомъ. Такъ, 16 великорусскихъ губерній уже во время войны поставили болѣе 200,000 ратниковъ, что составляло приблизительно по 10 человѣкъ со 100 крестьянскихъ душъ. Ратники выставлялись за счетъ дворянства, т. е. за счетъ тѣхъ же крестьянъ, снаряжались одеждой, оружіемъ, хлѣбными припасами. Подсчетъ всѣхъ пожертвованій трудно сдѣлать. По приблизительной оцѣнкѣ каждая губернія въ среднемъ жертвовала отъ 4 до 6 милліоновъ рублей, что при тогдашнемъ количествѣ населенія, при застоѣ въ области торговли и промышленности представляетъ собою огромную сумму. Правда, южныя губерніи, откуда не брали ратниковъ, жертвовали меньше. Съ другой стороны пожертвованія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній достигали огромной суммы. Такъ, напр., Псковская губернія, задѣтая военными операціями, пожертвовала на армію весь хлѣбъ на поляхъ и до полутора милліона рублей деньгами, овчинами, подводами и т. п.

Впрочемъ, насколько война отразилась на народномъ хозяйствѣ и на государственномъ бюджетѣ, будетъ для насъ виднѣе, когда мы присмотримся къ положенію государства въ этомъ отношеніи въ другомъ мѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ, сказанное достаточно свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ напряженіи, которое испытало государство въ конечномъ результатѣ къ исходу Отечественной войны. При такихъ условіяхъ продолжать войну внѣ предѣловъ Россіи, казалось бы дѣломъ труднымъ. Но мы уже знаемъ, что личныя стремленія

Александра I-го вовлекли его въ дальнѣйшую борьбу съ Наполеономъ. Ни эта война, ни ея исходъ съ дальнѣйшими дипломатическими переговорами не могутъ входить въ нашу задачу. Русскій императоръ всецѣло отдался интересамъ западно-европейскихъ государствъ. Результатъ войны для Россіи былъ незначителенъ, и русскія войска играли роль вспомогательныхъ корпусовъ при устроеніи интересовъ западно-европейскихъ державъ.

Сдѣлавшись освободителемъ Европы, Александръ I мечталъ стать во главѣ ея и въ мирное время. Начинается знаменитая эпоха конгрессовъ. На первомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ государь поддерживалъ точку зрѣнія барона Штейна, заключавшуюся въ томъ, что конгрессъ долженъ опредѣлить внутренніе порядки народовъ великой европейской семьи, положивъ въ основу своихъ работъ принципъ уваженія къ правамъ и интересамъ народа; поэтому союзныя правительства должны предоставить народамъ выгоды представительной системы, чтобы удовлетворить народнымъ желаніямъ. Но эти высокіе принципы на практикѣ замѣнились совсѣмъ инымъ—принципомъ легитимизма. Въ основу его былъ положенъ тотъ старый порядокъ, который господствовалъ въ Европѣ до французской революціи. Въ самомъ дѣлѣ, основныя черты Священнаго Союза заключались въ томъ, что союзныя государства обязуются, какъ въ управленіи государствами, такъ и въ политическихъ соотношеніяхъ руководствоваться евангельскими заповѣдями любви, мира и правды: эти заповѣди долженствуютъ управлять волею царей. Государи соединяются между собой узами неразрывнаго братства и обязуются быть по отношенію къ подданнымъ, какъ отцы семействъ.

На этихъ статьяхъ акта Священнаго Союза отразилось мистическое настроеніе эпохи. Неопредѣленное требованіе его ничѣмъ не обязывало государя, но за то предрекало народу укрѣпленіе абсолютнаго режима.

Но если для русской исторіи самый ходъ политики Священнаго Союза не имѣетъ значенія, то нельзя не признать, что результаты ея оставили глубокій слѣдъ въ исторіи Европейской политической системы. Прежде всего, роль, занятая Россіей въ Европѣ, въ качествѣ руководителя реакціоннаго союза, который въ рукахъ западно-европейскихъ правительствъ сталъ служить орудіемъ для подавленія либеральныхъ идей,—все это сдѣлало Россію ненавистной въ глазахъ западно-европейскихъ народовъ. Россія сдѣлалась жандармомъ Западной Европы, посылая свои

войска всюду, гдѣ проявлялись стремленія къ свободѣ. Россія поддерживала абсолютизмъ западно-европейскихъ правительствъ, а между тѣмъ эти самыя правительства должны были въ силу обстоятельствъ пойти на уступки народнымъ стремленіямъ; такъ или иначе, но настроеніе общества стало вліять на международныя отношенія, и западно-европейское общество стало ненавидѣть Россію за поддержку реакціонныхъ мѣръ. Россію не только ненавидѣли, но ей и не довѣряли, потому что безкорыстная политика русскаго императора была непонятна ни для народовъ, ни для ихъ правительствъ. Съ внѣшней стороны императоръ могъ считать себя руководителемъ союзныхъ государствъ, но отдавшись вліянію иностранцевъ, онъ безсознательно дѣлалъ то, чего отъ него хотѣли прусскіе или австрійскіе дипломаты. Фактическимъ руководителемъ союза и самого государя сдѣлался извѣстный Меттернихъ. Союзныя правительства не довѣряли Александру, тяготились его гегемоніей и противъ него же составляли трактаты и коалиціи. Политика Священнаго Союза принесла свои плоды тѣмъ еще, что она къ невыгодѣ Россіи произвела группировку западно-европейскихъ государствъ. Пруссія была усилена и, можно сказать, тогда же была предопредѣлена послѣдующая ея роль въ Европѣ—именно роль представителя всей Германіи и роль государства, которое благодаря своему центральному положенію займетъ доминирующее значеніе въ Европѣ. Австрія была окончательно вычеркнута изъ состава нѣмецкихъ государствъ. Это обстоятельство опредѣлило ея движеніе на Востокъ, она сдѣлалась славянскимъ государствомъ, остановивъ движеніе Россіи на Балканы, сдѣлавшись мощнымъ конкурентомъ здѣсь великой славянской націи. Такимъ образомъ, результаты дипломатической политики цѣлаго періода для Россіи не носили положительнаго характера. Правда, къ Россіи была присоеденена Финляндія и Польша, но выгоды отъ самой формы присоединенія, оттого что русскій императоръ сдѣлался великимъ княземъ финляндскимъ и царемъ польскимъ, можно отнести къ отрицательнымъ результатамъ политики: были присоединены народы, относительно которыхъ тогда уже можно было предвидѣть, что они не могутъ слиться съ русскимъ народомъ и не смогутъ примириться съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ: Польшу впослѣдствіи дважды должны были завоевывать вновь русскія войска.

ГЛАВА IX.

Эпоха реакціи. Публицистика.

Война 1812 года произвела огромное впечатлѣніе на русское общество. Война повліяла на умы какъ низшихъ, такъ и образованныхъ классовъ общества. Но впечатлѣніе, вынесенное изъ войны различными слоями его, было далеко не одинаково. Для сѣрой крестьянской массы въ образѣ Наполеона явился самъ дьяволъ, и эта масса охотно вѣрила воззваніямъ Синода, представлявшимъ дѣло именно въ такомъ видѣ. Ожесточеніе крестьянъ по отношенію къ французамъ было въ высшей степени значительно. Разрушеніе жилищъ, необходимость бѣгства, невзгоды, принесенныя войной,—все это сильно отразилось на настроеніи крестьянской массы. Но съ другой стороны въ крестьянскую среду проникаютъ и какіе то темные слухи о вольности, крестьянинъ какъ бы нѣсколько выросъ въ собственномъ самосознаніи. Впослѣдствіи помѣщики приписывали это настроеніе среди крестьянъ французскимъ воззваніямъ, но оно могло имѣть и иной источникъ: оно могло быть и результатомъ того національнаго подъема, который вызвали въ массѣ событія. Для образованной части общества, вообще говоря для дворянства, въ лицѣ Наполеона явился представитель революціи, низвергающій алтари и престолы. Эта часть общества, проникшись реакціонными идеями, составила оплотъ для реакціоннаго же правительства. Впрочемъ, болѣе образованные элементы общества изъ тѣхъ же Наполеоновскихъ войнъ вывели и иныя заключенія: неподдавшись реакціонному направленію, эта часть общества изъ знакомства съ Западомъ вынесла указаніе на необходимость перемѣнъ въ соціальномъ и политическомъ строѣ Россіи. Изъ среды этой либерально настроенной части общества вышли декабристы. Такимъ образомъ, во вторую половину царствованія императора Александра I можно наблюдать два крупныя теченія, развивавшіяся параллельно въ русскомъ обществѣ — реакціонное и либеральное. Оба

теченія имѣли связь, какъ съ западно-европейскими направленіями того времени, такъ съ другой стороны онѣ не были чисто наносными явленіями, имѣя подготовку на русской почвѣ.

Прежде всего необходимо познакомиться съ реакціоннымъ теченіемъ въ обществѣ, на которое съ такимъ удобствомъ опиралась реакціонная политика правительства.

На русской почвѣ реакція имѣла своихъ представителей гораздо ранѣе, чѣмъ она стала сказываться на Западѣ. Конецъ XVIII и начало XIX в. ознаменовались у насъ оживленіемъ французскаго вліянія. Это вліяніе стало сказываться, какъ въ положительной его формѣ, въ видѣ знакомства съ французской наукой, такъ и въ отрицательной. Въ началѣ вѣка въ гостепріимную Россію стекается множество эмигрантовъ, изгнанныхъ или бѣжавшихъ изъ своего отечества. Среди такихъ бѣглецовъ бывали люди ученые и послѣдователи философскихъ идей, вродѣ Фесслера, преподававшаго въ Петербургской Духовной Академіи еврейскій языкъ и церковныя древности; среди невольныхъ пришельцевъ встрѣчается рядъ видныхъ профессоровъ, вродѣ Буле, Паррота, Шада и другихъ. Но съ другой стороны въ Россію бѣжали и представители самой мрачной реакціи въ области политики и реакціонеры въ области религіи; іезуиты, выгнанные отовсюду, свили себѣ прочное гнѣздо въ Петербургѣ. Такъ, за видными иностранцами потянулась масса людей самаго подозрительнаго происхожденія. Эти сомнительные люди находили почти исключительно приложеніе своей дѣятельности въ воспитаніи русскаго юношества. Все проникалось иностраннымъ вліяніемъ, почти исключительно французскимъ. Французскій языкъ съ дѣтства употреблялся чаще русскаго. Князь П. А. Вяземскій говоритъ о своемъ отцѣ, что когда ему приходилось говорить по-русски, то онъ думалъ по-французски. Въ театрѣ господствовали французскія пьесы, въ библіотекѣ—французскія книги, костюмы, прически дамъ и мужчинъ—все было французское, частью полученное непосредственно изъ Парижа, или по крайней мѣрѣ, было подражаніе французскому. Въ раннее время этого французскаго нашествія въ 70 и послѣдующіе годы XVIII вѣка, французскіе эмигранты привносили въ область религіи—вольтерьянство, атеизмъ; позже, въ началѣ XIX вѣка, когда сталъ замѣчаться поворотъ на Западѣ, они распространяли католицизмъ въ области религіи, а въ области политической мысли они являлись представителями и поклонниками Франціи Бурбоновъ и приносили ненависть къ На-

полеону. Нашъ либерализмъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изъ монархической Франціи, великолѣпно уживался со вздохами о королевской Франціи. Получалась довольно оригинальная картина: русскіе перенимали лоскъ и вѣру или безвѣріе королевской Франціи, ненависть къ революціонной Франціи и костюмы французскаго мѣщанства, выросшаго и усилившагося во время революціи. Такъ русскіе знали старую Францію, Францію Бурбоновъ, бѣлаго знамени, лиліи, аббатовъ, изящныхъ трагиковъ, свободныхъ мыслителей, которые выдвигали господство разума, но не ставили конкретныхъ указаній о томъ, какъ должно быть въ деталяхъ устроено государство. Но Франція солдатъ, портныхъ и сапожниковъ сразу потеряла свое обаяніе въ глазахъ русскаго дворянства.

Отсюда въ его средѣ начинаетъ развиваться самое рѣзкое отношеніе ко всему французскому. Литература не замедлила отразить на себѣ это отрицательное настроеніе дворянства къ французскому вліянію. „Пріѣдетъ французъ съ висѣлицы“,—говоритъ Растопчинъ,—„всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается“.—Даже образованные эмигранты не разъ указывали на сомнительное происхожденіе всѣхъ этихъ виконтовъ и маркизовъ. „Перебѣжчики эти,—писалъ графъ Де-Местръ графу Разумовскому,—приносятъ сюда одну наглость и порокъ. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ или религіозныхъ, они смѣются надъ тѣми непрозорливыми русскими, которые поручаютъ имъ то, что есть дорогого у нихъ на свѣтѣ, т. е. своихъ дѣтей“. Дѣйствительно, тогдашній русскій баринъ не могъ долго удержать при себѣ лакея француза, ибо послѣдній вскорѣ находилъ себѣ мѣсто гувернера. На Кузнецкомъ мосту, или въ одномъ изъ трактировъ въ Охотномъ Ряду всегда можно было встрѣтить толпу этихъ выходцевъ, поджидавшихъ нанимателя. Въ тогдашнихъ газетахъ встрѣчаются любопытныя объявленія, вродѣ слѣдующаго: „Егерь изъ Германіи желаетъ опредѣлиться егеремъ или въ гувернеры. Спросить на Моросейкѣ“ и т. п. Даже тогдашнее правительство считало своимъ долгомъ предупреждать русское дворянство о томъ, какъ вредно для государства привлеченіе для воспитанія дѣтей разныхъ сомнительныхъ элементовъ. Въ докладѣ министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго отъ 25 мая 1811 года между прочимъ говорилось, что „дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью за-

нятыхъ, презирающихъ все неиностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній...Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко въ ономъ внѣдрившееся". Журналистика забила тревогу. Такъ, „Сынъ Отечества" возстаетъ противъ парижскихъ судомоекъ, которыя становятся въ Россіи наставницами молодыхъ благородныхъ дѣвицъ; журналъ огорченъ тѣмъ, что „французская горничная-дѣвка" вдругъ возводится „въ почтенное достоинство наставницы". Какъ раньше все французское казалось заслуживающимъ подражанія, такъ теперь все подвергается безпощадному осмѣянію: „Нынѣшнее слово „французъ" есть синонимъ чудовищу, извергу, варвару", говоритъ тотъ же журналъ. „Другъ Просвѣщенія" возмущается тѣмъ, что „слишкомъ распространилась мода отдавать дѣтей въ воспитаніе иноземцамъ; раньше этого не было; родители не ввѣряли образованіе сердецъ и нравовъ своихъ дѣтей наемному негодяю, ненавидящему законъ и народъ нашъ; не смѣлъ тогда развратный французъ бранить и унижать Россіянъ; а еще меньше дерзалъ онъ вперять въ незрѣлые умы пренебреженіе къ родителямъ и къ отечеству". „Вѣстникъ Европы" по одному поводу съ злорадствомъ разсказываетъ о томъ, какъ поссорились два француза гувернера двухъ русскихъ баръ и выдали тайну о томъ, почему они бѣжали съ родины: одинъ оказался клейменымъ преступникомъ, бѣжавшимъ изъ Парижа, а другой—его же палачемъ.

Эта туча выходцевъ не мало содѣйствовала подготовленію русскаго общества къ реакціи. Съ одной стороны отрицательные элементы ея возбуждали общество не только противъ гувернеровъ изъ егерей и судомоекъ, но и противъ всего французскаго, противъ просвѣщенія, западно-европейскихъ политическихъ идей, противъ всего того, что было связано съ Западомъ, такъ какъ они служили нагляднымъ показателемъ вреда западно-европейскаго просвѣщенія; съ другой стороны эти выходцы, даже изъ числа лучшихъ, эти поклонники монархической Франціи, бѣжавшіе отъ правительства распублики или Наполеоновскаго, были яростными проповѣдниками борьбы со всѣмъ тѣмъ, что было связано съ именемъ Наполеона, и борьбы противъ того, что вызвало Наполеоновскій режимъ, т. е. борьбы противъ источниковъ революціоннаго движенія—вѣры въ высоту человѣческаго разума и вѣры въ блага, приносимыя свободными учрежденіями страны.

Такъ, въ развитіи критическаго отношенія ко всему европейскому и въ подъемѣ русскаго національнаго чувства большую роль сыграли сами же представители западно-европейскаго общества. Въ русскомъ обществѣ реакція имѣла тѣ же направленія, что и въ западно-европейскомъ. Европейская реакція охватывала не только правительственныя сферы, она далеко зашла въ глубь общества; рядъ философовъ, публицистовъ посвятили ей свои силы. Либеральная мысль съ трудомъ пробивалась и вела отчаянную борьбу съ реакціей. Для Россіи, для русскаго общества, двѣнадцатый годъ сыгралъ такую же роль, какъ и въ остальной Европѣ, можетъ быть, даже болѣе значительную. Изъ войны двѣнадцатаго года русское общество вышло съ весьма приподнявшимся національнымъ самосознаніемъ. Оно сдѣлало изъ этой войны и изъ послѣдовавшаго за нею непосредственнаго знакомства съ Западной Европой двоякаго рода выводы. Часть общества, и при томъ болѣе многочисленная, увидѣла въ Наполеонѣ, въ „мошенникѣ Буанопартѣ“ того самого духа зла, котораго создала европейская революція. Эта часть общества вступила въ борьбу съ проявленіями революціоннаго духа, оказавъ такимъ образомъ существенную поддержку правительству. Но, куда бы ни склонились идеалы русскаго общества, можно замѣтить въ немъ одну основную черту—подъемъ національнаго самосознанія. Разумѣется, идеалъ народности у реакціонеровъ и либераловъ былъ не одинаковъ. Реакціонеры были довольны прошлымъ и настоящимъ и стремились лишь къ изгнанію революціоннаго духа. Люди либеральнаго направленія, относясь съ уваженіемъ къ русскому прошлому, понимали недостатки настоящаго, съ ненавистью относились къ установившемуся порядку вещей и мечтали о такомъ будущемъ, которое позволило бы и въ Россіи ввести либеральныя учрежденія запада.

Таково было, въ общихъ чертахъ, настроеніе русскаго правительства и общества въ данный періодъ. Остановимся на болѣе детальной характеристикѣ реакціоннаго направленія.

Реакція въ области политической мысли медленно входила въ сознаніе русскаго общества еще до 1812 года. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, она прежде всего оперлась на національное русское прошлое и въ образахъ его искала подтвержденія для исповѣдуемыхъ ею идей настоящаго. Первое проявленіе эти реакціонныя начала получили въ журнальной дѣятельности извѣстнаго издателя „Русскаго Вѣстника“ С. Н. Глинки.

Дѣятельность С. Н. Глинки выгодно отличается отъ современнаго ему патріотическаго реакціоннаго направленія двумя существенными чертами: во-первыхъ, нельзя сомнѣваться въ искренности его патріотизма. Ничто не побуждало Глинку, кромѣ личнаго порыва, личнаго рвенія,—скажемъ,—своеобразнаго призванія, къ выступленію на томъ поприщѣ дѣятельности, которое онъ избралъ; это выступленіе не было слѣдствіемъ вынужденной бездѣятельности удаленнаго отъ службы сановника, оно не сопровождалось надеждами получить должную награду за свой патріотизмъ. Проникнутый идеалами русской старины, Глинка ни у кого ничего не искалъ, ничего не просилъ. Онъ даже началъ проявлять свой патріотизмъ слишкомъ рано, когда опытные люди, напр. Растопчинъ, совѣтовали пылкому публицисту осторожность въ патріотическихъ сужденіяхъ. Это была эпоха франко-русской дружбы. Первоначально, дѣйствительно, Глинка даже подвергался непріятностямъ за свой патріотизмъ. Совсѣмъ въ противовѣсъ обычаямъ времени, Глинка не довелъ до свѣдѣнія двора о своихъ патріотическихъ начинаніяхъ, и императоръ Александръ I узналъ о его журналѣ изъ доклада французскаго посла Коленкура, обратившаго вниманіе императора на вредную для русско-французскаго союза публицистическую дѣятельность Глинки. И всю жизнь Глинка оставался вольнымъ литераторомъ, маленькимъ отставнымъ офицеромъ, жившимъ исключительно своими литературными трудами, ничего не имѣя, — буквально ни одной крѣпостной души. Онъ не пожелалъ быть владѣльцемъ душъ даже тогда, когда его другъ Каринъ подарилъ ему однажды свою Калужскую деревню. Глинка изорвалъ дарственную запись, сказавъ: „Не возьму; я никогда не буду имѣть человѣка, какъ собственность, и при томъ не понимаю сельскаго быта“. Такимъ безкорыстіемъ и презрѣніемъ къ матеріальнымъ выгодамъ Глинка отличался всю жизнь. Только впослѣдствіи, въ 1812 году, правительство отличило его патріотизмъ пожалованіемъ маленькаго ордена. Глинка самъ наполнялъ весь журналъ собственными статьями, имѣя весьма мало единомышленниковъ и разссорившись съ высокими своими покровителями, графомъ Растопчинымъ и княгиней Дашковой, которые хотѣли облагодѣтельствовать журналъ статьями, преслѣдовавшими чисто личный интересъ.

Другой особенностью публицистической дѣятельности Глинки было то, что его реакціонность не заходила слишкомъ далеко, не имѣла цѣли ниспроверженія всѣхъ тѣхъ благъ культуры, ко-

торыя общество пріобрѣло къ этому времени. Онъ не несъ знамя борьбы съ просвѣщеніемъ, не занимался доносами на „либералистовъ“. Однимъ словомъ, это былъ чистый, съ точки зрѣнія моральной, патріотизмъ, не подсказывавшій полиціи, кого изъ противниковъ надо посадить въ тюрьму, кого сослать. Увлеченіе Глинки невольно и теперь, какъ и среди современниковъ, вызываетъ ироническую улыбку читателя, но намѣренія его остаются внѣ подозрѣній.

Біографія Глинки и происшедшая въ его міровоззрѣніи метаморфоза—прекрасный образчикъ того мощнаго вліянія, которое событія того времени имѣли на умы современниковъ. Глинка—бѣдный смоленскій дворянинъ,—получилъ обычное въ то время образованіе въ Сухопутномъ Корпусѣ, куда онъ случайно попалъ, благодаря милости „матушки“ Екатерины; онъ вышелъ изъ корпуса, какъ и всѣ люди того времени, съ обрывками познаній о Западной Европѣ, преимущественно французской, и при полномъ незнакомствѣ съ русскимъ прошлымъ и русской дѣйствительностью. „До политики не касайся—это не твое дѣло, наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать, да веселиться“—такъ напутствовалъ молодого Глинку его благодѣтель извѣстный екатерининскій вельможа Л. А. Нарышкинъ. Съ этимъ наставленіемъ и бѣднымъ багажемъ изъ области литературы, исторіи и съ отрывочными свѣдѣніями о современныхъ французскихъ бурныхъ событіяхъ началъ свою карьеру будущій публицистъ. Онъ рано бросаетъ службу, превращается въ литератора—„съ довѣренностію и безусловной надеждой на Провидѣніе“. Пишетъ онъ сначала разныя пьесы преимущественно драматическаго характера на историческія темы, но безъ знанія исторіи. Пьесы эти совсѣмъ безцвѣтны и не могли создать автору ихъ литературной славы.

Но вдругъ въ Глинкѣ происходитъ переворотъ. Призывъ царскаго манифеста въ ополченіе 1806 года, появившіяся почти одновременно реакціонно-патріотическія брошюры Растопчина въ сильнѣйшей мѣрѣ повліяли на оформленіе воззрѣній Глинки. Онъ уходитъ въ ополченіе, хотя войны ему не пришлось увидѣть вслѣдствіе заключенія Тильзитскаго мира. Но теперь въ немъ произошло перерожденіе души „въ бытъ отечественный, въ бытъ русской“. Онъ вдругъ открылъ особое свойство русской души и „коренной образъ мыслей русскаго народа“. Случайно онъ у сычевскаго городничаго узналъ о существованіи

Несторовой лѣтописи, сталъ интересоваться русской древностью. Сама Москва въ его глазахъ пріобрѣла особое значеніе: „На каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ представляется мнѣ новый миръ, вызываемый воображеніемъ имъ прошедшаго. Словомъ, Москва явилась мнѣ въ своемъ подлинномъ видѣ, т. е. завѣтною живою лѣтописью земли Русской. Я спѣшилъ ознакомиться съ каждымъ ея памятникомъ, и каждый день для меня былъ новымъ открытіемъ, новымъ пріобрѣтеніемъ. Въ этомъ расположеніи духа задумалъ я издавать „Русскій Вѣстникъ“.

Все это привело Глинку къ мысли объ изданіи журнала, посвященнаго исключительно охватившимъ его теперь мыслямъ и чувствамъ. Нашелся издатель, и первое же объявленіе Глинки о новомъ журналѣ привело читающую публику въ недоумѣніе, вызвало разговоры въ обществѣ о томъ „русскомъ духѣ“, который намѣревался проповѣдывать журналистъ. Въ самомъ дѣлѣ, новый журналъ обѣщалъ сообщать читателямъ только то, что „непосредственно относится къ русскимъ“, что „можетъ услаждать сердца русскія“. Въ журналѣ предполагалось помѣщать статьи о „древнихъ временахъ Россіи“ и журналистъ объяснялъ при этомъ: „бесѣда съ праотцами, бесѣда съ героями и друзьями отечества питаетъ душу, и, сближая прошедшее съ настоящимъ, умножаетъ бытіе наше. Настоящее объясняется прошедшимъ, будущее—настоящимъ“. Редакторъ предполагалъ указать читателямъ на особый источникъ добродѣтелей—добродѣтели и нравы праотцевъ: въ этихъ добродѣтеляхъ заключается „особое воспитаніе“.

На страницахъ новаго журнала замелькали имена россійскихъ Мининыхъ, Пожарскихъ, Матвѣевыхъ, царей и великихъ князей и пространное дѣтски-наивное изображеніе древнихъ россійскихъ добродѣтелей. Съ пыломъ неофита, при совершенномъ убожествѣ познаній по части русской и всеобщей исторіи, сталъ Глинка описывать добродѣтели своихъ героевъ. Всѣ добродѣтели и доблести всего міра, въ его прошломъ и настоящемъ, были свойственны русскимъ предкамъ, которымъ во всемъ должны подражать ихъ потомки. На лицахъ русскихъ царей сіяли „добродѣтели Марка Аврелія“. Добродѣтели русскихъ богатырей, описанныя въ былинахъ, по словамъ Глинки, составлялись, напр., изъ слѣдующихъ качествъ: ненарушимости даннаго слова, смѣлости и неустрашимости духа, богобоязненности, скромности,

простоты нравовъ, усердія къ службѣ государевой. Кормчая книга представляется Глинкѣ „хранилищемъ божественныхъ и нравственныхъ преданій“, въ ней „заключается все то, на чемъ зиждется истинное благо каждаго человѣка и цѣлыхъ обществъ“. Бояринъ Матвѣевъ у Глинки разсуждаетъ о душѣ словами Локка и Кондильяка. Въ Московской Руси добродѣтели такъ высоко стояли, что Русь была просвѣщенной и до Петра Великаго. Глинка усиленно пытается доказать высокую степень просвѣщенія именно въ до-Петровскій періодъ. Это просвѣщеніе было особаго рода—связанное со страхомъ божіимъ и простотой нравовъ. Даже еще во времена Рюрика Россія была наиболѣе просвѣщенной въ Европѣ страной въ нравственномъ и политическомъ отношеніи; и позже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Русь не уступала никакимъ другимъ странамъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, въ законодательствѣ, въ чистотѣ нравовъ, въ жизни семейственной, въ благоденствѣ народа, который чтилъ праотеческій обычай, отечество, Бога и царя. „Возрастая въ страхѣ Божіемъ и простотѣ нравовъ,—говоритъ Глинка,—предки наши заимствовали всѣ понятія свои отъ наставленія отцовскаго и изъ духовныхъ книгъ. Они не спорили о какомъ то первобытномъ природномъ состояніи, о безпредѣльномъ усовершенствованіи ума человѣческаго, но старались исполнять обязанности человѣка, гражданина и христіанина“.

Отсюда и идеоломъ для настоящаго, извлеченнымъ изъ русскаго прошлаго, является подражаніе предкамъ нашимъ, ихъ праотеческимъ обычаямъ, почитаніе Бога и царя, любовь къ родинѣ.

„Русскій Вѣстникъ“ имѣлъ читателей и почитателей. Самъ Глинка съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ о тѣхъ оваціяхъ, которыя ему устроили студенты Московскаго Университета. Безспорно, въ замѣчательную годину 1812 года популярность Глинки возрастаетъ: онъ говорилъ читателю, какъ разъ то, что большинству было дорого. Но журналъ Глинки, кромѣ этого періода, не могъ имѣть широкаго распространеія. Преисполненный напыщенныхъ фразъ о русскомъ народѣ и его добродѣтеляхъ, журналъ по существу преслѣдовалъ узкіе дворянскіе интересы. Онъ пришелся по вкусу небольшому кружку фрондирующихъ вельможъ, жившихъ въ Москвѣ не у дѣлъ и ежедневно собиравшихся въ англійскомъ клубѣ для того, чтобы тамъ въ кругу

превосходительныхъ друзей высказывать свое порицаніе всему новому въ идейномъ отношеніи и свое неодобреніе правительственному курсу, каковъ бы онъ ни былъ. Отставные старички, которыхъ тогда много было въ Москвѣ, съ особенной охотой читали мысли Глинки. Но, когда идеологія Глинки перешла въ правящіе верхи, когда увеличилось число стариковъ, снова призванныхъ на службу въ Петербургъ, Глинка остался со своимъ журналомъ безъ читателей.

Изъ среды реакціонеровъ появились люди болѣе талантливые, чѣмъ простодушный Глинка, его вопли о старинѣ сдѣлались скучными, журналъ не возбуждалъ прежняго восторга. „Вызовы Минина, Пожарскаго и другихъ сторожиловъ лѣтописи,—съ грустной откровенностью признается самъ издатель,—утомляли слухъ. Духъ времени требовалъ освѣженія словесности“. Но на это Глинка не былъ способенъ. Его мѣсто заняли другіе.

Эти другіе ввели новый элементъ рѣзкой борьбы съ просвѣщеніемъ, съ Наполеономъ и Франціей. Длинной чередой выступаютъ реакціонные журналисты. Любопытную особенность тогдашней журналистики представляетъ собою „Сынъ Отечества“ Греча, начавшій выходить 1812 года. Воинственно-патріотическій тонъ его объясняется моментомъ появленія журнала: онъ посвящаетъ свои силы борьбѣ съ Наполеономъ и со всѣмъ тѣмъ, что тогда связывалось съ именемъ великаго завоевателя. „Въ то время,—говорится уже въ первомъ номерѣ журнала,—когда злобный разрушитель царствъ и престоловъ занесъ дерзкую ногу въ предѣлы благословенной земли Русской и тлетворнымъ дыханіемъ своимъ распространяетъ повсюду ужасъ, боязнь и недоумѣніе, каждый россіянинъ долженъ употреблять всѣ силы и способы свои для вящаго одобренія мужественныхъ, для возстановленія малодушныхъ, для изобличенія безстыднаго хищника во лжахъ и кощунствахъ его“. Противъ Наполеона печатались филиппики въ такомъ родѣ: „Предчувствуй безсмертіе, тебя достойное! Предчувствуй, какъ и когда потомки будутъ клясться твоимъ именемъ. Ты возсѣдаешь на престолѣ своемъ среди блеска и пламени, какъ сатана въ средоточіи ада, препоясанъ смертью, опустошеніемъ, яростью и пламенемъ“.

Или въ другомъ мѣстѣ тотъ же журналъ обращается къ Наполеону съ такою рѣчью: „трепещи, трепещи и блѣднѣй, да сокрушится желѣзное сердце твое, да изнеможетъ ужасная твоя

душа. Трепещи, возстаютъ отъ гробовъ древнія, почившія фуріи, приближаются къ тебѣ стопами медленными; озираются грозными, дальновидными очами своими страшныя богини ада, мстительницы и карательницы всякаго злаго дѣла, всякаго мрачнаго преступленія, возстаютъ устрашаютъ, преслѣдуютъ, смущаютъ тебя, доколѣ не погибнешь, доколѣ не исчезнешь съ лица земли". Съ точки зрѣнія этого журнала,—Наполенъ не болѣе какъ „гнусный тиранъ и убійца", его войска—„разбойники".

Этотъ журналъ высказывается не только противъ Франціи и Наполеона. Онъ проникнутъ глубоко реакціоннымъ направленіемъ. Онъ борется противъ мудрованія философіи, которое прилично „только высокомѣрнымъ безумцамъ, основавшимъ оное на зыбкихъ пескахъ людского мнѣнія"; эта философія представляетъ собой" развратныя правила, сей ядъ душевный", который заключается въ книгѣ и въ школьномъ обученіи. Особенно вредоноснымъ орудіемъ является свобода книгопечатанія. Онъ говоритъ, что, пока не было свободы печати во Франціи, она произвела великихъ писателей, поэтовъ, но въ періодъ свободы книгопечатанія начался вѣкъ просвѣщенія, который „покрылъ вселенную мракомъ ложной философіи, въ которомъ Вольтеры, Руссо, Монтескье, Дидероты, блистали на подобіе всепожирающихъ молній". Французская революція подобна звѣринцу, въ которомъ спущены кровожадные звѣри.

„Вѣстникъ Европы", державшійся въ этотъ періодъ довольно спокойно и тотъ помѣщаетъ статью, переведенную изъ Шатобріана „Изображеніе Бонапарта", которая наполнена рѣзкой характеристикой императора французовъ: „Къ тебѣ, сынъ злополучія, обращаемся нынѣ съ тою же рѣчью и тѣмъ же допросомъ. Отвѣчай. Гдѣ Франція блестящая и торжествующая? Гдѣ наши сокровища, милліоны Италіи и всей Европы"? Перечисливъ цѣлый рядъ преступленій бывшаго императора французовъ, авторъ злорадствуетъ по поводу его несчастья и заявляетъ, что весь родъ человѣческій именемъ вѣры, свободы и добродѣтели требуетъ мщенія.

Вліяніе перелома, реакціоннаго поворота, созданное въ русскомъ обществѣ эпохой великой борьбы съ Франціей, отразилъ на себѣ и этотъ спокойный журналъ. „Герой вѣка" имѣлъ смѣлость приступить къ стѣнамъ русской столицы. Но что онъ могъ принести русскому народу? Вѣдь этотъ народъ отличался „жиз-

нію, достоинствомъ свободой человѣка наслаждались мы въ полной мѣрѣ, дозволенной свойствомъ вещей и порядкомъ общества. Свобода говорить, свобода писать, обезпеченіе собственности и правъ гражданина, залогъ общей безопасности въ основаніяхъ древней монархіи, освященной любовію народа, терпимость мнѣній касательныхъ до вѣры и независимость во всѣхъ родахъ жизни приносили намъ благосостояніе неоспоримое". Отсюда съ точки зрѣнія журналиста вполнѣ понятно, что русскіе не могли желать власти французовъ и Наполеонъ, внося завоеваніе, не могъ на это разсчитывать.

Борьба съ Наполеономъ одно время поддерживалась даже каррикатурами. Такъ, въ свое время были извѣстны такъ называемыя теребеневскія каррикатуры, по имени художника ихъ исполнявшаго. Онѣ отличались грубой посредственностью: все ихъ немудреное содержаніе заключалось въ грубой насмѣшкѣ надъ побѣжденнымъ врагомъ, онѣ стремились возбудить къ нему ненависть въ народѣ. Въ одномъ изъ народныхъ листковъ Наполеону приписывается, напр., цѣлый рядъ непріятныхъ внѣшнихъ чертъ: лицо у него скуловатое, мрачное, съ навислымъ лбомъ, съ коварно-злобнымъ огнемъ въ глазахъ, съ длинно-покляпымъ носомъ, съ вѣчно мертвой улыбкой и тому подобнымъ; таковъ портретъ Наполеона.

Особеннымъ вниманіемъ у реакціонныхъ журналистовъ пользовались вопросы воспитанія. Еще авторъ книги „Доказательство тому, что умъ безъ разума бѣда", вышедшей въ 1806 году, уже посвящаетъ цѣлую главу „о лучшемъ средствѣ воспрепятствовать уму быть бѣдой для человѣка". Въ этой главѣ онъ хвалитъ мудрую цензуру и требуетъ установленія ея, очевидно усиленія, по отношенію къ книгамъ, издающимся для школы. Проэктируя новый особый типъ школы, авторъ между прочимъ совѣтуетъ пересмотрѣть всѣ „мнимыя знанія" и оставить только тѣ изъ нихъ, которыя окажутся „истинными знаніями". Отъ многихъ книгъ, наполненныхъ пустословіемъ да старыми и новыми заблужденіями, происходитъ „разное несчастное слѣдствіе, а паче безбожіе и гражданское беззаконіе". Поэтому новая россійская школа должна быть избавлена между прочимъ отъ „оковъ подражанія". Но этотъ авторъ сравнительно мягокъ еще въ своихъ требованіяхъ и воззрѣніяхъ. Многіе журналы, выходившіе послѣ войны, рѣзче призывали на борьбу съ просвѣщеніемъ. Таковъ,

напр. „Демокритъ“ (1815 г.); его задача—борьба съ либеральными идеями и съ источникомъ ихъ. По мнѣнію „Демокрита“, лучшее воспитаніе это то, въ которомъ ни одинъ университетъ не принималъ участія: для образованія достаточно „всещедрой“ природы. Для образованнаго человѣка достаточны „врожденная тихость и умѣренность въ желаніяхъ“, отсутствіе „мечтательнаго умствованія“.

Невзоровъ, вышедшій изъ мистической школы Лопухина, издаетъ журналъ подъ названіемъ „Другъ Юношества“. Журналъ издавался подъ ближайшимъ покровительствомъ попечителя Московскаго учебнаго округа Муравьева и былъ посвященъ педагогическимъ вопросамъ. Невзоровъ былъ человѣкъ обширнаго образованія. Но въ его педагогическихъ взглядахъ преобладала боязнь новой философіи и западно-европейскаго образованія. Онъ недоволенъ развитіемъ въ университетахъ преподаванія классическихъ литературъ и совѣтуетъ замѣнить ихъ изученіемъ псалмовъ Давида; онъ совѣтуетъ съ большой осторожностью обращаться къ западно-европейской наукѣ, предпочитая подражаніе простодушію предковъ. Тотъ же Невзоровъ въ 1813 году берется за продолженіе изданія другого журнала, подъ названіемъ „Политическій Журналъ“, издававшійся уже отъ Университета, и наполняетъ его статьями противъ Наполеона и Франціи.

Другой журналистъ, Измайловъ, издаетъ въ 1814 году журналъ подъ названіемъ „Патріотъ“, съ цѣлью проповѣдывать особый типъ патріотическаго воспитанія.

Всѣ эти бѣглыя указанія характеризуютъ намъ новыя явленія въ тогдашнемъ обществѣ. Оно было охвачено броженіемъ, оно было недовольно настоящимъ, въ немъ разбились признанные идеалы и въ своеобразномъ націонализмѣ, въ стремленіи снять съ себя вліяніе и воздѣйствіе тлетворнаго Запада оно искало выхода. Извѣстный впослѣдствіи С. С. Уваровъ въ письмѣ къ знаменитому Штейну (1813 г.) такъ характеризуетъ настроеніе окружающаго общества: „Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т. е. огня, который не жжетъ. Другіе—и это большая часть—сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, мечты Ш. (Шишкова) и открытія Лейбница. Наконецъ, это такой хаосъ воплей, страстей, ожесто-

ченныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно даже выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе".

Журналистика отражала тѣ явленія, которыя и въ жизни охватывали значительную часть общества. Появляются салоны, выдвигаются отдѣльные столпы реакціи,—все это съ теченіемъ времени объединяется подъ эгидой Россійскаго Библейскаго Общества.

Къ числу крупныхъ представителей реакціонно-націоналистическаго направленія надо прежде всего отнести салонъ великой княгини Екатерины Павловны, имѣвшей свою резиденцію въ Твери. Сама великая княгиня была женщина весьма образованная, она отлично знала русскій языкъ, интересовалась русской литературой и собирала вокругъ себя ея представителей. Въ ея салонѣ можно было встрѣтить Карамзина, И. И. Дмитріева, Растопчина и многихъ другихъ. Здѣсь впервые была прочитана знаменитая „Записка" Карамзина о старой и новой Россіи и отсюда началось постепенное приложеніе взглядовъ ея къ внутренней политикѣ государства. Великая княгиня имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла, потому что императоръ Александръ прислушивался къ ея мнѣнію и неоднократно требовалъ, чтобы она высказывала его; переписка между ними была настолько интимна, что многія письма даже уничтожались, важнѣйшія письма пересылались при вѣрной оказіи со всякими предосторожностями. Иногда государь пріѣзжалъ спеціально къ сестрѣ для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ. Отправляясь въ 1810 году въ Тверь, государь составляетъ конспектъ разговора съ сестрой. По этому конспекту видно, что государь предполагалъ говорить съ ней о политикѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, о внутреннемъ управленіи, въ томъ числѣ о планахъ Сперанскаго, о предполагаемыхъ реформахъ и проч. Къ салону великой княгини были близки наиболѣе видные столпы реакціи.

Застрѣльщикомъ реакціонной политики въ высшихъ сферахъ является извѣстный адмиралъ Шишковъ. Это былъ человѣкъ безспорно честный, фанатикъ исповѣдываемыхъ имъ идей. Многія условія жизни подготовили въ немъ человѣка, недовольнаго реформаціонной дѣятельностью правительства. При сильно развитомъ служебномъ самолюбіи, его преслѣдовали неудачи по службѣ. Не

выдвинувшись на поприщѣ морской службы, онъ отдается изученію россійской словесности, знакомится съ русской стариной и увлекается языкомъ богослужебныхъ книгъ. Онъ съ ревностью неофита отдается разнымъ археологическимъ изысканіямъ и тутъ, благодаря своей неподготовкѣ, онъ дѣлаетъ рядъ прямодушныхъ открытій, которыя сдѣлали его имя смѣшнымъ въ исторіи нашего слога. Въ немъ безсознательно въ неопредѣленномъ видѣ зародилась та самая политическяя формула—православіе, самодержавіе и народность—которая потомъ была такъ развита преемникомъ Шишкова по Министерству Народнаго Просвѣщенія, извѣстнымъ дѣятелемъ Николаевскаго періода С. С. Уваровымъ.

Шишковъ раньше другихъ прозрѣлъ въ реакціонномъ направленіи, но какъ человѣкъ, знающій придворные обычаи, понималъ, что несвоевременно было тогда высказываться. Наиболѣе раннимъ произведеніемъ его въ этомъ родѣ было извѣстное „Разсужденіе о любви къ отечеству“, но онъ не рѣшался, по его собственнымъ словамъ, своевременно опубликовать его: „Времена казались мнѣ такія, что я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванства посланника его Коленкура, а при томъ зная и неблаговоленіе ко мнѣ государя императора, опасался, чтобы не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе безъ воли правительства возбуждать гордость народную“. Только въ 1811 году онъ произноситъ это свое разсужденіе въ извѣстномъ тогда литературномъ кружкѣ — Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова. Дѣйствительно, теперь время было другое: на чтеніи присутствовало все высшее общество столицы и разсужденіе имѣло выдающійся успѣхъ. Рѣчь Шишкова—былъ первый публичный успѣхъ реакціоннаго направленія.

Въ лицѣ Шишкова реакція пріобрѣтаетъ оригинальнаго борца. Его археологическія идеи, своеобразные филологическіе выводы тѣсно сплелись съ его идеями о необходимости борьбы съ „развращеннымъ Западомъ“. Шишковъ защищаетъ старый стиль и нападаетъ на поклонниковъ новаго стиля. Новый стиль есть проявленіе всякаго рода новшествъ, а потому приверженность къ нему есть признакъ неблагонамѣренности и отсутствія любви къ отечеству.

Въ своемъ разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ Шишковъ рисуетъ мрачную картину подражательности русскихъ, ихъ увлеченія всѣмъ иностраннымъ: мы у французовъ учимся всему—

какъ ходить, стоять, одѣваться, какъ сморкаться и кашлять. „Однимъ словомъ, французы запрягли насъ въ колесницу, сѣли въ оную торжественно и управляютъ нами, а мы ихъ возимъ съ гордостью“,—замѣчаетъ онъ съ горечью.

Поэтому Шишковъ нападаетъ на „развратные нравы, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ такого пролитія крови, понынѣ еще во Франціи гнѣздятся“.

Такъ, споръ о слогѣ переходитъ на почву политическую: старый слогъ—національное и политическое наслѣдіе русскаго народа. „Почему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете подумать о нихъ безъ крайняго отвращенія? Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали царей и законы (при этомъ подразумѣвалось, само собою, что защитники новаго слова не тверды въ вѣрѣ и не „почитаютъ“ царей и законовъ); свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе и пр. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная власть, вѣрность, гостепріимство и иныя многія достоинства ихъ украшали“. Поддержать эти достохвальныя качества необходимо. Для этой цѣли, по мнѣнію Шишкова, слѣдуетъ поддерживать въ обществѣ вѣру, проводить воспитаніе въ духѣ противодѣйствія новшествамъ и особенно поддерживать славянскій языкъ. Языкъ отражаетъ въ себѣ политическое настроеніе народа: языкъ—душа народа, зеркало нравовъ, гдѣ нѣтъ въ душѣ вѣры, тамъ нѣтъ въ душѣ благочестія. „Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ: языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ“.

Русскій народъ обладаетъ такимъ языкомъ, который дѣлаетъ этотъ народъ выдающимся: это народъ избранный Богомъ,—„сосудъ—Его благодати“. Разумѣется такой народъ не нуждается въ свободѣ мысли и слова. Шишковъ постоянно борется съ просвѣщеніемъ и свободой печати: „Слово, хитростью ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ... При малѣйшемъ нерадѣніи блюстителей нравовъ, оно обезоруживаетъ ихъ строгость, смягчаетъ суровость... тысячами путей те-

четъ распространять языкъ страстей и лжи, который чѣмъ больше даруетъ умовъ, тѣмъ громче, дерзостнѣе и безстыднѣе становится". Примѣромъ такого вѣка былъ вѣкъ просвѣщенный философіей, который кончился убійствами, потрясеніемъ правительствъ, безвѣріемъ, потоками крови. Только „поборники по злочестію", безбожники, разрушители вѣры, престоловъ, чести проповѣдуютъ свободу книгопечатанія, которая въ дѣйствительности есть свобода „страстей и безумія". Отсюда слабость цензуры является причиной мятежей, революцій, цареубійствъ и безбожій. Науки и просвѣщеніе распространяютъ этотъ ядъ посредствомъ университетовъ и печати.

Такъ въ ученіи Шишкова мы встрѣчаемъ цѣлый кодексъ реакціоннаго націонализма. Борясь съ заимствованіями съ Запада, онъ недоволенъ также и дѣятельностью Петра Великаго, который не предусмотрѣлъ всѣхъ послѣдствій сближенія съ Западомъ: „вмѣстѣ съ полезными искусствами и науками допустилъ войти мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ коренные обычаи и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося въ насъ пристрастія ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка ваша (это писалось государю) напослѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ, но то уже было поздно и требовало немалыхъ и долговременныхъ усилій".

Въ лицѣ знаменитаго графа Растопчина реакція достигала наивысшаго напряженія. Графъ Растопчинъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ вельможъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ. При Екатеринѣ онъ быстро подвигался по службѣ, а при Павлѣ онъ сдѣлался настолько вліятельнымъ и необходимымъ для императора, что одно время имѣлъ на него сильнѣйшее вліяніе. Павелъ давалъ ему самыя разнообразныя порученія и подарилъ цѣлое состояніе въ 3000 крестьянъ и 33,000 десятинъ земли. При Павлѣ онъ держался смѣлостью своихъ сужденій и недюжинной способностью говорить каламбуры. Правда, незадолго до кончины Павла этотъ его вѣрный слуга былъ удаленъ самимъ государемъ. Съ тѣхъ поръ онъ до двѣнадцатаго года живетъ въ своемъ подмосковномъ помѣстьѣ Вороновѣ, занимаясь частью земледѣльческими опытами, частью выступая передъ публикой съ тѣми или другими литературными произведеніями, иногда печатными, иногда рукописными. Въ этихъ произведеніяхъ многое обращаетъ на себя вниманіе: оригинальный слогъ, нѣсколько поддѣлывавшійся подъ

народный, оригинальность и рѣзкость сужденій. Несмотря на свое положеніе отставного вельможи, Растопчинъ имѣлъ большое вліяніе, и въ 1812 году, когда консервативные элементы весьма нужны были для поддержанія ненависти ко всему французскому, онъ былъ призванъ на отвѣтственный постъ главнокомандующаго Москвы. На этомъ поприщѣ онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность. Онъ понялъ значеніе момента, и въ его лицѣ Москва получила въ высшей степени дѣятельнаго главнокомандующаго, при томъ постоянно вращавшагося среди простонародія столицы. Онъ поддерживалъ духъ населенія, разжигалъ въ немъ ненависть къ французамъ, издавалъ свои знаменитыя „афишки“ съ сообщеніями о военныхъ дѣйствіяхъ и съ цѣлью воздѣйствовать на населеніе; ему же не безъ основанія приписываютъ пожаръ столицы. Впрочемъ, вскорѣ послѣ войны, когда населеніе столицы съ прискорбіемъ возвратилось на пожарище, популярный главнокомандующій потерялъ свой прежній престижъ; потерялъ онъ и довѣріе государя, снова выйдя въ отставку. Тогда уже онъ поселился въ Парижѣ, среди тѣхъ же французовъ, которыхъ такъ онъ бранилъ, и здѣсь былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей.

Реакціонное направленіе Растопчина—самое простое и безхитростное; онъ не подкрѣпляетъ его ни археологіей, ни философіей, ни религіей. Это—просто ненависть къ французамъ и всему французскому. Самъ воспитанный на французскій манеръ, онъ ненавидѣлъ французовъ и ругалъ ихъ на чисто французскомъ языкѣ. Для широкой публики онъ издастъ нѣсколько брошюръ, которыя имѣютъ небывалый успѣхъ. Таковы „Мысли вслухъ на красномъ крыльцѣ Ефремовскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева“, или „Вѣсти или убитый живой“, „Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго“ и нѣк. др.

Безспорно, Растопчинъ обладалъ недюжиннымъ юморомъ, переходившимъ иногда въ злую и грубую шутку. Такого рода литературный тонъ отличался новизною и оригинальностью, языкъ—энергіей простонародной русской рѣчи. Такъ, въ своихъ брошюрахъ Растопчинъ не разъ возмущается, по своему, привычкой русскаго дворянства воспитывать дѣтей у французскихъ гувернеровъ. „Господи помилуй!—разсуждаетъ герой Растопчина Сила Богатыревъ, — да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли намъ опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и плюнувъ, сказать французу: „сгинь ты, дья-

вольское навожденіе! ступай въ адъ, или во свояси, все равно, только не будь на Руси". Онъ возмущается тѣмъ, что русскіе бары предпочитаютъ воспитателя француза: такіе воспитатели не могутъ дать воспитанникамъ должнаго направленія: „какъ имъ стоять за вѣру, царя и отечество, когда они закону Божію не учены и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей?"—разсуждаетъ Растопчинъ о французскомъ наставникѣ. Онъ возмущается тѣмъ, что русскіе предпочитаютъ все французское, а между тѣмъ вовсе не стыдно быть русскимъ—„ходи носъ вверхъ". Правда, самъ Растопчинъ, какъ и всѣ другіе, при своихъ сыновьяхъ держалъ французскихъ воспитателей, съ ними у него выходили какія-то непріятности и въ горѣ онъ жалуется своему другу князю Циціанову: „Какое несчастье, что Петръ Первый насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить этимъ нечестивымъ языкомъ".

Иронизируя надъ увлеченіями русскихъ, Растопчинъ издѣвается и надъ французами: „въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники". Эти „плуты" и „разбойники" надѣлали у себя на родинѣ удивительныхъ дѣлъ: „стали умствовать", „законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили"... „Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ". Не забывалъ Растопчинъ и самого Наполеона. Онъ представляетъ его въ каррикатурномъ видѣ: „мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни видѣнія, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ", характеризуетъ Растопчинъ Наполеона.

Вообще, въ представленіи Растопчина—всѣ націи невыгодно отличаются отъ русскаго мужика. Этотъ взглядъ онъ даже переносилъ въ область сельско-хозяйственной техники. Онъ началъ было примѣнять англійскую систему хозяйства, выписывалъ машины, но опыты были неудачны, и Растопчинъ съ удовольствіемъ повторяетъ отзывъ своего мужика Проньки о выписанныхъ англійскихъ работникахъ: „имъ противъ насъ не вынести; у нихъ кишка-то пожиже".

Какъ и другіе консерваторы, Растопчинъ занятъ вопросомъ объ утилизаціи народнаго труда и рѣзко высказывается противъ взглядовъ о необходимости раскрѣпощенія крестьянъ. Такъ, онъ

писалъ возраженія на извѣстную книгу графа Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“. Онъ возмущается закономъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, изданныхъ по проэкту графа Румянцева и заподозрѣваетъ графа въ стремленіи къ личнымъ выгодамъ: „Вотъ еще доказательство—пишетъ онъ по этому поводу Циціанову,—какъ сильно надъ умами, тѣлами и душами, дѣйствуетъ дворцовый гальванизмъ. Румянцеву вѣрно захотѣлось или въ 4-й разъ въ службу или двухъ аршинъ голубой ленты. Но, увы, отправленъ табакеркою“.

Усматривая вездѣ проявленіе иноземнаго вліянія и иноземныхъ идей, Растопчинъ готовъ всѣ государственныя неудачи приписать этому вліянію. „Господи помилуй,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ 1806 года: Какъ я ни люблю свое отечество и, какъ ни разрываюся, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бѣсило; ибо вижу, что кромѣ Бога, никто не можетъ. Все рушится, все падаетъ и задавитъ лишь Россію. Флота нѣтъ. Въ мирное время, годъ назадъ, 4-хъ милліоновъ доходовъ недостало. Въ арміи генераловъ и офицеровъ нѣтъ, и въ солдатахъ духу много нерусскаго. Соли въ трехъ губерніяхъ нѣтъ, губернаторовъ мужики бьютъ, все крадетъ. До того дошло, что прокуроровъ опредѣляютъ изъ нѣмцевъ“. И въ болѣе раннемъ письмѣ по другому поводу Ростопчинъ съ грустью вспоминаетъ о всеисцѣляющемъ средствѣ, которое теперь позабыли—о Петровской дубинкѣ: „Пора вынуть его дубинку изъ кунсткамеры“.

Въ рѣзкихъ штрихахъ опредѣляя отрицательныя черты современнаго настроенія общества, Растопчинъ, однако, не заботится о томъ, чтобы представить положительный съ его точки зрѣнія идеалъ. Впрочемъ, этотъ идеалъ несложенъ, насколько можно замѣтить. Героя своихъ памфлетовъ Растопчинъ опредѣляетъ такъ: „Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненый на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ Георгіевскій и Владиміровскій“. Потребовало правительство сбора милиціи, Богатыревъ уже хлопочетъ, а у него два сына, братъ и племянникъ на войнѣ. Однимъ словомъ, русскія доблести сводятся къ очень простому опредѣленію: дворянство, набожность, патріотизмъ, преданность государю и военная храбрость. Надо любить родину и гордиться ею, такъ какъ русскіе во всѣхъ отношеніяхъ лучше иноземцевъ. „Русская земля намъ не мачиха“—разсуждаетъ Растопчинъ, все

есть у насъ „въ нашей родной колыбели“, нужно только, чтобы было „у насъ горячее къ ней сердце, да обнимала бы ее покрѣпче душа русская“. Вотъ эта-то „душа русская“ и является тѣмъ положительнымъ идеаломъ, который проповѣдываетъ Растопчинъ. Въ одной маленькой брошюрѣ, озаглавленной „Письмо Вѣникова къ Богатыреву и отвѣтъ Богатырева Вѣникову“, имѣющей въ сильной мѣрѣ автобіографическій характеръ, Растопчинъ признаетъ, что въ его произведеніяхъ доставалось и модамъ, и мадамамъ, и сплетнямъ, и зараженнымъ заморскими проказами; авторъ вездѣ говорилъ о Россіи, „какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ“. Но такое отношеніе какъ разъ и вызывало къ автору въ публикѣ непріязненное отношеніе.

Въ лицѣ Шишкова, Растопчина и многихъ другихъ говорили публицисты, принадлежавшіе сами къ правительственному классу и въ извѣстной мѣрѣ направлявшіе правительственный курсъ. Отсюда понятно значеніе ихъ публицистическихъ опытовъ. Но среди публицистовъ того времени былъ одинъ, вліяніе котораго сказалось несомнѣнно болѣе мощно, чѣмъ вліяніе другихъ его современниковъ, хотя этотъ публицистъ и не принадлежалъ къ правящей бюрократіи. Мы имѣемъ въ виду знаменитаго Н. М. Карамзина. Карамзинъ—очень хорошій показатель настроенія общества. Будучи въ основѣ своихъ убѣжденій человѣкомъ умѣреннаго образа мыслей и при томъ не совсѣмъ постояннымъ, онъ обладалъ чутьемъ писателя, и въ своихъ статьяхъ и запискахъ вѣрно схватывалъ настроеніе общества, часто въ тотъ моментъ, когда оно не для всѣхъ было еще ясно, и своимъ выразительнымъ, точнымъ, красивымъ языкомъ онъ умѣлъ передавать идеи, чувства, которыми проникалось современное ему общество; наконецъ, онъ самъ проникался этимъ настроеніемъ, самъ переживалъ его и старался разобраться въ окружающихъ его сложныхъ явленіяхъ. Трудно сочувствовать идеаламъ Карамзина, но нельзя не отдать ему справедливости, какъ публицисту эпохи, какъ умѣлому выразителю настроеній большинства. Онъ умѣлъ продумывать это настроеніе и не доходилъ до тѣхъ абсурдныхъ крайностей, до которыхъ доходили слѣпые реакціонеры эпохи. Не даромъ со стороны послѣднихъ на благонамѣреннѣйшаго Карамзина сыпались доносы въ распространеніи якобинскаго духа.

Значеніе Карамзина, какъ публициста реакціоннаго направленія вообще отличается многосторонностью. Его авторитетъ

поддерживался высокимъ значеніемъ его, какъ литератора и какъ историка. Многимъ современникамъ казалось, что онъ перешелъ отъ либерализма къ реакціонному направленію; такой переходъ только казался, потому что въ дѣйствительности его не было, но и кажущійся переходъ столь виднаго ума придавалъ особенную силу его реакціоннымъ взглядамъ. Наконецъ, Карамзинъ чрезвычайно вѣрно понялъ настроеніе общества. Онъ выступилъ не слишкомъ рано, какъ это сдѣлалъ Глинка, частью Растопчинъ и др., когда голосъ реакціоннаго публициста еще терялся среди либеральнаго настроенія общества; Карамзинъ выступилъ и не слишкомъ поздно, когда реакція уже оформилась, планъ борьбы выработался, созрѣлъ и, когда слово и очень даже популярнаго публициста и литератора могло затеряться среди массы соратниковъ. Мало того, Карамзинъ, выступилъ привнеся въ реакцію несомнѣнно новую струю: онъ заговорилъ тономъ независимаго человѣка, а это всегда производитъ сильное впечатлѣніе.

Во все продолженіе своей литературной дѣятельности Карамзинъ неоднократно, съ самаго начала своей дѣятельности, вторгался въ область публицистики, стараясь примѣнить свои взгляды къ существующимъ теченіямъ, но на него долгое время не обращали никакого вниманія. Царствованіе Павла онъ встрѣтилъ стихами. Вступилъ Александръ I на престолъ—и онъ получилъ оды Карамзина. Прочелъ Карамзинъ въ царскомъ манифестѣ обѣщаніе править по уму и сердцу бабки,—и онъ пишетъ похвальное напыщенное слово Екатеринѣ II, которымъ онъ хочетъ начертать программу новаго царствованія. Онъ хвалитъ первые указы новаго правительства и проч. Но всѣ эти выступленія проходили незамѣченными. Теперь онъ хвалилъ все то, что съ такой рѣзкостью порицалъ въ своей знаменитой „Запискѣ“.

Во всякомъ случаѣ въ этихъ сужденіяхъ ранняго времени нѣтъ критическаго отношенія къ реальной дѣйствительности. Статьи заполнены выспренными фразами: „небесная благость монарха“, „безсмертные“ указы царя и т. п. Онъ подбираетъ цѣлые ряды льстивыхъ словъ для характеристики первыхъ министровъ: это умнѣйшіе люди въ свѣтѣ, достойнѣйшіе россіяне, ревностные патріоты, министры называются имъ не иначе какъ „добродѣтельными“, способными облагодѣльствовать и просвѣтить россіянъ. Его публицистическія статьи этого періода—это оды въ прозѣ, приторныя, напыщенныя и безцвѣтныя.

Это и понятно: публицистъ говорилъ не то, во что самъ вѣрилъ, чему поклонялся. Онъ былъ болѣе искреннимъ, когда въ то же самое время въ другихъ статьяхъ говорилъ о „гибельной вольности“, о невозможности порядка „безъ власти самодержавной“. Этимъ объясняется по существу устойчивость Карамзинской политической идеологіи. Это былъ писатель, въ глубинѣ души привязанный къ буржуазному настоящему и прошлому и способный искренно говорить тогда только, когда затрогивались интересы этого настоящаго и прошлаго. Карамзинъ писалъ панегирики, пока думалъ ими снискать себѣ милости двора. Даже полученное имъ званіе исторіографа мало его удовлетворяло. Надо читать письма Карамзина къ женѣ и друзьямъ изъ Петербурга, когда онъ поѣхалъ туда хлопотать объ изданіи первыхъ томовъ „Исторіи“. Эти письма являются лучшей характеристикой Карамзина. Онъ весьма чутокъ ко всякому проявленію вниманія къ себѣ со стороны вельможъ и другихъ видныхъ людей: на ряду съ извѣстіями женѣ о состояніи желудка, вслѣдствіе многочисленныхъ приглашеній на обѣды, Карамзинъ сообщаетъ ей о своихъ встрѣчахъ, о ласкахъ двора и въ то же время терзается долгимъ ожиданіемъ свиданія съ государемъ. Когда казалось, что ему не удастся добиться милости государя, что его „не удостоятъ лицезрѣнія“, и онъ иногда фрондировалъ. „Не мое дѣло умножать число анненскихъ кавалеровъ при дворѣ“, пишетъ онъ въ такую минуту въ одномъ изъ писемъ къ женѣ. А немного ранѣе онъ писалъ ей же по поводу своихъ неудачъ: если государь откажетъ въ пріемѣ, то придется забыть Петербургъ, и съ чувствомъ заявляетъ: „докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость“. Зато надо читать письмо, исполненное дѣтской радости, когда Карамзинъ, наконецъ, удостоился возложенія на него государемъ той же самой анненской ленты, о которой онъ говорилъ съ такимъ презрѣніемъ. Немного обласканный (по протекціи Аракчеева), онъ уже пишетъ князю Вяземскому: „я почти влюбленъ въ царскую фамилію“.

Отсюда понятенъ и тотъ кажущійся налетъ либерализма, которымъ какъ будто проникнуты ранніе публицистическіе опыты Карамзина: онъ исходилъ не изъ искренняго убѣжденія и замѣнялъ искренность фразою. По существу, въ біографіи Карамзина нельзя указать такого момента, когда онъ хотя бы временно увлекался свободными идеями. Впрочемъ, слѣдуя теченію, Ка-

рамзинъ читалъ и тѣхъ писателей, которые поддерживали либеральное настроеніе въ обществѣ. Онъ вмѣстѣ съ женой читаетъ произведенія г-жи Сталь, но онѣ вызываютъ въ немъ лишь иронію: „мадамъ Сталь достойна носить штаны на томъ свѣтѣ“,— пронизируетъ онъ въ письмѣ къ своему другу князю Вяземскому.

Политическая идеологія Карамзина всегда отличалась удивительной простотой и буржуазной ясностью, взглядъ его проникнутъ житейскимъ практицизмомъ. „Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякихъ перемѣнъ и живутъ тихо“—вотъ его основной лозунгъ, изъ котораго логически слѣдуетъ совѣтъ народамъ: „паситесь, мирные народы, блага развитія спадутъ на васъ безъ борьбы, какъ манна съ небесъ“. Человѣкъ стремится къ спокойной жизни и къ использованію этого покоя въ цѣляхъ эгоистическихъ, личныхъ. Въ такомъ человѣкѣ всякая мысль о борьбѣ вызываетъ отрицательное отношеніе. Отсюда и встрѣчающіяся въ письмахъ Карамзина признанія въ его симпатіяхъ къ конституціи и къ либеральнымъ идеямъ являются случайнымъ налетомъ, противорѣчащимъ реальному содержанію его міровоззрѣнія. Въ основѣ своихъ воззрѣній онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ всякаго рода экспериментовъ въ области государственной жизни. Въ письмѣ къ своему другу князю Вяземскому Карамзинъ проводитъ мысль „одного умнаго человѣка“, съ которой онъ, конечно, соглашается: „я не люблю молодыхъ людей, которые не любятъ вольностей; но не люблю и пожилыхъ людей, которые любятъ вольность“. Отсюда и понятно его заключеніе въ томъ же письмѣ: ему пріятнѣе идти въ комедію, нежели въ палату депутатовъ, „хотя я въ душѣ республиканецъ и такимъ умру“.

Отсюда понятно и отношеніе Карамзина къ революціи и Европѣ. Будучи на Западѣ въ 1790 году, въ знаменательный моментъ разгара революціонныхъ страстей, онъ не замѣтилъ новыхъ движеній, новой политической жизни; всѣ его симпатіи остались на сторонѣ французской неограниченной монархіи и аристократіи. Революція для него только бунтъ, и Карамзинъ высказываетъ сентиментальную скорбь о произведенныхъ ею разрушеніяхъ. Для него совершенно безразлична форма правленія. Онъ повторяетъ неопредѣленныя фразы о необходимости добродѣтели для жизни человѣческой и, когда добродѣтели будутъ сознаны, „тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ

насладится мирнымъ благополучіемъ жизни". Отсюда только и остается, по его совѣту, предать „себя во власть Провидѣнія". Съ точки зрѣнія Карамзина, революція даже служитъ доказательствомъ того, что прежній порядокъ былъ лучше. Эту точку зрѣнія Карамзина подтверждаетъ слѣдующая тирада, находящаяся въ статьѣ „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени": „Революція объяснила идеи, мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже и въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписать законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ;.... что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума, и что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенство гражданскихъ обществъ". По убѣжденію Карамзина, французская революція, вмѣсто того, чтобы ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Съ половины XVIII в. всѣ лучшіе умы желали измѣненія общественнаго устройства; всѣ недовольные зломъ настоящаго мечтали объ измѣненіяхъ; всѣ ждали бури и, когда „грянулъ громъ во Франціи, — говоритъ Карамзинъ, — мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ". Чѣмъ же кончилась эта эпоха волненій и политическихъ переворотовъ, по словамъ Карамзина?—Убѣжденіемъ, что status quo лучше всего, и что всякая перемѣна вредна. „Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новизнѣ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ". Такимъ образомъ, по словамъ Карамзина, революція была тяжелою эпидеміей, не принесшей никакой пользы человѣчеству.

Этимъ отношеніемъ ко всякаго рода нововведеніямъ, въ какой бы странѣ онѣ не происходили, объясняется рѣзкое отрицательное отношеніе Карамзина къ мысли о введеніи конституціи въ Россіи. Въ перепискѣ съ княземъ Вяземскимъ онъ не разъ гово-

ритъ объ этомъ съ полной откровенностью: „дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье, или вашего ученаго Линде учить грамотѣ по ланкастерской методѣ. Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республиканское правленіе было жизнью Рима. Эксперименты не годятся въ такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе“.

Къ концу жизни своей ненависть къ либеральнымъ движеніямъ доходитъ въ немъ до страстныхъ филиппикъ. Вотъ, напр., характерный отрывокъ изъ статьи „Мысли объ истинной свободѣ“, относящейся къ послѣднему году жизни Карамзина: „Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты, кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностью? Вы всѣ авгуры и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобы не умереть со смѣху. Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка: ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка: ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ“. Далѣе, послѣ выпада противъ аристократовъ и либералистовъ, Карамзинъ заключаетъ: „Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можно низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе. Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію“.

Такъ вырисовываются общія черты воззрѣній Карамзина. Относясь отрицательно къ либеральнымъ движеніямъ Запада, Карамзинъ постепенно вырабатывалъ въ себѣ положительный идеалъ для настоящаго и будущаго Россіи. Этотъ идеалъ заключался въ поддержаніи прочныхъ устоевъ древности, въ томъ числѣ крѣпостного права, и въ развитіи національной гордости. Уже въ извѣстномъ разсужденіи его „О любви къ отечеству и народной гордости“, относящемся еще въ 1802 году, встрѣчаемъ наиболѣе ранній протестъ противъ преклоненія предъ всѣмъ иноземнымъ и главнымъ образомъ французскимъ. Настаивая на славѣ россійскаго народа, присущей ему искони, взывая къ патріоти-

ческимъ чувствамъ соотечественниковъ, Карамзинъ призываетъ къ тому, что и русскіе должны почувствовать „цѣну собственнаго“. Русскимъ пора перестать быть учениками, пора перестать заниматься подражаніемъ, такъ какъ въ ихъ національномъ достояніи есть много прекраснаго. Тутъ онъ указываетъ на красоты русскаго языка, на красоту образа русскаго прошлаго и т. п. Но въ этомъ прошломъ Карамзинъ находитъ и крѣпостное право, существованіе котораго онъ отстаиваетъ самыми разнообразными способами. Уже въ одной статьѣ 1802 года онъ возстаетъ противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ.

Онъ жалуется на лѣнь, пьянство среди крестьянъ и развиваетъ идею о томъ, что главное право русскаго дворянина—быть помѣщикомъ,—прибавляя „добрымъ помѣщикомъ“. „Самая эта власть помѣщика, по нашимъ законамъ, не есть тиранская и неограниченная“. Вообще же, по убѣжденію Карамзина, помѣщикъ—благодѣтель своихъ крестьянъ.

Во всемъ этомъ въ достаточной мѣрѣ вырисовываются политическіе идеалы Карамзина. Но, безъ всякаго сомнѣнія, лучшимъ публицистическимъ памятникомъ эпохи является знаменитая Записка Карамзина „О старой и новой Россіи“. Онъ читалъ свою записку въ Твери великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, съ которой былъ друженъ. Въ 1811 г. послѣдняя передала эту записку государю.

Записка Карамзина во многихъ отношеніяхъ имѣетъ громадное значеніе. Прежде всего въ ней отразились идеи Карамзина и людей его круга—того круга, который стоялъ на почвѣ національно-консервативной и не вполнѣ раздѣлялъ крайности реакціи. Вліяніе этой Записки, несомнѣнно, сказалось на дѣятельности Александра I: Александръ I много обдумывалъ мысли, въ ней высказанныя, и сначала будучи недоволенъ рѣзкостью тона, впослѣдствіи сохранилъ неизмѣнное благоволеніе къ исторіографу. Записка Карамзина была политическимъ завѣщаніемъ эпохи: императоръ Николай Павловичъ былъ, можно сказать, политическимъ ученикомъ Карамзина, и выдвинутые запиской Карамзина идеалы самодержавнаго царства въ теченіе десятилѣтій проводились въ народную жизнь. Наконецъ, Записка Карамзина, блестящая по формѣ, отличается благородною рѣзкостью тона, напоминающею „стрѣчу старыхъ бояръ“. Записка могла быть напечатана, несмотря на свой консерватизмъ, только въ 1871 году,

будучи извѣстна до этого времени только въ отрывкахъ или въ заграничныхъ изданіяхъ.

Въ своей Запискѣ Карамзинъ прежде всего исходитъ изъ того общаго положенія, что „настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить последнее“. Съ этой цѣлью историкъ сначала разсматриваетъ прошедшее, чтобы освѣтить настоящее и найти въ прошломъ идеалъ будущаго. Онъ даетъ краткую характеристику исторической жизни русскаго народа.

Древнѣйшій періодъ въ его представленіи — періодъ полнаго благоденствія. Но вотъ начинаются междоусобія „малодумныхъ“ князей, вслѣдствіе чего утратилось „почтеніе“ народа къ князьямъ. Отсюда слабость государства и татарское бѣдствіе. Съ возстановленіемъ самодержавія Московское царство окрѣпло. Московское царство является именно періодомъ, поучительнымъ для настоящаго и будущаго. Подъ перомъ Карамзина, московское самодержавіе является эпохой силы и народнаго благоденствія: „Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ“. Отъ идиллической картины Московскаго царства, въ которой произволъ царей и рабство населенія исторіографъ признаетъ наилучшими формами государственнаго устройства, онъ переходитъ къ Петровской эпохѣ. Отношеніе Карамзина къ Петру Великому—неодобрительное. До Петра „измѣненія (въ государственномъ строѣ) дѣлались постепенно, тихо, едва замѣтно“. Петровская реформа является насильственнымъ переворотомъ. Страсть Петра къ новшествамъ оскорбила народный духъ. Петръ слишкомъ много придавалъ значенія внѣшности: борода не мѣшала заведенію школъ. Съ Петра начинается разладъ среди классовъ общества, братство исчезло. Соціальныя отношенія до-петровской эпохи—чистая идиллія: „Въ теченіе вѣковъ, народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда

они со своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя во храмъ Божій или на совѣтъ къ государю".

Петръ уничтожилъ даже патріаршество. Между тѣмъ патріархъ вѣщалъ истину государю. Перенесеніе столицы тоже не нравится Карамзину. Новая столица основана въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ.

Заключивъ характеристику этой эпохи массой громкихъ фразъ объ утратѣ нравственнаго вліянія въ отечествѣ, исторіографъ останавливается на періодѣ между Петромъ I и Екатериной II и рисуетъ его мрачными чертами. Царствованіе Екатерины II—блестящій періодъ русской исторіи; ему посвящаетъ свой панегирикъ авторъ Записки. Но и въ этомъ періодѣ были недостатки: паденіе нравовъ, господство разврата, „торговали правдою и чинами", предпочитали „красивыя лица".

Времена Павла—царство страха и ужаса. Періодъ тираніи обрисованъ въ сочныхъ краскахъ, свидѣтельствующихъ о томъ тяжеломъ состояніи, которое переживало общество въ это царствованіе. Въ обществѣ жило „великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленія власти". Однако, „вредное царствованіе" было пресѣчено „вреднымъ способомъ". Заговоры суть бѣдствія, колеблющія основу государствъ,—говоритъ онъ,—и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно избирать монарховъ, или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи и должно скоро обратиться въ безначаліе". Общество должно ждать: „да видятъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго". Впрочемъ, въ заключеніе авторъ утѣшается, что въ Россіи было только два тирана (Іоаннъ Грозный и Павелъ).

Такова историческая часть Записки.

Вторая часть Записки посвящена критикѣ либеральныхъ начинаній Александровскаго царствованія. Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ Карамзинъ относится крайне отрицательно: спасительное самодержавіе поколебалось ими. Онъ исходитъ изъ того общаго положенія, что всякая новость въ государствѣ есть зло. Онъ недоволенъ внѣшнею политикой, громитъ учрежденіе министерствъ, отдѣлившихъ государя отъ народа, недоволенъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта. Въ частности онъ очень негодуетъ на министерство „такъ называемаго просвѣщенія": „У насъ нѣтъ

охотниковъ до высшихъ наукъ". Законъ 1809 года объ экзаменахъ для чиновниковъ закрылъ дорогу къ службѣ многимъ способнымъ и требуетъ отъ чиновниковъ ненужныхъ имъ познаній. Финансовыя мѣры привели государство на край гибели. Представленный въ Государственный Совѣтъ Сперанскимъ проектъ гражданскаго уложенія является перифразомъ французскаго законодательста. Карамзинъ недоволенъ и мѣрами, касающимися крестьянъ, напр., указомъ, воспрещающимъ покупать людей для сдачи въ рекруты. Администрація находится въ самомъ безнадежномъ состояніи: губернаторы глупы и грабители.

Въ критикѣ Карамзина осебенно почетное мѣсто занимаетъ крестьянскій вопросъ. Разумѣется, онъ является ярымъ противникомъ эмансипаціи. По его убѣжденію, крестьянинъ—холопскаго происхожденія, слѣдовательно, собственность ихъ господъ, хотя вообще трудно разобрать происхожденіе крѣпостного класса. Во всякомъ случаѣ, крестьяне никогда не имѣли правъ на землю. Освобожденіе крестьянъ опасно и въ финансовомъ отношеніи: безъ помощи помѣщиковъ трудно собрать подушную подать. Авторъ задается вопросомъ: „Что значитъ освободить у насъ крестьянъ?"—и отвѣчаетъ: „Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства". Такой исходъ представляется Карамзину страшнымъ по своимъ послѣдствіямъ, и онъ прибѣгаетъ къ обычной системѣ крѣпостниковъ—запугиванію. „Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ... Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоденства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!"

Разсмотрѣвъ критически прошлое и настоящее, Карамзинъ переходитъ къ изложенію положительной стороны своихъ взглядовъ. О ней можно догадаться по ходу предшествующихъ его разсужденій: самодержавная власть государя ослабѣла, и ее

нужно поднять до предѣловъ Московскаго періода, вообще надо пойти назадъ во всѣхъ отношеніяхъ, сохранивъ изъ настоящаго лишь то, что не противорѣчитъ идеальному прошлому. Въ основѣ русскаго государственнаго устройства лежитъ безграничная власть самодержавнаго государя, поддерживаемая суровыми наказаніями и спасительнымъ страхомъ: „Въ Россіи государь есть живой законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, и любовь первыхъ пріобрѣтается страхомъ послѣднихъ. Не бояться государя—не бояться закона. Въ монархѣ россійскомъ соединяются всѣ власти. Наше правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола, такъ и монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ необходимо дѣйствовать по единой совѣсти... Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви: гдѣ десять за одного боятся, тамъ десять смотрятъ за однимъ“.

Знаменитый историкъ не замѣтилъ въ этомъ опредѣленіи, что оно нѣсколько совпадаетъ (можетъ-быть, заимствовано) съ опредѣленіемъ царской власти, выраженнымъ однимъ изъ государей, котораго самъ Карамзинъ признаетъ тираномъ: Іоаннъ Грозный опредѣлялъ царскую власть, какъ право казнить и жаловать своихъ рабовъ по своему хотѣнію. Однимъ словомъ, по политическимъ воззрѣніямъ Карамзина „самодержавіе есть палладіумъ Россіи: цѣлость его необходима для ея счастія“. Таково знаменитое опредѣленіе исторіографа.

Но при всемъ своемъ преклоненіи предъ суровой формой единовластія Карамзинъ и на него налагаетъ въ извѣстной мѣрѣ ограниченія: будучи единственнымъ источникомъ власти, государь не имѣетъ причинъ „унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія“. По опредѣленію Карамзина, дворянство не что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ великокняжескихъ или царскихъ. „Худо, ежели слуги овладѣваютъ слабымъ господиномъ, но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ своихъ и красится ихъ честью“.

Этотъ выводъ является довольно неожиданнымъ и не совсѣмъ мирится съ безграничностью самодержавія.

Практически для своего времени Карамзинъ совѣтуетъ возвращеніе ко временамъ Екатерины Великой съ нѣкоторыми исправленіями. Подданнымъ при помощи спасительнаго страха должны быть внушены смиреніе и слѣпое подчиненіе власти, произволъ ея необходимъ въ государствѣ. Монархъ долженъ усилить

личную строгость. Въ частности Карамзинъ рекомендуетъ монарху найти хорошихъ людей для управленія; монархъ можетъ имѣть при себѣ совѣтъ, но онъ долженъ быть тайнымъ для подданныхъ. Необходимо возвысить дворянство, усилить власть губернаторовъ, поднять ихъ престижъ, т.-е. усилить централизацію. Эти совѣты имѣли руководящее значеніе для послѣдующаго царствованія. Очень любопытно, что, изложивъ свои практическія предложенія, Карамзинъ обращается къ государю, которому рекомендуетъ произволъ: „Александръ, воцари законъ въ Россіи!“

Мы уже указали на то, что „Записка“ Карамзина, отражая понятія цѣлаго круга людей, имѣла весьма важное вліяніе на политику русскаго правительства. Рѣзкость выраженій и блестящая форма увлекали читателей; будучи мало подготовлены, находя въ „Запискѣ“ выраженіе собственныхъ мыслей и понятій, высокіе читатели Карамзина не замѣчали, конечно, логическихъ противорѣчій въ „Запискѣ“, которыя скрывались подъ красивыми фразами и исторической лирикой. Вѣдь по существу дѣла историческая часть „Записки“ представляетъ собою безотрадную картину русскаго прошлаго. Самодержавіе спасло государство отъ татаръ, но оно же повернуло Россію къ нѣмцамъ. Идиллическій Московскій періодъ кратокъ, но и въ немъ тиранія Іоанна IV, появленіе Бориса Годунова и Смута. Весь XVIII вѣкъ въ изображеніи Карамзина является темнымъ пятномъ въ исторіи самодержавія: Петръ Великій нарушилъ устои народной жизни; при Петрѣ II – ужасная олигархія; господство женщинъ отличалось большими недостатками: при Аннѣ былъ Биронъ, Елизавета предавалась веселью и нѣжнымъ стихамъ, а при ней Бестужевъ торговалъ дипломатіей; ея царствованіе смѣняется насиліями Петра III; Екатерина II не безъ слабостей, поддерживала неправосудіе и корыстолюбіе любимцевъ; и ея царствованіе смѣняется ужасами Павла; Александръ I своими либеральными начинаніями принесъ только вредъ. Однимъ словомъ, Россія тысячу лѣтъ жила подъ эгидой самодержавія и въ результатѣ русскій народъ—больной организмъ. И въ конечныхъ выводахъ „Записки“ рекомендуется самодержавіе въ формѣ тираніи.

ГЛАВА X.

Исканіе религіи.

Изъ того, что говорилось выше о настроеніи реакціонной части общества, вытекаетъ нѣсколько весьма важныхъ заключеній. Въ настроеніи этого общества можно подмѣтить недовольство либеральными мѣропріятіями правительства, ужасъ и отвращеніе ко всему тому, что связывалось съ именемъ Франціи и французской революціей; наконецъ, преклоненіе передъ прошлою жизнію русскаго народа и попытки искать въ ней идеалы настоящаго и будущаго. Если такое направленіе общественной мысли сопоставить съ нѣсколько болѣе раннимъ періодомъ, съ концомъ XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣковъ, то въ настроеніи обоихъ періодовъ можно замѣтить глубокое различіе. Русское общество предшествующаго періода было проникнуто „вольнодумствомъ и вольтерьянствомъ". Оно было въ лучшей части его хорошо образованнымъ, и источникъ этого образованія заключался въ философіи просвѣтительнаго вѣка. Въ религіозномъ отношеніи общество было или индиферентнымъ, или удовлетворялось признаніемъ философскихъ началъ. Въ національномъ отношеніи оно было заражено космополитизмомъ; его политическое міровоззрѣніе явно клонилось къ „истинной монархіи", т.-е. къ конституціонной формѣ правленія: оно ненавидѣло „деспотичество", и путемъ литературы или вліянія на монарховъ пыталось превратить свои идеи въ дѣйствительность. Съ наступленіемъ реакціи замѣчается переворотъ въ міровоззрѣніи общества. Отъ космополитизма оно переходитъ къ націонализму; отъ увлеченія свободными политическими идеями оно переходитъ къ преклоненію предъ самодержавіемъ. И въ области религіи оно стремится замѣнить философію вѣрою въ Божественное откровеніе.

Въ сферѣ религіозной русское общество отъ вольнодумства не сразу перешло къ старой религіи. Въ его настроеніи можно

наблюдать краткій переходный періодъ. Въ Россіи замѣчается такое же явленіе, какъ и въ западно-европейскомъ обществѣ, гдѣ старый католицизмъ получилъ господствующее значеніе лишь послѣ краткаго періода увлеченія мистическими ученіями.

И въ Россіи общество, потерявшее связь съ старой религіей, первоначально съ увлеченіемъ встрѣтило иновѣрное ученіе. Здѣсь замѣчается краткое господство католицизма и болѣе серьезное вліяніе мистическихъ ученій. Увлеченіе католицизмомъ связано съ краткимъ періодомъ вліянія на петербургское общество представителей іезуитскаго ордена. Отцы-іезуиты имѣли адептовъ преимущественно въ кругу высшей аристократіи.

Тогдашняя западно-европейская реакція при первомъ своемъ оживленіи опиралась на католицизмъ, стремясь найти въ немъ противовѣсъ философіи энциклопедистовъ. Идеи католицизма тѣсно слились съ идеями реакціи. Виднымъ пособникомъ въ распространеніи католицизма въ русскихъ салонахъ былъ Жозефъ Де-Местръ, который въ качествѣ посла Сардинскаго эксъ-короля провелъ въ Россіи 14 лѣтъ, начиная съ 1803 года. Онъ успѣлъ занять видное мѣсто въ петербургскомъ обществѣ. Онъ былъ одаренъ не малымъ умомъ, отличался начитанностью и былъ веселымъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ говорилъ сильно и парадоксально. Въ петербургскихъ гостиныхъ раздавалась бесѣда графа, въ которой онъ насмѣхался надъ православіемъ и русскимъ духовенствомъ, опровергалъ невѣріе и доказывалъ, что только одна католическая религія могла спасти Европу отъ революціоннаго яда. Впрочемъ, католическую религію Де-Местръ понималъ такъ, какъ ее понимали отцы іезуиты. „Мысли свои,—говоритъ Васильчиковъ,—вполнѣ чуждыя и вѣку и странѣ, въ которой онъ жилъ, излагалъ онъ крайне оригинально. Самая чужеземность этихъ мыслей была по вкусу нашему обществу, а стойкость убѣжденій сильно дѣйствовала на кичливыхъ слушателей, которыхъ Де-Местръ съ своей стороны полюбилъ за гостепріимство и благодушіе. Успѣхи и вліяніе Де-Местра въ гостинныхъ ими, однако, не ограничивались. Его стали зазывать въ свои кабинеты люди государственные и съ свойственнымъ русскимъ администраторамъ чистосердечіемъ, не стѣсняясь, открывали ему государственныя тайны, повѣряли ему всю неурядицу внутренняго строя и съ благодарностью принимали его совѣты“.

Но проповѣдь католицизма у Де-Местра тѣсно сливалась съ проповѣдями противъ философіи, просвѣщенія. Это былъ стройный кодексъ реакціоннаго міровоззрѣнія. Защита крѣпостного права въ Россіи стояла у этого иноземца на первомъ мѣстѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ имъ для русскихъ представителей власти, Де-Местръ настаиваетъ на сохраненіи крѣпостного права. „Въ Россіи крѣпостное рабство"—говоритъ онъ—„существуетъ потому, что оно въ ней необходимо и императоръ не можетъ царствовать безъ него... Каждый помѣщикъ или лучше сказать, каждый дворянинъ, есть настоящій представитель власти, родъ гражданскаго правителя, управляющій своими землями и снабженный всей необходимой властью, чтобы подавлять безпорядочные порывы индивидуальной воли. Если эта власть будетъ уничтожена, то какую же силу поставитъ государь на ея мѣсто для сохраненія порядка"? Всякая потытка къ освобожденію опасна, ибо она поведетъ за собой „волненіе умовъ и возстаніе". Настаивая на сохраненіи старинныхъ устоевъ, Де-Местръ старается доказать, откуда ему грозитъ опасность: университеты „угрожаютъ Россіи ужаснымъ зломъ, которое приближается быстрыми шагами подъ покрываломъ науки". Вообще наука самое большое зло въ государствѣ: она „постоянно подвергаетъ государство опасности, постоянно стремясь доставить государственныя должности людямъ ничтожнымъ, безъ имени и богатства"... При развитіи печати, „наука можетъ считаться огнемъ, который неизбѣжно охватитъ Россію, если русскій способенъ къ возгаранію". Отсюда уже слѣдуютъ угрозы государю. „Ни одинъ государь не подвергался такой опасности, какъ императоръ Россіи". И онъ даетъ „практическій совѣтъ", чтобы правительство всѣми мѣрами „замедляло царство науки и присоединило бы къ верховной власти могущественнаго союзника во власти церковной". Таковъ кодексъ реакціоннаго католицизма.

Въ Де-Местрѣ іезуиты нашли сильную помощь. Впрочемъ, и сами они успѣли пріобрѣсть видное положеніе въ обществѣ. Іезуиты утвердились въ Петербургѣ въ концѣ XVIII вѣка. Знаменитый патеръ Груберъ, проникшій въ царскую семью въ качествѣ зубного врача, имѣлъ серьезное вліяніе на императора Павла и даже едва не достигъ утвержденія императоромъ своего проекта соединенія церквей. При Павлѣ іезуиты, благодаря тому же Груберу, успѣли захватить управленіе католической цер-

ковью въ Россіи. Митрополитъ католическихъ церквей Богушъ-Сестренцевичъ былъ сосланъ, полоцкій епископъ Одинецъ брошенъ въ Петропавловскую крѣпость за сочувствіе Сестренцевичу. При Александрѣ іезуиты нашли сочувствующихъ имъ лицъ въ средѣ наиболѣе видныхъ государственныхъ дѣятелей. Оберъ-прокуроръ св. Синода князь Голицынъ относился къ іезуитамъ съ особеннымъ сочувствіемъ: онъ открывалъ даже между собою и ими какую то тѣсную таинственную связь: „Нѣчто божественное соединяетъ насъ",—писалъ онъ іезуиту Березовскому. Голицынъ вмѣстѣ съ покровителемъ іезуитовъ герцогомъ Де-Ришелье хлопочетъ о развитіи іезуитскихъ школъ въ Одессѣ, вмѣстѣ съ маркизомъ Пауллучи способствуетъ пропагандѣ іезуитовъ въ Ригѣ, поддерживаетъ іезуитовъ въ ихъ стремленіи проникнуть на Волгу и въ Сибирь. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей еще въ 1802 году входитъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о предоставленіи іезуитамъ права распространять католическую вѣру въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской и Сибирскихъ; впрочемъ, на этотъ разъ попытка Кочубея не удалась. Съ теченіемъ времени іезуиты въ качествѣ воспитателей и настоятелей католическихъ церквей утверждаются въ нѣмецкихъ колоніяхъ на Волгѣ, въ Астрахани ихъ миссіонерская дѣятельность обратилась на армянъ и другихъ инородцевъ; въ Ригѣ они основали нѣсколько мужскихъ и женскихъ школъ, то же они дѣлали въ Крыму, гдѣ подчинили себѣ все католическое населеніе. Въ Одессѣ открываетъ пансіонъ прославившійся ранѣе своими воспитательными пріемами въ Петербургѣ аббатъ Николя. Въ Полоцкѣ процвѣтаетъ іезуитская академія, имѣющая связи со множествомъ городовъ Западнаго края.

Но особенно успѣшна дѣятельность іезуитовъ была въ самомъ Петербургѣ. Въ іезуитскомъ пансіонѣ, заведенномъ аббатомъ Николя, получаютъ воспитаніе наиболѣе видные представители русской аристократіи: князья Юсуповы, Голицыны, Гагарины, Волконскіе, графы Орловы, Нарышкины, Плещеевы, Бенкендорфы и многіе другіе. Это все юноши, которые впослѣдствіи могли занять видныя мѣста въ государствѣ. „Здѣсь юные представители древнихъ родовъ нашихъ молились по-латыни, по-латыни же читали Евангеліе, учились закону Божію по латинскому катехизису и во время латинской мессы аколитами прислуживали священнодѣйствующимъ патерамъ". При такомъ воспитаніи вырабатывались

люди, религіозное чувство которыхъ не могло найти выхода въ православной религіи. Они или тайно переходили въ католицизмъ, или искали удовлетворенія религіознымъ потребностямъ въ мистицизмѣ. Среди русской знати было нѣсколько видныхъ представителей, перешедшихъ въ католицизмъ, какъ Голицыны, Протасовы, Головины, Куракина, Свѣчина и многіе другіе. Адмиралъ Чичаговъ съ своимъ другомъ Де-Местромъ питалъ надежду, что русская церковь въ близкомъ будущемъ присоединится къ римской, и изо всѣхъ силъ старался помочь іезуитамъ въ этомъ смѣломъ замыслѣ.

Особенный успѣхъ іезуиты имѣли среди великосвѣтскихъ дамъ. Одинъ изъ нихъ, патеръ Розавенна, пользовался особенно сильнымъ вліяніемъ среди дамъ. Родомъ бретонецъ, ханжа и лицемѣръ, прекрасно образованный, красивый собой, онъ имѣлъ множество духовныхъ дщерей въ великосвѣтскихъ салонахъ. Впрочемъ, со многими изъ петербургскихъ барынь и дѣвицъ его связывала не одна духовная связь: при удаленіи іезуитовъ, среди его вещей были найдены два портфеля съ волосами, картинками и другими женскими сувенирами, а также и записочки съ подписями „Катенька Г.“ и др. въ этомъ родѣ. Вообще католицизмъ былъ тогда моднымъ теченіемъ. „На балахъ и раутахъ,—свидѣтельствуетъ одна изъ его прозелитокъ,—прошептывали свои отреченія и лепетали первую свою латинскую исповѣдь новопросвѣщенныя овцы іезуитскаго стада. Это было ново, заманчиво, романтично и рѣзко отличалось отъ безхитростныхъ пріемовъ родной вѣры“. Отсутствіе серьезнаго образованія, поверхностное знакомство съ философіей XVIII вѣка и часто полное незнаніе основъ родной религіи, дѣлали русское общество весьма поддатливымъ новымъ теченіямъ. Этимъ объясняются успѣхи католицизма. Но успѣхи эти захватывали преимущественно великосвѣтскіе слои и вообще были довольно кратковременны. Оторвавшееся отъ родной вѣры, недостаточно освоившееся съ французской философіей русское общество искало выхода своему религіозному настроенію.

Увлеченіе католицизмомъ вскорѣ смѣнилось болѣе широкимъ теченіемъ—мистицизмомъ. Мистицизмъ въ той формѣ, въ какой онъ въ то время охватилъ и западно-европейское общество, являлся не только религіознымъ теченіемъ: онъ давалъ отвѣты на политическіе и философскіе запросы. Такимъ образомъ, онъ явился философіей реакціи. Вѣра въ силу человѣческаго разума, кото-

рою руководилось западно-европейское общество въ эпоху революціи, смѣнилась вѣрою въ сверхъестественное и таинственное.

Мистицизмъ въ русскомъ обществѣ палъ на почву, подготовленную масонствомъ конца XVIII в., возобновившемъ свою дѣятельность при Александрѣ I. Внутреннее различіе между масонствомъ и мистицизмомъ не велико, иногда доходя до полнаго сліянія въ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ представителей ученія. Во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія общественной и масонство XIX в. и мистицизмъ вели къ одной цѣли,—къ борьбѣ съ человѣческой философіей, какъ съ продуктомъ разума, вели къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ и въ отношеніи политическомъ приводили къ квіэтизму. Въ самомъ дѣлѣ, выдающійся представитель русскаго масонства конца XVIII вѣка и начала XIX извѣстный Лопухинъ уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка издаетъ разсужденіе „о злоупотребленіяхъ разума нѣкоторыхъ новыхъ писателей"; здѣсь онъ доказываетъ, что представители свободной философіи употребляютъ свой разумъ на „погубленіе людей".

Масонство, какъ и мистицизмъ, обращалось къ усовершенствованію нравственныхъ началъ въ человѣкѣ на основѣ евангельской истины. Оно требуетъ „упражненія въ познаніи самого себя, творенія и Творца". Отсюда понятно, что масонство учило о недостаточности познанія „натуры вещей" посредствомъ разума и посредствомъ упражненій стремилось къ сліянію съ божествомъ. Для того, чтобы проникнуться масонствомъ, необходимо перерожденіе нравственное: „тогда евангельская нравственность будетъ ему возможна и природна, тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго",—говоритъ Лопухинъ. Отсюда вытекаетъ и сущность того главнаго упражненія, которое, по словамъ Лопухина, представляло сущность масонства—послѣдованія Христу. Всѣ эти правила могли бы найти мѣсто и въ катехизисѣ любой христіанской церкви, но между масонствомъ и христіанствомъ была значительная разница въ способѣ доказательствъ одной и той же истины. Стремясь ко всему таинственному и неопредѣленному, масоны свои истины пытались доказывать отвлеченными, часто ими одними понимаемыми тезисами, въ которыхъ условность выраженій, понятій, являлась господствующей чертой, въ примѣненіи знаковъ и символовъ, въ которыхъ не нуждалась видимая церковь. Масонство въ болѣе чистомъ видѣ въ своихъ изысканіяхъ путей послѣдованія Христу иногда почти сливалось съ мо-

нашескимъ аскетизмомъ. Насилованіе воли, молитва, воздержаніе, дѣла любви, поученіе въ познаніи натуры и самого себя—вотъ что рекомендуетъ Лопухинъ для выполненія требованій истиннаго масонства. При такихъ условіяхъ, конечно, разумъ можетъ оказаться не только безполезнымъ, но и вреднымъ: „разумъ долженъ воздерживать не только отъ упражненія въ томъ, что явно вредно; но и отъ всякихъ размышленій безполезныхъ и отъ изученія того, что токмо служитъ удовлетворенію любопытства, а не нужно для преуспѣнія въ жизни христіанской и для отправленія должностей человѣка, живущаго въ обществѣ гражданина или подданнаго“.

Разъ разумъ долженъ быть воздерживаемъ, разъ нѣкоторыя упражненія его могутъ быть безполезными и даже вредными, то отсюда легко было дойти и до тезиса о вредности разума вообще, отсюда и вредъ науки и ея разсадника—университетовъ. До этого положенія и доходили масоны. Одинъ изъ послѣдователей Лопухина, Невзоровъ, путешествовалъ по Германіи въ 1790—1791 г.г., когда вся Германія была охвачена революціонной пропагандой. Невзоровъ даже отказался отъ поѣздки въ Парижъ, потому что въ революціонныхъ собраніяхъ онъ видѣлъ одинъ только „плодъ мятежнаго буйства“. Ему не нравятся и нѣмецкіе университеты, особенно Геттингенскій, потому что университеты—„молодое, но слишкомъ далѣе другихъ забѣжавшее въ новомъ безуміи дитя Германіи, были первѣйшими орудіями, разсадниками и распространителями всякаго разврата и безбожія и послѣдовавшаго отъ того несчастья своего отечества“.

Такъ, слѣдовательно, масоны доходили до отрицанія науки и до признанія вреда человѣческаго разума.

Къ этому надо прибавить, что и масонство и мистицизмъ въ одинаковой мѣрѣ пользуются темнотой языка, условностью терминовъ, за которыми скрывается блѣдность мысли, наивность вѣрованія, отсутствіе настоящаго богословскаго и философскаго образованія.

Но при сходствѣ масонства и другихъ мистическихъ ученій въ нихъ есть не только внѣшнее различіе, но и внутреннее. Мистическое ученіе легко переходитъ въ сектанство, чего нельзя сказать о масонствѣ. Какъ и всякое сектанство, мистицизмъ болѣе способенъ проявлять боевое направленіе по отношенію къ дру-

гимъ сектамъ и религіямъ и оказывается болѣе склоннымъ выставлять тѣ или иныя требованія политическаго характера.

Масонство отличается тѣмъ, что его предписанія требуютъ отъ масонскихъ братьевъ признанія идей равенства, любви къ ближнему, благотворенія и даже распространенія просвѣщенія. Между тѣмъ мистицизмъ не всегда ставитъ эти вопросы. Но эти идеалы мирно уживались въ русскомъ масонствѣ начала XIX в. съ узкимъ націонализмомъ, съ крѣпостничествомъ и съ полнымъ индиферентизмомъ къ политическому строю государства. Поэтому масонство не могло быть политической религіей. Этимъ, между прочимъ, объясняется и то обстоятельство, что декабристы и вообще люди либеральнаго образа мыслей уходили изъ масонскихъ ложъ, такъ какъ масонское ученіе не давало имъ удовлетворенія. Правда, масоны учили о необходимости законовъ въ обществѣ, о добротѣ законовъ и т. п. Но подъ это понятіе подводилось лишь требованіе точнаго соблюденія существующихъ законовъ, какъ властью управляющей, такъ и подчиненными. „Неизмѣнное управляющею властію наблюденіе законовъ и прилежное, точное ихъ исполненіе подчиненными суть душа государственнаго благоустройства“—говоритъ одно масонское наставленіе 1812 года. Это, разумѣется, совершенно шаблонное требованіе, которое охотно повторяли и мистики и реакціонеры всѣхъ направленій. Подъ этимъ скрывается требованіе неизмѣнности существующаго порядка вещей и индиферентизмъ въ области политики. Повиновеніе закону и безмолвное его исполненіе, наряду съ исполненіемъ воли своего государя—вотъ та добродѣтель, которую масонъ Кайсаровъ проповѣдуетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, сказанныхъ имъ въ 1822 году. При такомъ стремленіи удержать существующее положеніе вещей весьма понятно отношеніе масоновъ къ крѣпостному праву. Правда, среди масоновъ были добрые и мягкіе помѣщики. Но среди нихъ мы же знаемъ и убѣжденныхъ крѣпостниковъ, которые свои крѣпостническія тенденціи облекали сложными соображеніями, или масонскими сентенціями. Извѣстный масонъ Поздѣевъ былъ убѣжденнымъ крѣпостникомъ и увѣрялъ, что свобода была бы пагубной для народа. Масонъ Кречетовъ не представлялъ себѣ возможности дать свободу „невѣждамъ“, т. е. безграмотному крестьянству. Какъ и Кречетовъ, Федоръ Глинка предвидѣлъ только бѣдствія для народа и государства отъ освобожденія крестьянъ. Извѣстный

патріархъ масонства Лопухинъ былъ тяжелымъ крѣпостнымъ помѣщикомъ, разорялъ крестьянъ и самъ разорился, устраивая въ въ своемъ имѣніи сады и другія барскія затѣи. Онъ много разъ обращается къ крѣпостному вопросу, настойчиво проводя мысль о необходимости сохраненія крѣпостного ига. „Ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго",—заявляетъ онъ въ одномъ письмѣ государю. Онъ такъ боится нарушить спокойствіе государства, что даже рекомендуетъ государю не возобновлять „несходный съ общими пользами" указъ Павла о трехдневной барщинѣ. Лопухинъ весь проникнутъ боязнью возмущенія, мятежей, которыя могутъ произойти отъ каждаго сдвига въ крѣпостныхъ устояхъ. Онъ глубоко увѣренъ въ томъ, что народъ для собственной пользы „требуетъ обузданія", что самая надежная полиція—помѣщики и т. п. Въ виду этихъ заявленій Лопухина, жалкой ироніей звучатъ его же слова, въ которыхъ онъ говоритъ, что онъ не желалъ бы видѣть въ Россіи ни одного несвободнаго человѣка, все это фразы о равенствѣ и о различныхъ моральныхъ добродѣтеляхъ. Вообще, думается, что неопредѣленныя, безъ примѣненія къ реальной жизни, заявленія масоновъ о необходимости нравственнаго самоусовершенствованія, давали поводъ видѣть въ ихъ ученіи нѣкоторое движеніе впередъ, извѣстнаго рода прогрессивность; и современные ученые приписываютъ имъ, какъ намъ кажется, гораздо болѣе практическое значеніе, чѣмъ заслуживало бы въ дѣйствительности это ученіе.

Мистическое движеніе въ Россіи имѣло нѣсколько направленій. Одни изъ этихъ направленій представляли собой чисто религіозное теченіе, другія—религіозно-политическое, въ которомъ, по тогдашнему выраженію, соединились „вѣра и вѣдѣніе".

Въ религіозномъ мистицизмѣ можно различить нѣсколько направленій, по главнымъ представителямъ этихъ направленій. Одни изъ этихъ направленій имѣютъ своимъ источникомъ прямое отношеніе къ западнымъ теченіямъ, другія выросли на русской почвѣ. Къ первымъ надо отнести дѣятельность въ Петербургѣ англійскихъ квакеровъ, а также дѣятельность Лабзина и г-жи Крюднеръ; ко вторымъ—вліяніе кружка Татариновой, дѣятельность Дубровицкаго и нѣкоторыхъ представителей скопческой секты.

А. Ѳ. Лабзинъ является наиболѣе раннимъ представителемъ религіозно-философскаго мистицизма. Еще до поступленія въ

школу, онъ былъ проникнутъ религіознымъ настроеніемъ и „ребяческимъ образомъ обрекъ себя на служеніе Богу“. По тогдашнему обыкновенію, онъ быстро проходилъ годы ученія. Десяти лѣтъ Лабзинъ поступилъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, гдѣ основательно изучилъ латинскій языкъ, а двѣнадцати лѣтъ онъ уже былъ студентомъ того-же университета. Пятнадцати лѣтъ Лабзинъ принималъ участіе въ изданіи „Вечерней Зари“. Въ юности Лабзинъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстнаго Шварца, который еще въ большей мѣрѣ поддержалъ въ немъ религіозное настроеніе. Въ поискахъ удовлетворенія своему религіозному чувству, Лабзинъ въ 1773 году вступилъ въ общество мартинистовъ. Такимъ образомъ, началась его масонская дѣятельность.

Своимъ краснорѣчіемъ и обширными познаніями онъ оказывалъ громадное вліяніе на лицъ, его окружающихъ, и на тѣхъ, съ которыми приходилось ему сталкиваться. „Судьба послала мнѣ человѣка, говоритъ М. А. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ, который впослѣдствіи имѣлъ большое вліяніе на настроеніе души моей и вообще на мой образъ мыслей“. Это былъ А. Ѳ. Лабзинъ.

Страстный по природѣ (характеризуетъ Лабзина покойный историкъ Дубровинъ), онъ не могъ любить въ половину, предавался человѣку весь, но за то требовалъ и себѣ всего человѣка. Многіе считали его такимъ хитрецомъ, который проведетъ кого угодно. Деспотъ въ душѣ, Лабзинъ былъ гордъ, самолюбивъ, имѣлъ необыкновенно твердый, хотя и строптивый характеръ. Постигшая его впослѣдствіи невзгода (ссылка) не смутила и не опечалила его: онъ остался такимъ же непреклоннымъ въ своихъ мнѣніяхъ, какимъ былъ и прежде. Сознавая самъ недостатки своего характера, Лабзинъ часто говорилъ: „если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ“. Съ низшими себя онъ обходился вѣжливо и ласково, но всѣхъ, кто стоялъ выше его, терпѣть не могъ и держалъ себя съ такими лицами грубо, за что пострадалъ впослѣдствіи. Впрочемъ, „его неукротимый характеръ нисколько не вліялъ на прекрасныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его стремленій“. Онъ искренно любилъ Россію и все русское; будучи человѣкомъ талантливымъ и образованнымъ и при томъ отлично владѣя перомъ, Лабзинъ неутомимо и безкорыстно трудился на пользу своего отечества, которому несомнѣнно принесъ значительную пользу.

Онъ оставилъ множество трудовъ и переводовъ, которые въ значительной степени способствовали обогащенію стиля и прибавили въ русскомъ языкѣ много научныхъ терминовъ, созданныхъ имъ, или истолкованныхъ яснѣе. Заслуги Лабзина были оцѣнены современниками, и впослѣдствіи онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета.

Литературная дѣятельность Лабзина была весьма разнообразна. Онъ писалъ стихи, переводилъ драмы, и впослѣдствіи сосредоточился на переводахъ мистическихъ писателей, Штиллинга, Эккарстгаузена, Делиля и др. Въ дѣлѣ изданія религіозно-нравственныхъ книгъ Лабзинъ является послѣдователемъ знаменитаго Новикова. Не довольствуясь изданіемъ переводовъ, Лабзинъ задумываетъ издавать „Христіанскій журналъ". Своимъ изданіемъ онъ имѣлъ въ виду бороться противъ вольнодумства. Борьба съ невѣріемъ и развратомъ должна была стать основнымъ мотивомъ изданія. Ближайшаго помощника въ своемъ начинаніи Лабзинъ нашелъ въ цензорѣ Тимковскомъ. Изданіе духовнаго журнала свѣтскими лицами было для того времени не только новостью, но и дѣломъ небезопаснымъ. Но оба пріятеля надѣялись „на благость правительства и свободу, которую даруетъ оно умамъ и сердцамъ". Не безъ большого труда получилъ Лабзинъ разрѣшеніе издавать свой журналъ, съ правомъ представленія его не въ духовную, а въ гражданскую цензуру. Такъ зародился „Сіонскій Вѣстникъ". У Лабзина не было помощниковъ и сотрудниковъ, но „предавъ дѣло свое Промыслу, принялся за оное безъ размышленія и, такъ сказать, безразсудно". Средствъ у него также не было.

Лабзинъ, какъ и другіе мистики, былъ увѣренъ въ томъ, что общество слишкомъ прониклось вліяніемъ вредныхъ и опасныхъ книгъ и идей; вредная философія—это то вольнодумство, которое исходило изъ выводовъ просвѣтительной философіи. Съ этой философіей разума борется Лабзинъ. Онъ увѣренъ въ томъ, что не всякій разсудокъ „въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ", подобно тому, какъ не „всякій желудокъ въ состояніи переварить все, что человѣкъ ѣстъ." Между тѣмъ современные литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ свою стряпню модными снадобьями. Съ точки зрѣнія Лабзина, надо принять мѣры къ борьбѣ съ подобнаго рода направленіями. Такимъ орудіемъ борьбы должны быть книги противо-

положнаго направленія: „Когда есть книги соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя, —когда есть противонравственныя, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше“.

Свой новый журналъ Лабзинъ посвящаетъ религіи и священному писанію. Журналъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ, между прочимъ и тогдашнимъ православнымъ духовенствомъ. Журналъ даже пользовался шумнымъ успѣхомъ. „Переводы и статьи Лабзина,—ядовито замѣчаетъ Руничъ,—сгруппировали около него знаменитости и ничтожности, кающихся магдалинъ и матерей семействъ, видѣвшихъ въ его трудахъ противоядіе для философіи“. Уже въ мартовскихъ книжкахъ перваго года изданія (1806 г.) Лабзинъ печатаетъ статью—„Дань благодарности“, гдѣ не безъ гордости указываетъ на успѣхъ своего журнала.

Но Лабзинъ могъ не долго радоваться. Нашлись противники его журнала, которые готовы были видѣть въ немъ отступленіе отъ догматовъ православія. Замѣчанія эти стекались къ оберъ-прокурору Синода князю А. Н. Голицыну. Въ то время молодой оберъ-прокуроръ еще былъ самъ далеко не свѣдущъ въ религіозныхъ догматахъ, плохо въ нихъ разбирался, и, подчинившись постороннему вліянію, онъ сдѣлался противникомъ „Сіонскаго Вѣстника“. Императоръ Александръ поручилъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому и попечителю Петербургскаго Округа Новосильцеву ближе ознакомиться съ журналомъ. Оба они отстаивали „Вѣстникъ“. Но въ іюньской и іюльской книжкахъ журнала появились статьи, послѣ которыхъ оказывать поддержку Лабзину было невозможно. Статьи эти содержали въ себѣ передачу бывшихъ въ то время въ большомъ ходу предсказаній о Наполеонѣ. Тогда Россія находилась въ разрывѣ съ Франціей, и подобнаго рода статьи были признаны несообразными съ духомъ правительства. Лабзинъ оправдывался, но не могъ отстоять журнала.

Прекращеніе „Сіонскаго Вѣстника“ не остановило христіанско-религіозной дѣятельности Лабзина. Онъ обращается къ масонству и устраиваетъ свое особое масонское братство. Въ то время русское масонство пришло въ большой упадокъ. Новиков-

скія традиціи были забыты, почему масонскія ложи пріобрѣли характеръ мѣстъ, гдѣ люди сходились болѣе для того, чтобы убить время. Какъ послѣдователь Новикова, Лабзинъ стремится къ возрожденію истиннаго масонства. Въ его ложѣ мы встрѣчаемъ графа Разумовскаго, князя Гагарина, Граббе, священника Сперанскаго, пастора Эвенгофа, секретаремъ братства былъ Бѣляевъ, отецъ декабриста.

Лабзинъ видѣлъ въ масонствѣ первыя ступени, которыя ведутъ человѣка къ внутреннему очищенію и нравственному усовершенствованію.

Въ 1806 году Лабзинъ былъ первымъ піонеромъ религіозно-мистическаго направленія. Тогда затѣя его нашла не мало враговъ. Но съ теченіемъ времени картина стала мѣняться. Мистическое настроеніе разливалось широкой волной, захвативъ и видныхъ членовъ Библейскаго общества и министра духовныхъ дѣлъ и самого государя. На этомъ поприщѣ Лабзинъ былъ уже не одинъ. Когда онъ теперь обратился къ тому же князю Голицыну, то нашелъ въ немъ горячую поддержку въ дѣлѣ воскрешенія „Сіонскаго Вѣстника". Князь Голицынъ, теперь самъ мистикъ, писалъ въ своемъ представленіи государю по поводу возобновленія „Сіонскаго Вѣстника": „Перечитавъ всѣ мѣста, на кои указано было въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ цензурой, я ужаснулся, сколько отъ невѣжества моего отяготилъ я судьбу невиннаго".

„Сіонскій Вѣстникъ" вновь появился въ 1816 году. Лабзинъ опять былъ въ модѣ и даже мечталъ сдѣлать изданіе „Вѣстника" предпріятіемъ государства, мечталъ даже объ учрежденіи особеннаго департамента для изданія духовныхъ книгъ. Успѣхи Лабзина на литературномъ поприщѣ снова прервались вслѣдствіе настойчивыхъ критическихъ замѣчаній, шедшихъ изъ среды православнаго духовенства. Голицынъ, самъ цензуровавшій „Вѣстникъ", долженъ былъ признаться, что пропустилъ мѣста, непріемлемыя съ точки зрѣнія господствующей религіи. „Вѣстникъ" отданъ былъ для просмотра духовной цензурѣ, и это обстоятельство заставило Лабзина прекратить изданіе журнала.

Вскорѣ у Лабзина, бывшаго тогда вице-президентомъ академіи художествъ, вышли непріятности по службѣ. За неумѣстное замѣчаніе въ собраніи Академіи, что если избирать близкихъ государю въ почетные любители Академіи, то можно избрать и

государева кучера Илью, Лабзинъ былъ по высочайшему повелѣнію сосланъ въ городъ Сенгилей Симбирской губерніи.

Такъ окончилъ свою дѣятельность этотъ способный и настойчивый проводникъ мистическихъ ученій. Его мистицизмъ не выдѣлялся никакими особенностями сравнительно съ ученіемъ западно-европейскихъ мистиковъ.

Другіе мистики шли гораздо дальше въ вопросахъ вѣры во внутреннюю церковь и признанія необходимости духовнаго общенія съ божествомъ. Въ послѣднемъ отношеніи большого вниманія заслуживаетъ секта Татариновой. Е. Ф. Татаринова, урожденная Буксгевденъ, была натурой склонной къ экзальтаціи и религіозно настроенная. Брошенная въ 1815 году мужемъ, она поселилась въ Михайловскомъ замкѣ. Смерть единственнаго сына еще болѣе способствовала углубленію ея въ дѣла религіи и благотворительности. Ища религіознаго утѣшенія, она познакомилась съ семьею Ненастьевыхъ. Ненастьевы принадлежали къ обществу скопческой ереси, но не требовали отъ поступавшихъ въ это общество тѣлеснаго искаженія. Въ семьѣ Ненастьевыхъ она встрѣчалась съ знаменитымъ скопцемъ Селивановымъ. Селивановъ при Екатеринѣ былъ битъ кнутомъ и отправленъ въ Сибирь, но потомъ при Александрѣ появился въ Петербургѣ. Среди скопцевъ Селивановъ почитался „истиннымъ Христомъ“ „искупителемъ“, „вторымъ сыномъ Божіимъ“. Скопцы приписывали ему даръ предсказанія и видѣли въ немъ Петра III, скрывшагося отъ Екатерины. Вліяніе Селиванова было весьма значительно. Въ 1805 году императоръ Александръ посѣтилъ его передъ отъѣздомъ въ армію и будто бы „искупитель“ предвидѣлъ неудачный исходъ войны. Татаринова сначала посѣщала скопческія радѣнія, но потомъ окончательно разошлась съ ними изъ-за вопроса о тѣлесномъ искаженіи. Она уединилась отъ свѣтскаго общества, предалась молитвѣ и благотворительности. Только близкіе знакомые посѣщали ее. Она не отказывала имъ въ духовномъ наставленіи. Скоро кругъ ея поклонниковъ сталъ быстро возрастать и около Татариновой составилось общество подъ именемъ „братства во Христѣ“. Это общество было довольно многочисленно. Въ немъ мы на ряду съ демократическими фамиліями встрѣчаемъ тайнаго совѣтника Попова, княжну Крапоткину, княгиню Енгалычеву, министра народнаго просвѣщенія князя А. М. Голицына, знакомаго намъ Лабзина, Милорадовичей, Головиныхъ, монаха Іова и

многихъ другихъ. Общество Татариновой не было сектой въ собственномъ смыслѣ, потому что оно не имѣло никакой организаціи, и собранія заключались въ томъ, что Татаринова читала и толковала священное писаніе. Члены общества исполняли обряды православной церкви, стремясь, однако, къ духу истиннаго христіанства.

Среди поклонниковъ Татариновой мы встрѣчаемъ и нѣкоторыхъ скопцевъ, вродѣ извѣстнаго Никиты Ѳедорова (пророкъ Никитушка). Сама Татаринова, впервые прояснившаяся духомъ Божіимъ въ средѣ скопцовъ, имѣла также склонность къ нѣкоторымъ сторонамъ скопческой ереси. Неудивительно поэтому, что собранія у Татариновой вскорѣ приняли характеръ круженій или такъ называемыхъ радѣній, употребляемыхъ скопцами. На эти радѣнія собиралось довольно значительное количество поклонниковъ Татариновой. Тутъ бывали и Лабзинъ и А. М. Голицынъ. Вѣроятно, круженіе какого нибудь тайнаго совѣтника, какъ В. М. Попова, въ мундирахъ и при орденахъ (по тогдашнему обыкновенію) представляло собой любопытное зрѣлище. Во время радѣній являлись и пророки. Большею частью пророчествовала сама Татаринова или скопецъ Федоровъ. Интересно, что послѣдній, по ходатайству князя Голицына, будучи музыкантомъ, награжденъ былъ чиномъ XIV класса за свою пророческую дѣятельность.

О радѣніяхъ Татариновой въ городѣ ходили самые разнообразные слухи, но, пользуясь высокимъ заступничествомъ, она спокойно продолжала свою дѣятельность. Когда вышелъ указъ 1822 года о закрытіи тайныхъ обществъ, то и отъ Татариновой отобрали подписку о томъ, что она впредь не будетъ собирать у себя собраній и кромѣ того императоръ выселилъ ее изъ Михайловскаго замка, хотя далъ ей средства на наемъ квартиры. Поселившись въ другомъ мѣстѣ Татаринова, все-таки продолжала свои собранія, хотя онѣ не были уже столь часты и многочисленны.

Общество Татариновой, какъ мы видѣли, имѣло тѣсную связь съ мѣстнымъ сектантствомъ. Но на петербургское общество большое вліяніе оказали также и представители различныхъ мистическихъ ученій, появлявшіеся въ Петербургѣ. Серьезный интересъ для характеристики тогдашней эпохи представляетъ собою дѣятельность баронессы Крюднеръ.

Крюднеръ представляетъ собою въ высшей степени любопытную фигуру того времени. Это типичная натура, дѣятельность которой можетъ характеризовать мистическое настроеніе эпохи.

Варвара-Юлія Фитингофъ, по мужу баронесса Крюднеръ, родилась въ 1764 году и принадлежала къ крупной ливонской аристократической фамиліи; она была внучкой знаменитаго фельдмаршала Миниха. Воспитаніе ея состояло въ изученіи французскаго языка, танцевъ и свѣтскихъ манеръ. Богатая наслѣдница вышла замужъ за хорошо образованнаго, но уже не молодого барона Крюднера, быстро двигавшагося по служебной карьерѣ. Баронъ былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, позже въ Венеціи и, наконецъ, въ Берлинѣ. Молодая жена стараго дипломата была натурой страстной и увлекающейся. Молодость свою она провела очень бурно, нѣсколько разъ бросала мужа для того, чтобы всецѣло отдаться другому. Бросая барона, она впрочемъ каждый разъ мечтала, что еще успѣетъ выбрать время, дабы „усладить его жизнь, облегчить бремя лѣтъ своей нѣжностью, заставить его забыть долгое одиночество, въ которомъ онъ жилъ“. Впрочемъ, баронъ такъ и не дождался этой житейской услады, ибо умеръ тогда, когда его жена веселилась въ Парижѣ съ кавалерійскимъ офицеромъ (въ 1802 г.). И при мужѣ и оставшись вдовою, баронесса проводила бродячую жизнь. Въ Парижѣ, куда она бѣжала изъ Копенгагена съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ, она въ годъ революціи пробовала играть видную роль въ тамошнихъ салонахъ, но, сознавъ въ себѣ отсутствіе образованія, поспѣшила на югъ Франціи, на этотъ разъ уже съ ученымъ аббатомъ.

Легкомысленная жизнь и перемѣна поклонниковъ не вполнѣ удовлетворяли молодую женщину. Крюднеръ стремилась къ славѣ, ей хотѣлось быть знаменитостью. Свѣтская женщина то стремится сойтись съ кругомъ литераторовъ, то предается преувеличенной сентиментальности и мечтательной экзальтаціи. Склонность къ экзальтаціи несомнѣнно была врожденнымъ свойствомъ Крюднеръ. Мечтательность съ религіознымъ оттѣнкомъ особенно развивалась въ ней, когда она разставалась съ кѣмъ нибудь изъ своихъ поклонниковъ и по бюджетнымъ соображеніямъ удалялась въ свои ливонскія помѣстья. Такъ, разставшись съ драгунскимъ офицеромъ Фрежвилемъ, она поселяется въ своихъ помѣстьяхъ и пишетъ мечтательныя письма своей бывшей гувернанткѣ г-жѣ

Арманъ, жившей въ Швейцаріи,—мечтаетъ о томъ, какъ онѣ обѣ поселятся вмѣстѣ въ простой сельской обстановкѣ, будутъ „трудиться, какъ поселянки, дѣлать добро, съ самоотверженіемъ переносить тягости жизни и всегда благословлять Благодѣтельнаго Творца природы за то, что Онъ имъ пошлетъ“. Сентиментальныя стремленія къ природѣ въ общемъ составляютъ характерную черту Крюднеръ и эти мечты представляли собою странный контрастъ съ ея свѣтской жизнью. Среди этой жизни ей воображалось, что „она любитъ только простыя и естественныя удовольствія, мирныхъ друзей, ровную жизнь, любитъ только то, что любили лучшіе изъ людей, изучаетъ жизнь достойныхъ людей, чтобы подражать имъ въ собственной жизни; любитъ только природу и себя самое—въ томъ порядкѣ какой она установила“. Этой „близкой къ природѣ“ женщинѣ пришлось, однако, заплатить за три мѣсяца своей жизни въ Парижѣ своей модисткѣ 20000 франковъ.

Къ 28 годамъ жизнь успѣла сильно отразиться на Крюднеръ. Ея красота стала блекнуть и это обстоятельство усиливало ея дурное расположеніе духа. „Ей хотѣлось бы остаться молодой,—говоритъ одинъ изъ ея біографовъ-почитателей,—и съ этой цѣлью она изобрѣтала моды болѣе оригинальныя и странныя, чѣмъ красивыя и граціозныя, которыя всѣмъ бросались въ глаза, ненравясь никому“. Привычка первенствовать и зарождающееся сознаніе, что поклонниковъ больше не чѣмъ уже привлекать, заставляетъ эту,—во всякомъ случаѣ сильную натуру,—искать другихъ выходовъ. Она пробуетъ добиться успѣха на литературномъ поприщѣ. Она пишетъ романъ, имѣющій отчасти автобіографическій характеръ, и добивается кратковременнаго и довольно шумнаго успѣха въ Парижскихъ литературныхъ салонахъ при помощи, однако, купленныхъ литературныхъ критиковъ и восхваляющихъ поэтовъ. Этотъ успѣхъ, однако, не удовлетворилъ тщеславія Крюднеръ. „Въ госпожѣ Крюднеръ,—говоритъ ея біографъ,—слишкомъ развито было личное тщеславіе, которымъ она обманывала нерѣдко и сама себя; она слишкомъ любила рисоваться и привыкла къ аффектаціи и самохвальной выставкѣ,—чтобы эти свойства ея характера не высказались и въ новомъ направленіи ея суетливой жизни“. Отъ легкомысленной жизни и кратковременныхъ литературныхъ успѣховъ Крюднеръ, со свойственной ей аффектаціей, отдается религіи. Молодое сердце она предоставляла

поклонникамъ, истрепанное отдала Богу. Такъ произошла одна изъ довольно частыхъ метаморфозъ.

Уже раньше, въ годины любовныхъ неудачъ, въ Крюднеръ проявлялось стремленіе къ близости природы; она любила говорить о небѣ, о Провидѣніи, будучи иногда готова объяснить факты собственной жизни Его вмѣшательствомъ. Все это, разумѣется, подготовляло почву для послѣдующаго „обращенія“ Крюднеръ. Она не была способна отдаться положительной религіи: послѣдняя не могла бы удовлетворить ея тщеславія, не давала бы удовлетворенія ея страстной натурѣ. Нѣсколько случайныхъ встрѣчъ направили ее на путь религіознаго мистицизма. Такой случайной встрѣчей было знакомство съ однимъ башмачникомъ въ Ливоніи, принадлежавшимъ къ сектѣ гернгутеровъ. Въ Силезіи и Лузаціи она ближе знакомится съ ученіемъ моравскихъ братьевъ. Она стремилась и въ періодъ своего просвѣтлѣнія ко всему особенному, чрезвычайному, необыкновенному. Острое чувство любопытства влекло ее къ фанатикамъ, визіонерамъ, самозваннымъ пророкамъ. Даже знакомство съ патріархомъ мистики Юнгомъ Штиллингомъ не удовлетворило Крюднеръ. Въ то время Штиллингъ уже глубокій старикъ жилъ въ Карлсруэ. Съ нимъ въ 1808 году знакомится она и является въ числѣ его поклонницъ, получаетъ отъ него наставленія.

Юнгъ Штиллингъ, патріархъ европейской мистики, пережилъ самъ, какъ и большинство учителей мистики, жизнь, полную превратностей. Началъ онъ свою дѣятельность плохимъ портнымъ въ маленькомъ нѣмецкомъ мѣстечкѣ, потомъ превратился въ легкомысленнаго студента медицины и вышелъ неудачнымъ глазнымъ врачемъ, продолжалъ свою дѣятельность невѣжественнымъ профессоромъ технологіи и сельскаго хозяйства, все время упорно ища своего настоящаго призванія. Еще въ дѣтствѣ его дѣдъ, сельскій пасторъ, сказалъ отцу, что изъ маленькаго Юнга выйдетъ великій человѣкъ, только не слѣдуетъ выпускать его изъ-подъ розги. Отецъ Юнга такъ и поступалъ, и на склонѣ лѣтъ Штиллингъ, наконецъ, сдѣлался великимъ учителемъ мистики.

Штиллингъ открываетъ Крюднеръ новый міръ мистическаго піэтизма. Но у нея скоро прошло увлеченіе Штиллингомъ, для нея онъ оказался лишь человѣкомъ „чрезвычайнымъ, достойнымъ изученія и изслѣдованія“. Большое впечатлѣніе на Крюднеръ произвелъ крестьянинъ Адамъ Мюллеръ, занимавшійся пророче-

ствомъ. Подъ его вліяніемъ она сама проникается духомъ пророчества. Затѣмъ она сходится съ пасторомъ Фонтеномъ. Фонтенъ дѣйствовалъ черезъ пророчицу Марію Куммеръ, которая еще въ 1811 году возвѣстила о побѣдѣ бѣлаго ангела надъ чернымъ. Фонтенъ и Куммеръ пользовались долгое время горячими симпатіями Крюднеръ.

При такихъ условіяхъ для Крюднеръ началась новая жизнь. Сойдясь съ пророками и проповѣдниками мистическихъ ученій, она сама превратилась въ пророчицу и проповѣдницу и сама стала пріобрѣтать поклонниковъ. Одна ея поклонница фрейлина императрицы Елизаветы Роксана Стурдза, по мужу графиня Эдлингъ, такъ характеризуетъ жизнь Крюднеръ въ Баденѣ въ первый періодъ ея обращенія: „Сюда стекались къ ней бѣдняки, несчастные, дѣти, а иногда и люди свѣтскіе, приходившіе, подобно мнѣ, подышать въ болѣе чистой атмосферѣ любви и мира. Въ эту эпоху своей жизни она искала Бога въ дѣлахъ нѣжной благотворительности, добровольной бѣдности и восторженнаго религіознаго созерцанія. Лишь впослѣдствіи эта восторженность подѣйствовала потрясающимъ образомъ на всю ея внутреннюю организацію. Тогда весь свѣтъ вокругъ нея подернулся таинственнымъ мистическимъ покровомъ; и физическая и нравственная природа населилась для нея призраками, не дававшими ей покоя. Но и среди своихъ заблужденій она оставалась всегда тою же доброю, глубоко симпатичною женщиною. Ея душа всегда была открыта для всѣхъ несчастныхъ и никогда не отказывала она въ слезѣ сочувствія къ страданіямъ и ошибкамъ себѣ подобныхъ“.

Крюднеръ съ жаромъ отдается проповѣдничеству. Она направила свою проповѣдь въ народную среду, гдѣ находила болѣе внимательныхъ слушателей. Для пролетаріевъ языкъ новой пророчицы былъ доступенъ и убѣдителенъ. Она возвѣщала скорый конецъ свѣта. Въ своихъ проповѣдяхъ она разражалась грозными тирадами противъ богачей и пламенно говорила о христіанскомъ братствѣ и равенствѣ. Въ деревушкѣ Шлухтернъ (Гессенскомъ курфюршествѣ,—гдѣ одно время поселилась Крюднеръ) крестьяне толпами стекались къ Крюднеръ, чтобы увидѣть и услышать ее. Собранія вѣрующихъ происходили подъ открытымъ небомъ. Здѣсь она изрекала свои грозныя тирады и дѣлала предсказанія.

Въ Швейцаріи она занимается организаціей помощи голодающимъ, пока не была выселена республиканскимъ правительствомъ.

Впрочемъ, ученіе Крюднеръ не можетъ быть точно и строго формулировано. Ея нравственныя и религіозныя идеи отличаются темнотою и неопредѣленностью. Крюднеръ серьезно считала себя испытавшей „въ настоящемъ смыслѣ слова чудеса“, посвященной „въ глубочайшія тайны вѣчности“. Она призывала всѣхъ, ожидающихъ блаженства, отдаться вполнѣ Христу. Христосъ соберетъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ, послѣ чего настанетъ его царство, „онъ придетъ къ намъ царствовать 1000 лѣтъ на землѣ. Отдайтесь ему и просите только вѣры и любви къ нему и къ его небесному Отцу“... Какъ всѣ мистики, она вѣрила въ близкое общеніе съ божествомъ, чувствовала Бога „совсѣмъ подлѣ себя“; и глубоко вѣрила въ получаемыя ею отъ божества внушенія. Богъ давалъ ей указанія пойти въ то или другое мѣсто, къ людямъ, которыхъ онъ ей уготовилъ. Крюднеръ серьезно считала себя пророчицей и изрекала темныя неопредѣленныя предсказанія, которыя впослѣдствіи, прокомментированныя ея поклонниками, служили къ вящей ея славѣ. Она предрекала скорую кончину міра и паденіе царства зла, представителемъ котораго для нея былъ Наполеонъ: все будетъ ниспровержено—„школы, человѣческія науки, государства, троны“; настанетъ царство дѣтей божіихъ, сыновъ Израиля, въ которомъ найдутъ утѣшеніе всѣ ищущіе блаженства. Она предсказывала даже, по ея увѣреніямъ, нѣкоторыя политическія событія, напримѣръ бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и проч.

Крюднеръ не довольствовалась одной только проповѣдническою дѣятельностью среди южно-нѣмецкаго крестьянства. Она дѣлала попытки, особенно въ началѣ своего обращенія, утвердиться въ придворныхъ сферахъ. Она пробовала вліять на королеву прусскую Луизу, имѣла свиданіе съ императрицей Елизаветой Алексѣевной, но ея фанатизмъ для обѣихъ, склонныхъ къ положительной религіи, былъ мало понятенъ. Въ придворныхъ сферахъ она пріобрѣла себѣ одну лишь вѣрную поклонницу фрейлину Роксану Стурдзу, сестру извѣстнаго Александра Стурдзы. При посредствѣ послѣдней Крюднеръ сдѣлалась извѣстной императору Александру I-му. Когда императоръ въ 1814 году остановился на пути къ арміи въ Гейльброннѣ, Крюднеръ внезапно явилась вечеромъ во дворецъ и потребовала свиданія съ императоромъ. Внезапное появленіе проповѣдницы поразило Александра I. Нѣсколько часовъ они провели въ религіозной бесѣдѣ. „Въ

этомъ первомъ свиданіи,—говоритъ одинъ свидѣтель событій,—госпожа Крюднеръ старалась побудить Александра углубиться въ самаго себя, показывая ему его грѣховное состояніе, заблужденія его прежней жизни и гордость, которая руководила имъ въ его планахъ возрожденія". Свиданія императора съ Крюднеръ были довольно часты, пока государь ожидалъ армію, двигавшуюся противъ Наполеона, внезапно водворившагося во Франціи, проживая въ Гейльброннѣ, а потомъ въ Гейдельбергѣ. Нѣкоторые изъ почитателей Крюднеръ приписывали этимъ свиданіямъ весьма большое политическое значеніе и между прочимъ идею Священнаго союза считали внушенной Крюднеръ императору. Но, кажется, въ этихъ бесѣдахъ собесѣдники не касались политики, занимаясь исключительно вопросами религіозными, и болѣе осторожные историки отрицаютъ участіе Крюднеръ въ выработкѣ идеи Священнаго союза.

Имя Крюднеръ пользовалось громкой извѣстностью, когда она появилась въ Петербургѣ. Салонъ ея сталъ быстро наполняться, ея проповѣдь стала наиболѣе модной. Но этотъ успѣхъ продолжался недолго. Крюднеръ стала вмѣшиваться въ дѣла политики. Тогда императоръ посовѣтовалъ ей удалиться въ Ливонію, гдѣ она предалась аскетизму и вскорѣ умерла.

Увлеченіе русскаго общества религіозной мистикой является очень важнымъ показателемъ тогдашняго настроенія. Религіозное вольнодумство и вольтеріанство конца XVIII в. смѣнилось другой крайностью—стремленіемъ къ мистицизму и піэтизму.

Мистицизмъ, какъ извѣстно, противорѣчитъ церковному авторитету. Сущность мистицизма заключается въ стремленіи къ достиженію богопознанія путемъ непосредственнаго, внутренняго созерцанія Бога. Онъ стремится къ постоянному духовному общенію съ божествомъ и къ духовному возрожденію силою дѣйствующаго въ человѣкѣ духа благодати. Ища откровенія въ самомъ себѣ, человѣкъ порываетъ съ внѣшними признаками церковнаго авторитета. Церковная обрядность является только символами, внѣшнею церковью, въ противоположность внутренней. Но это различіе между церковнымъ ученіемъ и внутреннею церковью было не велико тамъ, гдѣ мистицизмъ не успѣлъ прочно укрѣпиться.

По самому характеру распространенія мистицизма въ Россіи легко усмотрѣть, что онъ падалъ на крайне зыбкую почву. Об-

щество легко набрасывалось на каждую новинку. Однихъ и тѣхъ же лицъ мы видимъ благоговѣйно присутствующими и на радѣніяхъ Татариновой, и принимающими участіе въ тихой духовной молитвѣ англійскихъ квакеровъ, и слушающими экзальтированную проповѣдь Крюднеръ. И въ то же время, не довольствуясь духовнымъ самоуглубленіемъ, „внутренней церковью“ и чтеніемъ священнаго писанія, тѣ же самыя лица проявляютъ усердіе въ духѣ господствующей церкви. Князь Голицынъ, типичный представитель тогдашняго увлеченія мистицизмомъ, ищетъ поученія у всѣхъ мистиковъ и въ то же время устраиваетъ у себя домовую церковь, выполняетъ обряды и „вкушаетъ хлѣбцы духовныя“ у правовѣрнаго архимандрита Фотія. Отсюда ясно, что увлеченіе мистицизмомъ для большинства явилось временнымъ налетомъ, и послѣ краткаго его господства, общество проникается рвеніемъ въ духѣ господствующей церкви, какъ впрочемъ и въ Западной Европѣ кватковременное увлеченіе мистицизмомъ смѣняется увлеченіемъ католицизмомъ. Поворотъ къ господствующей церкви въ Россіи сталъ особенно замѣчаться около 20-го года. Онъ, несомнѣнно, былъ гораздо глубже увлеченія мистицизмомъ. Изъ столицъ это теченіе широкимъ потокомъ разнеслось по провинціямъ, чему весьма способствовало развитіе библейскихъ обществъ.

Кромѣ религіознаго и общественнаго значенія, мистицизмъ и особенно поворотъ къ господствующей церкви имѣютъ еще другое чрезвычайно важное значеніе. Религіозное воодушевленіе является реакціей по отношенію къ философской мысли, вѣра въ сверхъестественное, въ общеніе съ божествомъ, полное подчиненіе ему и его земнымъ пророкамъ является реакціей по отношенію къ періоду господства разума. Для немногихъ избранныхъ, каковы Чаадаевъ, Витбергъ, впослѣдствіи Печеринъ, мистика была средствомъ разрѣшить религіозно-философскіе вопросы, понять путемъ мистическаго прозрѣнія смыслъ жизни. Этотъ чистый мистическій идеализмъ былъ сродни тому философскому идеализму, который уже въ двадцатыхъ годахъ захватилъ нашихъ молодыхъ философовъ, такъ называемыхъ любомудровъ, и широко развился въ Николаевскую эпоху. Но въ своей обычной, популярной формѣ мистика держалась не особенно высоко отъ земли и какъ на Западѣ, такъ и у насъ, была вдохновительницей общественной и политической реакціи. Бурныя событія, послѣдовавшія за французской революціей, утомили об-

щество. Политическіе идеалы,—такъ казалось многимъ, — были разбиты. Философія конца XVIII вѣка высоко ставила разумъ, она несла съ собою просвѣщеніе и при посредствѣ просвѣщенія низвергала традиціонные авторитеты, политическіе и религіозные. Религіозная экзальтація исходитъ изъ совершенно противоположнаго начала. Въ вопросахъ философскихъ и политическихъ она ищетъ подкрѣпленія во всемъ томъ, что имѣетъ авторитетъ старины, традиціи, что покрыто неясной таинственностью; вѣра въ сверхъестественную силу подрываетъ авторитетъ просвѣщенія. Неудивительно поэтому, что возвратъ къ религіи повлекъ за собою возвратъ къ старымъ формамъ политическаго строя и къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ. Мистицизму враждебны либеральныя идеи, гдѣ проявляется человѣческій разумъ, для него революція является дѣяніемъ антихриста. Легко догадаться, что это теченіе явилось весьма подходящимъ для реакціонныхъ правительствъ. Меттернихъ очень вѣрно оцѣнилъ его и подчинилъ его реакціонной политикѣ австрійскаго правительства. И русскіе государственные люди очень скоро сдѣлали реакціонное настроеніе общества опорой своей политики. Тогда Россія пережила одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ своей исторіи.

ГЛАВА XI.

Кн. А. Н. Голицынъ и торжество правовѣрія.

Реакціонная дѣятельность правительства достигаетъ полной силы, когда во главѣ ея сталъ близкій къ императору Александру человѣкъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, и когда реакціонеры свили себѣ прочное гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ. Необходимо познакомиться, какъ съ названнымъ представителемъ реакціи, такъ и съ тѣмъ учрежденіемъ, изъ котораго она выходила.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ является такой личностью, которая окрашиваетъ цѣлый періодъ. Съ императоромъ Александромъ его связывала тѣснѣйшая дружба,—такая, которая соединяетъ людей, выросшихъ вмѣстѣ. Эти личныя искреннія отношенія никогда не нарушались. Довѣріе къ нему императора можно считать безграничнымъ. При императорѣ Павлѣ и въ первые годы вступленія на престолъ Александра князь Голицынъ занималъ только придворныя должности, видимо не имѣя честолюбія двигаться по служебной лѣстницѣ. Онъ проводилъ молодость весело, велъ разсѣянную жизнь среди вина и женщинъ, отличался веселымъ характеромъ, въ своихъ сарказмахъ не щадилъ ни людей, ни религіозныхъ истинъ. Какъ и всѣ молодые люди, выросшіе въ концѣ XVIII вѣка, онъ увлекался философіей и серьезно считалъ себя деистомъ, хотя въ сущности былъ полнымъ невѣждой, какъ въ философіи, такъ и въ религіи.

Къ 1803 году распри между синодальными членами и оберъ-прокуроромъ Яковлевымъ стали тяготить государя. Однажды, совершенно неожиданно для Голицына, за обѣдомъ, государь выразилъ настойчивое желаніе, чтобы молодой повѣса занялъ должность оберъ-прокурора. „Мнѣ бы хотѣлось,—говорилъ государь,—чтобы преданный мнѣ и мой, такъ сказать, человѣкъ занималъ

эту важную должность. Я никогда къ себѣ не допускалъ Яковлева, никогда съ нимъ вмѣстѣ не работывалъ; а ты будешь непосредственно имѣть со мной дѣло, потому что вмѣстѣ съ симъ я назначаю тебя и моимъ статсъ-секретаремъ". Самъ государь понималъ, что такое занятіе покажется „дикимъ" представителю золотой петербургской молодежи, но, прибавилъ государь, „мнѣ совершенно извѣстны твои честныя правила, отъ которыхъ, равно какъ и отъ твоей добросовѣстности, я всего надѣюсь добраго". Голицынъ былъ смущенъ. Извѣстная и государю его добросовѣстность заставила его долго раздумывать надъ принятіемъ этого мѣста. Князь сознавалъ, что онъ не знаетъ дѣла, страннымъ казалось ему ѣздить въ старинное зданіе Петровскихъ коллегій на Васильевскій островъ и засѣдать среди рясъ. „Какой я оберъ-прокуроръ?—думалъ я самъ про себя. Я ничему не вѣрю". Онъ признался государю въ своихъ колебаніяхъ: при его образѣ мыслей о религіи, служба въ Синодѣ означала бы „стоять на перекоръ совѣсти и вопреки моихъ умственныхъ понятій". Голицынъ оттягивалъ окончательный отвѣтъ, государь высказывалъ неудовольствіе; Голицыну пришлось уступить.

Первые же моменты дѣятельности въ Синодѣ вызвали въ Голицынѣ веселое настроеніе, выразившееся въ сарказмахъ. Молодой оберъ-прокуроръ старался быть въ Синодѣ „важнымъ, степеннымъ", но какъ разъ первыя же дѣла, которыя ему пришлось слушать, — это были дѣла о прелюбодѣяніяхъ, изобиловавшія пикантными подробностями. „Мнѣ тогда показалось, — сдѣлалъ наблюденіе оберъ-прокуроръ—что и святые отцы вовсе не были прочь ихъ выслушивать: что же мнѣ,—молодому холостяку?" Молодой оберъ-прокуроръ подтрунивалъ надъ Синодомъ, иногда даже допускалъ „дерзновенное богохульство", въ которомъ потомъ самъ каялся. „Страсти крѣпко обуревали мою душу, и я любилъ тогда поддаваться особенно тѣмъ изъ ихъ изысканныхъ нелѣпостей, гдѣ занимаемое мною званіе, званіе по справедливости столь важное, могло служить наибольшимъ упрекомъ моего тогдашняго поведенія". Молодого оберъ-прокурора забавляло, что въ чаду молодого разгулья, „въ тѣсномъ кругу тогдашнихъ прелестницъ", онъ воображалъ, какъ удивились бы онѣ, если бы узнали, что среди нихъ находится самъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода.

Но добросовѣстность была дѣйствительно замѣтной чертой въ характерѣ Голицина. Съ языческой добросовѣстностью, какъ

онъ самъ опредѣляетъ, онъ приступилъ къ занятію дѣлами Синода. Намъ впослѣдствіи еще придется говорить о дѣятельности князя Голицына, какъ синодальнаго оберъ-прокурора. Но теперь мы слѣдимъ за тѣми чертами характера князя Голицына, которыя сдѣлали его въ итогѣ ревностнѣйшимъ сыномъ всѣхъ религіозныхъ направленій.

Вскорѣ и государь замѣтилъ въ своемъ другѣ значительную перемѣну. Черезъ два года Голицыну пришлось вступить въ сильный споръ съ государемъ при докладѣ по поводу одного частнаго дѣла о разводѣ. Оберъ-прокуроръ обнаружилъ большой запасъ знаній изъ постановленій святыхъ отцовъ и вселенскихъ соборовъ и сильно настаивалъ на утвержденіи Синодской резолюціи, не допускавшей развода одного генерала, на которомъ настоять весьма хотѣлось императору. Государь смотрѣлъ съ удивленіемъ на своего друга и спросилъ его: неужели онъ начинаетъ вѣрить? „Вижу,—сказалъ въ заключеніе разговора государь,—что попы сдѣлали съ тобою свое дѣло“. Дѣйствительно, оберъ-прокуроръ сдѣлался ревностнымъ защитникомъ синодальныхъ правъ и церковныхъ постановленій. Онъ самъ все болѣе и болѣе углублялся въ область религіи. Онъ близко сходится съ представителями мистическихъ направленій. Первымъ другомъ его и наставителемъ въ этомъ отношеніи былъ извѣстный мистикъ Р. А. Кошелевъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Голицынъ самъ отмѣчаетъ этотъ переходъ: „Я добросовѣстно вѣрилъ истинамъ священнаго писанія; вѣрилъ охотно, добродушно всему, что религія ни подставляла для наружнаго наблюденія и исполненія, и сердце мое, хотя и носило въ себѣ полное ко всему убѣжденіе, но выражать это живое убѣжденіе въ словѣ, но опровергать въ полнотѣ и съ нѣкоторою методою встрѣчавшійся скептицизмъ въ людяхъ, я никакъ не могъ и не рѣшался“. Это признаніе князя Голицына чрезвычайно характерно: оно отражаетъ и его характеръ и его способности. Онъ воспринималъ всякую религію, всякую вѣру, въ которой его старались убѣдить только потому, что не умѣлъ и не могъ оспаривать то, въ чемъ его убѣждали. Правда, чтобы исправить въ себѣ этотъ недостатокъ, кн. Голицинъ ревностно изучалъ „контроверзическія разысканія“, но онѣ мало помогали ему и такъ и не научили его разбираться въ тонкостяхъ религіозныхъ истинъ.

Во всякомъ ученіи онъ прежде всего усваивалъ внѣшнюю его обрядовую сторону. Его вскорѣ стали тяготить воспоминанія о тѣхъ сарказмахъ по адресу религіи, которые онъ позволялъ себѣ въ молодости. Для того, чтобы заглушить эти воспоминанія, раскаявшійся грѣшникъ прежде всего стремится обстановку домашней жизни согласовать съ его новыми религіозными увлеченіями. Онъ началъ съ поста и умерщвленія плоти. Вмѣсто мягкаго пуховика, онъ сталъ спать на деревянной скамейкѣ, узкой и короткой, иногда совсѣмъ лишалъ себя сна, спалъ въ сырой комнатѣ, нарочито выбранной. Страсти начали улегаться. Но съ одной изъ нихъ долго боролся оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода: „самая лютая страсть", объясняемая сангвиническимъ темпераментомъ, долго не могла улечься и доводила святошу до безумія, до рискованныхъ поступковъ; борясь съ этой страстью, князь „съ содраганіемъ" иногда думалъ „о неотразимой невозможности навсегда оставить женщинъ"; онъ поборолъ и эту страсть, хотя и въ старости признавался, что онъ, къ его глубокому сожалѣнію, сохраняетъ „еще всю возможность паденія", и тогда даже не рѣшался „ѣхать въ одномъ и томъ же экипажѣ или оставаться наединѣ съ какою бы то ни было молодою женщиной".

Князь заводитъ у себя домовую церковь и является ревностнѣйшимъ выполнителемъ обрядовой стороны православной религіи. Но одновременно онъ проникается и мистическими ученіями. Письма кн. Голицына къ архимандриту Фотію, его духовному брату, исполнены текстами не только евангельскими и библейскими, но и текстами церковныхъ пѣснопѣній, что подтверждаетъ признаніе автора этихъ писемъ въ постоянномъ упражненіи въ молитвѣ. Онъ молится много и усердно, безпрестанно проситъ своего духовнаго отца молиться за него. Эти искреннія письма сохранили намъ признаніе Голицына о частыхъ слезахъ, коими онъ плакалъ „о грѣхахъ своихъ". Въ то же время онъ ищетъ всякаго рода признаковъ присутствія и снисхожденія божества. Онъ искренне удивляется тѣмъ чудесамъ и снамъ, которые описываетъ ему Фотій, но самъ князь—человѣкъ чистый и неэкзальтированный—это спокойный религіозный человѣкъ, почему въ своей жизни онъ не находитъ признаковъ внѣшняго проявленія божества. Впрочемъ, онъ ищетъ его: влетѣли три голубя въ домовую церковь, летали въ алтарѣ, мальчикъ сталъ ловить ихъ и они улетѣли; кн. Голицымъ съ трепетомъ сообщаетъ объ этомъ событіи

своему корреспонденту, готовый въ этомъ видѣть знаменіе. Онъ тщательно подбираетъ всякаго рода церковыя реликвіи. Онъ собираетъ въ своей церкви ваіи изъ Іерусалима, іерусалимскіе крестики и т. п., охотно дѣлясь этими священными реликвіями съ своимъ корреспондентомъ. Его трогаетъ, когда Фотій прислалъ ему хлѣбъ съ выпеченнымъ на верху крестикомъ: „я не могу Вамъ описать, какъ мнѣ пріятно было вкусить сего хлѣба“,—сообщаетъ кн. Голицынъ своему духовному отцу. Въ то же время онъ пишетъ о своей привязанности къ нему и проситъ его кормить „меня духовнымъ хлѣбомъ“. Вообще, съ особенной сладостью кн. Голицынъ любитъ „вкушать хлѣбца духовныя“ у правовѣрнаго архимандрита Фотія. Оба корреспондента часто, впрочемъ, говорятъ на разныхъ языкахъ. Кн. Голицынъ говоритъ „о внутренней церкви“,—Фотій о внѣшней церкви. Проникновеніе мистицизмомъ сказывается иногда въ письмахъ кн. Голицына. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ увѣряетъ своего корреспондента въ томъ, что „Господь снизшолъ въ меня грѣшника и тѣломъ Своимъ и кровію во мнѣ пребывалъ“.

Дѣйствительно, увлеченіе правовѣріемъ, аскетическая преданность православію совмѣщались у Голицына съ чисто мистическими воззрѣніями. Онъ охотно прислушивался ко всякому мистическому теченію, онъ посѣщалъ вечера у Татариновой, бывалъ на собраніяхъ Крюднеръ, въ его лицѣ извѣстные Лабзинъ, Поповъ и другіе мистики имѣли самаго ревностнаго читателя и почитателя. Онъ проникся этимъ воззрѣніемъ и проводилъ его въ управляемомъ имъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Онъ былъ глубоко увѣренъ, какъ сообщаетъ въ письмѣ къ будущему харьковскому попечителю З. Я. Карнѣеву, что „въ нынѣшнія времена, гдѣ сраженіе тьмы со свѣтомъ удивительно какъ становится явно“, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что „сатана старѣется и чувствуетъ приближеніе кончины своего царствованія на земли, то и употребляетъ послѣднія усилія хитрѣйшія и покрывается даже личиною религіозною, наружною, но вліяетъ на внутренній ходъ“.

Голицынъ серьезно былъ увѣренъ въ томъ, что сатана дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы сохранить свое вліяніе надъ людьми; ухищренія сатаны весьма опасны, потому что „сатана старъ сталъ“ и пріобрѣлъ опытъ въ дѣлѣ совращенія людей, но Голицынъ надѣется на милость Божію.

Онъ борется противъ зловредныхъ книгъ, въ которыхъ разсѣяны ученія противъ божественности Спасителя. Итакъ, „тьма невѣрія“, „подрывъ основъ“, борьба противъ хитрѣйшихъ усилій дьявола — вотъ тотъ мистическій налетъ, которымъ съ другой стороны проникнуто міровоззрѣніе кн. Голицына. И не слѣдуетъ думать, что онъ былъ не искрененъ. Его душа стремилась къ успокоенію въ религіи, онъ искалъ вѣры, онъ былъ искрененъ и набоженъ по своему, но не умѣлъ разбираться въ тонкостяхъ ученія. Его отношеніе къ Лабзину и къ его изданіямъ очень хорошо это показываютъ: онъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое отношеніе къ „Сіонскому Вѣстнику“, въ зависимости отъ того, насколько убѣдительны были тѣ или иные доводы.

При всемъ своемъ невѣжествѣ, Голицынъ былъ человѣкъ добрый и благодушный. Будучи другомъ Александра I, онъ не искалъ милости. Это едва ли не единственная опредѣленная черта въ его характерѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ легко поддавался вліянію окружающихъ и всякій могъ направить его въ свою сторону. Окруженный святошами, Голицынъ выдвигаетъ и А. И. Тургенева, который составлялъ проэкты конституціи, занимая квартиру въ казенномъ домѣ, надъ кабинетомъ реакціоннаго министра.

Незамѣтно для самого себя, направляемый пронырливой кликой реакціонеровъ, Голицынъ становится во главѣ самаго мрачнаго обскурантизма. Близкій къ государю, стоявшій во главѣ Святѣйшаго Синода, а потомъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ оказался удобнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи. Черезъ него реакція направила свои удары на народное просвѣщеніе и печать, прикрываясь религіей.

Активный походъ противъ просвѣщенія открыло Библейское Общество.

Петербургское Библейское общество явилось отпрыскомъ очень симпатичнаго по своимъ задачамъ лондонскаго Библейскаго Общества. Цѣлью послѣдняго было распространеніе книгъ священнаго Писанія, заведеніе школъ и филантропическія цѣли. Въ 1812 году, по порученію лондонскаго Общества, является въ Петербургъ Патерсонъ и открываетъ здѣсь петербургское Библейское Общество. Первоначальной цѣлью его было распространеніе книгъ священнаго писанія среди инородцевъ.

Съ 1814 года общество намѣчаетъ себѣ болѣе широкія задачи и преобразуется въ Россійское Библейское Общество. Первоначальный составъ общества является весьма пестрымъ. Во главѣ его стали очень видные вельможи, высшее духовенство. Сюда же проникли въ большомъ числѣ и мистики съ Лабзинымъ и Поповымъ во главѣ. Были и люди, цѣнившіе въ обществѣ его просвѣтительныя задачи, въ родѣ А. И. Тургенева и нѣкоторыхъ членовъ будущихъ тайныхъ обществъ, въ родѣ М. Ѳ. Орлова.

Первоначальная дѣятельность самого общества приняла весьма симпатичное направленіе: оно стремилось распространять книги священнаго писанія, издавало переводы его на русскій языкъ, заботилось о распространеніи народныхъ школъ по методу взаимнаго обученія, заботилось о составленіи учебниковъ.

Въ провинціи Библейское Общество открыло много своихъ отдѣленій, и заслуга ихъ заключалась въ томъ, что они будили провинціальную спячку, пріучали общество къ общественной дѣятельности. Правда, дѣятельность провинціальныхъ членовъ не обходилась безъ курьезовъ. Такъ какъ во главѣ центральнаго столичнаго органа стояли сильные люди, то и въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ особенное усердіе выказывали губернаторы, архіереи и другіе высшіе чиновники. Многіе изъ нихъ учреждали отдѣленія общества „по долгу званія своего“, какъ доносили они въ Петербургъ. Повсюду въ канцеляріяхъ происходили сборы пожертвованій, провинціальные чиновники писали своимъ начальникамъ—членамъ общества—длинныя реляціи о необыкновенныхъ успѣхахъ библейскихъ книгъ среди общества,—свидѣтельствовавшія о чиновничьемъ усердіи подчиненныхъ. Письма испещрены текстами священнаго писанія и благочестивыми разсужденіями. Вообще тогда промышляли текстами. Усердіе доходило, напримѣръ, до того, что калмыцкій князь Тюмень сообщаетъ Голицыну, что „соотвѣтствуя приказаній“ его, онъ читаетъ присланную книгу (Библію) и надѣется заставить читать всенародно всю свою орду. Ректоръ астраханской семинаріи въ своемъ письмѣ удивляется, что „многіе калмыки, вѣроятно, по простотѣ понятій и невѣжеству, не совсѣмъ охотно пользуются симъ даромъ Всеблагого Бога“.

Президентъ общества кн. А. Н. Голицынъ съ радостью сообщаетъ въ одномъ изъ писемъ Фотію (1822 г.) о томъ, что

бурята, идолопоклонники, собрали 12,000 рублей и прислали въ Общество для перевода Евангелія на ихъ языкъ, даже прислали двухъ бурятъ съ тѣмъ, чтобы они научились по-русски и сами перевели бы Евангеліе. Вообще въ дѣятельности Общества нельзя не замѣтить того оригинальнаго обстоятельства, что наибольшимъ усердіемъ отличались инородцы; отъ нихъ поступаютъ крупныя пожертвованія. Такъ, въ числѣ крупныхъ жертвователей встрѣчаемъ упомянутыхъ бурятъ, передающихъ свое пожертвованіе черезъ одного изъ извѣстнѣйшихъ въ то время взяточниковъ, знаменитаго Иркутскаго губернатора Трескина, встрѣчаемъ въ числѣ крупныхъ пожертвователей Бѣлорусско-Могилевское отдѣленіе комитета, Астраханское отдѣленіе и др. Видимо, губернаторы окраинъ проявляютъ наибольшее усердіе, имѣя возможность облагать по своему инородцевъ и писать за нихъ самыя трогательныя реляціи о дѣйствіи на мусульманъ, язычниковъ и католиковъ разсылки божественныхъ книгъ. Самыя трогательныя описанія, самыя широковѣщательныя, касаются отдаленныхъ окраинъ и дѣйствія Евангелія на инородцевъ, не признающихъ христіанской религіи, или на окраинныхъ христіанъ. Священникъ Ершовъ съ Кубанской линіи сообщаетъ, что благодаря дѣятельности Библейскаго Общества, быстрая Кубань „содѣлается Іорданомъ, куда и абазинецъ, и кабардинъ, и осетинецъ, и трухменецъ равно притекутъ омыться таинственнымъ образомъ кровію Іисуса Христа“. Этотъ же корреспондентъ въ поэтическихъ выраженіяхъ описываетъ, какъ христіане на Кубани получили въ библейскихъ книгахъ отраду въ своихъ несчастіяхъ. Каждый отчетъ Библейскаго Общества больше всего останавливается на переводахъ книгъ на самые разнообразные инородческіе языки. Каждый отчетъ констатируетъ факты расширенія дѣятельности Общества, открытіе новыхъ отдѣленій комитета и говоритъ о притокѣ средствъ. Для примѣра возьмемъ хотя бы отчетъ за 1821 г. Онъ съ гордостью говоритъ о широтѣ дѣятельности общества и между прочимъ сообщаетъ: „Всевышній ниспосылаетъ благословеніе Свое на дѣйствія Библейскаго Общества, даже между магометанами и язычниками. Животворные лучи Евангелія начинаютъ озарять свѣтомъ своимъ и сихъ людей, ходящихъ въ тьмѣ и сѣни смертнѣй. Общество имѣетъ по разнымъ мѣстамъ отечества нашего усердныхъ ревнителей, прелагающихъ книги Священнаго Писанія на разные языки, понятные для собраній ихъ во мракѣ духовнаго невѣдѣнія

пребывающихъ. Господь и Спаситель нашъ, хотящій всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити, благословляетъ труды и усердіе предпринявшихъ сіе благодѣтельное и спасительное дѣло. Переводы Новаго Завѣта и отдѣльно Евангелій на разные языки, продолжаются съ желаемымъ успѣхомъ. Между евреями возбуждается наклонность къ чтенію Слова Божія и къ познанію пришедшаго на землю Мессіи. Они просятъ Новыхъ Завѣтовъ на еврейскомъ языкѣ и читаютъ ихъ съ великимъ вниманіемъ даже въ Синагогахъ своихъ.—Татары, персіяне и калмыки охотно пріемлютъ книги Священнаго Писанія на ихъ языкахъ, отъ Библейскаго Общества издаваемые. Чуваши, черемисы, мордва, остяки и вогулы, неслыхавшіе доселѣ Евангелія, начинаютъ уже познавать дивныя дѣла Божіи на собственныхъ своихъ языкахъ. Многіе изъ чувашъ пожелали обучать дѣтей своихъ грамотѣ, въ надеждѣ, что въ семействахъ ихъ будутъ слушать они Глаголы живота вѣчнаго.“

Въ этомъ лицемѣріи провинціальнаго чиновничества много жалкаго и комичнаго. Но провинція знала и ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

Но интересно, что само петербургское ядро Общества, состоявшее изъ ханжей и лицемѣровъ, вскорѣ мѣняетъ свою окраску. Въ своей миссіи оно видитъ великій подвигъ борьбы съ ядомъ невѣрія, разрушающаго церковь и государство. Изъ органа религіознаго, просвѣтительнаго, Общество превращается въ органъ политическій. Эти задачи общества начали отражаться въ рѣчахъ его первенствующихъ членовъ.

„Экземпляры божественной книги,—говорилъ президентъ Общества, князь Голицынъ, въ одномъ изъ годичныхъ его засѣданій, — расходясь повсюду, торжествуютъ и въ самой глуши дальнихъ степей и среди неизмѣримыхъ водъ океановъ“. Столь значительные успѣхи Общества способствуютъ, по убѣжденію президента, крупнымъ перемѣнамъ въ общественномъ настроеніи, они способствуютъ борьбѣ съ мнимымъ просвѣщеніемъ: „скорымъ преобразованіямъ въ духѣ и умѣ угрожаютъ оставить далеко за собою тѣхъ горделивыхъ мнимо-просвѣщенныхъ, кои одолжены будучи всѣми преимуществами ума и познанія единственно христіанству, презрѣли оное и возымѣли приписать все это самимъ себѣ, силѣ собственнаго ума. Когда врагъ человѣковъ ищетъ тонкими спорами и истолкованіями затмить

ситину, Библейское Общество не дѣлаетъ и не издаетъ никакихъ толкованій на св. писаніе, приводя книги онаго въ употребленіе безъ примѣчаній и поясненій. Посему истина Божія въ словѣ Господнемъ исходитъ изъ рукъ Общества во всей ея чистотѣ".

Въ болѣе опредѣленной формѣ велъ борьбу въ Обществѣ противъ невѣрія и просвѣщенія митрополитъ Серафимъ. Просвѣщеніе въ его представленіи связывается съ вольнодумствомъ, невѣріемъ и развратомъ. Оно — плодъ дѣятельности сатаны. „Между тѣмъ, — говорилъ онъ въ засѣданіи московскаго отдѣла Общества,—и врагъ рода человѣческаго не дремлетъ: и онъ также отъ самого начала вѣка началъ сѣять злыя и горькія слова своего сѣмени,—сперва самъ собою во образѣ змія, а потомъ черезъ подобныхъ себѣ рабовъ и служителей своихъ, черезъ коихъ и нынѣ неутомимо продолжаетъ сѣять оныя на селѣ міра сего". Результатъ дѣятельности врага рода человѣческаго ораторъ описываетъ въ такихъ чертахъ: „Онъ сѣетъ повсюду вольдумство, невѣріе, ереси, развратъ, и дабы тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе успѣть въ предпріятіи своемъ, онъ адскую тьму свою выдаетъ за просвѣщеніе, за высокую доблесть духа". Описавъ плоды дѣятельности врага рода человѣческаго, митрополитъ Серафимъ задается вопросомъ: „И какой же видимъ мы плодъ отъ сего ученія, отъ сего просвѣщенія?" И дѣлаетъ выводъ уже политическаго характера: „Мы видимъ самовольство, непокореніе власти, Самимъ Богомъ для блага обществъ установленной; видимъ крамолы, бунты, междоусобія, убійства, кровь, слезы, рѣками текущія; все сіе видимъ мы здѣсь, на земли; а тамъ, въ вѣчности?—тамъ уготовляется рабамъ и послѣдователямъ его (т.-е. просвѣщенія) червь неумирающій, огонь неугасающій, плачъ и скрежетъ зубовъ,—таковъ есть плодъ ученія и мудрости бѣсовскія!" Итакъ, самый мрачный обскурантизмъ въ самой грубой формѣ свилъ себѣ гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ. Въ понятіяхъ его заправилъ религія является лишь средствомъ политической борьбы.

Между тѣмъ Россійское Библейское Общество по составу своему представляло собою цвѣтъ тогдашней реакціи. Предсѣдательствованіе въ немъ вліятельнѣйшаго вельможи, интимнаго друга императора, привлекло къ нему всѣхъ, кто хотѣлъ себѣ составить карьеру. И этимъ путемъ дѣйствительно составляли карьеру. Магницкій изъ опальнаго ссыльнаго занялъ видное мѣсто члена главнаго правленія училищъ, благодаря своей дѣятель-

ности въ Воронежскомъ отдѣленіи Библейскаго Общества. З. Я. Карнѣевъ получилъ мѣсто Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, Поповъ, какъ и многіе другіе, двигался по службѣ, благодаря тѣмъ же качествамъ. Мягкій и любвеобильный Голицынъ прикрывалъ всѣхъ, ему помогавшихъ—и мистиковъ и правовѣровъ; и тѣ и другіе объединились въ Библейскомъ Обществѣ. За недостатокъ увлеченія мистицизмомъ С. С. Уваровъ потерялъ свое мѣсто Попечителя Петербургскаго Учебнаго Округа, которое получилъ промышлявшій библейскими текстами Руничъ. Маленькіе люди, вслѣдъ за большими, двигались по служебной лѣстницѣ тѣми же путями. Голицынъ въ качествѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода поставилъ въ зависимость отъ себя все духовенство, и почти всю высшую іерархію мы видимъ дѣйствующей на поприщѣ Библейскаго Общества. Дѣло дошло до того, что въ лицѣ кн. Голицына соединено было кромѣ Святѣйшаго Синода и управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго тогда была и цензура, управленіе дѣлами инославныхъ исповѣданій и даже Почтовый Департаментъ, т. е. Министерство Путей Сообщенія. Такъ, половина управленія всей обширной имперіи сосредоточилась въ рукахъ представителя реакціи, направляемаго тѣми или иными религіозными теченіями.

Но ростъ и расширеніе Библейскаго Общества, направляемаго въ сильнѣйшей мѣрѣ представителями господствующей церкви, означалъ еще и другое чрезвычайно важное явленіе. Это былъ моментъ оживленія правовѣрія, постепенный захватъ господствующей церковью своихъ заблудшихъ овецъ. Въ средѣ православнаго духовенства наблюдается оживленіе, оно стремится къ активной дѣятельности, къ борьбѣ съ иновѣріемъ и всякаго рода мистическими ученіями. Борцы правовѣрія вышли также изъ лона Библейскаго Общества. Знаменитый Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, оживляетъ дѣятельность церковнаго учительства,—правда безъ того сильнаго налета обскурантизма, который отличалъ другихъ его соратниковъ. Выступаетъ въ борьбу за возстановленіе старой вѣры Иннокентій, епископъ Саратовскій и Пензенскій, наконецъ, наиболѣе мощнымъ двигателемъ является Серафимъ, митрополитъ Московскій, впослѣдствіи Петербургскій. Все это высшее духовенство съ негодованіемъ наблюдаетъ захватъ православныхъ чадъ со стороны представителей мистическихъ ученій и собирается бороться съ ними своими домашни-

ми средствами, т. е. стремится сдѣлать правительство орудіемъ борьбы. Съ другой стороны многолѣтнее правленіе кн. Голицына Синодомъ въ средѣ духовенста, не привыкшаго тогда еще къ господству оберъ-прокурора, вызвало крайнее раздраженіе. Успѣхъ мистическихъ и иныхъ ученій явно сочетался въ ихъ представленіи съ ростомъ оберъ-прокурорской власти и съ паденіемъ значенія Синода въ церковныхъ дѣлахъ, съ превращеніемъ его въ комитетъ при оберъ-прокурорѣ.

Такъ постепенно все болѣе и болѣе явственно сталъ намѣчаться поворотъ въ русскомъ обществѣ къ правовѣрію, къ родной религіи, и господствующая религія постепенно пріобрѣтала убѣжденныхъ борцовъ.

Русское общество отпадало отъ вѣры своихъ отцовъ вовсе не потому, что въ немъ не была достаточно развита религіозность. Легкость, съ которой имѣли успѣхъ всѣ религіи въ Петербургскомъ обществѣ, въ средѣ чадъ православной церкви, объясняется полнѣйшими незнакомствомъ этого общества съ основами родной религіи. Между тѣмъ съ дѣтства нѣкоторыя стороны стараго православія такъ внѣдрялись въ умы его чадъ, что русскіе религіозные вольнодумцы никогда окончательно не разрывали съ родной религіей, охотно переходя въ двоевѣріе. Наши мистики, масоны, ища для ума успокоенія во внутренней церкви, никогда не разрывали съ обрядовой стороной родной религіи. Они не знали, не понимали истины этой религіи, но строго соблюдали обрядовую ея сторону. Это понятно. Русскихъ, по словамъ Державина, учили языкамъ безъ грамматики, числамъ и измѣреніямъ—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ, и вѣрѣ—безъ катехизиса. Въ самомъ дѣлѣ, до появленія катехизиса Филарета, наша церковь совсѣмъ не имѣла подобнаго рода руководствъ, если не считать устарѣлаго катехизиса Петра Могилы. Отсюда и оригинальное стремленіе успокоить испытующій духъ сектантскими ученіями и соблюсти старую религію выполненіемъ ея обрядовъ. И обряды соблюдались строго. „Чистый понедѣльникъ, сочельникъ, великій пятокъ,—вспоминаетъ объ этомъ времени знаменитый Пироговъ,—считались такими днями, въ которые не только ѣсть, но и подумать о чемъ нибудь не очень постномъ считалось грѣхомъ. Мясо въ великій постъ не получала даже моя любимица кошка-Машка“. Среди русскихъ помѣщиковъ можно было тогда встрѣтить такихъ, какъ напр. А. С.

Сербинъ, который считалъ себя атеистомъ, но все же ежегодно исповѣдывался и причащался, ходилъ каждый праздникъ въ церковь, служилъ у себя на дому молебны, читалъ во время службы и подтягивалъ дьячку. Непониманіе церковно-славянскаго языка служило серьезнымъ препятствіемъ къ пониманію богослуженія и даже Евангелія. До насъ сохранились свѣдѣнія о многихъ лицахъ, искренне считавшихъ себя хорошими христіанами въ православномъ духѣ, и тѣмъ не менѣе по недоразумѣнію, по непониманію церковно-славянскихъ текстовъ твердо увѣровавшихъ въ тѣ или другія теоретическія мнѣнія. Кн. А. Ширинскій-Шихматовъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что многіе считали въ его время Божію Матерь больше Спасителя, по аналогіи о высшемъ значеніи матери въ семьѣ, въ сравненіи съ сыномъ. Итакъ, и правовѣрные и отпавшіе отъ вѣры одинаково соблюдали обрядовую сторону православія. Соблюдали такъ, какъ это дѣлали еще дѣды и прадѣды ихъ въ XVI—XVII в. в. Чтеніе молитвъ и знаніе ихъ было обязательнымъ, но оно было прерываемо, какъ и богослуженіе въ церкви, житейскими дѣлами. Вотъ какъ описываетъ одинъ современникъ религіозное настроеніе своей бабушки. Она знала всѣ молитвы, аккуратно читала ихъ, но молитву прерывала распоряженіями по дѣламъ хозяйства: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“, читала бабушка, и вдругъ, взглянувъ въ окно, кричала: дѣвка! посмотри: кто тамъ пріѣхалъ? „Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей“—дѣвка, бѣги скорѣе въ садъ, выгони корову!“ Во время богослуженія вовсе не соблюдалось благолѣпіе. Многіе входили въ алтарь, громко разговаривали, молящіеся совершенно не соблюдали святости мѣста, такъ что Синоду приходилось издавать грозные указы, направленные къ поддержанію благочинія въ церквахъ.

Отсюда понятно, что наше невѣріе не имѣло твердой почвы, было налетомъ, который сталъ быстро разсѣиваться, какъ только началась дѣятельность православнаго духовенства.

Представители православія въ лицѣ митрополита Серафима и другихъ начали весьма сильно дѣйствовать въ защиту его, какъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, такъ и нѣсколько укрѣпившись въ немъ, вступили въ борьбу съ человѣкомъ, казавшимся имъ покровителемъ сектантства, кн. А. Н. Голицынымъ. Борьба противъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода тѣсно переплелась съ борьбой за возстановленіе религіи, борьба личная, интрига, борь-

ба за власть и вліяніе,—все неразрывно сплелось въ этомъ замѣчательнѣйшемъ эпизодѣ изъ исторіи русской общественности и государственности.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явился здѣсь знаменитый архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря Фотій—замѣчательнѣйшая личность этого времени, съ которой намъ надо прежде всего познакомиться.

Архимандритъ Фотій, въ мірѣ Петръ Спасскій, вышелъ изъ бѣдной земледѣльческой семьи. Онъ былъ сынъ церковнаго чтеца. Съ великимъ трудомъ и лишеніями отецъ отдалъ Фотія и его брата въ Новгородскую Духовную Семинарію, откуда онъ потомъ перешелъ въ Александро-Невскую Академію. По собственному признанію, мальчикъ учился хорошо—все выучивалъ, но, видимо, съ дѣтства это уже былъ характеръ, которымъ двигало самолюбіе и честолюбіе. Фотій самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи о томъ, что лѣтомъ онъ занимался работами въ полѣ и всегда избѣгалъ общенія съ деревенской молодежью: возвращаясь съ полевыхъ работъ, онъ обходилъ родную усадьбу для того, чтобы не оказаться въ толпѣ сельской молодежи, которая собиралась на игрище передъ домомъ отца. Будущій архимандритъ богатѣйшаго монастыря теперь уже стѣснялся того рода работъ, которыя ему приходилось дѣлать.

Въ академіи онъ нашелъ себѣ сильныхъ покровителей въ лицѣ ректора Иннокентія, впослѣдствіи епископа Саратовскаго и Пензенскаго, Филарета, впослѣдствіи митрополита Московскаго, митрополита Серафима и въ началѣ къ нему, очевидно, хорошо относился Петербургскій митрополитъ Михаилъ. Студентъ отличался прилежаніемъ, искреннимъ отношеніемъ къ религіи и аскетизмомъ, дававшимъ поводъ видѣть въ немъ будущаго монаха. Покровители Петра Спасскаго возлагали на него неодинаковыя надежды. Ректоръ Иннокентій, повидимому, совершенно сознательно подготовлялъ въ будущемъ монахѣ борца съ сектантскими ученіями и съ преобладаніемъ свѣтской власти въ дѣлахъ духовныхъ. Вѣроятно, ректоръ замѣтилъ тогда уже въ молодомъ постникѣ въ высшей степени развитое честолюбіе и черты, обличавшія въ немъ будущаго борца за правовѣріе, смѣлость и рѣзкость глаголанія о Богѣ. По болѣзненности Петръ Спасскій не окончилъ академіи. Покровители направили его въ монашество, написали въ прошеніи его вмѣсто 24 лѣтъ—30 лѣтъ, а потомъ даже 32 года, по-

стригли въ монахи и опредѣлили на очень важную должность законоучителя въ кадетскомъ корпусѣ.

Тутъ молодой монахъ вышелъ уже сразу на довольно широкое поприще религіозной дѣятельности. Законоучительство и настоятельство въ корпусѣ его не удовлетворяли и онъ началъ борьбу съ сектанствомъ и по своему старался поднять престижъ правовѣрія. Директоромъ корпуса тогда былъ генералъ Марченко, человѣкъ спокойный, старавшійся предотвратить всякаго рода экзальтацію въ дѣлѣ вѣры. Онъ съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на дѣятельность новаго законоучителя, но долженъ былъ терпѣть изъ угожденія къ тѣмъ сильнымъ протекціямъ, при помощи которыхъ былъ опредѣленъ Фотій.

Для того, чтобы уяснить себя многія черты въ дѣятельности Фотія и въ его характерѣ, надо прежде всего замѣтить, что это былъ человѣкъ болѣзненнаго склада. Онъ съ дѣтства отличался физической слабостью. Въ своей автобіографіи онъ самъ говоритъ, что его дѣдъ мучимъ былъ бѣсами—болѣзнь, которую люди по невѣдѣнію своему называютъ падучей. Нервность составляла отличительную черту Фотія, будучи иногда, быть можетъ, болѣзненнаго происхожденія. Въ началѣ его законоучительства въ корпусѣ былъ даже моментъ, когда Фотій былъ, повидимому, психически больнымъ; онъ самъ разсказываетъ, что его считали нѣкоторое время сумашедшимъ, но, къ огорченію и удивленію своихъ враговъ, онъ выздоровѣлъ и болѣе прежняго сталъ работать противъ мистицизма. На окружающихъ Фотій производилъ сильное впечатлѣніе. Это былъ блѣдный монахъ съ изможденнымъ лицомъ. Всѣмъ извѣстно было о его постническихъ подвигахъ. Впрочемъ, эта способность къ воздержанію отъ пищи поддерживалась у Фотія чисто физіологическими причинами. Въ его автобіографіи болѣзни его желудка занимаютъ довольно видное мѣсто. Онъ часто не могъ ничего вкушать, кромѣ чернаго хлѣба: „все извергалось изъ чрева, что иное принимать хотѣлъ“, разсказываетъ онъ о разстройствѣ своихъ органовъ пищеваренія.

Но во всякомъ случаѣ видъ постника производилъ сильное впечатѣніе. Впрочемъ, съ нѣкоторыми грѣховными побужденіями Фотій боролся сознательно. Обладая сангвиническимъ темпераментомъ, Фотій принужденъ былъ часто бороться съ бѣсами въ образѣ женщинъ. Уже въ ранней молодости онъ предается этого рода аскетизму и однажды принужденъ былъ даже жаловаться

отцу на свою мачеху, чтобы избѣжать соблазнительныхъ ея разсказовъ. Не разъ приходилось ему бороться съ искушеніями и при другихъ условіяхъ. Даже въ то время, когда на старости лѣтъ онъ диктовалъ свою автобіографію, картинки прошлаго, воспоминанія о моментахъ плотскаго искушенія, съ большимъ вкусомъ описаны инокомъ, часто въ весьма поэтическихъ очертаніяхъ: инокъ какъ бы переживаетъ прошлое. Въ родномъ домѣ отца, вспоминаетъ монахъ, жила одна дѣвица, дальняя ихъ родственница. Разъ случилось такъ, что когда всѣ легли на полъ спать, между юношей Петромъ и ею никого не было; и ему и ей не спалось: „Петръ чувствуетъ, что она тихо приближается къ нему; слышитъ же, чувствуя по дыханію, что оная дѣвица мало-по-малу молча вся къ нему приближалась лицомъ, грудью, отъ ногъ до головы такъ, что подлѣ его вся была; понималъ отрокъ, что она сожигается отъ огня страсти... Дѣвица тихо, скромно лежа подлѣ него, горѣла огнемъ плоти, дышала какъ отъ усталости, горячести, рвеніемъ... вся въ безмолвіи силилась пріютиться всѣмъ тѣломъ къ нему, дабы его воспалить“. Юноша старался быть хладнымъ и удержался отъ искушенія, потому что во время сообразилъ, „что отъ лукаваго есть сѣть сія въ дѣвицѣ безпорочной“. Боролся Петръ Спасскій и тогда, когда его задѣвали деревенскія дѣвушки. Онѣ подтрунивали надъ нимъ, что онъ— „гнилой юноша, худой, безсильный“, иногда онѣ старались схватить его съ свои объятія. Петръ не зналъ, что дѣлать отъ нападенія „дѣвицъ въ однѣхъ срачицахъ“, какъ онѣ бывали въ лѣтнее жаркое время. Онъ оборонялся отъ нихъ серпомъ, руками, боясь прикоснуться къ тѣлу, къ груди, иногда сильнымъ ударомъ отталкивалъ отъ себя дѣвушекъ. Все это помогало семинаристу и академическому студенту. Иногда наступали для него и трудныя времена. Бывало и такъ что онъ „чувствовалъ себя въ огнѣ блудныя страсти, огонь бѣсовскій отъ головы до ногъ жегъ его, всѣ силы отъ него были взяты, мыслить, разсуждать и сномъ почить онъ не могъ“. Когда однажды приходилось ему спать въ одной горницѣ съ дѣвицей, огонь жестокій палилъ его, разслабилъ всю плоть, онъ не смѣлъ встать на молитву, видя, что нѣтъ ни откуда помощи, что окончательно дьяволъ побораетъ его, онъ обращается къ дьяволу съ цѣлыми монологами, заявляя, что онъ своей волей не отдастся ему. Такъ боялся Петръ, чтобы духъ нечистый „не восхитилъ къ нему дѣвицу и ему ее не подложилъ“. И такъ

было въ теченіе многихъ дней и ночей. Петръ, уходя отъ дѣвицы, избѣгая духа злобы, самъ весь въ пламени каждую ночь уходилъ на горячую печь и тѣмъ спасался отъ дьявольскаго навожденія.

Впрочемъ, не всегда такъ удачно, особенно въ зрѣлые годы, избѣгалъ Фотій навожденія дьявола въ образѣ женщинъ. Не будемъ вдаваться въ догадки о его отношеніяхъ къ его духовной дщери графинѣ Аннѣ Орловой-Чесменской. Но когда, въ бытность его уже архимандритомъ Юрьевскаго монастыря, въ монастырѣ появилась красивая фигурантка петербургскихъ театровъ Фотина, то архимандритъ Фотій такъ усердно занялся изгнаніемъ изъ нея бѣсовъ, что произошелъ превеликій соблазнъ, такъ что графиня Орлова, какъ разсказываютъ, хотѣла дать ей половину своего состоянія за то, чтобы она ушла изъ монастыря и не дѣлала бы безчестія Фотію. Фотина стала собирать около себя окрестныхъ дѣвушекъ, которыя во множествѣ сходились на молитву въ монастырь, одѣтыя въ хитоны. Молодой послушникъ, который былъ приставленъ Фотіемъ для ближайшаго наблюденія за Фотиной, сошелся съ ней и вмѣстѣ они обманывали архимандрита. Въ дѣло пришлось вмѣшаться губернатору, архіерею и съ щедрымъ запасомъ денегъ отъ Фотія Фотина ушла изъ Юрьевскаго монастыря. Впрочемъ, Фотій написалъ по этому поводу „Повѣсть чудну о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа“.

Вообще надо замѣтить, что бѣсы еще въ молодости играли въ біографіи Фотія весьма видную роль. Идетъ онъ изъ семинаріи домой по берегу Волхова, за нимъ гонится бѣсъ во образѣ человѣка. Полѣзъ онъ дома на чердакъ, чтобы посадить курицу на гнѣздо, явился бѣсъ, убѣгая отъ котораго, Фотій упалъ съ чердака и сильно разбился. Въ годины монашескихъ подвиговъ дьяволъ не разъ являлся ему „ощутительно“, особенно по ночамъ. Онъ самъ разсказываетъ, что сначала всякаго рода „сумнѣнія“ приходили на него по вопросу о реальности евангельскихъ бѣсовъ. Но потомъ онъ пересталъ сомнѣваться, потому что ему собственными глазами доводилось видѣть бѣсовъ. Однажды, напр., онъ „увидѣлъ явно четырехъ бѣсовъ, человѣкообразно пришедшихъ, безобразныхъ въ сѣромъ видѣ, не великихъ по виду“. Они набросились на него и одинъ изъ бѣсовъ ощутительно даже ударилъ инока въ грудь. Тогда инокъ укрылся одѣяломъ и легъ на одръ свой и заснулъ. Въ другой разъ въ

ночи явился къ нему бѣсъ и сказалъ ему: „ты желалъ меня видѣть, якоже я есмь, пріиди ко мнѣ и видь меня“. И сталъ Фотій тѣлесно бороться съ бѣсомъ, даже началъ было его душить, но вдругъ явилась Божественная сила „и восхитила его отъ нападенія діавольскаго въ то мгновеніе, какъ хотѣлъ бѣсъ совсѣмъ удавить его“. Всталъ тогда Фотій и „возопилъ сильнымъ ревомъ“.

Такъ передъ нами является человѣкъ, который отличался незаурядными качествами. Фотій, безъ сомнѣнія, одинъ изъ сильныхъ характеровъ. Онъ отличался рѣдкой настойчивостью. Честолюбіе побуждало его выработать въ себѣ типъ инока, который былъ бы способенъ производить сильное впечатлѣніе на окружающихъ. Аскетизмъ, борьба съ бѣсами, извѣстнаго рода фанатизмъ—все это такія черты, которыя всегда способны производить впечатлѣніе, но особенно въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Всѣ мистики отличались тѣми же качествами въ той или иной мѣрѣ. При всемъ томъ въ характерѣ Фотія чувствуется сильный темпераментъ. Нѣтъ нужды вдаваться въ изысканіе того, насколько онъ былъ искрененъ въ своемъ аскетизмѣ, въ своей вѣрѣ въ бѣсовъ и т. п. Важно то, что онъ умѣлъ заставлять окружающихъ вѣрить въ его искренность. Сильная склонность къ аффектаціи выражалась у Фотія въ его рѣчахъ, въ его поступкахъ. Для того чтобы произвести впечатлѣніе на людей, онъ прибѣгалъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, доходя иногда до игры, свойственной актерамъ.

Онъ очень любилъ красивыя одѣянія, богато и нарядно одѣвался. Но когда нужно было, онъ возлагалъ на себя власяницу и вериги и умѣлъ незамѣтно, нечаянно показать ихъ собесѣднику. Вотъ какъ, напр., собирается на первое свиданіе къ графинѣ Орловой этотъ любитель шелковыхъ и бархатныхъ рясъ. Фотій облекается „во вся оружія Божія обычная, въ хитонъ власянъ, вериги“, возсѣдаетъ на богатую графскую колесницу и ѣдетъ къ своей будущей духовной дщери. Вѣроятно, во время сладостной бесѣды онъ какъ-нибудь далъ понять ей, что онъ носитъ вериги, въ дѣйствительности возложенныя только на этотъ разъ. Такъ онъ сдѣлалъ, напр., чтобы поразить Александра I, о чемъ наивно разсказываетъ въ своей автобіографіи. Когда уже послѣ произнесенія имъ анаѳемы на князя Голицына, Александръ призвалъ къ себѣ тайно Фотія и сталъ рѣзко высказывать ему неудовольствіе, Фотій, слушая гнѣвнаго царя, учащенно крестился

и смотрѣлъ въ окно, избѣгая царскаго взгяда. Молчащій монахъ, вперившій свой взглядъ въ небеса и истово крестившійся—вмѣсто возраженій и объясненій, видимо, произвелъ на самодержца охлаждающее впечатлѣніе. Начавъ возражать, Фотій сталъ вытаскивать изъ-за сапоговъ и изъ-за пазухи разнаго рода листы и книги, принесенныя имъ для доказательства. Онъ сталъ рыться у себя за пазухой такъ ловко, что незамѣтно открылъ власяницу и вериги подъ рясой, одѣтыя на нагую грудь. Царь замѣтилъ и былъ пораженъ и устыдился, по словамъ Фотія, рѣзкости своего выговора.

Иногда Фотій прибѣгалъ къ другимъ способамъ воздѣйствія на слушателей. Онъ прибѣгалъ къ таинственнымъ знакамъ. Вотъ, напр., какъ описываютъ его первую встрѣчу со своимъ союзникомъ знаменитымъ Магницкимъ. Встрѣча обоихъ союзниковъ произошла въ домѣ графини Орловой въ присутствіи почетныхъ дамъ. Фотій держа въ рукахъ двѣ восковыя свѣчи, съ нѣмою торжественностью встрѣтилъ Магницкаго и провожалъ его до креселъ. Сѣвъ рядомъ съ Магницкимъ и промолчавъ нѣсколько минутъ, Фотій схватилъ стоявшій на столѣ колокольчикъ и принялся имъ звонить изо всей силы, не произнося ни одного слова. Затѣмъ Магницкій и Фотій только обмѣнялись взглядомъ.

Всѣ свойства Фотія, конкретно описанныя нами, дѣлали его во всякомъ случаѣ человѣкомъ незауряднымъ въ средѣ тогдашняго духовенства. Неудивительно поэтому, что епископъ Серафимъ и ректоръ Иннокентій, поддерживаемые обширнымъ кругомъ великосвѣтскихъ ханжей, сознательно выдвигали Фотія на широкій путь—на борьбу съ мистицизмомъ, масонствомъ и главнымъ образомъ для того, чтобы произвести сложную придворную интригу и уничтожить при государѣ вліяніе Голицына. Всѣ противники Голицына сошлись на Фотіи. Уже во время законоучительства въ корпусѣ (съ 1817 г.) онъ началъ дѣйствовать въ этомъ направленіи и занялъ настолько видное положеніе, что сторонники Голицына начали его опасаться. Честолюбивый монахъ самъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ готовился къ борьбѣ съ врагами церкви. Онъ ходилъ по всему городу, „возвысилъ гласъ свой и вопль свой яко трубу и яко городъ ходилъ всюду“, возставая противъ „злочестивыхъ собраній тайныхъ обществъ“. Это значитъ, что тогда уже Фотій являлся ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ съ доносами на мистиковъ. Особенно помогло

ему одно важное обстоятельство. Одинъ изъ іеромонаховъ, занимавшій довольно видный постъ, и посѣщавшій мистическія собранія, допустилъ кощунственный проступокъ. Это дало поводъ Фотію съ еще большей рѣзкостью нападать на мистиковъ. Въ 1820 г. онъ произноситъ въ Казанскомъ Соборѣ проповѣдь, послѣ которой онъ былъ удаленъ изъ Петербурга и черезъ нѣкоторое время назначенъ настоятелемъ бѣднаго Деревяницкаго монастыря подъ Новгородомъ. Это была по существу ссылка для Фотія. Потомъ онъ одно время былъ настоятелемъ такого же бѣднаго Сковородскаго монастыря и, наконецъ, былъ сдѣланъ архимандритомъ древняго Юрьевскаго монастыря подъ Новгородомъ. Несмотря на свое удаленіе, Фотій уже имѣлъ много приверженцевъ и особенно много поклонницъ, которыя не оставляли Фотія своими доброхотными даяніями. Оба монастыря вскорѣ поправились, а затѣмъ всѣ даянія послужили для украшенія и расширенія Юрьевскаго монастыря.

Въ Петербургѣ Фотій имѣлъ сильныхъ покровителей, особенно въ лицѣ митрополита Серафима, занявшаго мѣсто послѣ смерти митрополита Михаила, не одобрявшаго рѣзкостей поведенія Фотія. Во время своихъ неоднократныхъ пріѣздовъ изъ Новгорода въ Петербургъ, Фотій все болѣе и болѣе распространялъ кругъ своего вліянія. Со вниманіемъ къ нему сталъ прислушиваться императоръ и особенно императрица Марія Ѳеодоровна.

Проповѣдуя борьбу съ мистиками, Фотій по своему характеризуетъ ихъ ученіе. Онъ самъ признается что къ выступленію противъ "Сіонскаго Вѣстника" его побудило то обстоятельство, что Лабзинъ писалъ „о магнитизмѣ" и другія еретическія статьи. Фотій видѣлъ въ дѣятельности Лабзина явный вредъ, почему и „вопіялъ" „явно предъ человѣками всѣхъ званій, что не подобаетъ учить Лабзину, яко мірянину", потому что для этого существуютъ „просвѣщенные пастыри". Между тѣмъ Лабзинъ множитъ „невѣріе и нечестіе". У Лабзина — премудрость „земная, бѣсовская" и его магнитизмъ—„сущее бѣсовское дѣло и упражненіе постыднѣйшее для христіанъ". Лабзинъ чинитъ „пакости" церкви и православной вѣрѣ, совращаетъ христіанъ на путь нечестія и святотатства. Однимъ словомъ—Лабзинъ это пророкъ и апостолъ сатаны, который разныя хулы „изблевывалъ" на вѣру Христову.

И другихъ мистиковъ приблизительно въ такихъ же очертаніяхъ представлялъ себѣ Фотій. Крюднеръ—это „женка“ „отъ бѣса вдыхаемая“. Фотій въ ужасъ приходитъ отъ того, что нѣкоторые, по слѣпотѣ, имѣли даже портреты Крюднеръ. Татаринову онъ обвиняетъ въ „бѣсовскомъ дѣлѣ“, въ скопчествѣ. Съ особенной ненавистью онъ говоритъ о томъ, что обѣ учительницы мистики были весьма почитаемы сильными людьми,—Татариновой даже покровительствовалъ государь. По его словамъ, обѣ онѣ— „жабы клокотавшія во время оно, дщери діавола явныя, его все ученіе имѣли и прельщали многихъ“. Фотій, какъ самъ онъ заявляетъ съ гордостью, воздвигъ гоненіе не только противъ лицъ, но и противъ книгъ. Съ его точки зрѣнія, всѣ книги отличались какимъ либо ядомъ. Онъ увѣряетъ, что книги, изданныя тогда на русскомъ языкѣ, раздѣлялись на книги, наполненныя англійскаго матеріализма, сквернословія и французскаго вольнодумства; онъ признаетъ безусловно вредными всѣ книги масонскія и „магическія“, всѣ книги, приправленныя „ядомъ германской философіи“ и т. д.

Въ возвышеніи Фотія огромное значеніе имѣло его сближеніе съ графиней Анной Орловой-Чесменской. Это была богатѣйшая наслѣдница огромнаго состоянія. Ежегодный доходъ ея простирался до 1,000,000 рублей ассигнаціями, а все ея имущество оцѣнивалось до 45,000,000 рублей. Она отличалась набожностью, даже въ извѣстной мѣрѣ склонностью къ отшельничеству и медлила выходомъ замужъ. Во время проѣзда черезъ Москву покровителя Фотія, епископа Иннокентія, Орлова обратилась къ нему за совѣтомъ объ избраніи ей духовнаго руководителя. Иннокентій указалъ на Фотія. Орлова прибыла въ Петербургъ и здѣсь познакомилась съ старцемъ, который сразу учелъ возможные результаты подобнаго рода знакомства.

Очень любопытно первое свиданіе 28-ми лѣтняго старца Фотія съ его духовной дщерью, которая была года на два старше его. Оба сѣли рядомъ на диванъ, но по обычаю иноческому Фотій избѣгалъ зрѣть лицо дѣвицы. Послѣ краткаго молчанія, Орлова заговорила первая. Она спрашивала духовнаго наставника своего, какъ ей избѣжать многихъ неподобныхъ помысловъ: дѣвица Анна очень интересовалась вопросомъ о томъ, какъ ей соблюсти „духовное дѣвство“. На это Фотій ей возразилъ, что напрасно она такъ много объ этомъ говоритъ, потому что главнымъ

образомъ необходимо блюсти дѣвство тѣлесное, ибо душа съ тѣломъ находится въ неразлучномъ союзѣ. При цѣлости тѣлеснаго дѣвства, Господь Богъ дастъ и духовное. Если дѣвица потеряетъ плотское дѣвство, то она уже никакъ не можетъ себя увѣрить въ томъ, что она его не потеряла, подобно тому, какъ если „стклянница диру будетъ имѣть и повержена будетъ“, то никакъ себя нельзя увѣрить въ томъ, что „цѣлость есть въ стклянницѣ“, и что влитое въ стклянницу масло не прольется. Поговоривъ о соблюденіи дѣвства, духовный отецъ и его дщерь вошли въ опочивальню дѣвицы, гдѣ отецъ благословилъ одръ своей дщери и оба они помолились. Дѣвица была вся въ бѣломъ одѣяніи, какъ ангелъ. Фотій продолжалъ съ этого времени часто бывать у Орловой. Ихъ бесѣды были посвящены вопросамъ о соблюденіи дѣвства, кознямъ дьявола, вопросамъ о почитаніи иконъ и т. п. Много говорилось о постѣ. Орлова приготовляла для встрѣчъ Фотія богатыя брашна. Но Фотій, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, „по болѣзни ничего не могъ употреблять“, онъ только благославлялъ пищу и внушалъ своей дщери о пользѣ поста. Дѣвица уже во второе свиданіе намекала ему, что она желала бы что нибудь для него сдѣлать, чтобы онъ не былъ такъ бѣденъ; но, говоритъ о себѣ Фотій, „онъ не обратилъ вниманія и на сіе“, очевидно, считая пока преждевременнымъ принимать доброхотныя даянія.

Фотій самъ признаетъ, что уже послѣ перваго свиданія съ графиней онъ въ этомъ земномъ ангелѣ сразу оцѣнилъ „орудіе“ для борьбы съ врагами церкви, онъ увидѣлъ въ ней „избранъ сосудъ“: „во всемъ тебѣ слуга будетъ сія дѣвица“,—обращается самъ къ себѣ инокъ. Уже во второе посѣщеніе онъ замѣтилъ перемѣну въ нарядѣ графини и въ обстановкѣ комнатъ. Орлова встрѣтила его во всемъ черномъ, во всѣхъ комнатахъ онъ нашелъ иконы, чего раньше не было. Постепенно „дѣва предадеся ему вся“; вскорѣ и „вся благая“ Орловой, по собственному признанію Фотія, оказались въ его распоряженіи. Милліоны Орловой пошли на украшенія Юрьевскаго монастыря, на монастырскія постройки, на дорогія рясы, митры и т. п. На одну только серебряную раку для мощей Св. Ѳеоктиста она израсходовала 500 тысячъ рублей, 700 тысячъ рублей она израсходовала на постройки въ монастырѣ, десятки тысячъ завѣщала на поминовеніе своей и Фотіевой души, на ладанъ и на многое другое. Съ тѣхъ поръ

и по настоящее время, обладая огромными завѣщанными Орловой капиталами, Юрьевскій монастырь является богатѣйшимъ въ Россіи. Иконостасъ монастыря представляетъ собою едва-ли не единственное собраніе по богатству и отдѣлкѣ иконъ: онъ блеститъ золотомъ или позолоченнымъ серебромъ и массой драгоцѣнныхъ каменьевъ; въ рукояткѣ меча св. Георгія вставлена жемчужина въ куриное яйцо, а Панагія на образѣ Богоматери вырѣзана изъ изумруда; ризница монастыря представляетъ собой богатѣйшую сокровищницу золотыхъ и серебряныхъ вещей, разукрашенныхъ драгоцѣнными камнями. И сейчасъ все здѣсь проникнуто воспоминаніями о Фотіи и Орловой. И гробницы обоихъ стоятъ рядомъ въ одномъ изъ мрачныхъ храмовъ, надъ ними денно и нощно монахъ читаетъ молитвы, прося Господа Бога о прощеніи имъ грѣховъ.

Независимый въ средствахъ, Фотій по своему сталъ устраивать монастырь. Онъ устанавливаетъ общежитіе и въ особенныхъ письменныхъ внушеніяхъ дѣлаетъ наставленіе свой братіи. Настоятель меньше всего заботится о духовномъ поученіи своей братіи. Онъ больше поучаетъ ее о томъ, какъ они должны между собою дѣлить пищу, не расхватывать у служекъ, вносящихъ пищу въ трапезную, а ждать покамѣстъ ее поставятъ на столъ; онъ требуетъ, чтобы монахи не слишкомъ много „жрали“, „дабы мамонъ свой набить“. Вообще предписаніе о пищѣ составляетъ почти исключительную тему настоятельскихъ поученій. Фотій и наказывалъ монаховъ тѣмъ, что не давалъ имъ ѣсть за ихъ провинность. Иногда онъ, впрочемъ, поучаетъ монаховъ въ томъ, что они должны выказывать смиреніе, кланяться высшимъ и тому подобное. И вообще всѣ его заботы о монастырѣ и монастырской братіи носятъ чисто хозяйственный характеръ. Это все забота добраго хозяина, но строгаго, менѣе всего заботящагося о душахъ пасомыхъ. Вообще Фотій учительствовалъ только тогда, когда онъ сталкивался съ людьми чиновными или аристократическаго происхожденія. Въ сношеніи съ другими лицами—это былъ добрый хозяинъ, вовсе не затрагивавшій духовныхъ вопросовъ. Въ его монастырь какъ то заѣхалъ его знакомый академическій студентъ. Проникнутое величайшимъ благоговѣніемъ къ Фотію описаніе посѣщенія этого монастыря производитъ, однако, тяжелое впечатлѣніе. Фотій все показалъ своему собесѣднику въ монастырѣ и это былъ простой перечень того, сколько какая вещь стоитъ:

митра стоитъ 250 тысячъ, жемчужина—полтора милліона, риза двадцать тысячъ и т. п.

Вскорѣ послѣ своего сближенія съ Фотіемъ, графиня купила за очень большую цѣну небольшое имѣніе, находившееся подъ самымъ монастыремъ, гдѣ когда то былъ монастырь Св. Пантелеймона, и почти безвыѣздно жила въ этомъ имѣніи, постоянно находясь въ общеніи со своимъ духовнымъ отцомъ. Прекрасно отдѣланная дорога среди топкой и болотистой мѣстности и сейчасъ ведетъ отъ бывшаго дома графини, нынѣ принадлежащаго монастырю, къ стѣнамъ древней обители. Сближеніе графини Орловой и Фотія въ свое время вызывало немалый соблазнъ. Одно произведеніе того времени, которое имѣетъ характеръ письма графинѣ отъ какой то группы отпущенныхъ на волю ею крестьянъ, рисуетъ эти отношенія въ весьма неблагопріятномъ для обоихъ свѣтѣ. Трудно сказать, дѣйствительно ли это письмо написано крестьянами,—можетъ быть это памфлетъ, ходившій въ рукописи, но во всякомъ случаѣ онъ передаетъ то, что очень многіе думали объ этихъ отношеніяхъ. „Сердцу рабскому“ пищущихъ это письмо весьма больно, что „наша мать впала въ руки волка хищнаго, волка хитраго и неумнаго“. Онъ проводитъ у графини дни и ночи, вопреки правилъ святыхъ отцовъ и къ великому соблазну православныхъ. „Ты готова для него всѣмъ на свѣтѣ жертвовать, ты унизила себя передъ нимъ до самой низкой подлости“, а онъ грабитъ и разоряетъ. И посланіе задается вопросомъ о томъ: „станетъ-ли истинный подвижникъ, обрекшійся на нищету и власяницу, гоняться за плотскими украшеніями, за убранствами богатыми, за отличіями брилліантовыми, за шубами собольими и чернобурыхъ лисицъ? Станетъ ли носить рубахи фландскаго полотна, разъѣзжать четверкой въ великолѣпной колесницѣ съ лакеями въ богатой ливреѣ, пренебрегать ихъ и считать за скотовъ“. Посланіе далѣе пересчитываетъ тѣ купанія изысканныя, которыя идутъ къ столу настоятеля. Кто бы ни писалъ это посланіе, во всякомъ случаѣ оно написано лицомъ, близко знавшимъ образъ жизни Фотія и Орловой, и наблюдавшимъ внѣшнюю сторону ихъ отношеній.

Трудно сказать, чѣмъ объясняется эта въ высшей степени рѣдкая преданность духовной дщери своему отцу. До насъ дошли посланія, которыя Фотій писалъ Орловой, дошли письма. Нельзя сказать, чтобы проповѣдникъ былъ на высотѣ своего призванія

въ этихъ посланіяхъ. Въ нихъ не видно ни ума, ни образованности даже въ церковномъ смыслѣ. Эти посланія, которыя Орлова считала „апостольскими“, которыя она переписывала для князя Голицына и другихъ почитателей архимандрита, бѣдны содержаніемъ. Они изложены плохой рѣчью, очень неумѣлымъ подражаніемъ церковно-славянскому языку. Начетчикъ, хорошо начитанный въ этомъ языкѣ, писалъ бы лучше. Содержаніе блѣдно, безцвѣтно. Дьяволъ, сатана, бѣсы, сновидѣнія самого Фотія и особенно вопросъ о сохраненіи плотскаго дѣвства—вотъ та духовная пища, которую преподносилъ Фотій. Корреспондентка часто задаетъ умные вопросы, выказывающіе ея пытливость. Фотій отвѣчаетъ шаблонными совѣтами—соблюдать заповѣди и читать житія святыхъ. Когда Фотій хочетъ пояснить, отчего въ человѣкѣ появляется духъ печали и унынія, онъ не умѣетъ дать другого объясненія, какъ только разсказать о томъ, что къ нему самому являлся духъ лукавый и объяснилъ, что это онъ посылаетъ духовъ унынія и печали. Всѣ бѣды происходятъ отъ этихъ козней дьявола: сатана бываетъ причиной самоубійства, онъ изобрѣлъ театры, маскарады, пѣсни, гульбища, бесѣды, трагедіи, комедіи, романы и всякаго рода вообще сатанинскія дѣла. Или Фотій описываетъ тѣ видѣнія, которыя ему были. Онъ доходилъ до увѣренія, что онъ видѣлъ начертаніе Славы Трисвятого Бога, видѣлъ Сына Человѣческаго въ образѣ человѣка, видѣлъ какихъ то звѣрей на подобіе апокалипсическихъ, чувствовалъ свѣтъ и благоуханіе. И „христолюбивая дѣвица“ съ вниманіемъ и вѣрою воспринимала всѣ эти посланія и разсказы. Въ отвѣтныхъ письмахъ къ Фотію Орлова въ своей по существу невинной жизни хочетъ найти вины: то она лѣнива къ молитвѣ, то въ сердцѣ ея невольно „восходятъ соблазны и помыслы нечистые“. Но вездѣ она признается, что ей очень тяжела даже кратковренная разлука съ Фотіемъ. Она въ отсутствіе Фотія вспоминаетъ его голосъ, для нея нужны его письма, „какъ воздухъ для дыханія“.

Орлова въ дѣятельности Фотія и въ его возвышеніи сыграла наиболѣе видную роль. Имъ заинтересовались многіе другіе лица. Она познакомила его съ княземъ Голицынымъ, который устроилъ свиданіе Фотія съ государемъ, Фотій получилъ извѣстное вліяніе при дворѣ и вообще среди петербургской аристократіи. Его голосъ теперь дѣйствительно сдѣлался мощнымъ, къ нему прислушивались. Теперь, опираясь на Орлову, Фотій начинаетъ дѣйство-

вать болѣе увѣренно. Дружественно переписываясь съ Голицынымъ, преподавая ему утѣшеніе и наставленіе, онъ въ то же время слѣдилъ за нимъ, устроилъ въ буквальномъ смыслѣ сыскъ для того, чтобы найти поводъ для открытой войны противъ всесильнаго министра.

Фотій, правда, много говоритъ о томъ, что онъ изъ чисто религіозныхъ побужденій вступилъ въ борьбу съ мистиками и съ княземъ Голицынымъ. Но въ то же время онъ самъ довольно наивно разсказываетъ о тѣхъ мірскихъ побужденіяхъ, которыя воздвигали его и стоявшій за нимъ кругъ высшихъ іерарховъ къ борьбѣ съ Голицынымъ. Фотій заранѣе готовился къ борьбѣ и когда популярность его уже въ достаточной мѣрѣ окрѣпла, митрополитъ Серафимъ, посовѣтовавшись съ епископомъ Владиміромъ и со всѣми своими союзниками, вызвалъ Фотія въ Петербургъ. „Потрясется весь градъ Св. Петра“, говорилъ епископъ Владиміръ по поводу пріѣзда Фотія. Въ извѣстной мѣрѣ это и случилось.

Фотій уже и раньше, какъ мы видѣли, вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Голицынымъ. Подобно Орловой, князь Голицынъ былъ духовнымъ „братцемъ“ Фотія. Онъ посылаетъ своему духовному сыну благословеніе, наставляя его, сообщая ему въ письмахъ о знаменіяхъ, въ которыхъ самъ Господь Богъ признавалъ Голицына вѣрнѣйшимъ сыномъ православной церкви. Но эта духовная дружба нужна была для испытанія, для того, чтобы найти слабыя стороны въ мнѣніяхъ и дѣятельности Голицына. Фотій самъ разсказываетъ, что, когда его вытребовали въ Петербургъ, онъ каждодневно бывалъ на бесѣдахъ у разныхъ „бояръ и боярынь“, гдѣ все время рѣчь шла, „како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать пособіе“. Въ то же время онъ, „нужное испытуя у князя Голицына“, т. е. учинилъ надъ нимъ сыскъ, подошелъ къ нему съ пріемами незамѣтнаго слѣдователя. Фотію и всѣмъ его соратникамъ въ Голицынѣ не нравилось покровительство, оказываемое имъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ извѣстному пастору Госнеру. Фотій утверждаетъ, что императоръ пожаловалъ пастору Госнеру на содержаніе дома 18 тысячъ рублей, что Госнера поддерживаетъ императрица Марія, Голицынская канцелярія и „прочая сволочь зловредная“, а всему этому „кн. Голицынъ есть первая вина“. Баварскій пасторъ и профессоръ Госнеръ, прекрасный проповѣдникъ, мирный христіанинъ съ легкимъ мистическимъ оттѣнкомъ, въ представленіи Фотія превратился въ опаснѣйшаго ре-

волюціонера; Госнеръ учитъ „всему, что ближе къ готовляемой втайнѣ революціи церковной и правительства“. „Кн. Голицынъ, клятвенные враґи вѣры, благочестія, церкви и государства возносятъ Госнера къ небесамъ“. Такимъ образомъ личная ненависть къ преуспѣвающему иностранному проповѣднику является для Фотія и его соратниковъ первѣйшимъ стимуломъ къ борьбѣ. Но были и другіе болѣе сложные поводы къ ней.

Голицынъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, подчинилъ свѣтской власти дѣятельность Синода. Въ этомъ фактѣ и кроется основная причина ненависти къ нему нѣкоторой части синодальныхъ членовъ. Фотій дѣлаетъ даже какой то темный намекъ на изгнаніе кн. Голицынымъ и „положеніе въ гробъ“ нѣкоторыхъ избранныхъ Богомъ іерарховъ церкви.

Порабощеніе свѣтской властью духовной весьма сильно задѣло высшую церковную іерархію, тогда еще не привыкшую къ такому порядку вещей. Фотій очень наивно передаетъ это настроеніе. Кн. Голицынъ „неполный еще генералъ“, а только тайный совѣтникъ, т. е. будучи младшимъ по чину сравнительно съ митрополитами, предсѣдательствовалъ въ „собраніи“ въ томъ числѣ и въ Библейскомъ Обществѣ, оказываясь такимъ образомъ выше митрополита и архіерея. Онъ „яко патріархъ“ сидѣлъ окруженный высшими церковными іерархами: „стыдъ и срамъ было слышать и видѣть сіе неслыханное въ Россіи кощодѣйство и посмѣяніе вѣрѣ святой въ лицѣ пастырей и учителей“. Вотъ въ чемъ была основная причина ненависти духовенства къ министру: даже Библейское Общество было не столь вредно само по себѣ, какъ то, что въ немъ предсѣдательствовалъ князь.

Князь Голицынъ окружилъ себя надменными свѣтскими людьми, которые вмѣстѣ съ нимъ вершатъ церковныя дѣла. Таковъ „надменный комаръ“ А. И. Тургеневъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, который много „пакостей“ надѣлалъ самому Фотію. Вотъ тотъ рядъ причинъ, въ силу которыхъ Фотій отъ имени духовенства возсталъ противъ Голицына—противъ „овцы непотребной“, какъ онъ называлъ князя.

Митрополитъ Серафимъ выступилъ борцомъ за возстановленіе синодальныхъ правъ, имѣя цѣлью „исторгнуть святую церковь изъ рукъ мірского человѣка,' при томъ врага ея, избавить отъ неправильнаго насилія духовенство, отдѣлить пшеницу отъ плевеловъ, уничтожить власть министра, прекратить дѣйствія

зловѣрія, заградить уста еретика". Ему особенно хотѣлось открыть „зло тайное княземъ и его партіею содѣлываемое". Интересно, что самъ Фотій выпытывалъ у князя о его намѣреніи. „Отецъ Фотій все примѣчалъ, и искушая сердце князя, отъ него узнавалъ самого". Отъ него онъ узналъ, что кн. Голицынъ намѣренъ низложить митрополита Серафима и на его мѣсто возвести епископа Филарета. Такъ, самымъ главнымъ лицомъ всей этой драмы весьма наивно разсказана основная причина борьбы: митрополиту Серафиму совсѣмъ не хотѣлось оставлять свое мѣсто изъ-за несогласія съ министромъ. И этотъ архипастырь—по характеристикѣ одного современника,—„мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ къ дѣлу Божію," рѣшился вступить въ борьбу съ всесильнымъ министромъ. У князя Голицына оказалось много враговъ. Не менѣе всесильному графу Аракчееву, совмѣстное вліяніе его и князя Голицына на императора не нравилось. Онъ хотѣлъ быть единственнымъ руководителемъ государя. Другъ кн. Голицына, извѣстный Магницкій, мѣтилъ попасть самъ въ министры и старательнѣе другихъ выслѣживалъ своего министра для того, чтобы его низвергнуть. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода князь Мещерскій, подчиненный теперь министру духовныхъ дѣлъ кн. Голицыну, тяготился своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Князь Сергѣй Шахматовъ, въ иночествѣ Аникита, сенаторъ Штеръ, и много дамъ вмѣстѣ съ графиней Орловой, княгиней С. С Мещерской, женой оберъ-прокурора, и многіе другіе—вотъ тотъ кругъ лицъ, для котораго нужно было паденіе кн. Голицына.

Этотъ кругъ лицъ насчиталъ цѣлый рядъ винъ за княземъ Голицынымъ. Онъ оказывалъ покровительство мистикамъ и другимъ сектантамъ. Онъ былъ предсѣдателемъ вреднѣйшаго и революціоннаго Библейскаго Общества. Подъ его покровительствомъ переведенъ Новый Завѣтъ на русскій языкъ, хотя въ этомъ переводѣ принималъ участіе и митрополитъ Серафимъ, въ покояхъ котораго собирались „перелагатели священнаго писанія". Своимъ вліяніемъ на царя князь достигъ того, что самъ царь одобрялъ и мистическія сочиненія и переводъ евангелія на русскій языкъ и разныя вредныя книги. Въ одной анонимной запискѣ того времени—„Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи", вышедшей изъ круга близкаго къ митрополиту Серафиму, пущенной по рукамъ и доведенной до свѣдѣнія Александра I, перечисляются всѣ тогдашніе враги Россіи, жаждущіе ее погубить; это были всякаго рода

иновѣрцы, масоны, вольтерьянцы, русскіе раскольники, члены Библейскаго Общества и тому под. которые „на удивленіе самому аду“ придумывали способы къ погубленію Россіи. Эта Записка увѣряетъ, будто бы всѣ эти враги Россіи издали массу книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства, они сѣютъ зловредное ученіе въ университетахъ, чего не замѣчаетъ министръ народнаго просвѣщенія. Они унизили религію тѣмъ, что стали продавать библію по самой низкой цѣнѣ, что священная библія попала въ лавки книгопродавцевъ, на лари, въ переднюю и кухню. Записка предваряетъ обо всѣхъ этихъ врагахъ, намекая на то, что всѣ эти козни имѣютъ въ виду главу государства.

Когда враги Голицына почувствовали себя довольно сильными, они начали на него открытое нападеніе. Между митрополитомъ Серафимомъ и министромъ духовныхъ дѣлъ происходитъ рѣзкій разговоръ въ Святѣйшемъ Синодѣ, такъ что Голицынъ, схвативши шляпу „во гнѣвѣ и ярости“ бѣжалъ изъ Синода. Фотій добивается свиданія съ государемъ и открыто выступаетъ противъ министра. Онъ пишетъ государю посланіе такого же характера. Но особенно усилило противника Голицына слѣдующее обстоятельство. Извѣстный уже намъ пасторъ Госнеръ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ книгу о послѣдованіи Христу. Это совершенно невинная мистическая книга. Нашелся переводчикъ этой книги, человѣкъ близкій къ Попову и кн. Голицыну. Кн. Голицынъ, какъ министръ и начальникъ цензуры взялъ на себя цензурованіе этой книги, а Поповъ сдѣлалъ нѣкоторыя поправки въ переводѣ. Магницкій узнавъ о томъ, гдѣ книга эта печатается, выкралъ всѣ корректурные листы ея и немедленно представилъ Аракчееву и митрополиту Серафиму. Всѣ противники министра забили тревогу. Прежде всего отправленъ былъ къ государю митрополитъ Серафимъ. Митрополитъ боялся ѣхать. Но графиня Орлова, Фотій и Магницкій усадили почти насильно старика въ карету и приказали кучеру не останавливаясь ѣхать въ Зимній дворецъ. За каретой слѣдилъ Магницкій, заставившій митрополита войти къ государю. Митрополитъ, поставивъ къ ногамъ императора свой бѣлый клобукъ, заявилъ, что онъ до тѣхъ поръ не возьметъ его обратно, если ему не будетъ обѣщано уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ и возвращеніе Синоду его прежнихъ правъ. Государь былъ смущенъ и по обычаю старался быть любезнымъ и

все обѣщающимъ. Фотій пишетъ разборъ книги Госнера. Онъ старается доказать, что эта книга является воззваніемъ къ революціи, что она заключаетъ въ себѣ всѣ замыслы злодѣйскіе, революціонные, это—„пароль тайныхъ обществъ". Вездѣ, гдѣ книга говоритъ о необходимости слѣдованія Христову ученію, Фотій видитъ воззваніе къ революціи, „обновленіе, измѣненіе временъ" въ смыслѣ поворота въ христіанствѣ представляется ему воззваніемъ къ измѣненію государственнаго порядка; даже слово „израиль" онъ понимаетъ, какъ замѣну слова „бунтующій народъ". Однимъ словомъ, какъ „кратко" суммируетъ самъ Фотій „Книга Воззваніе есть вѣсть къ отступленію отъ вѣры Христовой и къ перемѣнѣ гражданскаго порядка по всѣмъ частямъ". Фотій встрѣчаетъ въ книгѣ обычное мистическое выраженіе—„се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая" и комментируетъ эти слова такъ: „скрывайте все до времени, молчите", готовясь къ революціи. Но этотъ доносъ, переданный государю немедленно Аракчеевымъ, былъ слишкомъ наивенъ для того, чтобы могъ воздѣйствовать на императора. Тогда Фотій пишетъ императору посланіе. Доказывая вредъ книги Госнера, онъ сообщаетъ императору о тѣхъ видѣніяхъ, которыя ему были: 30-го марта въ Вербное воскресеніе предсталъ предъ Фотіемъ ангелъ Божій во время дреманія, разогнувъ книгу и показывая ее Фотію, сказалъ: „зри и разумѣй!". Эта книга была составлена для революціи и Фотій узналъ ее: это была зловредная книга Госнера. Фотій увѣряетъ своего высокаго читателя, что самъ Господь Богъ открываетъ черезъ его посредство путь къ спасенію: „что же дѣлать,—мнѣ все открыто:—... графъ Аракчеевъ все можетъ исполнить, онъ вѣренъ,—и объ немъ мнѣ открыто тогда, когда я тебя видѣлъ въ видѣніи". И онъ предупреждаетъ государя: „знай, о великій царь, что Господь все мнѣ открывалъ прежде и все впредь заранѣе откроетъ: никакой бѣды не будетъ, если ты послушаешь Господа, чрезъ меня тебѣ глаголющаго". Но и это наивное посланіе, отправленное 12 апрѣля 1824 года, не подѣйствовало на государя. Тогда Фотій добивается свиданія съ государемъ. Онъ требуетъ закрытія всѣхъ тайныхъ обществъ, закрытія Библейскаго Общества, возвращенія прежней власти Святѣйшему Синоду, отставки кн. Голицына. Нѣсколько позже Фотій пишетъ государю новое посланіе, отправленное 29-го апрѣля того же года. Инокъ молился Господу Богу и вотъ, что Господь открылъ ему: необходимо

министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, удалить кн. Голицына, закрыть Библейское Общество подъ предлогомъ, что теперь библіи не нужны больше, Синоду быть по прежнему, Кошелева, Госнера, Феслера изгнать. „Провидѣніе Божіе теперь болѣе ничего дѣлать не открыло“,—скромно заявляетъ авторъ посланія; затѣмъ тутъ же онъ прилагаетъ планъ, который будто бы хотятъ провести члены тайныхъ обществъ.

Вся эта интрига была настолько наивна, что все же не могла воздѣйствовать на государя. Тогда по совѣту Аракчеева, царь поручаетъ разборъ книги Госнера извѣстному уже намъ адмиралу Шишкову. Онъ надѣялся на честность и добросовѣстность стараго адмирала, но послѣдній, какъ мы знаемъ, былъ самъ добросовѣстно убѣжденъ въ дѣятельности крамольныхъ враговъ Россіи и затѣмъ слишкомъ зависѣлъ отъ Аракчеева, слишкомъ самъ стремился занять мѣсто Голицына въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія для того, чтобы хладнокровно отнестись къ книгѣ Госнера.

Шишковъ съ жаромъ принялся за разборъ книги пастора Госнера, онъ написалъ довольно объемистое произведеніе, въ которомъ пытается раскрыть „скрытный“ языкъ автора этого сочиненія. Критика изобилуетъ цѣлымъ рядомъ въ высшей степени курьезныхъ замѣчаній, характеризующихъ какъ автора ихъ, такъ и всю эту замѣчательную эпоху. Шишковъ встрѣтилъ у Госнера фразу: „предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ, нерѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямого пути“. Эта фраза уже кажется Шишкову опасной: „Зачѣмъ говорить такими скрытными и двусмысленными словами?, что такое предубѣжденіе къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ?“ Шишковъ боится и не понимаетъ выраженія „искать Христа“, хотя авторъ книги говоритъ объ исканіи Христа волхвами въ ясляхъ. Съ точки зрѣнія Шишкова, христіане знаютъ Христа, имъ не надо искать Христа. Проповѣдникъ говоритъ о звѣздѣ Христа, приведшей волхвовъ въ Виѳлеемъ, и говоритъ, что это великая звѣзда, которую „не можно было носить на одеждѣ“—это была небесная звѣзда. Шишковъ приходитъ въ смущеніе: ему кажется страннымъ, что проповѣдникъ увѣряетъ своихъ слушателей въ томъ, что небесныхъ звѣздъ не носятъ на одеждѣ, „и кому придетъ въ голову свѣтъ евангельскаго откровенія сравнивать съ кавалерской звѣздой?“. Проповѣдникъ приглашаетъ слушателей по-

слѣдовать за „звѣздою слова Божія“. Критикъ съ испугомъ замѣчаетъ, что это значитъ призывъ идти за тѣмъ, „кто насъ освободитъ“. Вообще въ призывахъ проповѣдника слѣдовать за Христомъ и его ученіемъ реакціонноиу критику чудится призывъ къ поискамъ свободы. По мнѣнію Шишкова, проповѣдникъ подъ Христомъ и евангеліемъ разумѣетъ не того Христа, въ котораго всѣ вѣруютъ, но другого, котораго еще надо искать.

Съ другой стороны критикъ очень внимательно слѣдитъ за всѣми тѣми выраженіями проповѣдника, въ которыхъ упоминается имя Ирода царя. Ему все кажется, что подъ именемъ царя іудейскаго проповѣдникъ разумѣетъ современныхъ царей. Такъ къ разсказу Госнера о попыткахъ Ирода найти божественнаго младенца, Шишковъ съ испугомъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Иродъ помышлялъ сіе; но почему же, указуя на тѣ времена, говоритъ (авторъ) такъ, какъ будто бы всѣ нынѣшніе цари были Ироды.“ Въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ съ пафосомъ говоритъ о томъ, что скоро кончится гоненіе божественнаго младенца—„ожидай еще нѣсколько и твой Иродъ умретъ“. Эта фраза приводитъ въ содроганіе Шишкова: „кого разумѣетъ подъ именемъ Ирода и почему пророчитъ ему скорую смерть? Темныя загадки! но кто просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ евангелія, чья душа чиста и не злоказненна, тому не трудно угадать ихъ, и отъ нихъ содрогнуться“.

Получивъ черезъ Аракчеева докладъ Шишкова, императоръ былъ въ совершенномъ недоумѣніи. Тогда Фотій рѣшается на крайнія мѣры. Князь Голицынъ былъ вызванъ въ домъ графини Орловой. Окруженный театральной обстановкой, здѣсь встрѣтилъ его духовный отецъ и рѣзко потребовалъ отреченія отъ всѣхъ побужденій и покаянія. Кн. Голицынъ вспылилъ. Тогда Фотій торжественно предалъ его анаѳемѣ, немедленно утвержденной митрополитомъ Серафимомъ. Вѣсть разнеслась по всему городу. Получился грандіозный скандалъ: министръ духовныхъ дѣлъ, извѣстнѣйшій святоша, отлученъ отъ церкви. Сохранять портфель министра при такихъ условіяхъ было дѣломъ труднымъ, и Голицынъ вышелъ въ отставку, сохранивъ за собою лишь управленіе почтовымъ департаментомъ. Государь былъ возмущенъ и недоволенъ и на тайномъ свиданіи съ Фотіемъ старался доказать ему неправоту его дѣйствій. Но это было безполезное увѣщаніе. Фотій и его приверженцы ликовали: „паде адъ, діаволъ ратоборецъ побѣжденъ, бѣсы и вражіи духу потреблены въ начинаніяхъ сво-

ихъ.... Всѣ духовныя лица, всѣ грады, всѣ церкви, святыя обители, домы духовны и мѣста оживляются отъ радости. Ибо сіе дѣло было таково, что во власти бывъ церковь вся у князя Голицына, была яко въ плѣнѣ у князя тьмы".

Министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Шишковъ, а Фотій и Магницкій окончательно впали въ немилость государя. Фотій сошелъ со сцены и продолжалъ заниматься хозяйствомъ въ Юрьевскомъ монастрѣ, используя огромныя средства графини Орловой.

Такъ разыгрался одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ этого періода. Правовѣріе окончательно укрѣпилось. Оно выставило свою государственную программу, которую въ лицѣ Шишкова пыталось проводить въ дѣлахъ государственныхъ.

ГЛАВА XII.

Правительственная политика и народное образованіе.

Мы только что прослѣдили разнообразныя струи общественнаго настроенія. Весьма значительная часть общества, при томъ такая, которая стояла у власти или близко къ ней, была проникнута мрачнымъ реакціоннымъ направленіемъ. Эта часть общества была глубоко увѣрена въ томъ, что религія и государство находятся въ крайней опасности, все разлагается. Она потеряла вѣру въ прежніе идеалы, или даже выросла и созрѣла уже въ періодъ господства реакціи. Эта часть общества ищетъ выхода сначала въ различныхъ религіозныхъ ученіяхъ, а потомъ обращается къ старой вѣрѣ своихъ предковъ. Она съ боязнью и ненавистью смотритъ на тѣ великіе идеалы, которые были выработаны вѣкомъ просвѣщенной философіи и революціи, и ищетъ успокоенія и отвѣта въ родномъ достояніи, ищетъ идеаловъ въ исторіи, или въ специфическомъ, особо понимаемомъ, народномъ русскомъ духѣ. Націонализмъ, который теперь господствуетъ, является весьма своеобразнымъ: онъ беретъ изъ прошлаго и настоящаго или несуществующія цѣли, или идеалы, въ которыхъ на первый планъ ставится сохраненіе существующаго порядка вещей. Борьба съ просвѣщеніемъ, борьба съ малѣйшими проявленіями мысли о свободѣ крестьянъ, усиленіе дворянства—вотъ тѣ основные принципы, которые господствуютъ въ этой идеологіи. Въ этомъ омутѣ притупленной человѣческой мысли темная интрига, своекорыстные личные интересы находятъ себѣ мощное подкрѣпленіе. Эти послѣдніе недостатки человѣческой натуры какъ то всегда плотно сплетаются съ воплями о гибели отечества.

Реакціонное настроеніе въ обществѣ весьма облегчило задачу правительственной власти. Мы уже знаемъ, что во главѣ правительства стоялъ человѣкъ, обладавшій многими замѣчатель-

ными качествами, но среди нихъ было одно, которое императоръ проявлялъ съ особенной осторожностью въ первую половину своего управленія. Оно заключалось въ упорномъ стремленіи государя сохранить власть на той высотѣ, на которой она стояла при его предкахъ, и даже усилить ее, развить. Настроеніе въ обществѣ второго періода царствованія весьма облегчило проведеніе государственной идеи такого порядка. Правительство примкнуло къ реакціи, оперлось на нее.

Наступленіе эпохи реакціи стало выражаться или въ крутомъ измѣненіи правительственной политики, сравнительно съ первымъ десятилѣтіемъ, или въ усиленіи тѣхъ мрачныхъ ея сторонъ, которыя въ зародышѣ видны были раньше. Кромѣ того, политическое положеніе Россіи настолько осложнилось, что государь много времени долженъ былъ проводить внѣ Россіи, и это обстоятельство, казалось, оправдывало отсутствіе движенія впередъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Самъ Александръ I значительно измѣнился: съ годами онъ пріобрѣлъ увѣренность и могъ свободнѣе отдаться тѣмъ дѣламъ, къ которымъ онъ всегда питалъ сильное влеченіе, именно, дипломатіи и военному дѣлу. Когда ему напоминали о томъ, что съ прекращеніемъ періода войнъ слѣдуетъ перейти къ реформамъ въ гражданскомъ управленіи, Александръ I, растроганный, убѣдительно доказывалъ своимъ собесѣдникамъ, что у него нѣтъ людей, на которыхъ онъ могъ бы опереться. Впрочемъ, за границей, во Франціи, Англіи и Польшѣ, Александръ продолжалъ еще завѣрять слушателей въ своемъ желаніи ввести въ Россіи либеральныя учрежденія, но для болѣе опытныхъ и близкихъ наблюдателей было ясно, что въ Россіи все болѣе и болѣе сгущается реакціонная политика. Съ годами Александръ I болѣе откровенно сталъ отрицательно выражать свое отношеніе къ Россіи, ко всему русскому и предпочитать все иностранное. Наблюдая отношенія государя къ Россіи, многіе современники полагали, что государь „удалился отъ дѣлъ“. Но въ дѣйствительности это было не совсѣмъ такъ. Для внутренняго управленія Александръ I послѣ долгихъ поисковъ нашелъ, наконецъ, такія орудія, которыя явились послушнымъ выраженіемъ его воли, которымъ крайне недовѣрчивый и подозрительный государь могъ вполнѣ довѣриться: это были Аракчеевъ и кн. Голицынъ. Въ эпоху реакціи ихъ фигуры закрыли собою въ глазахъ общества государя, котораго многіе продолжали считать добрымъ и склон-

нымъ къ либерализму, но недостаточно самостоятельнымъ. Въ дѣйствительности удаленіе государя даже и отъ дѣлъ внутренняго управленія было далеко не столь рѣшительнымъ. Во всѣхъ актахъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, руководимаго кн. Голицынымъ, государь принималъ дѣятельное участіе. Дѣла Комитета Министровъ показываютъ, что государь стремился услѣдить за всѣми мелочами внутренняго управленія. Еще въ 1806 году, въ либеральную эпоху, кн. Чарторыйскій уже откровенно заявлялъ государю, что онъ больше вниманія удѣляетъ мелочамъ, нежели болѣе серьезнымъ вопросамъ государственной жизни. Замѣчанія государя на протоколахъ Комитета Министровъ были руководящими для дѣятельности его министровъ. Съ другой стороны, Аракчеевъ и Голицынъ, какъ люди близкіе къ государю и совершенно ему преданные, являются вѣрными исполнителями предписаній ихъ царственнаго друга, можетъ быть, даже слишкомъ усердными исполнителями.

Обзоръ правительственной политики мы начнемъ съ той области ея, которая ближе всего къ тому роду общественныхъ явленій, которыя мы только что разсмотрѣли—съ политики въ области просвѣщенія и печати.

Отношеніе правительства къ вопросамъ просвѣщенія въ оба періода царствованія было неодинаково. Въ первую половину правительство шло по пути, указанному Екатериной II, и не мало сдѣлало для развитія науки и просвѣщенія. Во второй періодъ оно стало на почву реакціи и начался одинъ изъ самыхъ грустныхъ періодовъ исторіи нашей школы.

Нужно замѣтить, что XVIII вѣкъ былъ проникнутъ посильными попытками наладить дѣло образованія. Петровскія традиціи были прочны. Петръ Великій указалъ программу обученія, въ которой государственныя надобности были поставлены на первый планъ. Это были знанія военныя и техническія. Эпоха Анны Іоанновны выдвигаетъ идею образованія для гражданскихъ надобностей: этому удовлетворяло обученіе юнкеровъ при коллегіяхъ. Эпоха императрицы Елизаветы выдвигаетъ идею спеціальнаго сословнаго образованія, обученіе шляхетскимъ наукамъ. При Петрѣ I государство смотритъ на ученіе, какъ на службу. Поэтому тотъ, кто не учится, совершаетъ преступленіе уголовнаго и противо-государственнаго характера. Петровскіе регламенты вводили въ школу дисциплину, которая смотрѣла на школьника, какъ на преступ-

ника. Ребенокъ, при вступленіи въ ученье, приносилъ присягу государю. Разъ онъ находился на службѣ, то государство считало совершенно излишнимъ авторитетъ учителя, его воспитательное вліяніе на ученика: передъ послѣднимъ былъ авторитетъ закона; по Петровскому указу 1715 г. дисциплина водворяется въ классѣ при посредствѣ „добрыхъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ“, которые должны имѣть „хлыстъ въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи не былъ“. Въ морскомъ корпусѣ за всякія продерзости приказано было бить батогами, коллежскіе юнкера за крупные проступки отдавались въ солдаты „безъ произвожденія“. Въ инструкціи духовнымъ школамъ говорилось, что „за легкія вины, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, наказать въ первый и во второй разъ словесно; а за третью вину при собраніи учениковъ смирить шелепами; а за четвертую и пятую плетьми и тюремнымъ арестомъ на недѣлю“. Если преступникъ не исправляется, то доносить духовному судьѣ, а послѣдній „сыскавъ таковаго преступника и сковавъ въ ножныя желѣза“ для вящшаго наказанія, „долженъ прислать въ канцелярію“.

Отсюда и взглядъ на образованіе, какъ на государственную повинность. Общество такъ и смотритъ на школьное ученіе, какъ на повинность, и старается избѣгать новой тяготы. Отсюда и въ школѣ учатъ не тому, чему хотятъ учащіеся и ихъ родители, но тому, что нужно для государственной службы. Отсюда установился такой порядокъ вещей: мальчикъ 7 – 10 лѣтъ отрывался отъ семьи, большею частью насильно, и подъ карауломъ доставлялся въ училище; это былъ почти такой же наборъ, какъ и рекрутскій, сопровождавшійся слезами и побѣгами. „Предложено мнѣ,—писалъ устюжскій городской голова губернатору,—о наборѣ въ мореходную школу учениковъ, а коликое число и изъ какихъ дѣтей... и при наборѣ какъ ихъ содержать, того не изъяснено... подъ стражею ли, а буде безъ стражи, то уповательно разбредутся“.

Чтобы избѣжать ученія въ цыфирныхъ школахъ, посадскіе люди, т. е. городское сословіе, подали Петру В. челобитную, въ которой жаловались: „принуждаютъ (воеводы—горожанъ) для того ученія высылкою (дѣтей) къ Москвѣ и въ томъ держатъ людей въ городахъ за карауломъ“. Купеческія дѣти „безъ школы обучаются своему ремеслу“ за прилавками отцовъ своихъ, почему

посадскіе просятъ государя: „для многолѣтняго Вашего Царскаго Величества здравія не вели, государь, для означенной науки, во учиненные въ Москвѣ школы съ городовъ дѣтей нашихъ брать, и о томъ свой милостивый указъ учинить“.

И, дѣйствительно, ученики бѣжали изъ школъ цѣлыми толпами, спѣшили жениться, уходили въ монастыри, даже увѣчили себя, а дѣти церковныхъ причетниковъ иногда записывались въ крѣпостные крестьяне,—только бы избѣжать службы.

Правительство принимало съ своей стороны самыя разнообразныя мѣры, чтобы прекратить такое бѣгство и дѣйствительно услѣдить за обученіемъ. Такъ, еще Петръ В. учредилъ особые смотры для экзамена и разбора недорослей. Чтобы заставить учениковъ оканчивать навигацкія школы, былъ изданъ указъ, запрещавшій вѣнчать молодыхъ людей безъ предъявленія свидѣтельства объ окончаніи ученія. Но и эти, повидимому, радикальныя мѣры не помогли: цыфирныя школы дали на всю Россію всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Указы мало дѣйствовали. Поэтому правительство и мѣстное начальство изобрѣтали самыя разнообразныя средства, чтобы уловить въ школу всѣхъ уклоняющихся отъ нея или возвратить въ нее бѣглецовъ.

Такъ, съ дѣтей берутъ подписки, что они не убѣгутъ; указомъ 1719 г. назначается даже конфискація всего движимаго имущества тѣхъ, кто убѣжитъ изъ школы. Держатъ подъ арестомъ родителей укрывающихъ дѣтей и т. п.

Учителя сами должны были развѣдывать, нѣтъ ли гдѣ укрывающихся отъ школы дѣтей. Если „гдѣ отъ священнослужителей въ отдачѣ дѣтей ихъ учинится какое-либо непослушаніе, учитель долженъ о томъ донести, куда слѣдуетъ, а пристойнымъ образомъ требовать команды и тѣхъ ихъ дѣтей брать, не пріемля никакихъ отговорокъ, и потому жъ отсылать ихъ къ опредѣленію въ семинаріи“.

Но самымъ радикальнымъ средствомъ духовное начальство считало разсылку по епархіямъ солдатъ, которые обязаны были слѣдить, не укрывается ли кто изъ учениковъ и не подросли ли у кого изъ церковнаго причта дѣти до школьнаго возраста. Сколько горькихъ слезъ, разсказываютъ современники, проливалось въ семьяхъ, когда являлся такой соглядатай.

Понятное дѣло, что съ бѣглыми учениками не церемонились: возвращенныхъ били батогами и часто сдавали въ рядовые солдаты.

Уже при Петрѣ Великомъ установился взглядъ, по которому обучившіеся въ школахъ получаютъ извѣстнаго рода привиллегіи на государственной службѣ. Для привлеченія учениковъ Ломоносовъ проэктировалъ давать ученикамъ гимназіи изъ дворянъ большіе „ранги“ или чины; при Елизаветѣ столы для дворянъ-учениковъ сдѣланы были особые, лучше чѣмъ для разночинцевъ, и поставлены отдѣльно отъ послѣднихъ. Но все-таки „шляхетные юноши“ не шли въ академическую гимназію. При Елизаветѣ учреждается Московскій университетъ, при немъ гимназія и такая же гимназія основана въ Казани. Но этихъ гимназій было мало, да и учили въ нихъ плохо.

Но къ концу XVIII столѣтія картина въ сильной мѣрѣ измѣняется. Уже въ самомъ обществѣ замѣчается стремленіе къ образованію. Измѣнились и педагогическіе взгляды. Императрица Екатерина II много сдѣлала для установленія новыхъ принциповъ въ дѣлѣ школьнаго обученія. Съ самаго начала царствованія этотъ вопросъ ее весьма озабочивалъ, и уже въ своемъ знаменитомъ Наказѣ она высказываетъ нѣкоторыя здоровыя мысли о характерѣ воспитанія и его назначеніи. Она долго и внимательно изучала вопросъ о постановкѣ школы въ государствѣ, пока, наконецъ, не остановилась на томъ типѣ школы, который въ ея время былъ введенъ въ Австріи подъ руководствомъ гуманнаго императора Іосифа II. Она сама изучила вопросъ, привлекла людей, которые горячо взялись за установленіе школы новаго типа. Появляется знаменитая Комиссія народныхъ училищъ съ Завадовскимъ во главѣ. Новой Комиссіи предстояло нелегкое дѣло: ей нужно было составить учебники, выработать, наконецъ, планы преподаванія и уставы. Хотя у нея и были готовые образцы, но даже примѣненіе сдѣланнаго въ Австріи, составленіе такихъ учебниковъ, которыхъ нельзя было перевести, а главнымъ образомъ, пріисканіе учителей для цѣлой сѣти училищъ—было нелегко. И Комиссія дѣйствовала весьма интенсивно: въ теченіе 4 лѣтъ она не только успѣла почти все подготовить, но даже и открыть около 10 училищъ въ самомъ Петербургѣ и ближайшихъ къ нему городахъ.

Такимъ образомъ, 5-го августа 1786 г. уже былъ утвержденъ императрицей уставъ народныхъ училищъ, а 22 сентября предположено открыть главныя народныя училища въ 25 губернскихъ городахъ. Въ томъ же 1786 г. Комиссія получаетъ указъ о представленіи на утвержденіе императорской власти устава университета.

Изданное въ 1786 г. новое положеніе объ училищахъ вводило въ Россіи впервые среднюю общеобразовательную школу, безсословную и безплатную, взамѣнъ прежней узкосословной и профессіональной.

По уставу 1786 года въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждается одно главное училище съ пятилѣтнимъ курсомъ, въ уѣздныхъ городахъ народныя училища; предполагалось открытіе училищъ и въ селахъ. Директоръ главнаго народнаго училища является въ то же время ближайшимъ административнымъ органомъ всѣхъ училищъ въ губерніи, губернаторъ—попечителемъ ихъ. Училища преслѣдуютъ общеобразовательныя цѣли. Но такая мысль не препятствовала преподаванію профессіональныхъ знаній въ качествѣ дополнительныхъ предметовъ тамъ, гдѣ это было нужнымъ. Главное народное училище было среднимъ учебнымъ заведеніемъ, дававшимъ законченное образованіе и въ то же время подготовлявшимъ къ университету. Двери училища широко были открыты для всѣхъ желающихъ безъ различія сословій и пола; ученіе было объявлено безплатнымъ. Новая школа долженствовала быть тѣсно связанной съ обществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, екатерининская школа должна была быть тѣснѣйшимъ образомъ связана съ обществомъ; ея попечитель—самая высокая персона въ губерніи—губернаторъ, связывающій ее съ бюрократіей и дворянствомъ; смотритель школы—избирается изъ лучшихъ гражданъ—связь съ городскимъ сословіемъ. Общество даетъ деньги на школу, но оно же ее и провѣряетъ: для послѣдней цѣли служатъ парадные акты, экзамены и уроки преподавателей. Чтобы привлечь къ училищу симпатіи общества, Комиссія помѣщаетъ статьи въ газетахъ, обращается къ содѣйствію губернаторовъ и проч.

Школа ставила себѣ высокую задачу.

Общая цѣль школы—приготовить изъ учащагося человѣка и гражданина, развить его умственныя и нравственныя способности всѣми зависящими отъ школы средствами. Для утвержденія въ ученикахъ гражданскихъ и общественныхъ по-

нятій была составлена даже особая книга о должностяхъ человѣка и гражданина, на чтеніе въ классахъ которой предназначались отдѣльные часы. Эта книга, по авторитетному утвержденію адмирала Шишкова, составлена или самой Екатериной II, или при ея ближайшемъ сотрудничествѣ.

Въ видахъ развитія нравственныхъ и умственныхъ силъ учащагося, Комиссія предъявляетъ новыя и весьма раціональныя требованія въ вопросахъ педагогики и методики. Отъ учителя требуется мягкость въ обращеніи съ учениками; всякаго рода тѣлесныя наказанія строго воспрещаются. Собственный примѣръ наставника долженъ воспитывать въ учащемся добрую нравственность и правила общежитія.

Рядомъ съ заботами о воспитательномъ вліяніи школы идутъ заботы объ умственномъ развитіи дѣтей. Тутъ большое предпочтеніе отдается наглядности преподаванія, перекрестнымъ вопросамъ, занятіямъ съ цѣлымъ классомъ и проч. Приписывается большое значеніе объясненіямъ учителя; ученики должны отвѣчать не по книгѣ, а своими словами и т. д. Наконецъ, вводится впервые правильное раздѣленіе учащихся по классамъ, соотвѣтствено ихъ знаніямъ, и въ младшихъ классахъ—система такъ называемаго класснаго обученія, т. е. преподаваніе всѣхъ предметовъ поручается одному учителю.

Наставленія отличались большою подробностью: предвидѣлось чему и какъ учить и проч. Среди наставленій—много дѣльныхъ педагогическихъ указаній. Комиссія старалась предвидѣть все и даже рекомендовала почему-то только учителямъ иностранныхъ языковъ: „больше всего остерегаться, чтобы не дѣлать передъ учениками смѣшныхъ тѣлодвиженій, какъ-то: не показывать, какъ птицы летаютъ, и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу, чѣмъ, смѣша учениковъ, теряетъ учитель почтеніе и возмущаетъ ихъ вниманіе, которое сохранять и безъ того трудно“.

Но, повторяю, среди наставленій о томъ, какъ надо преподавать, есть не мало весьма дѣльныхъ замѣчаній. Такъ, напримѣръ, учителю географіи рекомендуется обучать учениковъ черченію картъ и давать учащимся понятія „объ естественномъ состояніи и выгодахъ каждой земли, объ упражненіяхъ въ купечествѣ народа, образѣ правленія и силѣ государства, дабы ученики не одни только имена земель и водъ учили, что было

бы для нихъ сухо и дѣйствительной пользы мало въ себѣ заключало".

Но одно изъ самыхъ любопытныхъ наставленій, составленное уже для учащихся, это книга о должностяхъ человѣка и гражданина. По содержанію своему книга о должностяхъ человѣка и гражданина должна была служить Домостроемъ для тогдашняго общества. Въ ней находятся разсужденія объ обязанностяхъ человѣка личныхъ и общественныхъ, о душѣ, о воспитаніи, любви къ отечеству, наконецъ, правила домашняго хозяйства. Говоря о любви къ отечеству, авторъ полемизируетъ съ тѣми, кто считаетъ республиканское правленіе наилучшимъ. Особенно много вниманія удѣляется описанію свойствъ добродѣтельнаго человѣка.

Комиссія задавалась цѣлью изданія популярныхъ книгъ. Наконецъ, она выработала замѣчательный уставъ университетовъ, предполагая открыть ихъ нѣсколько въ Россіи. И здѣсь принципы, высказанные Комиссіей, заставляютъ съ большимъ уваженіемъ отнестись къ ея дѣятельности. Свобода преподаванія и свобода слушанія лекцій поставлены Комиссіей на первомъ планѣ. Университетская коллегія поставлена на должную высоту; ей предоставлено право избранія преподавателей, ректоровъ и надзирателей факультета. Для того, чтобы сдѣлать образованіе доступнымъ, Комиссія проэктируетъ установить „самую малую" плату, безъ „притѣсненія" по отношенію къ бѣднымъ, которые и совсѣмъ могутъ освобождаться отъ платы. Университетъ доступенъ какъ тѣмъ, которые имѣютъ свидѣтельство средней школы, такъ и выдержавшимъ экзаменъ изъ нея при университетѣ, наконецъ, и не имѣющимъ диплома, но стремящимся къ образованію: „каждому въ качествѣ посѣтителя храмины философскаго ученія отворены",—говоритъ проэктъ устава. Съ особеннымъ вниманіемъ проэктъ отнесся къ вопросу о томъ, могутъ ли несвободные классы общества обучаться въ университетахъ, и рѣшилъ, что необходимо предоставить доступъ и рабамъ, т. е. крѣпостному крестьянству.

Широта и смѣлость взглядовъ (по обстоятельствамъ того времени) Комиссіи на задачи и устройство университетовъ, составляютъ черту, достойную полнаго вниманія къ ея проэктамъ и въ наше время. Къ сожалѣнію, университетскій проэктъ Комиссіи такъ и остался проэктомъ и введенъ не былъ. Такимъ же проэк-

томъ остались и желанія Комиссіи ввести систему низшаго образованія, сельскія или земскія школы.

Планъ университетовъ и земскихъ школъ не осуществился, потому что послѣдовавшая затѣмъ перемѣна во внутренней политикѣ Екатерины II, подъ вліяніемъ разразившейся на Западѣ революціи, охладила императрицу къ дѣлу народнаго образованія. Въ царствованіе Павла объ осуществленіи проэкта Комиссіи и рѣчи быть не могло.

Такимъ образомъ, Комиссія съ 1786 г. всю свою дѣятельность направила на расширеніе сѣти большихъ и малыхъ училищъ (или городскихъ, такъ какъ они и проектированы собственно для городовъ) и на управленіе ими.

Легко догадаться, что въ короткое время своего существованія Комиссія не могла сдѣлать многаго. Впрочемъ, къ 1800 году въ вѣдѣніи Комиссіи было уже 315 школъ съ 20,000 учащихся, при чемъ значительный процентъ школьниковъ относится къ крестьянскому и мѣщанскому сословіямъ. Одинъ этотъ результатъ уже можно бы считать удовлетворительнымъ. Вѣдь надо вспомнить, что Комиссія, начиная свое дѣло, не имѣла средствъ, и средства ей приходилось добывать въ качествѣ пожертвованій. Комиссія не имѣла подготовленныхъ учителей, особенно такихъ, которые бы могли соотвѣтствовать ея цѣлямъ и требованіямъ. Комиссія, наконецъ, столкнулась съ невѣжественнымъ обществомъ, которому нужно было еще объяснять все значеніе школы и т. д. Но кромѣ открытія школъ, Комиссія издала рядъ учебниковъ въ духѣ тѣхъ высокихъ правилъ, которыя ею были установлены, она умѣла воздѣйствовать на общество и успѣла заслужить его вниманіе. Къ сожалѣнію, надвинувшаяся французская революція, а затѣмъ царствованіе Павла пріостановили дѣйствія Комиссіи, которая стала теперь влачить грустное существованіе.

Мы остановились на дѣятельности и принципахъ Комиссіи народныхъ училищъ между прочимъ съ той цѣлью, чтобы показать ошибочность взглядовъ многихъ историковъ школы, которые, отрицательно относясь къ результатамъ дѣятельности Екатерининской Комиссіи, указываютъ на высокое значеніе реформъ въ школьномъ дѣлѣ въ періодъ учрежденія министерствъ, говорятъ иногда даже о „коренной переработкѣ“ русской школы при Александрѣ I-омъ.

Такіе отзывы не совсѣмъ вѣрны. Дѣйствительно, въ 1802 г. въ Россіи учреждаются министерства, въ томъ числѣ и народнаго просвѣщенія; составъ Комиссіи народнаго просвѣщенія значительно расширяется введеніемъ новыхъ членовъ—попечителей учебныхъ округовъ; сама Комиссія—только органъ министерства, наконецъ, въ 1803 г. издаются предварительныя правила министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1804 г. и новый уставъ университетовъ и подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній. Но законодательная ломка болѣе коснулась внѣшняго строя учебныхъ заведеній, чѣмъ основныхъ началъ народнаго образованія.

Сравненіе уставовъ 1804 г. и 1786 г. приводитъ къ тому заключенію, что Министерство Народнаго Просвѣщенія отчасти провело въ жизнь то, что было предложено Комиссіей, въ значительной мѣрѣ воспользовалось уставомъ 1786 г. и, наконецъ, ввело новый механизмъ въ администрацію учебнаго дѣла, исправивъ ошибки, допущенныя Комиссіей.

Такъ, въ 1804 г. данъ былъ новый уставъ Московскому университету (также Виленскому и Дерптскому) и учреждены на тѣхъ же основаніяхъ университеты въ Казани и въ Харьковѣ, предположено къ открытію и нѣсколько другихъ. Основныя начала университетской жизни, какъ свобода преподаванія, самоуправленія и др. черты новаго университета уже находились въ проэктѣ 1786 г. Проэктъ этотъ не могъ быть неизвѣстенъ составителямъ уставовъ 1804 г., такъ какъ одно и то же лицо (графъ Завадовскій) стояло во главѣ и Комиссіи, и было министромъ въ 1804 г. Далѣе, уставомъ 1804 г. учреждаются въ губернскихъ городахъ гимназіи, вмѣсто главныхъ народныхъ училищъ. Это новый типъ учебнаго заведенія, но заботы о немъ мы видимъ еще въ уставахъ Комиссіи; впрочемъ, въ уставѣ гимназій нельзя не замѣтить вліянія одной части университетскаго проэкта 1786 г.: философскій факультетъ его превратился въ губернскую гимназію Александровскаго времени.

Но самое очевидное вліяніе Комиссіи сказалось на той части устава 1804 г., которая касается образованія городского населенія. Народныя училища были превращены теперь въ уѣздныя, низшую ступень ихъ должны составлять приходскія школы. Но уставъ уѣздныхъ училищъ и гимназій во всемъ томъ, что касается основныхъ принциповъ образованія и педагогическихъ пріемовъ, почти

буквально списанъ съ устава 1786 года; прибавлены только статьи, касающіяся администраціи и введенія новыхъ предметовъ[1]).

Даже и названіе уѣздныхъ училищъ взято изъ общежитія и отчасти изъ предшествующихъ узаконеній. Учебники остались тѣ же. Наконецъ, въ 1804 г. введены были приходскія сельскія училища, но они предвидѣлись уставомъ 1786 г., да и послѣ 1804 года остались только на бумагѣ: мудрено было заводить школы у крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости; нечего и говорить, что основные законодательные принципы 1786 г. были повторены въ 1804 г., какъ-то: признаніе со стороны государства права населенія на начальное образованіе, безплатность его, бессословность, назначеніе его для образованія человѣка и гражданина и пр.

Новое въ уставѣ 1804 г.—повторяю—это появленіе въ курсѣ народныхъ училищъ нѣсколькихъ новыхъ предметовъ и стройная учебная и административная послѣдовательность учебныхъ заведеній: каждая низшая школа является ступенью къ высшей, отъ приходского училища до университета, и въ такомъ же порядкѣ низшія училища административно зависятъ отъ высшихъ. Установленіе правильной системы въ управленіи училищами подсказано опытомъ самой Комиссіи; такъ, неопредѣленная зависимость школы по уставу 1786 г. отъ самой Комиссіи, губернаторовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія на практикѣ внесла не мало путаницы въ дѣло. Нарушеніе же концентраціи въ преподаваніи является коренной ошибкой министерскаго устава, которая была исправлена только уставомъ 1872 г.

Итакъ, развитіе народнаго образованія въ первую половину царствованія императора Александра I, которой такъ много приписываютъ значенія въ исторіи русскаго просвѣщенія, въ свою очередь, находится въ ближайшей зависимости отъ дѣятельности Екатерининской Комиссіи.

---

[1]) Въ уставъ 1804 г., напр., вошли изъ устава 1786 г. слѣд. статьи:

Изъ гл. III о должностяхъ учительскихъ: § 27 (=§ 35 уст. 1804 г.), § 28 (=§ 38), § 30 (=§ 36, съ изм.), § 31 (=§ 39), § 32 (=§ 40 съ изм.), § 35 (=§ 32 и § 33), § 36 (=§ 45), § 38 (=§ 46, 47, 48), § 39 (=§ 60 съ изм.), § 40 (=§ 60 съ изм.), § 46 (=§ 51 и 52), § 48 (=97 съ изм.), § 51 (=§ 34 съ изм).

Изъ гл. IV объ ученикахъ: § 57 (=§ 54), § 58 (=§ 55), § 59 (=§ 56), § 60 (=§ 59 съ изм.), § 61 (=§ 62 съ изм.), § 62 (=§ 63) и т. д.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ сторонамъ устава 1804 г. и предшествовавшимъ ему предварительнымъ правиламъ.

Все государство было разбито на слѣдующіе учебные округа: Петербургскій, Московскій, Дерптскій, Виленскій, Харьковскій и Казанскій. Попечители округовъ, состоя членами главнаго правленія училищъ, живутъ въ Петербургѣ. Уставъ въ лицѣ ихъ видитъ высокихъ покровителей науки, удаленныхъ отъ мелочныхъ дѣлъ текущаго управленія. Фактически округомъ управляли университетскіе совѣты, отъ которыхъ зависѣло назначеніе учителей въ гимназіи и другія училища, ревизія хозяйственной и учебной частей училищъ. Директоръ губернской гимназіи былъ въ то же время завѣдывающимъ учебными заведеніями всей губерніи.

Общій планъ учебныхъ заведеній состоялъ въ томъ, что гимназіи готовили къ университету, уѣздныя же училища должны были давать законченное, подготовляющее къ жизни образованіе. Впрочемъ, и гимназія преслѣдуетъ такую же цѣль. Ниже уѣздныхъ училищъ предполагались приходскія училища, которыя должны были „доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія, имъ приличныя“. Курсъ гимназій разсчитанъ на четыре годичные класса, курсъ уѣздныхъ училищъ—на два класса.

Схема преподаванія въ училищахъ, впрочемъ, отличалась большимъ энциклопедизмомъ. Такъ, въ уѣздныхъ училищахъ преподавались слѣдующія науки: Законъ Божій, о должностяхъ человѣка, русская грамматика, правила слога, всеобщая географія и начала математики, географія Россіи, всеобщая и русская исторія, ариѳметика, начальныя правила геометріи, физика, естественная исторія, чистописаніе, рисованіе. Въ гимназіяхъ: чистая и прикладная математика, опытная физика, исторія, географія, миѳологія, статистика, философія, политическая экономія, естественная исторія, технологія, наука о торговлѣ, изящныя науки и рисованіе, латинскій, французскій и нѣмецкій языки. Недостатокъ такого нагроможденія предметовъ былъ вскорѣ замѣченъ и уже въ 1811 году петербургскій попечитель С. С. Уваровъ внесъ проэктъ новаго учебнаго плана гимназій, по которому науки философскія и политикоэкономическія исключались изъ предметовъ гимназическаго обученія, усиливалось преподаваніе русскаго и латинскаго языковъ. Впрочемъ, эта новая программа была введена въ видѣ опыта только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ.

Университетскій уставъ 1804 года надѣлилъ университеты широкой автономіей и свободой преподаванія. Между прочимъ, тогда для полноты университетской автономіи считалось необходимымъ даже, чтобы попечитель жилъ внѣ провинціальнаго города для того, чтобы онъ не могъ подвергнуться вліянію какого-нибудь кружка или партіи и не уклонился бы отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета. Университетскій совѣтъ является высшей инстанціей по дѣламъ учебнымъ и дѣламъ судебнымъ. Онъ самъ выбираетъ ректора, всѣхъ профессоровъ и почетныхъ членовъ, назначаетъ учителей гимназіи и т. п.

„Ученое сословіе“ университета раздѣляется на четыре факультета: нравственныхъ и политическихъ наукъ, физико-математическихъ, медицинскихъ, словесныхъ. Уставъ предоставляетъ полную свободу преподаванія и даже совѣтуетъ профессорамъ, кромѣ лекцій, устраивать со студентами бесѣды. Уставъ не знаетъ сословныхъ ограниченій при поступленіи въ университетъ. Въ университетъ принимаются студенты въ качествѣ своекошныхъ или казенныхъ. Сверхъ того, какъ мы знаемъ, университетъ былъ снабженъ функціями административными.

Развитіе новой школы вообще шло довольно медленно. Повидимому, многія школы, возникшія при Екатеринѣ, успѣли закрыться. По даннымъ 1808 года числилось открытыми 32 гимназіи съ 2838 учениками. Но почти половина учащихся приходилась на Виленскій учебный округъ съ его шестью гимназіями. Число уѣздныхъ училищъ въ это время сводилось къ небольшой цифрѣ 126 съ 12839 учащимися, но изъ нихъ 54 училища приходились на Виленскій округъ съ 7422 учащимся. Въ этихъ данныхъ отсутствуютъ свѣдѣнія о Дерптскомъ округѣ, но онѣ были бы не характерны для развитія учебнаго дѣла во всей Россіи, такъ какъ здѣсь была старая налаженная школа. Точно также и Виленскій округъ заключалъ въ себѣ такія мѣстности, въ которыхъ образованіе было давно налаженнымъ дѣломъ, гдѣ оно, наконецъ, двигалось болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ въ другихъ округахъ. На ряду съ гимназіями новаго типа появляется нѣсколько учебныхъ заведеній, которыя представляютъ собой гимназію высшаго типа, въ извѣстной мѣрѣ съ университетскимъ образованіемъ. Таковъ Царскосельскій лицей, такова гимназія высшихъ наукъ, основанная въ Нѣжинѣ на средства графа Кушелева-Безбородко, и Ришельевскій лицей въ Одессѣ. Къ той же эпохѣ относится

основаніе Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ и Лазаревскаго училища въ Москвѣ, потомъ преобразовавшагося въ Институтъ восточныхъ языковъ. Эти крупныя пожертвованія на лицеи и высшія гимназіи, равно и нѣкоторыя другія пожертвованія, указываютъ на то, что общество охотно шло своею помощью на дѣло устроенія школы.

Но надо замѣтить, что въ дѣятельности самого министерства по отношенію къ средней и особенно низшей школѣ незамѣтно сильной энергіи. Низшія сельскія училища остались только на бумагѣ. Вначалѣ онѣ стали открываться, чему особенно способствовала дѣятельность духовенства, стали притекать пожертвованія частныхъ лицъ, но оффиціальные историки нашей школы, А. С. Вороновъ, историкъ Петербургскаго учебнаго округа, и историкъ Министерства Народнаго Просвѣщенія профессоръ Рождественскій свидѣтельствуютъ, что эти училища закрывались большей частью сейчасъ по возникновеніи. Главное правленіе училищъ послѣ изданія устава 1804 года не принимало никакихъ мѣръ для скорѣйшаго осуществленія системы первоначальнаго образованія и ограничивалось обсужденіемъ частныхъ вопросовъ.

Правда, и положеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было не изъ легкихъ. Оно натолкнулось на цѣлый рядъ препятствій, съ которыми сталкивалась и Екатерининская Комиссія. Первымъ такимъ препятствіемъ было отсутствіе средствъ. Государство мало отпускало средствъ изъ казначейства. Но даже такія публикаціи въ газетахъ, какъ обѣщаніе ставить жертвователямъ „монументы“, вписывать ихъ имена золотыми буквами и проч., мало содѣйствовали приливу средствъ. Тогдашній префектъ Александро-Невской Академіи, знаменитый впослѣдствіи митрополитъ Евгеній, въ одномъ письмѣ очень хвалитъ изданнныя правила, касающіяся просвѣщенія, но—замѣчаетъ онъ—„бездѣлицы не достаетъ,—людей, могущихъ учить, да денегъ, могущихъ ободрить людей“. Учителя первыхъ школъ были прежде всего поставлены въ весьма невыгодное матеріальное и чиновное положеніе среди тогдашняго общества, жалованіе было назначено весьма скудное, чинъ небольшой, что въ то время весьма цѣнилось. Министръ народнаго просвѣщенія, испрашивая въ 1815 году разрѣшеніе исполнять учителямъ и профессорамъ нѣсколько платныхъ должностей, указываетъ на крайній недостатокъ въ учителяхъ вслѣдствіе матеріальной необезпеченности

ихъ службы и крайне низкаго соціальнаго положенія: „чего можно ожидать отъ людей, находящихся въ столь бѣдственномъ положеніи?... Никто не избираетъ добровольно сего рода службы; всѣ стремятся къ другимъ выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ“. Отзывы попечителей округовъ подтверждаютъ слова министра. Харьковскій попечитель графъ С. О. Потоцкій въ одномъ изъ своихъ докладовъ характеризуетъ учительскій персоналъ, какъ людей, не получающихъ достаточно средствъ для содержанія себя и своего семейства, такіе люди „должны, наконецъ, возненавидѣть носимое ими званіе и искать случая перейти въ другой родъ службы“, и иностранцы и русскіе избѣгаютъ учительскихъ мѣстъ и только „изъ одной крайности“ поступаютъ въ учителя. Правда, при гимназіяхъ учреждаются особыя стипендіи для будущихъ учителей низшихъ школъ. Университетскіе казеннокошные студенты обязуются отбывать за стипендію учительскую службу. Но и эти льготы мало привлекали молодыхъ людей къ учительскому званію.

Отсюда понятно, что учителей приходилось набирать кое-какъ и кое-кого. Небольшое количество университетскихъ питомцевъ избѣгало учительской службы, такъ что совѣтамъ университетовъ приходилось назначать учителями неокончившихъ студентовъ. Въ совѣтскихъ опредѣленіяхъ того времени встрѣчаются иногда, напримѣръ, такія характерныя опредѣленія: „Отъ студентовъ казеннаго содержанія Концевича, Галкина, Щелкунова и Степуровскаго нельзя надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ“, почему совѣтъ рѣшилъ: „опредѣлить ихъ учителями въ уѣздныя училища“. Собранный кое-какъ учительскій персоналъ былъ мало образованъ и отличался обычнымъ въ то время порокомъ—пьянствомъ. Не только совѣтамъ университетовъ приходилось разсылать по округу циркуляры „О подтвержденіи учителямъ, дабы они не обращались въ пьянствѣ“, но даже и министръ народнаго просвѣщенія, въ циркулярной бумагѣ 1814 года, заявлялъ: „Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній, къ крайнему прискорбію моему, усматриваю, что учителя, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности“.

Пьяныя оргіи часто приводили учителей къ буйству, къ дракамъ, что приходилось разбирать университетскимъ совѣтамъ.

Невѣжество и безграмотность преподавательскаго персонала приводили въ смущеніе само начальство. Такъ встрѣчаются цир-

куляры, совѣтующіе учителямъ всемѣрно стараться объ усовершенствованіи въ правописаніи, потому что учителя „не только наставники юношества, но и выдаютъ свидѣтельства на поступленіе въ гражданскую службу“, объясняетъ офиціальная бумага. Одинъ гимназическій директоръ прямодушно заявлялъ училищному совѣту, что онъ не можетъ вести журналовъ совѣтскихъ засѣданій: онъ „никогда не былъ знающъ въ наукахъ и встрѣчаетъ большое затрудненіе въ отношеніи всѣхъ бывающихъ въ засѣданіи разговоровъ и преній“.

Недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ отражался на преподаваніи. Визитаторъ училищъ Харьковскаго Учебнаго Округа извѣстный педагогъ Тимковскій въ своихъ отчетахъ университету въ довольно безотрадномъ свѣтѣ представляетъ дѣло преподаванія. Дѣти затверживаютъ все наизусть, не понимая выученнаго. Учителя мало подготовлены. „По большей части учитель, пришедшій въ классъ, вызывалъ лучшихъ учениковъ и заставлялъ ихъ спрашивать уроки своихъ товарищей, самъ же въ то время или исправлялъ упражненія ученическія, или читалъ книгу, или проводилъ время, ничего не дѣлая“,—разсказываетъ о тогдашнемъ способѣ обученія историкъ дирекціи черниговскихъ народныхъ училищъ Андріяшевъ.

Въ такую школу общество неохотно отдавало дѣтей, тѣмъ болѣе, что это самое общество само еще очень плохо сознавало значеніе школы. Попечитель Харьковскаго округа графъ Потоцкій въ одномъ изъ своихъ докладовъ заявляетъ, что тогдашніе дворяне неохотно отдавали дѣтей въ школу, даже въ университеты, которые давали большія служебныя преимущества: дворяне предпочитали записывать своихъ дѣтей въ военную службу и ни въ коемъ случаѣ не рѣшались разрѣшать дѣтямъ старше 14 лѣтняго возраста посѣщать гимназію. Роммель, одинъ изъ наиболѣе видныхъ харьковскихъ профессоровъ, указываетъ на цѣлый рядъ недостатковъ тогдашней школы: ученики были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, директора гимназій отличались самоуправствомъ, среди учениковъ было распространено нехожденіе въ классъ, бродяжничество и всевозможные пороки. Желая привлечь учениковъ изъ числа дворянъ въ школу, нѣкоторые директоры училищъ принимали даже особыя мѣры: Черниговскій директоръ требовалъ отъ учителей, чтобы они, восклицая имя благороднаго ученика, прибавляли слово „господинъ“. Тотъ же

директоръ особенно усердно подчеркивалъ то обстоятельство, что гимназія даетъ чинъ 14-го класса, чѣмъ онъ и объяснялъ преимущество гимназическаго образованія. Безсословная гимназія вскорѣ однако, сдѣлалась училищемъ, куда крестьянъ перестали допускать (съ 1813 года); но это мало повліяло на приливъ въ гимназіи учащихся изъ высшихъ классовъ.

Приведенныя здѣсь черты указываютъ на то, что тогдашняя средняя школа едва зарождалась. Въ ней было много недостатковъ, но, разумѣется, эти недостатки могли бы постепенно стираться.

Не безъ недостатковъ была и высшая школа,—тогдашніе юные университеты.

Сверхъ стараго Московскаго и Дерптскаго, открытаго при Павлѣ, въ первые годы Александровскаго царствованія были открыты университеты: въ Харьковѣ, Казани, Вильнѣ (преобразованъ изъ мѣстнаго коллегіума); въ Петербургѣ былъ основанъ педагогическій институтъ, впослѣдствіи преобразованный (съ 1819 года) въ университетъ. Университетамъ дана была широкая автономія и они привлечены были къ административной дѣятельности, такъ какъ университетамъ передана была цензура и завѣдываніе училищами.

Среди первыхъ попечителей мы встрѣчаемъ людей просвѣщенныхъ, много сдѣлавшихъ для привлеченія изъ-за границы солидныхъ ученыхъ силъ. Такъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ попечителемъ былъ извѣстный Муравьевъ, появляются такіе профессора, как Шлецеръ, Буле, Гоффманъ, Байе и другіе. Въ Харьковѣ рядомъ съ видными иностранцами, въ родѣ философа Шада, встрѣчаемъ и выдающихся русскихъ профессоровъ, въ родѣ Рижскаго, Успенскаго и др.; попечителемъ Харьковскаго округа былъ просвѣщенный графъ Северинъ-Потоцкій. Школа казанскихъ математиковъ обязана своимъ происхожденіемъ попечителю Румовскому, который пригласилъ въ Казань знаменитаго Бартельса, Литрова, Броннера. Въ Петербургѣ славились въ то время философы Галичъ, Велланскій, правовѣды Раупахъ, Германъ, Куницынъ.

Наибольшимъ вниманіемъ въ то время пользовалась философія. Какъ она вліяла на молодые умы, можно видѣть изъ тѣхъ панегириковъ, которые встрѣчаются въ студенческихъ сочиненіяхъ того времени: „О философія, божественная наука (пишетъ одинъ юный авторъ), ты имѣешь благодѣтельное вліяніе на развитіе да-

рованій и познаній человѣческихъ... Ты усугубляешь наши удовольствія, притупляешь остріе скорби; одна ты сильна даровать смертныхъ роду истинное счастіе и чистое удовольствіе!“

При университетахъ основываются ученыя общества и вообще дѣло налаживается вполнѣ благопріятнымъ образомъ.

Если съ точки зрѣнія научной наши университеты въ первое десятилѣтіе своего существованія для того времени могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными, то въ нихъ была и обратная сторона. Общество было еще мало подготовлено. Отсутствіе среднихъ школъ сказывалось въ томъ, что юные университеты (Харьковскій и Казанскій) съ трудомъ могли собрать незначительное количество слушателей. Да и это число приходилось набирать нерѣдко изъ неокончившихъ семинаріи студентовъ. Приходилось задабривать молодыхъ людей казеннокошнымъ содержаніемъ въ университетѣ и чиновничьими благами по окончаніи высшаго образованія. Такъ, напримѣръ, въ Харьковскомъ, университетѣ въ 1805 году было всего 57 студентовъ, а въ 1812—всего 118. Въ Казани въ 1805 году было 33 студента, въ 1812 году—44.

Профессора не могли быть приглашены сразу въ достаточномъ количествѣ, отчего факультеты были не полны. Особенно страдалъ неполнотою преподаванія Казанскій университетъ, гдѣ, напримѣръ, бывали такіе случаи, что единственному медицинскому профессору Брауну приходилось читать „матерію медику“ единственному своему слушателю. Указанное обстоятельство было причиной того, что въ Казани университетъ существовалъ безъ раздѣленія на факультеты до 1814 года, когда, наконецъ, онъ былъ открытъ въ полномъ составѣ. Вообще Казанскій университетъ за первый 10-лѣтній періодъ претерпѣлъ не мало тягостныхъ перипетій еще и по другому случайному поводу. Благодаря слабости и довѣрчивости престарѣлаго попечителя Румовскаго, вся власть въ университетѣ перешла къ директору казанской гимназіи и профессору Яковкину (въ Казани гимназія до 1814 года была соединена съ университетомъ). Яковкинъ фактически упразднилъ автономію университетскаго совѣта. Господство Яковкина сопровождалось безпрерывной борьбой съ университетскимъ совѣтомъ, взаимными жалобами и доносами. Самъ попечитель Румовскій подъ вліяніемъ Яковкина старался выбирать профессоровъ изъ числа „тихихъ“. Впрочемъ, дѣятельностъ этого оригинальнаго

директора не осталась безъ оппозиціи. Профессора-иностранцы не могли примириться со своимъ зависимымъ положеніемъ; къ нимъ примкнула часть русскихъ профессоровъ. Отсюда происходилъ цѣлый рядъ споровъ въ университетскомъ совѣтѣ, иногда тормозившихъ правильный ходъ университетскаго преподаванія.

Были и другія препятствія успѣшному теченію научныхъ занятій. Иностранные профессора читали лекціи на своихъ родныхъ языкахъ или на латинскомъ. Слушатели часто не были подготовлены для пониманія лекцій на этихъ языкахъ, отчего аудиторіи иностранцевъ часто оставились пустыми. Встрѣчаемъ мы иногда любопытныя жалобы профессоровъ совѣтамъ: въ 1813 году даже такая знаменитость, какъ казанскій проф. Литровъ, докладывалъ совѣту, что онъ тщетно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ожидаетъ въ свою аудиторію двоихъ своихъ слушателей. Впрочемъ, если одни изъ студентовъ проявляли мало интереса къ наукамъ, то другіе работали хорошо и усердно: вѣдь въ тотъ же періодъ въ Казани складывалась математическая школа и знаменитый родоначальникъ ея Лобачевскій, успѣвалъ слушать по сорока часовъ въ недѣлю.

Не всегда университетамъ удавалось удерживать своихъ питомцевъ до окончанія курса: они уходили въ гражданскую или военную службу. Наконецъ, и составъ слушателей, кромѣ малоподготовленности, имѣлъ еще и другіе недостатки. Возрастъ слушателей—отъ 12 до 20 лѣтъ. Этотъ возрастъ отражался на ихъ отношеніяхъ къ занятіямъ. Даже такому замѣчательному лектору, какъ профессоръ Рижскій, приходилось прерывать свою лекцію замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: „А зачѣмъ пеструшками-то забавляетесь?“ (картами).

Впрочемъ, шалости харьковскихъ и московскихъ студентовъ носили въ общемъ невинный, дѣтскій характеръ. Нравы казанскихъ ихъ сотоварищей носили иной колоритъ. Тутъ нерѣдко встрѣчаемъ жалобы на шумъ во время чтенія лекцій, на такія шалости, какъ бросанье шариками, „выдавливаніе“ кого-либо изъ сотоварищей со скамьи, хожденіе по аудиторіи, хохотъ. Но не рѣдки эпизоды и другого характера: студентовъ нельзя собрать на лекцію, они бродятъ въ саду „въ сомнительномъ состояніи“, „въ предосудительномъ видѣ“. Вообще пьянство здѣсь было довольно развито. Инспекторы провѣряли жизнь въ интернатѣ по ночамъ: но это имъ не всегда благополучно сходило, потому что студенты встрѣчали ихъ изъ-за засады брусьями и каменьями.

Всѣ эти дефекты тогдашней университетской жизни находятъ себѣ объясненіе въ малолѣтствѣ и недостаточной подготовкѣ слушателей. Но, разумѣется, эти недостатки, иногда присущіе всякой школѣ во всѣ времена, не имѣютъ серьезнаго значенія и съ избыткомъ покрывались здоровыми началами, несомнѣнно утверждавшимися въ тогдашнихъ университетахъ. Во всякомъ случаѣ, раціональная политика и благо государства требовали бы поддержки этихъ началъ. Этого-то въ дѣйствительности и не случилось.

Уже изъ предыдущаго ясно, что реакція направляла свои силы на борьбу съ просвѣщеніемъ. Просвѣщеніе представлялось обскурантамъ продуктомъ революціонной язвы, подрывающей основы государства и религіи. Въ этомъ направленіи для борьбы съ просвѣщеніемъ многое подготовлялось въ реакціонныхъ сферахъ, но открытому нападенію на университеты помогли обстоятельства, совершившіяся въ это время въ Германіи: они то послужили оправданіемъ для дѣятельности русскихъ реакціонеровъ.

Въ Германіи реакціонное направленіе нѣмецкихъ правительствъ начало встрѣчать сильный отпоръ въ средѣ либерально настроеннаго общества. Въ 1817 году нѣмецкіе студенты и профессора собрались въ Вартбургѣ, чтобы отпраздновать 300-ній юбилей начала реформаціи и годовщину Лейпцигской битвы. Тутъ говорились горячія либеральныя рѣчи въ высоко патріотическомъ духѣ. При этомъ были торжественно сожжены книги, напоминавшія либераламъ время Наполеоновскаго господства и сочиненія реакціоннаго направленія, въ томъ числѣ и нѣмецкая исторія извѣстнаго Коцебу. Коцебу былъ русскимъ агентомъ въ Германіи и извѣстенъ, какъ писатель крайняго реакціоннаго направленія. Черезъ два года послѣ вартбургской годовщины Коцебу былъ убитъ студентомъ Зандомъ. Зандъ нашелъ себѣ подражателей, и аптекарь Ленингъ пытался умертвить президента Ибелля.

Вартбургскія событія съ ихъ послѣдствіями поставили на ноги нѣмецкихъ реакціонеровъ. Начались преслѣдованія, направленныя уже прямо противъ университетовъ. Меттернихъ въ 1819 году собираетъ въ Карлсбадѣ конференцію представителей нѣмецкихъ государствъ, гдѣ приняты жестокія мѣры противъ университетскаго преподаванія и свободы слова. Начинаетъ преобладать мысль, проводимая въ дѣйствіе, что образованіе должно быть основано на началахъ Священнаго Союза. На выраженіи

акта Священнаго Союза о томъ, что Христосъ есть единственный источникъ знанія и мудрости, была построена цѣлая система, по которой религія должна была явиться единственнымъ источникомъ познанія.

Карлсбадская конференція нанесла не малый вредъ нѣмецкой наукѣ, но не могла ее подавить. Не то было въ Россіи. Малочисленные русскіе университеты не имѣли, конечно, такого политическаго значенія, какъ германскіе. Университетская наука была лишь въ зародышѣ. Вотъ почему примѣненіе реакціонныхъ мѣръ въ Россіи принесло страшныя и непоправимыя опустошенія

Мы уже знаемъ, что походъ противъ просвѣщенія въ Россіи начался даже нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ Германіи,—именно съ момента назначенія князя Голицына министромъ народнаго просвѣщенія, съ 10 августа 1816 года, но дѣйствія нѣмецкихъ правительствъ послужили прочнымъ авторитетомъ для русскаго.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ вступленія князя Голицына въ правленіе министерствомъ, пришли къ мысли о соединеніи въ одно учрежденіе духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Это была замѣчательная реформа, результатомъ которой явилось оригинальное „Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія“ съ княземъ Голицынымъ во главѣ. Указъ опредѣлялъ характеръ новаго министерства: „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“. Обскуранты могли осуществить свои мечты.

Въ устройствѣ новаго министерства рельефно выказались государственныя задачи данной эпохи. Министерство было раздѣлено на два департамента — духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Во главѣ перваго департамента былъ поставленъ А. И. Тургеневъ, человѣкъ хорошо образованный, большой ловеласъ и едва ли склонный признавать какую-нибудь религію, во главѣ второго—извѣстный мистикъ Поповъ, религіозный изувѣръ и полный невѣжда.

При новомъ министерствѣ зарождается весьма важное учрежденіе, имѣющее печальную извѣстность до настоящаго времени. Это былъ ученый комитетъ. Онъ имѣлъ цѣлью разсмотрѣніе учебныхъ книгъ, предназначаемыхъ для школъ. Была составлена инструкція, опредѣляющая дѣятельность комитета. Основной цѣлью ея полагалось, чтобы „народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ

лучшихъ учебныхъ книгъ, направить къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ".

Въ этой задачѣ ясно сказалась основная цѣль комитета—поддерживать самодержавіе при помощи религіи и подчиненнаго ей просвѣщенія. Комитетъ обязанъ просматривать всѣ „стихійныя книги" и истреблять въ нихъ все то, что не соотвѣтствуетъ его основному плану. При пересмотрѣ книгъ комитету вмѣняется въ обязанность въ учебныхъ книгахъ о вѣрѣ „отметать все то, что могло бы внушить отвращеніе къ семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ и къ дѣятельной жизни, а также всѣ произвольныя умствованія, несовмѣстимыя съ повиновеніемъ верховной и духовной власти". Въ области нравственной философіи и законодательства комитетъ обязанъ отвергать всѣ книги, которыя не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры, равно и книги, учащія „мнимой добродѣтели, безъ всякаго указанія на единственный ея источникъ", теоріи естественнаго права и первобытнаго состоянія. Впрочемъ, ученіе о первобытномъ состояніи человѣка можетъ излагаться только въ видѣ „гипотезы, неосновательность которой надлежитъ сдѣлать очевидною". „Ложныя ученія о происхожденіи верховной власти не отъ Бога, а отъ условія между людьми, подлежатъ тому же отверженію". Въ особенности комитетъ будетъ заботиться о книгахъ историческихъ. Послѣднія должны „возвѣщать о единствѣ исторіи, столь поучительномъ для ума и сердца учащихся; частое указаніе на дивный и постепенный ходъ богопознанія въ человѣческомъ родѣ и вѣрная синхронистика съ священнымъ бытописаніемъ и эпохами церкви, должны напоминать учащимся высокое значеніе и спасительную цѣль науки". Въ естественныхъ наукахъ устраняются „всѣ суетныя догадки о происхожденіяхъ и переворотахъ земного шара". Въ физическихъ и химическихъ книгахъ должны содержаться полезныя свѣдѣнія „безъ всякой примѣси надменныхъ умствованій, порождаемыхъ во вредъ истинамъ, не подлежащимъ опыту и раздробленію". Въ руководствахъ по физіологіи, патологіи и сравнительной анатоміи комитетъ наблюдаетъ, чтобы „не вкрадывалось ученіе, низвергающее духовный санъ человѣка, внутреннюю его свободу и высшее предопредѣленіе въ будущей жизни". Сказан-

наго достаточно для характеристики направленія ученаго комитета и его будущей роли. Для внѣдренія въ русское юношество истинныхъ началъ православной вѣры, самодержавія и народности, учебный комитетъ былъ составленъ изъ трехъ... иностранцевъ. Въ него вошли капитанъ прусской службы, церемоніймейстеръ графъ Лаваль, котораго еще въ Пруссіи ненавидѣли нѣмецкіе студенты за его реакціонное направленіе, авторъ реакціонной брошюры, выпущенной на французскомъ языкѣ въ Германіи, камеръ-юнкеръ Стурдза, полу-грекъ, полу-молдаванинъ по происхожденію, мечтавшій объ освобожденіи Греціи и писавшій для нея конституцію; наконецъ, ученый академикъ Фусъ; неизвѣстно владѣлъ ли онъ русскимъ языкомъ, потому что всѣ представленія его, присланныя въ комитетъ, писаны по-французски.

Комитетъ занялся пересмотромъ прежде изданныхъ книгъ, или вторичнымъ разсмотрѣніемъ послѣ цензуры только что изданныхъ. Членъ правленія Руничъ отражалъ направленіе комитета въ своемъ разборѣ извѣстной книги Куницына о естественномъ правѣ. Онъ приходитъ въ ужасъ, что въ этой книгѣ повѣркою побужденій и вліяній человѣческихъ считаются какія то начала непогрѣшающаго разума, здѣсь говорится о какомъ то внутреннемъ чувствѣ, похожемъ на совѣсть, здѣсь говорится о какой-то нравственной природѣ человѣка; нельзя ожидать укорененія покорности властямъ тамъ, гдѣ юные умы вперяются въ безбожныя теоріи, умозрительныя системы. На основаніи этого разбора книга профессора Куницына была запрещена. Впрочемъ, Руничъ и Магницкій стремились совершенно изъять предметъ естественнаго права изъ университетскаго преподаванія. Въ томъ же духѣ дѣлались комитетомъ и разборы другихъ книгъ.

Нѣмецкіе университеты подверглись безпощадному осужденію. Рѣшено было всѣхъ русскихъ студентовъ, находящихся въ нѣмецкихъ университетахъ, отозвать.

Вообще настроеніе главнаго правленія училищъ становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ просвѣщенію. Выразительнымъ показателемъ этого настроенія является знаменитый докладъ 1820 года члена правленія училищъ Магницкаго. Это—гимнъ затменію.

Либеральныя вспышки на Западѣ даютъ поводъ автору доклада указать на страшную опасность, угрожающую отечеству.

Европу охватилъ „растлѣвающій духъ“, который грозитъ проникнуть и въ Россію. Это тотъ самый духъ, который скры-

вался у Іосифа II подъ личиною филантропіи, у Фридриха, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ—подъ скромнымъ плащемъ философизма; въ царствованіе Робеспьера—подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте—подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула, и, наконецъ, въ коронѣ императорской. „Этотъ духъ съ трактатами философіи и хартіей конституціи въ рукѣ поставилъ престолъ свой на Западѣ и хочетъ быть равнымъ Богу“.

„Европа успокоилась подъ эгидой Священнаго Союза,—го-говоритъ Магницкій,—но вдругъ взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада. Что значитъ сіе неслыханное въ исторіи явленіе? Чего хотятъ народы посреди общаго спокойствія, подъ властью кроткихъ государей, среди всѣхъ благъ законной свободы? Чего хотѣли Зандъ, Тистельвудъ, Лебель“? Авторъ записки отвѣчаетъ, поясняя цѣли людей, не помирившихся со всѣми благами „законной свободы“. Вотъ чего они хотятъ: „прочь алтари, прочь государей, смерть и адъ надобны“, вопіютъ уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это голосъ? *Самъ князь тьмы*, видимо, подступилъ къ намъ, рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и вѣроятно уже скоро расторгнется“. Итакъ, согласно воззрѣніямъ членовъ Библейскаго Общества, въ глазахъ Магницкаго самъ сатана является главнымъ двигателемъ волненій противъ алтарей и троновъ. Князь тьмы нашелъ себѣ орудіе для проведенія своихъ намѣреній: „Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы; книгопечатаніе—орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ подаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ“. Изъ такого пониманія вещей ясно вытекала и программа Магницкаго, и онъ предлагаетъ объявить войну университетамъ и литературѣ. „Настоящую войну духа злобы не могутъ остановить арміи, ибо противъ духовныхъ нападеній нужна и оборона духовная. Благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затапливающей Европу невѣріемъ и развратомъ“.

Цитированная записка Магницкаго является программою для дѣятельности министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ. Самъ Магницкій и его послѣдователь Руничъ были проводниками предложенныхъ имъ же началъ борьбы съ просвѣщеніемъ.

ГЛАВА XIII.

Магницкій и университеты.

Л. М. Магницкій—чрезвычайно любопытная личность изучаемой эпохи. Это — человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, обладавшій чарующей внѣшностью и блестящимъ даромъ рѣчи. Его сарказмы и эпиграммы въ свое время доставляли большую непріятность даже императору Наполеону, по желанію котораго Магницкій, бывшій членомъ русскаго посольства въ Парижѣ, былъ оттуда отозванъ. Магницкій былъ другомъ Сперанскаго и его главнымъ помощникомъ по организаціоннымъ работамъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ ссылкѣ Магницкаго одновремено со Сперанскимъ. Но Магницкій не выработалъ въ себѣ ни серьезныхъ политическихъ убѣжденій, ни гражданскихъ чувствъ. Непомѣрное честолюбіе влекло его въ ту сторону, которая могла его выдвинуть. Въ дѣлахъ чисто личныхъ онъ кощунственно относился ко всякаго рода политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ.

Убѣдившись на опытѣ, сколь неудобно исповѣданіе либеральныхъ убѣжденій, Магницкій быстро переходитъ на противоположную сторону. Онъ былъ помилованъ одновременно со Сперанскимъ и назначенъ симбирскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ какъ будто сначала продолжалъ въ прежнемъ духѣ. Міръ провинціальнаго чиновничества представился Магницкому въ весьма непривлекательномъ видѣ. По его словамъ, это была „коллекція, какой я сроду не видалъ, точно четвероногіе стали на заднія лапы и надѣли шитые ошейники, на которыхъ виднѣлись ленты и звѣзды, изображеніемъ страха и ожиданіемъ наказанія, словно повѣшанныя собаки; на всѣхъ лицахъ были видны пошлость и страхъ“. При первомъ же представленіи симбирскіе чиновники просили новаго губернатора не быть строгимъ къ ихъ грѣхамъ, на что Магницкій отвѣтилъ коротко: „Берите, но не дерите“.

Внимательное отношеніе Магницкаго къ крестьянамъ, и его борьба съ дикими проявленіями рабовладѣльческихъ инстинктовъ мѣстныхъ помѣщиковъ вызвали противъ него негодованіе всего дворянства Симбирской губерніи; стали жаловаться, что Магницкій „притѣсняетъ помѣщиковъ и бунтуетъ крестьянъ". Магницкому приходилось уходить со своего губернаторскаго поста. Но онъ успѣлъ подготовить себѣ путь къ отступленію, заручившись благосклонностью А. Н. Голицына. Этого нетрудно было достигнуть бойкому предсѣдателю симбирскаго отдѣленія Библейскаго Общества.

Магницкій безспорно былъ человѣкъ умный. Дочь Сперанскаго разсказываетъ о томъ, что онъ отличался замѣчательнымъ остроуміемъ. Но это былъ человѣкъ, лишенный самыхъ элементарныхъ моральныхъ основъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ соображеній онъ мѣнялъ свои убѣжденія—личная выгода была у него на первомъ планѣ. Его страсть къ доносу, къ сыску носитъ такой устойчивый характеръ, что иногда представляется чѣмъ то болѣзненнымъ. Когда Голицынъ представлялъ Магницкаго къ должности члена главнаго правленія училищъ, императоръ Александръ съ большимъ удивленіемъ спрашивалъ министра, знаетъ ли онъ Магницкаго. Уступивъ настояніямъ министра, императоръ предупредилъ его, что Магницкій будетъ первымъ на него доносчикомъ. Дѣйствительно, гдѣ бы ни былъ Магницкій, онъ вездѣ проявлялъ свою доносительную дѣятельность. Будучи губернаторомъ въ Симбирскѣ, онъ слѣдитъ за Казанскимъ университетомъ и спѣшитъ съ доносомъ министру. Заискивая у Голицына, онъ набираетъ матеріалъ для доноса о немъ. Будучи ревностнымъ приверженцемъ Библейскаго Общества, онъ пишетъ доносы о вредной дѣятельности этого Общества. Онъ былъ ревностнымъ поборникомъ ланкастерскихъ школъ, а затѣмъ самъ же доносилъ на нихъ. Преклоняясь предъ Шишковымъ, когда тотъ былъ министромъ, онъ въ то же время пишетъ на него доносъ. Впослѣдствіи, удаленный со службы, Магницкій не былъ терпимъ почти ни въ одномъ городѣ, потому что вездѣ сначала входилъ въ ближайшее отношеніе къ мѣстному начальству, а затѣмъ писалъ на него же доносы. За это нѣкоторые изъ губернаторовъ принуждены были удалять Магницкаго изъ предѣловъ губерніи.

Таковъ былъ вновь назначенный членъ главнаго правленія училищъ. Назначеніе его состоялось въ 1819 году, и тогда же онъ получилъ назначеніе произвести ревизію Казанскаго университета.

Бывшій симбирскій губернаторъ уже имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ университетѣ по навѣтамъ врача Владимирскаго, безуспѣшно пытавшагося получить каѳедру въ Казани. Нетрудно догадаться, что самая мысль о ревизіи принадлежала самому Магницкому, подъ вліяніемъ котораго всецѣло оказался князь Голицынъ.

Ревизоръ немедленно отправился въ Казань, и здѣсь произошла жалкая комедія ревизіи университета. Весь университетъ найденъ былъ въ неисправности. Хозяйственная часть университета, по словамъ отчета Магницкаго, была поставлена весьма плохо. Профессорская коллегія оказалась неудовлетворяющей ни условіямъ благонадежности, ни научнымъ. Интересно, что научное достоинство цѣлаго университета Магницкій опредѣлилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней своей ревизіи. Изъ двадцати пяти профессоровъ и адъюнктовъ Магницкій нашелъ только пять человѣкъ дѣйствительно „достойныхъ“, всѣ остальные оказались людьми неблагонадежными и запутанными въ долгахъ. Магницкій не стѣсняется дѣлить профессоровъ на знающихъ и незнающихъ, не приводя, конечно, основаній такого раздѣленія. Про извѣстнаго профессора Бартельса, напримѣръ, онъ говоритъ, что Бартельсъ „лучше могъ бы быть академикомъ, нежели преподавателемъ“. Профессоръ хирургіи Аргольдъ, по словамъ Магницкаго, „человѣкъ, незнающій латинскаго языка и неумѣющій доселѣ собрать остовъ тѣла человѣческаго, человѣкъ, коего незнаніе хирургіи обличается представляемымъ у сего спискомъ сдѣланныхъ имъ операцій“. Въ этомъ родѣ отзывы и о другихъ профессорахъ. Зато о „достойныхъ“ съ точки зрѣнія Магницкаго профессорахъ встрѣчаемъ обыкновенно отзывы, что этотъ профессоръ „доброй нравственности“, „отличный познаніями и поведеніемъ“. Учебно-вспомогательныя учрежденія совсѣмъ плохи. Библіотека плохо устроена. Въ естественно-историческомъ кабинетѣ коллекція представляетъ случайный подборъ, и чучела съѣдены молью. Анатомическій театръ представляетъ нѣчто „постыдное для публичнаго заведенія“. Здѣсь Магницкій только и нашелъ „небольшой шкапъ съ набранными какъ бы по случаю человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторые объѣдены крысами; одинъ полный скелетъ четвероногаго пѣтуха (sic) и двухъ утокъ“.

Но особенно былъ возмущенъ Магницкій своими наблюденіями надъ учащимися. Каѳедра Закона Божьяго въ университетѣ оказалась незанятой. Студенты оказались несвѣдущими въ Законѣ Божіемъ: „Какимъ образомъ,—возмущается Магницкій,—могъ студентъ, не имѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ“?

Общее заключеніе Магницкаго весьма печально для всего Казанскаго университета. Университетъ не можетъ выполнить возложеныхъ на него обязанностей, даже „причиняетъ общественный вредъ“, выпуская воспитанниковъ, зараженныхъ, „противнымъ религіи духомъ деизма“. Наконецъ, университетъ очень дорого стоитъ государству. На этихъ основаніяхъ Магницкій не задумывается подписать смертную казнь цѣлому университету „въ видѣ публичнаго его разрушенія“. На мѣстѣ университета должны быть воздвигнуты новыя учрежденія, проектированныя Магницкимъ, а весь округъ долженъ быть подчиненъ „надежному попечителю“ съ особенной инструкціей.

Теперь легко догадаться, куда мѣтилъ Магницкій. Главное правленіе училищъ представило отчетъ Магницкаго на усмотрѣніе государю, который, однако, не согласился на публичное разрушеніе университета. Но Магницкій достигъ того, чего желалъ: онъ былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа съ неограниченными полномочіями. „Je vous donne carte blanche“, сказалъ ему государь при назначеніи его на эту должность.

Немедленно часть профессоровъ была уволена, и Магницкій сталъ проводить свои идеи очищенія университета. Рядомъ съ выборнымъ ректоромъ (впрочемъ, при Магницкомъ свобода избранія ректора была пустой комедіей) появляется директоръ университета. По отношенію къ университету, „директоръ есть первое лицо“. Въ дѣйствительности директоръ является полицейской властью въ университетѣ, какъ по отношенію къ профессорамъ, такъ и по отношенію къ студентамъ.

Магницкій увѣряетъ министра, что его цѣлью является основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза. Съ этой цѣлью Магницкимъ были изданы инструкціи директору и ректору университета. По этимъ инструкціямъ основною задачей университетскаго „воспитанія“ является „воспитаніе вѣрныхъ сыновъ православной Церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству“.

Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть „покорность“. Поэтому юноши должны „упражняться въ покорности“, а директоръ наблюдаетъ, „чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ“; для этого воспитанники должны постоянно видѣть „вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія“. Директоръ долженъ наблюдать, чтобы „духъ вольнодумства“ не могъ проявиться въ студентахъ, для чего онъ обязанъ имѣть „достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей“. Въ студентахъ выше всего должны цѣниться „христіанскія добродѣтели“, и такимъ студентамъ университетъ обязанъ исхлопатывать лучшія мѣста. Награды за науки не выдаются студентамъ, поведеніе коихъ не одобрено директоромъ. Установлены правила чтенія молитвъ въ университетѣ и посѣщенія церкви. Инструкція Магницкаго требуетъ, „чтобы самая наружность и выраженіе ихъ (т.-е. студентовъ) были пріятны и благоприличны“. Студенты находятся подъ неослабнымъ надзоромъ „честныхъ и богобоязненныхъ надзирателей“, которые непрестанно находятся въ комнатахъ студентовъ (въ интернатахъ); а внѣ стѣнъ университета студентъ состоитъ подъ надзоромъ полиціи. При всемъ томъ студенты должны покоряться властямъ не изъ страха, но изъ любви. Директоръ обязанъ наблюдать и за преподавателями, отъ которыхъ требуются тѣ же качества, что и отъ студентовъ; неудовлетворяющіе этимъ требованіямъ должны быть представляемы къ немедленному увольненію.

Самый ходъ университетскаго преподаванія былъ опредѣленъ попечительскою инструкціей; цѣль ея, „чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства, не проникнулъ“ въ стѣны университета. Вообще, профессоры должны работать „во славу Божію, для спасенія ввѣренныхъ имъ душъ“.

Преподаваніе всѣхъ наукъ должно быть проникнуто единымъ духомъ Евангелія. Профессоръ философіи долженъ прежде всего внушить слушателямъ различіе между мудростью земной и небесною. „Слушатели должны удостовѣриться, что все то, что не согласно съ разумомъ священнаго писанія, есть заблужденіе и ложь, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо. Положительныя начала философіи должны быть извлекаемы изъ Платона и Посланій апостола Павла. Науки политическія должны служить къ утвержденію принципа, что правленіе монархическое установлено Самимъ Богомъ, оно должно клонить мысль къ по-

корности и почтенію къ государю. Преподаватель этихъ наукъ „долженъ съ отвращеніемъ указать на правила Макіавеля“.

Положительныя начала наукъ политичискихъ должны опираться на ученіе Платона и Аристотеля, и „источникъ сихъ началъ“ преподавателъ обязанъ показать въ „Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ пророкахъ и апостолахъ“. Каѳедра математики и естественныхъ наукъ служитъ той же цѣли,—указанію на премудрость Божію и ограниченность человѣческаго разума. Профессоры медицины должны внушать студентамъ, что „святое писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ“. Съ большимъ вниманіемъ инструкція Магницкаго останавливается на наукахъ историческихъ и словесныхъ. Профессоры древнихъ языковъ должны изучать Іоанна Златоустаго и другихъ отцовъ Церкви. Профессоръ россійской словесности долженъ заниматься разборомъ священныхъ писателей, а образцы истиннаго краснорѣчія „покажетъ онъ въ Библіи и докажетъ, сравненіемъ съ ней лучшихъ авторовъ древнихъ, ея надъ всѣми ими превосходство“. Профессоръ восточныхъ языковъ обязанъ предостерегать слушателей отъ увлеченія арабской наукой и поэзіей. Преподаваніе исторіи поставлено въ тѣсныя рамки. Профессоръ долженъ отвергнуть древнее баснословіе. На чтеніи Геродота и другихъ писателей профессоръ покажетъ, что въ основаніи Рима нѣтъ ничего положительнаго. Отъ Рождества Христова онъ займется древностями христіанскими, а новую исторію пройдетъ кратко. Профессоръ россійской исторіи покажетъ, „что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упередило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по учебной части (т.-е. конечно, распоряженіями самого Магницкаго) и духовною Владимира Мономаха“.

Магницкій уничтожилъ преподаваніе науки римскаго права и ввелъ вмѣсто него византійское право. Но на вопросы главнаго правленія училищъ о томъ, что онъ разумѣетъ подъ византійскимъ правомъ попечитель такъ и не далъ отвѣта. Когда назначенный имъ преподаватель этого права просилъ отложить преподаваніе для того, чтобы выписать необходимыя книги, равно и просилъ разъясненія о существѣ новаго предмета преподаванія, Магницкій приказалъ ему немедленно приступить къ чтенію, а какъ на единственное пособіе указалъ на Кормчую Книгу.

Сообразно идеямъ обновителя университета измѣненъ былъ и весь строй его. Университетъ превращенъ былъ въ монастырь. Студенты были раздѣлены на разряды, къ первому изъ которыхъ отнесены отличные, весьма хорошіе, ко второму—испытуемые и къ третьему—подъ особымъ надзоромъ состоящіе. Всякое дѣйствіе начиналось молитвою. Наказуемые назывались грѣшниками и отбывали наказаніе „въ комнатѣ уединенія“, гдѣ находились картины Распятія и Страшнаго суда.

Преподаваніе богословія стояло на первомъ мѣстѣ, и хорошіе успѣхи въ немъ вознаграждали вполнѣ за недостаточныя свѣдѣнія въ другихъ наукахъ; золотая и четыре серебряныя медали, съ изображеніемъ девиза университета и креста съ надписью вокругъ: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“, выдаваемы были, по распоряженію Магницкаго, исключительно за благонравіе и отличное знаніе богословія. Надъ всѣми каѳедрами начертана была огромными буквами надпись: „въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ телѣси повинномъ грѣху“. Науки философскія преподавались, какъ доноситъ попечитель министру, въ смыслѣ обличительномъ.

На мѣсто одиннадцати уволенныхъ профессоровъ Магницкій назначилъ своихъ избранниковъ; среди нихъ встрѣчаемъ, напр., профессора греческой словесности Мистаки, о предшествующей дѣятельности котораго было только извѣстно, что онъ былъ домашнимъ учителемъ у Инсиланти и „въ награду получилъ табакерку“. Французъ Жобаръ былъ назначенъ профессоромъ греческой и латинской словесности „за благочестивый образъ мыслей“.

Этотъ Жобаръ потомъ доставилъ Магницкому довольно много непріятностей, такъ какъ оказался человѣкомъ строптивымъ. Въ ссорахъ съ другими онъ для доказательства своей учености постоянно ссылался на подаренную ему императрицей табакерку, такъ что профессоръ Сергѣевъ, самъ читавшій философію по назначенію Магницкаго, не имѣя никакой ученой степени, даже публично заявлялъ Жобару о томъ, что не хорошо „употреблять во зло монаршее благоволеніе и даже оскорбительно для высокаго лица монархини выставлять милость ея величества, вмѣсто доказательствъ при ученыхъ спорахъ“. Чтобы отдѣлаться отъ Жобара, Магницкій воспользовался его горячностью въ спорахъ, сдѣлалъ представленіе министру о томъ, что онъ сошелъ съ ума, и представилъ къ увольненію.

„Обновленный“ университетъ, какъ любилъ выражаться Магницкій, даже началъ свое лѣтоисчисленіе съ года обновленія университета. Профессорская коллегія съежилась, хотя часть ея сочла для себя выгоднымъ поддерживать новаго попечителя. Профессоры должны были представлять конспекты преподаваемыхъ наукъ, и эти конспекты отражаютъ на себѣ тотъ гнетъ, которому подверглась университетская наука. Вотъ, напр., опредѣленія наукъ анатоміи и физіологіи, сдѣланныя даже такимъ почтеннымъ ученымъ, какимъ былъ профессоръ Фуксъ: „Анатомія показываетъ строеніе человѣческаго тѣла, а физіологія объясняетъ дѣйствіе органовъ въ соединеніи безсмертной души съ тѣломъ. Цѣль анатоміи—находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію Своему. Тѣло наше—храмъ души. При тѣсной связи тѣла и души, надо всячески остерегаться, чтобы не впасть въ ужасный матеріализмъ, подобно нѣкоторымъ безумнымъ врачамъ“. Въ лекціяхъ другихъ профессоровъ проводились тѣ же тенденціи. Профессоръ математики Никольскій доказывалъ равенство треугольниковъ такимъ образомъ: „Съ помощью Божіею этотъ треугольникъ равняется другому“. Онъ же въ публичной рѣчи доказывалъ, что въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ; такъ, напримѣръ, числа нѣтъ безъ единицы, такъ и вселенной нѣтъ безъ Единаго.

Офиціальные отчеты Казанскаго университета представляли собою дифирамбы мудрости попечителя и поражали обвиненіями предшествующую дѣятельность университета. Такъ, одинъ изъ отчетовъ съ торжествомъ объявляетъ, что университетъ, наконецъ, избавился отъ „хищническаго владычества философіи“; теперь философія научаетъ „мудрствовать небесная“ и отучаетъ „мудрствовать земная“. Авторъ отчета въ восхищеніи оттого, что, наконецъ, въ университетскомъ преподаваніи заложенъ тотъ „краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается благосостояніе царствъ земныхъ“. Отчетъ вспоминаетъ о неустройствѣ „внутренней полиціи“ при прежнемъ режимѣ, и съ удовольствіемъ отмѣчаетъ перемѣну въ поведеніи студентовъ. Инспекторъ студентовъ „преклоняетъ“ юношей подъ „спасительное иго послушанія“. „Смиренномудріе, терпѣніе и любовь сопровождаютъ поступки студентовъ“. Всѣ науки въ университетѣ преподаются въ духѣ святого Евангелія, и ядъ вольнодумства окончательно оставилъ университетъ, гдѣ нынѣ обитаетъ „страхъ Божій“.

Другой изъ отчетовъ сравниваетъ печальное положеніе Казанскаго университета до преобразованія съ положеніемъ обновленнаго: „Сей нашъ годъ достопамятенъ для Казанскаго Учебнаго Округа важнѣйшими происшествіями; онъ составляетъ блистательную эпоху преобразованія, совершеннаго обновленія Казанскаго университета. Кому неизвѣстны причины сего преобразованія? Онѣ скрывались въ нетвердомъ, неблагонадежномъ составѣ прежняго университета. Въ самое основаніе онаго не былъ положенъ тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается благосостояніе царствъ земныхъ. Съ самаго начала въ предметы университетскихъ преподаваній не было введено христіанское законоученіе“. Профессура уподобилась „кораблю безъ кормила“. „Неогражденныя щитомъ благочестія и страха Божія“ сердца университетскихъ питомцевъ способны были воспринимать гордость, своеволіе и развратъ, вмѣстѣ съ всеразрушающимъ вольнодумствомъ“. Университетскій отчетъ съ ужасомъ говоритъ о томъ, что въ нѣдрѣ университета тлетворный ядъ начиналъ разливаться въ словопреніяхъ лжеименнаго разума, въ употребленіи при каѳедрѣ философской такихъ авторовъ, коихъ ученіе совершенно противно религіи христіанской. Теперь вся картина измѣнилась.

Университетскіе акты были теперь посвящены восхваленію тѣхъ великихъ реформъ, которыя были въ немъ произведены Магницкимъ. Акты скорѣе походили на торжественное богослуженіе, чѣмъ на научное празднество. Вотъ, напр., программа одного изъ такихъ актовъ: послѣ обѣдни и молебна студенты пропоютъ: „Днесь Благодать Святаго Духа насъ собра“; профессоръ прочтетъ рѣчь „О пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и о необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи“; пропоютъ: „Боже царя храни“; студентъ прочтетъ: „О Березовскихъ и Николаевскихъ золотосодержащихъ Екатеринбургскихъ пескахъ“; пропоютъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“; студентъ прочтетъ: „О необходимомъ соединеніи со внутреннимъ богопочитаніемъ наружнаго“; пропоютъ: „Слава въ вышнихъ Богу“; ректоръ произнесетъ слово о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ; пропоютъ: „Господи, силою твоею возвеселится царь“.

Магницкій могъ гордиться проведенными имъ реформами. Совѣтъ университета его славословилъ въ офиціальныхъ рѣчахъ и отчетахъ.

Впрочемъ, и самъ Магницкій не забывалъ похвалить себя. Присутствуя на актѣ университета (онъ былъ только одинъ разъ въ Казани послѣ „обновленія“ университета), самъ Магницкій произнесъ рѣчь, которая является дифирамбомъ его же собственной дѣятельности. „Въ то самое время,—говорилъ казанскій попечитель,—какъ лжеименная философія бунтуетъ умы на Бога и людей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума... Воспитанники поняли нелѣпость естественнаго права и относятся съ улыбкой презрѣнія къ возмутительнымъ бреднямъ“. Особенно остался доволенъ попечитель преподаваніемъ исторіи; профессоръ исторіи „смѣлою рукою свергнулъ тѣ идеалы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоняя колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ... Въ житіяхъ святыхъ исчезла тѣнь Брутовъ“.

Успѣхи вскружили голову Магницкому. Онъ не былъ доволенъ достигнутыми результатами, и стремился во что бы то ни стало найти слѣды крамолы. Въ Казанскомъ университетѣ это трудно было сдѣлать, но тѣмъ не менѣе предлогъ былъ найденъ, и Магницкій въ 1821 году началъ процессъ противъ профессора естественнаго права Солнцева.

Профессоръ Солнцевъ былъ однимъ изъ очень видныхъ преподавателей казанской науки; онъ былъ ректоромъ университета, когда Магницкій производилъ ревизію университета, и умѣлъ очень понравиться будущему казанскому попечителю. Но профессоръ Солнцевъ отличался достаточной самостоятельностью, и хотя онъ съежился при новомъ режимѣ, но тѣмъ не менѣе попечитель чувствовалъ въ немъ скрытую опозиціонную силу. Судъ надъ Солнцевымъ нуженъ былъ казанскому попечителю еще и для доказательства своей мысли о вредѣ преподаванія въ университетѣ естественнаго права и философіи. Эту мысль, какъ мы увидимъ, Магницкій какъ разъ одновременно проводилъ хотя, и неуспѣшно, въ главномъ правленіи училищъ. Магницкій, однако, считалъ, что для него полезнѣе опереться на судъ самой профессорской коллегіи, почему онъ добился университетскаго суда надъ Солнцевымъ. Это была комедія суда, тянувшаяся въ теченіи 1821—23 годовъ. Предсѣдателемъ чрезвычайнаго университетскаго суда былъ назначенъ фаворитъ Магницкаго, директоръ университета Владимирскій; прокурорскія обязанности возложены были на профессора Тимянскаго, спеціальнымъ секретаремъ назначенъ профессоръ

Пальминъ. Были забраны у Солнцева подлинныя рукописи его лекцій, а у студентовъ были отобраны, для сличенія, ихъ записи. Однако, при всемъ усердіи ставленниковъ Магницкаго, борьба съ Солнцевымъ оказалась дѣломъ не изъ легкихъ, потому что подсудимый былъ прекраснымъ юристомъ. Самъ Игнатій Лойола позавидовалъ бы тѣмъ инквизиторскимъ вопросамъ, какіе придумалъ, въ числѣ двухсотъ семнадцати, профессоръ Пальминъ, требуя отвѣтовъ отъ Солнцева. Это все были вопросы, касающіеся такихъ щекотливыхъ пунктовъ, какъ происхожденіе монархической власти, значеніе конституціи, религіозной свободы и т. п.

Долгая судебная процедура окончилась обвинительнымъ приговоромъ. Обвинительные пункты чрезвычайнаго суда, въ числѣ 12, голословно утверждаютъ, что инкриминируемыя мѣста въ лекціяхъ противорѣчатъ священному писанію, или „ослабляютъ положительные законы“. Въ дѣйствительности ничего подобнаго небыло. Натяжки въ обвиненіи доходятъ до курьезовъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего курса профессоръ Солнцевъ утверждалъ, что бракъ не есть простой договоръ, но священный союзъ, освящаемый достоинствомъ таинства. И эта мысль была признана противорѣчащей священному писанію.

Въ концѣ концовъ судъ призналъ профессора Солнцева, оскорбившимъ Духъ Господень и власть общественную, почему онъ и былъ отрѣшенъ отъ должности. Судъ надъ Солнцевымъ сослужилъ плохую службу самому Магницкому, когда наряжена была ревизія, долженствовавшая провѣрить дѣятельность самого Магницкаго въ Казани.

Казанскій университетъ не стоялъ одиноко, когда начались репрессіи на науку. Реакція сказалась и въ другихъ университетахъ, хотя съ меньшею силою и безъ тѣхъ нелѣпостей, къ которымъ прибѣгнулъ Магницкій.

Такъ, въ Харьковѣ реакція началась удаленіемъ профессора Шада въ 1816 году. Шадъ былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ тогдашняго харьковскаго университета, но его философскія сочиненія были признаны неблагонамѣренными, ибо авторъ ихъ придерживался философіи Шеллинга, „а между тѣмъ весьма сомнительно, можно ли прямо допускать ее въ Россіи и вкоренять въ память россійскаго юношества“. Дѣло было рѣшено не въ пользу философіи Шеллинга, и Шадъ былъ высланъ за границу, а сочиненія его сожжены.

Харьковскимъ попечителемъ былъ тогда графъ С. О. Потоцкій. Но онъ мало подходилъ къ Голицынскому режиму, почему и удалился въ 1817 году. Его мѣсто занялъ близкій къ Голицыну человѣкъ, товарищъ президента Библейскаго Общества въ Петербургѣ З. Я. Карнѣевъ. Онъ сначала служилъ на военной службѣ, затѣмъ—по администраціи, и здѣсь отличался тѣмъ, что иногда предлагалъ самыя противоположныя мѣры. Карнѣевъ не получилъ никакого образованія и, будучи попечителемъ учебнаго округа, внушалъ профессору, что молнія падаетъ въ видѣ треугольника въ ознаменованіе троичности Божества. Будучи попечителемъ, онъ немедленно завелъ чтеніе молитвъ въ университетѣ и посѣщеніе студентами церкви. Попечитель Харьковскаго округа считалъ науки „небезопасными". Философію онъ признавалъ недостаточною „къ возстановленію падшаго человѣческаго естества" и считалъ необходимымъ бороться противъ „мрака философскаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума". Неудивительно поэтому, что харьковскій университетъ сталъ пустѣть; особенно важна была такая потеря для университета, какъ удаленіе профессора Осиповскаго. Кратковременное управленіе округомъ Р. В. Карнѣева, племянника предыдущаго попечителя, сдѣлало новый шагъ по тому же пути, пробивъ брешь въ университетскомъ самоуправленіи. Однако, въ Харьковскомъ университетѣ реакція выразилась сравнительно слабо.

Наибольшій разгромъ потерпѣлъ Петербургскій университетъ, гдѣ, благодаря настойчивости Рунича, былъ удаленъ цѣлый рядъ наиболѣе замѣчательныхъ профессоровъ. Только что основанный Петербургскій университетъ имѣлъ такихъ видныхъ преподавателей науки, какъ Галичъ, Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и др.

Дѣло было поднято въ 1821 г. Руничемъ, который донесъ главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки въ университетѣ преподаются въ противномъ христіанству духѣ. Преподаваніе названныхъ профессоровъ было пріостановлено и начато было противъ нихъ слѣдствіе. Собраны были тетради слушателей, записки профессоровъ, былъ составленъ университетскій судъ, предсѣдателемъ и руководителемъ котораго явился самъ Руничъ. Положеніе подчиненной ему профессорской коллегіи было въ высшей степени затруднительно, потому что Руничъ, не стѣсняясь, направлялъ свои инквизиціонные допросы не только къ обвиняемымъ, но и къ тѣмъ, которые высказывали

малѣйшее сочувствіе къ нимъ. Это былъ злобный походъ, направленный противъ всего университетскаго совѣта. Неудивительно поэтому, что Руничъ добился обвинительнаго приговора надъ названными профессорами, а также надъ профессоромъ Плисовымъ. Къ дѣлу о профессорахъ приложены выписки вредныхъ мѣстъ изъ ихъ сочиненій и лекцій. Нужна была вся сила злого воображенія Рунича, чтобы въ этихъ отрывкахъ увидѣть „опасныя мѣста". На судѣ Руничъ велъ себя совершенно непристойно. Онъ требовалъ раскаянія со стороны подсудимыхъ и не добился его. При чтеніи письменныхъ отвѣтовъ подсудимыхъ, въ ихъ же присутствіи, Руничъ коверкалъ слова, ломалъ языкъ, кривлялся, смѣялся и хохоталъ.

Трудно даже передать въ короткихъ словахъ сущность тѣхъ странныхъ вопросовъ и обвиненій, которые были предъявлены этимъ профессорамъ. Извѣстный статистикъ Германъ обвинялся въ томъ, что признавалъ вреднымъ бумажныя деньги, въ томъ, что считалъ несправедливымъ поголовный налогъ; Галичъ обвинялся въ томъ, что онъ безбожнаго Канта предпочитаетъ самому Христу, а Шеллинга—Духу Святому. Руничъ весьма былъ возмущенъ заявленіемъ Германа, что о статистикѣ могутъ судить только спеціалисты: такое заключеніе онъ призналъ оскорбительнымъ для правительства и для университета. Обвиняя въ вольнодумствѣ профессоровъ, Руничъ напоминаетъ о тѣхъ „ужасныхъ происшествіяхъ", которыя, „кровавыми письменами" отразились на исторіи Европы, которые породили ученое вольнодумство, умозрѣніе лжеименнаго разума и мнимое просвѣщеніе.

Заключеніе университетскаго суда поступило въ главное правленіе училищъ, которое признало ученіе Германа и его послѣдователя Арсеньева вреднымъ и опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Вышедшія раньше печатныя сочиненія Германа („Краткое руководство ко всеобщей теоріи статистики", „Всеобщую теорію статистики" и „Историческое обозрѣніе литературы статистики, въ особенности россійскаго государства"), Галича („Исторію философскихъ системъ") и Арсеньева („Начертаніе статистики россійскаго государства") запретить преподавать и изъять изъ всѣхъ библіотекъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, такъ какъ сами обвиняемые требовали уголовнаго суда для своего оправданія, то постановлено передать это дѣло надлежащему судебному мѣсту.

Магницкій протестовалъ противъ послѣдняго постановленія, заявивъ въ своемъ особомъ мнѣніи, что „подсудимые и общество назовутъ людей, подвергающихъ бездоказательно людей уголовной отвѣтственности, не судьями, а палачами“. Онъ предлагалъ, со свойственнымъ ему цинизмомъ, расправиться съ профессорами безъ суда, выславъ Раупаха и Германа, какъ иностранцевъ, за границу. Дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ, который, однако, предоставилъ обвиняемымъ возможность привести всѣ данныя къ своему оправданію, и даже назначилъ изъ своей среды особую комиссію. Впрочемъ, эта комиссія дѣйствовала, или лучше сказать, бездѣйствовала, до 1827 г., когда высочайше повелѣно было считать это дѣло оконченнымъ. Профессора перешли на службу въ другія вѣдомства. Такимъ образомъ, Руничъ и Магницкій потерпѣли въ данномъ случаѣ пораженіе, потому что не добились обвиненія и изгнанія профессоровъ. Назначеніемъ комиссіи дѣло было замято, вѣроятной причиной чего является письмо Уварова къ государю. Это письмо— страстный протестъ противъ постановленія главнаго правленія училищъ. Уваровъ указываетъ, что книги Галича и Арсеньева изданы съ одобренія цензуры, что Германъ не самъ составлялъ свои лекціи и что въ рукахъ суда были однѣ подлинныя тетради Раупаха. Уваровъ возмущается тѣмъ, что для вынужденія показаній Руничъ угрожалъ сдать студентовъ въ солдаты, тюрьмою и Сибирью: самая прецедура суда сопровождалась скандалами, при которыхъ „все было попрано до поруганія человѣческаго достоинства“, даже просьба профессоровъ привести всѣ данныя для своего оправданія была признана мятежной.

Такъ кончилось это характерное дѣло. Руничу и Магницкому нужно было найти мятежный духъ, гдѣ бы то ни было и во что бы то ни было.

ГЛАВА XIV.

Цензура.

Гнетъ реакціи отразился не на однихъ университетахъ. Если реакція боролась съ университетами, стремясь подавить въ нихъ живую мысль, то легко догадаться, что она не оставила и другой стороны выраженія той же мысли—печатнаго слова.

Цензурный уставъ 1804 года изданъ былъ при довольно благопріятныхъ условіяхъ. Это былъ самый короткій и самый либеральный уставъ. Онъ требовалъ отъ цензоровъ снисходительнаго и благожелательнаго просмотра книгъ; цензору самому воспрещалось дѣлать поправки въ рукописяхъ, онъ могъ лишь сообщать автору свои замѣчанія и предлагать авторамъ дѣлать исправленія.

Но такое направленіе устава существовало недолго. Начались постепенныя урѣзки.

Уже въ 1807 году по поводу излишнихъ превозношеній Бонапарте журналы получили замѣчаніе. А съ 1808 года, когда Россія находилась въ союзѣ съ Франціей, рѣзкіе отзывы объ императорѣ французовъ считались „неприличными и предосудительными“ настоящему положенію; Министерство Народнаго Просвѣщенія разъясняло цензурнымъ комитетамъ, чтобы они не пропускали оскорбительныхъ разсужденій о союзникѣ русскомъ, потому что сочинители, „увлекаясь одною мечтою воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ“; на этомъ основаніи просто было запрещено помѣщать какіе бы то ни было артикулы, представляющіе собою извѣстія и разсужденія политическія.

Съ 1811 года появляется рядъ отдѣльныхъ указовъ и распоряженій, ограничивающихъ печать въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Въ 1811 года при министерствѣ полиціи заводится особый комитетъ для просмотра книгъ, уже одобренныхъ цензурою и напечатанныхъ. Министерству полиціи предоставлено было тогда

право сноситься съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по поводу такихъ пропущенныхъ цензурой книгъ, которыя могли подать поводъ „къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ“. Такимъ образомъ, фактически цензура оказалась подъ контролемъ Министерства полиціи.

Въ 1812 г. встрѣчаемъ распоряженіе о томъ, чтобы издатели журналовъ почерпали бы изъ иностранныхъ журналовъ только свѣдѣнія старыя, не касающіяся Россіи, свѣдѣнія же, касающіяся Россіи, они могутъ почерпать только изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, „издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ“. Членъ главнаго правленія училищъ Уваровъ даже вноситъ предложеніе о томъ, чтобы журналисты, „писавшіе въ 1812 г., иначе писали бы въ 1815 г. и мало-по-малу согласовались бы съ намѣреніями правительства“. Министръ полиціи Вязьмитиновъ стремится изъять изъ обсужденія журналовъ „предметы, относящіеся до попеченія самого правительства и отнюдь не могущіе подлежать сужденію частныхъ лицъ частично“. Тотъ же Вязьмитиновъ, достигъ того, что изъ сужденія журналовъ была изъята игра казеныхъ актеровъ, какъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Даже такое учрежденіе, какъ Академія Наукъ, требовало, чтобы о ея изданіяхъ не печатались рецензіи. Этотъ вопросъ поднялся въ академической конференціи по поводу рецензіи на академическую грамматику, помѣщенную въ „Сынѣ Отечества“ 1819 года. Въ засѣданіи Академіи серьезно разсуждали о томъ, имѣютъ ли право журналисты судить о книгахъ, уже оцѣненныхъ Академіею. И собраніе пришло къ тому убѣжденію, что „по здравому разсудку“ нѣтъ никакой пользы для просвѣщенія отъ критики академическихъ изданій, и ходатайствовало о преслѣдованіи цензора и автора.

Многіе вопросы были совершенно изъяты изъ обсужденія печати, напр. крѣпостное право и вопросы, касавшіеся конституціи. Интересно, что послѣднее распоряженіе было вызвано обличительной статьей самого Магницкаго „Нѣчто о конституціи“, появившейся безъ подписи. По этому поводу министръ народнаго просвѣщенія разъяснилъ цензурѣ, что частному лицу не слѣдуетъ писать о вопросахъ политическихъ, потому что правительство лучше знаетъ, когда и что сообщить публикѣ.

Крестьянскій вопросъ былъ изъятъ изъ обсужденія печати по слѣдующему оригинальному поводу. Полтавскій помѣщикъ Кочубей продалъ своихъ крестьянъ другому помѣщику для переселенія ихъ въ Херсонскую губернію. Крестьяне отказались повиноваться и переселиться на земли новаго владѣльца. Мѣстная администрація, желая найти какой нибудь предлогъ оправдаться въ своемъ неумѣніи водворить порядокъ, доложила, что возмущеніе произошло потому, что крестьяне прочли статью, переведенную съ нѣмецкаго въ „Историческомъ, Географическомъ и Статистическомъ Журналѣ“ объ успѣхахъ земледѣлія въ Россіи.

Новое Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія писало длинные циркуляры съ цѣлью указать духъ, коему должна удовлетворять печать. Въ одномъ изъ такихъ циркуляровъ, изданномъ въ 1818 году, кн. Голицынъ заявляетъ, что въ прежнее время вышло много книгъ, содержаніе которыхъ „весьма противно принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ“. Поэтому министръ предполагаетъ принять всѣ мѣры къ недопущенію мыслей, не терпимыхъ нынѣ правительствомъ. Поэтому онъ требуетъ, чтобы цензурные комитеты строжайше наблюдали за такими мыслями въ книгахъ, которыя противны религіи христіанской, или обнаруживаютъ вольнодумство, безбожіе, невѣріе, своевольство, мечтательное философствованіе и т. п.

На ряду со свѣтской цензурой дѣйствовала духовная цензура. Послѣдняя зародилась съ 1796 года, когда возникли особые смѣшанные цензурные комитеты, состоявшіе изъ свѣтскихъ и духовныхъ цензоровъ. Въ 1799 г. уже появляется самостоятельное духовное цензурное вѣдомство, главный органъ, котораго находился въ Москвѣ. Духовная цензура получила между прочимъ оригинальныя привилегіи: проходившія черезъ ея одобреніе книги обязательно печатались въ Синодальной типографіи. Такимъ образомъ получилась особая доходная статья. Это обстоятельство, а также и рвеніе московскихъ цензоровъ послужили къ тому, что духовная цензура сразу же начала привлекать къ своему просмотру такія книги, которыя могли бы подлежать свѣтской цензурѣ. Иногда на этой почвѣ между обѣими цензурами возникали любопытныя пререканія. Такъ, напр., духовная цензура настаивала, чтобы переводный романъ „Матильда“, сюжетъ котораго взятъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ, разсматривался ею на томъ основаніи, что въ немъ есть цитаты изъ Священнаго

Писанія. Представитель свѣтской цензуры попечитель Петербургскаго Учебнаго Округа доказывалъ, однако, что эта книга должна находиться въ вѣдѣніи свѣтской цензуры, ибо духовнымъ цензорамъ едва ли прилично читать книгу, главнымъ сюжетомъ которой является любовная интрига. Такъ постепенно развивалась эта новая отрасль цензуры. Въ 1814 году появляются спеціальныя комитеты при духовныхъ академіяхъ.

Вслѣдствіе такой придирчивости со стороны цензуры печать оказалась подъ страшнымъ гнетомъ. Цензурная исторія того времени богата удивительными курьезами. Для характеристики достаточно привести одинъ-другой фактъ, рисующій положеніе печати и отношеніе къ ней цензуры. Самые благонамѣренные писатели, даже Жуковскій, не избѣгали цензурныхъ преслѣдованій. Цензура превратилась изъ учрежденія, только просматривавшаго рукописи, въ сыскъ противъ авторовъ.

Въ Петрозаводскѣ въ 1809 г. была представлена пьеса „Дидона на изнанку“.

Директоръ училищъ не замедлилъ донести высшему петербургскому начальству о зловредности и „подозрительности“ этого сочиненія, заключавшихся, по его собственнымъ словамъ, въ томъ только, что всѣмъ дѣйствующимъ въ пьесѣ лицамъ „сообщено постыдное пристрастіе къ пьянству, праздности и безпечности“; что влюбленная царица Дидона, унижая свой санъ, „чувствуетъ, какъ обыкновенная женщина, говоритъ, какъ женщина, низкою страстью упоенная, на тронѣ позволяетъ обувать себя и слушаетъ русскія сказки“, а въ заключеніе пляшетъ на сценѣ, и т. д. Все это директоръ считаетъ вреднымъ „чистой нравственности, духу правленія и просвѣщенія“.

Авторъ пьесы захотѣлъ ее напечатать и препроводилъ ее въ цензурный комитетъ. Но тутъ она подверглась строгому осужденію. „Вся пьеса,—писалъ цензурный комитетъ,—наполнена выраженій, слишкомъ подлыхъ для тонкаго слуха, особенно, когда произносятъ ихъ Эней или Дидона или другія важныя особы“, вообще царственныя особы выведены „въ непристойномъ видѣ“: напр., Дидона говоритъ: „вся глотка пересохла“, или—„охъ, матушка, охъ милая, не огурчика мнѣ хочется“, Эней непочтительно говоритъ своему дядѣ: „Эхъ, дядюшка, нелегкая тебя несетъ“. „Въ уваженіе прописанныхъ причинъ,“ книга запрещена.

Особенной достопамятностью пользуется дѣятельность цензора Красовскаго. Это былъ какой-то маніакъ, который преслѣдовалъ отдѣльныя слова и въ особенности всякіе намеки на отношенія между обоими полами. Недаромъ Уваровъ, сдѣлавшись министромъ, называлъ Красовскаго доброй цѣпной собакой. Красовскій слово „свобода“ замѣнялъ словомъ „независимость“, Александра Македонскаго называлъ „такъ называемымъ Великимъ“, и т. п. а не просто Великимъ и т. п. Онъ запретилъ книгу о вредности грибовъ, потому что грибы составляютъ постную пищу. Красовскій разрѣшалъ къ напечатанію картинки только въ томъ случаѣ, если платья женщинъ были нарисованы ниже колѣнъ.

Когда поэтъ Туманскій хотѣлъ напечатать въ „Сынѣ Отчества“ переводное стихотвореніе „О дѣвѣ“, которое оканчивалось, между прочимъ, стихами: „а съ милой лаской на устахъ туда не приходила дѣва“, то Красовскій вычеркнулъ всѣ стихи, касающіеся дѣвы, и съ боку написалъ: „Какая дѣва?“ Очевидно, въ этомъ онъ готовъ былъ видѣть кощунственный намекъ автора. Стихотвореніе было запрещено и противъ помѣты автора „девятое марта 1823 г.“ цензоръ написалъ „девятое марта 1823 года, т.-е. въ одинъ изъ первыхъ дней Великаго поста, весьма неприлично писать о любви дѣвы, неизвѣстно какой, когда говорятъ о материнской любви и о смерти. При этомъ „Сынъ Отечества“ читаютъ люди степенные и даже духовные“. Вообще, Красовскій не разрѣшалъ въ недѣли поста помѣщать въ журналахъ стихотворенія, воспѣвающія любовь.

Но къ особымъ курьезамъ даже въ дѣятельности Красовскаго надо отнести его объясненія по поводу стиховъ посредственнаго поэта Олина „Стансы къ Элизѣ“, переведенныхъ изъ одной баллады Вальтера Скотта. По поводу запрещенія этихъ стиховъ Олинъ поднялъ цѣлое дѣло, и Красовскій въ офиціальной бумагѣ выяснилъ, почему онъ считаетъ стихи неподлежащими напечатанію. Эти объясненія въ высшей степени любопытны. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ цензорской критики. Приводимъ стихи Олина и параллельно имъ замѣчанія Красовскаго:

„Улыбку устъ твоихъ небесную ловитъ...	Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна того, чтобы ея улыбку называть небесной,
„И молча на тебѣ свои покоитъ взоры“...	Тутъ есть какая-то двусмысленность.
„И поняла, чего душа моя искала“...	Надобно объяснить, чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о душѣ.

„О, какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать!“	Что же останется Богу?
„У ногъ твоихъ порою для пѣсней лиру строить!...“	Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины.
„И на груди твоей главу мою покоить!..“	Стихъ чрезвычайно сладострастный.

Любопытно, что когда Олинъ поднялъ дѣло о запрещеніи его стиховъ, то въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ это запрещеніе было еще подкрѣплено многими соображеніями. Стихи признаны весьма соблазнительными, а между тѣмъ авторъ могъ бы ихъ выпустить въ свѣтъ постомъ, особенно въ Страстную недѣлю, „а извѣстно, какъ строго запрещены въ словѣ Божіемъ соблазны“, писалъ комитетъ; не менѣе интересно и то, что цензурный комитетъ добивался у переводчика, къ кому эти стихи написаны,—„къ женщинѣ, или къ дѣвицѣ, къ ближайшей родственницѣ, или къ посторонней“. Цензурный терроръ былъ въ полной силѣ, но реакціонерамъ и этого казалось недостаточно. Самъ министръ прилагалъ тщательныя заботы увеличить наблюденія за печатью. Шишковъ выступаетъ нѣсколько разъ съ представленіями о слабости цензуры. Еще въ 1815 г. въ особой запискѣ („Мнѣніе о разсматриваніи книгъ или цензурѣ“) онъ доказывалъ, что цензура недостаточна. Онъ говорилъ о вредѣ книгопечатанія, о порчѣ языка, и настоятельно совѣтуетъ правительству обратить строгое и попечительное вниманіе на печать. Въ 1822 году онъ выступаетъ съ своимъ мнѣніемъ по дѣлу профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева и снова говоритъ о заразѣ, которая разносится книгами.

Изъ среды представителей самой мрачной реакціи исходитъ мысль о составленіи новаго цензурнаго устава.

Авторомъ проэкта явился тотъ же Магницкій. Рядомъ съ уставомъ Магницкій предлагалъ издать особую инструкцію цензорамъ. Особенностью этого проэкта устава, къ счастію, не получившаго утвержденія, было предположеніе запретить, всякаго рода книги, въ которыхъ прямо или косвенно отвергается, ослабляется или представляется сомнительнымъ ученіе Церкви, монархическій строй и т. д.; но при этомъ предположено запрещать всѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, кои отдѣляютъ „нравственность отъ вѣры“, всѣ книги, почерпнутыя

изъ теоріи естественнаго права, всякое произведеніе словесности въ которомъ „гордость и своевольство разума человѣческаго усиливаются объяснить и доказать недоступныя для нихъ святыя таинства вѣры“; должны быть даже запрещаемы книги, противныя „добрымъ нравамъ и свѣтскимъ приличіямъ“. Вообще, проектъ устава долженъ, по мысли его автора, предупредить „всѣ извороты и уловки настоящаго духа времени“.

Въ секретной инструкціи цензорамъ изъясняется пагубный духъ времени. Это цѣлая проповѣдь къ будущимъ стражамъ церкви, государства и доброй нравственности; имъ совѣтуется выискивать намеки невѣрія, запрещать похвалу чужимъ государственнымъ порядкамъ и тайно доносить на авторовъ. Эта проповѣдь къ цензорамъ заканчивается молитвеннымъ обращеніемъ: „Да просвѣтитъ Господь цензоровъ на важное ихъ служеніе“. Нѣкоторые изъ членовъ главнаго правленія училищъ были въ колебаніи относительно нѣкоторыхъ сторонъ проекта Магницкаго. Одинъ Руничъ соглашался вполнѣ, но предлагалъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія, а именно: запрещать сочиненія, писанныя нечистымъ слогомъ и безпорядочно написанныя, книги физіологическія, анатомическія и патологическія, потому что въ нихъ заключается матеріализмъ, книги по философіи и добродѣтели, если въ нихъ не доказывается первенство вѣры.

Въ томъ же 1823 году Магницкій выступаетъ еще съ однимъ проектомъ. По его мнѣнію, недостаточно одного только надзора за преподаваніемъ, необходимо изъять нѣкоторые предметы, какъ, напр., философію и естественное право. Съ одной стороны Магницкій застращиваетъ тѣмъ „развратомъ“, который проникъ въ стѣны университетовъ, съ другой стороны, дѣлаетъ цѣлый доносъ на иллюминатовъ, франкъ масоновъ и на отдѣльныхъ лицъ. Ему не нравится логика профессора Давыдова, послѣдователя Шеллинга. Вообще Магницкій боится Шеллинга, потому что въ сочиненіяхъ его „какой-то таинственный тонъ“ и „глубокомысліе“. Философія Шеллинга, по его словамъ, вноситъ вольнодумство и развратъ. Онъ поэтому въ томъ же доносѣ въ примѣръ опаснаго вліянія Шеллинговской философіи приводитъ разборъ книги московскаго профессора Давыдова „Начальныя основанія логики“. Онъ силится доказать вредъ этой книги и въ концѣ концовъ восхваляетъ собственную прозорливость: „воздадимъ хвалу всеблагому Господу,—восклицаетъ Магницкій, открывающему намъ столь

страшные замыслы врага Божія еще въ дѣтскомъ лепетаніи господина Давыдова, который, кажется, и самъ не понимаетъ всего ужаса своихъ началъ". Интересно, что Магницкій, связывая вольнодумство германскихъ университетовъ съ русскими и указывая на вольнодумство сочиненій русскихъ профессоровъ, хочетъ увѣрить министра, что даже въ Западной Европѣ вольнодумство источникомъ своимъ имѣетъ зловредныя книги, вышедшія изъ подъ пера профессоровъ русскихъ университетовъ. Указывая на то, что въ Европѣ поднялись вольнодумствующіе профессора, бунтующія войска, уже опрокинувшія нѣсколько троновъ,—весь адскій союзъ, что Европѣ угрожаютъ либеральныя заявленія въ парламентѣ лорда Каннинга, авторъ записки съ ужасомъ говоритъ: „итакъ врагу Божію три года только нужно было, чтобы довести дѣло сіе отъ каѳедры Куницына до потрясенія Неаполя, Мадрита, Турина, Лиссабона и до сей торжественной исповѣди англійскаго парламента: отъ одной строки профессора до 200 тысячъ штыковъ и 100 линейныхъ кораблей (англійскихъ, которые будто бы двинутся противъ вѣры и троновъ), до государствъ, обливаемыхъ кровью!"

Вотъ какой вредъ принесла книга Куницына всей Европѣ.

Эти извѣты Магницкаго было настолько нелѣпы, что встрѣтили оппозицію даже среди членовъ главнаго правленія училищъ. Тогда Магницкій идетъ дальше. Онъ выступаетъ съ пространной запиской объ опасности ордена иллюминатовъ и франкмасоновъ. Онъ разбираетъ нѣкоторыя книги и съ ужасомъ находитъ въ нихъ, что авторы рекомендуютъ читать Сенеку, Платона, Цицерона и Сократа, а между тѣмъ всѣ эти книги употребляются у насъ въ школахъ. Онъ выступаетъ съ запиской, направленной противъ преподаванія философіи вообще, такъ что даже самые консервативные члены Главнаго Правленія училищъ отказались съ нимъ согласиться и все-таки оставили этотъ предметъ въ составѣ университетскаго ученія.

Мы уже знаемъ цѣль этихъ ревностныхъ выступленій Магницкаго. Ему надо было достигнуть того, чтобы министръ и Главное Правленіе училищъ отвергли его проэкты. Министръ оказался либеральнѣе казанскаго попечителя. Мы уже знаемъ, чѣмъ все это кончилось. Голицынъ долженъ былъ выйти въ отставку, но Магницкій не попалъ на его мѣсто; своей дѣятельностью онъ только проторилъ дорогу къ министерству Шишкову. Паденіе Голицына было одновременно и паденіемъ самого Магницкаго.

Для всѣхъ была ясна его некрасивая роль. Шишковъ не довѣрялъ ему, и въ первые же дни новаго царствованія въ Казань былъ отправленъ генералъ Желтухинъ для ревизіи дѣлъ Казанскаго учебнаго Округа. Мнѣніе Желтухина было неблагопріятно для реформъ Магницкаго. Сверхъ того оказалось, что казенныя деньги вмѣсто построекъ ушли въ карманъ попечителя, и Магницкій скоро лишился мѣста, будучи высланъ императоромъ Николаемъ изъ Петербурга.

Въ лицѣ Шишкова государь получилъ очень неспокойнаго министра. Старикъ сталъ проявлять суетливую дѣятельность. Онъ буквально засыпалъ государя массой мелочныхъ докладовъ. Боясь, что по старости лѣтъ онъ не упомнитъ всего того, о чемъ хочетъ говорить съ государемъ, Шишковъ являлся къ императору съ длинными меморіями и заставлялъ ихъ прослушивать. Все это былъ подборъ мельчайшихъ фактовъ, длиннѣйшія рецензіи вредныхъ или полезныхъ книгъ, ни одного серьезнаго плана, ни одной серьезной мысли. При всемъ томъ министръ отличался настойчивостью, требовательностью и ворчливостью, какъ старая нянька. Вскорѣ Шишковъ сталъ самъ замѣчать, что государю надоѣдали его длинные доклады, что государь избѣгалъ съ нимъ свиданія, а если избѣжать было нельзя, милостиво выслушивалъ бумаги, на все соглашался, оставлялъ бумаги и проэкты указовъ у себя и клалъ подъ сукно.

За время своего министерства онъ возбудилъ цѣлый рядъ дѣлъ противъ разврата мыслей. Очень любопытна его полемика по вопросу о переводѣ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ. Филологическій старецъ былъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что русскій и „славенскій“ языкъ одинъ и тотъ же,—только славенскій языкъ отражаетъ собой высокій слогъ, которымъ написаны священныя книги, а русскій языкъ—представляетъ собою простой слогъ, употребляемый въ свѣтскихъ сочиненіяхъ. На этомъ основаніи онъ возставалъ вообще противъ перевода книгъ Священнаго Писанія на русскій языкъ, одобреннаго ранѣе самимъ государемъ и съ особенной рѣзкостью выступилъ противъ извѣстнаго катехизиса Филарета, въ которомъ нѣкоторыя выраженія церковно-славянскія были пояснены русскими. Шишковъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что въ катехизисѣ переданы заповѣди Господни русскими словами, между тѣмъ какъ мы „почитаемъ ихъ Божескими изреченіями“. Онъ серьезно увѣрялъ, что, когда поютъ въ церковной

пѣснѣ.—„Се женихъ грядетъ во полунощи“—онъ видитъ Христа; „но когда то же самое скажутъ: „вотъ женихъ идетъ въ полночь“, то „я отнюдь не вижу тутъ Христа, а просто какова нибудь жениха“. Ему совершенно казалось немыслимымъ, если, напр. мѣсто изъ псалма: „рече, безуменъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ“, перевесть словами: „дуракъ говоритъ, нѣтъ Бога“.

Государь былъ очень смущенъ критикой Шишкова и приказалъ ему вмѣстѣ съ Аракчеевымъ отправиться къ митрополиту Серафиму и переговорить съ нимъ.

Самъ митрополитъ былъ озадаченъ и пытался отпарировать настойчивость министра ссылкой на то, что Синодъ затратилъ слишкомъ большую сумму на печатаніе катехизиса Филарета, что надо сначала возвратить эту сумму продажей изданій. Этотъ аргументъ возмутилъ и Аракчеева и Шишкова.

При всемъ томъ Шишковъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ, наивно полагалъ, что сразу измѣнится направленіе умовъ. Между тѣмъ, по его собственному признанію, этого вовсе не случилось. Онъ самъ признается, что „вмѣсто сильной и необходимо нужной въ томъ числѣ подпоры, вездѣ и повсюду встрѣчалъ я или холодность и равнодушіе, или непреодолимыя преграды и препятствія“. Онъ съ горечью при этомъ указываетъ на всѣ тѣ случаи, когда государь или Государственный Совѣтъ не были согласны съ его мнѣніемъ. Онъ самъ замѣчаетъ, что его суетливость и требовательность производили на окружающихъ странное впечатлѣніе: „многіе смотрѣли на меня, какъ на человѣка страннаго, хотящаго ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока“. Новый министръ уставалъ въ борьбѣ съ иномысліемъ и къ концу царствованія Александра достигъ, наконецъ, того, что ему разрѣшено было составить новый проэктъ цензурнаго устава, но этотъ уставъ уже относится къ новому царствованію.

Таковы тѣ перепетіи, которыя пережила цензура въ Александровскую эпоху. Въ 1826 г. извѣстный журналистъ Фаддѣй Булгаринъ, отличавшійся, какъ извѣстно, не только консерватизмомъ, но и состоявшій агентомъ третьяго отдѣленія, въ своей запискѣ о цензурѣ предшествующаго времени такъ характеризовалъ эту эпоху: „почитались оскорбительными для вѣры: отечественное небо, небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ, ради Бога, ей-Богу, Богъ одарилъ его, онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Даже папская цензура позволяетъ

сіи выраженія. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала... Цензура не позволяетъ извѣщать публику безъ согласія начальствъ областей правленія о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ и феноменахъ природы. Кто бы могъ подумать, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ, должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ? Отъ этого періодическія изданія потеряли свою занимательность... Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто онъ любилъ ее, должно говорить: онъ хотѣлъ жениться и т. д. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, и особенно князей и графовъ, иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными".

ГЛАВА XV.

Нѣсколько замѣчаній о положеніи военнаго дѣла и о внѣшней политикѣ.

Между русскими историками распространено убѣжденіе въ томъ, что императоръ Александръ I во вторую половину своего правленія мало вникалъ въ дѣла внутренняго управленія. Это не совсѣмъ вѣрно, о чемъ намъ приходилось уже говорить. Правда, онъ подолгу отсутствовалъ изъ Россіи, но все же и за границей онъ старался, по возможности, всѣ нити управленія держать въ своихъ рукахъ. Пріѣзжая въ отечество, онъ отдавался дѣламъ внутренняго управленія, военному дѣлу и продолжалъ вести внѣшнюю политику. Правда, въ этихъ обширныхъ областяхъ управленія были предметы, которые ближе его интересовали, были предметы, за которыми онъ слѣдилъ при помощи Аракчеева или Комитета Министровъ. Такъ, въ дѣлахъ внутренняго управленія государь особенно внимательно относился къ вопросамъ внѣшняго порядка, внѣшности городовъ, къ дѣламъ, касающимся путей сообщенія и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ иногда обращалъ вниманіе на мельчайшія детали. Много замѣчаній было сдѣлано имъ при его многочисленныхъ разъѣздахъ по Россіи. Въ 1817 году онъ самъ, напр., составляетъ статьи правилъ, касающихся окраски будокъ для сторожей, о содержаніи площадей, мостовыхъ, объ окраскѣ домовъ и т. д. Иногда самыя незначительныя мелочи внѣшняго порядка обращали на себя вниманіе императора. Новгородскій губернаторъ предлагалъ въ городскомъ саду построить двухэтажный домъ, предназначая верхній этажъ для увеселительныхъ собраній, а нижній подъ кофейную или кондитерскую. Государь нашелъ время внимательно отнестись къ фасаду дома и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ исправленіи ширины фриза и нѣкоторыя другія. Въ 1823 гору при проѣздѣ черезъ Новгородскую губернію онъ сдѣлалъ рядъ замѣчаній губернатору. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что при въѣздѣ въ

губернію нѣтъ узаконеннаго пограничнаго столба, а имѣется надпись на столбѣ такой формы, какъ долженъ стоять на границѣ уѣздовъ; во многихъ деревняхъ нѣтъ установленныхъ столбовъ съ надписями, цифры на верстовыхъ столбахъ поставлены „непорядочно“, многіе столбы поставлены криво. Тогда же въ Тверской губерніи государь обратилъ вниманіе на неправильную окраску мостовъ; въ Орловской губерніи онъ обратилъ вниманіе на плохое состояніе дорогъ и на неопрятность въ губернскомъ городѣ.

Это все мелочи, которыя характеризуютъ интересъ императора, которыя утверждаютъ насъ въ мысли о томъ, что онъ стремится вникнуть во всѣ детали, иногда самыхъ незначительныхъ сторонъ управленія. Но были области, которыми императоръ лично руководилъ.

Таково было прежде всего военное дѣло. Тогда уже военное дѣло становилось на путь, который впослѣдствіи привелъ Россію къ Крымской катастрофѣ. Оно понималось императоромъ, какъ чисто внѣшняя выправка, и ветераны покрывшіе себя на русскихъ и западно-европейскихъ поляхъ неувядаемой славой, должны были исключительно упражняться въ маршировкѣ и вытягиваніи носковъ. Это было такое же стремленіе къ выравниванію, къ единообразію, какое замѣчается во всѣхъ другихъ сторонахъ правительственной дѣятельности императора.

Старые боевые генералы и даже молодые офицеры хорошо понимали всю ненужность подобнаго рода военной выправки. Генералъ Сабанѣевъ въ письмѣ къ извѣстному генералу Киселеву въ 1820 году возмущается тѣмъ, что военное ученіе состоитъ исключительно изъ обученія учебному шагу, стойкѣ и т. п. и этому обучаютъ старыхъ, опытныхъ солдатъ, исходившихъ десятки тысячъ верстъ въ походахъ. Причину такого направленія генералъ въ другомъ письмѣ объясняетъ тѣмъ, что на смотрахъ государь обращаетъ вниманіе только на одно наружное обученіе войскъ,—вытянутый носокъ, неподвижность плечъ, однообразіе солдатскаго туалета. Въ самомъ дѣлѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ въ одномъ изъ приказовъ по командуемой имъ гвардейской бригадѣ выражаетъ, напр., свое крайнее неудовольствіе между прочимъ тѣмъ, что въ одномъ батальонѣ было замѣтно „шевеленіе подъ ружьемъ“, при прохожденіи маршемъ „необычайная качка въ тѣлѣ и неравенство въ плечахъ“.

Такія требованія образовывали знатоковъ дѣла. Баронъ Розенъ, тогда молодой офицеръ, показывалъ свою роту одному такому виртуозу, подполковнику Люце. Онъ нашелъ роту Розена хорошей, но съ недостаткомъ въ стойкѣ и далъ совѣтъ молодому офицеру: „при стойкѣ прикажите людямъ прижать, сжимать заднія щеки, и будетъ тотчасъ другая стойка и выправка“. Тотъ же полковникъ Люце не одобрилъ построенія въ батальонѣ боевого генерала Бистрома, потому что когда батальонъ стоитъ на мѣстѣ,—„примѣтно дыханіе солдатъ, видно, что они дышатъ“. Между тѣмъ солдатамъ очень нелегко было двигаться въ тогдашней формѣ. Слѣдуетъ представить себѣ, напримѣръ, гвардейскую форму. Мундиръ крѣпко стянутъ, такъ что сжималъ талію и грудь. Узкіе панталоны прикрыты крагами изъ твердой какъ дерево кожи; краги пристегиваются къ панталонамъ цѣлымъ рядомъ пуговицъ, при томъ не иначе, какъ съ помощью желѣзнаго крючка; высокій киверъ туго пристегивается къ головѣ посредствомъ чешуйчатыхъ ремней, затянутыхъ подъ подбородкомъ. Вся эта амуниція была тяжела по вѣсу и затрудняла движеніе. Мало того, требовалась идеальная чистота костюма, въ нѣкоторыхъ частяхъ, напримѣръ, натираніе панталонъ мѣломъ и т. п. Туалетъ солдата требовалъ очень много времени и умѣнья. Въ настоящее время, вѣроятно, не многія изъ дамъ тратятъ такъ много времени и вниманія на туалетъ, какъ это требовалось отъ солдатъ Александровской эпохи. Солдатъ долженъ былъ представлять собою картинку, похожую одна на другую. Бывали такіе полковые командиры, которые требовали, чтобы безусые солдаты наклеивали себѣ искусственные усы и т. п.

Даже генералы приходили въ отчаяніе: „Одинъ учебный шагъ,—писалъ генералъ Сабанѣевъ,—и переправка амуниціи задушила всѣхъ, отъ начальника до нижняго чина... Какое мученіе несчастному солдату..... Вотъ гдѣ тиранство“. Стоитъ пересмотрѣть переписку генераловъ Закревскаго и Киселева, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько удручающимъ образомъ дѣйствовали на нихъ правила военной муштровки. Однимъ словомъ, военное дѣло сводилось къ шагистикѣ, къ наблюденію за дыханіемъ солдатъ, или къ сжиманію челюстей. Интересно, что даже такой любитель фронта, какъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, неоднократно въ откровенныхъ письмахъ къ Сипягину иронизировалъ надъ той „танцовальной наукой“, которая завелась въ Петербургѣ: „Да я

такихъ теперь мыслей о гвардіи,—писалъ цесаревичъ,—что ее столько учатъ и даже за десять дней приготовляютъ приказами, какъ проходить колоннами, что вели гвардіи стать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать, такъ промаршируютъ, и не мудрено: какъ не научиться всему—есть у насъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры, фехмейстеры, пожалуй, Франкони завелся".

Надо замѣтить, что военное ученіе было не только трудно, но сопровождалось жестокими часто безчеловѣчными наказаніями. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только показанія многихъ очевидцевъ, но и циркуляры видныхъ военноначальниковъ. Въ 1810 году военный министръ Барклай де-Толли въ особомъ циркулярѣ обращалъ вниманіе на увеличеніе въ войскахъ болѣзнености и смертности, при чемъ съ неодобреніемъ указываетъ на то, что генералы и офицеры воинскую дисциплину основываютъ на жестокомъ тѣлесномъ наказаніи, онъ указываетъ при этомъ на случаи безчеловѣчнаго обращенія офицеровъ съ солдатами. Графъ Витгенштейнъ въ одномъ предписаніи 1817 года тоже высказывается противъ примѣненія жестокихъ наказаній. Дѣйствительно, начальникъ 17 дивизіи Желтухинъ рекомендовалъ офицерамъ „сдирать съ солдатъ шкуру отъ затылка до пятокъ". Въ его дивизіи бывали случаи, когда солдатъ наказывали по 1000 ударовъ палками. Правда, императоръ запретилъ наказывать солдатъ въ строю во время ученія, но это не мѣшало заняться истязаніемъ солдатъ за всякую ошибку во время ученія—послѣ него.

Для характеристики тогдашней практики военнаго ученія приведемъ разсказъ изъ воспоминаній Филипсона, который былъ въ Александровскія времена молодымъ юнкеромъ и офицеромъ. Онъ разсказываетъ: „Но эта, казалось, немудреная наука дорого доставалась бѣднымъ солдатамъ. Съ началомъ ученія начиналось немилосердное дранье и зубодробленіе за малѣйшее движеніе, которое признавалось ошибочнымъ. Драли розгами, палками, шомполами и тесаками. Были начальники, которые особенно славились тѣмъ, что въ ихъ частяхъ съ каждаго ученія по нѣсколько человѣкъ уносили на плащахъ. Сто розогъ или палокъ было легкимъ наказаніемъ: давали по тысячѣ и полторы ударовъ. Все это происходило предъ фронтомъ по одному слову начальника, часто произнесенному въ запальчивости. Случалось, что на ученье вмѣстѣ съ частью войскъ привозился возъ палокъ; унтеръ-офи-

церы имѣли всегда палки въ стволѣ ружья и сзади подъ фалдами мундира. Драли и колотили по зубамъ солдатъ всѣ, начиная съ ефрейтора; въ саперныхъ баталіонахъ были люди, получившіе зуботычины изъ рукъ, впослѣдствіи державшихъ скипетръ. При опредѣленіи мѣры наказанія начальникъ ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Казалось бы, этотъ произволъ могъ сдѣлать наказаніе менѣе жестокимъ; но нужно вспомнить общую дикость нравовъ и жестокость этого времени, наслѣдство предшествовавшихъ вѣковъ. И вотъ Петровъ или Ивановъ начинаетъ прогулку по зеленой улицѣ (техническій терминъ) между двумя рядами солдатъ. У каждаго лоза аршина полтора длины и въ мизинецъ толщины. Каждый при проходѣ несчастнаго, ударяетъ его по голой спинѣ. Пройдя весь строй, возвращается назадъ; лекарь щупаетъ пульсъ и рѣшаетъ, можно ли продолжать наказаніе. Если нельзя, Петрова или Иванова отправляютъ въ лазаретъ, лѣчатъ и снова выводятъ, чтобы „доходить положенное число разовъ". Кто повѣритъ, что были выдержавшіе 12 тысячъ лозановъ? Кто повѣритъ, что хлестаніе этой безобразной массы чернаго окровавленнаго мяса, возимаго на телѣжкѣ, продолжалось даже и въ то время, когда Петровъ или Ивановъ стоялъ уже предъ престоломъ Милосерднаго Судьи? Многія изъ этихъ страшныхъ сценъ я видѣлъ своими глазами во времена моего юношества и первой молодости, гдѣ подъ старость, обыкновенно ищутъ свѣтлыхъ воспоминаній".

Другимъ государственнымъ дѣломъ, которымъ государь лично вѣдалъ, были внѣшнія сношенія. Мы отчасти говорили уже о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привела политика императора въ этомъ направленіи. Здѣсь мы только укажемъ на то, что тогдашняя внѣшняя политика русскаго правительства вызывала очень сильное раздраженіе среди общества. Польша была присоединена къ Россіи и ей дарована конституція. Даже либерально настроенные круги общества враждебно встрѣтили актъ дарованія конституціи вновь присоединенной области. Эта странность въ отношеніи къ Польскому вопросу общественныхъ круговъ объясняется тѣмъ, что конституціонный актъ, данный Польшѣ, задѣлъ національное самолюбіе русскихъ: Россія какъ будто не была сочтена достойной пріобщиться къ благамъ свободы, тѣмъ болѣе что, по словамъ декабриста Завалишина, Польша всегда была исконнымъ врагомъ Россіи. Насколько непріязнено въ либе-

ральныхъ кругахъ было принято это извѣстіе, можно видѣть изъ извѣстныхъ совѣщаній членовъ тайнаго общества, происходившихъ въ Москвѣ въ 1818 году, гдѣ подымалась рѣчь даже о цареубійствѣ. Въ Россіи тогда понимали, что политика императора находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ австрійскаго канцлера Меттерниха, русскихъ оскорбляло, по словамъ одного современника, „явное господство и вліяніе Вѣнскаго комитета надъ нашимъ“.

Недовольство внѣшней политикой стало сказываться съ особенной силой въ концѣ царствованія Александра I, когда на югѣ началось возстаніе грековъ. Вѣсть о греческомъ возстаніи была воспринята русскимъ обществомъ съ восторгомъ. Въ письмѣ къ Раевскому 1821 года Пушкинъ сообщаетъ, что при первыхъ извѣстіяхъ о возстаніи, „восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества“. Между тѣмъ строго придерживаясь основъ Священнаго Союза, объявившаго борьбу съ народами, которые пытались бы возстать противъ „законныхъ“ монарховъ, русское правительство оказалось въ противорѣчіи съ своими же исконными политическими традиціями, которыя заключались въ поддержкѣ православнаго востока. Одни злорадствовали, другіе были возбуждаемы состраданіемъ къ единовѣрнымъ грекамъ. Послѣднихъ было больше, особенно среди молодежи. „Болѣе всего воспламеняло молодежь,—пишетъ Лореръ,—извѣстіе о возстаніи Греціи. Всѣ были увѣрены, что государь подастъ руку помощи единовѣрцамъ и что двинутъ наши арміи въ Молдавію. Но политика Меттерниха, преобладая въ европейскихъ кабинетахъ, молчала, а общество, между тѣмъ, не переставало высказывать свое сочувствіе къ несчастнымъ угнетеннымъ. Многіе офицеры гвардіи стали проситься въ полки арміи, думая тѣмъ приблизиться къ имѣющемуся въ виду походу на помощь грекамъ“. Нѣкоторые и ушли самовольно въ Грецію.

ГЛАВА XVI.

Гр. А. А. Аракчеевъ и военныя поселенія.

Выдѣливъ въ свое непосредственное вѣдѣніе внѣшнюю политику, императоръ въ дѣлахъ внутренней политики дѣйствовалъ или черезъ Голицына, какъ мы видѣли, или черезъ Аракчеева. Послѣднему принадлежало значительное соучастіе въ дѣлахъ государственнаго управленія. Его мрачная фигура почти въ теченіе всей половины царствованія заслоняла императора отъ подданныхъ. Этой фигурой покрывается вся дѣятельность правительственнаго механизма въ теченіе болѣе 12-ти лѣтъ. Аракчеевъ не черпалъ уроковъ государственной мудрости даже и у реакціонеровъ Западной Европы. Въ его лицѣ мы встрѣчаемся съ россійской доморощенной реакціей; онъ и проводилъ свою политику въ „русскомъ духѣ", безъ всякихъ позаимствованій, безъ тонкостей западно-европейской реакціи.

Біографическая справка въ наилучшей мѣрѣ можетъ освѣтить намъ то положеніе вещей, которое создалось въ государствѣ при этомъ временщикѣ.

Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ періодъ своей силы любилъ говорить, что онъ учился на мѣдныя деньги у сельскаго дьячка: „Я человѣкъ необразованнóй, бѣднóй дворянинъ". Это не совсѣмъ вѣрно. Аракчеевъ происходилъ изъ среднихъ по состоянію дворянъ Новгородской губерніи. Онъ, дѣйствительно, началъ учиться у сельскаго дьячка, какъ это начинало тогда большинство русскаго средняго дворянства. Въ 1783 г. онъ поступилъ въ артиллерійскій и инженерный шляхетскій корпусъ. Тогда начальникомъ корпуса былъ извѣстный генералъ Мелессино, много сдѣлавшій полезнаго и для русской артиллеріи и для процвѣтанія самого корпуса. По тогдашнему времени корпусъ могъ дать достаточное образованіе. Но въ сферѣ воспитанія корпусная педагогія преслѣдовала неизмѣнный принципъ—повиновеніе на-

чальству; и при благодушномъ Мелессино розги и другія суровыя наказанія считались наиболѣе вѣрнымъ воспитательнымъ средствомъ.

Уже въ корпусѣ Аракчеевъ поразилъ своихъ начальниковъ тѣми качествами, которыя впослѣдствіи создали ему государственную карьеру: точностью, исполнительностью и звѣрскимъ обращеніемъ съ кадетами, надъ которыми онъ въ качествѣ старшаго командовалъ. Въ 1787 г. мы видимъ уже Аракчеева офицеромъ и учителемъ ариѳметики и геометріи въ томъ же корпусѣ.

У Аракчеева былъ сильный покровитель въ лицѣ Салтыкова; по рекомендаціи послѣдняго, онъ попадаетъ въ адъютанты къ Мелессино. Но начальникъ корпуса былъ свѣтскимъ человѣкомъ, стремился подобрать себѣ такихъ же адъютантовъ, и угрюмый служака пришелся не ко двору. Придумывая наилучшее средство избавиться отъ навязаннаго ему адъютанта, Мелессино рекомендуетъ Аракчеева великому кн. Павлу Петровичу въ его Гатчинское войско. Туда очень часто сбывались офицеры, которыхъ нужно было удалить начальникамъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

Тутъ таланты Аракчеева нашли себѣ всестороннее примѣненіе: онъ быстро усвоивалъ приказанія, быстро приводилъ ихъ въ исполненіе, не останавливаясь передъ самыми крутыми мѣрами. Ни съ кѣмъ не сходясь, Аракчеевъ весь отдался службѣ и сдѣлался правою рукой наслѣдника. Не даромъ его впослѣдствіи называли гатчинскимъ капраломъ. Разумѣется, онъ быстро повышался въ чинахъ. Его обычной тактикой было вѣчно взыскивать съ подчиненныхъ и засыпать наслѣдника, а потомъ и императора массой мелочныхъ донесеній. Всѣ были плохи, кромѣ его самого. Его любимой поговоркой было: „Только то и дѣлаютъ, что изъ-подъ палки“. „Вы бы хоть обмолвкою иногда кого-нибудь похвалили“, говорилъ ему Котлубицкій.

Аракчеевъ самъ очень много работалъ и хлопоталъ и старался другимъ задать какъ можно больше работы. Будучи генераломъ-квартирмейстеромъ при Павлѣ, онъ заставлялъ офицеровъ съ 7 час. утра до 7 час. вечера перечерчивать старые никому ненужные планы. Аракчеевъ съ жаромъ отдавался любимому занятію имп. Павла—строевому ученію. Это было тяжелое ученіе для солдатъ: не говоря о брани, генеральская трость безпрестанно ходила по рядамъ. Во время ученія Аракчеевъ былъ не только жестокъ, но не разъ проявлялъ признаки звѣрства. Онъ вырывалъ усы у солдатъ и на первомъ же разводѣ при императорѣ Павлѣ

откусилъ у солдата ухо. Въ опредѣленіи наказаній Аракчеевъ не зналъ мѣры. Сотня палокъ за несоблюденіе какой-нибудь мелочи въ строю или казармѣ, прогнаніе десятокъ разъ сквозь тысячу шпицрутеновъ—были обычными мѣрами наказанія.

По отношенію къ офицерамъ грубость Аракчеева доходила до пощечинъ въ строю. Невѣровскій, бывшій секретарь Аракчеева, разсказываетъ, что разъ, подавая графу бумаги для подписи, чѣмъ то не угодилъ ему и получилъ такого „подзубника", что ему показалось, будто бы голова его отлетѣла отъ тѣла. „Пришлось промолчать! На другой день подалъ въ отставку и слава Богу, что выпустили еще на волю".

Даже императоръ Павелъ удивлялся жестокости и грубости своего любимца. При всемъ томъ Аракчеевъ былъ очень труслив и въ своей жизни никогда не былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій—чуть ли не единственное исключеніе изъ офицеровъ и солдатъ того времени.

Сдѣлавшись всесильнымъ при императорѣ Александрѣ I, онъ проявлялъ свою жестокость и грубость по отношенію къ подчиненнымъ. Всѣ буквально трепетали предъ всесильнымъ временщикомъ. Генералъ Маевскій былъ назначенъ въ военное поселеніе по волѣ государя, повидимому безъ представленія самого Аракчеева. Онъ многимъ обязанъ былъ въ своей служебной дѣятельности Аракчееву и сравнительно съ другими относится къ нему мягко. Но все же онъ разсказываетъ о томъ, съ какимъ трепетомъ ожидалъ онъ перваго свиданія съ временщикомъ: „Во все это время лихорадочная дрожь не оставляла меня",—разсказываетъ онъ. Даже самое жилище Аракчеева въ своемъ устройствѣ заключало въ себѣ нѣчто такое, что заставляло трепетать. „Надобно замѣтить,—разсказываетъ тотъ же наблюдатель,—что храмъ или домъ Аракчеева весьма много похожъ на египетскія подземныя таинства. Въ преддверіи встрѣчаетъ васъ курьеръ и ведетъ, чрезъ большія сѣни, въ адъютанскую; отсюда, направо, собственная канцелярія государя императора, налѣво—департаментъ Аракчеева, а прямо пріемная. Вездѣ мистика, вездѣ глубокая тишина; даже на физіономіяхъ ничего болѣе кромѣ страха не отсвѣчивается. Всякій бѣжитъ отъ вопроса и отвѣта, всякій движется по мановенію колокольчика и почти никто не открываетъ рта. Это тайное жилище султана, окруженнаго нѣмыми прислужниками". Дѣйствительно, первая встрѣча, по крайней мѣрѣ

первый моментъ разговора былъ для представлявшагося генерала не изъ пріятныхъ. Аракчеевъ говорилъ рѣзко, со злостью, заявилъ ему, что его выбралъ самъ государь: „по мнѣ, выбери государь хоть козла, для меня все равно, лишь бы только онъ не умничалъ, а дѣлалъ то, что я приказываю... Я требую службы, слѣпого исполненія, а не умничанья“. Таковъ служебный лозунгъ, выставленный временщикомъ. Дѣйствительно, онъ не любилъ людей, которые въ исполненіе службы вкладывали свой умъ, свое соображеніе. Если такіе люди занимали мало-мальски видное служебное положеніе, Аракчеевъ въ нихъ усматривалъ конкурента своей власти. По запискамъ статсъ-секретаря Марченко, бывшаго правителемъ дѣлъ Комитета Министровъ, видно, какъ рѣзко Аракчеевъ относился къ нему только потому, что государь интересовался иногда мнѣніемъ своего статсъ-секретаря. Марченко приходилось много терпѣть отъ ревниваго къ своему вліянію графа. Упомянутый нами Маевскій,—человѣкъ недалеко подвинувшійся на служебномъ поприщѣ—не разъ испыталъ на себѣ эту ревность графа и только потому, что Маевскій иногда „умничалъ“ въ порученномъ ему дѣлѣ и выказывалъ умѣніе, которое пугало самого графа. При образованіи въ Новгородской губерніи военныхъ поселеній, Маевскій, къ которому графъ вообще весьма благоволилъ, безъ всякой оппозиціи со стороны населенія перевелъ на положеніе военныхъ поселянъ, обрилъ и одѣлъ 27 тысячъ человѣкъ. Графъ оказался страшно недовольнымъ. „Ты скоренько все дѣлаешь,—говорилъ онъ со злостью Маевскому,—ты вездѣ спѣшишь и хвастаешь, ты думаешь, что ты одѣлъ людей? Нѣтъ—я!“. И далѣе онъ перешелъ къ угрозамъ: „знаешь, что я съ тобою сдѣлаю? разотру, какъ пыль; я не такихъ училъ какъ ты... меня Европа, вся Европа трепещетъ. Ко мнѣ Богъ милостивъ. У меня одинъ только остался злодѣй—Гурьевъ; да и тотъ, слава Богу, околѣваетъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ, мнѣ не надо скороспѣлокъ. Мнѣ надо такой помощникъ, который бы не умничалъ, а исполнялъ слѣпо мои приказанія. Пусть онъ будетъ дуракъ, лишь бы дѣлалъ только то, что я велю“.

Уже изъ этого виденъ мстительный, подозрительный и жестокій характеръ Аракчеева. Это—факты. И современники, близко знавшіе графа Аракчеева, даютъ именно такого рода его характеристику. „Образъ мыслей графа,—говоритъ одинъ хорошо его знавшій современникъ,—столь же страненъ, какъ и характеръ

его. Онъ подозрителенъ до неимовѣрности; онъ не знаетъ различія между людьми и всѣхъ считаетъ, какъ одного. Ему кажется, что самое слово человѣкъ есть уже злоупотребленіе; ибо, по его мнѣнію, что ни человѣкъ, тотъ и воръ, что вся страсть его—брать и наживаться. Для этого то онъ ссоритъ одного съ другимъ, чтобы оба ему высказали... Но, можетъ, никто въ мірѣ не былъ столько обманутъ, какъ графъ". Тотъ же авторъ говоритъ о необыкновенной вспыльчивости Аракчеева, и злобности: онъ былъ „дѣятеленъ, какъ муравей, а ядовитъ, какъ тарантулъ". Если ему хотѣлось кого нибудь привязать къ себѣ, заставить у себя служить (къ нему на службу шли очень неохотно), онъ ласкалъ человѣка, давалъ ему всевозможныя обѣщанія, но укрѣпивъ у себя на службѣ,—превращалъ въ невольника. Будучи охотникомъ до мелочей, онъ вѣчно занимался мелочью: ссорилъ подчиненныхъ и, вывѣдывая тайны ихъ, обнаруживаетъ ихъ потомъ въ глаза, дѣлая ихъ непримиримыми врагами. Онъ окружилъ себя шпіонами для того, чтобы знать все, что ему нужно.

Такъ, этотъ человѣкъ обладалъ, кажется, всѣми качествами, чтобы отталкивать отъ себя. Даже наружность графа производила непріятное впечатлѣніе. „Фигура графа,—говоритъ одинъ современникъ,—которую я тогда увидѣлъ, поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми какъ щетка волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими страшно холодными и мутными глазами, съ толстымъ весьма неизящнымъ носомъ, формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видалъ усмѣшки или улыбки; верхняя губа была чисто выбрита, что придавало лицу еще болѣе непріятное выраженіе". Другой современникъ, Лубяновскій, короче характеризуетъ фигуру графа: онъ былъ похожъ „на большую обезьяну въ мундирѣ", а въ его сѣрыхъ впалыхъ глазахъ и во всемъ выраженіи лица свѣтилась „странная смѣсь ума и злости".

При такой несчастной наружности Аракчеевъ былъ весьма склоненъ къ женскому полу. Въ составѣ его библіотеки можно было найти книги въ родѣ слѣдующихъ: „Любовники и супруги", или „Мужчины и женщины и то и сіе", или „Читай, смекай, и, можетъ-быть, слюбится", „Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами"; даже посуда въ Грузинѣ свидѣтельствовала о

вкусахъ хозяина. На ней встрѣчались рисунки въ родѣ слѣдующихъ: „Любовь въ табатеркѣ“, „Венера въ бойнѣ“, „Любовь заставляетъ плясать трехъ грацій“ и т. п. Впрочемъ, на ряду съ книгами легкаго содержанія на полкахъ Аракчеевской библіотеки встрѣчались въ изобиліи и книги другого рода: „Сѣятель благочестія къ пользѣ живыхъ нынѣшняго и грядущаго, или высокая христіанская нравственность“, „Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ“, „О воздыханіи голубицы или о пользѣ слезъ“, „Великопостный конфектъ“ и т. п.

Несмотря на удивительную твердость характера и силу воли, Аракчеевъ самъ подпалъ вліянію извѣстной Анастасіи Минкиной.

Сколько бы ни приводили любопытныхъ особенностей склада характера Аракчеева, мы не уяснимъ себѣ его безъ знакомства съ Аракчеевымъ, какъ съ помѣщикомъ Грузинской вотчины. Грузино было подарено Аракчееву императоромъ Павломъ. Тутъ въ сферѣ помѣщичьяго хозяйства Аракчеевъ могъ проявить себя, всѣ свои склонности, вкусы, еще гораздо ранѣе того момента, когда онъ вступилъ въ управленіе государствомъ. Порядки Грузинской вотчины—прототипъ тѣхъ порядковъ (только въ меньшемъ масштабѣ), которые Аракчеевъ завелъ впослѣдствіи во всей Россіи. Тогдашній помѣщикъ былъ маленькимъ царькомъ въ своей вотчинѣ и могъ примѣнять свои законодательныя идеи къ своимъ рабамъ-крестьянамъ.

Прежде всего Аракчеевъ былъ очень аккуратнымъ хозяиномъ. Для памяти онъ отмѣчалъ всегда у себя, какая, гдѣ и когда куплена вещь, даже самая мелкая вещица. Люди обязаны были ему доносить особыми рапортами о сохранности каждой вещи. Аракчеевъ былъ очень скупъ, и въ періодъ расцвѣта своей государственной силы находилъ время заботиться о продажѣ своего стараго фрака.

Вся жизнь грузинскаго дома и всѣхъ вѣрноподданныхъ рабовъ графа подверглась самой строгой регламентаціи. Для крестьянскихъ построекъ былъ выработанъ однообразный планъ и вся деревня была построена по этому плану. Жизнь деревни регулировалась множествомъ письменныхъ приказовъ графа и даже печатныхъ сложныхъ регламентовъ. По этимъ регламентамъ, напр., улицы должны были содержаться въ чистотѣ и опрятности. Для этой цѣли графскимъ указомъ въ 1815 году крестьянамъ воспре-

щено было держать свиней. Среди полей и лѣсовъ вотчины были проведены шоссе. Было издано даже цѣлое положеніе о метелкахъ, коими подметались улицы. Указы содержали въ себѣ точное предписаніе относительно крестьянскихъ домовъ, когда и чѣмъ красить крыши, лѣтомъ воспрещалась топка печей въ избѣ (лѣтнія печи были на дворѣ), кровати должны быть съ занавѣсками, а форточки должны быть открытыми въ извѣстные часы дня; ежедневно требовалось подметаніе мостовыхъ; распредѣлены были работы въ крестьянской семьѣ: старшая хозяйка должна была смотрѣть за скотомъ и пр., крестьянскія семьи должны были содержать извѣстное количество скота, опредѣленное графскимъ уложеніемъ. Аракчеевъ заботился и о благосостояніи крестьянъ, даже завелъ мірской банкъ.

Регламентами графа охвачены были всѣ стороны крестьянской жизни. „У меня всякая баба,—пишетъ графъ въ одномъ приказѣ,—должна каждый годъ рожать, и лучше сына, чѣмъ дочь. Если у кого родится дочь, то буду взыскивать штрафъ. Если родится мертвый ребенокъ или выкинетъ баба—тоже штрафъ. А въ какой годъ не родитъ, то представь десять аршинъ точива (холста)“. Аракчеевъ не терпѣлъ въ своей вотчинѣ холостыхъ и вдовыхъ крестьянъ. Къ первому января ежегодно ему представляли списки неженатыхъ и списки незамужныхъ. Въ этихъ спискахъ онъ опредѣлялъ, кого женить, иногда и на комъ. Если кто-нибудь изъ предназначенныхъ къ женитьбѣ не соглашался, то слѣдовала краткая резолюція „согласить“. Нѣкоторыя резолюціи его очень оригинальны; въ одномъ случаѣ уже на просьбу о разрѣшеніи вступить въ бракъ встрѣчаемъ: „не позволяю за грубость брата“. Если кто не зналъ изъ вступающихъ въ бракъ молитвъ, то встрѣчается обѣщаніе „больно высѣчь“. Для грузинскихъ крестьянъ брачная повинность была нелегкой. Аракчеевъ очень не любилъ, когда не выполнялись его предписанія о рожденіи дѣтей. Встрѣчаемъ извинительную записку даже дворецкаго, такъ сказать перваго министра въ вотчинѣ, въ такомъ родѣ: „У меня, ваше сіятельство, родилась дочь, и я боялся о томъ донести, потому что противу желанія моего родилась дочь, а не сынъ“.

Грузинскій вотчинникъ, кажется, былъ доволенъ процентомъ рождаемости, но съ трудомъ боролся со смертностью младенцевъ. Онъ издалъ „Краткія правилы для матерей-крестьянокъ Грузин-

ской вотчины". Эта печатная книжка состоитъ изъ предисловія и 36-ти параграфовъ наставленій, большею частью элементарныхъ правилъ гигіены дѣтскаго возраста. Книжка должна была быть прочитана всѣмъ бабамъ вотчины, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Сверхъ того, священникъ при крещеніи младенца обязанъ былъ прочитать бабѣ это наставленіе. За исполненіемъ правилъ наблюдаетъ старшина деревни, обходитъ избы, осматриваетъ дѣтскія колыбельки и рожки и вообще строго понуждаетъ матерей исполнять правила.

По тогдашнимъ понятіямъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ, Аракчеевъ долженъ былъ считаться дѣльнымъ хозяиномъ: онъ старался извлекать всѣми способами доходъ изъ своихъ крестьянъ. Онъ обучалъ дворовыхъ мальчиковъ для того, чтобы по хорошей цѣнѣ сдавать мастеровыхъ въ наемъ; не стѣснялся поднимать оброкъ съ своихъ крестьянъ и успѣлъ его въ теченіе 20 лѣтъ (1797—1818 гг.) удвоить, поднявъ съ девяти до восемнадцати рублей съ души.

Сложное законодательство Грузинской вотчины не было для крестьянъ пустымъ звукомъ. У Аракчеева была составлена сложная система доносовъ и наблюденія надъ крестьянами. Малѣйшее нарушеніе правилъ наказывалось съ утонченною жестокостью, которая даже для того времени была выдающеюся. Аракчеевъ требовалъ, чтобы вотчинный голова во всякой деревнѣ имѣлъ вѣрныхъ людей для тайнаго наблюденія за поведеніемъ крестьянъ. Онъ всячески поощрялъ доносы, при чемъ графскіе рескрипты бывали милостивы къ доносчикамъ и разъяснили имъ богоугодность ихъ дѣла. „Надобно и всегда быть таковымъ,—пишетъ графъ одному доносчику,—и обо всемъ доносить, что есть дурного. Таковая усердная служба и Богу пріятна и мною не оставлена будетъ безъ вознагражденія".

Какъ во всемъ, Аракчеевъ былъ точенъ и въ системѣ наказаній, которымъ велись особые журналы. Кромѣ того, у каждаго изъ дворовыхъ была въ карманѣ особая „винная книжка", въ которую заносились всякія малѣйшія упущенія.

Брань и личное воздѣйствіе графа были лишь самыми незначительными, пустыми наказаніями. Онъ часто прибѣгалъ къ ссылкѣ крестьянъ на цѣлыя недѣли на кирпичные заводы, на женщинъ и дѣвушекъ надѣвалъ самую грубую одежду, на шею рогатку и въ такомъ видѣ заставлялъ ихъ молиться въ соборѣ

передъ народомъ. Въ Грузинѣ для болѣе важныхъ преступниковъ находилась особая тюрьма—темное, сырое, холодное и узкое помѣщеніе, въ которомъ виновные сидѣли по недѣлямъ, мѣсяцамъ и болѣе. Система тѣлесныхъ наказаній была также сложная. Въ Грузинѣ въ графскомъ арсеналѣ всегда стояли кадки съ разсоломъ, въ которомъ мокли розги, палки. Для наказанія дворовыхъ у него была такая градація. За первую вину онъ наказывалъ дворовыхъ на конюшнѣ; за вторую онъ отправлялъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ виновнаго наказывали особыми толстыми, „аракчеевскими“ палками; за третью вину наказаніе производилось предъ кабинетомъ графа особенными спеціалистами: это было самое ужасное истязаніе. Несмотря на то, что градація наказаній была строго установлена, и палачи не осмѣлились бы ея нарушить, Аракчеевъ не забывалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ напомнить, что подлежащаго наказанію надо „хорошенько высѣчь“. За физическимъ наказаніемъ слѣдовало нравственное. Наказанный писалъ графу письмо, въ которомъ „презрѣнный преступникъ“ выражалъ сокрушеніе о своей винѣ и давалъ обѣщаніе, какъ „презрѣнный и вѣрноподданный рабъ“, исправиться.

При всей своей жестокости Аракчеевъ проявлялъ склонность къ сентиментализму: любилъ слушать пѣніе соловьевъ и въ заботѣ о нихъ въ 1817 году былъ изданъ приказъ графа повѣсить въ Грузинской вотчинѣ всѣхъ кошекъ.

Чтобы получить понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находилось тогда государство, нужно себѣ представить, что Аракчеевъ съ пріемами грузинскаго вотчинника приступилъ къ управленію государствомъ.

Но прежде всего интересенъ вопросъ: что сближало императора Александра I съ его временщикомъ и что внушало довѣріе къ Аракчееву у императора? Тутъ на первомъ мѣстѣ нужно отмѣтить старинную дружбу обоихъ. Еще будучи гатчинскимъ капраломъ, Аракчеевъ успѣлъ оказать рядъ услугъ Александру Павловичу. Письма послѣдняго не оставляютъ сомнѣнія въ дружескихъ его чувствахъ: это—трогательныя дружественныя письма, въ которыхъ великій князь называетъ Аракчеева не иначе, какъ „другомъ“, выражаетъ „большое нетерпѣніе“ повидаться съ нимъ и т. п. Это была очень интимная дружба, извѣстная только Павлу. Уже въ моментъ агоніи императрицы Екатерины II Павелъ, соединивъ руки Аракчеева и Александра, сказалъ обоимъ: „Будьте

навсегда друзьями". Впрочемъ, либеральствующій наслѣдникъ престола при гвардейскихъ офицерахъ называлъ Аракчеева не иначе, какъ мерзавцемъ. Предсказаніе Павла сбылось. Въ 1820 году императоръ Александръ I имѣлъ полное право писать своему другу: „Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ и что я не перемѣнчивъ".

Кромѣ старинной дружбы у обоихъ были и еще мотивы для тѣснаго сближенія. Аракчеевъ былъ едва ли не единственный изъ генераловъ, близкій къ императорской семьѣ и оказавшійся „чистъ душою и тѣломъ" по отношенію къ ночному событію 11 марта 1801 года. Александръ I не довольствовался преданностью вѣрноподданныхъ самодержавнаго царя: онъ искалъ личныхъ привязанностей. Аракчеевъ именно былъ личнымъ другомъ государя, проявлялъ „собачью преданность", какъ ее тогда же опредѣляли. Когда въ 1812 году многіе сановники обратились къ Аракчееву воздѣйствовать на государя въ смыслѣ удаленія императора изъ дѣйствующей арміи, доказывая, что въ противномъ случаѣ отечество находится въ опасности, Аракчеевъ искренно воскликнулъ: „Что мнѣ отечество! Скажите, не въ опасности ли государь?"

Не только характеромъ своей привязанности, но и другими чертами Аракчеевъ отличался отъ толпы придворныхъ и тѣми именно качествами, которыя цѣнилъ Александръ I. Государя окружали люди, которые въ приближеніи къ государю искали удовлетворенія своему корыстолюбію или честолюбію. Такихъ придворныхъ Александръ I презиралъ. Аракчеевъ не былъ корыстолюбивъ, довольствуясь всю жизнь сравнительно небольшой Грузинской вотчиной. Его нельзя упрекнуть въ казнокрадствѣ, къ чему тогда рѣшительно всѣ прибѣгали. Управляя всѣмъ государствомъ, что всѣ видѣли, онъ, однако, не заслонялъ собою фигуру императора. Біографія Александра I можетъ показать многочисленными фактами, что императоръ уважалъ и цѣнилъ такія отношенія къ нему.

Но, кромѣ того, оба друга имѣли много общаго въ смыслѣ общности вкусовъ. Ихъ объединяли прежде всего культъ императора Павла и ненависть къ Екатеринѣ II. Оба были страстные любители солдатской муштры и въ ней одной видѣли задачу военнаго дѣла. Оба они цѣнили точность, исполнительность и сами были проникнуты тѣми же качествами. При всемъ томъ Аракчееву

нельзя отказать въ умѣніи приспособляться ко вкусамъ своего высокаго друга; въ первые годы либеральнаго управленія Аракчеевъ высказываетъ большую нѣжность къ угнетеннымъ, даже пишетъ проектъ, клонившійся къ облегченію крѣпостного права; во вторую половину царствованія онъ впадаетъ въ мистицизмъ.

Само собой разумѣется, что Аракчееву нельзя отказать въ умѣ и въ изумительной способности къ дѣятельности. Направлять по своему, часто за спиной у императора, правительственную машину, умѣть удержаться въ довѣріи у такого подозрительнаго и измѣнчиваго по своимъ симпатіямъ человѣка, какимъ былъ императоръ,—для всего этого нуженъ былъ умъ, и умъ не малый, знаніе людей, умѣніе приспособляться. Аракчеевъ умѣлъ проводить иногда сложную интригу, сложную придворную игру, что тоже не удается безъ извѣстнаго рода способностей. Но это былъ своеобразный умъ, весь направленный на изысканіе мелочей и на удовлетвореніе самолюбія и честолюбія тѣмъ, чтобы удерживать неизмѣнно свое всесильное вліяніе. Даже эта мелочность Аракчеева совпадала, какъ мы знаемъ, со многими особенностями характера Александра.

Наконецъ, императору Александру былъ нуженъ Аракчеевъ. Дружба между ними всегда была. Но императоръ, самъ будучи человѣкомъ твердаго и эгоистическаго характера, привлекалъ къ себѣ людей и предоставлялъ имъ власть въ мѣру того, насколько они были ему нужны. Профессоръ Кизеветтеръ въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ обратилъ между прочимъ вниманіе на тотъ характерный фактъ, что императоръ привлекалъ Аракчеева къ наибольшей дѣятельности и дарилъ его наибольшимъ довѣріемъ, какъ разъ тогда, когда ему нуженъ былъ человѣкъ, на котораго можно было бы наиболѣе положиться въ трудныя минуты государственнаго управленія, когда способность къ выслѣживанію, къ шпіонажу была особенно нужна по настроенію тогдашняго общества, когда, наконецъ, нуженъ былъ такой человѣкъ, который желѣзною рукой давилъ бы всякое движеніе въ обществѣ, всякое недовольство правительственной политикой. Въ самомъ дѣлѣ, Аракчеевъ впервые получилъ значительное вліяніе на дѣла сейчасъ послѣ Тильзитскаго міра, когда общество роптало на новый фазисъ въ политикѣ государства. Затѣмъ съ развитіемъ франко-русской дружбы и съ успокоеніемъ общества, вліяніе Аракчеева колеблется. Наконецъ, онъ дѣлается безсмѣн-

нымъ временщикомъ съ 1814 года, когда императоръ былъ весь поглощенъ мыслью о борьбѣ съ революціей въ Россіи и на Западѣ, когда наступила самая тяжелая реакція въ государствѣ и когда одновременно съ Аракчеевымъ на другомъ поприщѣ выдвинулся кн. Голицынъ. Прибавимъ, что Александру былъ нуженъ Аракчеевъ еще и для того, чтобы закрыться имъ отъ общества, нуженъ былъ такой вѣрный человѣкъ, который угнеталъ бы общество и, чтобы ропотъ отъ этого гнета переносился не на императора, а на Аракчеева. Этого императоръ Александръ достигъ. Рукою Аракчеева, вызывая сильнѣйшее негодованіе противъ него, императоръ руководилъ и направлялъ политику государства. Въ бумагахъ Аракчеева послѣ его смерти было найдено не мало такихъ черновиковъ, которые написаны самимъ императоромъ, но соотвѣтствущія распоряженія вышли за подписью Аракчеева. Вотъ для чего нуженъ былъ Александру I Аракчеевъ. Такъ было и съ самымъ ненавистнымъ для современниковъ учрежденіемъ—съ военными поселеніями. Всѣ приписывали ихъ Аракчееву, имя его было проклинаемо современниками и потомствомъ, но въ дѣйствительности, какъ это теперь только можно положительно показать, военныя поселенія возникли по идеѣ императора и черезъ Аракчеева, его именемъ, направлялись самимъ государемъ.

Вотъ всѣ качества, которыя соединяли императора и временщика—этого, по опредѣленію Карамзина,—„вреднѣйшаго человѣка въ государствѣ“. Современникамъ казалось, что Аракчеевъ своей тусклой фигурой заслонилъ Россію отъ ея государя.

Даже въ русской исторіи трудно подыскать другой примѣръ столь продолжительнаго и безграничнаго довѣрія къ временщику. Государственный Совѣтъ потерялъ всякое значеніе. Министры не имѣли доступа къ государю за исключеніемъ Нессельроде и кн. Волконскаго. Только униженіе передъ Аракчеевымъ могло доставить возможность министру явиться съ личнымъ докладомъ къ императору. О частныхъ лицахъ говорить нечего. Передняя временщика сдѣлалась центромъ, куда съ четырехъ часовъ утра стекались правители и вельможи государства. Вся государственная дѣятельность направлялась Комитетомъ Министровъ, по которому докладчикомъ былъ графъ Аракчеевъ. Отмѣтки государя на протоколахъ Комитета хорошо разъясняютъ значеніе Аракчеева. Большинство статей протоколовъ сопровождаются помѣтками Аракчеева объ его согласіи или несогласіи съ постановленіями

Комитета Министровъ, и надъ этими помѣтками встрѣчаемъ аналогичныя резолюціи государя.

Вліяніе Аракчеева сказывалось на всемъ строѣ государства, въ подборѣ правительственныхъ лицъ и въ устраненіи тѣхъ, кто былъ ему не угоденъ. Аракчеевъ дѣйствовалъ черезъ этихъ поставленныхъ имъ лицъ. Но непосредственнымъ проявленіемъ его дѣятельности были военныя поселенія.

Мы познакомимся съ этой стороной дѣятельности тогдашняго правительства, такъ какъ она является характернымъ выраженіемъ всего режима.

Идея военныхъ поселеній не была абсолютной новостью. Она бродила въ умахъ многихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка. Основныя черты ея можно отмѣтить въ замѣткахъ императора Павла, у польскаго публициста Сташица, наконецъ, въ устройствѣ австрійской военной границы.

Въ Россіи военныя поселенія были, безъ сомнѣнія, заведены по мысли самаго императора Александра. Между прочимъ можно указать на компетентное свидѣтельство генерала Маевскаго, который вмѣстѣ съ Аракчеевымъ читалъ проэктъ образованія военныхъ поселеній, собственноручно написанный государемъ.

Въ 1825 году появилась брошюра знаменитаго Сперанскаго о военныхъ поселеніяхъ. Въ этой брошюрѣ излагаются причины военныхъ поселеній и выгоды, изъ нихъ происходящія. Среди причинъ для устройства поселеній авторъ указываетъ: неудобство рекрутскихъ наборовъ, необходимость разрыва семьи при уходѣ въ солдаты, безпріютность солдатъ въ отставкѣ, вредъ, доставляемый земледѣлію и промышленности наборами, наконецъ, трудность для государства содержать войско. Среди выгодъ отъ поселеній указано: уменьшеніе государственныхъ расходовъ по содержанію войскъ, увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, переходъ этихъ надѣловъ въ собственность крестьянъ и, наконецъ, тотъ фактъ, что солдатъ не отрывается отъ хозяйства и семьи. Но это—идеальная сторона дѣла. Суть была не въ ней, а въ той практикѣ, при помощи которой заводились военныя поселенія и которая была установлена для поддержанія строя въ самихъ поселеніяхъ.

Поселенія начались въ 1810 году превращеніемъ Бобылецкаго Старостства Могилевской губерніи въ военное поселеніе. Съ 1816 года военныя поселенія стали проводиться въ широкомъ

масштабѣ. Главнымъ штабомъ ихъ оказалась Новгородская губернія. Введеніе поселеній производилось съ большою таинственностью, порождавшей тревожные слухи среди крестьянъ. Для послѣднихъ было ясно только одно, что ихъ забираютъ въ солдаты. Въ Холынской волости міръ рѣшилъ не исполнять приказаній Аракчеева и не допустить въ волость „прехитростнаго человѣка нѣмца Бухмара“ (генерала Бухмейстера). Написано было прошеніе царю о „защитѣ хрещеннаго народа отъ Аракчеева“, но оно успѣха не имѣло, и все дѣло окончилось жестокой расправой. Такъ, при образованіи Бугскихъ военныхъ поселеній, бывшее Бугское войско забушевало. Распространились разные преувеличенные слухи, и поселяне отказались исполнить высочайшую волю. 64 человѣка было приговорено къ смертной казни, которая была замѣнена ссылкой въ Сибирь. 1817 году вспыхнули волненія въ округѣ Новгородскихъ военныхъ поселеній. Особенно сильнымъ былъ Чугуевскій бунтъ въ 1819 году. Онъ начался случайно, по сравнительно мелкому поводу (военные поселяне отказались косить казенное сѣно для полковыхъ лошадей), но волненіе здѣсь очень скоро приняло весьма грозный характеръ, чему помогла и начавшаяся въ то время Харьковская ярмарка, куда передалось волненіе изъ Чугуева. Достаточно сказать, что правительству пришлось арестовать около 2,000 человѣкъ, изъ которыхъ 313 было предано суду. Результатомъ Чугуевскаго бунта было 275 осужденныхъ на смертную казнь, которыхъ Аракчеевъ, впрочемъ, „помиловалъ“, осудивъ ихъ прогнать по двѣнадцать разъ сквозь тысячу, то-есть моментальную смертную казнь замѣнилъ медленнымъ истязаніемъ, окончившимся для многихъ смертью.

Въ 1825 году военныхъ поселенцевъ было—90 новгородскихъ баталіоновъ, 36 баталіоновъ и 249 эскадроновъ слободско-украинскихъ полковъ.

Главное начальство надъ поселеннымъ войскомъ было ввѣрено Аракчееву. Регламенты для поселеннаго баталіона представляютъ собою полную аналогію законодательства Грузинской вотчины. Отъ ближайшихъ своихъ помощниковъ и подчиненныхъ Аракчеевъ требовалъ безусловнаго повиновенія. Не говоря о силѣ Аракчеева, у него были особыя средства для воздѣйствія—бланки съ подписью государя: на этихъ бланкахъ Аракчеевъ, по собственному признанію, могъ написать и то, что данное лицо лишается чиновъ и ссылается въ Сибирь, и то, что это лицо

награждается чинами и орденами. Аракчеевъ требовалъ безусловной строгости въ отношеніи начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ. И строгость была неумолимая. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказано начальниками. Шпіонство, съ одной стороны, и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противо ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, съ другой—ослабили совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными". Управы нельзя было ни у кого найти: во всемъ царилъ личный произволъ. Офицеры и начальники были опутаны массой регламентовъ. Аракчеевъ самъ слѣдилъ за опрятностью офицерскихъ квартиръ. По сообщенію тогдашняго врача, даже число зарегистрованныхъ больныхъ напередъ было регламентировано.

Жизнь крестьянъ и солдатъ была строго регламентирована. Крестьяне были превращены въ солдатъ, получили амуницію и ружья. Солдаты были посажены среди крестьянъ и получили сельскохозяйственныя орудія. Для первыхъ было трудно привыкать къ военной муштрѣ, вторые уже отвыкли отъ сохи. Мальчиковъ отрывали отъ семьи и сдавали въ особыя школы кантонистовъ. Вообще дѣти коренныхъ жителей считались военными кантонистами и, достигнувъ извѣстнаго возраста, записывались въ военную школу. Всѣ они „принадлежали полку".

Съ внѣшней стороны военныя поселенія могли удивлять своимъ благоустройствомъ. Военные поселяне надѣлялись отъ казны землею, домами, земледѣльческими орудіями, домашнимъ скотомъ и упряжью; довольствовались жалованіемъ и обмундированіемъ, получали въ первые годы поселенія провіантъ на себя, на женъ и дѣтей своихъ. Предполагалось, что поселенныя войска будутъ избавлены отъ похода, будутъ находиться постоянно среди своихъ семействъ, обезпеченные здоровой пищей и другими житейскими удобствами.

Села были отстроены по особому плану. Избы были похожи одна на другую, отличались чистотой и даже нѣкоторой изящностью постройки. На окнахъ обязательно занавѣски. Улицы шоссированы и чисто выметены. Въ поселеніи были бульвары, госпитали, богадѣльни, школы, заемные банки. Крестьянамъ отведены были большіе надѣлы. „Надобно признать,—говоритъ одинъ изъ бывшихъ начальниковъ поселенныхъ войскъ,—что въ этомъ

поселеніи все придумано ко благу человѣка: повивальныя бабки, родильныя, ванны, носилки, самыя отхожія мѣста—все царскія". Но тотъ же авторъ, генералъ Маевскій, указываетъ и на обратную сторону этого внѣшняго благоустройства. „Бережливость и чистота,—говоритъ онъ,—погребла пользу всего учрежденія. Въ больницѣ полы доведены были до паркетовъ и больные не смѣли прикоснуться къ нимъ, чтобы ихъ не замарать. Отъ этого то вошло въ пословицу, что „они ходятъ про себя чрезъ окно". У каждаго поселеннаго полка были богатая мебель и богатый серебряный сервизъ. Но мебель хранилась, какъ драгоцѣнность, на ней никто не смѣлъ сидѣть. Тоже самое было и съ офицерами: они не смѣли ни ходить, ни сидѣть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано для ихъ употребленія. Комнаты до половины не вмѣщали ихъ вещей и чердаки по большей части были ихъ комнатами. Графъ имѣлъ даръ стѣснить каждое состояніе и поселить такую ненависть, которая доходила до изступленія. Одинъ ужасъ связывалъ языкъ, но чувство отражалось на физіономіи. Читая одни приказы графа, почувствуешь уже невольный ужасъ и разницу между предположительнымъ счастьемъ и мучительнымъ требованіемъ".

Дѣйствительно, въ этихъ благоустроенныхъ домахъ поселеннымъ въ нихъ крестьянамъ жилось далеко не легко. Все было сдѣлано лишь для того, чтобы глазъ могъ восхищаться наружнымъ порядкомъ. Чистота и опрятность были доведены до совершенства. „Но, представьте себѣ, огромный домъ съ мезониномъ,—говоритъ одинъ изъ современниковъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища; представьте сжатое помѣщеніе—смѣшеніе половъ безъ раздѣленія; представьте, что корова содержится, какъ ружье, а кормъ въ полѣ получается за 12-ть верстъ; что капитальные лѣса сожжены, а на строеніе покупаются новые изъ Порхова, съ тягостнѣйшею доставкою; что для сохраненія одного деревца употребленъ сажень дровъ для обстановки его клѣткою,—и тогда получите вы понятіе о государственной экономіи. Но при этомъ не забудьте, что поселянинъ имѣетъ землю по названію; а общій его образъ жизни—ученье и ружье; что онъ, жена и дѣти, съ грудного ребенка, получаютъ провіантъ, и что все это пріобрѣтено милліонами казны. При томъ, отъ худого разсчета, или оттого, что корова въ два оборота дѣлаетъ въ день по 48 верстъ для пастбища,—опредѣлительно, падало всякій годъ

отъ 1,000 до 2,000 коровъ въ полку, чѣмъ лишали себя позема и хлѣбородія, а казна всякій годъ покупала новыхъ коровъ. Еще: всякій названный хозяинъ былъ не болѣе, какъ солдатъ, поступившій въ рекруты изъ другой губерніи".

При устройствѣ селеній, уничтожались всѣ препятствія, которыя могли помѣшать однообразію и внѣшней распланировкѣ. Для этого не щадились ни трудъ, ни привычки жителей, ни ихъ собственность. Крестьянскіе дома ломали, выравнивали въ линію. Всѣ не крестьяне должны были покинуть поселенія и удалиться въ другія мѣста. Такъ, многіе жители Чугуева, имѣвшіе тамъ дома, сады, лавки, огороды принуждены были переселиться въ другіе города при устройствѣ здѣсь военнаго поселенія. По разсказу поселеннаго офицера Мартоса, подъ поселенія часто отводились неудобныя для земледѣлія земли. Приходилось расчищать заросли и осушать болота. Въ мѣстности, гдѣ ранѣе могло существовать всего 720 душъ, поселена была еще тысяча. Надѣлы оказались очень удаленными отъ мѣста поселенія. Разумѣется, такія поселенія сами себя не могли прокармливать, и не одни солдаты, но и все населеніе оказалось на казенномъ пайкѣ.

Крестьяне были подчинены военнымъ законамъ и управленію офицеровъ. „Крестьяне были подчинены мнѣ,—пишетъ Мартосъ,— они вышли изъ всякой зависимости гражданскаго начальства: я творилъ судъ и расправу". Земля и движимое имущество отдавались въ полную „собственность", но поселенецъ долженъ быть хорошаго поведенія и непремѣнно женатъ, иначе баталіонный командиръ могъ отнять имущество. Такъ какъ желательно было развести какъ можно больше будущихъ поселенцевъ, то брачное дѣло находилось подъ особымъ попечительствомъ Аракчеева. Въ одномъ изъ своихъ предписаній онъ пишетъ: „Собрать свѣдѣнія о всѣхъ дѣвкахъ, пришедшихъ въ возрастъ, а равно и о вдовахъ. Запрещать дѣлать свадьбы безъ моего позволенія, а о всѣхъ свадьбахъ предоставлять ко мнѣ по данной формѣ; позволяется же дѣвкамъ и вдовамъ выходить замужъ и безъ моего позволенія за однихъ лишь солдатъ, коимъ выдавать на свадьбу по 25-ти рублей и доноситъ о томъ мнѣ".

Дѣло въ томъ, что мѣстныя женщины далеко не охотно выходили за поставленныхъ среди поселянъ солдатъ, потому что послѣдніе нерѣдко по окончаніи срока службы бросали своихъ женъ и дѣтей и уходили на родину. На практикѣ устройство

брака отличалось чрезвычайной простотой. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ одинъ поселенный офицеръ: „Полковникъ строитъ женщинъ въ одну, а солдатъ—въ другую противоположную линію и, называя солдата по имени, даетъ ему невѣсту, вызывая ее по имени. Брачные эти союзы никогда не согласовались съ выборомъ и согласіемъ сердца, но учреждались полковникомъ, который раздавалъ невѣстъ, какъ овецъ, судя по достоинству жениха. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на плодородіе и развратъ этого поселенія, тогда грѣхъ падетъ на Аракчеева“.

Всякій шагъ крестьянина-солдата былъ предусмотрѣнъ инструкціей. Ежедневно унтеръ-офицеры по утрамъ осматриваютъ всѣ дома, слѣдя за чистотою. Форточки должны были быть открыты въ опредѣленные часы дня. Лучина изгнана изъ употребленія. Кровати должны быть занавѣшены пологомъ. Всѣ вещи поселянина, говоритъ инструкція, должны находиться на узаконенныхъ для нихъ мѣстахъ. Очистка улицъ, подметаніе снѣга, починка тротуаровъ и бульваровъ, даже процедура выгона скота въ поле,—все подчинено было опредѣленнымъ правиламъ. Ночью по улицамъ ходили патрули.

За всякую неисправность крестьяне отвѣчали. Загорѣлась по неостпрожности бабы изба—резолюція начальника: „бабу высѣчь хорошенько“.

Съ внѣшней стороны въ поселеніяхъ господствовало однообразіе и щегольство: даже заслонки въ печахъ были съ амурами. При проѣздахъ императора устраивались парадные обѣды въ избахъ: поросенокъ и жареный гусь по задворкамъ переносились изъ избы въ избу. Аракчеевъ хотѣлъ вліять на публику и расположить ее къ военнымъ поселеніямъ и съ этой цѣлью издавалъ журналъ —„Семидневный листокъ военнаго поселенія учебнаго баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка“.

Вельможи, заискивавшіе у Аракчеева, восхваляли его мудрость въ устройствѣ военныхъ поселеній. Но тогдашнее общество и исторія оцѣнили ихъ иначе. Военныя поселенія были самымъ ужаснѣйшимъ видомъ рабства. Насколько оно было тяжело, доказывается большимъ процентомъ смертности (10%) и самоубійствъ среди поселенцевъ („апоплексическіе удары“ офиціальныхъ рапортовъ), наконецъ, психическихъ заболѣваній (меланхоліи, по рапортамъ). Военныя поселенія стоили очень дорого государству не только потому, что требовали большихъ казенныхъ средствъ

на свое содержаніе, но и потому, что отвлекали рабочую массу населенія отъ земледѣлія, а солдатъ—отъ военнаго дѣла. Военныя поселенія образовали касту, опасную для спокойствія государства. Страшный бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году, стоившій массы жертвъ съ обѣихъ сторонъ, былъ отвѣтомъ со стороны поселенцевъ на тѣ жестокости и притѣсненія, которыя они испытали.

ГЛАВА XVII.

Господство бюрократіи. Центральное управленіе.

Ко времени усиленія Аракчеева реакціонное направленіе въ дѣятельности правительства подходило постепенно къ области внутренней политики. Даже вообще трудно подмѣтить сколько нибудь рѣзкій переходъ въ отношеніяхъ правительства къ высшимъ учрежденіямъ и къ мѣстному управленію, въ начальные годы этого періода и во вторую его половину. Правда, въ первые годы выдаются нѣкоторые оазисы, какъ будто чувствуется стремленіе къ какой-то перемѣнѣ, много разговоровъ о реформахъ. Но отъ этого не измѣняется сущность дѣла. Весь періодъ все же даетъ поводъ утверждать, что въ результатѣ его нельзя найти ни одной свѣтлой и свѣжей мысли въ области администраціи. Въ теченіе всего періода со стороны главы правительства высказывается общее неудовольствіе существующимъ порядкомъ вещей и общее недовѣріе ко всѣмъ и къ прежнимъ и только въ это время созданнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Созданный XVIII-ымъ вѣкомъ порядокъ вещей постепенно разрушается и на его мѣсто создается нѣчто новое, что въ конечномъ итогѣ даетъ широкій просторъ произволу и отсутствію элементарныхъ формъ законности. Несмотря на блистательныя записки Сперанскаго, въ которыхъ онъ старался развить начало законности и убѣдить государя слѣдовать этимъ началамъ, весь механизмъ государственнаго управленія пріобрѣталъ навыки, сводившіеся къ нарушенію элементарныхъ началъ законности въ управленіи. Весь механизмъ высшаго государственнаго управленія теряетъ почву планомѣрной, созидательной работы и пріобрѣтаетъ характеръ случайныхъ правительственныхъ мѣръ и законопріятій. Административное усмотрѣніе становится выше закона, законы теряютъ элементарную прочность и быстро смѣняются. Зарожденіе такого порядка вещей тѣсно связано съ усиленіемъ бюрократическаго строя, который

свою опору получалъ въ министерствахъ. Исполнительная и по существу законодательная власть министровъ чрезмѣрно усиливается и выходитъ далеко за предѣлы предоставленнаго ей круга дѣйствій. Министерства и Комитетъ Министровъ постепенно пріобрѣтаютъ значеніе фокусовъ въ государственномъ управленіи и постепенно пріобрѣтаютъ характеръ такихъ учрежденій, которыя захватываютъ въ свои руки, и при томъ безконтрольно, весь ходъ правительственнаго механизма,—законодательство, судъ и администрацію.

Министерства являются единственно новымъ учрежденіемъ эпохи. Это учрежденіе наложило свою печать на весь правовой строй страны, придало ему своеобразный колоритъ, создало новый бюрократическій строй. Правда, мы привыкли къ той мысли, внѣдренной въ представленіяхъ историковъ еще со времени выхода замѣчательнаго сочиненія Градовскаго по исторіи генералъ-прокуратуры и высшей администраціи XVIII вѣка, что министерства создавались постепенно въ Екатерининскую эпоху и что тогда уже разлагался коллегіальный строй, созданный Петромъ Великимъ. Этотъ тезисъ безспоренъ. Но Екатерининская эпоха не оформила прерогативъ и предѣловъ министерской власти, и еще неизвѣстно, въ какую бы конкретную форму отлились тѣ начала, которыя бродили въ Екатерининскую эпоху. Во всякомъ случаѣ ясно, что Екатерининское законодательство стремилось оперется на мѣстные элементы—на коллегіи, созданныя въ губернскихъ учрежденія. Оно предоставляло этимъ учрежденіямъ широкую и самостоятельную власть. Далѣе, такъ называемые министры Екатерины II не заслоняли провинціи и законодательства всей имперіи отъ представителя верховной власти. Екатерина была противницей Сената и коллегій именно потому, что стремилась стать въ непосредственное соотношеніе съ провинціей. Намѣстники Екатерининскаго времени были поставлены столь высоко, что они не требовали надъ собою надзора въ лицѣ министровъ. Постепенное наростаніе къ концу царствованія Екатерины II значенія Непремѣннаго Совѣта указываетъ на возможность появленія при особѣ государя единаго законосовѣщательнаго органа. Такимъ образомъ естественное дальнѣйшее развитіе екатерининскихъ учрежденій могло дать иной порядокъ вещей: оно могло дать толчекъ къ сильному подъему дѣятельности на мѣстахъ, могло создать единое законосовѣщательное учрежденіе, могло создать единый высшій судъ въ

лицѣ Сената и такую министерскую власть, которая явилась бы только секретаріатомъ при особѣ монарха. Таковъ, повидимому, долженствовалъ быть логическій выводъ изъ тѣхъ началъ, которыя зарождались при Екатеринѣ.

Александровская эпоха, не поставивъ ясной задачей опредѣлить дѣятельность органовъ высшаго и мѣстнаго управленія, провела путемъ житейской практики такіе его пріемы и формы, которые тяжело легли на весь общественный и административный строй.

Начало такого порядка вещей положило учрежденіе министерствъ въ 1802 году. Мы уже знаемъ, что этотъ первый законъ о министерствахъ сохранялъ еще остатки старыхъ коллегій, возстановленныхъ при Павлѣ. „Министръ дѣйствуетъ въ коллегіи, какъ главный директоръ“,—писалъ мин. вн. дѣлъ Кочубей во всеподданнѣйшемъ докладѣ 18 іюня 1803 года. Въ этой характеристикѣ слишкомъ сгущены краски, такъ какъ учрежденіе 1802 года предоставляло министру достаточно широкое поле дѣйствій. Но уже изъ этого отзыва одного изъ сильнѣйшихъ министровъ видно, что представители тогдашнихъ министерствъ не желали имѣть при себѣ коллегіальнаго совѣщательнаго органа, обладающаго самостоятельностью. Дѣйствительно, Кочубей добился уничтоженія коллегій при своемъ министерствѣ, исчезли онѣ и при другихъ. Въ министерствахъ въ общихъ чертахъ установился порядокъ, проведенный Кочубеемъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и сохранившійся въ основныхъ чертахъ до настоящаго времени. Это порядокъ чисто чиновно-канцелярскій, при неограниченномъ повиновеніи канцеляріи министрамъ; воля министра при посредствѣ его канцеляріи передается по всѣмъ частямъ управленія. Но широкій кругъ дѣятельности каждаго министра, непомѣрно возрастающее количество канцелярій съ ихъ сложной перепиской усиливали значеніе этихъ передаточныхъ инстанцій. Бумажная дѣятельность замѣнила живое слово и живое сужденіе. Министръ физически могъ знакомиться съ результатами дѣятельности его многочисленныхъ подчиненныхъ органовъ только посредствомъ письменныхъ докладовъ и только письменнымъ же путемъ могъ изъявлять свою волю въ подчиненной ему области. Всѣ изслѣдователи единогласно отмѣчаютъ неимовѣрное увеличеніе бумажной переписки съ момента введенія министерствъ. „Вслѣдствіе учрежденія министерствъ,—говоритъ историкъ административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи Анучинъ,—дѣлопроизводство стало

неимовѣрно быстро усиливаться. По показанію Тамбовскаго губернатора, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этой губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія (XVIII) все дѣлопроизводство Земскаго Суда ограничивалось менѣе, чѣмъ 200 бумагами въ годъ, а въ двадцатыхъ годахъ (XIX) ихъ было въ томъ же уѣздѣ болѣе 10,000 въ годъ. Пропорціонально этому должно было усилиться и дѣлопроизводство губернскихъ правленій". Разросшееся дѣлопроизводство усилилось въ количествѣ и потеряло въ качествѣ, свелось на исполненіе одной формальной стороны: отъ министра до послѣдняго писца въ провинціи всѣ оказались подавленными механическимъ канцелярскимъ трудомъ, переписываніемъ и подписываніемъ бумагъ, не оставлявшимъ времени вникать въ сущность дѣла.

Такъ входилъ въ жизнь сложный бюрократизмъ. Мѣстное управленіе теряетъ характеръ подзаконнаго, и губернаторы являются лишь проводниками воли и личныхъ взглядовъ министровъ. Министерская власть стремится къ сильнѣйшей централизаціи. Эта централизація опирается на губернаторовъ. Власть послѣднихъ обезличивается, теряетъ законную почву, но въ то же время и усиливается, пріобрѣтая характеръ личнаго произвола,—поскольку губернаторъ умѣетъ приспособиться къ политикѣ своего министра или министровъ. Реальный надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ потерялъ всякое значеніе. Сперанскій въ своемъ „Введеніи къ Намѣстническому Учрежденію" слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ современное ему состояніе надзора за мѣстнымъ управленіемъ: „губернскія мѣста, т. е. губернское правленіе, казенная палата и губернскій судъ въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ за собою мѣстнаго надзора. Гражданскій губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстомъ ему равнымъ. Прокуроръ имѣетъ въ сихъ мѣстахъ одно право предъявленія." „Завися по опредѣленію своему отъ министра полиціи, а по мѣсту отъ всѣхъ министровъ, губернаторъ являлся исполняющимъ должность коммиссіонера по дѣламъ каждаго министра",—такъ опредѣляетъ министръ юстиціи Трощинскій положеніе губернатора въ Запискѣ 1814 года. Только генералъ-губернаторы пріобрѣтаютъ болѣе самостоятельный характеръ, но власть ихъ имѣетъ политическій характеръ и самостоятельность ихъ находится въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго личнаго довѣрія монарха.

Учрежденіе 1802 года не установляло отвѣтственности министровъ въ той формѣ, какъ она обыкновенно понимается. По отношенію къ Сенату, эта отвѣтственность была чисто юридической, и она не могла быть существенной, потому что министръ на всякую проектируемую имъ мѣру могъ испросить высочайшій указъ. У Сената не было средствъ контролировать дѣятельности министровъ. Уже первые годы существованія министерствъ дали поводъ высказать одному изъ наиболѣе образованныхъ государственныхъ дѣятелей того времени графу С. Воронцову горькую истину: съ учрежденіемъ министерствъ развилось „злоупотребленіе власти и министерскій деспотизмъ, отъ котораго блекнетъ все въ самой цвѣтущей странѣ, который оподляетъ людей и бываетъ виновникомъ дѣйствій, какъ подданныхъ, такъ и для самого государя“; по его убѣжденію, министерскій деспотизмъ „величайшее бѣдствіе, ужаснѣйшій бичъ, отъ котораго страждутъ подданные и ослабѣваетъ любовь ихъ къ государю: ибо угнетаемый человѣкъ сначала проклинаетъ министра—угнетателя, а потомъ перестаетъ любить государя, попускающаго своимъ ви зирямъ угнетать несчастныхъ подданныхъ“. Это были пророческія слова, сказанныя на зарѣ учрежденія министерствъ. Къ такому выводу приходили и нѣкоторые изъ добросовѣстныхъ министровъ, старыхъ екатерининскихъ дѣльцовъ. Стоитъ только вспомнить рѣзкую характеристику министерскаго деспотизма, сдѣланную Трощинскимъ въ его извѣстной Запискѣ въ 1814 году. Самъ большой самодуръ въ дѣлѣ управленія, министръ юстиціи Державинъ оставилъ въ своихъ запискахъ такую характеристику министерскаго деспотизма: „и пошла путаница день ото дня болѣе; все пошло по прихотливой волѣ каждаго министра, въ распоряженія коего никто не долженъ былъ вмѣшиваться, и спала съ г. г. министровъ всякая обузданность, а потомъ и забота, стали дѣлать, что кому захотѣлось“. Но про того же Державина извѣстный Растопчинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщаетъ: „мнѣ разсказывали очень смѣшное про Державина, что онъ бранитъ просителей за дурной слогъ ихъ прошеній и иногда, вмѣсто отвѣта по дѣлу, доказываетъ имъ ошибки противъ грамматики“.

Не имѣя отвѣтственности и получая обширную власть, основанную на личномъ довѣріи монарха къ министру, министерская власть дѣлала монарха отвѣтственнымъ за всѣ распоряженія его министровъ. По словамъ князя Чарторыйскаго, въ его извѣстномъ

письмѣ къ государю, государь взваливалъ на себя одного отвѣтственность не только за всякую мѣру, но даже и за исполненіе ее во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Государь стремился все сдѣлать самъ, при помощи своихъ министровъ вникать во всѣ мелочи управленія. Время государя было поглощено занятіями второстепенной важности: такое положеніе министра съ одной стороны предоставляло мало ему самостоятельности, съ другой вело къ развитію министерскаго деспотизма, ибо государь вынужденъ освящать авторитетомъ своей власти мѣры, придуманныя министрами. Оттого, по словамъ Кавелина, „высочайшею властью освящаются и получаютъ силу закона ошибки, фантазіи и злоупотребленія высшихъ и низшихъ административныхъ чиновниковъ; государь принимаетъ на себя то, за что по закону справедливости должны бы отвѣчать они“.

Учрежденіе министерствъ 1811 года не могло исправить тѣхъ недостатковъ, которые стали внѣдряться до него, ибо эти недостатки—естественная принадлежность неограниченной монархіи. Законопроэктъ Сперанскаго имѣлъ бы большое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы получилъ законодательную санкцію весь его органическій проектъ; Сперанскій весьма заботился объ отвѣтственности министровъ, рѣзко порицалъ ихъ безотвѣтственность, но онъ проэктировалъ отвѣтственность министровъ передъ политическимъ органомъ, Государственной Думой. Центральнымъ пунктомъ его записокъ является стремленіе обезпечить правомѣрность и закономѣрность въ дѣятельности министерской власти. Въ общемъ, въ своихъ проэктахъ Сперанскій стремится приблизиться къ англійской формѣ отвѣтственности, министерской власти, по которой министры отвѣтственны за каждый актъ верховной власти. Но даже и формы отвѣтственности, возможныя при неограниченной власти, не нашли себѣ примѣненія въ русской практикѣ. Уже общій Наказъ министерствамъ, сопровождавшій законъ о министерствахъ, повторяетъ собою коренные недостатки устанавливавшейся практики: въ основѣ министерская власть во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ непосредственно подчинена верховной власти, слѣдовательно послѣдняя отвѣтственна за дѣятельность министровъ.

Кромѣ личнаго вліянія каждаго министра на государя министерская власть, въ ея стремленіи къ расширенію своей компетенціи, пріобрѣла опору въ Комитетѣ Министровъ. Это учрежденіе

въ законѣ 1802 года мелькаетъ въ весьма неясныхъ очертаніяхъ. Сперанскій очень протестовалъ противъ него и въ его законопроектѣ нѣтъ министерскаго комитета. Это не мѣшало, однако, Комитету воскреснуть. Впервые Комитетъ Министровъ получилъ юридическое опредѣленіе въ наставленіи, данномъ ему государемъ 4-го сентября 1805 года. До этого времени Комитетъ собирался исключительно въ присутствіи государя, почему въ опредѣленіи его функцій не было надобности. Теперь наставленіе дано по случаю отъѣзда государя къ арміи. Комитету даны были весьма широкія полномочія. Въ него должны были поступать дѣла: 1) по которымъ министры представляютъ государю доклады; 2) которые государь самъ опредѣляетъ разсмотрѣть въ комитетѣ, и 3) которые министры внесутъ въ силу сомнѣнія. Послѣднее открывало возможность каждому министру, отступая отъ существующихъ законовъ, прикрывать свои дѣйствія протоколами Комитета. Въ дѣлахъ, нетерпящихъ отлагательствъ, Комитетъ приводилъ свои постановленія въ дѣйствіе, не ожидая утвержденія его протоколовъ государемъ. Указомъ 1803 года Комитетъ получилъ значеніе органа по дѣламъ высшей полиціи государства, что еще болѣе значительно расширило его вліяніе. Но вліяніе комитета основывалось не столько на полученныхъ имъ наставленіяхъ, сколько дѣятельность его расширялась путемъ практическимъ. Съ 1812 года, вслѣдствіе войны и сложныхъ дипломатическихъ сношеній все внутреннее управленіе государствомъ перешло въ Комитетъ. Предсѣдателемъ его сначала былъ очень покладистый придворный графъ Н. И. Салтыковъ, а впослѣдствіи князь П. В. Лопухинъ. Аракчеевъ былъ только членомъ Комитета, въ качествѣ предсѣдателя военнаго комитета Государственнаго Совѣта, но онъ былъ докладчикомъ государя по дѣламъ Комитета. Указомъ 1815 года Аракчеевъ былъ назначенъ „для доклада и надзора по дѣламъ Комитета“. Сначала для доклада только въ тѣхъ случаяхъ, когда престарѣлый князь Салтыковъ боленъ, а послѣ его смерти докладъ по дѣламъ Комитета перешелъ полностью къ Аракчееву. Форма надзора одного лица надъ цѣлымъ учрежденіемъ, состоявшимъ изъ министровъ, представляетъ собою оригинальное явленіе въ исторіи русской бюрократіи. Министры по существу своей дѣятельности, главнымъ образомъ, являются органами надзора; это лица, несомнѣнно долженствующія пользоваться довѣріемъ

государя. И въ то же время надъ ними устанавливается еще особый органъ надзора.

Въ этомъ и заключается тайна вліянія Аракчеева на всѣ государственныя дѣла. Протоколы Комитета Министровъ показываютъ, что противъ каждой статьи его постановленій Аракчеевъ писалъ свое мнѣніе, которое обыкновенно подтверждалъ государь. „Я согласенъ съ мнѣніемъ Комитета Министровъ“,—пишетъ, напримѣръ, Аракчеевъ. „И я равномѣрно согласенъ съ симъ мнѣніемъ“,—надписываетъ государь. Иногда надписи на протоколахъ носятъ характеръ обмѣна мнѣніями между государемъ и Аракчевымъ.

Хотя Комитетъ состоялъ изъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ государя, все же для нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ онъ представлялся государю учрежденіемъ, на которое нельзя было во всемъ положиться. Такова, напр., область финансовъ, которая указомъ 31 марта 1812 года должна была вѣдаться особымъ секретнымъ комитетомъ финансовъ, состоявшимъ изъ предсѣдателя Комитета Министровъ Н. И. Салтыкова, изъ министра финансовъ и одного или двухъ членовъ Совѣта. Этотъ Комитетъ долженъ былъ рѣшать финансовыя дѣла, требовавшія величайшей тайны. При рѣшеніи этихъ дѣлъ ему предоставлены были права Комитета Министровъ.

Усиливая свою власть, Комитетъ Министровъ изъ совѣщательнаго учрежденія по исполнительнымъ дѣламъ, постепенно превращается въ органъ, подавившій своимъ вліяніемъ Сенатъ и Государственный Совѣтъ и начавшій заниматься дѣлами не только административными, но также и судебными и главнымъ образомъ законодательными. Онъ подчинилъ своему личному вліянію всю мѣстную администрацію.

Надо прежде всего замѣтить, что въ основѣ своей министерская власть не долженствовала разрушать установившійся административный, судебный и законодательный строй XVIII вѣка. Министерства, повидимому, выросли изъ идеи надзора. Въ законѣ эта мысль не выражена вполнѣ рельефно, какъ основная задача министерскаго управленія. Но объ этомъ можно догадываться по отношенію императора къ первымъ министерствамъ: онъ очень цѣнилъ то обстоятельство, что въ лицѣ министровъ онъ нашелъ органы, съ которыхъ можно „взыскать“ за то или иное упущеніе. О главномъ назначеніи министерствъ, съ точ-

ки зрѣнія императора, можно догадаться еще и потому, что функціи Сената и Государственнаго Совѣта не были измѣнены съ учрежденіемъ министерствъ. Получилось такимъ образомъ своеобразное нагроможденіе однородныхъ органовъ высшей администраціи и полная несогласованность ихъ другъ съ другомъ. Зданіе администраціи не упростилось, но усложнилось: Совѣтъ, Сенатъ, министерства и Комитетъ Министровъ стояли рядомъ съ неразграниченной компетенціей, врываясь въ область вѣдѣнія другъ друга. Практикѣ предоставлено было выработать эти соотношенія и первенство получило то учрежденіе, которое ближе стояло, къ самодержавному монарху, имѣло у него личный докладъ и пользовалось большимъ его довѣріемъ.

Особенность въ смѣшеніи функцій на первое время заключалась въ томъ, что мѣстная администрація по прежнему находилась въ подчиненіи Сенату, а не министерствамъ. Законодательные акты 1802 и 1811 годовъ передавали въ вѣдѣніе министерствъ части управленія, но не мѣстные органы. Такимъ образомъ мѣстное управленіе не было подчинено ни одному изъ министерствъ, но по прежнему находилось въ компетенціи Сената. Но министерская власть вполнѣ естественно должна была опираться на исполнительность мѣстныхъ органовъ. Неопредѣленность такого положенія продолжалась первые тридцать лѣтъ XIX столѣтія и министерствамъ удалось только постепенно, путемъ частичныхъ измѣненій въ законодательствѣ и главнымъ образомъ путемъ административныхъ распоряженій, добиться полнаго фактическаго подчиненія себѣ органовъ мѣстной администраціи. На первое время министерства сами должны были обращаться къ содѣйствію Сената для того, чтобы побудить мѣстную администрацію исполнять тѣ или иныя ихъ предписанія. Такъ, въ первое время послѣ учрежденія министерствъ, губернаторы и другіе органы часто не желали доставлять въ министерства потребныя послѣднимъ свѣдѣнія. Въ 1803 году уже Сенату жалуются сначала министръ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ и финансовъ и Сенатъ указами предписываетъ исполнять требованія министровъ. Въ 1805 году министръ финансовъ жалуется Сенату, что Воронежская Казенная Палата не только въ переселеніи, но и въ надѣленіи крестьянъ землею поступаетъ не единообразно и противно собственному положенію. Сенату пришлось особымъ указомъ дать казеннымъ палатамъ предписаніе общаго характера. Даже къ концу изучае-

маго періода отношенія между министерствами и мѣстными органами не вполнѣ установились. Въ 1822 году министръ финансовъ не могъ добиться отъ казенной палаты исполненія сенатскаго указа и принужденъ былъ жаловаться Сенату на казенную палату. Постановленіемъ Комитета Министровъ 1809 года, т. е. уже законодательнымъ путемъ, министръ финансовъ добивается того, чтобы казенныя палаты отпускали деньги исключительно по ассигновкамъ изъ министерства; но этотъ законъ мало помогалъ, и въ 1811 году министръ финансовъ принужденъ былъ обратиться къ содѣйствію Сената, который особымъ указомъ предписываетъ губернаторамъ исполнять это положеніе. И другіе министры принуждены были поступать такимъ же образомъ, т. е. водворять свою власть надъ мѣстными органами путемъ частныхъ сенатскихъ указовъ. Такъ, въ 1820 году Совѣтъ Путей Сообщенія рапортовалъ Сенату о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ на мѣстахъ, вслѣдствіе нежеланія мѣстной администраціи исполнять его приказы.

Изъ органовъ мѣстной администраціи министерствамъ ранѣе другихъ былъ подчиненъ губернаторъ, тогда какъ губернскія правленія по прежнему относились только къ Сенату. Поэтому въ министерствахъ усваивается порядокъ непосредственнаго сношенія съ губернаторами съ тѣмъ, что послѣдніе уже требовали тѣ или другія данныя отъ губернскихъ правленій. Отъ этой двойственности, однако, получилась невообразимая путаница: министерства дѣлали свои распоряженія, Сенатъ—свои. На мѣстахъ не рѣдко распоряженія обоихъ центральныхъ органовъ оказывались въ противорѣчіи. Переписка усложнялась и породила необходимость созданія новыхъ канцелярій. Вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно расширялась власть губернатора надъ губернскими правленіями, именно потому, что губернаторъ являлся ближайшимъ представителемъ на мѣстѣ болѣе сильной центральной власти.

На первое время отношеніе министровъ и Комитета Министровъ къ высшимъ центральнымъ органамъ, Государственному Совѣту и Сенату, отличалось такой же неопредѣленностью. Всѣ три учрежденія конкурировали между собой.

Наказъ Непремѣнному Совѣту, опредѣлявшій характеръ дѣятельности этого учрежденія до 1810 года, рисуетъ широкую сферу его компетенціи въ предстоящей законодательной дѣятельности. Наказъ обращаетъ вниманіе Совѣта на положеніе и увели-

ченіе крестьянскаго сословія въ Россіи, на развитіе земледѣлія, промышленности и торговли, на народное просвѣщеніе и внѣшнюю политику и вообще на все внутреннее гражданское благоустройство; Совѣту предоставляется привести въ ясность коренныя части государственнаго управленія. И Совѣтъ, по справедливому замѣчанію его историка профессора Щеглова, въ извѣстной мѣрѣ могъ принять участіе въ законодательствѣ, не только какъ совѣщательное учрежденіе, но и посредствомъ возбужденія вопросовъ объ изданіи новаго закона, потому что онъ по тому же наказу имѣлъ право требовать отъ всѣхъ учрежденій подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ частей управленія и, на основаніи этихъ свѣдѣній, предлагать свои проэкты къ исправленію и довершенію управленія. Непремѣнный Совѣтъ бодро принялся за работу и графъ Завадовскій даже представилъ государю проэктъ составленія общаго плана законовъ, но этотъ проэктъ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Дѣятельность Совѣта встрѣтила сильное недовѣріе среди членовъ Неоффиціальнаго Комитета, а затѣмъ среди первыхъ министровъ.

Сперанскій, какъ мы знаемъ, стремился поднять и высоко поставить значеніе Государственнаго Совѣта. По его проэкту Государственный Совѣтъ долженствовалъ явиться однимъ изъ учрежденій конституціонной монархіи. Чрезъ него должны были проходить всѣ законы, уставы и учрежденія. Но въ дѣйствительности Совѣтъ не занялъ соотвѣтствующаго ему положенія. Парадная формула „внявъ мнѣнію Совѣта“ употреблялась всего два съ половиною года и только въ 31 манифестѣ. Государь далеко не всегда утверждалъ мнѣніе большинства Совѣта. Изъ 242 дѣлъ, разсматривавшихся въ Совѣтѣ въ періодъ съ 1810 года до кончины государя, по которымъ въ Совѣтѣ было разногласіе, государь утвердилъ мнѣніе меньшинства по 83 дѣламъ; среди утвержденныхъ были и мнѣнія одного лишь члена. Между тѣмъ законъ 1810 года во всякомъ случаѣ не уполномачивалъ государя выбирать между большинствомъ и меньшинствомъ Совѣта, такъ какъ предполагаетъ предлагаемыми къ утвержденію мнѣнія Совѣта, т. е. очевидно его большинства.

Кромѣ того въ своей дѣятельности Совѣтъ встрѣтилъ сильную конкуренцію въ лицѣ Комитета Министровъ. Мы уже видѣли, что Комитетъ занимался дѣлами законодательнаго характера, слѣдовательно не всѣ законы проходили черезъ Совѣтъ. Достаточно

привести хотя бы такой примѣръ, какъ выработка Комитетомъ продовольственнаго устава 1819 года. Безспорно, это крупная законодательная мѣра. Бывали случаи, когда Государственный Совѣтъ и Комитетъ разсматривали одно и то же дѣло, особенно по дѣламъ судебнымъ и оба учрежденія выносили противорѣчивыя постановленія. Вообще судебныя дѣла, разсматривавшіяся въ Государственномъ Совѣтѣ, не рѣдко переходили въ Комитетъ Министровъ и пересматривались здѣсь вновь. Значительно съузивъ, комитетъ не могъ окончательно поглотить дѣятельности Государ. Совѣта. И надо отдать справедливость послѣднему учрежденію, что и въ отведенной ему узкой области, онъ все же съумѣлъ проявить иниціативу въ дѣлахъ государственнаго управленія и народнаго хозяйства. Въ противоположность безсистемному механическому управленію министерствъ, въ дѣятельности Совѣта замѣчается стремленіе къ прогрессу: „Государственный Совѣтъ,—повторимъ слова профессора Щеглова,—стремился къ развитію частной иниціативы въ экономической жизни, за исключеніемъ казеннаго хозяйства, уравненію отправленія всякаго рода повинностей и уплаты податей разными сословіями, развитію торговли и промышленности, улучшенію земледѣльческой культуры, обезпеченію народнаго продовольствія, распространенію образованія во всей странѣ и развитію путей сообщенія. Государственный Совѣтъ ставилъ своей главной задачей въ сферѣ частнаго права сохраненіе выработавшихся исторически взглядовъ на основы семьи и исправленіе разныхъ ненормальныхъ въ ней отношеній. Совѣтъ такъ же развиваетъ далѣе общіе принципы русскаго имущественнаго и наслѣдственнаго права“.

Постепенно сокращающаяся къ концу царствованія дѣятельность Совѣта уже не разъ обращала на себя вниманіе историковъ. Оффиціальный историкъ этого учрежденія и за нимъ профессоръ Щегловъ готовы объяснить этотъ фактъ измѣненіемъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ императора и сотрудниковъ въ обѣ эпохи, на ряду съ задерживающимъ вліяніемъ внѣшнихъ отношеній на ходъ русской внутренней жизни. Но такое объясненіе едва ли вполнѣ уясняетъ намъ дѣйствительное положеніе вещей. Измѣнялись не идеи, но система. Непремѣнный Совѣтъ, а за нимъ частью и Государственный Совѣтъ, выросъ изъ идей XVIII вѣка, закономѣрность управленія и совѣщательное обсужденіе законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, были основнымъ ду-

хомъ этого учрежденія. Съ этимъ не могло примириться министерское начало, которое, какъ болѣе сильное, успѣшно конкурируетъ съ Совѣтомъ. Въ министерствахъ сказывается личное нерасположеніе къ Государственному Совѣту. Столкновенія Совѣта съ отдѣльными министрами неизмѣнно оканчивались не въ пользу коллегіальнаго учрежденія. Когда въ 1812 году разсматривался представленный министромъ финансовъ Гурьевымъ проэктъ устава о пошлинахъ и когда Совѣтъ высказался противъ устава, министръ не постѣснялся назвать мнѣніе Совѣта „неосновательнымъ произведеніемъ ума“. Не желая примѣнять „школьнаго краснорѣчія“, министръ требовалъ утвержденія законопроэкта, указывая на революціонную опасность, идущую съ Запада. И въ результатѣ этого столкновенія министра съ Совѣтомъ получился высочайшій рескриптъ, явившійся грознымъ выговоромъ цѣлому учрежденію: разсужденія департамента Совѣта признаны съ высоты престола „совершенно противными истинѣ и настоящему вещей положенію“, и департаменты получили упрекъ въ томъ, что не были достаточно освѣдомлены въ положеніи русскихъ финансовъ и одновременно упрекъ въ томъ, что осмѣлились потребовать отъ министра финансовъ всѣхъ „должныхъ свѣдѣній“. Въ 1822 году Государственный Совѣтъ снова получаетъ еще болѣе рѣзкій выговоръ отъ императора за „неприличіе“ въ сужденіяхъ отдѣльныхъ членовъ, заключавшееся, по мнѣнію государя, въ рѣзкости сужденій по адресу проэктируемыхъ министерствомъ мѣръ.

При такихъ условіяхъ постепенно сжималась компетенція Совѣта. Онъ получалъ отъ Комитета Министровъ только тѣ законопроэкты и тѣ дѣла, которыя Комитетъ находилъ нужнымъ ему передавать, но при этомъ ему ставилось въ обязанность рѣшать эти дѣла въ томъ направленіи, которое желательно отдѣльнымъ министрамъ. При такихъ условіяхъ и не можетъ быть планомѣрной программы, и жалкое положеніе Совѣта въ концѣ царствованія является вполнѣ естественнымъ.

Не менѣе характерна длительная борьба Комитета Министровъ съ Сенатомъ.

Мы уже знаемъ, что при неразграниченности функцій Сената отъ функцій министерствъ, его компетенція переплеталась съ компетенціей послѣднихъ. Несмотря на окружающее паденіе нравовъ администраціи и внѣдреніе бюрократическаго произвола, Сенатъ, поскольку онъ успѣвалъ проявить свою дѣятельность,

высоко ставилъ знамя борьбы съ произволомъ. Историкъ Сената, характеризуя его дѣятельность въ этомъ направленіи, обращаетъ вниманіе на рядъ указовъ Сената, въ которыхъ онъ, не въ формѣ разъясненія, а въ формѣ чисто административнаго начальственнаго распоряженія осуществляетъ функціи надзора и охраненія законности въ управленіи. „Нельзя въ достаточной мѣрѣ,— заключаетъ онъ, не воздать должное Сенату за его благородныя усилія влить свѣтъ въ далекія отъ честности нравы чиновничества того времени“. Онъ приводитъ рядъ примѣровъ, дѣйствительно подтверждающихъ его мнѣніе. Такъ, Сенатъ запрещаетъ чиновникамъ вступать въ откупы по тѣмъ вѣдомствамъ, гдѣ они служатъ, подтверждаетъ запрещеніе чиновникамъ быть повѣренными по частнымъ дѣламъ, поддерживаетъ въ губерніяхъ прокуратуру и т. д.

Но съ Сенатомъ Комитетъ Министровъ ведетъ особенно упорную борьбу. Рядомъ отдѣльныхъ указовъ уменьшается компетенція Сената и поглощается Комитетомъ Министровъ. Такъ, указъ 1808 года, согласно постановленія Комитета Министровъ, обязывалъ его заботиться о сохраненіи всеобщаго спокойствія и объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Этимъ указомъ были переданы Комитету Министровъ тѣ дѣла, которыя вѣдалъ, согласно закона 1802 г., первый департаментъ Сената.

Въ отношеніяхъ Комитета къ Сенату слѣдуетъ отмѣтить постоянное стремленіе Комитета или пересматривать вновь постановленія Сената, или даже рѣшать самостоятельно дѣла, по закону подлежащія вѣдѣнію Сената. Министры юстиціи усваиваютъ обычай, въ силу котораго они вносятъ доклады и рапорты Сената на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Иногда Комитетъ Министровъ передаетъ рѣшенія Сената для пересмотра въ Государственный Совѣтъ „для вящшаго удостовѣренія въ правильности такого рѣшенія“. Бывали и такіе факты, когда Сенату приходилось разсматривать дѣла, переходившія къ нему изъ министерствъ (дѣла о поставкахъ въ казну). Заключенія Сената по этимъ дѣламъ переходили обратно въ Комитетъ Министровъ, тамъ дѣло пересматривалось и Комитетъ высказывалъ свое мнѣніе объ основательности или неосновательности заключенія Сената. Такимъ образомъ, Комитетъ въ конечномъ итогѣ контролировалъ самъ своихъ членовъ даже въ вопросахъ о подрядахъ и поставкахъ. Комитетъ Министровъ иногда устанавливаетъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ Сенатѣ. Такъ, извѣстны случаи, когда Коми-

тетъ Министровъ дѣлалъ важныя опредѣленія по судоустройству и судопроизводству въ Сенатѣ.

Такимъ образомъ Комитетъ Министровъ стремится стать выше Сената и контролировать дѣятельность послѣдняго. Уже въ первые мѣсяцы существованія министерствъ, Комитетъ занимается толкованіемъ законовъ, относящихся къ дѣятельности Сената. Такъ, напр., онъ истолковалъ законъ о представленіи министрами отчетовъ въ Сенатъ, какъ требованіе закона о разсмотрѣніи этихъ отчетовъ въ общемъ собраніи Сената. Комитетъ пересматриваетъ рѣшенія Сената, отмѣняетъ ихъ или подтверждаетъ. Иногда Комитетъ пытается наблюдать за дѣятельностью Сената. Такъ, напр., извѣстны случаи, когда Комитетъ испрашивалъ у государя указы о побужденіи Сената къ скорѣйшему рѣшенію того или другого дѣла. По существу, это уже были выговоры Сенату. Когда Сенатъ составилъ инструкцію для сенаторовъ, ревизующихъ губерніи, то въ Комитетъ Министровъ былъ внесенъ такой же проэктъ инструкціи министромъ юстиціи, и государь утвердилъ эту послѣднюю инструкцію. Въ одномъ случаѣ по частному дѣлу нѣкоего Громыникова Сенатъ предложилъ ему возбудить противъ московскаго генералъ-губернатора графа Тормасова искъ на основаніи существующихъ законовъ. Разсматривая это дѣло, Комитетъ постановилъ сдѣлать сенаторамъ замѣчаніе, потому что Сенатъ не долженъ былъ объявлять истцу о его правѣ жаловаться въ низшихъ инстанціяхъ. Государь усилилъ наказаніе, приказавъ объявить сенаторамъ выговоръ, оберъ-прокурору—письменный выговоръ, оберъ-секретаря и секретаря посадить подъ арестъ. Вообще замѣтно, что государь во всѣхъ случаяхъ столкновеній Сената съ Комитетомъ Министровъ рѣзко поддерживалъ Комитетъ, или же отдѣльныхъ министровъ. Особенно рѣзкое столкновеніе Сената вышло съ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ по дѣлу извѣстнаго откупщика Злобина. Комитетъ постановилъ было довести о противорѣчащихъ, по его мнѣнію, рѣшеніяхъ Сената до свѣдѣнія государя, а оберъ-прокурору и оберъ-секретарю объявить строгій выговоръ. Между тѣмъ графъ Милорадовичъ въ Комитетѣ выступилъ противъ Сената съ цѣлымъ рядомъ обвиненій, указывая на то, что Сенатъ умышленно допускаетъ разнаго рода злоупотребленія, почему графъ требовалъ преданія оберъ-прокурора и оберъ-секретаря

суду. Государь согласился съ его мнѣніемъ, и тѣмъ самымъ высказалъ свое рѣзкое осужденіе дѣятельности Сената.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что постепенно падаетъ значеніе Сената и даже личный его составъ сдѣлался мишенью для остротъ представителей правящей бюрократіи, понизилось и значеніе указовъ Сената въ провинціи. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Салтыковъ въ одномъ изъ писемъ къ императору Александру I съ грустью замѣчаетъ, что „Правительственный Сенатъ, имѣя единую въ государственномъ учрежденіи обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ повелѣній правительства, соблюдая одно токмо имя правительственнаго сословія, преимущественно занятъ ревизіей судныхъ дѣлъ“. По словамъ сенатора Сумарокова, „Сенатъ лишился своего достоинства, данныя ему привилегіи обычаями измѣнились, а чрезъ это послушаніе отъ судилищъ пресѣклось. Не внемлютъ уже учащаемымъ отъ него предписаніямъ... Начальники удерживаютъ указы, не исполняютъ оныхъ. Нѣтъ имъ наказанія; однимъ словомъ, Сенатъ, сей надежный руководитель въ государствѣ, сдѣлался какою то непонятной инстанціей. Соблюдаются только формы, учащаются рапорты, номера безпрестанно умножаются, а по губерніямъ совершенный хаосъ“.

Такимъ образомъ, Комитетъ Министровъ выступилъ мощнымъ конкурентомъ Совѣту и Сенату въ ихъ законодательной и административной дѣятельности. Разрушеніе стараго строя шло путемъ захватовъ власти Комитетомъ Министровъ. Министры могли по произволу вносить дѣла то въ Совѣтъ, то въ Сенатъ, то въ Комитетъ Министровъ, игнорируя требованія законовъ, или добиваясь разрѣшенія отступить по данному дѣлу отъ точнаго смысла законовъ. Такого рода направленіе дѣлъ приняло характеръ произвола, тѣмъ болѣе пагубнаго, что создавало прецедентъ на послѣдующее время. Комитетъ Министровъ становился во главѣ управленія, суда и законодательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась безконтрольность дѣятельности отдѣльныхъ министерствъ. Между тѣмъ по законамъ 1802 и 1811 г.г. власть министровъ имѣла надъ собою надзирающую власть Сената и Государственнаго Совѣта. Постепенно министерства эмансипировались отъ контролирующей власти высшихъ учрежденій. Этого они достигли путемъ устраненія этихъ учрежденій отъ провѣрки отчетовъ министерствъ и путемъ усиленія власти отдѣльныхъ министровъ.

По учрежденію 1802 года министры обязаны были представлять годичные отчеты о своей дѣятельности въ Сенатъ. Къ первымъ отчетамъ министровъ Сенатъ отнесся очень внимательно и подвергъ ихъ основательной ревизіи. Но такихъ отчетовъ получилось въ Сенатѣ очень немного. Въ Сенатскомъ архивѣ имѣется восемь отчетовъ министерствъ за 1802 годъ и отчеты по семи министерствамъ за 1803 годъ, наконецъ, представлено еще было нѣсколько отчетовъ за послѣдующіе 1804—1810 г.г. Со времени учрежденія Государственнаго Совѣта по закону 1810 года отчеты министровъ должны были поступать въ это учрежденіе, но туда поступило только два отчета, отчетъ морского министра и отчетъ министра юстиціи. Исторія съ отчетами министровъ совершенно уясняетъ сущность отношеній между отдѣльными министерствами и контролирующими ихъ учрежденіями: министры просто не желали представлять отчетовъ и не исполняли требованія закона. Впрочемъ, даже и представленіе отчетовъ не могло бы дать повода для серьезнаго контроля министерской дѣятельности: при томъ униженіи, въ которое быстро впалъ Сенатъ, онъ не имѣлъ возможности провѣрить отчеты министра требованіемъ соотвѣтственныхъ донесеній съ мѣстъ, или отъ подчиненныхъ министрамъ учрежденій. На это затрудненіе Сенатъ натолкнулся при ревизіи первыхъ же отчетовъ, а Государственный Совѣта по существу своей власти не имѣлъ отношенія къ провинціальнымъ органамъ. При такихъ условіяхъ, при отсутствіи свободы печати, при отсутствіи общественной самодѣятельности и общественнаго самосознанія провѣрка представленнаго министромъ отчета и не могла бы имѣть значенія. Кромѣ того, уже въ Сенатъ стали поступать отчеты министровъ, одобренные государемъ. Само собой разумѣется, что критика подобнаго отчета теряла всякое реальное значеніе. Во всякомъ случаѣ, отдѣльные министры въ первое время искали предлоговъ для того, чтобы избавиться отъ представленія отчетовъ. Такъ, у министра финансовъ графа Васильева явилось сомнѣніе, можно ли въ Сенатъ вносить всѣ свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ государства, которые тогда считались тайной. Онъ обратился въ Комитетъ Министровъ и, конечно, Комитетъ рѣшилъ, что министръ финансовъ не долженъ вносить въ Сенатъ этихъ свѣдѣній въ своемъ отчетѣ.

Каждое отдѣльное министерство, не говоря уже о Комитетѣ Министровъ, старалось отгородиться отъ участія въ его дѣлахъ

высшихъ государственныхъ учрежденій. Бюрократическій произволъ министровъ сталъ выражаться въ томъ, что каждый изъ нихъ закрывался именемъ самодержавнаго монарха. Уже въ первые мѣсяцы существованія министерствъ, первый министръ юстиціи, Державинъ—тотъ самый, который такъ хорошо въ своихъ запискахъ характеризуетъ произволъ министровъ,—сталъ выказывать по отношенію къ Сенату всю силу своей власти. Онъ началъ съ того что относился къ сенаторамъ высокомѣрно, онъ самъ признается, что онъ отказывалъ сенаторамъ въ написаніи приговора, пользуясь или личнымъ распоряженіемъ императора (т. е. испросивъ его соизволеніе до разсмотрѣнія дѣла), или „объявляя волю его самъ собой", когда это ему казалось нужнымъ. Дальше этого, дѣйствительно, произволъ идти не могъ.

Всѣ министерства въ той или другой формѣ вели каждое по одиночкѣ и подъ прикрытіемъ Комитета борьбу съ высшими учрежденіями, отстаивая ихъ невмѣшательство въ вѣдомство министровъ. Но особенно любопытна борьба Министерства Финансовъ. Мы уже знаемъ, что графъ Васильевъ получилъ право не представлять въ Сенатъ отчетовъ о производствѣ нѣкоторыхъ расходовъ, считавшихся тайной.

Въ 1804 году тотъ же министръ финансовъ усумнился въ томъ, слѣдуетъ ли предавать „гласности" свѣдѣнія о всѣхъ доходахъ и расходахъ, представляя въ Сенатъ полную ихъ роспись: „вѣдая, сколь вещи сіи нѣжны суть",—министръ финансовъ не бралъ на себя смѣлости рѣшить, „есть ли удобность оныя во всемъ пространствѣ открывать". Дѣло шло о представленіи росписи сенаторамъ, но Комитетъ Министровъ, куда это дѣло перешло, призналъ, что эти свѣдѣнія подлежатъ тайнѣ, и государь утвердилъ его мнѣніе. Этимъ путемъ подробное разсмотрѣніе росписи доходовъ цѣликомъ было передано въ руки единоличной власти министра; дѣйствительно, послѣдующія росписки внесены министромъ финансовъ уже только въ Комитетъ Министровъ. Нѣсколько позже управляющій Министерствомъ Финансовъ Голубцовъ подноситъ на утвержденіе государя росписи государственнаго бюджета уже безъ разсмотрѣнія въ какомъ бы то ни было учрежденіи имперіи. Около этого времени русскіе финансы пришли въ совершенное разстройство, ассигнаціи пали въ цѣнѣ, появился большой дефицитъ. Къ дѣлу былъ призванъ Сперанскій, планъ финансовъ котораго былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣ-

томъ и утвержденъ государемъ. По этому плану, между прочимъ разсмотрѣніе бюджета непремѣнно должно происходить въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ подноситься на высочайшее утвержденіе. Но министръ финансовъ Гурьевъ, противникъ Сперанскаго и Мордвинова, постарался подорвать значеніе только что изданнаго законоположенія. Государемъ былъ изданъ указъ на имя министра финансовъ, въ силу котораго каждый изъ министровъ и управляющихъ отдѣльной частью могъ испросить непосредственно высочайшее повелѣніе на отпускъ отдѣльныхъ средствъ изъ чрезвычайныхъ суммъ. Болѣе того, въ 1812 году совершенно прекратилось внесеніе росписей на уваженіе Государственнаго Совѣта, и упомянутый нами особый Секретный Комитетъ разсматривалъ росписи до 1816 года, когда прежній порядокъ былъ вновь возстановленъ. Эта справка очень хорошо характеризуетъ процессъ постепеннаго усиленія власти отдѣльныхъ министровъ.

Не приводя примѣровъ изъ исторіи другихъ министерствъ, остановимся на усиленіи власти оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, такъ какъ именно въ этотъ періодъ Синодъ превратился въ министерство, управляемое оберъ-прокуроромъ. Въ теченіе XVIII столѣтія Синодъ въ общемъ занималъ достаточно самостоятельное положеніе и его оберъ-прокуроры не имѣли большого вліянія на ходъ Синодальнаго управленія. Въ началѣ царствованія Александра I, Синодъ состоялъ изъ весьма вліятельныхъ представителей церкви. Первоприсутствующимъ въ Синодѣ былъ митрополитъ Амвросій—одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ „прелатовъ“, которые такъ нравились Екатеринѣ II. Амвросій быстро выдвинулся при императорѣ Павлѣ и пользовался въ Синодѣ огромнымъ вліяніемъ. По дѣламъ Синода первоприсутствующій митрополитъ непосредственно обращался къ государю. Бывшій въ его время оберъ-прокуроръ Хвостовъ былъ смѣненъ Яковлевымъ. Яковлевъ былъ человѣкъ дѣятельный, энергичный, онъ впервые старался примѣнить къ Синоду пріемы министерскаго управленія. Будучи представителемъ государственнаго надзора за дѣятельностью Синода, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на синодальное хозяйство, въ которомъ немедленно нашелъ безпорядки и даже злоупотребленія. Это вмѣшательство очень не понравилось Синоду. Яковлевъ непосредственно черезъ близкаго къ государю Новосильцева обращается къ государю съ докладами по такимъ синодальнымъ дѣламъ, которые ранѣе разсматривались исключи-

тельно въ Синодѣ. Въ одномъ изъ своихъ первыхъ докладовъ государю, Яковлевъ уже настаиваетъ на томъ, чтобы на будущее время ему было разрѣшено въ хозяйственныхъ дѣлахъ поступать самостоятельно — „поступать по своему лучшему усмотрѣнію". Пока усмотрѣніе министра претендовало захватить только хозяйственныя дѣла. Къ крайнему неудовольствію и удивленію вліятельныхъ членовъ Синода, государь утвердилъ это домогательство оберъ-прокурора. Митрополитъ Амвросій даже пробовалъ частнымъ образомъ убѣждать Яковлева на будущее время всегда дѣйствовать согласно съ синодальными членами и не обращаться къ государю безъ предварительнаго совмѣстнаго обсужденія вопроса членами Синода. Духовный отецъ обѣщалъ Яковлеву сначала мірскія блага—ленту, повышеніе въ чинѣ, столовыя деньги, а когда это не подѣйствовало—угрожалъ. Но все это не дѣйствовало на ретиваго оберъ-прокурора. Дѣйствительно, на первыхъ же порахъ Яковлеву удалось увеличить синодальные доходы и тѣмъ соблюсти казенный интересъ. Онъ нашелъ между прочимъ крупные остатки отъ синодальныхъ средствъ и немедленно предложилъ государю обязать Синодъ возвращать остатки въ казну. Онъ нашелъ злоупотребленія въ продажѣ синодальныхъ книгъ и т. п.

Лишивъ Синодъ возможности по своему усмотрѣнію распоряжаться денежными суммами, новый оберъ-прокуроръ прибираетъ къ своимъ рукамъ синодальную канцелярію. Здѣсь опять произошло столкновеніе у него съ митрополитомъ Амвросіемъ, который ранѣе самостоятельно велъ сношенія отъ имени Синода съ другими учрежденіями. Яковлевъ даже предписалъ оберъ-секретарямъ синодальной канцеляріи не исполнять требованій митрополита о производствѣ канцелярскихъ справокъ и не сообщать ему никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній о положеніи тѣхъ или другихъ дѣлъ. Яковлевъ, далѣе, вмѣшивается въ производства слѣдствій по жалобамъ на мѣстныхъ преосвященныхъ. Онъ первый настойчиво проводитъ мысль о подчиненіи консисторскихъ секретарей непосредственно оберъ-прокурору Синода, но это ему не удалось. Наконецъ, Яковлевъ подошелъ къ кардинальному вопросу синодальнаго управленія. Онъ обвинялъ членовъ Синода въ томъ, что они избираютъ новыхъ синодальныхъ членовъ способомъ незаконнымъ и вреднымъ для интересовъ церкви. Онъ выступилъ со своимъ проэктомъ избранія членовъ Синода. Синодъ не согла-

сился съ нимъ, и тогда Яковлевъ обратился къ государю, который и утвердилъ его проэктъ. Къ этому надо прибавить, что между Синодомъ и Яковлевымъ происходили постоянные пререканія изъ-за массы мелочей. Дѣло окончилось тѣмъ, что члены Синода оффиціально просили государя замѣнить Яковлева другимъ лицомъ.

Всѣ эти дрязги и споры надоѣли императору и онъ въ концѣ концовъ удовлетворилъ настояніямъ синодальныхъ членовъ, увольнилъ Яковлева и назначилъ оберъ-прокуроромъ въ 1803 году хорошо извѣстнаго намъ кн. А. Н. Голицына. Тутъ произошло нѣчто такое, что весьма напоминаетъ басню о прошеніи царя.

Кн. Голицынъ былъ первымъ министромъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Спорить съ нимъ члены Синода не могли, такъ какъ Голицынъ пользовался огромнымъ довѣріемъ государя. Онъ вскорѣ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ важнѣйшія дѣла духовнаго вѣдомства. Синодъ не спорилъ съ „царскимъ наперсникомъ“ и „все утихло и духъ монарха водворился въ Синодѣ“. Новый оберъ-прокуторъ не употреблялъ крутыхъ мѣръ, но это не помѣшало ему привести синодальное вѣдомство въ полное подчиненіе. Князь Голицынъ пошелъ по стопамъ Яковлева и успѣлъ вскорѣ осуществить его стремленія на практикѣ. Онъ полновластно распоряжался синодальными суммами и только сообщалъ для свѣдѣнія Синода о своихъ распоряженіяхъ. Синодальная канцелярія превратилась въ его послушное орудіе. Оберъ-прокуроръ слѣдитъ за дѣятельностью духовенства на мѣстахъ, требуя отчетовъ и доношеній отъ секретарей духовныхъ консисторій; эти послѣдніе дѣлаются такимъ образомъ контролерами дѣятельности своихъ же преосвященныхъ. Онъ требуетъ, чтобы архіереи представляли ему свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ происшествіяхъ въ епархіи. Голицынъ вмѣшивается въ дѣло назначенія наградъ священникамъ епископами. Болѣе того, онъ ставитъ въ фактическую зависимость отъ себя архіереевъ, такъ какъ отъ его представленій зависѣло полученіе ими наградъ, перемѣщеніе съ одной каѳедры на другую. Наконецъ, съ 1805 года онъ взялъ въ свои руки назначеніе синодальныхъ членовъ: онъ объявилъ Синоду указъ государя о томъ, что преосвященные на будущее время вызываются въ Синодъ поочередно и исполняютъ здѣсь обязанности членовъ до полученія высочайшаго указа объ обратномъ возвращеніи въ епархію. Это означало, что оберъ-прокуроръ могъ

составлять Синодъ по своему желанію и удалять неугодныхъ ему епископовъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, кн. Голицынъ просто объявлялъ Синоду о состоявшихся высочайшихъ повелѣніяхъ и Синодъ принужденъ былъ только принимать эти повелѣнія къ свѣдѣнію. Иногда въ очень важныхъ случаяхъ Голицынъ устранялъ даже Синодъ отъ участія въ мѣропріятіяхъ, которыя долженствовали бы обсуждаться въ самомъ Синодѣ. Такъ, онъ устранилъ Синодъ отъ обсужденія имъ вопроса о реорганизаціи духовно-учебныхъ заведеній, испросивъ высочайшее соизволеніе на составленіе для этой цѣли особой комиссіи. Когда въ 1817 году было учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ тѣмъ же княземъ Голицынымъ во главѣ, то Синодъ оказался въ положеніи, такъ сказать, одного изъ департаментовъ этого обширнаго министерства. Правда, Синодъ получилъ особаго оберъ-прокурора въ лицѣ кн. Мещерскаго, но теперь оберъ-прокуроръ находился въ непосредственной зависимости отъ министра духовныхъ дѣлъ и былъ лишь исполнителемъ его предначертаній.

Кн. Голицынъ пошелъ дальше. Его личное обращеніе съ высшими представителями церкви нерѣдко имѣло цѣлью унизить это званіе. Митрополитъ Амвросій долженъ былъ оставить Петербургъ и удалиться въ Новгородскую епархію по слѣдующему невинному поводу: Александро-Невская лавра получила въ даръ, при погребеніи царевенъ Маріи и Елисаветы Александровнъ, покрывало, опушенное горностаемъ. Престарѣлый владыка сдѣлалъ себѣ мантію съ горностаевой опушкой отъ этого покрывала. Когда объ этомъ доложили царю (горностаевая мантія—„царское одѣяніе"), митрополитъ получилъ строгое замѣчаніе и совѣтъ подать просьбу объ увольненіи. Перейдя въ Новгородъ, владыка вскорѣ умеръ, потрясенный воздвигнутымъ противъ него гоненіемъ. Его замѣстителемъ нарочито былъ выбранъ извѣстный кротостью черниговскій архіепископъ Михаилъ. Однако, и онъ оказался, съ точки зрѣнія Голицына, слишкомъ ярымъ поборникомъ синодальныхъ правъ. Несогласія съ оберъ-прокуроромъ сильно дѣйствовали на здоровье митрополита. Передъ смертью, въ началѣ 1821 года, умирающій митрополитъ написалъ государю въ Лайбахъ горячее письмо, въ которомъ онъ старался изобразить опасности, угрожающія церкви отъ вмѣшательства въ ея дѣла

оберъ-прокурорской власти. Это письмо исполнено чувствомъ глубокой горечи.

Порядокъ, установленный кн. Голицынымъ въ его отношеніяхъ къ Синоду, сохранился въ теченіе всего XIX вѣка, и ослабленіе или усиленіе власти оберъ-прокурора оказалось въ зависимости отъ большей или меньшей мѣры вліянія и силы воли того или иного оберъ-прокурора.

Мы разсмотрѣли, какъ постепенно бюрократія усиливала свое могущество. Но спрашивается, каковъ же былъ результатъ этого усиленія? Прежде всего компетенція Комитета Министровъ чрезмѣрно разрослась, она стала такой неопредѣленной, такой всеобъемлющей, что при существованіи другихъ учрежденій все это производило путаницу и крайнюю неопредѣленность въ правительственныхъ дѣйствіяхъ. Это начинало сознавать и само Александровское правительство. Указъ государя 1811 года на имя Комитета Министровъ уже пробуетъ сдержать расширеніе его компетенціи. По поводу одного частнаго случая государь счелъ нужнымъ напомнить Комитету соотвѣтствующіе параграфы учрежденія министерствъ и Государственнаго Совѣта и требовать: „отнюдь не должны поступать въ Комитетъ представленія: ни по такимъ дѣламъ, кои по роду своему принадлежатъ до Совѣта, или до Правительствующаго Сената, ни по такимъ, разрѣшеніе коихъ на общихъ правилахъ зависитъ отъ самого министра“. Но этотъ указъ немедлено пришелъ въ забвеніе и прежде всего самъ императоръ нерѣдко, даже находя въ представленіяхъ Комитета указанія на необходимость внесенія того или другого дѣла на уваженіе Государственнаго Совѣта,—въ отвѣтъ на представленіе требовалъ составленія подлежащимъ министромъ проэкта указа, который и былъ немедленно утверждаемъ.

Расширеніе компетенціи Комитета совершенно станетъ понятнымъ, если присмотрѣться къ ходу его засѣданій. Министры въ Комитетѣ чувствовали себя совершенно не стѣсняемыми никакими предшествующими законами. Способъ рѣшенія дѣлъ въ Комитетѣ былъ самый простой, отличался, такъ сказать, семейнымъ характеромъ: попутно, по поводу того или другого мелкаго вопроса поднимались и окончательно рѣшались важнѣйшія дѣла законодательнаго характера; пришлось, напр., Комитету въ 1812 году разсматривать мелкій вопросъ—о включеніи въ аптекарскую таксу нѣкоторыхъ лекарствъ, и попутно былъ рѣшенъ вопросъ

о передачѣ и медико-хирургической академіи и медицинскаго совѣта имперіи изъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ же образомъ иногда рѣшались и другія дѣла.

Вообще разграниченіе компетенціи Комитета и Государственнаго Совѣта, а также и Сената тщетно было бы искать въ этотъ періодъ. Дѣла между ними распредѣлялись лишь по относительной ихъ важности. Другимъ признакомъ было то, гдѣ началось дѣло—въ Совѣтѣ или Комитетѣ. Разумѣется, такое распредѣленіе дѣлъ не имѣетъ юридическаго значенія.

Но конкурируя съ дѣятельностью другихъ высшихъ учрежденій, поглощая ихъ компетенцію своею, Комитетъ Министровъ въ то же самое время умаляетъ власть отдѣльныхъ министровъ. Не желая нести отвѣтственности, министры охотно вносили въ Комитетъ массу такихъ дѣлъ, которыя могли быть рѣшены властью каждаго отдѣльнаго министра. Складывавшаяся такимъ образомъ традиція въ конечномъ итогѣ парализовала дѣятельность отдѣльныхъ министерствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе монарха, утверждавшаго журналы Комитета, развлекалось массой мелочей, восходившихъ на его усмотрѣніе.

ГЛАВА XVIII.

Характеръ бюрократическаго режима. Мѣстная администрація.

Было, однако, въ составѣ учрежденій одно, съ которымъ Комитетъ Министровъ и власть отдѣльныхъ министровъ безуспѣшно боролись въ теченіе всего изучаемаго періода. Это—власть генералъ-губернатора.

Власть министровъ изучаемаго періода весьма осложнялась и уменьшалась властью намѣстниковъ или генералъ-губернаторовъ. По существу дѣла власть генералъ-губернаторовъ этого періода противорѣчила основамъ той реформы, которая была принята съ учрежденіемъ министерствъ. Министръ былъ органомъ надзора. Между тѣмъ въ провинціи въ лицѣ генералъ-губернатора появляется высшій органъ надзора, власть котораго сталкивается съ властью министра. Генералъ-губернаторъ—это министръ провинціи. По идеѣ, усвоенной еще Екатерининскимъ періодомъ, генералъ-губернаторъ являлся прежде всего органомъ надзора, который обязанъ былъ руководствоваться не столько писаннымъ закономъ, сколько здравымъ смысломъ и стремленіемъ принести населенію пользу. Между тѣмъ въ дѣйствительности генералъ-губернаторы не могли ограничиться однимъ надзоромъ, они стремились исправлять замѣченные ими недостатки и направлять дѣятельность мѣстныхъ властей. Уже съ екатерининскихъ временъ создалась традиція, въ силу которой генералъ-губернаторы не считали себя обязанными стѣсняться формальностью, писаннымъ закономъ, они считали подчиненными себѣ всѣ органы мѣстнаго управленія. Съ того же времени установился порядокъ, въ силу котораго генералъ-губернаторами назначились лица, пользовавшіяся особымъ довѣріемъ монарха. Это соблюдалось и при императорѣ Александрѣ, при которомъ во главѣ генералъ-губернаторствъ мы встрѣчаемъ особенно довѣренныхъ лицъ, какъ наприм. графа Милорадовича въ Петербургѣ, графовъ Растопчина

и Тормасова въ Москвѣ, герцога Ришелье, графа Воронцова, генерала Ермолова и, наконецъ, цесаревича Константина Павловича и др. Съ учрежденіемъ министерствъ немедленно стали замѣтны признаки борьбы между министерской властью и властью генералъ-губернаторовъ. Государь систематически поддерживалъ генералъ-губернаторскую власть и съ теченіемъ времени значеніе этой власти въ значительной мѣрѣ усиливается. Дѣйствительно, генералъ-губернаторы простирали иногда свою власть до того, что отмѣняли существующіе налоги и вмѣсто нихъ, напр., устраивали постоянное казачье войско (малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Лобановъ), или, напр., устанавливали собственной властью новые налоги, рѣшали своею властью дѣла, находившіяся въ производствѣ суда, отсрочивали иногда сборы податей, устанавливали по своему порядокъ принятія залоговъ при казенныхъ поставкахъ и т. п.

Во вторую половину своего царствованія, императоръ Александръ I пришелъ къ убѣжденію, что министерства не удовлетворили его ожиданіямъ по устройству правильнаго надзора. Поэтому онъ возвратился къ мысли о возстановленіи намѣстничествъ, но съ тѣмъ, чтобы намѣстникъ имѣлъ главною обязанностью не столько дѣло управленія, сколько—наблюденія за ходомъ управленія. Появился проэктъ раздѣленія всей имперіи на 12 намѣстничествъ. При каждомъ намѣстникѣ предположено было учредить особый совѣтъ для завѣдыванія всѣми частями управленія, кромѣ военныхъ. Въ каждой губерніи предполагалось учредить такой же совѣтъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Генералъ-губернатору даютъ чрезвычайно обширныя полномочія: онъ долженъ быть блюстителемъ порядка и правосудія, ему подчиняются всѣ мѣста и лица, кромѣ войскъ и флота; онъ можетъ останавливать исполненіе указовъ Сената и предписанія министровъ, онъ назначаетъ, отрѣшаетъ и предаетъ суду всѣхъ чиновъ за исключеніемъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, предсѣдателей палатъ и прокуроровъ. Совѣтъ при намѣстникѣ имѣетъ только совѣщательное значеніе, потому что въ немъ дѣла рѣшаетъ одинъ только голосъ намѣстника. Такой проэктъ былъ составленъ въ 1816 г. и практическое развитіе его было поручено государемъ Балашову. Для испытанія этой реформы было выдѣлено особое генералъ-губернаторство изъ пяти внутреннихъ губерній, при чемъ Балашову было поручено постепенно ввести и

примѣнить новую форму мѣстнаго управленія. Эта попытка, однако, была одной изъ наименѣе удачныхъ. Самъ Балашовъ, по замѣчанію Анучина, вскорѣ сталъ сомнѣваться въ дѣйствительной пользѣ производимаго имъ опыта. Когда при Николаѣ I извѣстный Комитетъ шестого декабря 1826 года обсуждалъ проэктъ мѣстнаго управленія, а также подвергъ обсужденію и опытъ Балашова, онъ вынесъ строгій приговоръ проэкту 1816 г. Комитетъ указывалъ на безполезность столь безмѣрной власти, которая предоставлялась генералъ-губернатору. Выходило въ итогѣ такъ, что министры обязаны были давать направленіе всѣмъ дѣламъ, а намѣстникъ имѣлъ обязанность контролировать дѣятельность министровъ. Въ лицѣ намѣстника сосредоточилось какъ управленіе намѣстничествомъ, такъ и контроль за управленіемъ, т. е. по словамъ министра финансовъ графа Гурьева, контроль надъ собственными дѣйствіями.

Такъ постепенно шла перестройка высшихъ учрежденій въ Россіи. Намъ нѣтъ нужды подводить итоги сказанному, но должно замѣтить, что новые порядки въ области администраціи, суда и законодательства въ конечномъ итогѣ подверглись крайнему осужденію со стороны самыхъ различныхъ общественныхъ теченій, и по мѣрѣ упроченія этихъ порядковъ росло глухое ими недовольство. Центральная машина всего управленія—Комитетъ Министровъ подвергался самому рѣзкому осужденію. Комитетъ прикрылъ безотвѣтственность министровъ. „Государь одинъ несъ на себѣ всю тяжесть ошибокъ и неустройства“,—характеризуетъ это учрежденіе компетентный въ этомъ человѣкъ—декабристъ Батеньковъ. „Въ Комитетѣ Министровъ,—картинно описываетъ онъ,—какъ на большой дорогѣ толпились всѣ неустройства, безпорядки и несправедливости“. Было замѣчено, что насаждаемый бюрократизмъ не можетъ принести государству пользы: при силѣ власти министровъ, директоры департаментовъ обратились въ секретарей, начальники отдѣленій – въ писцовъ, и вся многочисленная администрація превратилась въ праздныя канцеляріи министровъ. Такъ характеризовали новое явленіе въ той же средѣ декабристовъ. И въ той же средѣ между тѣмъ высказывалось возмущеніе тѣмъ, что Сенатъ превратился въ простую типографію Комитета Министровъ.

Такого рода отрицательная характеристика не только исходила изъ среды лицъ либерально настроенныхъ, но и изъ среды

самой же бюрократіи. Опытный государственный дѣятель графъ С. Р. Воронцовъ пятнадцать лѣтъ спустя послѣ учрежденія министерствъ, т. е. послѣ проведенія реформы, на которую такъ надѣялся императоръ, писалъ о немъ же графу Растопчину: „Надо надѣяться, что онъ увидитъ, что пора организовать порядокъ и управленіе въ своей странѣ, которые погибнутъ, если онъ не приведетъ дѣлъ въ тотъ же видъ, въ какомъ они были въ этомъ отношеніи со временъ учрежденія Сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной императрицы. Она начала дѣлать нововведенія, сынъ ея все низвергнулъ, не ставя ничего на мѣсто того, что было имъ разрушено. Россія устояла противъ всей континентальной Европы, которую влекъ за собой Бонапарте, но она не устоитъ противъ внутренняго безпорядка, и только одинъ Сенатъ и учрежденіе коллегій, основанныхъ Петромъ Великимъ, могутъ помочь злу, какое дѣлаютъ и будутъ всегда дѣлать министры, которые работаютъ съ государемъ наединѣ“.

Графъ Кочубей, можетъ быть болѣе другихъ способствовавшій росту бюрократическаго произвола и расширенію власти министровъ, самъ, однако, уже въ половинѣ царствованія мрачно смотрѣлъ на совершившуюся перемѣну. Въ декабрѣ 1814 года въ особой запискѣ, поданной государю, и имѣвшей цѣлью изыскать мѣры прекращенія безпорядковъ среди администраціи, Кочубей останавливается на вопросѣ о томъ, почему начатыя реформы пріостановились не доведенными до конца и принесли въ результатѣ больше вреда, нежели пользы. Такими причинами были и затруднительныя политическія обстоятельства и „еще болѣе интриги людей, кои основали всегда благосостояніе свое на корыстолюбивыхъ видахъ, искали безопасности своей въ безпорядкѣ“; по его мнѣнію, вслѣдствіе этого „злоупотребленія усилились до безконечности, и невѣжество, лихоимство, пристрастіе водворилось тамъ, гдѣ должно было ожидать благоразумія, безкорыстія и справедливости“. И Кочубей снова подымаетъ старый вопросъ о необходимости правильнаго раздѣленія властей, законодательной административной и судебной. По другому случаю онъ указываетъ въ письмѣ къ императору на дѣятельность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ министерствъ: особенно вредной оказалась дѣятельность министерства полиціи, которое превратилось „въ министерство шпіонства“. Развившаяся тайная агентура занималась далеко

не однимъ тѣмъ, чтобы предупреждать преступленія: желая найти преступниковъ, тайные агенты жаловались на государя, критиковали мѣры правительства для того, чтобы доносить на тѣхъ, которые съ ними въ этомъ соглашались; а министръ пользовался доносами по своему усмотрѣнію.

Не въ лучшемъ положеніи находилось и мѣстное управленіе. Тотъ же опытный въ дѣлахъ управленія графъ Кочубей крайне мрачно смотритъ на положеніе мѣстнаго управленія: „губернское управленіе, бывъ совершенно разстроено и ввѣрено людямъ самымъ ненадежнымъ, представляетъ картину столько жалкую, сколько и скораго исправленія требующую“. Сенаторъ Ключаревъ въ запискѣ Александру I рисуетъ детально грустное состояніе тогдашняго мѣстнаго управленія. Губернаторы вышли изъ предѣловъ почтенія къ законамъ и оставляютъ безъ исполненія, какъ законы, такъ и указы Сената. Невинные страждутъ въ тюрьмахъ, сами губернаторы побуждаютъ къ доносу, сами доносятъ „для пристрастныхъ пользъ и тѣснятъ хладнокровно несчастныхъ“; губернаторы въ своихъ видахъ вліяютъ на рѣшенія уголовныхъ палатъ. По его словамъ, „народъ страждетъ отъ грабительствъ земскихъ исправниковъ“, „лихоимство сихъ піявицъ“ находитъ покровительство въ губернской администраціи. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. Салтыковъ въ одномъ изъ писемъ къ государю говоритъ о множествѣ открываемыхъ въ губерніяхъ злоупотребленій, о невѣроятныхъ злоупотребленіяхъ, о лихоимствѣ.

Дѣйствительно, кромѣ массы показаній современниковъ о разстройствѣ мѣстной администраціи, свидѣтельствуютъ о томъ же сенаторскія ревизіи. Какъ это ни странно, но именно въ этотъ періодъ сенаторскія ревизіи были наиболѣе часты—ихъ было произведено около пятидесяти, тогда какъ за послѣдующія 25 лѣтъ—всего около тридцати; мало того, первое десятилѣтіе наиболѣе богато ревизіями. Сенаторскія ревизіи представляютъ собою чрезвычайно любопытный и многосторонній матеріалъ для характеристики даннаго вопроса. Очень любопытныя, напр., данныя выяснены сенаторской ревизіей 1814 года относительно дѣятельности волынскаго губернатора сенатора Комбурлея: кромѣ массы мелкихъ злоупотребленій, даже такія преступленія, какъ провозъ контрабанды и поддѣльныхъ ассигнацій совершались подъ подкровительствомъ мѣстной администраціи, въ томъ числѣ и губернатора.

Сенаторская ревизія Казанской губерніи, производившаяся въ 1816, г., открыла прямо удивительныя вещи. Ревизующіе сенаторы нашли въ губернскомъ правленіи совершенный безпорядокъ, крайнее промедленіе въ дѣлахъ и постоянное превышеніе власти; медленность дѣлопроизводства доходила до того, что сенаторъ засталъ нерѣшенными 229 дѣлъ; многія дѣла совсѣмъ исчезли, казенныя суммы были растеряны или раскрадены, при казенныхъ торгахъ не соблюдалось ни порядка, ни правилъ, губернское правленіе само опредѣляло чиновниковъ на мѣста, которыя должны быть замѣщаемы по выбору дворянства; многія дѣла валялись въ кучѣ, неразобранныя съ 1791 года; въ губернскомъ правленіи оказалось 1142 неисполненныхъ указовъ и высочайшихъ повелѣній; въ судебныхъ учрежденіяхъ этой губерніи былъ такой же застой въ дѣлахъ. Въ казенной палатѣ допускались, кромѣ медленности дѣлъ, еще злоупотребленія по сдачѣ арендныхъ статей: напр., мельница о двухъ поставахъ была сдана за два рубля въ годъ аренды, рыбныя ловли на пять верстъ—за 160 копѣекъ въ годъ и т. п. Въ 1818 году съ крестьянъ было взыскано на исправленіе повинностей на 415 тысячъ рублей болѣе, чѣмъ слѣдовало, и сверхъ того съ нихъ же взято прямыми взятками 200 тысячъ рублей. Это былъ систематическій грабежъ, учиняемый чиновниками всей губерніи. Что здѣсь дѣлалось, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: подъ предлогомъ починки дорогъ администрація собирала по 24 рубля съ души, она же заставляла въ рабочее время засаживать по дорогамъ деревья и т. п.

Въ Симбирской губерніи вскрыты были не менѣе замѣчательныя злоупотребленія. Назначенный туда губернаторомъ въ 1815 году извѣстный уже намъ Магницкій открылъ, что его предшественникъ далъ татарину Еремѣеву своеобразную привиллегію разыскивать по всему Буинскому уѣзду разбойниковъ, воровъ и бѣглыхъ. Татаринъ овладѣлъ цѣлымъ уѣздомъ, раздавалъ позволенія вырубать лѣса, собиралъ подати въ свою пользу, хранилъ краденыя вещи и т. п.; на него и на его семью падало подозрѣніе по 34 уголовнымъ дѣламъ объ убійствѣ, о перевозѣ фальшивыхъ ассигнацій и др. Когда были захвачены письма Еремѣева, оказалось, что саратовскій губернаторъ, оберъ-секретарь Сената и нѣкоторые другіе крупные чиновники находились въ перепискѣ съ Еремѣевымъ, благодарили его за присылку денегъ, подарковъ и т. п. Сенаторъ Мясоѣдовъ въ 1817 году ревизовалъ

Орловскую губернію. Онъ нашелъ въ губерніи 16185 нерѣшенныхъ дѣлъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ уже сгнили въ навозѣ. За населеніемъ числилось 3 милліона рублей недоимокъ. Въ Орловской тюрьмѣ устроена была фабрика фальшивыхъ ассигнацій. Въ Курской губерніи сенаторъ кн. Долгорукій нашелъ дѣла, бывшія въ производствѣ болѣе двадцати лѣтъ. Сенаторъ Бѣгичевъ при ревизіи Орловской губерніи нашелъ приговоры уголовнаго суда, которые около 13 лѣтъ лежали у губернатора, ожидая его утвержденія. Обложеніе населенія цѣлыхъ губерній незаконными поборами и разнаго рода другія формы вымогательства были дѣломъ обычнымъ. Упомянутый кн. Долгорукій въ Курской губерніи нашелъ, что уѣздные чиновники собирали съ крестьянъ незаконные поборы по нѣсколько человѣкъ съ души, ставили ихъ ранней весной въ воду, зимой заставляли голыхъ ходить по снѣгу, или запирали въ нетопленныя избы, лѣтомъ сѣкли крапивой и т. д. Сенаторъ Ключаревъ отмѣчаетъ „тиранскіе поступки", найденные имъ при ревизіи Тверской губерніи. Отдѣльные факты поразительны. Костромской губернаторъ Пасынковъ обвинялся въ 22 дѣлахъ; это—все взятки, незаконные поборы съ населенія; тульскій губернаторъ Богдановъ обвинялся въ 8 дѣлахъ, среди которыхъ находимъ превышеніе власти, назаконные сборы съ населенія и разныя хищенія. Самовластіе и самодурство губернаторовъ не знало предѣловъ. Тамбовскій губернаторъ Безобразовъ требовалъ постановки себѣ портрета въ залѣ дворянскаго собранія, какъ „избавителю города Тамбова отъ злодѣевъ". При ревизіи Новгородской губерніи сенаторъ Мясоѣдовъ нашелъ, что въ рекруты изъ казенныхъ крестьянъ отдавались люди больные и къ службѣ неспособные. Высочайшіе указы не приводились въ исполненіе въ теченіе 10 лѣтъ; за губерніей числилось много недоимокъ и главнымъ образомъ на содержателяхъ питейныхъ сборовъ; земскіе суды хватали людей по подозрѣніямъ и заковывали ихъ въ кандалы. Хуже всего приходилось крестьянамъ. „Мы теперь,—жаловались нижегородскіе крестьяне,—стали хуже нищихъ отъ нашихъ секретарей и приказныхъ. Кто только къ намъ въ селеніе завернетъ, тотъ, что хочетъ, то съ насъ и беретъ. А жаловаться негдѣ: одинъ другому потакаетъ и нигдѣ у нихъ суда, ни правды не найдешь". Дѣйствительно, въ судахъ преобладали медлительность въ дѣлахъ и страшное лихоимство.

Уже по одной массѣ чиновниковъ, которые послѣ каждой сенаторской ревизіи предавались суду, можно судить о размѣрахъ злоупотребленій, не говоря о томъ, что далеко не всѣ могли быть уличены. Сенаторъ Масоѣдовъ, ревизовавшій въ 1815—1816 г. г. Тульскую, Курскую и Орловскую губерніи предалъ суду болѣе 1,000 чиновниковъ. Но никакая угроза репрессіями не дѣйствовала. Чиновники брали взятки и совершали свои незаконные поступки открыто. Вигель разсказываетъ о своемъ современникѣ Пензенскомъ губернаторѣ, что онъ „царствовалъ тирански, деспотически. Онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что лихоимство есть неотъемлемое, священное право всѣхъ тѣхъ, кои облечены какою-либо властію, и говорилъ о томъ непринужденно, откровенно. Мнѣ, признаюсь, это нравилось; истинное убѣжденіе во всякомъ человѣкѣ готовъ я уважать. Иногда, въ присутствіи пензенскихъ жителей позволялъ себѣ онъ смѣяться надъ недостаткомъ ихъ въ щедрости: „Хороша здѣсь ярмарка, говорилъ онъ имъ съ досадною насмѣшкой: Бердичевская въ Волынской губерніи даетъ тридцать тысячъ рублей серебромъ губернатору, а мнѣ здѣсь купчишки поднесли три пуда сахару; вотъ я же ихъ“.

Среди провинціальныхъ чиновниковъ вырабатывались замѣчательные мастера по вымогательству отъ населенія взятокъ. Иногда встрѣчаются прямо виртуозы въ отомъ отношеніи. Таковъ, напр., Совѣтникъ Тамбовской Казенной Палаты извѣстный Гороховскій. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ ускользалъ отъ суда и продолжалъ исполнять свою должность. Онъ оказался во главѣ шайки поджигателей, отличался чрезмѣрнымъ взяточничествомъ во время рекрутскихъ пріемовъ, при наборахъ рекрутскихъ лошадей и т. п. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ подъ судомъ, но тѣмъ не менѣе состоялъ на службѣ и даже исполнялъ обязанности вице—губернатора. Опытный и изворотливый законникъ, онъ оттягивалъ судъ и жаловался на своихъ доносчиковъ. Но его сгубила его же собственная аккуратность. Когда, наконецъ, надумались произвести въ его квартирѣ обыскъ, то среди бумагъ оказалась тщательно написанная записная книжка; въ ней собственноручно Гороховскій записалъ 3,000 статей съ точнымъ обозначеніемъ именъ, званій и мѣстожительства тѣхъ лицъ, которыя ему давали взятки, всего на сумму болѣе 180 тысячъ рублей. Это, наконецъ, уличило опытнаго приказнаго дѣльца.

Мелкіе взяточники доходили иногда до замѣчательной изворотливости, отличаясь при томъ удивительной смѣлостью. Земскій засѣдатель Моршанскаго уѣзда Федюхинъ по порученію начальства отправился въ уѣздъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній о пчеловодствѣ. Эта поѣздка положила начало его матеріальному благосостоянію. Пріѣзжая на пчельникъ, онъ приказывалъ пасѣчнику выгонятъ изъ улья пчелъ, но такъ, чтобы онѣ вылетали постепенно и непремѣнно по одной, для счета, и готовился при этомъ записывать въ свою записную книжку. Хозяинъ откупался отъ такой статистики, Федюхинъ записывалъ, что ему вздумается, и ѣхалъ дальше. Когда Федюхину приходилось выѣзжать на „мертвыя тѣла", онъ поочередно приказывалъ вносить въ избы богатыхъ крестьянъ мертвое тѣло, и получалъ откупное. Засѣдатель Тамбовскаго земскаго суда, пріѣхавъ въ духоборческое селеніе, сталъ вымогать взятки. Такъ какъ ему выплатить не могли, то онъ распорядился всѣхъ крестьянъ подвергнуть сѣченію. Эта операція произведена съ такою жестокостью, что двое умерли на мѣстѣ. Началось слѣдствіе, но производившій вскрытіе врачъ далъ слѣдующаго рода заключеніе: „наказаніе духоборцамъ дано соразмѣрное и умерли они, вѣроятно, отъ ядопріятія, отъ какого могли произойти и синебагровыя пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ". Трудно найти какое нибудь распоряженіе начальства, по которому низшіе чиновники должны были бы войти въ общеніе съ крестьянами и чтобы это не дало повода къ поборамъ. Въ 1823 году, разсказываетъ Дубасовъ, генералъ-губернаторъ Балашовъ приказалъ во всѣхъ селахъ Тамбовской губерніи поставить столбы съ обозначеніемъ на нихъ названія этихъ селъ и числа дворовъ и душъ. Кажется, изъ этого правительственнаго распоряженія трудно было чиновникамъ извлечь для себя какую нибудь пользу. Между тѣмъ Липецкій исправникъ Ханыковъ и тутъ нашелся. Онъ поручилъ ставить столбы по селамъ липецкому мѣщанину Кутышкину съ обязательною платою со стороны каждаго села за столбъ по 25 рублей и болѣе половины этого сбора бралъ себѣ.

Даже мелкіе чины мѣстной администраціи не только брали взятки, занимались вымогательствами разнаго рода, но нерѣдко выказывали удивительное самодурство. Тамбовскій городничій Клементьевъ забиралъ прохожихъ только за то, что они среди бѣла дня ходили по улицамъ. Въ 1802 году Кирсановскій городничій

Таировъ узналъ, что у купца Федюкина собрались гости. Ему это не понравилось, онъ собралъ инвалидныхъ солдатъ и 40 человѣкъ плѣнныхъ турокъ, оцѣпилъ купеческій домъ, всѣхъ гостей арестовалъ и препроводилъ въ полицію, въ томъ числѣ и священника Алексѣева. Самъ Таировъ во время этихъ военныхъ дѣйствій былъ пьянъ и ѣхалъ по городу безъ сюртука въ одномъ жилетѣ: „поведеніе городничаго,—жаловался по этому поводу Кирсановскій протоіерей Трескинъ,—по его жестокости тягостно и ужасно“.

Правительство по своему боролось съ неустройствомъ администраціи. Посылало для ревизіи сенаторовъ, отдавало подъ судъ провинившихся чиновниковъ, издавало спеціальные указы. Сенатскій указъ 1814 года, напр., отмѣчаетъ, что губернаторы управляютъ губерніями, не сносясь съ губернскимъ правленіемъ, „своимъ однимъ лицомъ“, нарушаютъ законы, вмѣшиваются въ судъ; любопытно, что сенатскій указъ запрещаетъ губернаторамъ вести частную переписку съ заинтересованными въ дѣлахъ лицами для того, чтобы воспрепятствовать взяточничеству.

Но эти частичныя мѣры мало помогали, онѣ неспособны были исправить зло, которое такъ сильно внѣдрилось въ правительственный организмъ, зло это развивалось все сильнѣе и сильнѣе, далеко оставивъ за собою примѣры, которые можно бы найти даже въ XVIII вѣкѣ. Распадъ этотъ имѣлъ серьезныя причины. При увеличивающейся дороговизнѣ жизни, низшій служебный персоналъ оплачивался чрезвычайно жалко. По единогласному свидѣтельству всѣхъ тогдашнихъ губернаторовъ, положеніе низшихъ служащихъ было хуже послѣдняго поденщика. Отсюда понятно, конечно, что въ низшую гражданскую службу шли только тѣ, кто не имѣлъ надежды гдѣ нибудь выдвинуться. „Получивъ навсегда увольненіе отъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи,—писалъ исключенный семинаристъ Бѣляевъ,—я не нахожу себя болѣе способнымъ ни къ чему иному, кромѣ статской службы“. Другой недоросль Львовъ такъ себя рекомендовалъ Кирсановскому земскому уѣздному суду: „россійской грамматикѣ читать и писать отчасти умѣю, но дальнѣйшихъ наукъ не въ состояніи проходить и достигши въ совершенныя лѣта уже не могу объ нихъ понятія имѣть, а потому возымѣлъ ревностное желаніе служить“. Архіерейскій пѣвчій Анаевскій обучался въ хорѣ „гражданскому и церковному пѣнію и для правописанія рос-

сійской грамматикѣ“, а потому и желаетъ поступить въ губернское правленіе „подъ премудрую десницу начальства“. Исключенный изъ духовнаго училища ученикъ Кочетовъ, впослѣдствіи довольно видный дѣлецъ въ земской полиціи Тамбовской губерніи, исключенъ былъ за „урослостію и малоразумѣніемъ“, всему обучался плохо, а потому просилъ назначить его чиновникомъ.

Таковъ тотъ низшій персоналъ, который наводнялъ всѣ тогдашнія канцеляріи, изъ котораго съ годами вырабатывался и средній губернскій чиновникъ. Но этого мало. И суды и администрація тонули въ массѣ законовъ и указовъ, изданныхъ разновременно, иногда плохо редактированныхъ, повторявшихъ другъ друга съ весьма незначительными измѣненіями—вся эта неупорядоченность законодательства дѣлала населеніе безпомощнымъ въ борьбѣ со всякаго рода лихоимствомъ и проявленіями произвола. Многое зависѣло просто отъ болѣе или менѣе добросовѣстнаго подбора, соотвѣтствующихъ ссылокъ на указы и законы. Ни тяжущіеся, ни судъ ни могли быть увѣрены въ томъ, что приведенъ именно подлежащій законъ или, что приведенный законъ не отмѣненъ послѣдующими. Вырабатывались законоискусники, которые выказывали удивительныя свѣдѣнія, но они же свое искусство примѣняли и въ томъ случаѣ, когда имъ хотѣлось совершить то или другое насиліе.

Но указанныя обѣ черты свойственны были и предшествующимъ періодамъ, и однако же, распадъ администраціи только теперь получилъ такія ощутительныя формы. Дѣйствительно, были болѣе глубокія, причины вліявшія на разстройство мѣстной администраціи. Какъ бы ни была плоха администрація XVIII вѣка, все же она имѣла въ тогдашнемъ законодательствѣ здоровыя опоры. Эти опоры заключались во власти Сената и въ мѣстной прокуратурѣ. Между тѣмъ въ изучаемый періодъ быстро идетъ паденіе прокурорскаго надзора. Прокурорскій надзоръ XVIII вѣка—каковъ бы онъ ни былъ—во всякомъ случаѣ былъ сдерживающимъ началомъ для массы мелкаго провинціальнаго чиновничества. По идеѣ своей, мѣстная прокуратура представляетъ собою учрежденіе въ высшей степени полезное: это контроль надъ всѣми формами дѣятельности мѣстной администраціи, контроль непосредственно сносящійся съ центральнымъ управленіемъ. Уже при Екатеринѣ II замѣтно сокращеніе количества чиновъ прокурорскаго надзора и ограниченіе ихъ компетенціи. При императорѣ Павлѣ это сокра-

щеніе пошло быстрыми шагами, такъ что къ концу его царствованія остались только губернскіе прокуроры. Продолжающееся паденіе губернской прокуратуры тѣсно связано съ паденіемъ сенатской власти. Авторъ одной изъ частей юбилейной исторіи Сената, г. Блиновъ, указываетъ на паденіе авторитета Сената въ средѣ органовъ мѣстной администраціи и ставитъ это явленіе въ прямую зависимость отъ паденія самого Сената: „Слабость надзора Сената, въ связи съ полной неудовлетворительностью надзора другихъ государственныхъ органовъ, приводили къ полному развалу мѣстнаго управленія и суда, въ которыхъ царили вопіющіе безпорядки и злоупотребленія. Небрежность, медлительность, лихоимство, вымогательство, „забытые“ арестанты, годами томившіеся въ тюрьмѣ, недоборъ тысячъ рекрутъ, милліоны рублей въ недоимкахъ и едва-ли не чаще за богатыми, чѣмъ за бѣдными,—вотъ картина дѣятельности мѣстныхъ учрежденій. Почти каждая ревизія, каждая попытка взглянуть, хотя бы бѣгло, на ходъ оффиціальной губернской и уѣздной жизни, открывали все новыя и новыя злоупотребленія, ясно свидѣтельствовавшія о полномъ безсиліи Сената водворить законность въ управленіи и судѣ. Всѣ провинціальные органы, начиная съ генералъ-губернаторовъ и кончая земскими исправниками и винными приставами, постоянно колебались между превышеніемъ и бездѣйстіемъ власти, и нерѣдко совершенно произвольно распоряжались честью и имуществомъ населенія, сознавая полную свою безотвѣтственность, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ до какого либо чрезвычайнаго случая въ родѣ проѣзда государя или сенаторской ревизіи. Но эти случаи были сравнительно рѣдки и поэтому возможность ихъ не внушала особаго страха“.

Но при упадающемъ значеніи Сената иначе и не могло быть. Самъ Сенатъ въ лицѣ ревизующихъ сенаторовъ и въ случаяхъ суда надъ виновными въ злоупотребленіяхъ вполнѣ добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ исправленія мѣстной администраціи. Упомянутый уже историкъ Сената г. Блиновъ, подводя итоги сенаторскимъ ревизіямъ, замѣчаетъ, что ревизующіе сенаторы одинаково относились и къ высшимъ и къ низшимъ должностнымъ лицамъ, примѣняя къ тѣмъ и другимъ одну общую мѣрку законности и добросовѣстности дѣйствій, но такъ какъ власть преданія суду этихъ послѣднихъ принадлежала не Сенату, а высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, настроеннымъ по отношенію къ нимъ болѣе сни-

сходительно, то правильное соотношеніе между виною и отвѣтственностью иногда нарушалось, и только благодаря высочайшей резолюціи возстановлялись въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливость и равенство всѣхъ должностныхъ лицъ предъ закономъ. Послабленіе, оказываемое въ высшихъ сферахъ первымъ губернскимъ чиновникамъ, не разъ раздражало государя. Въ общемъ императоръ внимательно относился къ ревизіямъ и охотно отмѣчалъ заслуги ревизующихъ сенаторовъ. По запискамъ сенатора, впослѣдствіи министра юстиціи Дмитріева, можно прослѣдить до мелочей, какъ и интересъ государя къ результатамъ ревизіи, такъ и тѣ препоны, которыя встрѣчались въ Петербургѣ, когда въ числѣ уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ оказывались сильные люди. Дмитріевъ разсказываетъ, что уличенный имъ въ поборахъ совѣтникъ казенной палаты былъ назначенъ министромъ финансовъ въ ту же губернію вице-губернаторомъ, несмотря на отзывъ ревизовавшаго сенатора. Дмитріевъ открылъ, что одинъ изъ сенатскихъ оберъ-секретарей бралъ взятки отъ откупщиковъ Рязанской губерніи и дѣло о злоупотребленіяхъ въ этой губерніи было передано въ экспедицію этого самаго оберъ-секретаря. Такимъ образомъ, ревизіи вскрывали злоупотребленія, но воздѣйствіе ихъ на администрацію было относительно слабымъ. Мало того, съ теченіемъ времени сенаторскія ревизіи встрѣчаютъ все меньше и меньше поддержки, становятся рѣже, несмотря на ростъ злоупотребленій. Довѣріе къ этимъ ревизіямъ среди высшей бюрократіи начинаетъ падать, въ чемъ, конечно, не виновны ни ревизующіе сенаторы, ни Сенатъ. Причина такого охлажденія, скажемъ словами г. Блинова, на котораго мы уже ссылались, находилась въ другой плоскости,—министры и начальники главныхъ управленій становились все болѣе и болѣе подвластными распорядителями своихъ вѣдомствъ и по мѣрѣ этого дѣлались все менѣе и менѣе склонны допускать туда чужой глазъ,—ревизующаго сенатора, предпочитая ограничиться даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ или личной поѣздкой или командировкой одного изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ. Достичь такого порядка вещей было для нихъ тѣмъ легче, что всѣ они имѣли личные доклады у государя и встрѣчали взаимную поддержку въ Комитетѣ Министровъ. Въ сознаніи же общества и тѣхъ сановниковъ, которые стояли внѣ вѣдомственныхъ интересовъ, ревизіи всегда представлялись весьма важнымъ средствомъ охраны законности въ управленіи. Такимъ образомъ,

именно усиленіе бюрократизма, введеніе министерскаго начала не только не улучшило администрацію, но способствовало росту многочисленныхъ злоупотребленій. Замѣтимъ, что и другой новѣйшій историкъ, касавшійся частью того же вопроса, именно баронъ Корфъ, въ своей книгѣ по исторіи административной юстиціи въ Россіи близко подходитъ къ тому же выводу о причинахъ паденія контролирующей власти Сената и связаннаго съ этимъ усиленія административнаго произвола.

ГЛАВА XIX.

Бюрократія и сословное самоуправленіе. Нѣсколько замѣчаній о положеніи крѣпостного крестьянства.

Бюрократическій строй, охватывавшій центральныя и мѣстныя учрежденія, немедленно перенесся и на сословную политику правительства. Политика Александровскаго правительства по отношенію къ дворянству и по отношенію къ городскому классу представляетъ собою длинный рядъ мелочныхъ мѣръ, преслѣдующихъ, однако, одну опредѣленную цѣль—уничтожить зачатки дворянскаго и городского самоуправленія, лишить ихъ жизни. Съ внѣшней стороны это удивительно безцвѣтная политика, но по существу это политика застоя, политика, сводившаяся къ подавленію самостоятельности и иниціативы, исходившей изъ среды общества, даже такая политика, которая заботилась о томъ, чтобы не зародилась иниціатива.

При Екатеринѣ II дворянство получило пышную грамоту, опредѣлявшую его права. Эта грамота, правда, была нѣсколько ниже тѣхъ требованій, которыя предъявлялись въ ея время изъ среды дворянства, но все же она въ значительной мѣрѣ удовлетворила этотъ классъ. Напомнимъ основныя черты Жалованной Грамоты. Прежде всего она устанавливаетъ пріобрѣтеніе дворянства не только по рожденію, но по службѣ и по пожалованію: „благородное названіе дворянское и достоинство изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными“. Она утверждаетъ наслѣдственность благороднаго достоинства. Честь, жизнь и имущество дворянина охраняются судомъ ему равныхъ и лишеніе чести происходитъ не иначе, какъ по высочайшей конфирмаціи судебнаго рѣшенія. Дворянство освобождается отъ тѣлеснаго наказанія. Служба его правительству необязательна, но дворянинъ обязанъ не щадить живота и труда для блага отечества по спеціальному призыву самодержавной власти. Грамота утверждаетъ наслѣдственность владѣнія помѣстьями, право пріоб-

рѣтенія ихъ, право занятія торговлей; она отмѣняетъ конфискацію имущества за преступленія. Дворянинъ лично свободенъ отъ податей и повинностей, а его жилище отъ постоя. Дворянство дѣлится на шесть разрядовъ сообразно древности своего происхожденія. Дворянство каждой губерніи представляетъ собою юридическое лицо, получаетъ право избирать должностныхъ лицъ, ходатайствовать предъ администраціей объ общественныхъ нуждахъ, дѣлать представленія и приносить жалобы черезъ депутатовъ представителю верховной власти.

Въ грамотѣ были несомнѣнно элементы, которые могли создать здоровыя основы дворянскаго самоуправленія. Но былъ цѣлый рядъ условій, въ силу которыхъ самоуправленіе не могло развиться. Разнообразное по своему происхожденію, разрѣженное недворянскими элементами, входившими въ его среду посредствомъ службы и пожалованія, недостаточно обезпеченное въ массѣ матеріально,—дворянство не могло отлиться въ прочно сложившуюся сословную корпорацію. Кромѣ того, тому же содѣйствовало и отсутствіе политической жизни страны, отсутствіе условій, гарантировавшихъ устойчивость самого дворянскаго самоуправленія. „Я желалъ бы,—писалъ о дворянствѣ Сперанскій,—чтобы кто нибудь показалъ мнѣ, какая есть разница между отношеніемъ крѣпостныхъ къ ихъ господамъ и отношеніемъ дворянъ къ верховной власти. Развѣ послѣдняя не имѣетъ надъ дворянами той же самой власти, какъ дворяне надъ крѣпостными? Итакъ, вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это рабы верховной власти и рабы землевладѣнія“.

Дѣйствительно, нарождавшееся дворянское самоуправленіе встрѣтило въ правительственной политикѣ императора Александра I крайне недовѣрчивое къ себѣ отношеніе. Императоръ возстановилъ жалованную грамоту, но онъ не сочувствовалъ высказаннымъ въ ней основамъ. „Я не различаю ни дворянъ, ни разночинцевъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо“,—такъ говорилъ императоръ полковнику Данилевскому по одному частному поводу. И это было его искреннее убѣжденіе, вынесенное имъ изъ понятій до-Екатерининскаго времени; государю нужна была только служба; права по происхожденію, даже охраняемыя изданными имъ же законами, для него не имѣли никакого значенія. По замѣчанію Сперанскаго, даже на службу по

выбору государь смотрѣлъ, какъ на обязанность. Характерное распоряженіе издалъ государь по дѣлу объ уклоненіи отъ выборной службы оренбургскихъ мурзъ: государь черезъ Аракчеева велѣлъ объявить имъ законъ Петра В., по которому дворяне, не желающіе служить, подлежатъ положенію въ подушный окладъ. Такая резолюція государя явно нарушала права оренбургскихъ мурзъ.

Такое отношеніе государя отражалось на политикѣ правительства. Правительство относится къ дворянскимъ собраніямъ весьма недовѣрчиво, и старается свести дѣятельность ихъ къ чисто служебному значенію. Дворянская грамота продолжаетъ существовать, но отдѣльные съ внѣшней стороны весьма незамѣтные, указы произвели въ ней весьма существенныя бреши, которыя способствовали, развиваясь въ томъ же направленіи въ послѣдующее царствованіе, тому, что дворянство постепенно перестало играть роль первенствующаго сословія и изъ него выдѣлились лишь бюрократическіе слои, смѣшавшіеся съ бюрократами изъ разночинцевъ.

Характеръ выборной дворянской службы подвергся въ это время сильному измѣненію. Дворянскіе предводители постепенно превращаются изъ органовъ самоуправленія въ правительственные чины. Это достигалось прежде всего возложеніемъ на предводителей порученій чисто административнаго характера. Такъ, когда въ 1818 г. были учреждены временные губернскіе комитеты по продовольственному дѣлу, то въ число членовъ этихъ комитетовъ были привлечены и предводители дворянства; они должны были слѣдить за исполненіемъ помѣщиками ихъ обязанностей по продовольствію своихъ крестьянъ. Предводители постепенно начинаютъ принимать участіе въ провіантскомъ управленіи, въ наборѣ рекрутъ, они обязаны доставлять свѣдѣнія о количествѣ душъ, которыми владѣли помѣщики, далѣе предводители участвуютъ въ комитетѣ по народной переписи, въ комитетѣ по разсмотрѣнію вопросовъ объ увеличеніи штатовъ полиціи, въ комитетѣ по исправленію земскихъ дорогъ, участвуютъ въ надзорѣ за бѣглыми бродягами; когда въ 1811 году были учреждены оспенные комитеты, въ нихъ мы также видимъ предводителей. Однимъ словомъ, дворянская выборная служба теряетъ характеръ органа самоуправленія. Правительство смотритъ на дворянскихъ выборныхъ, какъ на чиновниковъ, чиновниками они называются и въ зако-

нодательныхъ актахъ. По прежнему чинъ продолжалъ быть честнѣе сословія.

Какъ и всѣ чиновники дворянскіе выборные зависятъ отъ губернаторовъ. Такъ, награжденіе за выборную службу чинами и орденами ставится въ зависимость отъ одобренія выборныхъ губернаторами. Даже губернскій предводитель дворянства не имѣлъ права представлять къ наградамъ уѣздныхъ предводителей, такъ какъ „одобреніе службы маршаловъ должно быть дѣлаемо начальникомъ губерніи",—говоритъ постановленіе Комитета Министровъ 1808 года. Такимъ образомъ, дворянскіе выборные во всемъ сравниваются съ коронными чиновниками. Власть губернаторовъ по отношенію къ дворянскимъ предводителямъ и къ чиновникамъ, избираемымъ отъ дворянства, простиралась до права увольненія губернаторами ихъ отъ службы. Ярославскій предводитель Мальковъ въ 1809 г. жаловался Сенату на часто происходившія увольненія отъ службы избранныхъ дворянствомъ должностныхъ лицъ, безъ особыхъ на то причинъ, и просилъ правительство сдѣлать распоряженіе, дабы губернское правленіе запрашивало предварительно мнѣніе губернскаго предводителя, или ставило бы по крайней мѣрѣ въ извѣстность дворянское собраніе. Сенатъ отказалъ въ этой просьбѣ Малькову, сославшись на указъ 1803 года, предоставлявшій право увольненія выборныхъ должностныхъ лицъ полному усмотрѣнію губернскаго правленія. Когда Смоленскій предводитель дворянства возбудилъ аналогичный вопросъ, то Комитетъ министровъ оставилъ его просьбу также безъ послѣдствій и только губернатору поставилъ на видъ, „чтобы не отрѣшалъ и не предавалъ суду безъ вины". Не только губернаторъ, но даже губернскія правленія пробовали подчинить себѣ губернскихъ предводителей.

Неудивительно поэтому, что должность предводителей потеряла въ глазахъ и мѣстныхъ властей и населенія всякое значеніе. „Предводитель,—писалъ Сперанскій Столыпину изъ Пензы,—ничего не можетъ значить, если губернаторъ не беретъ взятокъ и немного разумѣетъ свое дѣло".

Приниженное положеніе предводителей сказывалось на личныхъ къ нимъ отношеніяхъ губернаторовъ, при чемъ несмотря на злоупотребленія послѣднихъ, правительство систематически ихъ поддерживало. Представители Олонецкаго дворянства были приняты губернаторомъ сидя и въ шлафрокѣ; одинъ изъ выборныхъ

не былъ утвержденъ въ должности. Дворянство протестовало и противъ неприличія пріема и противъ произвольнаго неутвержденія избраннаго. Правительство не одобрило поведенія губернатора, которому было объявлено высочайшее неудовольствіе, но и предводитель дворянства и неутвержденный въ должности дворянинъ были посажены въ крѣпость. Иногда правительству приходилось вести формальное слѣдствіе о неистовствахъ губернаторовъ. Державинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что нижегородскій губернаторъ приказалъ за какую-то ссору на улицѣ наказать ассесора уголовной палаты палками; когда же предсѣдатель палаты (это все выборные чиновники) указалъ губернатору, что наказаніе можетъ быть только назначено по суду, губернаторъ пожаловался на предсѣдателя министру и предсѣдатель былъ удаленъ отъ должности.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что дворяне съ самостоятельнымъ характеромъ бѣжали отъ выборной службы. Получалось явленіе обратное тому, которое наблюдалось въ первое время послѣ изданія грамоты Екатериною: дворянство охладѣло къ службѣ, къ мѣстнымъ интересамъ. Дворянскія собранія сдѣлались весьма малочисленными. Губернаторы жалуются на нежеланіе дворянства служить по выборамъ и правительство должно было издавать указы, требовавшіе явки дворянъ въ собранія. „Неудивительно,—говоритъ проф. Середонинъ,—что при такихъ порядкахъ кого ни выберутъ, всѣ рапортуются больными; суда не боятся, извиняясь, просятъ отдать ихъ подъ судъ; лучше хотятъ быть подъ судомъ, только быть свободными отъ службы; такимъ образомъ и слагался тотъ порядокъ, при которомъ люди съ именемъ, дарованіемъ и честностью стали мало-по-малу уклоняться отъ служенія, а на службу по выборамъ шли тѣ, которые готовы были переносить всѣ непріятности и униженія, лишь бы нажить отъ промышленниковъ, поселянъ, купцовъ, бѣглыхъ и воровъ“. Неудивительно также, что при такихъ условіяхъ дворянскіе выборные были лицами не могшими поддержать достоинство самоуправляющагося сословія. Жалкій видъ дворянскихъ представителей обращалъ на себя вниманіе современниковъ. Постоянный спутникъ императора Александра полковникъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ въ своемъ дневникѣ, что предводители дворянства русскихъ губерній „не могли при государѣ отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они болѣе явля-

ли изъ себя метръ-дотелей, занимавшихся угощеніемъ, нежели представителей дворянства".

Приниженность дворянства, уклоненіе его отъ выборной службы, бѣгство изъ провинціи станетъ еще болѣе понятнымъ, если вспомнимъ, что отдѣльными указами не только должность дворянскихъ предводителей была обезличена и подчинена усилившейся власти губернатора, но даже и дворянскія собранія потерпѣли ту же участь. Иногда государь рѣзко выражалъ свое неудовольствіе, разъ дворянство подымало въ дворянскихъ собраніяхъ нежелательные для него вопросы. За это доставалось и дворянству и губернаторамъ. Такъ, правительство сдѣлало выговоръ всему рязанскому дворянству за ссылки въ преніяхъ рязанскаго дворянства на личности и „за образованіе партій". На собраніи дворянъ Виленской губерніи маршалъ Завиша произнесъ рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, государь остался очень недоволенъ поднятіемъ этого вопроса, объявилъ замѣчаніе губернатору, а губернскому маршалу строжайшій выговоръ.

На основаніи Жалованной Грамоты дворяне имѣли право посылать къ государю своихъ депутатовъ. Правительство Александра систематически отклоняло просьбы дворянства о позволеніи прислать депутатовъ въ Петербургъ; если эти депутаціи долженствовали выразить вѣрноподданническія чувства, правительство посылало благодарность дворянскому обществу, не желая, однако, принимать депутатовъ; если дворянство собиралось ходатайствовать о какихъ либо нуждахъ, то дворянству указывалось, что посылка депутатовъ сопряжена съ расходами и что ходатайство свое они могутъ передать письменно черезъ мѣстное начальство.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ правительство отвѣчало дворянству очень мягко, завѣряя его въ своемъ благосклонномъ къ нему отношеніи. Но по существу такая практика вела къ обезличенію дворянства, сословія и безъ того хилаго на русской почвѣ. Политика правительства по отношенію къ дворянству вообще вѣрно отражала взглядъ императора Александра I-го. Правда, правительство относилось внимательно къ дѣятельности выборныхъ органовъ и собраній; но это вниманіе почти исключительно относилось къ тому, чтобы стѣснить самостоятельность рѣшеній дворянскихъ собраній. По дѣламъ Комитета Министровъ можно прослѣдить, что правительство систематически поддерживало мѣстную

администрацію въ ея столкновеніяхъ съ дворянскими собраніями и выборными представителями; оно отказывало дворянству въ утвержденіи иногда самыхъ мелочныхъ чисто мѣстныхъ дѣлъ, о коихъ состоялись постановленія дворянскихъ собраній. Вообще замѣтно рѣзкое обостреніе отношеній между мѣстной администраціей, поддерживаемой министерствомъ и Комитетомъ Министровъ, и дворянскимъ самоуправленіемъ. Дворянскія собранія тогда имѣли право избирать исправниковъ и другіе органы мѣстной полиціи. Со стороны губернаторовъ идутъ безпрестанныя жалобы на бездѣятельность этихъ органовъ, на попустительство съ ихъ стороны; однимъ словомъ, видны стремленія губернаторовъ къ тому, чтобы низшая администрація и полиція была совершенно имъ подчинены и изъ выборной превратилась бы въ назначаемую. Министерство внутреннихъ дѣлъ поддерживаетъ губернаторовъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ (для западно-русскихъ губерній) добивается отмѣны дворянскаго права избирать административныхъ и полицейскихъ чиновниковъ. Достаточно привести такой примѣръ, какъ столкновеніе Смоленскаго губернатора съ мѣстнымъ дворянствомъ (въ 1820 г.). Губернаторъ настаивалъ чтобы выборныя отъ дворянства должности были замѣщаемы отъ короны. По дѣятельности этого губернатора можно судить о томъ, почему выборныя должностныя лица ему не нравились. Мѣстный предводитель дворянства Лесли изобличалъ того же губернатора въ разныхъ злоупотребленіяхъ по винной части, въ отягощеніи крестьянъ и, наконецъ, предводитель сообщалъ, что губернаторъ, стремясь уничтожить дворянскіе выборы, безъ вины предаетъ суду и отрѣшаетъ отъ должности выборныхъ изъ дворянъ; такъ, онъ въ три года отрѣшилъ 189 человѣкъ. И потому кандидатовъ на должности уже не хватаетъ, отчего и сказывается безпорядокъ въ дѣлахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей призналъ, что дѣйствительно губернаторъ заключилъ было союзъ съ вице-губернаторомъ и смотрителемъ надъ продажей водки, и что этотъ союзъ могъ имѣть „важныя неудобства“; но теперь онъ уже расторгнутъ. Поэтому Комитетъ только сдѣлалъ замѣчаніе губернатору, чтобы онъ безъ вины не предавалъ выборныхъ чиновниковъ суду. Дворянство другихъ губерній также не рѣдко жаловалось на безпричинное преданіе суду выборныхъ чиновниковъ. Такъ, напр., виленскій предводитель дворянства Карпъ жаловался на то, что дво-

ряне, служащіе по выбору, часто получаютъ выговоры отъ губернаторовъ и устраняются отъ должности съ преданіемъ суду и т. п.

Отъ провинціальной администраціи со всѣхъ сторонъ стекаются въ министерства донесенія, высказывающіяся противъ выборныхъ дворянскихъ должностей. Напр., малороссійскій военный губернаторъ въ своихъ донесеніяхъ доказываетъ, что выборные дворянскіе чиновники, завися отъ дворянства, скрываютъ многое, что случается въ дворянскихъ имѣніяхъ. О томъ же доносили и другіе губернаторы. Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ предлагаетъ назначать исправниковъ отъ короны, потому что онъ нашелъ земскую полицію въ самомъ дурномъ положеніи и что чума проникла на югъ только потому, что полиція была недостаточно бдительна. Комитетъ Министровъ обыкновенно удовлетворялъ представленія мѣстной администраціи о замѣнѣ выборныхъ чиновниковъ коронными, и такимъ образомъ постепенно разрушалась жалованная Екатерининская Грамота.

Иногда столкновенія между властями принимали рѣзкій характеръ. Волынскій губернаторъ Гижицкій настаивалъ, чтобы губернаторскій маршалъ графъ Ледоховскій очистилъ весь свой домъ подъ постой генерала Рота; Ледоховскій же очистилъ въ своемъ домѣ число комнатъ, положенное для генерала. Тогда полиція разставила вокругъ дома Ледоховскаго солдатъ, которые въ теченіе семи дней изводили маршала барабаннымъ боемъ, наконецъ выбросили изъ дому жизненные припасы и угрожали выбросить самого Ледоховскаго съ семьею. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей въ данномъ случаѣ не нашелъ возможнымъ не признать такого поступка губернатора несообразнымъ съ постановленіями.

Отношеніе правительства данной эпохи къ другому сословію, получившему зачатки самоуправленія, къ городскому, почти буквально повторяетъ собою отношеніе къ дворянству: тѣ же пріемы, то же внѣдреніе бюрократическаго начала, та же боязнь самоуправленія и общественныхъ элементовъ.

Какъ извѣстно, императоръ Павелъ отмѣнилъ городовое положеніе 1785 года, изданное Екатериной II. Въ первыя же недѣли своего воцаренія, императоръ Александръ I издаетъ парадный манифестъ о возстановленіи городового положенія: „Соображая великимъ намѣреніямъ вселюбезнѣйшей бабки Нашей,—говоритъ императоръ,—сохраняя святость ея установленій и бывъ

удостовѣрены въ той истинѣ, что безъ правъ и преимуществъ непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія, мы признали за благо въ пользу и ободреніе ихъ утвердить и возстановить городовое положеніе и грамоту городамъ данную во всей силѣ ея и пространствѣ, торжественно утверждая, узаконяя и повелѣвая всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ признавать положеніе сіе однимъ, изъ главныхъ, непреложныхъ и неприкосновенныхъ государственныхъ постановленій; напротивъ, отмѣняя и отлагая все, что противно оному или несообразно силѣ его допущено или установлено было". Такова многообѣщающая программа. Но это парадное заявленіе о возстановленіи дѣйствія городового положенія, о его неприкосновенности очень скоро было забыто и тяжелая опека надвигалась надъ городомъ въ противность тѣмъ началамъ, которыя были выработаны при Екатеринѣ.

Нельзя сказать, чтобы городовое положеніе 1785 года отличалось полной ясностью основной своей идеи. Законодатель, правда, вноситъ въ понятіе о городѣ и о городскомъ самоуправленіи много совершенно новыхъ взглядовъ; съ другой стороны Грамота не вытѣсняетъ старыхъ сложившихся вѣками взглядовъ. Наконецъ, она не вполнѣ точно и ясно конструирована, такъ что предоставляла направленіе тѣхъ или другихъ началъ практикѣ жизни. Грамота даетъ не вполнѣ ясное опредѣленіе состава городского общества. Съ одной стороны въ него входятъ городскіе обыватели „средняго рода людей или мѣщанъ", которые трудолюбіемъ или добронравіемъ пріобрѣли себѣ состояніе; съ другой стороны въ составъ обывателя входятъ всѣ живущіе въ чертѣ города. Таковъ составъ „городского общества". Всѣ члены этого общества имѣютъ право участвовать въ городскихъ дѣлахъ. Но съ другой стороны, городъ, какъ юридическое лицо, составляется изъ отдѣльныхъ шести группъ городского общества, распредѣляющихся по чисто сословнымъ признакамъ (къ первому классу относятся всѣ тѣ, которые въ городѣ владѣютъ какой нибудь недвижимой собственностью; ко второму—купцы трехъ гильдій; къ третьему—цеховые ремесленники; къ четвертому—иностранцы и иногородные жители, приписавшіеся къ данному городскому обществу въ цѣляхъ промышленности; къ пятому—именитые граждане, представители самаго крупнаго капитала и интеллигентнаго труда; наконецъ, къ шестому относится классъ посадскихъ, состоящій

изъ неопредѣленнаго контингента промышленнаго и рабочаго населенія городовъ). Небольшой цензъ (доходъ съ имущества въ размѣрѣ не менѣе 50 рублей ассигнаціями) даетъ право всѣмъ городскимъ обывателямъ принимать участіе въ городскомъ собраніи. Это собраніе, созывавшееся разъ въ три года, имѣетъ право добровольныхъ складокъ, т. е. право самообложенія. Оно же избираетъ особую шестигласную думу съ городскимъ головой во главѣ, которая и является исполнительнымъ органомъ городского самоуправленія. Но Грамота очень неопредѣленно ставитъ вопросъ объ отношеніи губернаторской власти къ городскому самоуправленію. При такихъ условіяхъ являлась возможность широкаго развитія губернаторскаго контроля надъ городскимъ самоуправленіемъ и особенно надъ городскими финансами. Кругъ дѣятельности городскихъ думъ, т. е. кругъ ихъ вѣдомства, тоже опредѣляется въ законѣ не точно, въ слишкомъ общихъ очертаніяхъ. „Пользы и нужды города“ — вотъ предметъ дѣятельности заботъ шестигласной думы. Поэтому дума заботится о благосостояніи города, даже о доставленіи жителямъ города пособія на прокормленіе, о привозѣ въ городъ продуктовъ, о приращеніи городскихъ доходовъ, о добромъ порядкѣ и благочиніи, объ охранѣ городового и ремесленнаго положенія и т. д. Уже изъ этого перечня видна неопредѣленность положенія, выраженнаго въ очень общихъ фразахъ, въ которыхъ даже нашла себѣ мѣсто забота о „прокормленіи“ обывателей, подъ которой, очевидно, разумѣется содѣйствіе думы матеріальному благополучію обывателей.

Каковы бы ни были недостатки городового положенія Екатерины II, все же нельзя не согласиться съ выводомъ историка нашего городского устройства покойнымъ профессоромъ Дитятинымъ, что въ основу Екатерининскаго городового положенія вошли болѣе или менѣе широкія начала автономіи, которыя — прибавимъ — могли получить и соотвѣтствующее здоровое развитіе.

Но правительство Александра I подошло къ городскому самоуправленію съ обычными своими пріемами. Началось постепенно искаженіе городового положенія. Уже въ томъ же 1801 году, въ которомъ было возстановлено городовое положеніе, императоръ въ указѣ на имя главнокомандующаго въ Москвѣ предлагаетъ представить соображенія о перемѣнахъ и дополненіяхъ, необходимыхъ въ городовомъ положеніи, такъ какъ императоръ полагаетъ недостаточными органы городского самоуправленія въ

наблюденіи за тишиной, безопасностью и правымъ судомъ; повидимому, императоръ намекаетъ на желательность возстановленія ратгауза Павловскаго времени и положительно рекомендуетъ сокращеніе городскихъ расходовъ. Этотъ указъ касался главнокомандующихъ обѣихъ столицъ. Но, повидимому, оба главнокомандующіе (графъ Салтыковъ въ Москвѣ и Голенищевъ-Кутузовъ въ Петербургѣ) не представили никакихъ предположеній по этому поводу. Для насъ важно лишь то принципіальное недовѣріе, которое сказывается въ указѣ императора сейчасъ послѣ возстановленія Городской Грамоты.

Это недовѣріе начало проявляться иными путями въ жизни. Въ отношеніи городскихъ финансовъ начинается эпоха созданія отдѣльныхъ комитетовъ, въ руки которыхъ переходитъ завѣдываніе частями городского управленія. Уже въ январѣ 1802 года по указу государя въ обѣихъ столицахъ появляются „комитеты для уравненія городскихъ повинностей“, въ составѣ выборныхъ и правительственныхъ членовъ, но въ число выборныхъ входятъ только представители отъ дворянства и отъ купечества. Правительственное бюрократическое начало проникаетъ путемъ подобныхъ комитетовъ въ область городского самоуправленія. Черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ того же 1802 г., упомянутый комитетъ уже получаетъ обязанность заботиться обо всѣхъ городскихъ расходахъ и повинностяхъ; въ его вѣдѣніе переходитъ забота объ освѣщеніи улицъ, о содержаніи мостовыхъ, содержаніе пожарной команды и т. д. Вскорѣ подобные комитеты появляются въ другихъ городахъ—въ губернскихъ и частью въ уѣздныхъ. Въ 1820 году въ столицахъ появляются еще новые комитеты для лучшаго устройства доходовъ и расходовъ. Такимъ образомъ управленіе столицами фактически совсѣмъ перешло въ руки комитета, въ значительной мѣрѣ то же случилось и съ провинціальными городами. Члены этихъ комитетовъ назначаются изъ чиновниковъ, дворянъ и отъ купечества губернаторами,—„какъ онъ залучшее по усмотрѣнію своему признаетъ“. Такимъ образомъ, къ этимъ комитетамъ тамъ, гдѣ они были учреждены, перешли важнѣйшія городскія дѣла. Комитеты имѣли своею цѣлью урегулировать городскіе финансы, почему они и перешли отъ уравненія городскихъ повинностей къ составленію смѣтъ. Вскорѣ изъ этихъ комитетовъ раздаются уже заявленія о томъ, что городскія думы окончательно не въ состояніи „управлять симъ дѣломъ“, т. е.

городскимъ хозяйствомъ, „съ надлежащею вѣрностью и порядкомъ“. Появляются предложенія всѣ городскіе финансы передать въ вѣдѣніе новыхъ особыхъ комитетовъ. Эта мысль уже возникаетъ въ 1806 году. Кромѣ того, надо прибавить къ этому еще контроль начальника губерніи. Независимо отъ того, разсматривались ли вопросы о думскихъ доходахъ и расходахъ комитетами, думы должны были еще испрашивать разрѣшеніе мѣстныхъ губернаторовъ, контроль которыхъ доходилъ до мелочей: дума ни одного рубля не могла израсходовать безъ особыхъ на то сношеній съ губернаторомъ. И всего этого казалось мало Александровскому правительству. Въ 1824 г. по случаю перерасхода въ предѣлахъ смѣты Московской Думы на мостовыя, Комитетъ Министровъ имѣлъ сужденіе о способахъ надзора за правильнымъ городскимъ хозяйствомъ, при чемъ высказаны были предположенія о составленіи особаго закона въ цѣляхъ еще болѣе усиленнаго контроля городскихъ думъ.

Такимъ образомъ, возстановленныя Александромъ I городскія думы, благодаря вмѣшательству бюрократическаго начала, очень скоро въ своей дѣятельности были низведены до минимума. Дума просто превращается въ исполнительный органъ стоящаго надъ нею комитета и занимается выдачей средствъ и собираніемъ городскихъ налоговъ по указанію комитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ фактически у думы постепенно отнимаются и разныя отрасли вѣдѣнія городского благоустройства. Появляются постепенно особые комитеты и по этой части. Бюрократическая опека широко раскинула свои сѣти надъ городскимъ самоуправленіемъ. Законодательство этого періода, говоритъ Дитятинъ, развивало въ сущности не столько основанія общественной автономіи, установленныя положеніемъ 1785 г., сколько едва замѣтныя начала опеки, которыя въ него были внесены. Городскіе выборные превратились въ совѣщательный элементъ при правительственныхъ органахъ, вѣдающихъ совершенно независимо отъ нихъ, интересы и потребности города; городскіе выборные играютъ самую незначительную роль въ городской администраціи. Такимъ образомъ начала, вложенныя Екатериной II, были совершенно извращены.

Въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь къ тому, чѣмъ вѣдали городскія думы въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, можно придти къ заключенію, что въ ихъ вѣдѣніи почти не осталось никакихъ сторонъ городского благоустройства. Даже въ дѣлѣ освѣщенія

улицъ и очисткѣ ихъ городскія думы иногда уступали полиціи. Горожане платили налоги, а расходованіемъ ихъ и распредѣленіемъ размѣра занималась администрація. И несмотря на такое приниженное положеніе органа городского самоуправленія, „все вниманіе законодателя,—говоритъ Дитятинъ,—сосредоточивается на изобрѣтеніи возможно болѣе дѣйствительныхъ средствъ правительственнаго надзора, возможно болѣе точнаго и подробнаго опредѣленія бюрократическаго производства... Отсюда эти безконечныя правила о росписяхъ и смѣтахъ, эта сложная процедура отчетовъ“. Думы все находятся подъ угрозой ревизій многочисленныхъ органовъ администраціи, не распоряжаясь по существу никакими суммами, будучи только кассирами этихъ суммъ.

Не только мѣстная администрація, но даже и центральная, даже самъ императоръ Александръ I тѣмъ не менѣе удѣляютъ массу времени и энергіи на городскія дѣла: все регламентируется, все предвидится до мелочей. Не только планы городовъ утверждаются и даже исправляются высшей администраціей имперіи, но регламентируется гдѣ, въ какой части города, могутъ быть построены каменные или деревянные дома, опредѣляются фасады домовъ и т. п. Постоянно подымается вопросъ о выравниваніи городскихъ улицъ, дѣлаются постановленія о сломкѣ домовъ— постоянная забота, постоянное стремленіе выравнять всѣ города, сдѣлать ихъ буквально одинъ съ другимъ сходными. И горожане постоянно должны сноситься съ Петербургомъ, то прося разрѣшенія перестроить сгорѣвшіе торговые ряды, то прося разрѣшенія строить деревянные дома въ тѣхъ кварталахъ города, въ которыхъ приказано изъ Петербурга строить каменные и т. д. Всѣми этими вопросами государь интересуется лично. Онъ, напр., былъ противникомъ газоваго освѣщенія и запретилъ въ городахъ проводить газъ. Вся эта опека, все это стремленіе устроить города, конечно, сопровождались самоуправствомъ со стороны органовъ администраціи. Губернаторы отрѣшаютъ городскихъ головъ и другихъ выборныхъ отъ должностей, лишаютъ иногда права ставить кандидатуру неугодныхъ имъ и т. п. Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ подвергъ сильнѣйшему преслѣдованію новоладожскаго городского голову Попова; но, когда началось слѣдствіе, онъ самъ долженъ былъ признаться въ Комитетѣ Министровъ, что онъ отдалъ подъ судъ Попова, не имѣя точныхъ доказательствъ, основываясь на однихъ предположеніяхъ; выяс-

нилось при этомъ, что онъ утвердилъ вмѣсто Попова городскимъ головой человѣка, не имѣющаго ни семейства, ни капитала, ни дома и имѣющаго всего 25 лѣтъ отъ роду; несмотря на вскрывшіяся несправедливости по отношенію къ Попову, въ которыхъ самъ признавался графъ Милорадовичъ, все же въ Комитетѣ Министровъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы предоставить Новоладожскому городскому обществу избирать другого голову, но только не Попова.

Такъ правительство опекало города. Оно, однако, замѣчало, что городское благоустройство не подвигается нисколько. Въ 1822 г. министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей докладывалъ Комитету Министровъ: „губернскіе начальники въ теченіе многихъ лѣтъ уже прилагаютъ всевозможныя старанія къ поддержанію городовъ отъ угрожающаго имъ упадка и отъ неустроенія ихъ, но успѣхъ не вездѣ соотвѣтствуетъ попеченіямъ и немалое число городовъ или остается въ прежнемъ ихъ ничтожномъ положеніи или упадаетъ“. Такъ, самъ министръ вн. дѣлъ долженъ былъ признаться, что при помощи губернскихъ начальниковъ нельзя поднять благосостояніе городовъ. Графъ Кочубей указывалъ и на нѣкоторыя причины этого упадка. Главной изъ нихъ онъ считалъ то, что граждане не были увѣрены въ пользованіи собственностью, почему они ее запускали и продавали за безцѣнокъ; онъ указывалъ на то, что города обложены многочисленными повинностями общегосударственнаго характера, и что между прочимъ города очень тяготятся военной квартирной повинностью. Кочубей понималъ дѣло съ точки зрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Не лучше понималъ дѣло умнѣйшій изъ министровъ конца Александровской эпохи извѣстный графъ Канкринъ. Въ 1825 г. онъ жаловался Комитету Министровъ на то, что развитіе нашей внутренней промышленности и торговли не соотвѣтствуетъ внѣшней. Онъ совѣтовалъ поднять внутреннюю торговлю, между прочимъ лучшимъ устроеніемъ городовъ. Но подъ этимъ онъ понималъ только облегченіе перехода населенія изъ одного города въ другой, и въ сосредоточеніи торговли и ремеслъ исключительно въ городахъ, высказываясь, такимъ образомъ, противъ сельской промышленности и торговли.

Александровскіе министры замѣчали и еще одно явленіе въ настроеніи городского общества. Комитетъ Министровъ обратилъ вниманіе на „уклоненіе“ городскихъ обывателей отъ службы по

выборамъ въ городскихъ учрежденіяхъ, и предложилъ комиссіи законовъ обсудить вопросъ о томъ, „какъ возвысить служеніе гражданъ и возбудить въ нихъ желаніе заниматься онымъ“ (т. е. службою). Графъ Кочубей въ одномъ изъ засѣданій Комитета Министровъ указывалъ на то, что горожане бѣгутъ отъ службы, что это общее явленіе во всѣхъ русскихъ городахъ; онъ вспоминалъ то время, когда горожане домогались, какъ отличія, избранія въ ту или другую должность, а теперь они бѣгутъ изъ города передъ выборами, уѣзжаютъ даже за границу.

Изъ этого признанія, весьма откровеннаго, былъ ясенъ выводъ: выборная служба сдѣлалась тяжелой повинностью, которой бѣжали жители городовъ. И правительство не находило средствъ противъ всѣхъ этихъ, имъ же замѣчаемыхъ явленій, иныхъ, какъ усиленіе опеки.

Если отношеніе правительства къ дворянству и городамъ соотвѣтствовало взглядамъ императора, то по отношенію къ крѣпостному крестьянству правительство стало въ болѣе затруднительное положеніе. Здѣсь оно столкнулось съ сильнымъ теченіемъ въ крѣпостнической средѣ. Взглядъ правительства на крѣпостной вопросъ отличается неопредѣленностью, растерянностью, и послѣ первыхъ либеральныхъ заявленій правительство оставляетъ крестьянскій вопросъ, предоставляя житейскимъ соотношеніямъ вырабатывать иныя формы его.

Императоръ Александръ I многократно при различныхъ случаяхъ выражалъ свое желаніе освободить крестьянъ. Иногда эти обѣщанія давались имъ въ весьма категорической формѣ, какъ обѣщаніе, данное г-жѣ Сталь въ Парижѣ въ 1814 году. Однако, къ этимъ обѣщаніямъ слѣдуетъ относиться скорѣе, какъ къ красивымъ фразамъ. Царствованіе Александра I-го одно изъ наиболѣе безцвѣтныхъ въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Правда, въ отношеніи правительства къ крестьянамъ замѣчается новая черта. Александръ I й охотно принимаетъ жалобы крестьянъ на своихъ помѣщиковъ, вникаетъ въ нихъ и всѣ мѣры принимаетъ къ тому, чтобы выяснить истину. Онъ охотно приказываетъ отдавать имѣнія жестокихъ помѣщиковъ въ опеку и вообще пытается воздѣйствовать на помѣщиковъ путемъ наказаній. Императоръ какъ будто стремится перевоспитать крѣпостническую среду. Это вмѣшательство верховной власти, симпатичное само по себѣ, временно избавляло крѣпостныхъ того или другого уголка обшир-

наго государства отъ насилій со стороны помѣщика, но для остальной массы ничего не было сдѣлано.

Прежде всего разсмотримъ проявленія законодателной дѣятельности правительства по отношенію къ крестьянству. Первые годы царствованія въ этомъ отношеніи, казалось, были весьма благопріятны. Въ Негласномъ Комитетѣ нѣсколько разъ подымался этотъ вопросъ. Въ него, напримѣръ, былъ внесенъ государемъ проэктъ адмирала Мордвинова о разрѣшеніи государственнымъ и удѣльнымъ крестянамъ покупать ненаселенныя земли. Государь выражалъ даже мысль о разрѣшеніи этимъ крестьянамъ покупать и населенныя земли, но съ ограниченіемъ ихъ правъ относительно крѣпостныхъ. Но члены Негласнаго Комитета поспѣшили убѣдить государя въ томъ, что съ этимъ вопросомъ торопиться ненужно. Не прошло также въ этомъ Комитетѣ и предложеніе выкупать дворовыхъ людей въ казну, чтобы тѣмъ уменьшить число безземельныхъ рабовъ. Князь Платонъ Зубовъ представилъ въ іюлѣ 1801 года государю проэктъ о запрещеніи продавать крестьянъ безъ земли и считалъ полезнымъ записать дворовыхъ въ цехи съ тѣмъ, что если собственники пожелаютъ продавать ихъ, то выкупать на счетъ казны, опредѣливъ цѣну выкупа, а при раздѣлѣ наслѣдства не разлучать членовъ одной и той же семьи. И это предложеніе не нашло здѣсь сочувствія. Вопросъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли подымался въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1802 году, прямыхъ протестовъ среди членовъ Совѣта не было, и тѣмъ не менѣе принятіе этой мѣры было отложено. Появилось лишь воспрещеніе публиковать въ газетахъ о продажѣ людей безъ земли, а въ 1808 году запрещено было продавать людей на ярмаркахъ въ розницу. Мѣры эти не имѣли никакого серьезнаго значенія. Болѣе крупной мѣрой этого царствованія является законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Вопросъ о правѣ помѣщика заключать съ своими крестьянами условіе о выкупѣ ими себя у помѣщика былъ поднятъ графомъ Румянцевымъ. Мѣра эта была одобрена Александромъ и осуществлена въ формѣ закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, вышедшій 20 февраля 1803 года, разрѣшалъ помѣщикамъ заключать съ крестьянами условія. Крестьяне могли выкупиться немедленно за извѣстную сумму, получая при этомъ земельный надѣлъ; могли эту сумму уплачивать въ разсрочку, наконецъ, могли превратиться въ пожизненныхъ или наслѣдственныхъ арендаторовъ помѣщика

прикрѣпленныхъ къ землѣ, но обязанныхъ отбывать на помѣщика опредѣленныя повинности или платить ему опредѣленный оброкъ. Законъ этотъ, однако, не имѣлъ серьозныхъ послѣдствій, воспользовались имъ весьма немногіе. Причина этого неуспѣха закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ заключается въ разъяснительныхъ циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которые весьма затруднили заключеніе условій. Въ общемъ въ теченіе всего царствованія императора Александра I было 161 случай перехода крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, при чемъ получило свободу 47153 д. м. п.

Кромѣ этой мѣры въ этотъ періодъ было издано еще нѣсколько мелкихъ узаконеній, не имѣвшихъ серьознаго значенія; эти узаконенія касались правъ на владѣніе крѣпостными личныхъ дворянъ, которымъ въ 1814 году воспрещено было дальнѣйшее пріобрѣтеніе населенныхъ земель, купцовъ, получившихъ потомственное дворянство, приняты были мѣры объ ограниченіи закрѣпощенія незаконнорожденныхъ и подкидышей, а также питомцевъ воспитательнаго дома; повторено было запрещеніе продавать людей въ рекруты, въ 1802 году воспрещена была ссылка крѣпостныхъ помѣщиками на поселеніе, но снова разрѣшена въ 1822 году.

Нѣсколько мѣръ было принято по отношенію къ посессіоннымъ крестьянамъ.

Характеризовать положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ данной періодъ довольно трудно, потому что крѣпостное рабство приняло уже развитую форму и въ немъ трудно выдѣлить специфическія черты, относящіяся именно къ этому періоду. Можно отмѣтить лишь нѣкоторыя новыя явленія, развитіе которыхъ приходится какъ разъ на этотъ періодъ. Еще труднѣе было бы характеризовать экономическое положеніе крѣпостного крестьянства, такъ какъ для даннаго времени нѣтъ матеріаловъ, которые позволили бы характеризовать спеціально даную эпоху, вродѣ матеріаловъ, характеризующихъ положеніе крестьянства въ Екатерининскій періодъ (результаты генеральнаго межеванія), или матеріаловъ, рисующихъ положеніе крестьянства наканунѣ освобожденія (матеріалы редакціонныхъ комиссій).

Въ общемъ надо отмѣтить, что къ началу XIX вѣка относится усиленіе и развитіе нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ крѣпостного права. Крѣпостной былъ машиной, которая вырабатывала для помѣщика деньги и жизненные припасы. Естественно, что на

этой машинѣ отражались финансовыя затрудненія правительства и наростающія новыя условія торгово-промышленной дѣятельности страны. На переломѣ XVIII и XIX столѣтій мы присутствуемъ при зарожденіи капиталистическаго хозяйства въ Россіи. Этотъ переломъ экономической жизни страны сталъ отражаться на усиленіи крѣпостного права, такъ какъ помѣщики устремились извлекать наибольшія выгоды изъ крѣпостного труда.

Такъ, изслѣдователи отмѣчаютъ прежде всего уже въ началѣ XIX столѣтія увеличеніе крестьянскаго оброка. Такъ, въ концѣ XVIII столѣтія по приблизительнымъ разсчетамъ размѣръ оброка съ тягла (отъ 2-хъ до—$2^1/_2$ душъ муж. пола) въ среднемъ равнялся 10—$12^1/_2$ р., иногда доходя до 20 р. Послѣ 1810 г., т. е. съ паденіемъ нашего курса, началось возвышеніе оброковъ такъ какъ по свидѣтельству современниковъ помѣщики не хотѣли терять на паденіи курса ассигнаціоннаго рубля. Послѣ 1815 года, съ измѣненіемъ тарифа, открывавшаго болѣе свободы торговлѣ, помѣщики снова дѣлаютъ попытки возвысить оброки. Въ этотъ періодъ средній оброкъ, по словамъ тогдашнихъ наблюдателей, равняется отъ 25—30 рублей, но въ отдѣльныхъ случаяхъ доходитъ до 110 рублей съ тягла. Оброкъ въ 25 рублей съ тягла считается не обременительнымъ. Вообще во многихъ имѣніяхъ встрѣчается оброкъ въ 40, 50, 70 рублей съ тягла. Въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской, Петербургской и Нижегородской средній оброкъ съ тягла считался въ 70 руб.

Вообще нѣкоторые наблюдатели того времени замѣчаютъ усиленіе эксплоатаціи крестьянскаго труда помѣщикомъ (дневникъ Тучкова). Такъ, въ концѣ XVIII вѣка средній размѣръ барщины былъ въ три рабочихъ дня въ недѣлю, хотя уже тогда было не мало отступленій. Теперь замѣчается увеличеніе числа барщинныхъ дней: нѣкоторые помѣщики заставляютъ своихъ крестьянъ работать по 4, 5 и даже 6 дней въ недѣлю. Вслѣдствіе этого крестьяне не всегда успѣвали обрабатывать собственныя поля. Кромѣ того на крестьянахъ тяжело отражалась подводная повинность, такъ какъ при барщинномъ хозяйствѣ сельско-хозяйственные продукты вырабатывались главнымъ образомъ для продажи, чему способствовало быстрое поднятіе цѣнъ на хлѣбъ; крестьяне должны были подвозить хлѣбъ на рынки.

Былъ еще одинъ видъ эксплоатаціи крѣпостного труда: отдача помѣщикомъ крѣпостныхъ крестьянъ въ наемъ на фабрики или

для другихъ работъ; особенно этотъ способъ былъ распространенъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Положеніе такихъ отданныхъ въ наемъ крестьянъ было самое жалкое. Помѣщикъ бралъ отъ нанимателя условленную плату. Наниматель же долженъ былъ только содержать крестьянъ. Современники описываютъ ту жалкую обстановку, въ которой обыкновенно жили отданные въ наймы рабы. Иногда, чтобы попасть на мѣсто работъ, имъ приходилось проходить по нѣсколько сотъ верстъ. Разумѣется, наниматель являлся судьею и господиномъ этихъ рабочихъ, наказывалъ ихъ и т. п. Наемъ крестьянъ усиливался тогда потому, что вслѣдствіе развитія промышленности возрастала потребность въ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

Вотъ тѣ новые штрихи, развитіе или усиленіе которыхъ можно наблюдать въ данный періодъ. Что касается отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ, равно и юридическихъ правъ надъ крѣпостнымъ, то въ этомъ отношеніи данная эпоха не представляетъ собой какихъ либо особенныхъ сторонъ. Крѣпостное право уложилось, какъ въ своей юридической, такъ и въ бытовой сторонѣ. Вообще, мы довольствуемся здѣсь лишь немногими штрихами, отсылая читателя къ нашей книгѣ „На зарѣ крестьянской свободы“.

ГЛАВА XX.

Итоги предыдущаго изученія и экономическая политика правительства.

Теперь оглянемся назадъ и подведемъ итоги сдѣланнымъ нами наблюденіямъ. Весь этотъ 25-ти лѣтній періодъ выдается сильнымъ подъемомъ общественнаго настроенія. Оно сказывается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, охватываетъ широкіе слои общества, оно, наконецъ, быстро смѣняется, отъ либерализма переходя къ крайней реакціи, и отъ этой мрачной эпохи подымаясь снова до широкихъ демократическихъ началъ, что сказалось въ движеніи декабристовъ. Въ русской исторіи предшествующаго періода нельзя указать ни подобнаго рода подъемовъ общественнаго настроенія, ни подобнаго рода быстрыхъ смѣнъ его. Да и въ послѣдующій періодъ полную аналогіи трудно было бы найти. Правда, эта эпоха выдѣляется необычными въ исторіи внѣшними обстоятельствами, вліявшими на настроеніе общественныхъ элементовъ.

Исторія народа знаетъ такіе періоды его развитія, когда на первомъ планѣ въ жизни общества выступаетъ идейное его содержаніе. Съ этой именно точки зрѣнія должна быть по преимуществу оцѣниваема изучаемая эпоха. Однако, внимательное изученіе періода, окрашеннаго наиболѣе рельефно идейнымъ содержаніемъ, все-таки вскрываетъ истинную причину общественныхъ интересовъ въ факторахъ экономическихъ, на фонѣ которыхъ выдѣляются классовые интересы. Здѣсь въ этой книгѣ мы не ставимъ себѣ задачей знакомство съ факторами экономическаго порядка, во первыхъ, потому, что это было сдѣлано нами недавно въ другой книгѣ, къ которой мы и отсылаемъ интересующагося читателя („На зарѣ крестьянской свободы“), а во-вторыхъ, потому что данный періодъ представляетъ собою въ исторіи экономическаго развитія Россіи эпоху промежуточную между предшествовавшей эпохой Екатерины II и послѣдующимъ царствованіемъ;

выхватывать и разсматривать ее отдѣльно, въ угоду простой хронологіи, не имѣетъ большого значенія, и мы эти факторы учтемъ въ слѣдующемъ томѣ этого сочиненія. Теперь мы ограничимся нѣсколькими штрихами только для того, чтобы оцѣнить и обобщить общественныя явленія, которыя мы только что наблюдали.

Мы наблюдали въ первые годы этого періода сильный подъемъ либеральнаго направленія. И революція, возведшая на престолъ императора Александра, и тѣ партіи, которыя его немедленно окружили, даже широкіе слои общества, болѣе или менѣе удаленные отъ пульса политической жизни страны,—всѣ были проникнуты радужнымъ либеральнымъ настроеніемъ. Но слѣдуетъ учесть партійный составъ этого настроенія, чтобы видѣть среду, интересы которой оно собою представляетъ: это среда крупнаго дворянства и землевладѣнія. Оттого и въ конституціонныхъ проэктахъ первыхъ годовъ рѣчь идетъ о правахъ собственно для крупнаго дворянства; крестьянскій вопросъ въ сторонѣ, и даже умнѣйшіе и образованнѣйшіе представители тогдашняго общества (графъ Мордвиновъ, Новосильцевъ и др.—независимо отъ направленія) изыскиваютъ аргументы для оправданія крѣпостного права, или по крайней мѣрѣ для того, чтобы о немъ не подымать вопроса. Сперанскій занялъ довольно уединенное мѣсто съ своими болѣе демократическими тенденціями среди сановныхъ верховъ. И періодъ реакціи и такое явленіе, какъ декабризмъ окрашиваются тѣмъ же подъемомъ въ средѣ родовитаго дворянства.

XVIII вѣкъ въ русской исторіи является эпохой сплоченія дворянства и роста его сословнаго и политическаго значенія. Этому несомнѣнно способствовалъ прежде всего ростъ сословнаго самосознанія, опирающагося на ростъ экономическій и политическій. Уже во второй половинѣ XVII вѣка начинаетъ наростать новое русское дворянство. Значительная часть земель, принадлежавшихъ московскому государю, переходитъ въ его руки; оно обогащается путемъ торговли, откуповъ и, наконецъ, прямого захвата имущества у болѣе слабыхъ общественныхъ элементовъ, Въ его средѣ уже складывается понятіе о родовитости. Петръ Великій въ значительной мѣрѣ на время разрѣдилъ образующійся родовитый составъ дворянства, вобравъ въ его среду не дворянскіе элементы, выдвинувшіеся службой. Но въ теченіе XVIII вѣка дворянство быстро крѣпнетъ. Само же правительство XVIII

столѣтія поддерживаетъ образованіе мощнаго слоя дворянства путемъ раздачи огромной массы казенныхъ земель и путемъ раздачи привилегій и монополій въ области промышленности и торговли. Параллельно съ этимъ происходитъ ограниченіе привилегій фабрикантовъ изъ купеческаго званія, при чемъ наибольшее значеніе имѣло запрещеніе покупки къ фабрикамъ крестьянъ. Къ концу XVIII столѣтія, къ исходу блестящей Екатерининской эпохи въ рукахъ дворянства сосредоточиваются основы богатства страны. Въ средѣ его появляется цѣлый рядъ очень крупныхъ землевладѣльцевъ. Необыкновенно быстрый ростъ нашего вывоза, состоявшаго по преимуществу изъ продуктовъ сельскаго хозяйства и всякаго рода сырья, обогатилъ крупное дворянство. Общій подъемъ экономической жизни вызвалъ приливъ населенія въ города и быстрый ростъ русской промышленности. Промышленность оказалась по преимуществу въ рукахъ того же дворянства. Но въ эту же эпоху у дворянства появляется два сильныхъ конкурента. Во-первыхъ, растетъ значеніе купеческихъ фабрикъ, во-вторыхъ, появляются крестьянскія фабрики. Хорошо извѣстно, что уже въ Екатерининской Комиссіи въ рѣзкой мѣрѣ сказался антагонизмъ между дворянствомъ и купечествомъ. Хотя конкуренція купечества была тогда очень слабой, но все же она чувствовалась дворянами и они настойчиво требовали отмѣны всѣхъ привилегій, которыми пользовались фабриканты изъ купеческаго класса. Все это указываетъ на стремленіе со стороны дворянства удержать свое положеніе въ области промышленности и захватить исключительно въ свои руки расширяющійся спросъ на новыя произведенія. Борясь съ наростающимъ купечествомъ, дворянство удерживаетъ въ своихъ рукахъ промышленность и къ концу XVIII вѣка и въ началѣ XIX число дворянскихъ фабрикъ въ сильной мѣрѣ увеличивается. Въ началѣ XIX вѣка самыя важныя фабрики—суконныя—принадлежали почти исключительно дворянамъ. Значительная часть этихъ фабрикъ была изъ числа такихъ, которыя выросли на казенныя субсидіи и поддерживались казенными же субсидіями и заказами на военное вѣдомство. Это такъ называемыя обязанныя фабрики. Въ рукахъ же дворянства находилось все желѣзодѣлательное производство, такъ какъ все Пріуралье было роздано въ качествѣ посессіонныхъ горныхъ заводовъ еще въ XVIII столѣтіи крупнѣйшимъ представителямъ дворянства.

На ряду съ купеческими фабриками, какъ было сказано, появляются крестьянскія фабрики. Фабриканты изъ крѣпостныхъ крестьянъ были весьма благосклонно встрѣчены правительствомъ, какъ Екатерининскимъ, такъ и послѣдующимъ. Это и понятно. По объясненію г. Туганъ-Барановскаго, крестьянскія мануфактуры нисколько не вытѣсняли крупныхъ дворянскихъ фабрикъ, такъ какъ крестьяне вырабатывали дешевый продуктъ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскій отпускъ около 1800 г. возросъ, при повышательномъ движеніи съ 1750 года, почти втрое, сравнительно съ отпускомъ половины столѣтія и болѣе, чѣмъ въ десять разъ сравнительно съ отпускомъ 20 и 40 годовъ XVIII столѣтія. Въ 1800 году онъ равнялся уже 60½ м. р. Успѣхъ русскаго вывоза продолжался и въ послѣдующія десятилѣтія: до 1808 года онъ имѣетъ слабое повышеніе, а иногда и нѣкоторое паденіе, что вполнѣ понятно въ виду тогдашнихъ политическихъ осложненій. Но уже въ 1812 году онъ доходитъ до 139 милліоновъ, а въ 1820 году почти до 250 милліоновъ. Кромѣ того, весьма знаменательно колебаніе въ размѣрахъ отпуска, особенно его составныхъ частей. Такъ, въ 1800 году было вывезено 345 т. четвертей пшеницы и около 55 т. остальныхъ хлѣбовъ, а черезъ три года, въ 1803 году, общій вывозъ уже равнялся 2832 т. четвертей. Правда, въ періодъ 1810—1815 годовъ въ отпускѣ хлѣба замѣчается нѣкоторое паденіе, но уже въ 1817 г. вывозъ возросъ до пяти милліоновъ четвертей. Параллельно росло внутреннее потребленіе. При вступленіи Екатерины II на престолъ (1762 г.) считалось 984 фабрикъ и заводовъ, не считая горныхъ, въ годъ смерти—3161. Въ концѣ царствованія императора Александра I всѣхъ фабрикъ и заводовъ насчитывалось 5261 съ 210 т. рабочими.

Ясно, что обмѣнъ и внутреннее потребленіе сдѣлали огромный шагъ въ дѣлѣ своего развитія. Цѣны быстро возросли. Появился рядъ новыхъ продуктовъ производства, занявшій въ странѣ очень видное мѣсто; таково, напр., хлопчатобумажное производство, сахарное производство; южно-русскія поля покрываются стадами мериносовъ и ихъ шерсть стала служить предметомъ вывоза и обработки на русскихъ фабрикахъ. Началось оживленіе юга, ростъ портовъ Одессы, Таганрога.

Для насъ сейчасъ важны не столько цифры, сколько то впечатлѣніе, какое производило въ дворянской средѣ это быстрое обновленіе торговопромышленной жизни.

Насколько въ двадцатыхъ годахъ уже чувствовалось біеніе торговаго пульса, насколько торговый интересъ захватывалъ заинтересованные въ немъ круги преимущественно русскаго дворянства, можно судить по одной статьѣ 1818 года въ „Духѣ Журналовъ“. Характеризуя торговлю въ Петербургскомъ порту за 1817 г., авторъ указываетъ на то, что никогда навигація на Балтійскомъ морѣ не была такъ обширна, какъ въ этомъ году, и продажа отечественныхъ произведеній не была сначала такъ медленна, а потомъ быстра и удачлива, какъ въ этотъ годъ. Спросъ на наши продукты въ теченіе навигаціи сталъ быстро возрастать: „начали хватать наперерывъ, особливо хлѣбъ, сало, льняное и конопляное масло, пеньку, поташъ и прочее“—все продукты дворянскихъ имѣній. Все было раскуплено. Вывозъ превысилъ ввозъ въ одномъ только Петербургскомъ порту на пять милліоновъ. Главнымъ предметомъ вывоза былъ хлѣбъ, хотя Петербургскій портъ и не являлся главнымъ мѣстомъ экспорта этого товара. „Жители сей столицы были свидѣтелями такого явленія, какого, можетъ быть, и отцы ихъ не запомнятъ: вся широкая Нева на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ была, можно сказать, покрыта иностранными кораблями, пришедшими сюда за хлѣбомъ“. На цѣну не смотрѣли и хлѣбъ поднялся отъ 18 до 30 рублей за четверть. Авторъ статьи предупреждаетъ своихъ любезныхъ соотечественниковъ, что такое стремленіе къ закупкѣ хлѣба можетъ быть и въ 1818 г., почему совѣтуетъ удерживать цѣны. То же оживленіе замѣчалось и при продажѣ другихъ продуктовъ. Между тѣмъ нѣкоторыя иностранныя произведенія понизились въ цѣнѣ; такъ, авторъ указываетъ на пониженіе цѣнъ на сахаръ, шелковые и бумажные товары и нѣк. друг. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ году было вывезено изъ Петербургскаго порта товаровъ болѣе, чѣмъ на сто милліоновъ рублей.

Такое воодушевленіе, такое мощное біеніе пульса представляетъ собою характерную черту этого періода подъема экономической жизни страны. Не имѣя въ виду останавливаться подробно на этихъ явленіяхъ, напомнимъ только, что торговое оживленіе охватило не только центръ, но и въ сильнѣйшей мѣрѣ далекій югъ, совершенно невоздѣланный ранѣе, несмотря на свой богатый черноземъ. Только что основанная Одесса уже въ 1803 году привлекала въ свой портъ ежегодно болѣе 500 иностранныхъ кораблей, большею частью приходившихъ съ балластомъ для погрузки

хлѣба. Этотъ портъ втянулъ въ свой оборотъ даже такія отдаленныя губерніи, какъ Волынская и Кіевская, не говоря о Херсонской и Подольской. Насколько здѣсь торговля была дѣломъ выгоднымъ, можно судить потому, что въ 1815 году одесскіе купцы закупали пшеницу для перепродажи въ началѣ года по 16 рублей за четверть. И все же эта цѣна давала помѣщику не менѣе 12% чистаго барыша. Но въ этомъ году въ порту пшеница продавалась въ среднемъ по 24 рубля за четверть, подымаясь до 30 рублей. Не менѣе трехъ четвертей одесскаго вывоза непосредственно землевладѣльцами сдавалось на иностранные корабли и только одна четверть проходила черезъ руки скупщиковъ. Такимъ образомъ, землевладѣлецъ, непосредственно сбывавшій свой товаръ, получалъ около 100% прибыли и даже до 150%. И всѣ эти огромные барыши стекались въ карманы главнаго производителя сельско-хозяйственныхъ продуктовъ—въ карманы крупнаго и средняго дворянства, такъ какъ конкуренція крестьянскаго хлѣба и хлѣба изъ мелкопомѣстныхъ имѣній не могла имѣть большого значенія.

Наростающая экономическая мощь дворянства подкрѣпляла его политическое значеніе, усиливала его какъ правительственный классъ. Это очень хорошо понимала Екатерина II, и она сдѣлала все, чтобы отдалить кризисъ столкновенія между державной властью и дворянствомъ. Она съ одной стороны въ значительной мѣрѣ удовлетворила дворянскимъ стремленіямъ, давъ дворянству Жалованную Грамоту. Но въ то же время она не пошла на встрѣчу тенденціямъ крупнаго родовитаго дворянства. Древніе россійскіе роды такъ и не были почтены изящнѣйшими привилегіями, о которыхъ такъ хлопоталъ извѣстный публицистъ того времени кн. М. М. Щербатовъ. Доступъ въ дворянскую среду по прежнему давался службой и государевымъ пожалованіемъ. Въ отношеніи дворянскихъ экономическихъ интересовъ, Екатерина II остановилась на той же серединной политикѣ. Она пошла по пути освобожденія промышленности отъ привилегій, которыми пользовалось купечество, но съ другой стороны она освобождаетъ промышленность отъ привилегированнаго ея положенія. Отдѣльными указами она предоставляетъ всѣмъ жителямъ имперіи право заводить фабрики и всякаго рода промышленныя заведенія; въ то же время она уничтожаетъ привилегіи фабрикантовъ изъ среды купечества, напр., ихъ исключительное положеніе по отно-

шенію къ подсудности, ихъ право пріобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ и проч. Такимъ образомъ, она съ одной стороны удовлетворила тенденціямъ крупнаго дворянства, съ другой стороны освобожденіемъ промышленности и торговли отъ привилегій, монополій и запретительныхъ тарифныхъ ставокъ (изданные Екатериной тарифы далеко не носятъ запретительнаго характера) создавала дворянству сильныхъ конкурентовъ.

Съ одной стороны императрица Екатерина стремится купить дворянскую службу и вѣрность раздачей казенныхъ крестьянъ, усиленіемъ крѣпостного права и даже территоріальнымъ его распространеніемъ въ Малороссіи, съ другой стороны она старается подорвать наросшую политическую силу дворянства. Въ Сенатѣ дворянство имѣло политическій органъ. Екатерина разстроила механизмъ сенатскаго управленія и старалась подорвать его значеніе. Желая удалить дворянство изъ столицы, она дастъ ему широкую возможность участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Всѣми этими мѣрами Екатерина II старалась удержать дворянство отъ болѣе значительныхъ требованій. Правда, при Екатеринѣ II старобоярскія тендеціи сказывались довольно сильно, несмотря на уступчивость императрицы по отношенію къ дворянству. Видными представителями этихъ тенденцій явились кн. М. М. Щербатовъ, Графъ Панинъ и мн. др. Все же Екатерина успѣла примирить съ самодержавной властью огромное большинство дворянства.

Изъ Екатерининскаго періода дворянство вышло сильнымъ въ политическомъ отношеніи, образованнымъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ верхахъ, мощнымъ въ экономическомъ отношеніи, съ несомнѣнными тендеціями къ удержанію политическихъ и экономическихъ привилегій и къ ограниченію самодержавія. При Александрѣ I послѣдовала послѣдняя борьба родовитаго боярства съ неограниченной монархіей. На своемъ пути удержать свою позицію и даже расширить свое положеніе дворянство встрѣтило цѣлый рядъ серьезныхъ препятствій, съ которыми боролось въ теченіе всего изучаемаго періода.

Начать съ того, что оно встрѣтило оппозицію прежде всего въ лицѣ самого монарха. Александръ I не любилъ дворянства и не довѣрялъ ему. Мы видѣли, что онъ расшаталъ дворянское самоуправленіе, подчинивъ его бюрократіи. Даже въ тѣ минуты, когда ему приходилось въ силу государственной необходимости прибѣгать къ моральной и матеріальной помощи этого сословія,

онъ выступалъ передъ нимъ, прекрасно сознавая, что такое обращеніе—тяжелая сдѣлка съ собственнымъ убѣжденіемъ, съ собственнымъ мнѣніемъ.

Слѣдуетъ хотя бы прослѣдить психологію государя въ знаменательный день 15 іюля 1812 года, когда ему пришлось выступить передъ московскимъ дворянствомъ. Растопчинъ подробно описываетъ всѣ движенія въ лицѣ государя. По этому описанію, исполненному наблюдательности, легко прослѣдить психологію дѣйствующаго лица. Передъ входомъ въ залъ государь какъ будто медлилъ. Войдя въ залъ, онъ казался озабоченнымъ. Ему тяжело было, замѣчаетъ Растопчинъ, дѣлать шагъ, на который онъ рѣшился. Только собравшись съ духомъ, онъ началъ дворянству свою знаменитую рѣчь.

Даже къ патріотическому движенію среди дворянства въ 1812 году правительство относилось съ крайнею осторожностью. Дворянство Рязанской губерніи, исполненное патріотическихъ чувствъ, отправило къ императору въ качествѣ депутатовъ своихъ уѣздныхъ предводителей дворянства съ предложеніемъ поставить на защиту отечества 60 тысячъ ратниковъ. Министръ полиціи Балашовъ встрѣтилъ въ Москвѣ депутацію очень рѣзко. Онъ накричалъ на предводителей и обѣщалъ подвергнуть ихъ строгому взысканію за то, что они отлучились отъ своихъ должностей. Огорченные депутаты отправились къ Растопчину. Тотъ принялъ ихъ вѣжливо, обѣщалъ доложить государю, но на другой день утромъ имъ было приказано немедленно выѣхать изъ Москвы.

Такъ, между дворянствомъ и императоромъ всегда существовало недовѣріе, императоръ чувствовалъ въ дворянской средѣ оппозицію той власти, которую онъ собой представляетъ. Дѣйствительно, эта оппозиція всегда существовала. Очень хорошо извѣстенъ инцидентъ, который произошелъ въ Сенатѣ по поводу мнѣнія, высказаннаго графомъ Потоцкимъ. Сенатъ по закону 1802 г. имѣлъ право дѣлать представленія государю о неудобствѣ изданныхъ указовъ. Когда гр. Потоцкій настоялъ на томъ, чтобы Сенатъ представилъ государю по поводу одного указа, нарушавшаго Жалованную Грамоту Екатерины II объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы,—государь очень холодно принялъ сенатскую депутацію, объяснивъ, что этотъ изданный имъ же законъ не касается указовъ, недавно изданныхъ. По словамъ кн. Чарторыйскаго, императоръ никогда не могъ за-

быть „выходки“ Потоцкаго, но за то графъ вошелъ въ почетъ и славу въ Москвѣ и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, какъ защитникъ дворянскихъ правъ.

Недовольство среди дворянства и недовольство рѣзкое всегда замѣчалось въ царствованіе императора Александра. Иностранные послы нѣсколько разъ сообщаютъ темные слухи объ опасностяхъ, угрожавшихъ Александру. Уже первый посолъ Наполеона Савари сообщаетъ о недовольствѣ политикой императора съ намекомъ на угрожающую ему опасность. Смѣнившій его Коленкуръ въ 1809 году сообщаетъ своему государю о дѣятельности партіи недовольныхъ, замышляющей низложить Александра и установить во главѣ правленія регенство съ Маріей Феодоровной во главѣ, или провозгласить императрицей великую княгиню Екатерину Павловну. Аналогичный слухъ возникъ въ сентябрѣ 1812 года и былъ, очевидно, настолько серьезнымъ, что императоръ намекалъ на него и своей сестрѣ. Мы не знаемъ подробностей всѣхъ этихъ слуховъ. Это, конечно, не были заговоры въ собственномъ смыслѣ слова. Но сообщающіе объ этомъ источники не внушаютъ никакихъ сомнѣній. Недовольные были, и легко догадаться, къ какой группѣ общества они принадлежали. О какомъ либо либеральномъ или конституціонномъ движеніи тутъ рѣчи быть не можетъ. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ представителями крупнаго дворянства, для котораго противодворянская политика императора, его внѣшняя политика, бившая по карману крупное землевладѣніе, являлись стимуломъ къ совершенію переворота. Въ своихъ сообщеніяхъ генералъ Савари указываетъ имена вдохновителей этой дворянской фронды: это представители наиболѣе крупнаго землевладѣнія—кн. Кочубей, графъ Строгановъ и многіе другіе.

Не слѣдуетъ думать, что дворянская оппозиціи шла изъ либеральныхъ только круговъ. Мы знаемъ, что императоръ съ теченіемъ времени оперся на самые реакціонные элементы русскаго общества. Эти круги очень много говорили о самодержавіи русскаго монарха. Но самодержавіе, которое понималось реакціонерами, было особаго рода: оно должно было мириться съ требовательностью дворянства. Хорошо извѣстный намъ графъ Растопчинъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ столповъ реакціи, и, однако, его требовательность, переходящая въ фамильярность, выдвигаетъ на первый планъ всѣ дворянскіе интересы. Въ

одномъ письмѣ къ государю 1806 года Растопчинъ, указывая на то, что разнеслись слухи о сочувствіи правительства къ крестьянской вольности, пугаетъ монарха тѣмъ, что народъ можетъ подняться на истребленіе дворянства, почему онъ и „заклиналъ“ монарха именемъ Божіимъ подумать о прошедшемъ и настоящемъ и „возжечь“ въ дворянскихъ сердцахъ любовь, „почти совсѣмъ погасшую“. Онъ требуетъ, чтобы государь взамѣнъ тѣхъ услугъ, которыя дворянство оказало ему въ борбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, обѣщалъ не затѣвать реформъ; только при такихъ условіяхъ, только такого монарха будетъ любить дворянство. Записка Карамзина представлена въ моментъ, когда надвигался самый мрачный моментъ реакціи. Она видитъ спасеніе Россіи въ самодержавіи, но опять таки это чисто дворянское самодержавіе, которому раболѣпствующее дворянство предъявляетъ свои требованія. И такое отношеніе дворянскихъ реакціонныхъ круговъ продолжалось во все царствованіе. И Карамзинъ высказывается противъ бюрократіи, развитіе которой сопровождалось паденіемъ значенія дворянства въ управленіи, подобно тому какъ противъ нея же выскаваются и дворяне либеральнаго направленія.

Дѣло въ томъ, что дворянство всѣхъ направленій понимало надвигающійся фактъ уменьшенія экономическаго значенія дворянства. Въ области крѣпостного права ощущался несомнѣнный сдвигъ, еще очень неясно сознаваемый. Этотъ сдвигъ заключался въ томъ, что при стремленіи дворянства усилить крѣпостной трудъ, наиболѣе интенсивнымъ образомъ направить его на увеличеніе дворянскаго благосостоянія, оно наталкивалось на малую продуктивность подневольнаго труда. Далеко не всѣ изъ его среды сознавали причину такого явленія, различали вольный и невольный трудъ, качество того и другого, но для массы здѣсь чувствовалось какое то непонятное и новое явленіе. Съ другой стороны несомнѣнно быстрый ростъ экономической жизни страны давалъ новыя выгоды этому классу. Дворянство, наконецъ, начинало понимать, что оно не можетъ овладѣть всѣми выгодами быстраго подъема экономической жизни страны, что часть этихъ выгодъ оно уступаетъ быстро наростающему классу капиталистовъ изъ купечества. Въ самомъ дѣлѣ, доминирующая роль дворянской промышленности въ этотъ періодъ понемногу уменьшается. Трудно учесть при современномъ состояніи нашихъ данныхъ постепенное паденіе численности дворянскихъ фабрикъ, но все же это

паденіе было значительно. На рубежѣ столѣтія почти вся промышленность была въ рукахъ дворянства; въ 1832 году имъ принадлежало всего 862 фабрики изъ 5599. Здѣсь сказалось несомнѣнное сокращеніе дворянской промышленности. Можно даже указать и на нѣкоторыя особенности этого процесса. Желѣзодѣлательная промышленность, опекаемая правительствомъ въ теченіе всего XVIII вѣка, въ первой половинѣ XIX не только не развивается, но постепенно падаетъ. То же случилось съ суконнымъ производствомъ. Само правительство первыхъ годовъ XIX пришло къ убѣжденію, что обязанные фабриканты не могутъ доставлять потребнаго количества сукна для войскъ. Ссуды не помогали. Тогда правительство, сначала въ 1809 г. съ нѣкоторыми ограниченіями, а съ 1816 года совершенно—освобождаетъ обязанныхъ фабрикантовъ отъ ихъ обязательствъ по отношенію къ казнѣ. Появляются вольныя фабрики, уже не дворянскаго происхожденія, которыя удовлетворяютъ спросъ. Полотняное производство, бывшее всецѣло въ рукахъ дворянъ, въ первую четверть XIX вѣка не разростается, а постепенно падаетъ. Зарождается бумагопрядильное производство, которое быстро захватываетъ рынокъ, но оно уже вышло изъ недворянской среды.

Основной причиной такого экономическаго отставанія дворянской промышленности является тотъ фактъ, что эта промышленность взлелѣяна была въ XVIII вѣкѣ системой правительственной опеки. Она стремилась сохранить свое положеніе опекаемой промышленности и въ этотъ періодъ, удержать казенныя субсидіи и проч. Фабрики еще получаютъ субсидіи и денежныя награды за усовершенствованія, дворяне не столько просятъ, сколько требуютъ правительственной поддержки. Но все же дворянство не могло захватить всей промышленности въ свои руки и постепенно отодвигалось. Быстрый спросъ, усиленное производство выдвинуло къ жизни нарождающійся недворянскій капитализмъ. Сверхъ того надо замѣтить, что и само правительство Александра I свои отношенія къ дворянской промышленности ставило также, какъ и къ цѣлому сословію. Оно вовсе не склонно было усиленно поддерживать эту промышленность и убивать нарождающихся конкурентовъ. Рядомъ мелкихъ мѣръ, иногда мало замѣтныхъ, иногда изданіемъ чисто техническихъ правилъ, напр. въ области суконной промышленности, Алек-

сандровское правительство постепенно уравниваетъ положеніе конкурентовъ дворянскихъ фабрикъ.

Однимъ словомъ, несмотря на несомнѣнный подъемъ экономической жизни страны, дворянство должно было уступать, уступало свое мѣсто въ промышленности новымъ конкурентамъ, превращаясь постепенно въ производителя сырья, или перерабатывая почти исключительно только нѣкоторые виды сельско-хозяйственныхъ продуктовъ (сахаръ).

Наконецъ, несмотря на абсолютный ростъ дворянскаго благосостоянія извѣстная часть дворянства представлялась тогдашнему наблюдателю толпой разоренныхъ, алчущихъ роскошей, но не имѣющихъ денегъ вельможъ. Очень внимательный наблюдатель, генералъ Савари, хорошо присмотрѣвшійся къ современному ему петербургскому обществу, оставилъ весьма нелестную характеристику тогдашняго дворянства. И при Александрѣ дворяне вспоминали о завоеваніяхъ Екатерины II и о раздачахъ ею генераламъ и офицерамъ завоеванныхъ земель. Русское дворянство конца XVIII вѣка, по его словамъ, обогатилось щедростью государей и въ то же время въ немъ водворились расточительность и тщеславіе. Страсть къ наслажденію сдѣлалась общимъ недостаткомъ дворянства. Дворянство было очень недовольно тѣмъ, что императоръ Александръ прекратилъ раздачу казенныхъ земель. Блестящій по внѣшности Петербургъ сдѣлался городомъ должниковъ: въ этомъ обѣднѣніи нѣкоторой части дворянства, Савари даже видитъ опасность для самодержавной власти.

Это наблюденіе генерала Савари совершенно совпадаетъ съ дѣйствительностью. Огромные барыши, которые получало дворянство, мало укрѣпляли его какъ сословіе. Расточительный образъ жизни поглощалъ дворянскіе доходы. Дворянство не сумѣло утилизировать данный моментъ для упрочненія своего благосостоянія и начало постепенно бѣднѣть. Конецъ крѣпостной эпохи показалъ, что за три чертверти вѣка (начиная съ Екатерининскаго періода) оживленнаго подъема экономической жизни страны, основаннаго главнымъ образомъ на сельско-хозяйственномъ производствѣ, и мужикъ и баринъ обѣднѣли.

Такъ, въ конечномъ итогѣ получается заколдованный кругъ. Какъ только дворянство начинало чувствовать свою мощь, оно ставило требованія политическаго характера. Но какъ только оно ослабѣвало въ экономическомъ отношеніи, хотя бы въ силу

своей расточительности, оно требовало отъ правительства раздачи земель, денежныхъ субсидій и т. п. Александръ I давалъ дворянамъ деньги. Но онъ прекратилъ раздачу земель и путемъ ряда отдѣльныхъ мѣропріятій лишилъ дворянство привилегій въ области промышленности.

Отсюда ясны причины недовольства, которое сказывалось въ дворянской средѣ, и даже реакціонное направленіе этой среды представляло себѣ самодержавіе нѣсколько инымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Есть еще одна сторона тогдашнихъ соотношеній, въ которыхъ не менѣе рельефно сказывалось недовольство и домогательства дворянства. Это—область финансовой и экономической политики.

Тарифная политика Александровскаго періода находится въ непосредственной связи съ одной стороны съ финансовой политикой, а съ другой стороны она оказывается подъ мощнымъ давленіемъ дворянскихъ тенденцій, то въ извѣстной мѣрѣ освобождаясь отъ нихъ, то подчиняясь имъ вполнѣ. Послѣднимъ распоряженіемъ Екатерины II въ этой области было утвержденіе тарифа 14 сентября 1795 г., долженствовавшаго вступить въ дѣйствіе съ перваго января 1797 г. Этотъ тарифъ имѣлъ тенденцію въ сильной мѣрѣ ограничить ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ. Императоръ Павелъ не утвердилъ этого тарифа. Его политика заключалась въ преслѣдованіи англійской торговли и тѣмъ она наносила сильнѣйшій вредъ интересамъ русскаго землевладѣнія. Послѣдней мѣрой этого императора было совершенное запрещеніе вывозить изъ россійскихъ портовъ какіе бы то ни было русскіе товары. Эта мѣра, направленная противъ Англіи, послѣдовала 10 марта 1801 года. 11 марта уже царствовалъ новый императоръ, немедленно отмѣнившій этотъ указъ и черезъ три недѣли введшій въ дѣйствіе тарифъ 1797 г. Съ этого времени начинается постоянное колебаніе русскаго правительства въ его взглядахъ на торговую политику, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ указанныхъ нами условій. Начнемъ съ соотношеній торговой политики и финансоваго положенія государства.

Русскій вывозъ неизмѣнно продолжалъ увеличиваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ падало достоинство ассигнаціоннаго рубля. Политическая необходимость, заставившая Россію признать континентальную систему, вызвала большое движеніе въ дворянской средѣ. Уже въ 1808 г. курсъ ассигнаціоннаго рубля понизился до 50 копѣекъ

серебромъ. Въ теченіе 1800—09 г. г. русскій бюджетъ уже систематически сводился съ дефицитомъ, который за эти девять лѣтъ составилъ огромную сумму въ 366½ м. рублей. Насколько велико было напряженіе русскихъ финансовъ въ этотъ періодъ, можно видѣть изъ того, что расходъ въ 1801 г. выразился въ суммѣ 92 милл. р., а въ 1809 г. въ суммѣ 278½ милл. р. Доходъ же, несмотря на увеличеніе налоговъ, съ 85 мил. р. въ 1801 г. поднялся всего до 135 милл. р. въ 1809 г., т. е. расходъ увеличился въ три раза, въ то время какъ доходъ—всего въ полтора раза. Дефицитъ 1809 г., какъ и болѣе ранніе, былъ покрытъ правительствомъ позаимствованіями изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій и главнымъ образомъ выпускомъ ассигнацій. Это привело къ паденію послѣднихъ, такъ что въ 1809 г. ассигнаціонный рубль ходилъ по 33¹з коп. серебромъ (въ 1800 г. ассигнаціонный рубль стоилъ 64 коп.). Однимъ словомъ, къ 1810 г. русскіе финансы пришли къ совершенному разстройству. Вотъ въ этотъ то моментъ Сперанскому и было поручено выработать планъ финансовъ. Планъ Сперанскаго не былъ проведенъ вполнѣ, а наступившія вскорѣ военныя обстоятельства еще болѣе ухудшили финансовое положеніе Россіи. Къ 1811 г. какъ разъ относится наибольшее паденіе курса ассигнацій, который палъ до 23½ коп. за рубль. 1812 годъ еще въ болѣе сильной мѣрѣ разстроилъ русскіе финансы. Не говоря о прямомъ разореніи населенія, этотъ годъ тяжело отразился на состояніи финансовъ страны прежде всего тѣмъ, что населеніе должно было дать государству огромныя пожертвованія. По весьма умѣренному подсчету министра финансовъ Гурьева, населеніе въ этотъ годъ пожертвовало на содержаніе ополченія, по воинскимъ требованіямъ и прямыми пожертвованіями до двухсотъ милліоновъ рублей. Это сумма огромная сравнительно съ тогдашнимъ государственныхъ бюджетомъ, но столь большія пожертвованія и разореніе населенія[1])

---

[1]) Насколько тяжело жителямъ приходилось для того, чтобы выполнить повинности въ это военное время, можно видѣть по нѣкоторымъ примѣрамъ. Изъ Полтавской губерніи хлѣбъ доставлялся въ Минскую для военныхъ надобностей; эта доставка обходилась по 50 руб. за куль, тогда какъ въ Минскѣ хлѣбъ стоилъ 16 рублей за пудъ. Изъ Тверской и Новгородской губерній понадобилось перевезти запасы въ дѣйствующую армію; на 220 т. четвертей хлѣба нужно было 127581 подвода. Между тѣмъ лошади въ обѣихъ губерніяхъ были изнурены, наемная же поставка

отразились на ослабленіи поступленія налоговъ. Доходъ въ 1812 г. предположено было собрать въ 303 милліона рублей по первой росписи и по дополнительной, второй, росписи 72 мил. рублей. Между тѣмъ къ 1813 г. недоимка составляла огромную сумму въ 172½ мил. рублей, при чемъ значительная часть этой суммы пала на губерніи, не подвергшіяся непріятельскому нашествію, потому что съ губерній, захваченныхъ непріятелемъ, въ этой суммѣ не добрано 31 мил. рублей. При такихъ условіяхъ дальнѣйшій выпускъ ассигнацій становился невозможнымъ, хотя правительство и не могло избѣжать этой мѣры. Послѣдовавшее за двѣнадцатымъ годомъ десятилѣтіе было употреблено на улучшеніе русскихъ финансовъ. Реформа, проведенная министромъ финансовъ Гурьевымъ въ 1816 г., основана большей частью на принципахъ, развитыхъ Сперанскимъ въ его планѣ финансовъ 1810 г., и сверхъ того четыре внѣшніе займа имѣли цѣлью достигнуть нѣкотораго улучшенія въ положеніи финансовъ. Несмотря на это дефицитъ до конца царствованія сдѣлался систематическимъ явленіемъ, правда, уменьшаясь съ теченіемъ времени. Ассигнаціи пали въ цѣнѣ и начиная съ 1810 г. онѣ приблизительно шли по 25 копѣекъ за рубль; курсъ не измѣнился даже послѣ того какъ въ 1817 году прекращенъ былъ выпускъ ассигнацій и началось постепенное ихъ погашеніе. Дефицитъ уменьшался сравнительно медленно, такъ что со 161 милліона въ 1814 г. (наибольшій дефицитъ) онъ понизился къ половинѣ двадцатыхъ годовъ къ 6—20 милліонамъ рублей по сравненію съ росписями доходовъ, т. е. не включая недоборовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надо имѣть въ виду сильный ростъ государственныхъ потребностей, побуждавшихъ правительство увеличивать налоги. Достаточно сказать, что ростъ расходовъ за двадцатилѣтній періодъ съ 1803 по 1823 годъ увеличился въ 4½ раза. Особенно увеличивались требованія военнаго и морского мини-

---

обходилась отъ 2½ рублей съ пуда. Перевозка изъ Калужской губерніи 640 тысячъ пудовъ припасовъ должна была обойтись, считая только содержаніе лошади и возчика, въ 800 тысячъ рублей. Потребность въ перевозкѣ и перевозочныхъ средствахъ была настолько велика, что для Тверской губерніи была назначена по расчету одна подвода на двѣ съ половиной души. Разумѣется, такого количества лошадей не могло хватить во всей губерніи и натуральную поставку пришлось отмѣнить.

стерствъ, бюджеты которыхъ составляли половину расходовъ. Нѣпомѣрный ростъ этихъ расходовъ вызывалъ неоднократно возраженія со стороны Министерства Финансовъ. Какъ росли эти расходы и какія требованія предъявляли министерства, можно между прочимъ заключить изъ записки министра финансовъ Гурьева при составленіи смѣты на 1814 г. Онъ здѣсь между прочимъ указываетъ на цѣлый рядъ такихъ ассигнованій, которыя на практикѣ не примѣнялись. Напр., Морское министерство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ требовало по 1671 т. руб. на заготовленіе провизіи на случай выхода флота въ море, между тѣмъ какъ флотъ въ море не выходилъ, но остатковъ министерство не представляло. И морское и военное министерства по всѣмъ заготовочнымъ статьямъ, которыя сдавались съ подрядовъ, требовали всю сумму на предполагаемыя заготовки и особую сумму на задатки по подрядамъ, при чемъ послѣдняя сумма не вычиталась изъ первой, но складывалась съ ней и т. п. Но независимо отъ злоупотребленій военное время вызывало ростъ расходовъ.

Изъ этого ясно, что финансовое положеніе Россіи въ этотъ періодъ было въ высшей степени тяжелое, ненормальное. Только въ послѣдующее царствованіе гр. Канкрину удалось привести финансы въ порядокъ.

О томъ, какъ дѣйствовало на современное общество это ненормальное состояніе русскаго бюджета, можно видѣть изъ массы отзывовъ современниковъ. Особенно для насъ важны тѣ отзывы, которые исходили изъ дворянской среды. Вотъ какъ характеризуетъ тогдашнее настроеніе извѣстный генералъ Мордвиновъ въ запискѣ, поданной императору въ 1816 году: „Никакая несправедливость личная, никакое оскорбленіе права общественнаго, колико бы оныя чувствительтельны ни были, не могутъ имѣть столь разительнаго дѣйствія на умы и сердца подданныхъ, какъ прискорбіе отъ потеряннаго монетою достоинства. Рубль есть достояніе каждаго: богатаго и бѣднаго,—и малѣйшая часть, отъятая изъ оного, преобразуется въ похищеніе великое, простирающееся на все количество стяженнаго, наслѣдуемаго, или же работою рукъ пріобрѣтаемаго. При упадкѣ монеты ропщетъ воинъ, негодуетъ гражданинъ, лихоимствуетъ судья; охладѣваетъ вѣрность, ослабѣваютъ взаимныя услуги и пособія: благочиніе, миръ и добродѣтель уступаетъ мѣсто разврату, порокамъ и буйнымъ страстямъ“. Всѣ страждутъ, ко всѣмъ приближается призракъ

нищеты. И въ концѣ обширной записки знаменитый адмиралъ подходитъ уже къ угрозамъ по адресу правительства: всѣ страждущіе ропщутъ. Страждутъ воины, судьи, „Дума царская, боляре". „Ропотъ сей распространяется уже по всѣмъ предѣламъ государства: въ каждомъ городѣ, въ каждомъ семействѣ, при каждой встрѣчѣ, посредѣ бесѣдъ, о чемъ нынѣ разглагольствуютъ? Чѣмъ рѣчь каждаго растворяется и горечью умы и сердца наполняетъ? Жалобою на дороговизну, на ущербъ капиталовъ, на умаленіе имущества для удовлетворенія необходимо нужнымъ издержкамъ. Богатый жалуется, что содѣлался скуднымъ, избыточный—недостаточнымъ, довольный—нуждающимся,—и гласъ многочисленнаго народа громокъ и убѣдителенъ".

Таковы были условія финансоваго положенія государства въ ихъ соотношеніи къ общественному настроенію. Съ другой стороны мы знаемъ, что правительство находилось подъ давленіемъ политическихъ соотношеній. Оно пыталось примирить требованія, идущія изъ среды общества, съ тѣми, которыя исходили изъ отношеній съ иностранными государствами. Тарифъ 1810 г. имѣлъ именно такую цѣль. Онъ отличался почти запретительнымъ характеромъ по отношенію къ такимъ продуктамъ, которые могли быть производимы въ Россіи, и въ то же время далъ выходъ русскимъ товарамъ въ англійскіе порты, несмотря на продолжающееся дѣйствіе континентальной системы. Результатомъ этихъ тарифовъ было появленіе въ русскихъ портахъ до 200 англійскихъ кораблей, пришедшихъ подъ нейтральнымъ флагомъ для закупки русскаго сырья. Другимъ послѣдствіемъ этого тарифа было сильное поднятіе цѣнъ на продукты мануфактурной промышленности. Этотъ тарифъ былъ уступкой общественному настроенію, главнымъ образомъ дворянской средѣ, такъ какъ онъ поднималъ цѣнность или тѣхъ продуктовъ, которые вырабатывались дворянскими фабриками, или продуктовъ сельско-хозяйственныхъ. Массѣ средняго и мелкаго производителя онъ, повидимому, не приносилъ существенной пользы, такъ какъ способствовалъ вздорожанію иностранныхъ и русскихъ продуктовъ. Во всякомъ случаѣ, дворянское общество оказывало сильную поддержку новому правительственному курсу. Когда министръ финансовъ Гурьевъ, бывшій противникомъ запретительной системы, поднялъ въ 1813 году вопросъ объ ослабленіи строгости запретительныхъ пошлинъ и когда объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ обществѣ, государь немедленно

получилъ цѣлый рядъ записокъ, высказывавшихся весьма отрицательно о намѣреніяхъ министра финансовъ. Главнымъ передаточнымъ лицомъ этого общественнаго настроенія явился государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, которымъ были переданы государю записки, указывающія на опасность уменьшенія тарифныхъ ставокъ. Румянцева подерживалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ и др. Правда, тарифъ 1816 года на короткое время отказался принципіально отъ запретительной системы, расширивъ ввозъ запрещенныхъ товаровъ; это была мѣра переходная и довольно осторожная. Но этотъ тарифъ произвелъ очень тяжелое впечатлѣніе на русскихъ промышленниковъ, такъ что вскорѣ правительство должно было пойти на уступки. Недолго продержался и одинъ изъ наиболѣе умѣренныхъ тарифовъ—тарифъ 1819 года. Неожиданное изданіе его дѣйствительно принесло ущербъ торговлѣ. По заявленіямъ графа Канкрина, этотъ тарифъ прямо „убилъ“ утвердившуюся было русскую промышленность. Неудивительно поэтому, что этотъ тарифъ былъ очень непопулярнымъ. Онъ вызвалъ сильную работу въ общественныхъ кругахъ, которая сказалась въ томъ, что уже въ 1822 году этотъ тарифъ замѣненъ извѣстнымъ тарифомъ 1822 года, который, наконецъ, вполнѣ удовлетворилъ желаніямъ русской промышленности и русскаго дворянства.

Авторъ „Исторіи промышленности Россіи,“ составляющей особую часть „Краткаго начертанія всеобщей исторіи промышленности“ (1837 г.), даетъ нѣсколько весьма любопытныхъ замѣчаній относительно значенія тогдашней тарифной политики. 1816 и 1817 г. г., вслѣдствіе неурожая на Западѣ, представляли собою весьма благопріятную эпоху хлѣбной торговли. Но уже въ 1819 г. русское сырье встрѣтило противодѣйствіе на рынкахъ Запада. Сѣверо-американская мука, сырыя кожи и проч. появились въ большомъ числѣ въ Великобританіи. Кромѣ того, западно-европейскія государства путемъ высокой пошлины старались оградить себя отъ русскаго сырья и поднять мѣстное производство. Желѣзодѣлательное, пеньковое производства, кожевенное дѣло—оказались въ весьма стѣсненномъ положеніи. Между тѣмъ тарифы 1816 и 1819 г. г. способствовали упадку мануфактурныхъ фабрикъ. Для того, чтобы возвысить цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ и обезпечить ихъ сбытъ на отечественныхъ рынкахъ, усилить внутреннее потребленіе, у правительства остался одинъ способъ под-

держать мануфактуры и фабрики. Этой цѣли и долженъ былъ служить тарифъ 1822 г., который и оправдалъ надежды правительства и общества. Такимъ образомъ этотъ тарифъ имѣлъ главной цѣлью поддержать земледѣльческую промышленность, развивъ внутреннее потребленіе.

Таково трезвое и вполнѣ естественное объясненіе этой мѣры правительства, данное современникомъ. И этому объясненію нельзя не вѣрить. Тарифъ 1822 года совпалъ съ наиболѣе сильнымъ развитіемъ реакціи, и Александровское правительство, наконецъ, дало реакціонерамъ ту уступку, которой они отъ него требовали. Стоитъ внимательно просмотрѣть тарифъ 1822 г., чтобы замѣтить, что онъ главнымъ образомъ направленъ къ поддержанію производства тѣхъ продуктовъ, которые связаны съ земледѣліемъ. Такъ, упадающее производство льна отразилось въ этомъ тарифѣ почти полнымъ запрещеніемъ ввоза льняныхъ издѣлій (разрѣшенъ ко ввозу батистъ при крайне высокой пошлинѣ). Шерстяныя ткани, составлявшія еще предметъ дворянской промышленности, были почти запрещены, чугунъ не въ дѣлѣ совсѣмъ запрещенъ и т. п.

Неудивительно поэтому, что этотъ тарифъ пользовался особымъ одобреніемъ широкихъ круговъ тогдашняго дворянства, и взятъ былъ протекціонистами подъ свое покровительство, вызвавъ довольно обширную литературу въ свою защиту. Укажемъ хотя бы на „Мысли о русской промышленности“ Щулепникова (1830 г.), вышедшія изъ дворянской среды, на „Разсужденіе о балансѣ торговомъ, о внѣшней торговлѣ и о вексельномъ курсѣ“—коммерціи совѣтника Попова (1831 г.) и мн. др. „Библіотека для чтенія“—органъ, представлявшій собою интересы капиталистическаго землевладѣнія, оказывала мощную защиту началъ, проведенныхъ этимъ тарифомъ. Съ точки зрѣнія этого журнала, Россія во многихъ отношеніяхъ „новый міръ“, который долженъ быть разработанъ промышленностью. Она очень вооружается противъ проповѣдей, идущихъ съ профессорскихъ кафедръ о свободной торговлѣ, доказывая пользу того поворота направленія промышленности, который она получила въ силу этого тарифа (1834 г.).

Въ прекрасной книгѣ проф. Туганъ-Барановскаго по исторіи русской фабрики проводится мысль о полномъ согласіи дворянскихъ вожделеній этого періода съ фритредерской политикой. Онъ опирается главнымъ образомъ на направленіе „Духа Журналовъ“, на книгу профессора Якоба, на академика Шторха. Но оба

ученые далеко не могутъ быть названы представителями мнѣній крупнаго русскаго дворянства. Направленіе „Духа Журналовъ“, отражая въ себѣ крѣпостническія теченія вмѣстѣ съ либерально-конституціоннымъ, едва ли даже являлось отраженіемъ настроенія того же крупнаго дворянства. За „Духомъ Журналовъ“, вѣроятно, была среднедворянская среда.

Какъ мы только что видѣли, тарифъ имѣлъ многихъ защитниковъ. Но сверхъ того надо прибавить, что протекціонисты сильны были не той литературой, которая выходила въ печати, и не для публики они старались развивать свои взгляды. Не столько взгляды, сколько требованія они выставляли въ своихъ запискахъ, стараясь повліять на правительственную политику.

Но во всякомъ случаѣ, несомнѣненъ тотъ основной выводъ, что защита крѣпостного права совпадала какъ съ мнѣніями тѣхъ, которые отстаивали свободу торговли, такъ и съ мнѣніями тѣхъ, которые настаивали на запретительной системѣ. Послѣдняя, повидимому, объединяла болѣе мощные элементы дворянства. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ экономическихъ воззрѣній, въ русскомъ дворянствѣ этого періода преобладаетъ стремленіе къ защитѣ крѣпостного права. Оно вызывалось простымъ соображеніемъ о необходимости рабочихъ рукъ въ моментъ высокаго подъема экономической жизни страны, неувѣренностью въ томъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ и съ переходомъ къ свободному труду дворянство сможетъ сохранить выгоды своего экономическаго положенія. Должно было сдѣлать много опытовъ для того, чтобы дворянство, по крайней мѣрѣ въ его части, сознало малую продуктивность подневольнаго труда. Напротивъ, дворянство стремится усилить крѣпостной трудъ, сдѣлать его наиболѣе интенсивнымъ. Отсюда происходитъ ухудшеніе положенія помѣщичьихъ крестьянъ въ этотъ періодъ. Ростъ цѣнъ, ростъ внутренняго потребленія и отпуска создавалъ особаго рода атмосферу въ помѣщичьей средѣ— атмосферу алчнаго стремленія соучастія во всѣхъ прыбыляхъ, какія давала тогдашняя торговля. И въ то время, когда крестьянинъ питался различными суррогатами вмѣсто хлѣба, благосостояніе землевладѣльцевъ увеличивалось. Въ то самое время, когда современная литература писала цѣлые трактаты о печеніи для крестьянъ хлѣба изъ различныхъ суррогатовъ, изъ исландскаго мха и т. п., въ той же литературѣ печатались гимны развивающейся торговлѣ и промышленности. Мысль (пришлось намъ замѣтить въ другой

статьѣ) начинаетъ интенсивно работать для того, чтобы усилить производство и для того, чтобы наилучшимъ образомъ использовать одну изъ составныхъ частей капитала, находящагося во владѣніи помѣщиковъ—трудъ крѣпостного крестьянина. Литература того времени чрезвычайно оживилась. Даже общіе журналы, предназначенные для широкой публики, проникнуты запахомъ навоза, сахарнаго сиропа и пота овечьей шерсти. Эти статьи мирно уживались съ романтическимъ направленіемъ беллетристики и шеллинговской философіей. На балахъ, по словамъ современника, во время кадрили или въ вихрѣ вальса, самыя нѣжныя женскія уста лепетали наставленія о приготовленіи сала и солонины. Экономическая горячка обострила вопросъ о крѣпостномъ правѣ и вообще въ медвѣжьихъ углахъ обширной Россіи начала работать помѣщичья мысль надъ вопросомъ о томъ, какъ улучшить земледѣліе, какъ устраивать фабрики, какъ воспитывать крестьянъ такъ, чтобы они много и хорошо работали и мало требовали земли для своего пропитанія, нѣкоторые писатели доходятъ даже до того, что отказываютъ крестьянамъ совсѣмъ въ землѣ и рекомендовали помѣщикамъ переводить крестьянъ въ положеніе батраковъ.

Теперь мы можемъ учесть тѣ перемѣны, которыя въ общественную жизнь вносила эта эпоха.

Слагавшаяся мощь дворянства теряла свое значеніе, наросталъ классъ капиталистовъ изъ недворянской среды. Такимъ образомъ эта эпоха положила начало разрушенію того соціально-экономическаго уклада, который явился естественнымъ послѣдствіемъ XVIII столѣтія. Опекаемое тогда правительствомъ дворянство безъ такой же опеки въ XIX столѣтіи оказалось не въ состояніи конкурировать съ нароставшимъ въ силу экономическихъ условій классомъ капиталистовъ изъ не дворянъ и постепенно уступаетъ ему мѣсто. Конечно, этотъ процессъ теперь только начинался и завершился значительно позже. Теперь становилась очевидной роль дворянства въ экономической жизни страны въ качествѣ производителя сырья. Подъ вліяніемъ наросшихъ экономическихъ соотношеній правительство постепенно переходитъ къ политикѣ поддержанія капитализма вообще, а не исключительно дворянскаго. Теперь же подымается, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обостряясь, вопросъ о значеніи въ хозяйствѣ страны свободнаго и несвободнаго труда. Этотъ вопросъ только намѣ-

чается и свое окончательное разрѣшеніе онъ опять таки получилъ значительно позже.

Ослабленіе экономической мощи дворянства использовано было правительствомъ Александра I для ослабленія нарождающагося его политическаго значенія. Соціально-экономическая политика правительства шла въ разрѣзъ съ политическими вожделеніями дворянства. Въ противовѣсъ политическому значенію дворянства выдвигается военный и гражданскій бюрократизмъ. Водвореніе бюрократіи повело за собою усиленіе административнаго произвола, какъ въ провинціи, такъ и въ центральныхъ учрежденіяхъ. Нарушалась какого бы то ни было рода планомѣрность, какъ въ области общей политики государства, такъ и въ дѣлѣ законодательства. Отдѣльныя случайныя лица получили возможность захватывать власть въ свои руки. Временщики XIX вѣка отличаются отъ временщиковъ предшествующаго столѣтія весьма существеннымъ признакомъ: ихъ власть получила юридическое обоснованіе, они находятъ себѣ мѣсто среди органовъ центральнаго управленія, тогда какъ временщики XVIII вѣка были большею частью тайными, нерѣдко альковными, совѣтниками государя, не имѣя значенія политическаго органа страны. Бюрократія неотдѣлимо связана съ развитіемъ полиціи, шпіонажа. Управляя страной посредствомъ канцелярій, посредствомъ бумагописанія, не имѣя дѣла съ жизнью, устраняясь отъ общенія съ общественными элементами, она, чтобы оградить самое себя, необходимо должна опираться на обширнѣйшую полицію и должна предоставить ей полную свободу дѣйствій. Это немедленно сказалось и въ Россіи съ момента водворенія бюрократіи. Полицейскій режимъ сталъ господствующимъ элементомъ управленія. Развитіе полиціи пошло необычайно быстрыми шагами, и вскорѣ общество оказалось скованнымъ сѣтью доносителей. Полицейская точка зрѣнія проникаетъ во всѣ области управленія—въ просвѣщеніе, въ экономическую политику, въ военное дѣло и т. д.

Тѣмъ не менѣе уложившійся бюрократическій строй повелъ къ усиленію власти неограниченнаго монарха: она доростаетъ до такой высоты, на которую не подымалась ни въ XVIII, ни въ XVII в. в. Вокругъ нея нѣтъ никакихъ органовъ правительственной власти, которые въ силу традиціи умѣряли бы власть и ограничивали бы ея физическіе предѣлы (земскіе соборы, боярская дума, Сенатъ). Неограниченная власть монарха такъ сказать измельчала,

захвативъ въ свои руки посредствомъ многочисленной бюрократіи всѣ нити, всѣ мелочи управленія обширной страной. При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о самодѣятельности и самостоятельности отдѣльныхъ органовъ власти, за исключеніемъ случаевъ келейнаго вліянія.

Государство, государственныя потребности сдѣлались не отдѣлимыми отъ представителя верховной власти, который получилъ совершенную возможность отождествлять себя съ государствомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ уже императоръ Александръ I. Такое положеніе власти между прочимъ сказалось на измѣненіи задачъ внѣшней политики: она сдѣлалась личнымъ дѣломъ монарха. Высокія государственныя задачи, поставленныя по традиціи отъ Московскаго періода этой политикѣ Петромъ Великимъ, въ общемъ удержанныя его ближайшими преемниками и блестяще развитыя Екатериной II, были забыты. Личныя симпатіи или антипатіи къ сосѣднимъ государствамъ и ихъ государямъ стали направлять войска и диктовать условія международныхъ трактатовъ. Эта политика проникла въ русскій правительственный механизмъ такъ глубоко, что она давала себя чувствовать еще даже при императорѣ Александрѣ II, превратившись въ національную политику только при его преемникѣ.

Мало того, эта власть даже внѣшнимъ образомъ отдѣляется постепенно не только отъ всего населенія, но даже и отъ дворянства. Традиціи частью Московскаго періода, частью XVIII вѣка дѣлали государя лично доступнымъ обширнѣйшему кругу лицъ. Право челобитій, еще въ XVII вѣкѣ составлявшее своеобразную конституцію, правда, исчезаетъ уже въ XVIII в., но и тогда дворъ по традиціи былъ доступенъ для массы даже мелкаго дворянства. Представитель власти въ силу той же традиціи имѣлъ широкое общеніе съ обширнѣйшимъ кругомъ дворянскаго общества. А такъ какъ дворянскія родственныя связи отличались тогда еще большой прочностью, то каждый дворянинъ, или почти каждый имѣлъ возможность въ потребныхъ случаяхъ протиснуться къ престолу, когда у него появлялась та или иная нужда. И этимъ личнымъ соотношеніямъ изучаемая эпоха ставитъ преграду—монархъ дѣлается доступнымъ только очень ограниченному кругу лицъ, почти только временщикамъ.

Такъ, въ этой эпохѣ, совсѣмъ бѣдной какими нибудь крупными актами правительственной дѣятельности въ области внутренней политики, совсѣмъ бѣдной созидательными началами, зарождались, однако, новыя соотношенія и въ эту же эпоху постепенно разрушался порядокъ, налаженный въ предшествующій періодъ.

ГЛАВА XXI.

Декабристы [1]).

Въ средѣ общества второй половины изучаемаго періода замѣчается рѣзкое раздвоеніе; если одна часть общества примкнула къ мрачной реакціи, или, по крайней мѣрѣ, прониклась религіозной экзальтаціей, то другая часть общества не порывала съ либеральными идеями. Только въ періодъ господства реакціи либерально настроенные элементы общества должны были замолкнуть, или же уйти въ тайныя общества. Мало того, молодое поколѣніе, находившееся въ періодъ войнъ въ такомъ возрастѣ, когда образуются у человѣка политическія убѣжденія, когда складывается общественное міровоззрѣніе, вынесло изъ періода войнъ и изъ знакомства съ Западной Европой, литературнаго и личнаго, твердое убѣжденіе въ необходимости введенія въ Россіи конституціонныхъ учрежденій. Почти во всѣхъ воспоминаніяхъ и показаніяхъ декабристовъ, данныхъ на слѣдствіи, мы встрѣчаемъ признаніе, что знакомство съ западно-европейскимъ государственнымъ и общественымъ строемъ повліяло на образованіе ихъ политическихъ убѣжденій, послужило „зародышемъ сознанія обязанностей гражданина“, какъ выражается Сергѣй Волконскій. „Война,—говорилъ въ своемъ показаніи полковникъ Батеньковъ,—представила мнѣ поучительную картину. Во время путешествій за границу мысль о разнаго рода правленіяхъ практическими примѣрами во мнѣ утвердилась, и я началъ имѣть желаніе видѣть въ своемъ отечествѣ болѣе свободы“. Молодые офицеры вмѣстѣ съ арміей переходили изъ одной мѣстности Западной Европы въ другую, знакомились съ людьми, политическимъ и обще-

---

[1]) Мы ограничиваемся самымъ сжатымъ очеркомъ этого замѣчательнаго движенія русской общественности, отсылая читателя къ нашимъ книгамъ: „Идеалы Декабристовъ“ и „Тайное общество декабристовъ“.

ственнымъ строемъ, запасались книгами, жадно ихъ изучая на скучныхъ стоянкахъ: имъ открывался новый міръ идей, и они естественно сравнивали положеніе западно-европейскихъ народовъ и идеалы, выработанные наукою, съ тѣмъ порядкомъ вещей, который имъ былъ знакомъ съ дѣтства. Такихъ людей уже не могла привлекать праздная свѣтская жизнь, ихъ не могли не смущать владѣніе крѣпостными, безконтрольность администраціи, отсутствіе даже элементарныхъ правъ личности.

Надо только сдѣлать оговорку, что либеральное теченіе, утвердившееся въ тайныхъ обществахъ, не было простымъ отголоскомъ, простымъ заимствованіемъ западно-европейскаго либерализма. Если одни изъ членовъ тайныхъ обществъ впервые просвѣтлялись на западно-европейской почвѣ, то другіе приходили къ тѣмъ же выводамъ самостоятельно, присматриваясь къ русской жизни. Тогда вообще въ молодежи, особенно военной, наблюдается жажда къ знанію, стремленіе къ выработкѣ идеаловъ. Тогда всѣ переживали періодъ сомнѣнія, колебанія и жаднаго исканія истины, пока, наконецъ, не останавливались на опредѣленныхъ воззрѣніяхъ; однихъ это исканіе истины приводило къ мистицизму, другихъ отбрасывало далеко влѣво. Молодыхъ людей охватывала „страсть къ занятіямъ“,—какъ выражается Крюковъ, начавшій самоучкой свое знакомство съ политикой и юриспруденціей, которое привело его въ слѣдственную комиссію. Ему хотѣлось „познать человѣка и то, что можетъ служить его счастьемъ“, и онъ воспылалъ „любовью къ человѣчеству“. Книги, которыя тогда служили для образованія, были сочиненія Беккаріа, Бентама, Кондильяка, Сея, Смита, Монтескье, Руссо, Филанджьери и др. Не одинъ Крюковъ прошелъ указаннымъ путемъ. Въ глухой провинціи были разбросаны армейскіе полки, офицеры которыхъ никогда не бывали за границей. По тому времени армейскіе офицеры отличались крайне скуднымъ образованіемъ. Но даже и здѣсь образуются кружки молодыхъ людей, которые упорнымъ трудомъ и при скудныхъ средствахъ стремятся просвѣтить себя знаніемъ, разобраться въ окружающемъ порядкѣ вещей. „Я любилъ читать и размышлять,—показывалъ въ слѣдственной комиссіи одинъ изъ такихъ офицеровъ, членъ общества Соединенныхъ Славянъ, поручикъ Борисовъ 2-й,—всякую новую мысль хотѣлъ прежде, нежели сдѣлать ее своей, разобрать и доказать самому себѣ истину оной. Но, будучи ослѣпленъ любовью къ демократіи и свобо-

дѣ, каждую вольную мысль находилъ справедливою и не могъ ничѣмъ опровергнуть оной". Его религіей сдѣлалось стремленіе къ общему благу. Чтобы отдаться наукамъ, этимъ армейскимъ офицерамъ приходилось самоучкой изучать даже новые языки. Такъ, общій подъемъ мысли вызвалъ, въ противовѣсъ реакціонному направленію, движеніе либеральное.

Либеральное теченіе сначала было весьма неясно, оно было далеко отъ какихъ-либо активныхъ дѣйствій противъ правительства. Но реакціонныя мѣры послѣдняго направляли мысль именно въ эту сторону. „Чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція,—вспоминалъ уже впослѣдствіи декабристъ Бѣляевъ,—тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе". По мнѣнію капитана Якубовича, само правительство созидаетъ недовольныхъ. Трудно найти какую нибудь отрасль правительственной дѣятельности, или какую-нибудь сторону тогдашняго состоянія Россіи, которая не подвергалась бы жестокой и въ общемъ мѣткой критикѣ въ прогрессивныхъ кругахъ тогдашняго общества. Въ первое время разговоры велись открыто. Увлеченіе государя военной фронтовой службой, антинаціональное направленіе русской внѣшней политики, вліяніе Аракчеева съ его военными поселеніями, мѣры противъ просвѣщенія и свободы печати—все это подвергалось жестокой критикѣ. Устанавливавшійся министерскій бюрократизмъ, преобладаніе Комитета Министровъ, гдѣ, „какъ на большой дорогѣ", толпились всѣ неустройства и безпорядки управленія (слова Батенькова), паденіе Государственнаго Совѣта и Сената,—все это вызывало крайнее негодованіе; провинціальная администрація представлялась Рылѣеву, какъ и многимъ другимъ, „настоящими кровопійцами". Не даромъ, у Каховскаго, натуры очень чувствительной, вырвалась такая характеристика въ его письмѣ къ императору Николаю I изъ крѣпости: „у насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли, у насъ внутренніе враги терзаютъ государство; у насъ тяжкіе налоги, повсемѣстная бѣдность". Такого рода наблюденія при высокомъ и здоровомъ патріотизмѣ, при глубокой любви къ родинѣ вызывали въ конечномъ результатѣ ненависть и ожесточеніе по отношенію къ правительству. „Я роптал,—откровенно показывалъ на слѣдствіи простой армейскій офицеръ, подпоручикъ Андріевичъ 2-й,—и на Бога и на царя и въ ожесточеніи старался изслѣдовать источникъ всего неистовства, коимъ терзаютъ моихъ соотечественниковъ".

Особенно возмущало крѣпостное право. Члены тайныхъ обществъ очень много сдѣлали для развитія идеи эмансипаціи. Въ показаніяхъ большинства изъ нихъ мы находимъ признаніе, что угнетеніе крестьянъ служило однимъ изъ главныхъ побудительныхъ поводовъ къ образованію тайныхъ обществъ. Крѣпостное право служило постояннымъ предметомъ разговоровъ какъ въ ихъ кругу, такъ и въ той части общества, гдѣ они вращались. Судя по запискамъ декабристовъ, положеніе крестьянъ производило на нихъ очень сильное впечатлѣніе. Болѣе видные изъ декабристовъ, или болѣе пылкіе пытались подвинуть правительство къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса путемъ подачи оффиціальныхъ записокъ. Такова, напримѣръ, записка Н. И. Тургенева, представленная имъ въ 1819 году черезъ графа Милорадовича, письмо барона Штейнгеля, написанное имъ въ 1823 году, въ которомъ онъ умолялъ государя прекратить по крайней мѣрѣ торгъ людьми; въ 1815 году генералъ-майоръ Орловъ составилъ проэктъ адреса государю объ уничтоженіи крѣпостного права; адресъ былъ подписанъ нѣсколькими весьма крупными вельможами, но не имѣлъ никакихъ послѣдствій; такую же попытку Н. И. Тургеневъ пробовалъ сдѣлать въ 1820 году, но Александръ I оставался глухъ къ этимъ представленіямъ. Въ своихъ разговорахъ декабристы пытались освѣтить различныя стороны крѣпостного права, указать на его безнравственность, на невыгодность подневольнаго рабскаго труда и, наконецъ, на то, что это право не есть исконная привилегія помѣщиковъ, которую бы правительственная власть не могла нарушить. Нѣкоторые изъ декабристовъ пытались составить особые кружки или общества со спеціальною цѣлью притти на помощь крѣпостному крестьянству въ той или другой формѣ; таковъ, напр., союзъ, основанный И. И. Пущинымъ въ Москвѣ, со спеціальною цѣлью освобожденія дворовыхъ людей.

Такъ въ обществѣ постепенно назрѣвало недовольство; между тѣмъ съ каждымъ годомъ становилось все яснѣе и яснѣе, что правительство не можетъ пойти навстрѣчу либеральнымъ ожиданіямъ. Являлась естественная мысль о составленіи тайныхъ обществъ. Первая идея тайнаго общества исходила изъ желанія честныхъ людей вступить на путь борьбы противъ лихоимства и другихъ безпорядковъ во внутреннемъ управленіи. Но съ теченіемъ времени въ тайныхъ обществахъ возобладала идея активной борьбы съ правительствомъ и превращенія Россіи или въ

монархію на федеративныхъ началахъ, или даже въ республику. Мысль о тайномъ обществѣ въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ возникаетъ въ 1816 г. Здѣсь мы уже видимъ имена многихъ лицъ, которыя впослѣдствіи оказались на скамьѣ подсудимыхъ. Сначала тайное общество получило названіе „Союза Спасенія“ или „Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“; затѣмъ оно было переименовано въ „Союзъ Благоденствія“, просуществовавшій до 1821 г., когда оффиціально на съѣздѣ въ Москвѣ члены его объявили о закрытіи союза. И то и другое общество, наряду съ политическими цѣлями, ставило своей задачей цѣли культурныя— пропаганду либеральныхъ идей и особенно борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Въ средѣ общества замѣчались два теченія: одно изъ нихъ готово было довольствоваться культурной работой, другое все болѣе и болѣе опредѣленно становилось на почву политической борьбы съ существующимъ режимомъ. Оба теченія не могли совмѣстно дѣйствовать по принятой ими первоначально программѣ, отразившейся на уставѣ „Союза Благоденствія“. Поэтому распаденіе Союза дало возможность уклониться отъ дальнѣйшей дѣятельности однимъ изъ членовъ и сплотило тѣхъ изъ нихъ, которые видѣли единственный выходъ въ активной борьбѣ съ правительствомъ. Немедлено въ Тульчинѣ, въ мѣстѣ расположенія второй арміи, образуется тайное общество изъ бывшихъ членовъ „Союза Благоденствія“, главою котораго явился командиръ Вятскаго полка П. И. Пестель. Въ этомъ обществѣ мы видимъ въ качествѣ руководителей: генералъ-интенданта южной арміи Юшневскаго, генералъ-майора князя С. Г. Волконскаго, Василія Давыдова, Сергѣя Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ другихъ.

Планъ дѣятельности Южнаго общества создался, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Пестеля. Онъ заключался въ томъ, что предварительно необходимо выработать проэктъ конституціи; такимъ проэктомъ и была „Русская Правда“ Пестеля. Когда все будетъ подготовлено, предполагалось начать активныя дѣйствія— военное возстаніе съ цѣлью истребленія царской фамиліи. Россія объявляется республикой и временное правительство вводитъ заранѣе выработанную конституцію. Планъ Пестеля отличался большою теоретичностью, и хотя послѣдній настаивалъ на самыхъ радикальныхъ мѣрахъ, убѣждая другихъ въ необходимости ихъ, однако его планъ не заключалъ въ себѣ реальнаго ука-

занія на начало дѣйствій, и самъ Пестель какъ будто не торопился. Такая постановка дѣла вносила извѣстнаго рода диссонансъ, и въ результатѣ въ Южномъ обществѣ образовалось два направленія. Пестель былъ блестящій теоретикъ, обладалъ замѣчательной логикой и огромнымъ образованіемъ; это былъ болѣе ученый, нежели заговорщикъ, и его „Русская Правда“ въ высшей степени замѣчательный ученый трактатъ, но не конституціонная хартія. Пестеля поддерживали его ближайшіе друзья— Волконскій, Давыдовъ, Юшневскій. Напротивъ, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ были людьми пылкими и, уступая Пестелю въ теоретическихъ спорахъ, далеко не соглашались съ нимъ въ нѣкоторыхъ радикальныхъ предположеніяхъ. Ихъ главнымъ образомъ интересовалъ практическій вопросъ о томъ, какъ и когда поднять возстаніе. Два раза они составляли планъ покушенія на цареубійство, но должны были откладывать потому, что императоръ не пріѣхалъ въ назначенное время къ арміи. Оба они состояли членами Васильковской управы и проявляли необыкновенную дѣятельность. Оба они успѣли разузнать на кіевскихъ контрактахъ, куда съѣзжались ежегодно руководители общества для совѣщаній, о существованіи польскаго тайнаго общества, и успѣли заключить съ представителями его союзъ и установить способы сношенія; впрочемъ, этотъ союзъ не отличался искренностью съ обѣихъ сторонъ.

Но самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ Южнаго общества было открытіе Бестужевымъ и Муравьевымъ существованія въ ихъ же полку тайнаго общества Соединенныхъ Славянъ. Это очень интересное общество, состоявшее изъ простыхъ армейскихъ офицеровъ (весь кружокъ Южнаго общества состоялъ изъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ, переведенныхъ въ армію или начальниками полковъ, какъ Пестель, Артамонъ Муравьевъ, Повало-Швейковскій, Волконскій, или изъ бывшихъ офицеровъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію послѣ Семеновской исторіи въ 1820 г., какъ Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и нѣкоторые др.). Основателями общества были братья Борисовы, молодые артиллерійскіе офицеры. Это было около 1817 года, и первая организація братьевъ Борисовыхъ называлась „Обществомъ Друзей Природы“; но это общество не имѣло широкаго распространенія и, кажется, не преслѣдовало политическихъ цѣлей. Въ 1823 году братья Борисовы и польскій шляхтичъ Люблинскій

составили общество Соединенныхъ Славянъ. Общество имѣло свой катехизисъ и конечною цѣлью его было „открыто требовать отъ императора законовъ.“ Число членовъ стало быстро расти, преимущественно среди младшихъ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ.

Въ лагерѣ подъ Лещинымъ въ 1825 г. начались сношенія между членами Славянскаго общества и членами Васильковской управы. Славяне были поражены открытіемъ, которое было ими сдѣлано: блестящіе офицеры изъ гвардіи приглашали ихъ соединяться съ своимъ тайнымъ обществомъ, въ которомъ было такъ много аристократическихъ именъ и крупныхъ начальниковъ. Прапорщики были поражены, когда у С. Муравьева застали полковниковъ Артамона Муравьева, Тизенгаузена, Враницкаго, Повало-Швейковскаго. Пылкія рѣчи Бестужева-Рюмина очень сильно дѣйствовали на Славянъ, тѣмъ болѣе что Бестужевъ-Рюминъ сильно преувеличивалъ силу своего тайнаго общества. Союзъ былъ, разумѣется, заключенъ, Славяне поддались обаянію Бестужева и Муравьева, и среди нихъ Южное общество нашло тѣхъ лицъ, которыхъ оно предполагало направить для цареубійства.

Нѣсколько позже Тульчинскаго сложилось тайное общество въ Петербургѣ, и не безъ сильнаго воздѣйствія со стороны Южнаго. Среди членовъ Сѣвернаго общества мы видимъ прежнихъ членовъ Союза Благоденствія: Никиту Муравьева, Н. И. Тургенева, князя С. Трубецкаго, И. И. Пущина, полковника Митькова и нѣкоторыхъ другихъ. Сначала дѣятельность общества была довольно сдержанной, но потомъ она начинаетъ быстро расти, когда въ него вступаетъ въ то время уже извѣстный поэтъ-гражданинъ Рылѣевъ. Вступивъ въ общество, онъ весь предается кипучей дѣятельности, не довольствуясь холодными разсужденіями о превосходствѣ той или иной конституціи. Еще до вступленія въ общество, онъ былъ подготовленъ къ идеямъ свободы болѣе чѣмъ кто-либо; всѣми фибрами своей души онъ чувствовалъ ненависть къ тираніи; онъ любилъ Россію искреннею, беззавѣтною любовью и, готовый на самоотверженіе, мечталъ о подвигѣ для блага отечества. Онъ пылалъ желаніемъ вступить въ борьбу съ тираніей, но никогда не могъ остановиться на мысли о томъ, какова должна быть форма будущаго правленія, или что сдѣлать съ императоромъ и его фамиліей, въ случаѣ отказа подписать конституцію: то онъ предпочиталъ планъ увоза фамиліи за гра-

ницу, то готовъ былъ согласиться съ проэктами Пестеля. Рылѣевъ обладалъ такими чертами личнаго характера, которыя въ сильнѣйшей мѣрѣ притягивали къ нему всѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ случай сталкиваться. Это натура въ высшей степени честная, прямая, „пылкая“ въ дружбѣ. Вскорѣ онъ сдѣлался центромъ общества. Онъ привлекаетъ цѣлый рядъ лицъ, напр., братьевъ Бестужевыхъ, Николая и Александра (послѣдній былъ извѣстенъ въ литературномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго). Открытіе Рылѣевымъ цѣлаго кружка моряковъ, образовавшихъ еще ранѣе въ своей средѣ общество, для сѣверныхъ членовъ было такимъ же подбадривающимъ фактомъ, какъ и сдѣланное Бестужевымъ-Рюминымъ открытіе общества Соединенныхъ Славянъ. Среди этихъ моряковъ были братья Бѣляевы, Завалишинъ, Арбузовъ и мн. др. Тогда же къ обществу присоединяется пользовавшійся тогда извѣстностью кавказскій герой капитанъ Якубовичъ. Въ порывахъ своего увлеченія Рылѣевъ даже ищетъ „кинжалъ“, съ помощью котораго можно было бы начать переворотъ. Одно время онъ даже нашелъ такое орудіе въ своемъ давнишнемъ знакомомъ, пріѣхавшемъ въ Петербургъ и столь же пылкомъ и необузданномъ какъ и онъ; это былъ Каховской.

Въ такомъ положеніи были оба общества наканунѣ декабрьской революціи.

Разъ поставивъ своей задачею борьбу съ самодержавной властью, члены тайныхъ обществъ, вполнѣ естественно, старались выработать себѣ идеалъ будущаго государственнаго устройства. Съ образованіемъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ политическія тенденціи обоихъ оказались не одинаковыми. Пестель попрежнему стоялъ на республиканской точкѣ зрѣнія. Но въ Петербургѣ стала преобладать конституціонно-монархическая точка зрѣнія. Вдохновителемъ общества, его теоретическимъ аппаратомъ, здѣсь былъ капитанъ генеральнаго штаба Никита Муравьевъ. Подобно Пестелю, это былъ человѣкъ съ широкимъ образованіемъ и также весьма склонный къ теоретической кабинетной работѣ. Подобно Пестелю же, Никита Муравьевъ считалъ необходимымъ прежде начала революціи выработать планъ будущаго государственнаго устройства. Сначала онъ держался, подобно другимъ петербургскимъ своимъ сотоварищемъ, республиканскихъ убѣжденій. Но, по собственному признанію, путемъ размышленія и изученія онъ пришелъ къ мысли о преимуществѣ конституціонной

монархіи, опирающейся на федеративный строй. Вообще Никитѣ Муравьеву будущее государственное устройство представлялось весьма сходнымъ съ устройствомъ Сѣверо-Американской республики, но съ императоромъ во главѣ и съ нѣкоторыми отступленіями отъ конституціи этого государства. Такъ, по его проэкту, политическими правами пользовались не всѣ правоспособные жители государства: для осуществленія избирательнаго права необходимо было обладать извѣстнымъ цензомъ; самый размѣръ избирательнаго права, т.-е. право быть избираемымъ въ члены законодательнаго собранія и въ высшія должности по мѣстному управленію, поставленъ былъ въ зависимость отъ ценза и при томъ довольно высокаго (минимальный цензъ 2000 р. недвижимой собственности и вдвое болѣе движимаго имущества). Граждане, не обладающіе цензомъ, пользуются лишь личными гражданскими правами. Сословное дѣленіе отмѣняется. Крѣпостные крестьяне освобождаются, но при освобожденіи получаютъ въ собственность только дома съ огородами.

Что касается государственнаго устройства, то по конституціи Никиты Муравьева оно представляется въ слѣдующемъ видѣ. Суверенная власть государства принадлежитъ народному собору. Онъ созывается только въ исключительныхъ случаяхъ— для изданія конституціонныхъ законовъ и избранія новой династіи. Рѣшеніе народнаго собора пересматривается въ спеціально для этой цѣли избираемыхъ областныхъ соборахъ и становится закономъ, если получитъ двѣ трети голосовъ на каждомъ соборѣ и двѣ трети положительныхъ голосовъ всѣхъ депутатовъ, голосовавшихъ на соборахъ. Текущая законодательная власть въ государствѣ предоставлена народному вѣчу, которое состоитъ изъ двухъ палатъ—Верховной Думы и Палаты представителей. Кромѣ обычныхъ законодательныхъ прерогативъ, народное вѣче обладаетъ еще правомъ амнистіи и объявленія войны, а также правомъ участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, т.-е. такими правами, которыя обычно въ конституціонныхъ странахъ принадлежатъ государю. Всѣ законы проходятъ черезъ обѣ палаты, но Верховной Думѣ принадлежитъ еще право суда надъ высшими чиновниками. Императоръ является лишь „верховнымъ чиновникомъ россійскаго правительства“. Какъ органъ исполнительной власти, императоръ пользуется весьма незначительными прерогативами и находится подъ контролемъ народнаго вѣча. Любо-

пытно, что въ конституціи Муравьева судъ занимаетъ совершенно обособленное и независимое положеніе. Областное управленіе играетъ здѣсь очень большую роль. Каждая область, держава, имѣетъ тѣ же органы управленія, какъ и все государство, т.-е. палату выборныхъ представителей, выборнаго правителя державы и державный судъ. Въ общемъ для конституціи Муравьева отправнымъ пунктомъ служила сѣверо-американская конституція, но своему императору Муравьевъ ввѣряетъ менѣе той власти, которою обладаетъ президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Надо замѣтить еще, что конституція Муравьева окончательно имъ не была обработана и до насъ она дошла въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

Хотя вліяніе Муравьева среди членовъ Петербургскаго общества было весьма сильно, однако его взгляды не преобладали здѣсь въ такой мѣрѣ, какъ взгляды Пестеля на югѣ. Въ средѣ молодыхъ моряковъ, независимо отъ знакомства съ старшими членами общества, шли толки о преимуществахъ республики. Съ другой стороны, многіе изъ старшихъ членовъ общества высказывали сравнительно умѣренныя требованія. Такъ, напр., Н. И. Тургеневъ, при условіи широкой гражданской свободы, не простиралъ своихъ желаній далѣе самой умѣренной конституціи. Назимовъ считалъ конституцію Муравьева „неудобоисполнимой“ и даже гибельной для Россіи. Взгляды полковника Батенькова, выработавшіеся независимо отъ петербургскихъ членовъ, клонились къ установленію конституціи съ преобладаніемъ крупнаго дворянства. Рылѣевъ не мало колебался въ выборѣ формъ правленія и въ конечномъ результатѣ остановился на правильной мысли, что конституція должна быть утверждена на народномъ соборѣ.

Взгляды, выработавшіеся въ Сѣверномъ обществѣ, съ теоретической точки зрѣнія не представляютъ большого интереса. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательнымъ документомъ является „Русская Правда“ Пестеля. Это сочиненіе не было вполнѣ окончено и обработано, и дошло до насъ въ черновомъ видѣ. Впрочемъ, кромѣ дошедшаго до насъ черновика „Русской Правды“, въ дѣлахъ Слѣдственной Комиссіи сохранились конспективныя изложенія ея; это—основныя положенія, извлеченныя изъ „Русской Правды“, которыя были раздаваемы членамъ общества.

Съ Пестелемъ случилось какъ разъ обратное тому, что было съ Ник. Муравьевымъ: изъ монархиста онъ сдѣлался убѣжденнымъ республиканцемъ. Показанія, данныя имъ на слѣдствіи вскрываютъ передъ ними тотъ процессъ, который привелъ Пестеля, какъ и многихъ другихъ, къ его окончательнымъ убѣжденіямъ. „Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи,—писалъ онъ своимъ судьямъ,—когда она состояла изъ республики, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима въ дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей". Между тѣмъ во Франціи и Англіи конституціи „суть одни только покрывала". Такимъ же „покрываломъ" Пестель признаетъ существованіе двухъ палатъ. „Мнѣ казалось,—показывалъ онъ далѣе,—что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и при томъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства". Кромѣ того, Пестель весьма недовѣрчиво относился къ согласію монарховъ на конституцію, потому что они охотно нарушаютъ свое обѣщаніе.

Съ точки зрѣнія Пестеля, „Русская Правда" должна быть верховной всероссійской грамотой, опредѣляющей всѣ перемѣны, долженствующія послѣдовать въ государствѣ. Въ случаѣ успѣха революціи назначается временное верховное правленіе; для него-то главнымъ образомъ и должна служить „Русская Правда" наказомъ. Она не только устанавливаетъ новый строй государства, но должна объяснить и доказать какъ временному правительству, такъ и всему народу необходимость предлагаемыхъ въ ней измѣненій государственнаго и общественнаго строя. Вотъ почему она носитъ форму ученаго трактата.

По мысли Пестеля, необходимо создать новое государство. Основныя черты этого государства заключаются прежде всего въ томъ, что оно имѣетъ своею главною цѣлью благоденствіе всего общества и каждаго изъ его членовъ: правительство существуетъ для блага народа, а народъ существуетъ для собственнаго блага. Всѣ граждане государства имѣ-

ютъ право на одинаковое пользованіе матеріальными, моральными и политическими благами. Предоставляя гражданамъ благоденствіе, государство Пестеля въ то же время предъявляетъ къ каждому гражданину суровое требованіе безусловнаго подчиненія существующимъ законамъ. Новое государство должно быть сильнымъ, могущественнымъ, цѣльнымъ и нераздѣльнымъ; оно должно быть связано сильнымъ патріотическимъ духомъ. Патріотизмъ будущаго государства Пестель предполагаетъ поднять нѣкоторою реставраціею старины и установленіемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ праздниковъ: столица государства переносится въ Нижній-Новгородъ, именуемый Владиміромъ въ честь Владиміра Св., и т. п. Чтобы сдѣлать государство сильнымъ, необходимо чтобы всѣ нерусскія народности слились съ основной народностью великорусскою: всѣ онѣ должны составить одинъ народъ и слиться въ общую массу такъ, чтобы „обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства всѣ были русскіе“; въ государствѣ долженъ господствовать русскій языкъ, и, вообще, всѣ народности должны потонуть въ народности великорусской, всѣ должны „совершенно обрусѣть“. Исключеніе Пестель дѣлаетъ для одной Польши, которой предоставляетъ національную самостоятельность.

Государство, много требующее отъ своихъ гражданъ, долженствуетъ много и дать имъ: оно беретъ на себя обязательство доставить гражданамъ матеріальное, политическое и моральное благополучіе. Въ ученіи о правахъ гражданъ Пестель прежде всего стоитъ на почвѣ полнаго равенства сословій. Онъ подробно разсматриваетъ различныя современныя ему дѣленія на сословія и классы общества, выясняетъ ихъ историческое происхожденіе, юридическія права и доказываетъ необходимость уничтоженія подобнаго рода дѣленій. Всѣ признаки дворянскаго сословія должны быть уничтожены. Пестель является рѣзкимъ противникомъ крѣпостного права: оно должно быть отмѣнено, хотя, впрочемъ, процессъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ не вполнѣ разработанъ въ „Русской Правдѣ“. Всѣ граждане имѣютъ право заниматься промышленностью, торговлей и ремеслами, уничтожаются отдѣльные разряды крестьянъ. Однимъ словомъ, всѣ существующія сословія должны быть „переименованы въ россійскихъ гражданъ“.

Взгляды Пестеля носятъ сильную соціалистическую окраску. Въ своей „Русской Правдѣ“ онъ предоставляетъ каждому гражда-

нину право на пользованіе извѣстнымъ минимумомъ матеріальныхъ благъ. Каждому предоставляется право пользованія государственной землей: никто не можетъ быть исключенъ „отъ сего обладанія“. Для этой цѣли въ каждой волости выдѣляется извѣстная часть общественной волостной земли, и каждый можетъ требовать для своего пользованія одинъ или сколько пожелаетъ участковъ. Размѣръ участка, Пестель предполагалъ, кажется, въ пять десятинъ. Авторъ „Русской Правды“ видѣлъ въ своей аграрной реформѣ „неоцѣнимыя выгоды“: она воспрепятствуетъ появленію нищеты, подниметъ нравственность въ странѣ, уничтожитъ нужду въ переселеніи и т. п., и, кромѣ того, каждая волость составитъ изъ себя какъ бы политическое семейство, въ которомъ гражданинъ получаетъ матеріальное обезпеченіе и осуществляетъ свои политическія права. Разумѣется, для образованія поземельнаго волостного фонда необходима національзація частной поземельной собственности. Пестель полагалъ, что государство имѣетъ право требовать отъ крупныхъ частныхъ собственниковъ безвозмездной уступки половины ихъ земли; средніе же уступаютъ землю честью безвозмездно, частью за плату. Повидимому, Пестель не предполагалъ переходъ мелкой собственности въ государственную.

Пестель проектируетъ, далѣе, установленіе обычныхъ правъ личности, свободы совѣсти, слова; онъ только отказывалъ гражданамъ въ правѣ образовывать частныя общества,—ограниченіе весьма любопытное, ибо исходитъ отъ крупнаго представителя тайнаго общества.

Политическій строй государства Пестель представлялъ себѣ въ такомъ видѣ. Вся страна (въ томъ числѣ и города) раздѣляется на небольшія волости, которыя и являются основнымъ политическимъ и аграрнымъ дѣленіемъ; волость—самоуправляющаяся мѣстная единица. Ея жизнь проявляется въ земскомъ народномъ собраніи, состоящемъ изъ всѣхъ гражданъ и собирающемся для избранія членовъ намѣстныхъ волостныхъ собраній, намѣстныхъ уѣздныхъ собраній и намѣстныхъ же окружныхъ или губернскихъ. Указанные типы намѣстныхъ собраній рѣшаютъ волостныя, уѣздныя или губернскія дѣла, замѣщаютъ по выбору административныя должности въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ, контролируютъ эти правленія и избираютъ присяжныхъ судей. Кромѣ того, окружное намѣстное собраніе избираетъ представителей въ народное

вѣче, т.-е. въ представительное собраніе. Такимъ образомъ, авторъ „Русской Правды“ отказывалъ населенію въ прямомъ избраніи членовъ законодательнаго сословія, предоставляя ему однако широкое участіе въ мѣстномъ самоуправленіи.

Законодательная власть находится у народнаго вѣча, депутаты въ которое избираются на пять лѣтъ, при чемъ часть ихъ подлежитъ ежегодному обновленію. Верховная исполнительная власть ввѣряется верховной думѣ, состоящей изъ пяти лицъ избираемыхъ населеніемъ на пять лѣтъ (порядокъ избранія не опредѣленъ). Державная дума обладаетъ обширною властью. Народное вѣче представляетъ собою нижнюю палату. Кромѣ него въ государствѣ есть верховный соборъ изъ 120 бояръ, избираемыхъ пожизненно народнымъ вѣчемъ изъ губернскихъ кандидатовъ. Законъ, выработанный въ народномъ вѣчѣ, получаетъ силу только съ утвержденія верховнаго собора. Соборъ имѣетъ контролирующую власть надъ всѣмъ центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ.

Такова конституція Пестеля.

Въ идеяхъ декабристовъ и особенно Пестеля общественно-политическое сознаніе Александровской эпохи достигаетъ своего высшаго выраженія. Ими завершается весь сложный процессъ тогдашней русской жизни. Въ царствованіе Александра I, столь богатое внѣшними событіями, Россіи пришлось играть отвѣтственную международную роль и въ то же время заниматься серьезнымъ переустройствомъ своего внутренняго быта. На очереди стояли коренные вопросы жизни, шла борьба отдѣльныхъ общественныхъ группъ на почвѣ ихъ конкретныхъ интересовъ; рядомъ съ упорной защитой стараго выковывались новые соціально-политическіе идеалы. Дѣйствительность Александровской эпохи была такова, что эти идеалы, бывшіе достояніемъ лучшаго, но незначительнаго меньшинства, не могли разсчитывать на реальное осуществленіе. Движеніе, лишенное опоры широкихъ массъ, закончилось катастрофой 14 декабря. Старый порядокъ восторжествовалъ, но Александровская эпоха завѣщала смѣнившему ее періоду двѣ великія проблемы—сдвигъ въ крѣпостномъ вопросѣ въ силу измѣняющихся условій экономической жизни и завоеваніе политической свободы. Рано или поздно жизнь потребуетъ ихъ разрѣшенія.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ.

Мы помѣщаемъ здѣсь, въ виду обширности литературы этого періода, только указанія на важнѣйшую литературу разсмотрѣнныхъ вопросовъ.

Сочиненія общаго характера. *Тимирязевъ.* Александръ I и его эпоха. „Вѣстникъ Европы" 1897 г. т. LXX, 1898 г. т. LXXI г. и т. LXXIV.—*Богдановичъ.* Исторія царствованія императора Александра I и Россія въ его время. Сочиненія автора исторіи отечественной войны 1812 г. VI томовъ. СПБ. 1869—1871 г. г.—*Н. К. Шильдеръ.* Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. IV тома. Изданіе Суворина. СПБ. 1894 г.—*Дубровинъ.* Русская жизнь въ первой четверти XIX столѣтія, статьи въ „Русской Старинѣ", 1896—1902 г. г.—*Его-же.* Послѣ Отечественной войны „Рус. Стар." 1898—99 и 1901—1902 г.—*Вел. Кн. Николай Михайловичъ.* Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга имп. Александра I. СПБ. 1910.—*Его-же.* Переписка Александра I съ сестрой, вел. кн. Екатериной Павловной. СПБ. 1910.—*Пыпинъ.* Общественныя движенія въ царствованіе Александра I, изд. 2.—Исторія Росеіи въ XIX в., изд. Гранатъ.

Объ императорѣ Павлѣ имѣются три обстоятельныя монографіи: *Шильдеръ.* Императоръ Павелъ. СПБ.—*Шумигорскій.* Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. СПБ. 1907 г.—*Кобеко.* Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. СПБ.

О неоффиціальномъ Комитетѣ: см. литературу въ *моей статьѣ:* „Зарожденіе министерствъ въ Россіи и указъ о правахъ Сената 8 сентября 1802 года", въ книгѣ изъ „Исторіи Общественныхъ теченій" въ Россіи", изд. 2-ое К. 1910 г.—Важнѣйшею работою о реформахъ первыхъ годовъ является обширная монографія *Вел. Кн. Николая Михайловича,* Графъ Строгановъ, СПБ. 1903.

Литература о Сперанскомъ въ послѣднее время оживилась. Основнымъ біографическимъ матеріаломъ попрежнему, однако, является книга барона *Корфа*—„Жизнь графа Сперанскаго". Дополненіями къ этой книгѣ служатъ статьи: *П. А. Бычкова,* въ „Русской Старинѣ" за 1902—1903 г. г.: „Изъ бумагъ А. Ф. Бычкова", „Александръ I и его приближенные".—*Южаковъ.* М. М. Сперанскій, его жизнь и дѣятельность.—*С. М. Середонинъ.* Графъ М. М. Сперанскій, очеркъ государственной дѣятельности СПБ. 1909 г. (здѣсь же довольно подробно указана библіографія, но существуютъ значительные пропуски; статья первоначально была напечатана въ „Словарѣ Русскихъ историческихъ дѣятелей").—*С. О. Уманецъ.* Александръ и Сперанскій. СПБ. 1910.—*А. Н. Фатѣевъ.*

М. М. Сперанскій. Харьковъ. 1910.—Записка о обращеніи монетномъ издана отдѣльно Министерствомъ Финансовъ въ 1895 году.—*М. В. Довнаръ-Запольскій.* Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго, въ книгѣ изъ „Исторіи Общественныхъ теченій въ Россіи".—*Бородкинъ.*—Исторія завоеванія Финляндіи. т. I. С.П.Б. 1909.—Указаніе на статьи Дмитріева, Романовича-Славотинскаго, Филиппова, на книгу Вагина можно найти въ указанной литературѣ.—Статья о Сперанскомъ *В. И. Семевскаго* помѣщена въ Сборникѣ „Отечественная война", изд. Сытина.—*Проэкты* Сперанскаго напечатаны въ отдѣльной книжкѣ, изд. „Русской Мысли": „Планъ Государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго". (Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ 1809 г,; съ приложеніемъ „Записки объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи (1803 г.), статей „О государственныхъ установленіяхъ", „О крѣпостныхъ людяхъ" и Пермскаго письма къ Императору Александру. Москва. 1905 г.

Литература о войнѣ 1812 года въ послѣднее время сдѣлалась чрезвычайно обширной. Наиболѣе обширный сборникъ издается подъ редакціей *Дживелегова, Мельгунова* и *Пичета* „Отечественная война и русское общество", юбилейное изданіе Сытина. Въ предыдущей литературѣ помогаетъ разобраться слѣдующее изданіе *К. Военскаго*: Отечественная Война 1812 года въ запискахъ современниковъ. С.-П. 1911 г. (Библіографическій обзоръ).—*Ю. Карцовъ* и *К. Военскій.*—„Причины войны 1812 года. С.П.Б. 1911 г. (въ предисловіи имѣется библіографическій обзоръ).—Во всякомъ случаѣ укажемъ важнѣйшія сочиненія и сборники матеріаловъ:—*Михайловскій-Данилевскій.* Описаніе Отечественной войны 1812 года. Четыре тома. С.П.Б. 1840 г.—*М. П. Богдановичъ.* Исторія Отечественной войны 1812 года. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г., т. 1—2, изд.—*Военскимъ* въ Сборникѣ И. Р. И. Об-ства.—*Вандаль.*—Наполеонъ и Александръ I, т. 1—2 т. русскаго перевода. С.П.Б. 1910—1911 г.г.—*Липранди,* Рус. Арх. 1866, Записки.—*В. Харкевичъ.* 1812 годъ въ дневникахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Матеріалы военно-учебнаго Архива Главнаго Штаба. 6 вып. С.П.Б. 1903 г.—*Дубровинъ.* Отечественная война въ письмахъ современниковъ, С.П.Б. 1882 г.—*Щукинъ.* Бумаги, относящіяся къ Отечественной Войнѣ 1812 года. Десять вып. Москва.—*Булычевъ.* Архивныя свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 года по Калужской губерніи. Калуга 1910 г.—Сборникъ И. Р. И. О. т. 88,89. (Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи).—Статьи извѣстнаго военнаго историка Попова печатались въ „Русской Старинѣ" девяностыхъ годовъ, часть ихъ вышла отдѣльной книгой; подробности см. въ указателѣ Военскаго.—*Поповъ.* Отечественная война 1812 г. 1905 М.—*Ермоловъ.* Записки. М. 1861.—*Погодинъ.* А. П. Ермоловъ—матеріалы для біографіи. М. 1863.—Краткія записи адмирала *Шишкова,* веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти государѣ Александрѣ I въ б. съ французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. С.П.Б. 1832.—Отечественная война въ русской журналистикѣ. Библіогр. сборникъ статей. С.П.Б. 1901 г.—*Каллашъ.* Двѣнадцатый годъ

въ письмахъ современниковъ. С.П.Б. 1912.—О дипломатическихъ сношеніяхъ передъ войной, см. статью—*Мартенса* „Вѣстникъ Европы“ 1905 года, мартъ, апрѣль.—*Татищевъ*. Изъ прошлаго русской дипломатіи.—Записки генерала Чернышева—Сборникъ И. Р. И. О. т. 122.—*Соловьевъ*. Императоръ Александръ I, политика—дипломатія. С.П.Б. 1877 г.—Обширное изданіе дипломатическихъ матеріаловъ выходитъ подъ редакціей *Великаго Кн. Николая Михайловича* „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей передъ 1812 годомъ“, его же, Переписка императора Александра I съ сестрой, великой кн. Екатериной Павловной.—*Остафьевскій Архивъ* кн. *Вяземскихъ*.—*Архивъ Раевскихъ*.—Записки *Бакуниной* въ „Рус. Стар.“ 1874 г.—*Жигаревъ*. Россія въ средѣ европейскихъ народовъ по даннымъ исторіи международныхъ общеній и права въ XVIII—XIX в. в. С.П.Б. 1910 г.—*Надлеръ*. Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза. Рига 1886—1892 г. г.—*Даневскій*. Система политическаго равновѣсія и легитимизма. С.П.Б. 1882.—*Надлеръ*. Меттернихъ и Европейская реакція. Харьковъ. 1882 г.—*Мартенсъ*. Россія и Англія въ XIX вѣкѣ. „Вѣстникъ Европы“ 1894, № 10 и 11.—*Леттовъ фонъ Форбекъ*. Исторія войны 1806—7 г. г. Варшава. 1898. 4 тома.—Генералъ *Лееръ*. Война 1805 г. С.П.Б. 1888.

О литературныхъ направленіяхъ эпохи существуетъ спеціальная обширная литература. Сдѣлаемъ нѣсколько наиболѣе необходимыхъ указаній:—*А. П. Пятковскій*. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографіи и критическія статьи. Въ двухъ томахъ. С.-П.Б. 1876 г.—*Н. Н. Буличъ*. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. С.-П.Б.—*А. М. Скабичевскій*. Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863). С.-П.Б. 1892 г.—*Пыпинъ*. Исторія русской литературы.—*Весинъ*. Очерки исторіи русской журналистики XX годовъ. С.-П.Б. 1881 г.—Записка Карамзина напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“, 1870 г.—Кромѣ обширной монографіи Погодина о Карамзинѣ, укажемъ на его же статьи въ „Вѣстникѣ Европы“, 1866 г. томы 2, 4, 11.—О *Шишковѣ* можно найти у Кочубинскаго: Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—1888 г. и въ „Историческихъ сочиненіяхъ“. *В. Стоюнина*. Ч. I, С.-П.Б. 1880 г.—Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изданіе Киселева и Самарина. Берлинъ, 1870 г.—Исторія русской литературы XIX вѣка подъ редакціей *Овсянико-Куликовскаго*.—Ко дню столѣтней годовщины рожденія М. М. Карамзина; письма М. М. Карамзина къ Дмитріеву.—Письма Карамзина къ князю Вяземскому—„Старина и Новизна“.—„Московскій Журналъ“.—*Котляревскій*. Литературныя направленія Александровской эпохи С.-Б.П. 1907.—*Милюковъ*. Главныя теченія русской исторической мысли. Ч. I, М. 1892.—*Сидоровъ*. Литературное общество „Арзамасъ“ Ж. М. Н. Пр. 1901—6—7.—*Кирпичниковъ*. Новые матеріалы для исторіи „Арзамаса“ „Р. Стар.“ 1899, № 5.—*Погодинъ*. Карамзинъ. М. 1866.—Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ 1899—1910. Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Изд. Ак. наукъ Вып. I и II. С.-П.Б. 1911.—Пуш-

кинъ и его современники. Изд. Ком. для изд. сочин. Пушкина. С.-П.Б. 1904—11. 10 выпусковъ.—*Пыпинъ*. Госпожа Крюднеръ. „Вѣстн. Евр.“ 1869 г. 8—9. Упомян. сочин. Надлера объ Александрѣ I.

Мистицизму посвящена обширная литература. Главнѣйшія указанія о масонствѣ можно найти въ книгѣ *Т. Соколовской* „Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія. С.-П.Б. 1909.—*В. Н. Терлецкій*. Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Полтава 1911 г.—Наиболѣе обширными работами являются изслѣдованіе—*А. Н. Пыпина*. „Вѣстникъ Европы“ 1868, кн. 3 и 4, 1872 г., іюль.—*Пыпинъ*. Хронологическій указатель русскихъ ложъ—*Т. Соколовская*. Списокъ офицеровъ русской арміи, признавшихъ свою принадлежность къ масонству. С.-П.Б. 1907 г.—Обширный матеріалъ заключается въ статьѣ *Дубровина* „Наши мистики и сектанты“, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“.—*В. И. Семевскій*. „Декабристы-масоны“ въ журналѣ „Минувшіе Годы“, 1908 г. № 2 и 3, 5 и 6 съ подробнымъ указаніемъ литературы русскаго масонства.—Воспоминанія Лабзиной съ предисловіемъ Модзалевскаго. С.-П.Б. 1903.—*Ивашинъ*. Къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII—XIX в. „Р. Старинѣ“ 1872 IX X.—*Терновскій*. Матеріалы для исторіи мистицизма. Труды Кіев. Дух. Ак. 1863.—*Кульманъ*. Къ исторіи масонства въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1907, 10.—*Дмитріевъ*. Воспоминаніе о Лабзинѣ „Р. Старина“ 1866, № VI.—*Лабзинъ* и его ссылка. Р. Архивъ 1686, I—II. Записки *Глинки*. С.-П.Б. 1895.—*Панаевъ*. Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ „В. Евр.“ 1872. II—V, XI—XII.—О масонской ложѣ соединенныхъ славянъ—„Р. Старина“ 1878, январь.—*Соколовская*. Изъ исторіи масонской ложи „Палестина“ „Р.Стар.“ 1907, X.—*Ея же*. О масонствѣ въ прежнемъ русскомъ флотѣ. С.-П.Б. 1907.—*Безсоновъ*. Лабзинъ. „Р. Арх.“ 1866, VI.—*Ешевскій*. Московскіе масоны. „Р. Вѣст.“ 1864—VIII.—*Соколовская*. Іоанновъ день—масонскій праздникъ. Море, 1906, 23—24.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ „Руск. Стар.“ 1877—XVIII, за 1912 № 3.

О Библейскомъ Обществѣ: *Пыпинъ*. Россійское Библейское Общество. „Вѣстникъ Европы“. 1868 г. Томы 4, 5, 6.—*Чистовичъ*. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія духовныхъ училищъ. С.-П.Б. 1894 г.—Объ архимандритѣ Фотіи см. статью *Миропольскаго*: Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ, историко-біографическій очеркъ. „Вѣстникъ Европы“, 1878 г. ноябрь, декабрь, и многочисленныя статьи въ „Русской Старинѣ“, и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“—среди нихъ автобіографія Фотія, „Р. Стар.“ 1894—3, 5, 7, 9—10; 1892,—3, 7, 8 11—12; 1896—7—8.—Бороздинъ. Кончина гр. Орловой „Р. Стар.“ 1875 ч. XIV.—*Европеусъ*. Встрѣча съ Фотіемъ „Р. Стар.“ 1875. Ч. XIV.—*Моришкинъ*. Воспоминанія о Фотіи Р. Стар. 1876. Ч. XVII.—*Карновичъ*. Архимандритъ Фотій. „Р. Стар.“ 1875—XIII.

Исторія университетовъ за данный періодъ хорошо представлена. Кромѣ устарѣвшей исторіи Московскаго университета покойнаго Шевырева, имѣются:—*Н. Булича*. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. Часть 1 и 2. Казань, 1887—1891 г.—*Н. П. Загоскина*. Исторія

Казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія. 1804—1904 г. Вышло 4 тома. Казань 1903 г.—*Д. И. Багалѣя.* Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Вышло два тома.—*В. С. Иконниковъ.* Р. университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. „В. Евр.“ 1876.—*Григорьевъ.* Исторія Петербургскаго университета.—*Рождественскій.* Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія. С.П.Б. 1902 г. Уже по отпечатаніи этой книги вышла объемистая монографія того же автора: „Исторія системъ народнаго образованія въ Россіи“.—По исторіи средней и низшей школы см: *Довнаръ-Запольскій.* „Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II, въ книгѣ „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи“.—*Вороновъ.* Исторія С.-Петербургскаго Учебнаго Округа. *Каллашъ.* Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. Москва. 1902 г.—*Демковъ.* Исторія русской педагогіи.—*Ферлюдинъ.* Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Вып. I. Саратовъ 1894 г. Сборникъ постановленій по мин. народ. просвѣщ. С.П.Б. 1864. Сборникъ матерьяловъ по исторіи Министр. Народ. Просв.

Біографія Магницкаго написана *Ѳеоктистовымъ* (первоначально помѣщена въ „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, С.П.Б. 1866 г.). Очень важной книгой, характеризующей направленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и дѣятельность Магницкаго, является сочиненіе академика *Сухомлинова*: Историческія изслѣдованія и статьи. С.П.Б.—Кромѣ того, о Магницкомъ см. статьи въ „Русской Старинѣ“, 1874 г., октябрь. 1875 г., ноябрь; „Русскій Архивъ“, 1876 г. томъ II, 1877 г., томъ II, 1880 г. томъ III; „Вѣстникъ Европы“, 1867 г. (Воспоминанія Панаева). О князѣ *Голицынѣ,* см. разсказы Голицына, „Русская Старина“, 1884 г., томъ 41; Записки *Стурдзы,* „Русская Старина“, 1876 г., февраль. Записки Греча.—Fürst. Golitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths von Götze. Leipzig. 1882.—*Барсовъ* Архимандритъ Фотій и Голицынъ. „Р. Старина“ 1881.—*Карповичъ.* Князь Голицынъ и его время. „Истор. Вѣстн.“ 1882—IV—V.

По исторіи цензуры укажемъ: *Н. Энгельгардтъ.* Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати. (1703—1903). С.П.Б. 1904 г.—*Скабичевскій.* Очерки исторіи русской цензуры. (1700—1863) Изд. Павленкова. С.П.Б. 1892 г.—*Котовичъ.* Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 г. г.) С.П.Б. 1909 г.—Кромѣ того см. въ упомянутыхъ соч. *Пятковскаго, Сухомлинова* и др.

Наиболѣе важными статьями объ Аракчеевѣ являются:—Ратчъ. Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ. С.П.Б. 1864 г. (Изъ „Военнаго Сборника“).—Статьи *Карцева* о военныхъ поселеніяхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1891 г. № № 2, 3 и 4.—*Богуславскій.* Аракчеевщина. С.П.Б. 1882 г. О Грузинскомъ хозяйствѣ Аракчеева, статья *Отто*—„Древняя и Новая Россія“, 1875 г., кн. 1, 2, 3.—Матеріалы для новѣйшей русской исторіи. Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. С.П.Б. 1870 г.—Записки Мартоса въ „Русскомъ Архивѣ“, 1893 г.—А. Г. Слезкинскій. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831—

1893 г. г.—Рядъ матеріаловъ по исторіи военныхъ поселеній помѣщенъ въ „Новгородскомъ Статистическомъ Сборникѣ“, издававшемся Богословскимъ.—Изъ многочисленныхъ статей, помѣщавшихся въ историческихъ журналахъ, укажемъ лишь на нѣкоторыя: Александровъ. О военныхъ поселеніяхъ, „Русскій архивъ“, 1873 г. Разсказы доктора *Европеуса*, „Историческій Вѣстникъ“. 1887 г., сентябрь. Времена военныхъ поселеній (изъ разсказовъ бывшаго военнаго поселянина) И. П. *Можайскаго*. „Историческій Вѣстникъ“, 1886 г. августъ. Эпизодъ изъ бунта военныхъ поселянъ въ 1831 г. *И. Поддубнаго*, тамъ же 1883 г., августъ. Гр. Сперанскій и Аракчеевъ „Р. Старина“ 1897. (Воспоминанія Батюшкова). Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г. П. Павлова. 1893 г., мартъ.—Разсказы *Европеуса* въ „Русской Старинѣ“, 1872 г.—См. въ томъ же журналѣ статьи, 1885 г. январь, ноябрь.—*Кизеветтеръ*. Императоръ Александръ I и Аракчеевъ въ книгѣ „Историческіе очерки“. Москва 1912 г.—*Шубинскій*. Молодость графа Аракчеева въ Историческихъ очеркахъ и разсказахъ. С.П.Б. 1903 г.—Новѣйшая біографія Аракчеева въ Словарѣ Русскихъ Историческихъ дѣятелей, тамъ же помѣщена литература вопроса, съ большими, однако, пропусками.—*Маевскій*, Мой Вѣкъ. „Р. Старина“ 1873 г.—*Граббе*. Воспоминанія „Р. Старины“ 1875 г.—Фонъ-Брадке. Воспоминанія. „Р. Арх.“ 1875.—*Фишеръ*. Записки. „Истор. Вѣстн.“ 1868.—*Эйлеръ*. Записки „Р. Арх.“ 1880.

Исторія высшихъ учрежденій въ настоящее время хорошо представлена: юбилейными изданіями по исторіи министерствъ, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената. Изъ отдѣльныхъ монографій укажемъ: *Покровскій*. Министерская власть въ Россіи, Ярославль. 1906 г.—*Щегловъ*. Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I. Вып. I. Ярославль. 1895 г.—*Его же*. Государственный Совѣтъ въ Россіи. Ярославль 1903 г.—*С. А. Корфъ*. Административная юстиція въ Россіи. Т. I, С.-П.Б. 1910 г.—*С. М. Середонинъ*. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Т. I. С.-П.Б. 1902 г.—*Тельбергъ*. Сенатъ и „право представленія на высочайшіе указы“ въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія 1910 г. январь, С.-П.Б. 1910 г. *Его же*. „Происхожденіе комитета Министровъ въ Россіи“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1907 г., кн. 3.—Вел. князь Николай Михайловичъ. „Гр. Строгановъ“ Изслѣдованіе эпохи Александра I. 3 тома. С.-П.Б. 1903.—Журналы Комитета министровъ, подъ ред. Куломзина, С.-П.Б. 1896.—*Анучинъ*. Исторія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи.—*Блиновъ*. Губернаторы. — *Дубасовъ*. Тамбовская Старина.—Memoires d'un prince Adam Czartoryskie et sa korrespondence avec l'empereur Alexandre I. Preface de m. Charles de Mazade de l'academie française. P. 1887, 2 тома (Извлеченія въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1896 г.).—*Козловскій*. Александръ I и Джефферсонъ—„Русская Мысль“ 1910, № 10.—Архивъ кн Воронцова.—*Державинъ*. Записки. М. 1857.—*Заблоцкій-Десятовскій*. Гр. Киселевъ и его время С.-П.Б. 1882.

Исторія русскаго дворянства представлена: въ книгѣ Корфа. Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 годовъ.

С.-П.Б. 1886 г.—*Романовичъ-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи.—*Яблочковъ.* Исторія дворянскаго сословія въ Россіи.—**О городскомъ класѣ см.**—*Дитятинъ.* Городское самоуправленіе въ Россіи. Ярославль—1877 г.

Объ экономическомъ строѣ и финансовой политикѣ, кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ соч. укажемъ: *Довнаръ-Запольскій.* „На зарѣ крестьянской свободы". Кіевъ, 1911.—*Покровскій.* Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи. Т. I. С.-П.Б. 1902 г.—*Печеринъ.* Историческій обзоръ росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 годъ включительно. С.-П.Б. 1896.—*Бліохъ.* Финансы въ Россіи въ XIX столѣтіи. - *Мигулинъ.* Русскій государственный кредитъ.—*Небольсинъ.* Статистическіе очерки.—*Лященко.* Очерки аграрной эволюціи Россіи. С.-П.Б. 1908 г. - *Семеновъ.* Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности. Т. 3. С.-П.Б. 1859 г.—*Лодыженскій.* Исторія русскаго таможенго тарифа. С.-П.Б. 1885.—*Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. С.-П.Б. 1909.—*Гурьевъ.* Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX в.—*В. Витчевскій.* Торговля, таможення и промышленная политика Россіи. С.-П.Б. 1909.

Литература о декабристахъ: *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Идеалы декабристовъ. М. 1907.—*М. В. Довнаръ-Запольскій.* Тайное общество декабристовъ. М. 1907.—*М. В. Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ К. 1907.—*В. И. Семевскій.* Политическія и общественныя идеи декабристовъ. С.-П.Б. 1909.—*Бороздинъ.* Изъ писемъ и показаній декабристовъ. С.-П.Б. 1906.—*Н. П. Павловъ-Сильванскій.* Пестель, во 2 т. собранія сочиненій.—*Его-же.* Пестель предъ уголовнымъ судомъ. С.-П.Б. 1908.—Рядъ работъ проф. *Котляревскаго.* Декабристы Одоевскій и Бестужевъ, С.-П.Б. 1907. Рылѣевъ. С.-П.Б. 1907. Литературная дѣятельность декабристовъ, въ „Рус. Богат." 1901 г.—Общественныя движенія въ Россіи въ XIX в., подъ редакціей *В. И. Семевскаго*, Богучарскаго, Щеголева. С.-П.Б. 1905.—Библіотека декабристовъ (изд. Балицкаго). М. —„Русская Правда" Пестеля издана Щеголевымъ. — *Щеголевъ.* Грибоѣдовъ и декабристы. С.-П.Б. 1905. *Масловъ.* Литературная дѣятельность Рылѣева. К. 1912.—Наиболѣе обстоятельныя записки декабристовъ: Завалишина, Басаргина (XIX вѣка, изд. Бартеневымъ), Трубецкаго, Волконскаго, Волконской, Бѣляева, Лорера, Якушкина, Розена, Горбачевскаго.

LIBRARY
APR
18
19
UNIVERSITY
OF TORONTO

Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ. Статистическіе очерки Сѣверо-Западнаго края. Кустарные промыслы Минской губерніи).

Бѣлорусское полѣсье. Этнографическій сборникъ. Т. I. К. 1895 г.

Торговля и Промышленность Москвы XVI—XVII в. в. М. 1910 г.

На зарѣ крестьянской свободы. Публичныя чтенія о крѣпостномъ правѣ наканунѣ раскрѣпощенія и краткій ходъ реформы. К. 1911 г.

Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. К. 1911 г.

Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Изд. 2. К. 1910.

(Статьи: Эпоха императора Александра I. Зарожденіе министерствъ въ Россіи и указъ о правахъ Сената 8-го сентября 1802 г. Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Новыя записки декабриста. Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX в. в. Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторіографіи. Историческіе взгляды В. Б. Антоновича. Т. Н. Грановскій. Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II. Историческая памятка о Черниговѣ).

Ближайшія задачи русскаго экспорта. К. 1912 г.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ, составленная при участіи профессоровъ и преподавателей, подъ редакціей М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I (2-ое изданіе). М. 1910 г.

Томъ 2-й. М. 1910 г.

Томъ 3-й. К. 1912 г.

Описаніе актовъ собранія графа А. С. Уварова. Акты историческіе, описанные Н. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ, подъ редакціей М. В. Довнаръ-Запольскаго. М. 1905 г.

ц. 40 р.

2=

Книгу можно получать у кассира Кіевскаго Коммерческаго Института, Бибиковскій бульв., № 24.

BINDING SECT. SEP 26 1979

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
189
D6
t.1

Dovnar-Zapol'kii, Mitrofan Viktorovich
Obzor novieishei russkoi istorii

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 18 12 014 6